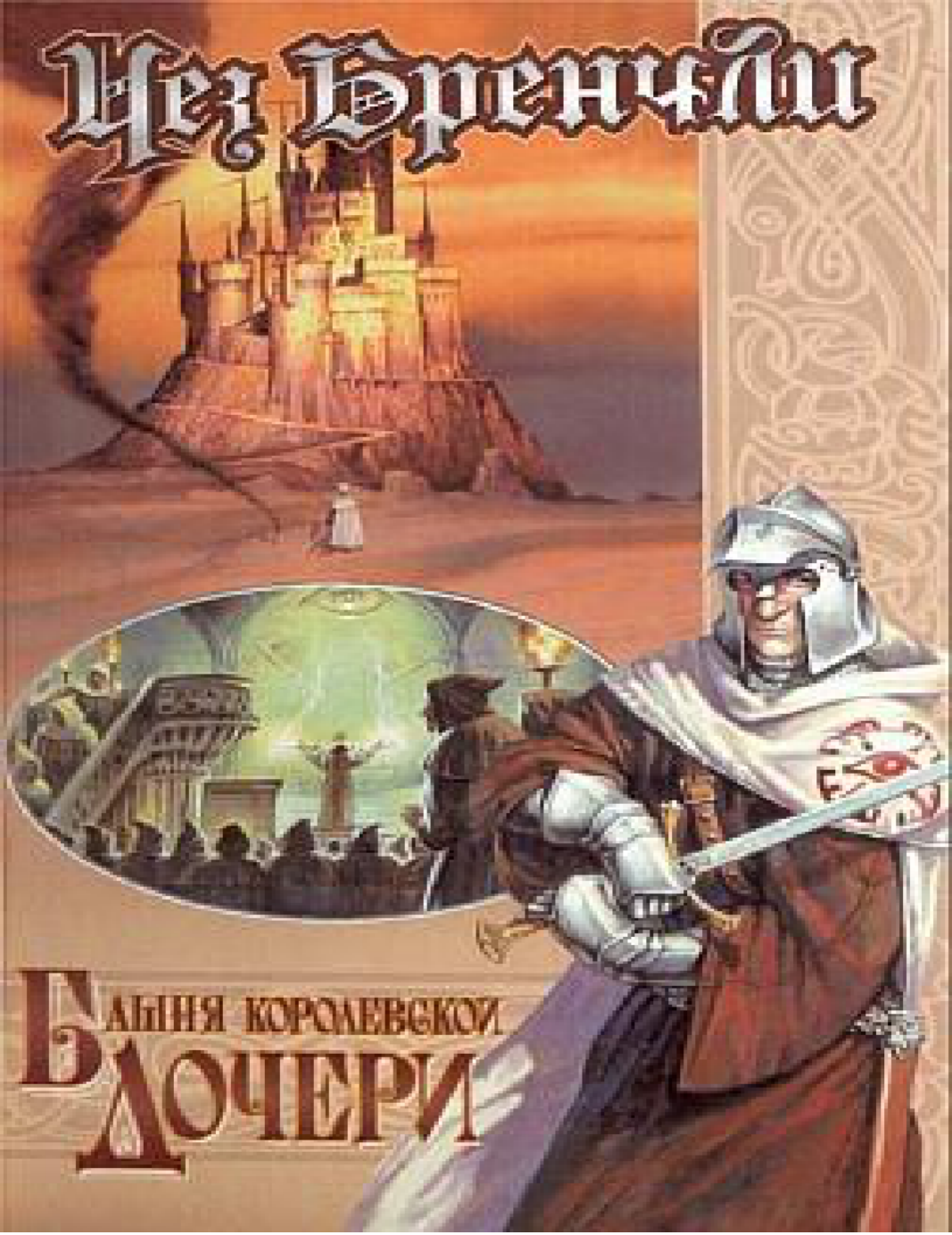
Цех Ереничли



Башня королевской дочери

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это — Чужеземье. Мир, где за ересь убивают и умирают. Мир, где король — лишь “первый среди равных”. Мир, что разделён был некогда на пять частей, однако живёт лишь частями четырьмя. А пятая часть мира — часть магическая — намертво замкнута, в высоте волшебства своего, внутри себя… Это — Чужеземье. Мир, в коем юной принцессе Джулианне надлежит исполнить великий и страшный жребий. Ибо лишь королевской дочери, что носит высокий титул — “дочь королевской тени”, — под силу проникнуть в неприступную Башню Королевской Дочери — и провести туда воина, способного, согласно древнему пророчеству, овладеть таинственным всесильным оружием... Это — Чужеземье. Мир, судьбу коего изменят двое…

- Чез Бренчли
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ 1. СМЕРТЕЛЬНО ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ
    - ■ 2. ДЕМОН В ПЫЛИ
    - ■ 3. НИ ДОЧЕРИ, НИ ДВЕРИ
    - ■ 4. КАК ВЫСОКО, КАК ДАЛЕКО ВНИЗУ…
    - ■ 5. ТАКОЕ СЛУЧАЕТСЯ
    - ■ 6. ВЕРШИНЫ БЕЗРАССУДСТВА
    - ■ 7. ЧТО ПРИШЛОСЬ НЕСТИ
    - ■ 8. СКРЫТОЕ И ПОТЕРЯННОЕ
    - ■ 9. БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ
  - ○ Часть вторая
    - ■ 10. ВО ТЬМЕ
    - ■ 11. НОЧЬ КРОВИ
    - ■ 12. СВЕТ ПРАВОСУДИЯ
    - ■ 13. ТУДА, КУДА ТЕБЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО
    - ■ 14. ГНИЛЬ В КРОВИ
    - ■ 15. СИЛКИ В СУМЕРКАХ И НА СОЛНЦЕ
    - ■ 16. ЧЕСТНО ГОВОРЯ
    - ■ 17. ГДЕ ДОЛЖНО ЕЙ
    - ■ 18. ЧЕСТЬ СНИМАЕТСЯ С ОДЕЖДОЙ
    - ■ 19. ДВЕРЬ И ДОЧЬ
    - ■ 20. ОДЕРЖИМЫЙ
- notes
  - ○ 1

Чез Бренчли
Башня Королевской Дочери

Cher a tort ses fieuz saiziz;
Bien et devums aveir dolur,
Cher la fud Deu primes servi
E reconnu pur segnuur.

Песня крестоносцев, ок. 1143 г.

Что бы ни говорила церковь, что бы ни считал народ, но Королевство создали младшие сыновья, безземельные и обделённые.

Они уже сами стали отцами, и их безземельные младшие сыновья обращали взоры на север, на восток и на запад, ибо тесной перчаткой было для них Чужеземье, и не было для них нерушимых границ — ни внутренних, ни внешних.

«Королевство Молота» — так они называли свою страну в бесконечных беседах на полночных пирах в замках своих отцов, и не столько за её очертания, сколько от нетерпеливого желания увидеть, как ударит этот молот, выбивая новые земли для своих сыновей.

Однако церковь проповедовала довольство, и её служители повторяли: «У нас есть то, за чем мы пришли сюда», а отцы проповедовали осмотрительность и осторожность, говоря: «У нас есть ровно столько, сколько мы в силах удержать».

А самые мудрые среди них, церковники, отцы, младшие сыновья — или дочери, — видели свою страну такой, какой она была, и знали, что Королевство даже не едино, есть только единый Король да пустые клятвы верности. Слишком они были неуживчивы, эти изгнанники, эти семьи, позабывшие о родстве, и вместо Королевства были четыре провинции — четыре и ещё одна, но закрытая навеки; Свёрнутая и не называемая, вырезанная из карт и памяти. Вечно грызущиеся между собой провинции, вечно воюющие с окружающим миром.

Нет, говорили мудрейшие, так долго не протянется. Так не выжить. Ещё, быть может, лет сто, и Чужеземье падёт. Сто лет, и не больше…

Часть первая
ПУТЬ В РОК-ДЕ-РАНСОН

1. СМЕРТЕЛЬНО ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

«Зачем нам Аскариэль?» — не в первый уже раз подумал Маррон, вслед за товарищами преклоняя колени в Зале Королевского Ока. Зачем его бесконечные предки сражались и умирали ради обладания золотым городом, мечтой жрецов и королей, если и без того оказывалось, что он у них в руках? Когда все мечты, все смерти и даже сама Великая Цель могли появиться в пустой сырой комнате, высеченной в камне, в комнате, где толстый потный монах посреди толстых запотевших стен вызывает настоящие чудеса с помощью всего одной свечки и заклинаний?

Конечно, подобные мысли были ересью. Следовало покаяться в них и понести должную епитимью, однако Маррон совсем недавно прибыл издалека, из гораздо более спокойной благословенной страны, где магия исчерпывалась сменой времён года. Он был ошеломлён чудесами, в голове непривычно шумело, слова и мысли выскакивали непроизвольно, и он решил, что обе души Бога его простят.

Кроме того, только вчера отряд сжёг целую деревню еретиков, и Маррон боялся исповедника.

Он помнил, что даже тогда, в жаркой спешке, под невыносимой слепящей жарой все воспринималось как праздник. Это не было исполнением Божьей воли, нет, просто надо было как-то выплеснуть сумасшедшую радость от окончания долгого пути, от того, что новый дом уже виден впереди. Слишком долго они жили в сёдлах, слишком рано пришлось высадиться на берег из-за бури, они много дней подряд ели одни сухари, спали на пыльной земле и все шли и шли вперёд. Яростное солнце чужих холмов жгло тела, и кожа спекалась, как дорога, по которой стучали копыта коней. Закипела ярость старых обетов, а залежавшиеся в ножнах мечи запросились наружу, словно их обуревала та же жажда, что и людей.

И вот как-то утром фра Пиет увёл их с дороги, пообещав приход в замок к завтрашнему закату и работу для Бога — сейчас; они пошли за ним в холмы и шли до тех пор, пока не увидели под палящим солнцем две дюжины хижин с выпуклыми крышами и грязными известковыми стенами, колодец, а в центре деревни было её сердце — храм тёсаного камня. На изъеденной непогодой двери храма были начертаны еретические знаки. Слепые Очи, двойная петля, символизировавшая Господа Разделённого, но кольца были закрашены в знак того, что всевидящее око Бога закрыто отныне и навеки. Фра Пиет предупреждал, что здесь

можно увидеть и худшее, тот же знак с подрисованными внизу ресницами, обозначающими, что Господь спит; однако это было бы уже явным вызовом, отзвуком катарского восстания. А кружки на двери храма были чем-то совсем другим.

Это была ересь Кораша, утверждавшего, что Господь действительно шёл по раздвоенному пути, однако не обращал внимания на смертных и не заботился об их делах на земле. И хотя Кораш получил очищение огнём, а его кости смололи в пыль двести лет назад, у него до сих пор были свои приверженцы — например, вот эта деревня, затерявшаяся в горах и не внимающая голосу истинной церкви. Так не раз говорили Маррону и его новым братьям по клятве — и это оказалось правдой.

Они въехали в деревню — три дюжины человек, уставших от долгого пути и жаждущих отнюдь не воды. Изуродованными руками фра Пиет занёс топор и опустил его на богохульный знак; и это его хриплый голос призвал предать деревню огню и мечу, это его топор поразил на ступенях храма еретика-священника в чёрной мантии. После этого фра Пиет только смотрел, сидя на своём коне. Позже Маррон подумал, что это могла быть проверка или испытание, а может быть, крещение кровью.

Да, что-то там было от крещения, думал он сейчас, от крещения и от первого обряда. А сейчас и здесь, под замком, наступило его завершение — чудо, дарованное Королевским Оком.

В тот день они почти сошли с ума — молодые люди, обезумевшие от безжалостного раскалённого солнца. Они тогда кричали — громче женщин и детей; теперь же они замерли, скованные благоговением. Они были живыми эмблемами Господа, поворачивающиеся то одной, то другой стороной, вечно идущие двумя путями — ярости и безмятежности. И всякий раз их тянуло к середине, к Голове Господней, и всякий раз они отклонялись от неё…

Отряд прибыл меньше часа назад. Бойцы въехали на крутой холм и вступили в ворота грозного своим великолепием замка, поднялись по широким ступеням и длинному наклонному коридору, измотанные, как их кони, измазанные уже не только дорожной пылью. Во дворе у внутреннего рва худые черноволосые юноши — рабы-шарайцы, сказал кто-то — забрали у них лошадей и поклажу. Не успевшим ни переодеться, ни смыть с лиц пыль братьям было приказано молчать, хотя они и так молчали, а потом их повели по следующему подъёму, слишком узкому для лошадей, и наконец позволили войти в замок. Здесь путь пошёл под уклон. Они спускались все ниже и ниже, окончательно запутавшись в лабиринте винтовых лестниц и плохо освещённых

коридоров, дрожа от неожиданного холодка и неуверенности.

Наконец кедровая дверь, обитая железом, а за ней — вот это. Ничего похожего на огромные залы и анфилады колонн, о которых слышали, хоть никогда и не видели эти люди, зажатые, как пузырьки воздуха, каменной толщей над головой. Им показалось, что они увязли в камне, словно мухи в янтаре — всего один отряд уже заполнил комнату целиком. Когда они, встав неровным кругом, преклонили колена, каждый оказался прижатым к соседу — однако здесь человеческое прикосновение приносило только облегчение. Даже запах давно немытых тел братьев и тяжёлая вонь пропотевшей шерстяной одежды помогали Маррону уцепиться за что-то, за реальный мир в этом месте чудес, где странно смешались ужас и изумление.

«Что это?» — должно быть, спрашивали про себя братья, едва войдя в комнату вслед за братом, несущим факел. Никто не произнёс вопроса вслух, однако он читался в глазах братьев, в их взглядах друг на друга, на грубые стены и неровный пол. Кое-кто даже дотронулся до сырого камня и поднёс увлажнённые пальцы к пыльным губам. Маррон и сам сделал так же, однако в следующее мгновение едва удержался, чтобы не сплюнуть. Вместо этого пришлось сглотнуть, хотя горло сжалось от тухлого привкуса.

Монах с факелом, фра Тумис, жестом приказал им встать в круг и преклонить колена. Его лицо с тяжёлой челюстью подозрительно хмурилось, а взгляд узких глаз перебегал от одного коленопреклонённого монаха к другому, ища малейшие признаки неповиновения или нежелания выполнять приказ. Не заметив ничего подобного, он наконец заговорил сам, но произнёс только:

— Это Зал Королевского Ока.

Его слова ничего не говорили новым братьям.

Потом фра Тумис подошёл к единственному предмету в комнате: железному треножнику со свечой, свитой из четырёх свечек потоньше — двух белых и двух чёрных.

Фра Тумис факелом зажёг все четыре фитиля и передал свечу фра Пиету через головы коленопреклонённых монахов. Тот вынес её из комнаты и закрыл за собой дверь.

Когда щеколда клацнула, по спине Маррона пробежал холодок, не имевший ничего общего с холодным сырым воздухом. Фра Пиет внушал ему страх, однако страх этот был порождён мудростью и знанием, долгими неделями путешествия в обществе этого человека и тем часом, когда Маррона поглотило его безумие, внушённое самим Господом. Маррон понимал этот страх и умел с ним жить; бояться фра Пиета требовал здравый смысл.

Здесь было иное. Вместе со своими ничего не понимающими и испуганными братьями Маррон оказался тут, чужой этой земле и её жизни. Всего несколько месяцев назад его братья были фермерами, ремесленниками и батраками в совсем другом мире. Фра Пиет был мостиком, связывавшим их с прошлым; он был их наставником, пусть даже суровым и чрезмерно усердным; он был скалой в бурном, опасном, изменчивом море. И вдруг он бросил их, отдал в руки кому-то неизвестному, запер в этой рукодельной комнате-пещере. А фра Тумис казался не то скучающим, не то высокомерным, однако совсем не страшным; и всё же Маррон боялся его и того, что он намеревался сделать.

Намерения фра Тумиса оставались загадкой; в шевелящихся тенях не было толком видно, что он делал. А уж после того, как он, оглядев круг, взмахнул рукой, заставив испуганных и любопытных солдат упереться взглядами в чёрный камень пола, — после этого наблюдать за ним стало ещё труднее.

Маррон послушно опустил голову, но ни своя, ни чужая воля не могли заставить его не смотреть. Он отважился мимолётно взглянуть вверх и заметил, что фра Тумис простирает ладони над колеблющимся пламенем свечи и почти охватывает его пальцами. Маррону показалось, что пухлые руки оказались слишком близко к огню, что сейчас раздастся запах горящего мяса и крик боли.

Однако Тумис начал негромко читать заклинания, и голос его был спокоен. Маррон не знал ни слов, ни языка. Точно так же он не знал, почему в комнате стало светлее, а не темнее, когда руки Тумиса полностью окружили свечу. Но был свет, ослепительный белый свет, заставивший солдат зажмуриться и зашипеть, свет, от которого сосед Маррона — «Олдо, собственной твоей шкуры ради, не шевелись!» — застонал и натянул на лицо капюшон, заслоняя глаза.

«Свет, — говорили солдатам, — это главный знак Господней справедливости, знак того, что половину времени мы идём на свету, а половину — во тьме. Это дар Его нам, дабы мы могли разглядеть дорогу к истине, и он же — орудие Его правосудия, дабы другие видели наш грех».

Такого света Маррон никогда прежде не видел, а в его собственной теологии свету места не было. Этот свет прочертил в воздухе золотые и алые линии — и теперь зашевелился не только Олдо. Монахи чертили перед собой знаки Господа, больше от суеверия, чем в молитве, как подумалось Маррону, но лишь мимолётный взгляд бросил он на братьев, и тут же снова обряд овладел его глазами и мыслями.

Яркий свет исходил, по-видимому, от свечи. Пламя вставало вокруг неё как стекло, как раскалённые добела стеклянные

стержни, так оно было твёрдо и так недвижно. На стены комнаты легли тени, хотя Тумис уже отвёл ладони. Теперь он стоял в тени, несмотря на то что от свечи его отделял какой-нибудь шаг. Тонкие всепроникающие лучи света, похожие на натянутые шёлковые нити, падали в самую середину образованного братьями круга — и сплетались в чудеса.

«Вы узрите чудеса, — говорили братьям, отправляя их в Святую Землю, — вы узрите чудеса и чудовищ. Готовьтесь».

Но как можно было подготовиться к такому?

— Это — Королевское Око, — произнёс фра Тумис в напряжённой тишине. — По милости Господней, королю дано видеть всю свою страну во имя Его, дабы охранять рубежи от врагов Божьих, а сердца — от ереси. В милосердии к своим подданным король поделился этим даром со служителями Воинствующей Церкви, чтобы они могли лучше выполнять свой долг.

В милосердии? Маррон не был в этом уверен. По его спине бежал холодный пот, а пальцы подрагивали от биения крови. За последние два дня он уже во второй раз был поражён в самое сердце, но этот поразивший сердце клинок был лишь наполовину изумлением. А на другую половину — чистым ужасом.

Золотые линии вились в воздухе, сливаясь в золотые листы, а листы выстраивались в стены, купола и минареты. Свет образовывал дворцы и храмы, миниатюрные, как золотая игрушка принцессы, только игрушка эта жгла глаза и мозг, подобно раскалённому тавру, да ещё висела в воздухе на локоть от пола.

— Это Дир ал-Шахан в Аскариэле, — произнёс Тумис. — Это был самый большой храм в годы правления Экхеда. Его собирались разрушить, — казалось, он едва не сказал «его следовало разрушить», — когда Господь даровал нам победу. Однако король рассудил иначе и забрал храм себе. Там теперь его дворец, средоточие его власти.

Дворец поворачивался в воздухе так быстро, что был виден одновременно со всех сторон. Пока он вертелся, из света возникли другие здания, улицы, обширные сады на крутых склонах, река…

— Это Аскариэль, — сказал Тумис, когда перед братьями возник сияющий золотом город на высоком холме.

«Так зачем же тогда нам нужен реальный мир, зачем нужны все эти смерти?» — подумал Маррон.

В библиотеке большого аббатства, где Маррон принёс свой обет, ему случалось видеть карты. Он даже видел карту этих самых земель, хотя она была шарайской работы, захваченная при взятии Аскариэля и присланная аббату в дар. Маррон так и не

смог её прочесть. Старшие братья, понимавшие причудливые знаки, показали ему святой город. На карте он выглядел всего лишь чернильным пятнышком, однако Маррона охватил трепет, когда он коснулся значка пальцем и прошептал: «Аскариэль!»

А это — это было больше, чем карта, больше даже, чем рисунок из волшебного света. Это была сама святая земля в расцвете своей славы. Маррон даже словно бы увидел стражей вокруг королевского дворца, людей на улицах, лошадей и повозки на шумном рынке. Сквозь открытые ворота города медленно текло нечто, похожее на нить бус с золотистым отливом; Маррон понял, что это торговый караван.

Фра Тумис приблизил ладони к стеклянным столбам света, поднимавшимся от свечи, и произнёс слова, которые Маррон смог различить, но не понять. Белый свет сменился жёлтым, огненные столбы превратились в обыкновенный огонь, и Аскариэль исчез.

Словно просыпаясь ото сна, Маррон и братья зашевелились и заёрзали, сбрасывая с плеч незримый груз, глядя на потрясённые лица и понимая, что их собственные лица выглядят в точности так же.

Поглядев на Тумиса, Маррон увидел, что тот, побледневший и вспотевший, дрожит и вытирает об одежду мокрые руки. Сейчас в нём не было ни высокомерной скуки, ни презрения.

— Идите, — произнёс он голосом, в котором не было ни тени силы или уверенности. — Идите наружу. Фра Пиет покажет вам куда…

Они вышли точно так же, как входили, — молча. Фра Пиет ждал их в коридоре, привычно поджав тонкие губы; увидев их лица, он удовлетворённо кивнул. Маррон подумал, что этому человеку смотреть на чудо дважды не надо. Однажды увиденное, оно осталось в его душе навечно, осталось, как горящее подтверждение веры, как личный завет между ним и Богом. Может быть, с этого всё и началось, подумал юноша: он пришёл в Чужеземье молодым, как сам Маррон, в меру благочестивый, ведомый равно семейной традицией и религией. Его точно так же, как Маррона, привели в тёмный подвал и показали Аскариэль как знамение, и огонь этот с тех пор не угасал для фра Пиета; ему открылось его призвание, и с тех пор он искал лишь прямых путей, и небесный свет золотого града сделал его слепым к удовольствиям ума и тела и свету земному.

Онемевший, потрясённый, Маррон уже видел этот грозящий и ему путь, почти ощущал, как раскрывается этот путь ямой у него под ногами и ждёт лишь, чтобы юноша на мгновение забыл обо всём, кроме чуда…

Но фра Пиет не стал ни читать им проповедей, ни — хвала

Господу — показывать другие чудеса и повёл назад тем же путём, через ров и через двор, под сухой жаркий ветер, поднимавший с земли пыль. Они пришли к стойлам, где в каменной прохладе отдыхали их лошади, уже почищенные, напоённые и накормленные. А самым большим чудом оказалась баня, возле которой сновали мальчики в белых одеждах, таскавшие в кожаных вёдрах воду из рва. Настало наконец время сбросить тяжёлые одежды, стряхнуть жёсткие сапоги, свалить это все в угол и, обгоняя друг друга, ринуться к вёдрам. Можно было вздрогнуть под струёй холодной воды, хлынувшей по спине и по спутанным волосам, рассмеяться и заработать хмурую гримасу от фра Пиета за неуместный смех. Отвернуться, потереть мокрую кожу, встретить взгляд Олдо и тайком обменяться ухмылками и почувствовать, что очарование слабеет, не исчезает, но прячется в тайники души, где будет бережно храниться годами, не мешая хозяину и не подчиняя его своей воле.

Расчёсывая руками волосы и оглядываясь, где бы взять ещё воды, Маррон заметил мальчика с деревянным ящичком. Мальчик поднёс ящичек фра Пиету; тот с довольным урчанием запустил туда руку и вытащил пригоршню чего-то мягкого и сероватого. Маррон смотрел, как Пиет натирает этим веществом сухое, испещрённое шрамами тело, как под его руками появляется пена и как он смывает её водой. В этот момент мальчик заметил взгляд Маррона, принял его за приказ приблизиться и поднёс ящичек юноше.

Маррон неуверенно заглянул в ящичек и поинтересовался:

— Что это?

— Мыло, — певуче ответил мальчик. — Чтобы мыться.

Слово ничего не говорило Маррону. Он осторожно дотронулся до вязкой массы кончиками пальцев и вспомнил, как поступал фра Пиет. Маррон захватил солидную горсть мыла и начал тереть руку до тех пор, пока на ней не показалась тонкая серая пена, подобная той, которая выступает у загнанной лошади. Когда юноша стёр её, кожа под ней оказалась совсем розовой — а ведь это самое место он уже мыл! Он улыбнулся мальчику, получил в ответ застенчивую улыбку и захватил ещё горсть мыла, растирая плечи, шею и волосы — в волосах пена оказалась гуще.

— В глаза нельзя! — поспешно предупредил мальчик, но опоздал. Маррон уже потёр лицо мыльными пальцами.

Глаза внезапно обожгло, и Маррон задохнулся, прижав к ним ладони. Он едва услышал, как мальчик позвал кого-то на незнакомом певучем языке.

Жгучая боль — и сразу поток прохладной воды на голову. Маррон вытянул сложенные чашечкой руки и, заморгав, промыл

глаза. Теперь перед ним стояло двое мальчиков, у одного в руках было ведро. Маррон зачерпнул из него воды и плескал себе в лицо до тех пор, пока боль не утихла.

— В глаза нельзя, — повторил первый мальчик, пытаясь ещё раз улыбнуться.

— Нельзя, — согласился с ним Маррон. Брать мыло в рот тоже не годилось — губы и язык уже жгло от пены. Маррон прополоскал рот и сплюнул; однако после этого он взял ещё немного вещества — мыла, запомни это слово, — прежде чем мальчика позвал другой любопытный. Кожу мыло не жгло, хотя кончики пальцев и сморщились. После такого мытья Маррон чувствовал себя чистым, как никогда, едва ли не впервые в жизни.

Даже тут, в стенах Ордена, с дисциплиной разобрались не сразу — например, на мытьё новым братьям дали неограниченное время. Маррон намылил спину Олдо, а Олдо — ему, потом они принесли ещё воды из рва и стали лить друг на друга, как делали братья вокруг. Они даже немного попили, вначале тайком (послушание есть первая заповедь, дети: сделать то, чего тебе не приказывали, есть ослушание), а потом, увидев, что фра Пиет тоже пьёт, перестали таиться.

Наконец мальчики принесли льняные полотенца и чистую новую одежду. Когда Маррон с товарищами вытерлись и оделись, духовник сурово оглядел их и повёл в замок на молитву, не дав даже обуться.

Тут по крайней мере всё было просто и привычно — знакомые слова, знакомый язык, ритмичные вопросы и ответы, которые Маррон помнил с самого детства.

Отвлекаясь от молитвы, он думал о семье — думал даже здесь, в Господнем краю, где надеялся измениться, стать преданным слугой Бога, не имеющим других интересов. Но даже сверкающее откровение чуда не изменило его души. Он преклонил колени на голом каменном полу часовни; слева от него был Олдо, а справа — ещё один брат, Джубал. Маррон негромко произносил все нужные слова вместе со всем отрядом, а его мысли летели прочь, возвращались к недавнему дню и часу, близкому в пространстве и времени, но невероятно далёкому по своей странности.

Олдо, друг его детства и юности, ставший едва ли не братом Маррона ещё до того, как они стали братьями в Господе.

Такое знакомое, такое любимое лицо Олдо искажается, когда он наклоняется в седле и бросает в дверной проём горящий факел; Олдо смеётся хриплым и понимающим смехом, слыша раздавшийся изнутри крик и видя выбегающую женщину с горящими платьем и волосами; Олдо, наверняка видевший её ещё

до броска факела, поднимает руку с мечом, но не убивает — нет, он заставляет женщину отступать назад, в горящий дом…

Джубал немного старше. Впервые Маррон встретил его в отряде. Джубал всю жизнь был монахом; в Чужеземье его послал аббат, послал в наказание за какую-то провинность, о которой Джубал никогда не говорит.

У Джубала округляются глаза, он орёт, выйдя из своей обычной тяжёлой задумчивости; Джубал — вероятно, куда лучший солдат, чем монах, — с лёгкостью вертит булавой, пришпоривает коня и снова заносит булаву в окровавленных руках; в его крике слышны слова — что-то из символа веры, что-то о вере в истинного Господа Двуединого и Всевидящего, а слюна брызжет и брызжет изо рта…

А между Олдо и Джубалом стоит на коленях сам Маррон. Он видит себя и удивляется себе, боится себя, и эти мысли мешают ему молиться и искренне благодарить Господа.

Он стоит, соскользнув с взбрыкнувшей испуганной лошади; у него в руках младенец, еретик, выхваченный из рук отца, такой маленький, что не разобрать даже, мальчик это или девочка; Маррон хватает его за ножки и крутится на месте быстро, словно сумасшедший монах на ступенях храма, спотыкается о тело священника, но удерживает равновесие, издавая хриплый крик, сводящий с ума его самого; он бьёт младенца головой о стену и видит, как раскалывается его череп, слышит, даже в таком шуме, как ребёнок затихает; Маррон бросает его в горящий дом и отворачивается от пятна, крошечного пятнышка, оставшегося на стене, малюсенькой красной точки, которую смоет первый же дождь — если, конечно, в этой пустынной и жаркой земле бывают дожди…

2. ДЕМОН В ПЫЛИ

Её отец утверждал, что вуаль вроде той чадры, что носят шарайские женщины, — самый что ни на есть варварский обычай, которому нет места в цивилизованных землях, но это не помешало ему послать Джулианну в руки придумавших этот обычай людей.

И с паланкином вышла та же история. Девушка не хотела ехать в нём — ну с какой стати она будет трястись в еле-еле движущихся носилках, когда можно прекрасно ехать верхом на собственном скакуне? А если посадить на лошадей всю свиту, то дорога займёт вдвое меньше времени! Однако жених прислал за Джулианной паланкин и носильщиков, и отец настоял на своём. Может быть, он даже думал о её удобстве, должна была признать девушка, хотя по большей части за его действиями скрывалось старание не обидеть могущественного вельможу.

В любом случае лёгкое покачивание на мягких подушках не утомляло ни её, ни — как ей казалось — восьмерых чёрных гигантов, которые несли паланкин. По дороге они негромко говорили между собой — Джулианна не понимала их речи — и часто смеялись над чем-то непонятным. Шедшим рядом стражникам — их тоже прислал жених — приходилось хуже, хотя они несли только ранцы. Джулианна видела, как мужчины обливаются потом на солнце, слышала их тихую хриплую брань и замечала, что на закате спины у них начинают сутулиться, а ноги загребают песок.

Пыль была настоящим проклятием, горячим и удушающим. Даже мужчины закрывали себе лица, когда ветер поднимал с земли жёлтые жалящие клубы. Нет, как ни была упряма Джулианна, а путешествовать в паланкине было гораздо приятнее, чем ехать на лошади в такую жару по такой земле. Лучше уж прятать лицо за мягкими шёлковыми занавесями, чем за покрывалом, которое очень скоро отсыревает и начинает прилипать к лицу, а потом сбивается в ком и твердеет от пыли. Лучше сидеть в тени, в прохладе и покое — лучше, — несмотря на то что прежде Джулианна со слезами и скандалом отстаивала остатки своей свободы, впрочем, безуспешно.

Как ни странно, она совсем не протестовала против самого путешествия. Оно казалось ей по меньшей мере забавным. Она стыдилась только паланкина — и то до тех пор, пока не увидела, что делают с людьми солнце и пыль. Но разве не большим стыдом для её отца и для неё самой было поехать в чужую страну и выйти за человека, которого она никогда не видела, только ради каких-

то политических интриг? Однако стыда почему-то не было — был только холодный страх и усталость, которая, наверное, никогда уже не пройдёт.

Джулианне было шестнадцать лет, но бремя будущей жизни уже измотало её. При мысли об этом её затуманенный взгляд поворачивался только в одну сторону. «Ещё не сейчас», — напоминала она себе, и это была ещё одна причина радоваться неспешности их процессии.

Кое-где в занавесках были проделаны окошечки, затянутые почти прозрачной тканью, сквозь которую Джулианна могла смотреть, что происходит снаружи. Её спутники ничего не замечали — окошки были невелики и очень старательно замаскированы.

Впрочем, смотреть было не на что. За окошком тянулась бесконечная череда жёлто-серых пыльных холмов, усеянных чёрными колючими кустарниками и ещё какими-то растениями, достаточно стойкими, чтобы выжить в этой стране. Мерзкое место, подумала Джулианна. Интересно, на что похож Элесси? Он ведь гораздо ближе к пустыне, там должно быть ещё хуже, подумалось ей, и эта мысль пугала. Кататься верхом будет просто негде, даже если ей и позволят. Земля резкая, бескомпромиссная, как живущий в ней народ, а её отец, дипломат и мастер тонких компромиссов, послал дочь одну в эту пустыню на всю жизнь…

Ну нет, она не позволит злости и сожалениям испортить последние несколько дней путешествия. «Делай то, что нужно сделать сейчас, а будущее оставь будущему», — советовала Джулианне кормилица в детстве, и девушка навсегда запомнила этот совет. В самом деле, зачем страдать, когда есть иной выбор?

Однако теперь этот выбор исчез или скоро исчезнет, но Джулианна твёрдо намеревалась не допустить отчаяния в душу, где ему никогда не было места — и не будет до тех пор, пока у девушки хватит сил противостоять ему.

Она посмотрела вперёд, надеясь увидеть хоть что-нибудь, отвлечь вдруг взбунтовавшийся разум от падения в яму, куда ему падать было запрещено, и — «хвала Господу и всем Его святым и ангелам!» — наконец-то появилось что-то, на что можно смотреть.

Поначалу не было ничего особенного — так, только зацепиться взглядом. Это оказалось совсем не то, чего просила её душа, — не город наподобие Марассона, на котором мог бы отдохнуть глаз, и даже не вечный страх её отца — банда разбойников, которая напала бы на караван, перебила мужчин и увела в рабство девушку. Нет, на дороге всего-навсего появился человек, судя по росту и одежде — мальчишка из местных. Вместо того чтобы просто приказать ему убраться с пути, сержант

охраны заговорил с ним, и это заинтересовало Джулианну.

Когда паланкин поравнялся с лошадью сержанта, Джулианна потянулась к маленькому гонгу, чтобы дать носильщикам сигнал остановиться. Впрочем, это было ни к чему, потому что сержант сам отдал им такой приказ. Даже сквозь волнующуюся ткань Джулианна разглядела на его лице испуг и неуверенность.

— В чём дело, сержант?

Его звали Блез, однако Джулианна предпочитала звать его сержантом из соображений дисциплины. Девушка уже начинала привыкать к разговору сквозь занавеси. Если бы она отвела ткань в сторону, ей пришлось бы закрыть лицо, чтобы не заставлять сержанта краснеть. Правда, он и так краснел по малейшему поводу, но этого Джулианна решительно не понимала.

— Мадемуазель, этот мальчишка… Он не тот, за кого себя выдаёт. Он говорит как благородный, однако не назвал нам ни своего имени, ни рода. И ещё он говорит, что впереди нас ждёт беда…

Сержант заставил лошадь попятиться, чтобы дама могла увидеть мальчика. Джулианна посмотрела, вгляделась, даже отдёрнула на мгновение занавеску, чтобы убедиться, и рассмеялась.

— Сержант, да какой же это мальчик! Это девушка!

Сержант Блез разинул рот. Тёмные волосы девушки были подстрижены по-мальчишески коротко, а грязь на лице полностью скрывала отсутствие пробивающейся бороды. Девушка была одета в грубый бурнус вроде тех, что носили местные крестьяне, однако мягкая обувь на ногах совсем не подходила к остальному её наряду. Ей надо было идти босиком, подумала Джулианна. Да и сумка девушки никак не походила на торбы местных жителей.

Девушка сердито глянула исподлобья и сплюнула в пыль. Потом она пожала плечами и послала Джулианне мимолётную улыбку.

— Ну наконец-то, хоть у кого-то глаза есть, — сказала она таким чистым голосом, какого у местного жителя тоже быть не могло. Джулианна поняла, почему смутился сержант.

— Могу ли я узнать, кто это такие? — спросила девушка.

Джулианне всё же пришлось ударить в гонг, привлекая внимание носильщиков, чтобы приказать им опустить паланкин. Она приподняла занавеску — сержант Блез отвернулся и выругал глазевших на это солдат — и произнесла:

— Я Джулианна де Ране. Будешь моей гостьей?

Приглашение рассердило сержанта, однако прежде чем он успел помешать, девушка проскользнула в паланкин и удобно уселась на подушку, скрестив под собою ноги.

— Меня зовут Элизанда. И мне жаль, что пришлось назвать своё имя! — добавила она с грустной гримасой.

— Элизанда… из какого рода?

Джулианна пыталась выяснить то, что не удалось Блезу, однако ей повезло не больше. Элизанда только покачала головой и ответила:

— Ты не знаешь моего деда.

— Сомневаюсь, — сухо ответила Джулианна. За последние десять лет через Марассон прошло немало дворян из Чужеземья, и Джулианна могла перечислить до десятого колена родословную даже тех, кто не был ей представлен.

— Ты действительно его не знаешь, — улыбнулась Элизанда, наслаждаясь таинственностью, и Джулианна почувствовала раздражение.

— Так почему же ты не назовёшь его имени? — настойчиво спросила она. — Если оно ничего мне не скажет, то вреда, от него не будет.

— И добра тоже не будет. Он очень скрытный человек, — ответила Элизанда серьёзно, однако в глазах у неё прыгали чёртики. — И я пока что хочу скрыть его имя, если мне будет позволено.

— Если так, то пожалуйста.

— Благодарю, Джулианна.

Это было сказано честно, теперь девушка не дразнила её. Холодное спокойствие Джулианны растаяло в один миг. Она снова стала дочерью своего отца. При необходимости она умела изображать высокомерие — например, при дворе, где умение заморозить взглядом было жизненно важной наукой, — но сейчас ей мешало жгучее любопытство.

— А что ты мне всё же расскажешь?

— А что ты хотела бы от меня услышать?

— Почему ты переодета мальчиком, почему путешествуешь пешком и в одиночку, откуда ты пришла, куда идёшь… — Джулианна взмахнула руками, показывая целый ворох вопросов, и занавески колыхнулись.

Элизанда усмехнулась:

— Это приказ?

— Если тебе так хочется.

— Тогда рассказываю. Я переоделась мальчиком потому, что так мне легче путешествовать в одиночку и пешком там, откуда я иду, хотя вряд ли это мне поможет там, куда я приду. А теперь, — добавила она с лёгким вздохом, — мне придётся надеть платье и вуаль, чтобы не шокировать твоего сержанта?

— Он и без того так шокирован, что этого уже не

исправить, — заверила её Джулианна. — Но ты не ответила ни на один мой вопрос.

— Не ответила. Хотя нет, на первый я ответила. А в этом, — она провела рукой по грубой шерстяной ткани, — мне гораздо проще путешествовать. Здешние крестьяне просто закидали бы меня камнями за то, что я так бесстыдно ушла далеко от дома без сопровождения мужчины. Так что я подстригла волосы и надела бурнус, и теперь на меня смотрят только затем, чтобы удостовериться, что я не грабитель. Большую часть времени я иду по пастушьим тропам и почти не встречаюсь с местными. А сейчас я заметила, что впереди что-то происходит — в полумиле впереди видны верблюды и повозки, которые вот уже целый час не двигаются с места. Я подошла поближе, чтобы разглядеть их, а твой сержант спросил у меня, где тут ближайший колодец, и заподозрил неладное, когда я не смогла ему ответить.

Ответы, как заметила Джулианна, были построены так, чтобы спрашивающий забыл о вопросах. Но она не собиралась дать себя отвлечь. Что там задержало людей на дороге, пусть разбирается Блез.

— Но почему ты путешествуешь в одиночку? Как только тебе позволил твой отец!

Джулианна не смогла полностью скрыть в голосе зависть к девушке, имевшей такого отца.

— А он и не позволял, — ответила Элизанда со странным презрением. — Я знала, что он не позволит, поэтому ушла без спросу.

Судя по загару на лице Элизанды, это случилось довольно давно. Повезло ей, подумала Джулианна, что она сумела так загореть и стать похожей на местных. К тому же у Элизанды были такие же чёрные волосы, как у катари, а глаза вполне могли сойти за чёрные, хотя, если вглядеться поближе, у неё были потрясающие глаза цвета ночного неба. Впрочем, вряд ли Элизанда позволила бы рассматривать себя поближе…

— Откуда ты ушла?

— Из дома своего отца.

Очевидный ответ, явный и беззастенчивый возврат к прежней скрытности.

— И куда ты идёшь?

На этот раз Элизанда улыбнулась и ответила прямо:

— В Рок-де-Рансон.

Джулианна направлялась туда же, но почувствовала, что не должна этого говорить.

— А зачем?

В иной ситуации она бы ожидала рассказа о возлюбленном,

без которого девушка жить не может, но сейчас не надеялась услышать ничего и оказалась права.

— Я хочу повидать Рок, — ответила Элизанда, — а отец никогда бы меня туда с собой не взял.

Ну да, значит, она хотела повидать Рок и потому сбежала из дому. Что может быть естественней? Джулианна снова почувствовала наёмнику, почти оскорбление; ею снова овладело искушение уничтожить всякий намёк на тёплые отношения с этой нахалкой. Впрочем, искушение почти сразу же исчезло. Умение быстро и точно судить о людях тоже было необходимым даром императорского дворца в Марассоне. В конце концов, она была дочерью своего отца, и её инстинкт говорил ей, что здесь она может обрести друга, пусть этот друг и хранит от неё какие-то тайны. По крайней мере у неё появится попутчик… а как славно было бы привезти с собой в замок друга…

— Ты, наверное, хочешь пить, — сказала Джулианна, вспомнив о пыли и жаре снаружи. Жаркое солнце пробивалось сквозь занавески.

— Умираю от жажды.

— У меня тут есть немного виноградного сока… Сока был всего один стакан, и они поделили его пополам. Элизанда спросила:

— А ты, Джулианна? С тобой охрана, но ведь это не люди твоей семьи?

«Ты так же одинока, как я», — перевела Джулианна, и это было по-своему правдой.

— Мой отец, — ответила она, — сопровождал нас до вчерашнего дня. Но его отозвали, и он был вынужден меня покинуть. — И, показывая, что она может поделиться большим, нежели стакан сока, Джулианна добавила:

— Мой отец — королевская тень.

— А-а. И куда бы ни шёл король, тень должна следовать за ним?

Джулианна с трудом подавила смех — ей помогли только годы тренировки.

— Он говорит именно так.

Элизанда пожала плечами.

— Так говорят по всему Чужеземью. А куда поехал твой отец, куда его отправил король?

— Он не сказал.

Отец редко говорил ей, куда едет, и Джулианна рано приучилась обуздывать своё любопытство. Отец управлял королевским советом, хотя народ был уверен, что этим занимается сам король. Джулианне же перепадали только

обрывки сведений, но их она тщательно собирала.

Элизанда кивнула без особого удивления.

— А он сказал, куда тебя посылает?

— Сказал, конечно. — Хотя, по правде говоря, зная отца Джулианны, верить его словам было довольно опасно. Многие мужчины распоряжались своими женщинами, словно фигурами в игре, — их могут ценить, но с ними не советуются, их призывают или отсылают в зависимости от их полезности. Джулианна подумала, что ей полагалось бы испытывать благодарность: ей рассказали, что её ждёт, с объяснением причин и даже с неявным извинением. — Я еду в Элесси, чтобы выйти замуж за барона Имбера.

— Правда? — подняла брови Элизанда, словно мысленно прикидывая стоимость дочери королевской тени. — За которого?

Джулианна невольно фыркнула. Да, вопрос был разумен, однако задавать его следовало её отцу, а не ей.

— За младшего. За сына, а не за брата графа Хайнриха.

— Повезло тебе.

Да, пожалуй, повезло. Джулианна никогда не видела своего жениха, однако его дядя, старший барон Имбер, три года назад приезжал в Марассон. Джулианна вспомнила этого грузного, покрытого шрамами мужчину, бритоголового, с выгоревшей на солнце бородой. Он был одет в простую одежду, да и характер был у него весьма прост, а губы кривились в недовольной гримасе всякий раз, как он наблюдал за суетой придворных. В то время Джулианна ещё задавалась вопросом, почему барон гостил у них так долго. Как ни умна она была для тринадцатилетней девочки, она всё же не догадалась, что это напрямую связано с ней самой. Именно тогда, похоже, её и просватали, хотя она не сразу поняла это. Барон прибыл, чтобы посмотреть на невесту и оценить её как возможную племянницу и графиню. А потом — вероятно, удовлетворённый осмотром — барон торговался с её отцом. Двое мужчин были настолько непохожи между собой и настолько неуступчивы, что торг наверняка длился долго и трудно, однако наконец договорились. За невесту заплатили выкуп — землями, золотом или какими-то уступками, причём кое о чём было объявлено всенародно, а кое о чём умолчали, и память о долгах и гарантиях осталась вместе со многим другим только в хитроумной голове человека, бывшего королевской тенью.

Конечно, будь её отец другим человеком, всё могло бы пойти по-другому. Барон Имбер оказался вдовцом и, разумеется, мог бы соблазниться перспективой новой женитьбы. Нет, ему не нужна была ни молодая девушка в постели — по крайней мере так казалось Джулианне, — ни деньги. Однако влияние, власть,

поддержка короля — да, этот самоотверженный человек вряд ли нашёл бы в себе силы отказаться от такого заманчивого предложения.

Однако отец позаботился о Джулианне хотя бы по мелочи, не предложив её барону. Вместо этого он продал её дяде ради благополучия его племянника, а потом два года молчал об этом. Даже после оглашения этот самый племянник не появился в Марассоне, так что Джулианна не смогла составить о нём собственного мнения. Ей оставалось только надеяться, что он не окажется тенью своего дяди. Впрочем, будучи честной перед самой собой, она признала, что это вполне вероятно. Дворяне из Элесси, которых она видала, были людьми холодными, сделанными из того же теста, что и барон, — закалённые в битвах, суровые, преданные, не любители удобств и компромиссов. И, подумала Джулианна, они наверняка подозрительно отнеслись к девчонке, выросшей среди разврата Империи. Вероятно, преимущества её происхождения перекрыли недостатки её воспитания, а может, её надеются перевоспитать, заперев на женской половине дворца.

— Когда моего отца… отозвали, — начала она, решив не говорить, как этот «отзыв» выглядел, — у него не осталось времени на то, чтобы сделать все как полагается и отвезти меня в Таллис до тех пор, пока Имбер не приехал бы за мной или не прислал бы свою тень. Отец послал в Элесси гонца с сообщением о том, что я буду ждать в Роке до тех пор, пока за мной не приедут.

Ну да, её будут стеречь, словно призового скакуна или какую-нибудь драгоценность до тех пор, пока новый владелец не приедет за своим имуществом. Отец решил, что ехать в Элесси без надлежащего эскорта небезопасно. Они были в двух днях пути от Рока и в двух неделях от Элесси; жара, пыль и скудная пища только замедляли движение. То, что отъезд отца ослабил группу из двадцати человек всего на одного, ничего не значило; его имя, утверждал отец, значит больше двух десятков солдат, а то, что Джулианна носит это имя, делает её ещё более уязвимой без его защиты. Всё это было правдой, однако правда эта была Джулианне не по душе.

Элизанда кивнула, не удивившись, что они едут в одно и то же место, поскольку удивляться было нечего — дорога эта только туда и вела.

— Тогда мы можем ехать вместе, если ты не против?

— Если мои люди смогут нести паланкин с нами двумя, — уточнила Джулианна. — Ты же не можешь идти пешком, Элизанда. Так просто нельзя!

— Да, наверное. Но, может быть, нам нечего беспокоиться, потому что, кажется, ни одна из нас никуда не поедет. — Элизанда, нахмурившись, посмотрела вперёд, пытаясь разглядеть сквозь занавески что-то, находящееся за холмами. — Может, сейчас дорога кончится, или её перекрыли разбойники, или…

— Вон едет Блез, — прервала её Джулианна. — Он наверняка все разузнал.

Узнав о неожиданном происшествии на дороге, сержант немедленно отправился выяснять обстановку и вот теперь поспешно возвращался. Ещё не успев подъехать поближе, он крикнул что-то отдыхающим солдатам. Они тут же повскакивали на ноги и начали проверять своё оружие, тревожно поглядывая на дорогу.

Наконец сержант подъехал к опущенному наземь паланкину и соскочил с лошади в тучу поднятой ею пыли, откашливаясь перед тем, как заговорить.

— Мадемуазель!

— Да, сержант?

— Мне сказали, что там, на дороге — джинн. Я говорил с вожатым каравана, и он сказал, что стоит тут с самого рассвета…

Первой мыслью Джулианны было, что ни её всезнающий отец, ни беззаботная новая подруга не могли предвидеть случившееся заранее. Потом девушка подумала, что никогда не видела джинна, не рассчитывала его увидеть и сейчас этого ей меньше всего хотелось. Блез отвезёт её назад, в последнюю деревню из тех, что они проезжали, найдёт ей дом, и они будут ждать, пока дорога не освободится. Пусть это даже будет несколько дней…

Элизанда зашевелилась, села прямо и едва не отдёрнула занавеску. Впрочем, в последний момент она опомнилась и спросила, не показываюсь из паланкина:

— Вы его видели?

— Я видел смерч, э-э… мадемуазель. Только очень большой и неподвижный…

Все сходилось. Даже после многих лет службы на пустынных границах Элесси угрюмый сержант попробовал бы заговорить с облаком пыли прежде, чем поверил бы в его потустороннюю сущность.

Возможно, Элизанда уже поняла эту сторону характера сержанта, потому что следующим её вопросом было:

— Вы говорили с ним?

— Нет.

— А кто-нибудь другой?

— Не знаю, мадемуазель.

— Вам сказали имя джинна?

— Его имя, мадемуазель?! Нет…

— Ах ты, Боже мой…

На этот раз Элизанда нетерпеливо отдёрнула занавеску и выскочила из паланкина. Она остановилась всего на миг, чтобы оглянуться и спросить Джулианну:

— Ты идёшь?

У Джулианны был всего миг на раздумья. Блез запретил бы ей идти, и она не могла бы ослушаться, поскольку он говорил бы от имени её отца и своего господина. Однако внезапное появление Элизанды из недр паланкина заставило лошадь Блеза попятиться, и сержант был занят тем, что пытался успокоить своего скакуна. А Джулианна никогда не видела джинна, а Элизанда явно собиралась поговорить с ним…

Не бежать, конечно — достоинство, уверенность, грация, как с детства учил её отец, — но двигаться так быстро, как только можно, не переходя при этом на бег. Джулианна ступила из паланкина на дорогу, на новый путь: впервые она вышла из повелевающей воли отца, хотя это ощущалось как нечто ещё большее. Она схватила Элизанду за руку и потащила едва ли не бегом, мимоходом заметив, что она на пару дюймов выше своей новой знакомой.

Позади раздался резкий окрик Блеза:

— Нет, мадемуазель! Вам нельзя!

Джулианна не обратила на него внимания, не стала даже оглядываться, показывая, что услышала. Она всего лишь бросила полный холодной ярости взгляд на приближавшихся к ней солдат. Они, и без того сконфуженные её открытым лицом, от ледяного придворного взгляда попятились, отводя глаза и бормоча извинения.

И перед ней легла только дорога, открытая до следующего поворота, и Джулианна ощутила, что почти вырвалась из клетки. Но сзади послышался топот бегущего человека, без сомнения, сержанта Блеза, спешившегося наконец, и элессинские глаза его ничего не видели перед собой, кроме своего долга. Вероятно, он был готов даже применить силу, схватить девушку в охапку и вернуть в прилично закрытый паланкин.

— Мадемуазель Джулианна! — заговорил он, готовый сорваться, разъярённый, еле придерживаясь внешних форм вежливости. — Извольте немедленно вернуться в паланкин!

И действительно, когда Джулианна снова даже не взглянула на него, сержант в самом деле поднял на них руку — Джулианну взял за плечо, а Элизанду оттолкнул, но не успел повернуть Джулианну к себе, как она резко повернулась сама и свободной

рукой ударила его по щеке, сложив ладонь лодочкой, чтобы сильнее был звук пощёчины, чтобы услышали все люди сержанта.

Слова были не нужны. Ошеломлённое выражение на его лице постепенно сменилось пониманием, осознанием того, как глубоко он оскорбил свою госпожу — или, как ему, наверное, казалось, своего господина. Если то, что слышала Джулианна о порядках в Элесси, не было преувеличением, она вполне могла просить барона о смерти сержанта. И её просьбу поддержали бы два десятка свидетелей-мужчин…

— Прошу… прошу прощения, мадемуазель. Я… я забылся. Я очень испугался…

Он побледнел под загаром, только щека горела. Сержант держался прямо, и дрожал только его голос. Джулианна подумала, что стоит ей приказать, и он тут же, на месте, перережет себе горло.

Достоинство, уверенность, изящество.

— Да, сержант, однако я тоже должна просить у вас прощения. Я позабыла надеть вуаль. Мне трудно привыкнуть к вашим обычаям. — С этими словами Джулианна набросила на лицо тонкую ткань. — Теперь, если вы соблаговолите проводить меня и возьмёте с собой на всякий случай с полдюжины солдат, мы вместе сходим посмотреть на этого джинна.

Джулианна вновь протянула руку. Элизанда приняла её и тепло пожала, выразив своё одобрение молчаливой улыбкой. Девушки пошли по дороге, и сгоравшая от любопытства Джулианна ускорила шаг. Верзила-сержант чуть отстал, выкрикивая команду солдатам.

По крутым склонам холмов тут и там громоздились скалы с острыми каменными выступами. Повернув за очередную такую скалу, девушки наткнулись на хвост ожидавшего каравана — погонщик мулов с еле живыми клячами, кожа да кости, падающими под непосильной поклажей, запряжённый быками фургон, ещё один, потом целый поезд таких фургонов и, наконец, собственно караван, о котором говорил Блез, — цепочка верблюдов, на ходу, наверное, растягивающаяся на полмили, но теперь сбившаяся в группы. Погонщики присели у костров в тени и готовили еду. Должно быть, все эти люди направляются в Рок-де-Рансон, подумала Джулианна: торговля приносит выгоду и им, и замку. И целый караван остановился на дороге из страха перед существом, которое вряд ли смог бы прогнать или уничтожить весь гарнизон Рок-де-Рансона. И как знать, сколько ещё вздумается джинну плясать на дороге?

Караван, как заметил Блез, держался на порядочном, однако не слишком большом расстоянии от джинна — всего лишь так,

чтобы не попадаться ему на глаза. А джинна можно увидеть за следующим поворотом…

И они ушли за этот поворот; впереди на этот раз шёл Блез. И сержант, и солдаты явно чувствовали себя до крайности неуютно, то и дело прикасались к рукоятям мечей и древкам топоров и бормотали друг другу какие-то бесполезные советы. Даже Джулианна пошла медленнее. Её ладонь, лежавшая в руке Элизанды, вспотела, а веки чуть вздрагивали при малейшем движении или звуке.

За поворотом дорога сужалась, проходя между двумя грудами камня. В точности между этими грудами и стоял джинн.

Если, конечно, это был джинн. Джулианна не сумела бы отличить джинна от ифрита или от любого проявления Господа. В первый миг она видела только то, о чём и говорил ей Блез, — смерч вроде тех, что уже попадались пару раз в этом путешествии, внезапный вихрь, ставший видимым.

Однако этот смерч не извивался, он застыл как скала и стоял как скальные стены, одного с ними роста, качаясь, как стоящая на острие колонна, и вертелся так быстро, что издали вращения почти не было заметно. Он напоминал бесконечную серебристо-серую верёвку, витки которой появлялись из ниоткуда и уходили в никуда, а потом снова появлялись.

В нескольких шагах от джинна стоял мальчик лет десяти — двенадцати, одетый очень похоже на Элизанду, только его бурнус был изодран в клочья и залит ярко-красным. Мальчик стоял неподвижно и всхлипывал, но взгляд его был прикован не к джинну, а к собственной руке. Она бессильно и пугающе повисла, и ярко-белые кости держались на остатках связок — кожа и мышцы были с неё содраны.

Девушки застыли в неподвижности, так же как джинн и мальчик. Первой пошевелилась Элизанда — она отпустила руку Джулианны и рванулась вперёд, не обратив внимания на остерегающий жест Блеза. Добежав до мальчика, она схватила его за здоровую руку, повернула и повелительно крикнула сержанту:

— Заберите его, быстро! Уведите к огню и проследите, чтобы им занялись…

К счастью, Блез не стал задавать вопросов — здесь ситуация была ему понятна. Он поспешно принял у Элизанды мальчика, поднял на цуки и отдал одному из своих солдат, быстро распорядившись. Солдат побежал назад по дороге, прижав к себе ослабевшего ребёнка; когда он пробегал мимо Джулианны, она пошевелилась, сбросила оцепенение и медленно приблизилась к Элизанде и сержанту.

— Зачем… — Её голос оказался не громче надломленного

шёпота; она откашлялась и заговорила снова: — Зачем тебе знать его имя?

— Это полезно, — слегка улыбнулась Элизанда.

— И что, ты просто спросишь его?

— Нет! — резко ответила она. — Задавать джинну вопросы опасно. Если ты не знаешь этого, просто помолчи.

Впрочем, сомкнувшиеся на рукаве Джулианны пальцы выдали, что Элизанда рада присутствию подруги — лишь бы она только молчала. Сама же Джулианна ничего иного делать не собиралась. С этого расстояния были видны клубы пыли, образовывавшие тело джинна. Они бешено крутились — вероятно, они и содрали кожу с мясом с руки мальчика, когда он сдуру сунул в вихрь руку, чтобы потрогать. Джулианна была перепугана до полусмерти; ей почти хотелось, чтобы Блез снова схватил её и утащил в паланкин, а Элизанда пусть себе беседует с этим кошмаром.

Почти хотелось…

Однако сержант застыл, оцепенел от такой близости чужеродной магии. Он не пытался спасать Джулианну, да и ей самой этого, честно говоря, не хотелось. Пусть её привело сюда любопытство, но рядом с новоявленной подругой удерживало чувство долга, какой бы страх ни поднимался в душе.

Элизанда подняла голову и возвысила голос, хотя и то, и другое потребовало видимого усилия.

— Мир тебе, о дух.

— И тебе, путник.

Голос шёл из самой сердцевины вращающейся башни. Он был странно звонким, почти женским, но совсем не человеческим. За ним не было тела, биения крови, намёка на смертность. Джулианна вздрогнула и краем, глаза заметила, что Блез дёрнулся, словно хотел броситься прочь, но не мог.

— Меня зовут Элизанда.

Ответом был смех, похожий на звон холодных колоколов, потом как ответный дар джинн сказал:

— А моё имя Шабан Ра-исс Халдор.

— Я слышала о тебе, джинн Халдор, — низко поклонилась Элизанда. Новый смешок.

— А я о тебе.

— Великий, о тебе рассказывают истории в Молчаливых Часах, но здесь о тебе не слышали.

— Это так.

— Наверное, очень важная цель привела тебя столь далеко.

Голос Элизанды подсел к концу фразы, упал ниже, чем было бы естественно, подчёркивая, что это всего лишь наблюдение, но

не вопрос, ни в коем случае не вопрос.

Снова смех джинна, издёвка, и совсем не добродушная. Голос джинна упал на октаву, словно передразнивая Элизанду:

— Это совсем не далеко, малышка. Для джинна нет расстояний.

— Я слышала об этом. Но я также слышала, что джинны редко интересуются человеческими делами.

— И это тоже так.

— Ну тогда, великий… — Тут Элизанда отпустила рукав Джулианны, уселась, скрестив ноги, на песок и даже смогла улыбнуться, откинув голову и щурясь от солнца. — Тогда я не могу понять, почему вижу тебя здесь… — она обвела рукой дорогу и скалы, — …а рядом — людей, которые не могут пройти мимо тебя. Я не понимаю, почему ты не вернёшься в те земли, которые избрал своим домом. Я верю, что ты не собираешься чинить обиду таким слабым существам, как мы. Поэтому я и думаю, что твоё дело очень важно, хотя для меня оно по-прежнему покрыто тайной.

— Так оно и должно быть. Впрочем, я ждал слишком долго. — Джинн завертелся ещё быстрее, и колонна его тела поднялась в небо подобно дыму. — Возвращайся в Шараи, Лизан из Мёртвых Вод. Воды даруют тебе вопросы.

Джулианна увидела, как Элизанда открыла рот, и поймала себя на том же. Возвращаться в Шараи? В Шараи?!

Но тут джинн заговорил снова, на этот раз обращаясь уже не к Элизанде:

— А что до тебя, Джулианна де Ране, поезжай туда, куда ты послана, и выйди замуж там, где должно тебе.

И второй раз за этот день осознание своего положения, диктуемая им гордость заставили Джулианну — даже у подножия этой башни, созданной из песка и магии, — заговорить ледяным голосом:

— А почему ты думаешь, что я не сделаю этого или что мне нужно, чтобы джинны указывали мне на мои обязанности?

Элизанда испуганно зашептала что-то и дёрнула Джулианну за юбку, но остановить уже не успела.

На этот раз смех джинна был громче.

— Я не думаю ни того, ни другого, дочь тени. Сейчас в твоей душе царит смятение, но вскоре, поверь мне, ты осознаешь свой долг. Твоё путешествие и замужество необходимы. И поверь ещё вот чему: имя твоего отца славно, однако твоё будет ещё славнее, если ты окажешься достойна его.

Раздался удар грома, от скал полетели камни, затряслась под ногами земля. Джулианна закрыла глаза от поднявшегося облака

пыли; когда она открыла их, джинна не было, а дорога впереди была чиста до самого горизонта.

Элизанда всё ещё сидела, обхватив голову руками и бормоча что-то себе под нос. Когда Джулианна дотронулась до её плеча, она подняла глаза и произнесла:

— Я же тебе сказала! Я тебе говорила: не задавай ему вопросов!..

— Я совсем не хотела, — защищалась Джулианна. — И вообще, что тут такого?

— Что такого? Да он же тебе ответил! — Тут Элизанда заметила удивление Джулианны. — Да ты хоть что-нибудь вообще знаешь?

— О джиннах? Нет. — И узнавать не собиралась, если для этого необходимо было слушать туманные фразы явно перепуганного человека. — Он мне так ничего и не сказал. Интересно только, откуда он знает моё имя…

Элизанда застонала и осторожно встала на ноги. Возмущённая и сбитая с толку Джулианна всё же заметила, как опустошена эта маленькая девушка. Она протянула ей руку, и Элизанда благодарно оперлась на неё.

— Он знал твоё имя, — осторожно начала она, — потому что он ждал тебя. А может, и меня, то есть нас обеих, но тебя — наверняка. Поэтому он и прилетел сюда.

— Глупости!

— Он сам сказал это! «Я ждал слишком долго», помнишь? Он ждал, и мы пришли. Он сказал нам обеим что-то важное, но сказанное тебе было ловушкой, которую ты не заметила.

— Какая ещё ловушка? — не поняла Джулианна.

— Джулианна, теперь ты задолжала джинну. Как ты не понимаешь? Ты задала ему вопрос, хотя он тебе этого не предлагал. Он сослужил тебе службу, за которую придётся платить. Джинны всегда требуют свои долги, причём сами выбирают способ отдачи…

Нет, она не понимала. Чего захочет от неё джинн, что она сможет сделать для призрачного создания — что ему вообще может понадобиться?

Джулианна покачала головой, призывая на помощь упрямство: «Не буду об этом думать, чтобы от моих страхов это не стало правдой».

Вместо этого она спросила:

— А ты правда была в Шараи?

— Да. Однажды. Меня послал туда дедушка, он сказал, что это пойдёт на пользу моему образованию…

— Похоже, это действительно так, — заметила Джулианна, стараясь говорить обычным тоном. — В смысле, действительно пошло на пользу. У нас никто не знает, как говорить с джинном.

Элизанда скривилась.

— Это я впервые. В Шараи рассказывают много всяких историй, ну, вроде уроков о том, как надо жить в этом мире. И о джиннах там много говорят. Но я всё равно не знаю… — её голос надломился, хотя опасность была уже позади, — я не знаю, как спасти тебя. Ни в одной из историй не говорится, как увернуться от долга джинну. Это ещё никому не удавалось…

Джулианна снова покачала головой.

— Завтра к вечеру мы будем в Роке. Там нас смогут защитить не меньше тысячи человек, а уж потом на защиту жены барона встанет весь Элесси. И к тому же я дочь своего отца. Его имя может сделать то, что не под силу дюжине людей.

А моё имя, сказал джинн, прославится ещё больше.

Но об этом она думать не собиралась.

— Он назвал тебя Лизан, — припомнила Джулианна. — Что это значит? Лизан из Мёртвых Вод — что это?

— Не знаю, что он имел в виду, — сказала Элизанда, однако Джулианна подумала, что она врёт, ну, по крайней мере привирает.

Идя обратно к паланкину, они миновали того самого покалеченного мальчика, лежащего у костра погонщиков. Хотя он был без сознания, его удерживали трое мужчин.

Заботившийся о мальчике солдат с хмурым лицом калил в маленьком жарком костерке нож.

Девушки не проронили ни слова. Они ждали, считали каждый шаг и вдох Блез проворчал что-то человеку с ножом, а потом попросил:

— Дамы, будьте любезны, поторопитесь немного…

Не успев дойти до поворота, они услышали, как мальчик наконец закричал.

3. НИ ДОЧЕРИ, НИ ДВЕРИ

Маррон и его отряд собрались вместе со всеми братьями Рока под звон полночного колокола.

Сигнальный колокол назывался «Фратер Суссурус» — «Брат Шептун». Этой ночью его шёпот отдавался в костях — так шепчет своё имя вонзающийся в плоть меч. В теле Маррона отозвались три удара: первый — когда он спал, а остальные два — уже после того, как проснулся и в бессильной попытке защититься сжался на койке. Ещё три удара прозвучало, когда он окончательно пробудился и сел на своём убогом ложе. Камень, кость, плоть, солома, пол — все дрожало, отзываясь на звон.

— Подъем! — приказал в темноте голос фра Пиета после шестого удара. — Вставайте, одевайтесь и идите.

Полночные молитвы давно стали второй натурой братьев, как и подъем на рассвете, тоже с молитвами. Маррон нащупал подле койки свою одежду, натянул её и встал. Он был готов — бос и послушен, как того требовал Устав. Но куда идти, за кем? В аббатстве на каждом повороте коридора висели светильники, дабы новички и не проснувшиеся до конца братья могли найти дорогу к молельне. Здесь же за открытой дверью была такая же чернота. Свет шёл только от окна, где мерцали звезды — гораздо более яркие, чем дома. Однако окно ненамного превосходило размерами амбразуру и выходило во внутренний двор, со всех сторон ограждённый стенами. В итоге света от него было немного, и попытавшийся разглядеть его Маррон совсем потерял возможность что-либо видеть — теперь он не мог различить ничего дальше сидевшего на соседней с ним койке Олдо.

Что ж, если придётся идти без света, надо определить путь в часовню на слух. Вокруг было тихо — ещё бы, кто осмелится прошептать хоть слово? — однако в шуме одежды одевавшихся братьев, в их дыхании, в их готовности повиноваться Маррону слышались неуверенность, непонимание. Олдо шаркал по холодному каменному полу, готовый к молитве, как и Маррон, но не знающий, как добраться до молельни.

Маррон пытался услышать ещё одно: звук шагов фра Пиета. Он узнал бы эту походку в самом мрачном сне — может быть, сейчас она там и звучит? Фра Пиет немного запинался при ходьбе, потому что у него на бедре был огромный шрам. И — да, донёсся этот прерывистый ритм, который почему-то слышался фоном к воспоминаниям о безумных воплях полуденной бойни. Тогда фра Пиет ни разу не слез с коня, однако Маррон почему-то вспоминал именно его шаг. Но как сумел влиться в этот неровный

ритм плач ребёнка, как в него вошла бежавшая несколько мгновений кровь?..

В темноте человеку мерещатся ужасы, и реальные, и воображаемые. Про себя Маррон молил о свете, о самом крошечном лучике, на который можно было бы посмотреть. И свет медленно возник. Вначале тьма в дверном проёме посерела, стал виден сам проем и силуэт фра Пиета в нём; потом серый цвет превратился в пляшущий жёлтый огонёк, который принёс не только свет, но и звук, мягкую поступь множества ног.

Огонёк оказался факелом, который нёс один из братьев. Фра Пиет протянул к нему собственный незажженный факел. Слова были ни к чему. Шагавший брат даже не остановился, только опустил факел пониже на мгновение, достаточное, чтобы поделиться огнём.

За этим молчаливым монахом шло множество едва различимых теней в капюшонах. Примерно у каждого тридцатого был факел.

Наконец процессия миновала комнату. Фра Пиет выступил в коридор, подняв факел повыше. Он не сделал ни единого жеста, однако отряд, вспомнив увиденное, пошёл за ним, выстроившись в шеренгу. Братья натянули капюшоны и опустили головы, глядя в ноги впереди идущим.

Узкие извилистые коридоры пронизывали толщу замка. Маррону подумалось, что сейчас они с братьями больше всего напоминают личинок в сыре. Дважды они останавливались; заметив внезапную запинку Олдо, Маррон замирал на месте, радуясь, что не спит на ходу, и чувствуя огромное облегчение оттого, что перед ним идёт друг, а не фра Пиет. Отряд стоял и ждал — как показалось Маррону, в эти минуты их путь пересекали другие процессии; впрочем, он ничего не смог бы разглядеть впереди, даже если бы отважился поднять голову. Потом отряд снова начинал шагать, молча и покорно, словно рабы.

Наконец коридоры стали шире; рядом с ними шагал ещё один отряд. Так, колонной по двое — брат и незнакомец, — они и подошли к огромной двери, открывавшейся в главный зал Рока.

* * *

Внезапно факел фра Пиета вспыхнул ярче, словно дерзкий светлячок, решивший разогнать ночь. Вспышка мелькнула и затерялась в темноте. Факелы остальных братьев теперь казались очень тусклыми и далёкими.

Не отвага, но страх заставлял отряд шагать в вяжущую черноту — страх остаться позади, остаться в одиночестве.

— Идите, — было сказано им, и они шли, прижимаясь ближе друг к другу, изредка даже касаясь товарища. Не важно, насколько холодна была его кожа или одежда, — важно было только соприкоснуться с чем-нибудь, кроме камня под ногами и темноты вокруг. Они дышали темнотой, и это им не нравилось. Один счастливчик, шедший сразу же за фра Пиетом — обычно такое соседство отнюдь не считалось удачей, — был совсем рядом с факелом, а дальше тянулась цепь людей. Шедший за Олдо Маррон больше не чувствовал ни стен вокруг, ни крыши над головой. Вокруг была только вязкая ночь, ворвавшаяся даже в это святое место, нарушившая естественное равновесие, величайший подарок Господа своим смертным подданным. Это казалось ересью, богохульством, вопиющей несправедливостью; уж где-где, но здесь свет должен был быть братом тьмы, уходящим на закате, однако не сокрушённым, не изгнанным навек.

И не одно послушание заставляло Маррона опускать голову, шагая вслед за Олдо. Он был охвачен страхом, избавиться от которого не помогало даже присутствие стольких братьев вокруг; юноше казалось, что он находится в присутствии чего-то неизвестного, что способно перевесить цели Самого Господа, а быть может, это было отсутствие Бога, заполнившее весь этот зал — или оставившее его столь пустым.

Наконец фра Пиет широко взмахнул факелом в сторону, и отряд увидел ряд коленопреклонённых братьев. Медленно, осторожно приблизившись, касаясь друг друга, сталкиваясь плечами, отряд образовал ещё одну линию. Маррон почувствовал не только плечо Олдо, но и его холодную руку, и изо всех сил сжал её. Они вместе опустились на колени, и остановиться было почти так же приятно, как пожать руку друга. Повернув голову в надежде увидеть под капюшоном лицо Олдо, Маррон вместо этого заметил, как стоявший в конце ряда фра Пиет размахнулся и ударом загасил факел о каменные плиты пола. И это уже приятно не было. Маррон крепче сжал пальцы Олдо.

Тени резко, дико взметнулись и исчезли. Позади Маррон услышал шарканье, дыхание и шелест одежды — там преклонил колени ещё один отряд. И хорошо — Маррон оказался в окружении людей, хотя чувство опасности не покинуло его совсем. Ненормальной казалась эта непроницаемая тьма, нарушенное обещание.

Теперь сзади не было ни света, ни движения. Маррон не решался даже повернуть голову, опасаясь, что фра Пиет видит и в такой темноте. Он вытянулся и вгляделся во тьму, надеясь

увидеть хоть один непогашенный факел, но не увидел вообще ничего.

Снова падая во мрак, все ещё цепляясь за руку Олдо, он ждал вместе со всеми. Вскоре сзади снова послышались шаги, они приближались, постепенно появился свет, и впереди стали видны ряды склонённых капюшонов. Маррон больше не осмеливался шевельнуться, зная, что фра Пиет тщательно следит за малейшим намёком на непочтительное любопытство.

Двойная цепь факелов, несомых братьями в чёрном, прошла по проходу, двенадцать пар факелов в медленном параде, за ними сам прецептор и магистры Ордена. Снова факельщики, а за ними ряд за рядом люди в белых рясах и чёрных плащах. Маррон нахмурился, не понимая, что они тут делают.

Процессия продолжала двигаться; её трудно было бы разглядеть поверх голов в капюшонах, если бы не мелькание белых ряс. Люди в белом растянулись цепью перед коленопреклонёнными братьями, а по сторонам, там, где восходили к алтарю невидимые ступени, продолжала подниматься вверх горящая нить факелов. Потом и они погасли, и света не стало снова.

Долгое и ужасное мгновение тишины, когда казалось, что все братья дружно затаили дыхание. Великий колокол ударил ещё раз, отдавшись в плоти и костях Маррона и Олдо. Маррон почувствовал, как одновременно с его пальцами вздрогнули пальцы друга. Голос прецептора воскликнул: Fiat lux![1]

И стал свет. Голубой свет, вначале холодный, изгибавшийся двойной петлёй Господнего знака на дальней стене над алтарём, он разгорался ярче, он пылал как солнце, на которое нельзя смотреть, переливался жидким огнём под оболочкой свирепого сияния. У Маррона глаза налились слезами, и он быстро отвернулся.

Теперь света хватало, чтобы увидеть весь зал — святое обещание осуществилось в сиянии и славе, и равновесие возвратилось. Первое, что увидел Маррон, когда привыкли глаза, — что весь отряд, как и он сам, оборачивается и озирается; второе же — чёрная тень под капюшоном фра Пиета, когда исповедник повернул голову к своим подопечным, и чёрные неосвещённые глаза его вспыхнули.

Голова наклонилась сама собой, а глаза уткнулись в пол. Никаких больше рассматриваний. Теперь Маррон видел лишь спины сотен коленопреклонённых братьев да широкие тени огромных колонн, рядами уходящих вперёд.

Зазвучал голос, читавший полночную службу. Он легко наполнял собой весь зал, и Маррон подумал, что здесь должна

быть замешана магия, точно такая же, что и в игре света за алтарём. Однако он больше не испытывал страха, только восторг, он был верующим среди верующих, пришедших вознести хвалу Господу, он радостно, с готовностью присоединился к их голосам. Пожалуй, не следовало делать только одного: он так и не отпустил руку Олдо и держался за неё на протяжении всего часа службы.

После службы даже молчание словно бы отзывалось и пело в вышине. Успокоенный в душе, не боясь ничего после столь яркого подтверждения власти Господа, не слышащий уже плеска крови убитого ребёнка, Маррон даже не пытался глянуть вверх. Повиновение есть не только долг, но добродетель; иногда же — и удовольствие. Позже, днём, у него наверняка будет возможность побывать здесь при свете. Но несмотря даже на низко надвинутый край капюшона и опущенные глаза, он всё ещё видел движение впереди, когда братья на возвышении встали и подняли руки с потухшими факелами. Фра Пиет наверняка сделал то же самое, но у Маррона даже не возникло желания смотреть, не возникло и вопроса, зачем это. Ответ ещё придёт.

И ответ пришёл: два сияющих луча вырвались из знака над алтарём и коснулись по очереди каждого факела, загоревшегося мерцающим огнём. По этому сигналу встали все братья — отряд Маррона отстал от них на какое-то мгновение. Магистры Ордена снова прошли мимо в сопровождении факельщиков; шествие замыкали люди в белых рясах. Дойдя до двери, прецептор, должно быть, повернулся к залу. Маррон не видел его, но заметил, что оставшаяся на возвышении часть процессии остановилась. Потом прецептор произнёс последнее благословение, огромный знак над алтарём померк, его свет потускнел и исчез, запечатлевшись под закрытыми веками. Маррон закрыл глаза, не желая отпускать образ, и открыл их, только когда Олдо дёрнул его за руку и разжал пальцы.

Зал уже наполовину опустел. Оставшиеся факелы все ещё горели, храбро сражаясь с темнотой, образуя коридор бледного света, куда и повёл свой отряд фра Пиет. Шедший следом подтолкнул Маррона; юноша поспешил за Олдо, влился в общий шаг и спокойно дошёл до двери спальни. Там отряд снова расположился на сон до тех пор, пока Брат Шептун не поднял братьев на рассветную молитву.

В раскалённом добела небе высоко горел медный диск солнца, обжигая верхний двор замка, и Маррон обливался потом.

Он был не один: вместе с ним стоял весь его отряд во главе с фра Пиетом. Во дворе, кроме них, было ещё человек пятьдесят, вместе с которыми отряд не меньше часа фехтовал на учебных

мечах, круглых тупых деревяшках, которые могли оставить синяк, но зато не могли ни ранить, ни убить. «Кроме как в руке мастера, — вспомнил Маррон слова своего дяди, слышанные много лет назад. — Впрочем, в руках мастера убивает даже пёрышко. Я сам это видел…»

Однако противники Маррона не были мастерами; им едва удалось оцарапать юношу. Но ведь у них не было такого дяди… Маррон не слишком обольщался насчёт собственного мастерства, однако и не скромничал зря. Он знал, что дерётся хорошо, потому что специально занимался с усердным учителем, но понимал, что мог бы сражаться и получше. Раньше он надеялся усовершенствовать своё умение в Чужеземье, сражаясь за Господа и упражняясь вместе со старыми рубаками. Но сейчас все надежды исчезли. К чему мастерство, если все, чем тут предстоит заниматься, — война со стариками, женщинами, безоружными мальчишками да младенцами?

Этим утром в Марроне застряла горечь, которую не смогли прогнать даже рассветная служба, состоявший из каши завтрак и угрюмая решимость на учениях. Спал он беспокойно и теперь чувствовал себя более обманутым, чем потрясённым, более убийцей, чем праведным воином. Сегодня трудно было все свалить на фанатизм фра Пиета, бросившего их в безумие убийства, — тяжесть содеянного перевешивала подобные оправдания.

Но Маррон, несмотря на эти мысли, делал то, что должен был делать. Он стоял рядом с Олдо и с остальными братьями и смотрел, как расходятся их соперники. Потом ушёл даже фра Пиет, и отряд остался без присмотра на несколько минут, пока исповедник шёл навстречу бородатому коротышке с длинным мечом на поясе. Это был человек, слава которого переросла хозяина, — магистр Рикард, главный мастер оружия Ордена и знаменитый фехтовальщик. Он прибыл в эту землю в свите герцога и вложил в освоение Чужеземья немало сил, сделав своего сюзерена королём страны, и пусть надежды Маррона рассыпались в пыль, отдающую горечью во рту и в горле, но всё же под началом этого человека он будет драться изо всех своих сил.

Магистр Рикард пожал руку фра Пиета и заговорил с ним как с равным, чем несказанно удивил Маррона, и они вдвоём медленно направились к отряду, наклонившись друг к другу и негромко разговаривая. За ними шли шестеро юношей в чёрных плащах, но рясы под плащами были белые.

— Кто это? — тихо спросил Маррон, воспользовавшись моментом.

— Рыцари-искупители, — ответил сзади ворчливый голос. — Из какой ты деревни явился?

«Уж тебя бы в этой деревне поучили!»

Впрочем, это следовало бы знать и самому. Рыцари-искупители были сыновьями знати. Они не посвящали всю свою жизнь и имущество Господу, однако давали клятву провести год, два или пять на службе Ордену. В Элесси это считалось долгом, в других же провинциях Чужеземья, как слышал Маррон, было скорее модой, но чёрный значок прошедшего службу в Ордене ценился очень высоко и молодой человек, не обладающий им, считался слегка ущербным. А в некоторых фамилиях год службы был ритуалом посвящения, после которого юноша считался мужчиной.

Что бы ни приводило этих людей в Орден, их сопровождали — как Маррону рассказывали — пажи и оруженосцы, они ели и спали отдельно, ходили или не ходили на службы по собственному желанию. И одевались они иначе — как Маррон теперь видел сам. Есть рыцари, и есть братья, это Маррону было сказано, они мало друг с другом соприкасаются; и Маррон уже знал, кого он ставит выше.

Он понял это вдвое яснее, когда шестеро рыцарей встали в углу и сбросили плащи. Они поглядывали на отряд, разговаривали и ухмылялись, улыбаясь лишь с лёгким оттенком презрения — большего не стоят эти шуты-братья, говорил весь их вид.

Маррон ощущал такое же презрение и надеялся, что рыцари это заметят. Да, под плащами они носили белые одежды; да, у них были мечи и блестящие кольчуги. Кольчуги! Он слышал, будто рыцари-искупители идут в бой в доспехах подобно рыцарям светским, но никогда не давал этим слухам веры. А ведь сейчас не ожидалось ничего, кроме боя на деревянных мечах, — так зачем же им кольчуги? Разве что они хотят показать, как они сильны и как безразличны к жаре и весу надетой брони?

Братья вокруг зашептались, вторя мыслям Маррона:

— Кольчуги! У них что, никакой чести нет? Они вообще верят в Господа? Устав запрещает нам…

— Нам, — произнёс за их спинами суровый голос, — но не таким, как они. У них свои обеты, у нас — свои.

Братья разинули рты и дружно замолкли. Увлёкшись спором, они совсем позабыли о фра Пиете. Как ни странно, ни в голосе, ни во взгляде, который они осмелились встретить, не было осуждения, хотя братья явно провинились, разговаривая без разрешения. Неужели, подумал Маррон, пропасть между братьями и рыцарями так глубока, что фра Пиет в этом заодно со

своими подчинёнными?

Но не это было важно: они не получили выговора, а значит, не будет и наказания. Этого достаточно. Взмахнув рукой, фра Пиет привлёк внимание отряда к магистру Рикарду; тот стоял в лучах солнца, а его тень лежала под ногами, словно брошенный в пыль плащ.

— Братья! — начал он, и его голос прозвучал словно надбитый колокол — громко и чуть надтреснуто. — Подобно всем нам, вы прибыли, чтобы служить Господу послушанием, молитвой и мечом. Что касается последнего, то это моя задача — научить вас обращаться с оружием. Я следил за вашим учением из окна. Многие из вас держат меч как мотыгу! — Упрёк заставил нескольких братьев стыдливо заулыбаться и зачертить носками сапог в пыли. — Надеюсь, мы сможем научить вас управляться с ним получше. Есть среди вас и такие, которые кое-что умеют. Ты, ты и ты…

Его палец указал на шестерых братьев, среди которых оказался и Маррон. Олдо не попал в число отмеченных, что было вполне справедливо, — сколько лет ни бился учившийся у дяди Маррон, он так и не смог научить друга чему-либо большему, чем с трудом управляться с мечом. А вот со стрельбой из лука всё обстояло иначе: Олдо мог подбить дрозда на лету, а Маррон мазал даже по курице.

— Шаг вперёд. Посмотрим, что вы умеете.

Так вот зачем здесь рыцари, понял наконец Маррон. Их шесть и нас шесть. Сыновья дворян против сыновей фермеров, земледельцев, крестьян — нет, честного боя не выйдет, хотя магистр Рикард выбрал действительно лучших фехтовальщиков отряда. Известно ведь, что дворяне учатся фехтовать раньше, чем читать.

И всё же Маррон был твёрдо намерен сделать все для спасения репутации отряда и чести дяди и отца, которого юноша никогда не знал и чьё имя носил, — тот погиб в Чужеземье за то же дело, за которое собирался сражаться сын. Рыцари встали полукругом, и Маррон оказался напротив молодого человека лет на пять старше себя, темноволосого и такого же худощавого, только на ладонь повыше.

Парень наверняка может сделать глубокий выпад — впрочем, кольчуга замедлит его движения. Маррон встал в позицию, но противник засмеялся.

— Полегче, мальчик, вначале давай представимся, — произнёс он с насмешливым поклоном. — Моё имя Антон д'Эскриве.

— Сьер Антон. — Глубокий поклон, глубже, чем поклонился

противник; хвала Господу, Маррон сумел вспомнить надлежащее обращение. — Меня зовут Маррон.

— Ну что ж, фра Маррон, начнём?

Рыцарь достал меч — настоящий меч, а не деревянную палку. Судя по тому, как на гранях меча играло солнце, клинок был острее бритвы. Маррон не сумел скрыть мгновенного колебания, что заставило сьера Антона рассмеяться ещё раз.

— Не бойся, мальчик — прошу прощения, брат мальчик. Я тебя не уколю, ну, или уколю несильно. Стану я рисковать, когда на нас смотрит Рикард! Я буду бить плашмя.

«Сначала достань меня», — угрюмо подумал Маррон, сжимая зубы и вновь становясь в позицию. Его глаза мгновенно вспомнили науку, и он впился взглядом в острие меча и в плечо рыцаря. Кроме того, он следил и за запястьем бойца, полускрытым фехтовальной перчаткой.

Вокруг слышались удары стали о дерево, тяжёлое дыхание, хрип и скрип сапог на присыпанном песком камне. Маррон собрался, изгнал из сознания эти звуки, перестал обращать внимание на едва заметные краем глаза движения, чуть пригнулся и пошёл в атаку.

Сьер Антон изящно шагнул вперёд, встречая его. На клинке сиял солнечный свет. «Никогда не пытайся предугадать действия мечника, — не раз предупреждал Маррона дядя. — Следи за остриём, за запястьем, за плечом и реагируй на то, что он делает, а не на то, что он, по-твоему, должен сделать». «А он ведь считает меня тупицей, — подумал Маррон. — Думает, я боюсь острия меча. Он сделает ложный выпад, чтобы заставить меня отпрыгнуть, а потом хлопнет по рёбрам. Он думает…»

Маррон напрягся, стоя на носках, — и противник действительно сделал выпад, сияющий клинок пошёл вперёд, прямо в грудь Маррону, и вильнул в сторону для жалящего удара плашмя. Вот только Маррон не стал дожидаться прикосновения; он прыгнул навстречу выпаду меча, настолько близко, что клинок в замахе для удара зацепил одежду. Мимолётный взгляд на округлившиеся глаза противника всего в футе от его собственных — и Маррон обрушил тупой деревянный меч на большой палец сьера Антона. «Вот так, пусть уронит меч перед своим учителем. Пусть он выглядит дураком, а не я…»

Но сьер Антон не выпустил меча. Молодой рыцарь лёгким движением ушёл за пределы досягаемости Маррона и одобрительно, с удивлением кивнул юноше. «Черт, у него же перчатка с металлом, — с досадой подумал Маррон. — И теперь он не будет так беспечен…»

Сам Маррон тоже не собирался расслабляться. Они снова

сошлись, и на этот раз фехтовали как равные, наносили удары и парировали их, делали обманные движения, чередовали выпады и защиты. Пять тяжких минут они кружились друг напротив друга и фехтовали, не обращая внимания на всех остальных. Через несколько минут глаза Маррона щипало от пота, дыхание затруднилось, а державшая меч рука зверски болела. Теперь юноша только отступал — силы всё-таки были не равны, и оба противника знали, что хозяин положения сейчас сьер Антон.

Впрочем, всю свою жизнь Маррон сражался с куда более сильным противником. Юноша всегда проигрывал своему дяде в росте и скорости и потому знал: его сила в защите. Он лихорадочно вспоминал все что знал — парировать удар, сделать ложный выпад, отступить, снова парировать. Побагровевший от унижения сьер Антон держал меч обеими руками и, несмотря на собственное обещание, грозил Маррону лезвием, откалывая от деревянного клинка щепки. Окончится ли схватка, если деревянный меч не выдержит и сломается? Прикажет ли магистр Рикард своему рыцарю остановиться? И услышит ли сьер Антон приказ — или постарается пропустить его мимо ушей?

Маррон не знал, однако мгновенное раздумье стоило ему сосредоточенности: глаза скользнули в сторону, где стоял главный мастер оружия. Так что дураком всё-таки оказался он, и Маррон, в тот же миг это поняв, резко перевёл взгляд обратно, но было поздно. Сьер Антон уже пробил ослабевшую защиту Маррона яростным колющим ударом, вложив в него всю свою озлобленную досаду.

В болезненной ясности этого момента Маррон увидел, что лицо молодого рыцаря изменилось в самой середине выпада. Маррон бросился на землю, покатился («Всегда катись по направлению к врагу, мальчик, а не от него. Доберись до него, сбей с ног, если сумеешь, хоть за ноги кусай. Если ты покатишься прочь, он шагнёт за тобой и прикончит тебя, смеясь») и все равно погиб бы, пронзённый клинком, ещё не успев упасть на землю, если бы сьер Антон с громким криком не отбросил меч.

Слишком поздно, чтобы спасти Маррона от раны, но вовремя, чтобы спасти от гибели. Клинок не попал в сердце, вообще миновал грудь, но вспорол одежду и кожу на левой руке и зазвенел на камнях двора. Маррон ощутил рвущий холод этого прикосновения, мгновенно превратившийся в жар, но он уже катился к ногам противника, поднял глаза на побледневшее лицо сьера Антона, увидел свою руку, все ещё сжимающую деревянный меч.

И ударил вверх, не с силой, которой уже не было, и всё же с достаточной силой и соображением, чтобы не бить в защищённую

кольчугой грудь. Он ударил тупым концом в горло сьеру Антону, и ударил достаточно сильно, наверняка оставив кровоподтёк. Будь у его меча острый конец, горло оказалось бы перерезано. «Разрезать и повернуть, и тогда смерть мне наверное».

Сьер Антон отпрыгнул, кашляя и ругаясь, а затем снова приблизился, потирая рукой горло, и всё же с тенью улыбки на лице.

— Неплохо. Но, если не ошибаюсь, первым убил тебя я, — произнёс он, словно прочитав по лицу Маррона все его мысли. Может быть, так оно и было.

Он протянул сопернику руку. Маррон отпустил меч и схватился за неё. Сьер Антон легко поднял его на ноги и придержал, пока колени Маррона не перестали дрожать, а сам он не начал дышать ровно и не восстановил равновесие.

— Покажи, — указал сьер Антон на раненую руку.

Они вместе осмотрели рану. Рукав рясы Маррона был разрезан, вокруг дыры расплывалось красное пятно. Сьер Антон отогнул рукав и обнаружил на предплечье длинный порез.

— Рана не глубокая. Боюсь, будет шрам, но совсем небольшой, рука будет действовать. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Маррон…

— Вот что, фра Маррон, — снова ехидно, однако на этот раз без всякого высокомерия, сказал он, — промой и перевяжи рану, а потом возвращайся, ладно?

Кивок, хлопок по плечу — и сьер Антон отвернулся, поднял свой меч, осмотрел его лезвие, вынул из кармана на поясе кусок ткани и протёр клинок. Маррон смущённо смотрел ему вслед, чувствуя, как руку жжёт всё сильнее, словно раскалённым тавром.

Тряхнув головой и поморгав, чтобы прогнать головокружение, Маррон огляделся и увидел, что учения уже кончились. Остальные — схватки закончились давным-давно, братья и рыцари стояли вдоль стен и глядели на Маррона и сьера Антона, переводя глаза с одного на другого.

Маррон чуть пошатнулся, и к нему подбежал Олдо. Подперев друга мощным плечом и обхватив рукой, он бессвязно зашептал:

— Ты молодец, это было здорово, если бы у тебя был настоящий меч, ты бы ему показал, а он что, убить тебя хотел?.. — А Маррон просто стоял, тряс головой и смотрел на капающую с пальцев кровь, пока не подошёл фра Пиет. Исповедник объяснил им, где взять бинты, воду и новую одежду. Он даже кивнул Маррону и коротко поздравил с тем, что он замечательно дрался и не посрамил отряд. Однако сейчас Маррон слышал только прощальные слова сьера Антона, заглушавшие все остальные звуки: «Потом возвращайся, ладно?»

Не просьба и даже не приглашение, скорее уж команда, и Маррон не мог понять почему, но ему хотелось подчиниться. Он так и сделает. Если ему будет позволено.

Первое головокружение прошло, и Маррон, послушавшись Олдо, накрыл рану пропитанным кровью рукавом, прижав его изо всех сил, чтобы остановить кровотечение. Он уже мог идти более или менее ровно, однако Олдо все равно отправился с ним, хотя никто ему этого не разрешал. «Сделать то, чего тебе не приказывали, есть ослушание». Маррон и Олдо шли по двору, ежесекундно ожидая, что фра Пиет сейчас прикажет Олдо вернуться.

Однако окрика не последовало. Оборачиваться, чтобы узнать, заметил ли их фра Пиет, они не стали — может, и к лучшему. Безмолвное позволение либо дано, либо нет, и если нет, Олдо об этом наверняка узнает. Сомнение иногда бывает куда более удобным товарищем, нежели уверенность.

Дважды спросив дорогу, они нашли лазарет. Брат лекарь прижёг рану такой едкой и вонючей мазью, что Маррон даже вскрикнул, хотя само ранение перенёс без звука. Лекарь перевязал руку длинной полотняной лентой и пообещал, что на месте раны будет шрам шириной не больше мизинца и длиной не более двух. Из лазарета в ризницу — Маррон ожидал, что ему прикажут самому отстирать и зашить рясу, как было бы в аббатстве, однако ему без единого замечания выдали новую, — оттуда обратно во двор. Даже если бы сьер Антон и не приказал Маррону вернуться, они не знали бы, куда ещё идти.

Шестеро рыцарей-искупителей сражались между собой; фра Пиет с отрядом ушли, и магистра Рикарда тоже уже не было.

Явно ожидавший возвращения Маррона, сьер Антон вскоре заметил его появление. Он сделал шаг прочь от противника, поднял левую руку и опустил меч. Его напарник кивнул и встал в сторонке, а сьер Антон подошёл к братьям.

— Твой отряд ушёл в оружейную, — коротко сказал он Олдо, — и тебе следует идти туда же. Вон туда, — показал он дорогу, жестом, предупреждавшим любые возражения. — А ты, — это уже относилось к Маррону, — стань вот там и смотри. Да не бойся ты, я отпросил тебя у твоего исповедника по меньшей мере на час. Следи за мной.

Он вернулся к напарнику. Олдо неуверенно взглянул на Маррона и пошёл, почти побежал в указанном направлении.

«А как же я? — подумал Маррон, нервно поглядев на высоко стоявшее солнце. — Что мне делать, когда колокол призовёт всех на молитву, — идти в молельню вместе с рыцарями?» Он не мог представить себе такого, но не мог и остаться за дверью. Долг

прежде всего — а провести в молитве четыре Великих Часа было для каждого брата долгом, стоящим выше любого другого.

Но Брат Шептун пока молчал, а здесь от Маррона тоже требовалось послушание; если и не послушание брата рыцарю согласно Уставу — он не знал или не мог вспомнить, требуется ли оно, — то послушание простолюдина дворянину, а к этому Маррон был привычен всю свою жизнь. Маррон стоял там, где ему было сказано, и смотрел на фехтующего сьера Антона.

Теперь он понял, почему рыцари надевают кольчуги даже на учения; понял до конца и то, почему так долго продержался в своей первой схватке. Пока сьером Антоном не овладела ярость, он всё время помнил об остроте своего оружия и о том, что на Марроне нет доспеха, и каждое движение рассчитывал осторожно. В схватке же рыцарей с рыцарями, одинаково обученными и вооружёнными, одетыми в одинаковые кольчуги, таких предосторожностей никто не предпринимал. Маррон не то что пяти минут, и одной бы не выстоял бы против такой умелой атаки, а любой из ударов, высекавших искры из кольчуг, просто рассёк бы его пополам.

Все шестеро рыцарей были прекрасно обучены; пожалуй, таких мастеров Маррону видеть ещё не приходилось. Ему показалось, что сьер Антон бьётся лучше всех. Его меч с обманчивой лёгкостью плясал в воздухе, поддразнивал и подманивал противников, а потом бил наверняка. Учебные бои длились всего по нескольку минут, рыцари часто меняли партнёров, иногда сражаясь вдвоём против одного, но и в таких случаях сьер Антон чаще побеждал, чем оказывался побеждённым.

Наконец рыцари закончили игру. Вложив мечи в ножны, они быстро и негромко переговорили между собой, и пятеро из них пошли прочь. Сьер Антон остался на месте и взглядом подозвал к себе Маррона.

— Как рука, не болит? — спросил он и в ответ на кивок Маррона добавил: — Хорошо. Идём со мной.

Маррон скользнул взглядом по небу, увидел, что солнце подходит к полуденной черте, и почти решился спросить, куда они идут. Получив ответ, можно было бы попросить: «Нельзя ли сходить туда позже? Я должен быть на молитве». Однако он не сказал ни слова и молча пошёл вслед за высоким рыцарем, придерживая ноющую левую руку. Рыцарь вошёл в узкую дверку, поднялся по винтовой лестнице, прошёл по узкому коридору и открыл дверь.

Очевидно, это была его комната. Она была невелика и, по меркам знати, небогато убрана, однако младшего брата Ордена

она поразила уютом. Стены были увешаны яркими гобеленами, а на полу лежали тканые коврики. Тканые же занавеси закрывали окна, а постель была покрыта меховым одеялом. В одном углу стоял красивый резной шкафчик, в другом — деревянная рама.

Сьер Антон расстегнул портупею и швырнул её на постель. За ней последовали кожаные со сталью фехтовальные перчатки, защитившие его от меча Маррона и, вероятно, от мечей товарищей в учебном бою. Сьер Антон провёл рукой по слипшимся потным волосам и взялся за воротник кольчуги.

— Будь добр, помоги, если не трудно…

Правой, здоровой рукой Маррон придерживал за локоть раненую левую. Теперь он быстро отпустил её и шагнул вперёд, взявшись за плечи кольчуги и мимоходом удивившись тонкости и прочности колечек, из которых она состояла. Сьер Антон наклонился, изогнулся, шагнул назад и выскользнул из кольчуги. Доспех всей тяжестью повис на руках Маррона, заставив его зашипеть от боли в мускулах раненой руки.

— Повесь вон там, — махнул сьер Антон в сторону рамы.

Кольчуга с журчащим звуком упала на дерево. Маррон повернулся к рыцарю и обнаружил, что тот уселся на постель и вытянул в его сторону одну ногу.

— Ты не мог бы помочь…

И Маррон — Маррон, поклявшийся дяде, что будет слугой только Господу, — обнаружил, что стоит на коленях и снимает сапоги с рыцаря. Не успев ещё встать, не понимая, что он тут делает и почему вдруг взялся прислуживать сьеру Антону, он почувствовал отдавшийся во всём теле звон Брата Шептуна.

Маррон едва не задохнулся и с молчаливой мольбой посмотрел на сьера Антона. «Мне надо идти, хоть я и не знаю дороги», — говорил его взгляд. И снова Маррон промолчал, снова не смог сказать ни слова. Рыцарь встал с постели и опустился на колени рядом с ним.

— Ты знаешь службу?

— Да, сьер. — Конечно, службу он знал, но…

— Вот и хорошо. Помолимся вместе.

Маррон ожидал, чтобы сьер Антон начал молиться, сьер Антон спокойно выжидал седьмого удара, означавшего, что в большом зале начинается служба. После этого они с Марроном стали повторять положенные по обряду старинные слова. Возможно, и было что-то странное в том, что светский рыцарь читал основную часть службы, а давший обет монах всего лишь отзывался в положенных местах, как простой мирянин, — однако Маррона это совсем не удивляло.

Они отчитали службу быстрее собравшихся в зале, а два

негромких голоса звучали куда менее величественно, чем несколько сот, однако служба показалась Маррону ничуть не менее искренней. Произнеся последние слова, сьер Антон ещё с минуту оставался на коленях; губы его шевелились — он молился про себя. После этого он так открыто и радушно взглянул на Маррона, что юноша отважился задать вопрос:

— Прошу прощения, сьер… но вы всегда молитесь здесь, в своей комнате?

— Да, всегда. Я соблюдаю все Часы, как и вы, но только молюсь в уединении. — Увидев недоумение Маррона, он едко усмехнулся: — А ты думаешь, мне следует демонстрировать своё благочестие вместе с этими тщеславными франтами — другими рыцарями, выставляться напоказ перед братьями и Господом, гордясь своим происхождением и несомненными заслугами? Нет, спасибо…

Он резко встал и шагнул к высокому узкому окну, едва пропускавшему дневной свет. Маррон тоже неуклюже поднялся, уже приготовившись извиниться, хотя и не понимал, что в его словах могло показаться рыцарю обидным.

Но сьер Антон отвернулся от окна и уселся поудобнее в его амбразуре, улыбнувшись уже более естественно.

— Нет, — повторил он, — но тебя это не касается, Маррон. А теперь выслушай меня. Мы, рыцари Ордена, имеем право привезти с собой в Рок оруженосца или слугу и держать его при себе на протяжении всей своей службы. Но у меня нет слуги — хотя, уверяю тебя, это не моя вина. Я позаботился о его теле. Прецептор сказал, что я могу выбрать оруженосца из братьев-новобранцев. Мне хотелось бы, чтобы это был ты, однако я не имею права приказывать. Я могу только просить. — На мгновение дружелюбная улыбка стала скорбной, словно рыцарь сожалел о том, что вынужден опуститься до просьбы. — Итак, я в первый и единственный раз обращаюсь к тебе с просьбой, Маррон, — будь моим оруженосцем. Твои обязанности не будут обременительны — я не требовательный хозяин, зато ты научишься у меня тому, чего не узнал бы, прослужи ты в Роке хоть двадцать лет. И это касается не только фехтования. Согласен ли ты? Я не стану повторять просьбу дважды, — холодно добавил он, предупреждая всякий торг.

В этом не было нужды; Маррон не собирался торговаться, да и не о чём было. Вот только…

— Я… я не хотел бы покидать свой отряд, сьер… — Конечно, в первую очередь ему не хотелось покидать Олдо; в этом огромном мрачном замке, в здешней мрачной жизни ему нужен был хотя бы один друг. И потом, между Марроном и остальными

братьями тоже существовала незримая связь, рвать которую юноше не хотелось.

— Ты его и не покинешь. Как правило, ты будешь нужен мне два-три часа в сутки. Ты останешься монахом и будешь нести все обязанности монаха. Звание оруженосца только наложит на тебя дополнительные обязательства. Скажи да или нет, Маррон, но сделай это быстро.

— Тогда да, сьер. И благодарю вас…

Сьер Антон насмешливо покачал головой.

— Я рассёк ему руку до кости, потом задал ему добавочную работу — и он же благодарит меня за эту честь. Вот оно, дворянство, Маррон; даже наше прикосновение благословляет. Иди сюда. Нет, сюда. — Он встал и, взяв Маррона за плечо, подвёл его к окну.

— Вон, видишь? — показал сьер Антон.

— Вижу. Башня.

Окно выходило на один из замковых дворов, совсем крошечный, гораздо меньше того, где проходили учения, наверное, самый маленький двор в замке. Угол двора занимала приземистая башня, огороженная стенами почти на всю свою высоту. Стены замка, окружавшие двор, к ней не подходили. Башня стояла на самом краю гранитного утёса, служившего основанием крепости, и за ней наверняка скрывалась глубокая пропасть.

— Это самая старая часть крепости, — пояснил сьер Антон. Его рука переместилась на шею Маррона, не позволяя ему отвернуться. — Первыми здесь построили стену шарайцы. Вообще-то они почти ничего не строят, но эти стены воздвигли и удерживали башню, пока мы её не взяли. Всё остальное — и стены, и крепость — мы построили сами. А сама башня была возведена ещё до шарайцев; они построили свою крепость вокруг неё. Зачем? Чтобы владеть башней? Чтобы защищать её? Если кто-то и знает ответ на эти вопросы, мне его слышать не доводилось. Знаешь, как называется эта башня?

— Нет, сьер.

— Я не знаю, как звали её шарайцы, но мы называем её Башней Королевской Дочери.

— Простите, сьер?

— Да, Маррон?

— Наш король… у него нет дочери, сьер.

— Ты прав. Но говорят, что он сам дал имя башне. По легенде, он был здесь однажды, уже после падения Аскариэля, но ещё до Конклава. Конечно, до Конклава, как же иначе. Король осмотрел башню и приказал Ордену хорошенько охранять её.

Говорят, что после этого он засмеялся и нарёк её Башней Королевской Дочери.

Что ж, здесь было над чем смеяться — если бы кто-нибудь осмелился. Не было дочерей у владыки Чужеземья, как не было и лица, которое видел бы за пределами дворца хоть кто-нибудь за последние сорок лет. Он правил страной в полном уединении, не допуская исключений и не объясняя своего желания.

Имя было странным, но казалось, что не в нём дело. Сьер Антон не отпускал Маррона.

— Смотри… — только и прошептал он. Наконец Маррон понял.

— Сьер! Я не вижу двери…

Ни на одной из двух видимых из окна стен не было ни дверей, ни окон — только серая поверхность зализанного непогодой камня. Стена же, окружавшая башню, была построена вплотную к ней, и за ней не могло быть двери.

— Да, Маррон. Двери там нет. И некоторые мои собратья считают меня подобным этой башне — одиноким и замкнутым. Без окон и дверей. Быть может, ты обнаружишь, что они внушили то же самое своим слугам, и это будет ещё одно благословение тебе от моего прикосновения. Ты умеешь точить меч?

— Простите, сьер?

— Умеешь обращаться с точильным камнем? — Рука исчезла с шеи Маррона, а сам сьер Антон сделал шаг назад. Когда Маррон оглянулся, рыцарь уже стоял у постели, взвешивая на руке меч с портупеей.

— Да, сьер. — Первой наукой, которую преподал ему дядя, была именно заточка меча. Только после овладения ею ему было позволено учиться фехтовать.

— Прекрасно. — Сьер Антон кинул Маррону меч вместе с ножнами и портупеей, и Маррон поймал его. — Имя клинка — «Джозетта». Я зазубрил лезвие — по-моему, о кольчугу Раффела. Спустись вниз, к конюшне. Там тебе покажут, где точило. Когда закончишь, принеси меч обратно. Да смотри, обращайся с ним уважительно, его род куда древнее твоего. После этого можешь отыскать свой отряд. К тому времени служба закончится, и они пойдут на обед.

— Сьер…

— Да?

— Я ведь должен принести вам ваш обед? — Оруженосец или слуга, Маррон знал свои обязанности. Сьер Антон издал короткий смешок.

— Нет. Я не ем в середине дня. Утром и вечером это также не будет твоей обязанностью. Я ем вместе с некоторыми своими

собратьями, которым — как тебе скажут — безразлично, с кем есть. Раффелу, например. На учениях ты видел всех рыцарей, сколько их есть. Оруженосцев остальных хватает, чтобы прислуживать нам всем. Впрочем, благодарю тебя за предложение. Займись-ка лучше мечом, Маррон, — иначе ты можешь обнаружить, что я весьма придирчив во всём, что касается оружия.

Рыцарь закинул ноги в чулках на кровать, откинулся на подушку, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Маррон выбежал из комнаты.

На бегу он подумал, что башня без окон и дверей кое-кого ему напоминала. Нет, не сьера Антона — хотя и не понятно, почему, — но что-то неясное, копошащееся где-то в глубине сознания.

Пытаясь понять, что же ему вспомнилось, Маррон, не глядя, пробегал по коридорам и поворачивал то направо, то налево и заблудился, конечно; может быть, он с самого начала бежал не в ту сторону. Вокруг не было ни души, никто не мог указать Маррону верный путь — ни брат, ни рыцарь, ни слуга: полдень был наисвященнейшим часом даже для мирян. Заслышав полуденный колокол, крестьяне бросали работу на полях и преклоняли колена, вознося молитву; порядочные горожане спешили в церковь, в монастыре все стекались к часовне. А замок Ордена немногим отличался от монастыря. Все спускались в зал.

Все, кроме сьера Антона…

Маррону пришлось самому искать путь, петляя по дворикам и переходам, попадая в неожиданные изгибы коридоров, поднимаясь по неудобным ступенькам как раз тогда, когда надо было спускаться вниз. С каждым попадавшимся ему окном он всё больше терял ориентацию, ибо, выглянув, видел что-то совсем неожиданное. Возможно, так строители защитили свой замок на случай нападения, на случай, если чужак сможет подойти чересчур близко, подумал Маррон. А может, это была магия, заклятие, наложенное строителями и заставлявшее любого чужака заплутать в этом лабиринте.

«Я не чужак, я здешний брат!» — хотелось закричать Маррону так громко, чтобы его крик услышали неподатливые стены, скрывавшие двери там, где они должны были быть, там, где он искал их.

«Ни дверей, ни окон…» — снова эта мысль, нет, не мысль — то ли образ, то ли отзвук чего-то…

Наконец в стене показалась дверь, и Маррон сразу же узнал её: отряд уже поднимался по этому тускло освещённому пандусу накануне, когда фра Тумис вёл братьев из солнечного двора в

тень, к Залу Королевского Ока.

Маррон помчался вниз по пандусу. Да, вот открытый, мощённый булыжниками двор, а вот наконец и конюшни. Рядом с ними копошились конюшие-шарайцы, рабы и еретики, неверные, забытые на время службы. Маррон спросил, где здесь точило, и один из мальчиков провёл его к камню.

Запустив колесо и вытаскивая из ножен меч сьера Антона, Маррон вдруг подумал; «Сурайон!»

Да, конечно, Сурайон, Свёрнутая провинция — ни окон, ни дверей, ни входа, ни выхода.

Маррон обрадовался, что эта мысль не пришла к нему, когда он стоял у окна в комнате сьера Антона. Он, Маррон, мог бы брякнуть это вслух, а одно упоминание Сурайона считалось грехом и влекло за собой тяжёлое наказание — и это в аббатстве, возле родного дома. А уж о здешней каре за подобный проступок и подумать было страшно.

Да, это означало бы по меньшей мере публичное наказание. Или сьер Антон наказал бы его прямо у себя в комнате, причём наверняка серьёзно. Если бы кто-нибудь узнал о том, что в мыслях Маррона связались воедино башня, рыцарь и Свёрнутая провинция — излюбленная тема легенд, слухов и страшных историй, — он расплатился бы за это собственной кровью.

Однако он уже расплатился кровью, и рука горела, напоминая об этом. Господь послал ему наказание даже за невысказанные мысли, касавшиеся самого запретного; преданной анафеме земли, куда нельзя войти, отступничества, недоступного правосудию, и загадочно исчезнувшего неосязаемого врага.

Сурайон, Свёрнутая земля. Ни окон, ни дверей. И такая же башня, и рыцарь, который не то говорит о себе, что закрыт для мира, не то отрицает это… или и то и другое сразу? Маррон против воли продолжал сопоставлять, прижимая к вращающемуся точилу меч сьера Антона, сжимая зубы от боли, дёргавшей раненую руку при каждом нажатии на педаль.

В скрежете стали о точило ему послышался детский крик, а на полу вдруг заалели брызги крови. Маррону захотелось запереть на засовы все двери, забить окна и стать башней, сильной и твёрдой, недосягаемой, одинокой.

4. КАК ВЫСОКО, КАК ДАЛЕКО ВНИЗУ…

Вначале она приняла крепость за облако. Нет, даже не за облако, а за охватывающую горизонт грозовую тучу, за бурю, непривычную для этого времени года. Что ещё могло так мрачно нависнуть на фоне неба?

Только на исходе дня, когда паланкин немного приблизился к туче, но та осталась на своём месте и даже не изменила формы — увеличившись, впрочем, в размерах, — когда заходящее солнце осветило тёмную громаду — только тогда Джулианна поверила, когда уже не могла не верить. Когда наконец крепость стала видна даже сквозь занавеси, девушка разглядела рукотворные стены медового камня, то светлые, словно свежие медовые соты, то тёмные, как запёкшаяся корочка медового пирога. И эти высокие стены были высечены в огромной скале, вздымавшейся высоко над головой.

Джулианна попыталась было убедить себя в том, что высота стен — всего лишь игра теней или, возможно, обман зрения, в котором повинны полупрозрачные занавеси, однако её подруга только посмеялась.

— Признайся, Джулианна, ты просто не можешь разглядеть такую громаду целиком.

— Признаюсь. Замок большой…

Он действительно был большим, нет, огромным, невероятным, чудовищным. Пожалуй, даже чересчур, вполне искренне подумала Джулианна, а ведь она всю жизнь жила в Марассоне, который считался самым большим городом Востока. Да, у них в городе были величественные здания — дворец, крепость, великий храм с голубым куполом (как ей говорили, храмов, равных этому, в мире не было), — но ни одно здание Марассона не могло сравниться с Рок-де-Рансоном.

Скала, на которой стояла крепость, совсем не походила на окрестные холмы со скудной почвой и скудной растительностью, однако всё же полные жизнью от подножия до высохших, обглоданных ветром верхушек. Скала походила на зуб, поднявшийся из недр земли среди холмов, на «гору из Нижнего мира», как однажды, шутя, сказал отец, из мира ифритов — будто она разрослась так, что перестала помещаться в подземелье и пробила землю.

И работу Бога, огромную голую скалу, саму по себе бывшую крепостью, улучшил человек. Он строил стены, поднимаясь всё выше и выше, и даже с такого расстояния видны были уровни замка, ярусы, подобные тёмным слоям из трещин и странных

полос на камне, на котором они стояли.

Даже в ярком дневном свете скала казалась мрачной, окутанной тенью — Джулианне эта тень показалась зловещей. А на самом верху, надо всем и вся, высилась крепость. Даже с расстояния в несколько миль, а то и лиг видно было, как высоко вознеслась цитадель, венчавшая обвитую подъёмом-серпантином скалу. Да, она могла испугать — и должна была пугать, хотя вряд ли именно Джулианну. Ей крепость должна была казаться надёжным и безопасным пристанищем, и ей не нравилось, что она не испытывает этого чувства.

— Сколько отсюда до крепости? — спросила она и тут же укорила себя и за сам вопрос, и за неуверенный тон, которым он был задан. Собственный голос показался ей самой голосом ребёнка, а не опытной женщины, которой она хотела быть, и не женщины, собирающейся вступить в брак, какой сделал её отец. Чтоб ему было пусто, это он виноват, дважды виноват, что отправил дочь в эти проклятые земли, а потом бросил одну. Может быть, если разозлиться как следует, это поможет…

Но куда больше Джулианне помог спокойный добродушный ответ Элизанды, которая словно бы и не заметила дрожащего голоса подруги. Девушка наклонилась, поглядела наружу сквозь окошко в занавеске, сердито что-то проворчала и пошевелила занавеску, чтобы было лучше видно, — наверное, чтобы посмотреть на местность между паланкином и замком, подумала Джулианна, а не на сам Рок: его размеры сбивали с толку и он казался ближе, чем на самом деле.

— С полдня, — ответила Элизанда, и даже у неё голос прозвучал неуверенно, от чего Джулианне почему-то стало спокойнее. — Если носильщикам будет нужен отдых… — («Будет, — подумала Джулианна, — ведь нас теперь в паланкине двое»), — то мы будем в замке к закату.

Хорошо бы. Сержант Блез отказывался совершать ночные переходы, а на дороге не было ни единой деревушки, где можно было остановиться на ночлег.

Джулианна вздохнула, пытаясь обрадоваться мысли о конце путешествия — ну, по крайней мере о перерыве в нём.

— Как ты думаешь, там есть ванны?

— Наверняка, только холодные. — Элизанда смешно сморщилась и повертела в руках краешек платья — одного из нарядов Джулианны. Так потребовал на вечернем привале Блез. «Она должна прилично одеться, мадемуазель». И вести себя прилично, что не было произнесено, но явно подразумевалось. Пожалуй, необходимость носить платье давит на Элизанду куда больше, чем правила приличия, подумала Джулианна. Конечно,

будучи гостьей суровых искупителей, она не сможет переодеться обратно в свой грубый наряд. И ещё Джулианне, как ни странно, было приятно, что этой девушке, столь решительно скрывающей свои цели, пришлось пойти на обременительные жертвы для их достижения. Дочь королевской тени все ещё понятия не имела, зачем Элизанда направляется в Рок; она была рада её обществу, с каждым часом, с каждым словом все более приятному, но на её таинственность обижалась ничуть не меньше.

Паланкин мягко покачивался на плечах носильщиков. Это покачивание убаюкивало, навевало ощущение обыденности — по крайней мере оно было бы убаюкивающим, если бы Джулианна была в настроении отдыхать. Будь она в паланкине одна, она, быть может, и подремала бы, утомившись от полуденной жары. Однако рядом была Элизанда, и вместо того чтобы спать, Джулианна подпёрла голову руками и смотрела наружу, наблюдая за медленно текущей мимо вереницей пыльных, выжженных солнцем холмов. Вперёд ей смотреть не хотелось. Смутные очертания замка поразили её воображение; теперь ей думалось только о высоких стенах, о воротах, которые захлопнутся за ней, о духоте и темноте. Таково её будущее… нет, об этом лучше не думать.

«Поезжай туда, куда ты послана, и выйди замуж там, где должно тебе». Нет, об этом тоже думать не стоит. Что толку в магии, если она лишь подчёркивает мрачность мира целесообразности и интриг, мира, где Джулианна всего лишь дочь своего отца и сама её жизнь — его дар?

Джулианна заметила, что Элизанда дремлет, свернувшись в клубочек и зарывшись в подушки, словно какой-нибудь зверёк. Гостья явно не собиралась проявлять особую вежливость и, подобно Джулианне, удерживаться от сна в присутствии новой подруги. Возможно, это выглядит глупо после того, как прошлой ночью им пришлось разделить кров и постель в грязном домишке у высохшей реки, но Джулианна здесь хозяйка, и Элизанда, проснувшись, не застанет её спящей.

Джулианна смотрела на плывущий мимо ландшафт и с трудом удерживалась, чтобы не раздвинуть занавески и не впустить в паланкин ветерок. Стараясь уловить свист ветра в долине, она внезапно услышала совсем другой звук. Совсем близко слышались мягкие шаги и редкие вздохи носильщиков, умолкших в изнеможении. Справа, слева, спереди и сзади паланкина раздавался топот сапог солдат эскорта. Позади поскрипывали колеса фургона с вещами и фыркали тянувшие его быки, слышался лёгкий танцующий шаг её верховой лошади Мериссы, а рядом со стражниками раздавался стук копыт лошади

Блеза. Всё было как обычно. Но теперь появилось ещё что-то, какой-то далёкий тревожный шепоток. Джулианна нахмурилась и села, в тысячный раз жалея, что нельзя снять с паланкина эти проклятые занавески, сквозь которые мир вокруг казался грязно-жёлтым.

Но было ясно, что Блез тоже это услышал. Он проскакал мимо паланкина и приказал солдатам быть внимательнее. Его голос, хорошо слышный сквозь все занавески, разбудил Элизанду; девушка заморгала, подняла голову и спросила:

— Что случилось?

— Не знаю. Прислушайся…

Они прислушались, и Джулианна мельком подумала, что её подруга, не задумываясь, может высунуть не покрытую вуалью голову из паланкина, чтобы лучше слышать. Впрочем, в этом не было нужды; звук быстро приближался и наконец стал вполне узнаваем. На этой дороге и в этой земле он явно означал опасность.

— Лошади, — заметила Элизанда, садясь на пятки и доставая откуда-то из-под юбки кинжал.

— Да, — согласилась Джулианна. Это действительно были скачущие лошади, много лошадей. — Убери это. Если будет нужно, солдаты защитят нас.

«До Рок-де-Рансона осталось совсем немного», — хотелось добавить ей, словно это само по себе было защитой, однако язык не послушался. Замок казался не меньшей угрозой, если не большей.

— А если не защитят или не смогут?

— Все равно ты ничего не сделаешь этой своей иголкой, только хуже разозлишь нападающих.

— Я могу убить кинжалом человека, если будет надо. Или двоих…

В словах Элизанды звучало скрытое предложение, план действий. На мгновение Джулианна поддалась искушению. Элизанда знала эту землю, а она нет; Элизанда явно любила жизнь, а Джулианне она опостылела. Если уж пришелица решит покинуть отряд, возможно, она, Джулианна, станет её гостьей на этой дороге…

Джулианна решительно тряхнула головой — «Не будь дурой!» — но не смогла удержаться от мыслей о том, не придётся ли ей жалеть о своём отказе, и если придётся, то как долго.

Раздался стук копыт — к паланкину скакала лошадь. Это был вернувшийся Блез.

— Всадники, мадемуазель, — хрипло произнёс он с полным пыли ртом, будто не хватало слюны, чтобы её выплюнуть.

— Мы уже поняли. Сколько их?

— Дюжина, две — трудно сказать. Вокруг них облако пыли. Но они близко…

Топот копыт приближался, а замок всё ещё был очень далеко. Вряд ли помощь могла поспеть вовремя, даже если бы жители замка решили оказать её… если только этот чёрный отряд, больше всего похожий на стремительно бегущую воду, не из замка…

— Прикажите своим людям остановиться, сержант. Друзья это или враги, мы их дождёмся. Нет смысла демонстрировать страх.

Демонстрировать храбрость тоже не было смысла: если одного вида отряда не хватит, чтобы отпугнуть нападающих, то вряд ли хватит его сил, чтобы отбить атаку. Но Джулианна была дочерью своего отца, чем иногда даже гордилась. Она не побежит и никому не даст повода думать, будто она испугалась.

Блез поколебался, однако согласно проворчал что-то и приказал носильщикам остановиться. Потом он начал отдавать приказы отряду. Солдаты оцепили поставленный наземь паланкин двойным кольцом; внешний ряд был вооружён пиками, а внутренний — мечами и арбалетами.

Блез в одиночку выехал навстречу приближающимся всадникам. На этот раз Джулианне не понадобилось подстрекательство Элизанды. Дочь королевской тени сама рванула в сторону занавеску, чтобы было лучше видно, не позаботившись закрыть лицо вуалью. Если пришла беда, скромность не спасёт им ни жизнь, ни честь.

Если отряду и угрожала опасность, она надвигалась медленно и неторопливо, сразу очевидная лишь для девушки, видящей опасность там, где ей следовало видеть убежище.

Сквозь дымку и тучу поднятой пыли Джулианна разглядела отряд из двадцати человек на отличных конях. Масть вороных лошадей была точно под цвет черным рясам всадников и опущенным на лица капюшонам. Джулианна вздрогнула, подумав про себя: «Замок», — а потом: «Рок-де-Рансон», ничуть, впрочем, не удивившись собственной проницательности. Стиль рыцарей-искупителей в Марассоне был хорошо известен.

Возможно, дело было лишь в мрачной одежде и безликости рыцарей, вдруг появившихся на пустынной дороге у огромной скалы и мрачного замка, но Джулианна не могла избавиться от ощущения угрозы. Ей хотелось крикнуть Блезу: «Отойди, не слушай их, не верь им!» Конечно, она не стала делать этого: это была его работа, и его люди должны видеть, как он её делает. Впрочем, кричать было уже поздно. Люди в чёрном осадили

коней, не нарушая строя. Один из рыцарей выехал вперёд и обменялся несколькими словами с Блезом. Сержант снял стальной шлем и склонил голову, не став разве что спешиваться и целовать сапог рыцаря.

Значит, это кто-то из магистров, подумала Джулианна, из старших членов Ордена. К тому же Блезу наверняка знакомо его имя или звание — сержант не склонен раздавать знаки почтения кому попало.

Блез развернул коня и бок о бок с рыцарем поскакал к отряду. Джулианне показалось, что он весьма охотно присоединился к новоприбывшим, словно отыскав среди них своё место. Что ж, почему бы и нет? Этого следовало ожидать. У элессинов были весомые причины уважать рыцарей-искупителей. По всей границе их государства стояли форпостами общины братьев, а граф Хайнрих весьма высоко ценил Орден.

Мужчины заговорили между собой, и Джулианне показалось, что она может воспроизвести всю их беседу. «Мадемуазель Джулианна де Ране, да, дочь королевской тени; едет в Элесси, чтобы выйти за младшего барона Имбера. Мне приказано отвезти её в Рок и охранять, пока барон не пришлёт за ней. С ней ещё одна девушка, её компаньонка». Вряд ли Блез скажет больше этого — не ради Элизанды или Джулианны, а ради себя самого. Строго говоря, он нарушил свой долг, взяв в отряд приблудную девчонку, неизвестную и не желающую о себе рассказывать. Старшины искупителей могли бы его сурово осудить.

Окончив разговор, мужчины подъехали к отраду. «Сейчас один из них осмотрит груз и похвалит другого за заботу о нём», — раздражённо подумала Джулианна.

Она быстро протянула руку и опустила занавеску. Элизанда посмотрела на неё скорее вопросительно, чем сердито.

— Прошу тебя, давай будем вести себя прилично, — сказала Джулианна. — Ради нашей репутации…

— Госпожа, у меня нет никакой репутации. Разве что ради вашей… Он наверняка захочет взглянуть на нас.

Элизанда порылась среди подушек и отыскала вуаль, полученную от Джулианны ещё утром вместе с платьем. Она аккуратно прикрыла лицо, потом потянулась к Джулианне и опустила вуаль и на неё. Дочь королевской тени так и не поняла, следует ли ей сердиться на дерзкую девчонку или смеяться.

Впрочем, ни на смех, ни на брань не было времени, потому что всадники уже оказались около паланкина. Блез заговорил, не отводя занавесок:

— Благородные дамы, со мной магистр Фальк из Братства искупителей, новый командир его воинов. Магистр Фальк,

позвольте представить вам мадемуазель Джулианну де Ране и её компаньонку, мадемуазель Элизанду.

— Благодарю вас. Но прошу простить, мадемуазель, мне неловко кланяться какой-то ткани, не имеющей человеческого облика, как бы красиво ни переплетался её узор.

Значит, под этим капюшоном есть чувство юмора. Лица Джулианна не видела, однако голос показался ей приятным, несмотря на некоторую примесь резкой, как бич, иронии. У магистра был тончайший акцент, не принадлежащий ни одной из провинций Чужеземья, — очевидно, акцент его родины; значит, при всей своей высокопоставленности он здесь новичок.

— Увы, магистр Фальк, в этой земле вашему взору предстанет только ткань; здешний обычай велит женщинам закрывать лица. — Не слишком ли это грубо или, наоборот, завуалированно, не напомнит ли это магистру о данном им обете целомудрия — или об обратной стороне этого обета, недостойных слухах насчёт Ордена, ходивших по стране? Что ж, пусть понимает как хочет; наверняка он сочтёт это невинным замечанием наивной девушки. — Но мы можем доказать, что обладаем вполне человеческими фигурами, хотя наших лиц вы и не увидите. Элизанда!

Шаловливо поклонившись, Элизанда с одобрительной усмешкой раздвинула занавеси.

— Приветствую вас, мадемуазель. — Его поклон не шёл дальше лёгкого кивка. Может быть, он не так уж толстокож.

Впрочем, она не намерена была отпускать его так просто.

— Магистр Фальк, а ведь ваш капюшон скрывает ваше лицо так же надёжно, как вуаль. Для мужчин ведь нет такого обычая, и я не слышала, чтобы таковы были правила Ордена…

Элизанда прилагала титанические усилия, чтобы не улыбнуться, — Джулианна чувствовала, как подрагивают пальцы гостьи на её руке. Дочери королевской тени совсем не хотелось, чтобы Элизанда вдруг фыркнула или расхохоталась.

— Нам посоветовали прикрыть головы от солнца, мадемуазель, по крайней мере до тех пор, пока кожа не привыкнет к нему.

Он небрежным движением сдвинул капюшон и серьёзно взглянул на Джулианну. Она увидела голубые глаза, высокий чистый лоб и короткие редеющие волосы. Да, ему следовало быть поосторожнее с солнцем; он был совсем не приспособлен к этой стране. Но больше всего Джулианну поразила его молодость, которую не могли скрыть даже залысины, — а ведь он был маршалом и комендантом провинции. В своё время отец объяснил Джулианне — понятно и толково, как объяснял вообще

все, — систему управления Ордена. И теперь девушка сразу поняла, какой властью обладает Фальк, — а она знала, что столь большая власть редко достаётся молодым людям. Искупители всегда были консервативны.

— Вам дали хороший, совет, — проронила Джулианна, грациозным взмахом руки позволяя ему снова надеть капюшон. Магистр подчинился, однако девушка решила на будущее не обманываться его кажущейся кротостью.

— С вашего позволения, мадемуазель, — имелось в виду, конечно, «с позволения вашего сержанта», которое уже наверняка было получено, — мы будем сопровождать вас отсюда до замка. Если бы мы знали, что вы едете впереди нас, мы скакали бы ещё быстрее. Эта дорога, хоть и проходит мимо самого замка, совсем небезопасна для путешествующей в одиночку молодой дамы.

— Едва ли в одиночку, магистр.

Он не улыбнулся и не сделал ни единого движения, но в его неподвижности Джулианна увидела всё, что он думал о её людях.

— Даже с таким отрядом вы рискуете. Конная охрана лучше пешей, а вдвое больше людей лучше, чем вдвое меньше.

Вот, значит, как? Солдаты Элесси слабоваты по меркам искупителей? Джулианна почувствовала себя обиженной, хотя ещё не была элессинкой и не хотела ею становиться. Этому молодому маршалу многому предстоит научиться…

Под внимательным взглядом магистра солдаты быстро построились; паланкин был поднят и снова начал покачиваться в такт шагу носильщиков.

Элизанда спустила вуаль на шею и спросила:

— Кого ты приобрела, Джулианна, — друга или врага?

— Не знаю.

Это прозвучало довольно жалко, отец был бы ею недоволен, но если врага, значит, Джулианна действовала плохо. Орден искупителей очень влиятелен, а там, где ей предстоит жить, его влияние будет ещё сильнее, и, быть может, молодой маршал послан этого добиться. Ей не удалось ни составить о нём суждения, ни понять, о чём он думает.

«Пока не удалось, — мелькнула мысль, не принёсшая, впрочем, облегчения. — Мы же сказали друг другу всего несколько слов».

Это была неправда. Для того чтобы сформировать первое впечатление, Джулианне хватило бы и пары слов. Отец весьма и весьма часто заставлял её это делать при дворе Марассона, но сейчас Джулианне это не удалось. Что несёт ей этот человек, добро, зло или ни того, ни другого, Джулианна не поняла, хотя и дала ему возможность это показать; что же означает он для всей

провинции и шире — для Чужеземья в целом, ей никак было не узнать.

Солнце медленно садилось за горизонт, но когда отряд достиг подножия утёса, камень все ещё алел в последних лучах. Там люди передохнули — по настоянию Джулианны, пожалевшей носильщиков. Ей более чем когда-либо хотелось, чтобы ей оседлали и подвели Мериссу: если уж надо войти в эти суровые стены, она хотела бы въехать туда верхом — жалкий жест независимости, который можно бы себе позволить.

Но её желание было неисполнимо, и Джулианна знала это. Она едва сумела выговорить отдых для носильщиков, да и то с трудом, получив в ответ только молчаливое согласие. Не пожелавшие спешиться искупители сбились в кучки и нетерпеливо поглядывали вверх, на дорогу и нависающую над нею крепость. Джулианна увидела Блеза — тот тоже смотрел на крепость, пока его солдаты присели отдохнуть в крошечных пятнышках тени. Сержант заставил коня подняться чуть выше по дороге и, казалось, погрузился в собственные мысли.

Вода осталась только во фляжке Джулианны, и она поделилась с подругой.

— Боюсь, мы с сержантом ввели этих людей в заблуждение, — произнесла дочь королевской тени. — Они считают тебя моей компаньонкой.

— Так оно и есть, — улыбнулась Элизанда. — А кто я ещё, по-твоему? — Не дождавшись ответа, она задала другой вопрос: — Тебя это не смущает?

— Ни капельки.

Джулианна действительно была бы рада, если бы Элизанда осталась с ней на всё время пути в Элесси, да и после него тоже. Однако просить об этом она не могла.

— Зато я теперь могу попасть в замок, — добавила Элизанда, — а иначе это было бы непросто.

Это тоже было правдой, и Джулианна сама успела об этом подумать. Снова возник вопрос, что нужно Элизанде в Рок-де-Рансоне, — но Джулианна не стала её расспрашивать, опасаясь вновь получить уклончивый ответ. Впрочем, один вопрос она всё-таки задала:

— Как ты думаешь, Блез рассказал маршалу про джинна?

— Ты знаешь его лучше, чем я, — задумчиво произнесла Элизанда. — Но я лично сомневаюсь. Сильно сомневаюсь.

Джулианна была того же мнения. Это тоже было нарушение долга — позволить своей подопечной так рисковать; и для искупителей джинн наверняка был созданием проклятым, общение с которым можно было приравнять едва ли не к ереси.

Нет, вряд ли Блез будет об этом рассказывать, и его люди тоже промолчат, если они достаточно дисциплинированны, — а Джулианне казалось, что так оно и есть.

Даже прошлой ночью, деля предоставленную им постель, Джулианна и Элизанда почти не говорили о джинне. Встреча с ним закончилась слишком быстро и означала для каждой из девушек что-то своё, хоть они и стояли рядом почти всё время. От слов джинна у Джулианны остался горький осадок: зачем он говорил с ней, если всего лишь подтвердил приказ отца? И она знала, что Элизанда не обрадуется вопросам. И отвечать на них скорее всего не станет..

Носильщики встали, показывая, что они готовы идти. Солдаты построились меньше чем за минуту, и караван начал долгий подъем к Року.

Они шли медленно — ни один разумный человек не стал бы торопиться на такой узкой и извилистой тропинке, где с одной стороны поднималась каменная стена, а с другой разверзалась бездна. Джулианна не могла представить, как Орден ухитрился захватить эту твердыню. Да два десятка человек могли бы удерживать её против целой армии!

«Они не могли противостоять армии Господа», — пришёл ответ. Впрочем, у шарайцев был свой бог, а детство, проведённое в космополитическом Марассоне, научило Джулианну втайне интересоваться чужой верой и сильно сомневаться во многом из того, что священники её религии называли вечными истинами.

Носильщики изо всех сил старались держать паланкин ровно. Для этого шедшие впереди опустили рукояти паланкина до пояса, а задние положили их себе на плечи. И всё же носилки трясло и раскачивало, девушки цеплялись друг за друга и смеялись, катаясь из угла в угол. Элизанда, похоже, искренне наслаждалась, однако смех Джулианны, как подозревала сама девушка, выдавал её испуг. Она не могла отделаться от навязчивой мысли: если что, хвататься придётся за хрупкий остов паланкина. Занавески казались ей совсем тонкими, особенно когда ветер раздувал их в стороны, и становилась видна пропасть у края тропы. И сюда она собиралась подниматься верхом? Джулианна была неплохой наездницей, однако чуткая и нервная Мерисса, привыкшая к бескрайним равнинам и быстрому бегу, могла испугаться незнакомой обстановки и заартачиться. Джулианна снова поймала себя на мысли, что паланкин имеет свои достоинства. Да, конечно, подъем был неудобен и ранил её гордость, однако могло быть гораздо хуже, если бы Мерисса внезапно испугалась падавшего камня и полетела вместе с всадницей бы вниз, вниз, вниз..

Наконец кряхтение и стоны носильщиков смолкли. Они на мгновение опустили паланкин, а затем подняли снова, негромко смеясь. Сквозь щель в занавесках Джулианна увидела, что отряд оказался перед открытыми воротами замка. По сравнению с крепостью ворота казались до смешного маленькими — вероятно, это нужно было для защиты, потому что окружавшие крошечный проход стены были очень высокими и толстыми. Всадники, скакавшие в голове отряда, въезжали в ворота по одному, хотя места вполне хватило бы для колонны по два. Джулианна подумала, пройдёт ли в ворота повозка с её имуществом. Хотя наверное, раз уж она поместилась на тропе. В крепости должны быть ворота, достаточно широкие для повозок; как-то же сюда подвозят провиант? Джулианне вспомнилось, что на дороге, перегороженной джинном, таких повозок оказалось немало.

Путь был свободен, и носильщики медленно двинулись вперёд. Пройдя сквозь ворота, они поднялись по высокой лестнице с пологими ступенями; на лестнице было холодно, и только далеко вверху виднелся клочок неба. А потом и этого не стало видное — они вошли в туннель, холодный, промозглый и всё же упрямо ведущий вверх.

Джулианна больше не могла сдерживаться; она вцепилась в руку Элизанды, и все её опасения вернулись. Увидеть после этого широкий конюшенный двор было как выйти из темницы на волю. Носильщики опустили паланкин и, судя по звукам, облегчённо вздохнули. Блез спешился, подошёл к носилкам и обратился к Джулианне.

Дрожащие пальцы быстро надвинули вуаль на лицо, и Джулианна, разведя в стороны занавески, вышла из паланкина, с радостью чувствуя под ногами твёрдые булыжники двора. Глубоко вздохнуть, выпрямить спину, следя за осанкой, — Джулианна хмуро отметила про себя, что идущей рядом Элизанде это не требуется. Оглядевшись, дочь королевской тени увидела стоящих группами людей, коней, которых уводили тощие молодцы в белых рубахах. Маршала Фалька не было видно, хотя почти все его всадники стояли здесь, сняв капюшоны и радуясь низкому солнцу. Небо над ними было алым.

— Мадемуазель, если вы и мадемуазель Элизанда, — в глазах Блеза Джулианна прочла просьбу не разоблачать его хитрость, — проследуете вот сюда, этот брат покажет вам покои для гостей…

Уходя за Блезом и молчаливым монахом, Джулианна бросила взгляд на тащившего повозку быка, которого, понукая и уговаривая, пытались вывести из туннеля. Она не повернула головы; достоинство пусть с запозданием, но возвращалось к ней.

Они поднялись по пандусу, на этот раз чуть более узкому:

здесь не прошла бы даже лошадь, не говоря уже о повозке. Как сюда заносят грузы, которые не под силу нести человеку? Должно быть, поднимают их воротом с верёвкой куда-нибудь на стену надо рвом, подумала Джулианна. Шедший впереди Блез обоими плечами задевал за стены. По левую руку, на внутренней стене, камень казался старше, был покрыт трещинами, пятнами и светлыми прожилками. Покрывавшая его когда-то извёстка давным-давно превратилась в пыль. Должно быть, это была стена старой крепости, взятой королём с боем за одну ночь после осады, длившейся все лето. Правда, тогда король был всего лишь герцогом де Шареллем, которого судьба занесла довольно далеко от родных земель. Отец Джулианны был тогда с ним, оруженосцем в свите своего сюзерена; он много рассказывал дочери о великой войне, во время которой были изгнаны из Святой Земли неверные, а город Аскариэль должен был вернуться к Господу, однако девушка почти ничего не знала о той ночной битве, когда была взята крепость. Она знала, что Орден искупителей завладел крепостью и сделал её своей цитаделью — должно быть, стена справа, двор позади и все новые пристройки к крепости были делом рук монахов, — однако никто из многочисленных друзей Джулианны в Марассоне не мог рассказать ей о битве и о том, как пала крепость.

За пандусом открылся тёмный узкий проход между стеной и низкой башней, к которой и привёл их брат. Поднимаясь по ступеням, люди оказывались то в тени, то на свету, и наконец — освещённая дверь, отведённая в сторону тяжёлая занавеска, приглашающий жест. Жест предназначался Блезу, а вовсе не Джулианне, как подметила девушка. Если все здешние братья были таковы — молчаливы и безразличны к её титулу или к ней самой, — то разозлённой Джулианне скука не грозила, сколько бы времени она ни провела в этом мрачном месте.

Но нет, они не все таковы. Маршал Фальк всё-таки говорил с ней… Пусть это даже был словесный поединок — ему досталось больше. Эта мысль подбодрила девушку.

Комната за занавеской порадовала бы Джулианну, если бы она была в настроении позволить себе радоваться. Из окна нельзя было выглянуть за крепостные стены, но оконный проем по крайней мере достигал локтя в ширину. Воздух и свет входили сквозь ставни с тонкой резьбой в лучшем катарианском стиле. Сквозь них был виден широко раскинувшийся небосвод, всегда напоминавший Джулианне о свободе. На краю небосклона виднелась тёмно-сиреневая полоса, прорезавшая небо будто рана, — это был восток. Где-то там, на юго-востоке ждал её Элесси, а вся прошлая жизнь осталась далеко позади, на северо-

западе.

Джулианна резко отвернулась от окна, от воспоминаний, предчувствий, страхов и стала рассматривать комнату. Тяжёлые занавеси скрывали стены, а пол был покрыт великолепными коврами с причудливым узором, терявшимся в переплетении цветов. В комнате было две кровати — значит, сегодня не придётся делить постель с Элизандой, — а рядом лежали наготове полотенца и стояла вода для умывания.

— Вы знали о нашем приезде? — спросила Джулианна брата. — Вы видели нас на дороге или магистр Фальк послал вперёд гонца?

Брат покачал головой, имея при этом вид упрямый и смущённый. За него ответил Блез.

— Мадам, в любом монастыре Ордена всегда приготовлены покои для гостей. По Уставу члены Ордена должны служить пилигримам и путешественникам…

Джулианна знала это и задала вопрос, надеясь вызвать искупителя на разговор и понять, застенчив ли он, проглотил язык от смущения или просто неразговорчив и не намерен тратить слов понапрасну. Теперь она все поняла. Она чуть кивнула, дозволяя брату уйти, но когда он был уже у самой двери, она приказала:

— Погоди.

Брат остановился и повернулся к ней; Джулианна отвернулась и взглянула на Блеза.

— Спросите его, — холодно приказала она, — можем ли мы принять ванну. Здесь. Сейчас же.

Сержант мельком взглянул на брата и чуть покачал головой. Джулианна скорее почувствовала, нежели увидела, как юноша вышел. От колыхнувшейся гардины по комнате пошёл ветерок.

— Я сказала…

— Мадемуазель, — напряжённым голосом прервал её Блез, разводя большими руками, — скоро закат. Брат не может принести вам ванну. И никто не может.

Ах да! Она совсем забыла о священных Часах: сейчас было время вечерней службы. Все братья будут призваны на молитву…

— Прошу прощения, — сказала Джулианна, искренне сожалея, — впрочем, только об ошибке. Она не любила ошибаться. — Но почему он не сказал мне этого сам?

И почему смотрел на меня, как шараец на свинью?

— Он ещё молод, мадам, — холодно ответил Блез. — Молод, благочестив, решителен. В монашеские обеты входит целомудрие, но некоторые братья идут ещё дальше. Это не поощряется, по крайней мере официально, но есть исповедники, которые

принимают у братьев и дополнительные обеты.

— Какие?

— Не говорить с женщиной — прошу прощения, мадемуазель. А иногда даже не смотреть на женщину. Джулианна рассмеялась с ноткой жестокости.

— Я слышала, что самые большие неприятности из-за обета целомудрия у искупителей бывают отнюдь не с женщинами.

Блез вспыхнул и резко ответил:

— Это неправда, мадемуазель Джулианна! Братья следуют обетам, служат Господу; они не… не предаются разврату в этом смысле.

— Разумеется, — извиняющимся тоном произнесла Джулианна. — Прошу простить меня, Блез, мне не следовало говорить подобные вещи. Это просто глупые сплетни, не имеющие ничего общего с правдой. Но чего боится этот молодой человек, находясь в обществе одних мужчин?

— Не все они служат вместе со своими братьями или сражаются. Некоторые каждый день имеют дело с женщинами. И кое-кого из братьев — особенно молодых — это беспокоит. Молодому легко дать такой обет…

Джулианна так и не поняла, почему мальчик так высокомерно поглядывал на неё — может, научился этому у своего исповедника?

Не важно. Внезапно Джулианна поняла, что её интересует не мальчик, а мужчина, стоящий перед ней. Блез был не стар. Он рассказывал, что родился в Элесси — значит, ему не было и сорока. Впрочем, до этого возраста ему не хватало совсем немного. Лицо его носило следы не только дорожной усталости, а глаза сузились не только от груза ответственности. Казалось бы, здесь, в своей цитадели, выполнив свой долг, он должен был бы успокоиться? Однако этого не произошло, и вроде бы Блезу даже стало тяжелее, чем было, когда отец Джулианны покинул отряд и им пришлось менять планы и маршрут. Она тогда думала, что сержанта тяготит ответственность за её жизнь, однако теперь девушка задалась вопросом: а не гнетёт ли его сам замок?

Не давал ли ты в молодости каких-нибудь обетов, Блез? Может быть, ты нарушил их — или один из них, самый главный?

Этот вопрос вертелся на языке, но Джулианна не видела способа его задать. В Марассоне это было бы просто, в Таллисе — чуть труднее, а в Элесси, как она подозревала, вовсе невозможно; а Рок — Элесси в миниатюре. Серьёзные мужчины с серьёзными тайнами, не подлежащими разглашению.

Великий колокол прозвонил, когда свет в комнате начал гаснуть, Джулианна искала слова, ключ, клинок, силу, чтобы

заставить Блеза раскрыться. Снова и снова звенел колокол, и кости тела откликались лёгким звоном на его зов, Блез ещё сильнее замкнулся — если только это было возможно. Он побледнел, мускулы под скорлупой из пота и пыли затвердели.

— Мадемуазель, могу ли я оставить вас?

— Нет, — небрежно ответила Джулианна, оглядываясь на Элизанду и ловя её любопытный взгляд.

— Мадемуазель, я…

— Я знаю, — с улыбкой перебила Джулианна. — Вы тоже хотите пойти к службе? Вместе с братьями?

— Я должен, — ответил Блез, сжимая и разжимая кулаки.

— Конечно. — Джулианна старалась говорить небрежно, но ни одного из собеседников это не могло обмануть. — Мы пойдём вместе. В конце концов, мы тут гости и должны уважать обычаи хозяев. Если вы минуту подождёте, Блез, мы смоем с лиц пыль — или присоединяйтесь к нам, вы ведь хотите чистым предстать перед Господом? Потом вы сможете отвести нас в часовню.

«Я уверена, что дорогу вы знаете», — повисла между ними в воздухе непроизнесенная фраза. Кивок Блеза завершил разговор.

Блез повёл девушек не в часовню, а в галерею, выходящую на зал с огромной колоннадой и с факелами на каждой колонне. Лицо сержанта блестело от воды — он не пожелал воспользоваться ни полотенцем госпожи, ни занавеской, которую, ехидно улыбаясь, предложила ему Элизанда.

Под самым куполом плясали тени; посмотрев вниз, Джулианна увидела только черноту — пришлось ждать, пока привыкнут глаза. Только тогда она поняла, кто наводится там, в зале — братья, тесно стоящие на коленях у алтаря.

Между рядами братьев оставался узкий проход по всей длине зала. По проходу медленно шла процессия — братья с факелами и дюжина человек в рясах, со скрытыми капюшонами лицами. Скорее всего это были главные люди ордена, прецептор и магистры. Они поднялись по трём ступеням на алтарь и выстроились в ряд перед ним, низко кланяясь. За ними шли люди в белых рясах и чёрных плащах; их капюшоны тоже были надвинуты на глаза. Рыцари-искупители, вспомнила Джулианна — точно такие же наряды она видела на службах в Марассоне.

Рыцари выстроились у ступеней алтаря и преклонили колени. Стоявший рядом с Джулианной Блез поспешно опустился на колени и неуверенно протянул руку к голове, он был в стальном шлеме, однако ему, вероятно, не хватало капюшона. Чёрного капюшона, уверенно подумала Джулианна, причём не рыцарского…

Следуя примеру сержанта, дочь королевской тени тоже

преклонила колени, поманив за собой Элизанду. Теперь балюстрада галереи оказалась перед самыми глазами, но не очень мешала смотреть. В этом смысле хуже было братьям, оказавшимся напротив колонн — им совсем ничего не было видно. Но им не обязательно было что-нибудь видеть, как и ей самой, честно говоря — просто ей хотелось. Джулианна выпрямилась, заглядывая поверх перил.

Низкий звук колокола раздался ещё раз, заставив Джулианну задрожать. Одинокий чистый голос затянул песнь. Когда ему ответил хор братьев, по коже у Джулианны побежали мурашки.

Без закатной проповеди не обходится ни один день. Каждый год Джулианна слышала несколько сот проповедей, однако никогда ещё ей не приходилось внимать им в таком странном месте. Ей было очень любопытно и, когда пришло время проповеди, девушка привстала.

Один из двенадцати стоявших на паперти алтаря магистров в чёрном сделал шаг вперёд. Джулианна попыталась разглядеть его лицо, однако это удалось ей только тогда, когда магистр поднял руки к краю капюшона, откинул его назад и предстал перед братьями с обнажённой головой. При виде такого кощунства по залу пробежало волнение, но Джулианна не обратила на него внимания. Светлая, чуть редеющая шевелюра…

Маршал Фальк медленно огляделся, повернув голову направо и налево. Потом он посмотрел вверх, на галерею, прямо на Джулианну. А потом наклонился, харкнул и громко сплюнул на ступени алтаря.

Теперь братья не просто всколыхнулись — они заёрзали, по толпе пополз свистящий шёпот, у сотен людей, в том числе у Джулианны, перехватило горло.

Маршал протянул вперёд руки, требуя тишины, и произнёс.

— Да, я понесу наказание за этот поступок и за то, что обнажил голову на алтаре во время молитвы. Но это оскорбление Господа и Его церкви — чепуха. Я говорю вам чепуха, и мои слова — чепуха для вас, и вы лишь в жалкой попытке самообмана пытаетесь изобразить, что это не так. Это ерунда, не имеющая ни малейшего значения. Я мог бы задрать рясу, раздеться догола, как младенец или нахальный мальчишка, мог бы испражниться на этот алтарь — а вы, вы, искупители, воинство Господа, не смогли бы, не имели бы права возразить. И Господь не осудил бы меня — в этих стенах.

Вы лжецы, братья мои. Вы лицемеры, заслуженно носящие это имя. Вы взываете к Господу, выставляете напоказ свою добродетель и свои мечи, вы стоите на границах Чужеземья и

оборачиваете лицо к пустыне, пугая шарайцев, а в это время сердце королевства догнивает за вашими спинами, отравляя гнилью все вокруг, все Чужеземье, которое умрёт и с которым вместе умрут наши души. Вы знаете это, братья мои, и всё же ничего не делаете. Вы поворачиваетесь спиной к самой гнусной грязи, какая только касалась нашего мира, и продолжаете притворяться. Вы делаете вид, что этого нет!..

Что такое мой плевок на ступени алтаря по сравнению с великой ересью, называемой Свёрнутой землёй, землёй, которую мы не можем даже назвать по имени? Плевок можно смыть, он не разъест камня. Плюнувшему можно даровать прощение. Настоящее зло — в ереси, она разъедает добродетель, как язва разъедает здоровую плоть; лишь сталью и огнём очищается плоть от язвы. Еретики обретут прощение в огне, ибо нигде более им не найти его.

Но вы, братья мои, вы, позволяющие этой язве расти, — где найдёте прощение вы? Вы отрицаете Господа, пренебрегая своим долгом перед Ним. Вы предаёте Господа, предавая свой долг перед Его народом. Вы оскверняете имя Господне, оскверняя свой долг перед Его землёй.

Вы говорите, что не можете отыскать врага, не можете очистить Свёрнутые земли? А я говорю вам: загляните в себя, поймите, что вы сами ослепили себя, сами не позволяете своим устам говорить правду! Вы не хотите даже назвать врага по имени? Как же вы можете надеяться отыскать его?

Так давайте же назовём врага — да, прямо здесь, перед алтарем Господа, против которого так кощунствует этот враг. Сурайон! Говорю вам, Сурайон и есть ваш враг, язва, которая убьёт нас, если не вырезать её из тела. Сурайон со всем его народом, от правителя до последнего крестьянина. Как можем мы сражаться с шарайцами, если не осмеливаемся сразиться с той тёмной силой, что затаилась у нас в сердцах?..

* * *

Только поднявшись на ноги после конца проповеди, Джулианна поняла, что, кроме неё и её спутников, на галерее был ещё один человек, который молча возник за их спинами после торжественного прохождения магистров. Появись он раньше, Джулианна наверняка заметила бы его.

Это был молодой человек, высокий, темноволосый, с горящим взглядом; он не отрывал глаз от алтаря, рука лежала на мече, а нестриженые волосы волной спадали на плечи.

Голова у него была непокрыта, хотя у чёрного плаща, накинутого поверх белой рясы, был капюшон.

Внезапно Джулианна заметила, что Блез стоит с обнажённой головой, неловко вертя шлем в больших руках и старательно отводя взгляд.

Вновь взглянув на зал, она увидела непокрытые головы и среди братьев, ожидающих своей очереди уйти. Их глаза горели соколиным блеском, они оглядывались, пытаясь найти среди толпы подобных себе.

Среди них не оказалось смельчака, который вышел бы на ступени алтаря и плюнул на них, однако, как подумала Джулианна, эта мысль наверняка мелькала в головах братьев.

Они не выказали ни неуважения, ни недовольства, не подались навстречу оратору, хотя он говорил так страстно, что почти убедил даже Джулианну. Это был даже не бунт. Это была революция — или первые ростки её.

Жаль, что нет способа рассказать об этом отцу.

Блез быстро проводил девушек до их покоев и, извинившись, удалился — наверное, в трапезную, подумала Джулианна, причём не столько ради еды, сколько ради компании, поговорить и послушать других. Мальчишки… станут подбивать друг друга ответить на вызов…

— Братья принесут вам еду, госпожа, — сказал напоследок сержант, видно, боясь, как бы Джулианна не подумала, будто ею пренебрегают. Вскоре девушка услышала за занавесками шаги и голос, однако в комнату принесли вовсе не еду.

Братья принесли лохань, полотенца, ящичек с мылом и воду.

Горячую воду…

Двадцать дней осталось пути. Этот путь длинной тенью протянулся по пескам, по мелким солёным озёрам, по лавовым равнинам. Пастбища попадались сплошь никудышные, вода в колодцах была солоноватой и горчила. На дороге остались кости десятка верблюдов и два непогребенных трупа, которые скоро превратятся в скелеты, когда до них доберутся шакалы.

— Или корамы, — прошептал в ночь Джезра. — Небось уже побежали за котлами…

Под одеялами засмеялись — взахлёб, но тихо, чтобы не разбудить спящих. В этом смехе была правда — быть может, поэтому смеющийся задыхался, пытаясь удержать смех. На самом деле корамы вовсе не ели ни своих, ни чужаков, это была старая шутка, которой верили только дети. Истинно было только одно: то, что корамы были хитрым и грязным народцем без чести, да ещё то, что они крепко хранили тайну секретных колодцев. Как

иначе они ухитрились бы выжить со своими стадами в мулабарте, великих белых песках, если бы не знали тайных колодцев и хороших пастбищ?

Разве что они действительно ели людей, пили их кровь и соки тела. Ни один взрослый этому не верил — хотя, впрочем, кто сказал, что это пустые слухи? — однако сплетня продолжала жить, и люди презрительно смеялись над корамами, не разбираясь, правда это или ложь. Все уже привыкли к этому: корамы — каннибалы, ашти — трусы, племя бени-рис любит золото и серебро, а сарены любят только мальчиков, так что их род продолжают мужчины из других племён…

Они были саренами, и он, и Джезра, братья по кровной клятве, которые никогда не женятся; однако он без колебаний убил бы любого, от кого услышал бы эту ложь. Даже здесь, под сенью клятв, данных каждым из его людей, — не затевать ссор и сражаться только с неверными. Вот в чём правда, подумал он: даже сам Хасан не может действительно объединить племена.

Именно поэтому умерли те два человека. Между ними была давняя кровь, семейная вражда, бесконечные истории набегов и угнанных верблюдов, о которых рассказывали из поколения в поколение. А на марше всё началось с пустого спора о том, чей дед был более великим воином. Сперва на спор не обратили внимания — шарайцев хлебом не корми, дай только поругаться, чтобы не так скучно было в пути.

Однако на привале, когда верблюды разлеглись на песке, а люди попытались отдохнуть под палящим солнцем, спор продолжался. Дошло до поножовщины, которой было не избежать, — слишком уж эти люди ненавидели друг друга. Сталь сверкнула на солнце, заскрежетала о сталь, задыхающийся вскрик — и вот уже человек лежит на красном песке, жадно впитывающем кровь.

Не прошло и часа, как его противник тоже был мёртв по приказу Хасана. Оба трупа были брошены на поругание прямо на дороге и без оружия. Этой ночью молодые люди хихикали под одеялами — если, конечно, у них были одеяла, — но в их смехе ему слышалась обречённость. Может быть, неверные в конце концов победят, и все только потому, что шарайские ножи невозможно удержать подальше от шарайских глоток.

Зато с тех пор в отряде не было убийств, хотя всего в нём насчитывалось триста человек из двенадцати враждующих племён. Дисциплина Хасана в отличие от клятв имама крепко держала отряд.

Они прибыли к колодцу Бхитри, где их ожидали, как было

договорено, люди Рубеля. Пустыня была пройдена; предстояло обменять верблюдов на лошадей и под предводительством незнакомых людей углубиться в незнакомую страну.

Колодец Бхитри был полон сладкой воды. Верблюды и люди напились вволю, впервые с тех пор как вышли из Рабата, а оставшейся воды хватило на омовение перед молитвой. А потом зажглись костры, от которых вскоре потянуло жареным мясом — шейхи Рубеля прислали пятьдесят коз, чтобы угостить людей, не видевших мяса с того дня, когда последний раз пал верблюд…

Мяса оказалось так много, что не было нужды делить его и выбирать наиболее лакомые кусочки. Джезра и он, как всегда, затеяли шуточную перебранку: «Возьми побольше, вот, мне много, возьми…» — пока не вмешались старшие.

Во время ужина их глаза то и дело обращались к тёмной тени на северо-востоке, на холмах, которые предстояло обойти ночью. Голод и жажда больше не грозили, смерть верблюда не означала для человека опасности или верной смерти; мысли освободились и устремились к великой охоте, ради которой был пройден весь этот путь.

5. ТАКОЕ СЛУЧАЕТСЯ

После своей хлестнувшей плетью проповеди — плетью, пробившей кожу до костей, маршал Фальк новых рубцов делать не собирался — языком по крайней мере, — хотя ещё и не кончил говорить. В основном он говорил братьям о повиновении, ссылаясь на главу из Великой Хартии Ордена, повелевавшей ему всеми средствами очищать и хранить королевство. Повинуясь, маршал Фальк не имел другого выбора, как повести братьев на священный бой против отступников, засевших в Сурайоне; братья, повинуясь, не имели другого выбора, как следовать за ним.

С рыцарями маршал говорил о другом: о долге и чести, об отваге и предстоящем великом приключении, о долго откладывавшемся окончании дела, начатого их отцами и дедами сорок лет назад.

Сам Маррон не слышал ничего из этих речей, потому что его распорядок дня сильно отличался от того, которому подчинялись остальные монахи. Брат лекарь освободил его от тяжёлых работ, пока не зарастёт рана. По приказу же сьера Антона Маррон посвящал освободившееся время службе оруженосца, всюду следуя за рыцарем.

На практике это означало, что большую часть дня юноша проводил в непривычном безделье, но зато его голова работала более чем старательно. Сьер Антон понимал обязанности оруженосца весьма своеобразно; с оруженосцами других рыцарей Маррон почти не встречался.

По утрам юноша наблюдал за учебными боями сьера Антона, где рыцари совершенствовали мастерство владения мечом и щитом.

— Ты можешь понадобиться мне, — говорил сьер Антон, — если придётся что-нибудь принести или отнести. А может, тебе придётся тащить меня в лазарет, как тащил тебя твой приятель.

Впрочем, лёгкая улыбка подсказывала, что такой исход был маловероятен. И это было правдой, потому что господин Маррона явно превосходил в умении остальных рыцарей.

В поддень рыцарь и оруженосец поднимались в маленькую комнатку сьера Антона и читали положенную службу под мерный звон Брата Шептуна. Сьер Антон сразу сказал, что позволяет Маррону отстаивать службу вместе с остальными монахами в зале, однако юноша находил странное удовлетворение в тихом бормотании старинных слов, в том откровении, которое виделось ему в службе, отличавшейся от остальных Святых Часов.

Потом юноша шёл обедать со своими братьями, а сьер Антон

постился. После еды отряд занимался чёрной работой по кухне, однако Маррону это было запрещено. Фра Пиет отослал его, фыркнув и прочитав отряду мораль о том, как порой вознаграждается беспечность. После этого Маррон мог спокойно возвращаться в комнату сьера Антона и спрашивать, не нужны ли его услуги.

Каждый день рыцарь отвечал по-разному. Иногда в кольчуге сьера Антона обнаруживались разбитые звенья; доспех нужно было нести в оружейную, ждать, пока его отремонтируют, а потом смазывать звенышки маслом и протирать мягкой тканью, не оставляя ни пятнышка ржавчины или грязи. А иногда оказывалось, что тонкое бельё рыцаря нуждается в стирке, и приходилось бежать в прачечную и следить, как его стирают и сушат, поскольку у местных женщин руки были неуклюжие в работе и ловкие в воровстве.

А однажды Маррон, тихонько постучавшись в дверь и войдя в комнату, увидел, что сьер Антон стоит у окна с обнажённым мечом и, хмурясь, поворачивает клинок в луче солнечного света. Рыцарь даже не поднял глаз на Маррона.

— Сьер, меч снова зазубрился?

— Что? А, нет, с ним всё в порядке. Вот только он давно не был в деле. Я думаю, сестрица «Джозетта» хочет танцевать, брат Маррон. Принеси свой меч.

— Сьер?

— Твой меч, Маррон. Должен же у тебя быть хоть какой-нибудь меч, кроме той дубины, которой ты меня огрел?

— Да, сьер.

У него был меч, который заперли в оружейной вместе с мечами остальных братьев и должны были выдать только тогда, когда отряду будет разрешено упражняться с оружием. Имей Маррон выбор, меч оставался бы в оружейной до тех пор, пока не рассыпался бы в труху. Маррону казалось, что без человеческой руки клинок болеет, а память о пролитой крови заставляет его ржаветь и гнить…

— Ну так принеси его.

Маррон быстро сбегал в оружейную и вернулся с мечом. Сьер Антон взял оружие, вытянул клинок из поношенных кожаных ножен, мгновение разглядывал его все в том же луче солнца, а потом швырнул на постель.

— Для учений годится. Годится для крестьянина… или для фермера? — проницательно добавил он, глядя в лицо Маррону. — Отцовский?

— Дядин.

Меч отца пропал вместе с отцом. Маррон никогда и

представить не мог, что будет рад этому, однако радовался, и уже не первый день.

— Что ж, меч наверняка был достоин твоего дяди. Или наоборот. Хоть он и научил тебя кое-чему. — Рыцарь чуть притронулся к собственной шее, где ещё виднелись пожелтевший синяк и царапина. — Ладно, для начала было неплохо, а теперь давай подыщем тебе что-нибудь подлиннее. Вот.

Он открыл сундук в углу и вытащил предмет, лежавший на самом верху на сложенной одежде. Ещё вчера, когда Маррон сам перетряхивал и укладывал одежду рыцаря, этого предмета в сундуке не было.

Это был меч с ножнами белой кожи, украшенными серебряным наконечником. Рукоять обтянута такой же кожей; головка эфеса и перекладина выложены сталью. Меч походил на «Джозетту» сьера Антона, казался дорогим, но не был ничем украшен. На нём не было ни одного драгоценного камня, которые Маррону приходилось видеть на оружии других рыцарей.

— Возьми. Обнажи клинок.

— Сьер…

— Маррон, послушание является первой обязанностью не только брата искупителя, но и оруженосца. Возьми меч.

Маррон взял меч. Тот устроился у него в руке уютно, словно тёплый зверёк, и выскользнул из ножен так, будто только и мечтал об этом. На длину руки по обеим сторонам клинка шла гравировка, заканчивавшаяся чем-то вроде гребешка. В комнате было не слишком светло, и разглядеть рисунок можно было, только подставив меч под солнечный луч, а это было слишком близко к сьеру Антону.

Маррон заметил, что меч был чуть короче и гораздо легче «Джозетты», — и как же приятно было держать его в руке! Маррон едва дотронулся до лезвия, как из пальца закапала кровь — а ведь прикосновение было самым лёгким, на какое он только был способен. Маррон сунул палец в рот, рассмеялся и быстро проделал пять больших и семь малых позиций подряд, хотя мгновение назад совсем не собирался. Потом он щегольски вдвинул меч в ножны, с щелчком отпустил рукоятку и отвёл кровоточащий палец подальше от незапятнанных белых ножен.

— Сьер, это слишком… слишком…

— Слишком хорошее оружие для неотёсанного мужлана вроде тебя? Вероятно. Однако ты ещё можешь подучиться. Нет, ты обязательно всему научишься, я сам за этим прослежу. Я возлагаю на тебя некоторые надежды, Маррон. Встань снова в позицию.

Меч с шелестом появился из ножен чуть ли не раньше, чем

Маррон дал своему телу приказ обнажить оружие, и клинок снова зашелестел в воздухе, зашептал, когда Маррон стал в первую позицию — «локти сюда, колени вот так, руку повыше»; это был голос его дяди, всегда звучавший в голове у Маррона при работе с мечом, — потом резко перевёл меч во вторую позицию, сделал выпад, переходя в третью…

— Не так.

Голос сьера Антона заставил Маррона замереть в полуприседе с вытянутым вперёд мечом. Он ждал, что сьер Антон поступит так же, как дядя — коснётся его тут и там, исправляя, нажимая и подтягивая, — но не понимал, что он сделал не так. Маррону казалось, что его позиция идеально выстроена от кончиков пальцев до острия его прекрасного меча.

— Встань.

Маррон медленно выпрямился. Сьер Антон держал в руках «Джозетту» и её взмахом приказал Маррону вернуться к стене.

— Стойка у тебя неплоха, но ты слишком резко двигаешься, тратишь слишком много сил. Ты должен перетекать из позиции в позицию. Не хватайся так за меч, пусть он сам ведёт твою руку. Научись доверять своему мечу. Вот так…

Он проделал то же, что и Маррон, но его движения были точны и пластичны одновременно, словно па танцора. Маррон попытался подражать ему, был остановлен и поправлен; попытался ещё раз с тем же результатом, а потом ещё, и ещё, и ещё…

К тому времени как Маррон сумел без запинки выполнить переход от первой большой к седьмой малой позиции, он весь взмок и чувствовал, что вот-вот задохнётся. Юноша посмотрел на сьера Антона и увидел на его лице улыбку.

— Неплохо. Не такой уж ты и олух деревенский, а, фра Маррон? Тебе ещё немало предстоит потрудиться, но ты не опозоришь свой меч в бою.

При этих словах по спине Маррона пробежал холодок. Нахлынули воспоминания. Он уже был в битве, он опозорил и себя, и свой клинок…

— Сьер Антон, я… простите меня… но я предпочёл бы не попадать в бой.

Меч упал на пол, и Маррон не глядя потянулся за ножнами.

— Почему?

Крики ребёнка заглушали все вокруг. Маррон яростно потряс головой, безуспешно пытаясь заглушить их.

— Работа, которую нас заставляют делать, не стоит того, — резко произнёс юноша с горечью в голосе.

— Работа?.. Подними меч и отдохни, Маррон. Вот так,

правильно, положи его на сундук и садись. — Сьер Антон первым уселся на меха, покрывавшие постель, и похлопал по одеялу рядом с собой. — Иди сюда.

Маррон неохотно повиновался. Он запустил пальцы в пропотевшую шевелюру и закрыл ладонями глаза, пытаясь прогнать проносившиеся в голове видения.

— Так, а теперь расскажи, что за работу вас заставили делать.

Сьер Антон терпеливо дождался рассказа Маррона и молча выслушал историю о деревне еретиков, о призывах фра Пиета, о сумасшедшей бойне на солнцепёке. Маррон не утаил ничего: ни того, как впервые использовал дядин меч — старая женщина бежала, спотыкаясь, прочь, а меч косо вошёл ей в спину, — ни последнего эпизода — как он окровавленными руками вырвал младенца из рук мёртвого отца и взмахнул маленьким тельцем, словно играя с ним. Вот только конец у игры вышел слишком страшный. А потом юноша неловко рассказал о том, как преследовали его во сне и наяву воспоминания о содеянном; как ему виделась ржавчина на дядином мече, как слышался крик ребёнка — слышался в свисте ветра и в тишине, в пении и криках, а иногда даже в песнопениях монахов во время службы.

Выслушав рассказ, сьер Антон помолчал какое-то время. Маррону показалось, что рыцарь едва сдерживает отвращение, и это ничуть не удивило юношу.

Однако в конце концов рыцарь положил руку ему на плечо и крепко стиснул его, чего не делал на протяжении всего долгого урока.

— Ты рассказывал это своему исповеднику? — спросил он.

Неужели он не слушал, неужели не понял?

— Он там был.

Потому это все и случилось…

— Я имею в виду… Впрочем, нет. Дурацкий вопрос, извини. Знаешь, Маррон, в мире случается многое, и помешать этому не в твоей власти. Иногда ты не можешь не участвовать в событиях, иногда они происходят с тобой, иногда ты их приносишь. Здесь, в Чужеземье, это случается особенно часто. Здесь мы ближе к Господнему оку, и это не всегда благо. Гнев Господень касается нас не реже, чем Его мир; и он может вызвать безумие — на время. Недолгое молчание, чуть слышный вздох…

— Когда мне было четырнадцать лет, мой отец приказал повесить целую семью. Это были крестьяне-катари, они жили в нашем поместье и не желали верить в Господа. Таких бывает по нескольку сот в каждом поместье. Помилование, дарованное им Конклавом, защищает их, но не их святилища. Такое святилище было в той деревне, но мой дед не трогал его, говорил, что так

катари будут послушнее. Потом дед умер, и мой отец, куда более ревностный в вере, святилище разрушил.

В деревне жила старинная и почтенная семья — если допустить, что почтенность и бедность могут жить вместе. Той же ночью мальчишка из этой семьи прокрался в усадьбу и поджёг нашу часовню. То ли ради мести, то ли ради справедливости. Он стоял в отблесках огня и проклинал нас, пока один из стражников не застрелил его. Отец был очень зол на стражника — наверное, он хотел предать язычника медленной смерти, чтобы умилостивить Господа. Тело он приказал швырнуть в огонь, а на следующее утро повёл нас в деревню — меня, моего брата и дюжину человек, взятых на всякий случай. Вся семья была повешена. Все девятеро, от старого деда до младенца.

Рука рыцаря всё ещё лежала на плече Маррона, но хватка ослабла. Маррон чуть шевельнулся и произнёс:

— Прошу прощения, сьер, но это совсем другое. Ваш отец заставил вас смотреть, но я-то сделал это своими руками…

— Маррон, я же сказал, отец приказал повесить их. Приказал нам, мне и моему брату, а сам только смотрел. Мы нашли дерево; у нас была всего одна верёвка. Я завязывал петлю на шее жертвы, а потом мой брат помогал вздёргивать её. Самые лёгкие, старики и дети, умирали ужасно долго. А я должен был решать, в каком порядке они умрут, — это право даровал мне отец. Мне было всего четырнадцать, а брату — двенадцать. Я решил, что последней умрёт мать, умрёт после того, как увидит смерть всех своих детей. У меня не было даже того оправдания, что есть у тебя, — горячки боя. Я знал это состояние, знал, что в бою забываешь о разуме и о жалости, но в тот день я действовал спокойно и расчётливо. Мой отец отдал приказ, но я не обязан был повиноваться. Такие вещи случаются — больше мы не знаем о них ничего. Позже мы сожалеем о них, но знаем, что такова была судьба, или воля Господня, или ещё что-нибудь, называй как знаешь.

На этот раз надолго замолк Маррон. Он почувствовал успокоение и был очень благодарен рыцарю, но не знал, как это выразить.

— Этот меч принадлежал моему брату, — резко встав, произнёс сьер Антон. — Меч зовут «Дард». На твоём месте я бы держал его здесь, чтобы уберечь твоих братьев от греха зависти. А упражняться ты можешь со своим старым клинком.

— Да, сьер, — ответил Маррон со смешанным чувством нежелания и облегчения. Дядин меч никогда не будет лежать в руке так, как это великолепное оружие. Он уже почувствовал радость от обладания таким замечательным, прекрасно

сбалансированным мечом, но ему совсем не хотелось объяснять фра Пиету или Олдо, с чего вдруг он получил такой подарок.

— Терпение. — Сьер Антон снова улыбнулся. Маррон понял это по голосу, потому что лица рыцаря не было видно — он стоял, повернувшись к окну. — Придёт время, когда ты сможешь открыто носить этот меч и использовать его на службе Господу. На настоящей, достойной службе. Ты слышал маршала Фалька, когда он говорил о Сурайоне?

— Да, конечно. А вы — вы были на проповеди, сьер?

— Был, но не со своими товарищами, а на гостевой галерее. Меня предупредили, что он будет говорить о важном деле. А потом он ещё говорил отдельно с нами…

Насколько понял Маррон, рыцарям было сказано не совсем то, что услышали братья. Он даже немного обиделся: ведь в бой братьев посылало не только и не столько послушание. Они тоже сражались ради славы, но славы Господней, не замутнённой мечтами рыцарей о собственном прославлении.

Сьер Антон славы совсем не жаждал. Маррон понял это сразу, точно так же как понял, что рыцарь был поражён призывом к оружию не меньше братьев. У Маррона в голове был сплошной туман. Когда маршал Фальк или кто-нибудь другой говорил о еретиках, юноше виделась только кровавая бойня да собственные руки, измазанные красным,

— Сьер! Вы видели Сурайон? — Ему все ещё хотелось сказать «Свёрнутую землю», как он привык, однако после того, что произошло в зале, и после того, как сьер Антон мимоходом назвал Свёрнутую землю по имени, Маррон решил, что запрет отброшен. Правда, юноша всё же сжался, ожидая удара.

Его не ударили, на него не рассердились. Рыцарь только издал короткий хриплый смешок.

— Видел? Нет, конечно. Вот уже тридцать лет никто не видел Сурайона.

— Ну да, но я… я имею в виду — вы там были? То есть…

— Там, где потом стал Сурайон? Трудно говорить о запретном, да? Но я действительно был там. Один раз. Это странное место. Едешь по ведущей туда дороге, а там, где должна быть граница, видишь, как меняется пейзаж, воздух, видишь лёгкое мерцание, какое бывает в пустыне, хотя вокруг зелёные поля. А сквозь мерцание проступает уже другая земля, которая лежит за Сурайоном. Двадцать миль гор и долин просто исчезают… Тени по ту сторону границы падают совсем не так, как обычно — или это просто так кажется, потому что дорога, по которой ты едешь, идёт на север, но та, к которой ты приближаешься, ведёт куда-то на северо-запад. А поворота у неё

нет, поэтому ты видишь прямой путь, освещённый двумя солнцами.

Въезжаешь в сияние, которое преграждает тебе путь, и на какое-то мгновение чувствуешь вокруг пустоту, тебя крутит, словно какая-то неведомая сила пытается вывернуть тебя наизнанку.

А потом в глазах прояснилось, и оказалось, что я судорожно цепляюсь за лошадь, которая понесла и скачет прочь от дороги сквозь терновник. К счастью, колючки остановили её, и я успел, слезть прежде, чем мой желудок решил избавиться от завтрака. По-моему, реакция вполне естественная. Когда я пришёл в себя и успокоил лошадь, то понял, что мы находимся уже на другой дороге, в двадцати милях от того места, где я только что был. Сурайон свернут, его просто нету там, где он должен быть.

— Но как…

— Как такое может быть или как мы его найдём? Я не знаю ни того, ни другого, Маррон. Может быть, ответ известен маршалу Фальку, но мы с ним не настолько близки. Пока что.

Прозвучавшая в последних словах рыцаря решительность убедила Маррона. У сьера Антона была цель, которой он решил достигнуть во что бы то ни стало.

Рыцарь, похоже, собирался по каким-то своим делам, и оруженосец ему сейчас был не нужен.

— Отнеси свой меч — то есть меч твоего дяди — назад, туда, где ты его взял, а потом возвращайся к отряду. Только не рассказывай им, о чём мы тут сегодня говорили, — внезапно предупредил сьер Антон.

— Я и не рассказываю никогда, сьер.

— Да? Даже своему дружку, кажется, Олдену?

— Олдо. Нет, сьер, даже ему.

А рыцарю Маррон не рассказал бы даже самого маленького секрета Олдо.

— Что ж, благодарю тебя. Я высоко ценю свои тайны и твою осмотрительность.

Маррон замешкался у двери, в последний раз взглянув на ножны, светящиеся белым в тёмном углу.

— Что-нибудь ещё?

— Сьер, можно вопрос7

— Учитывая твою прославленную осмотрительность — пожалуйста.

Была это награда за преданность или просто уверенность в молчании Маррона? Возможно, и то, и другое. Иногда Маррон не знал, как толковать слова сьера Антона.

— Сьер, вы сказали, что это был меч вашего брата…

— Да. Его сделали по специальной мерке. Брат был на год моложе тебя, но примерно твоего роста, а, как мне кажется, ты уже не будешь расти. Разве что чуть нарастишь мяса на костях, да и то при том, как кормят братьев, это маловероятно… Да, это был меч моего брата, — повторил он, заметив колебания Маррона. — И что же?

— Сьер, он вырос? Или купил себе меч получше?

«Почему он не носит его? — хотел спросить Маррон. И ещё: — Как вы получили этот меч?» Но ни один из этих вопросов он не мог задать прямо.

Полученный ответ был ясен и прояснял оба вопроса.

— Нет, он не вырос и не купил себе оружие получше. Лучше просто не бывает. Он сражался — или пытался сражаться — этим мечом, когда я убил его. Я взял меч из его руки. До завтра, брат Маррон.

Братоубийство?

Нет, это невозможно! Невозможно! Сьер Антон часто играет словами, ему нравится казаться мрачнее, чем он есть, и пугать Маррона. Должно быть, он и теперь шутил, только мрачнее обычного. Не могло же это быть правдой…

И всё же, всё же… Сьер Антон никогда не лгал — по крайней мере за всё время их с Марроном знакомства. У него были свои тайны, которые он оберегал от посторонних глаз, временами он вёл себя загадочно, но не обманывал. Так зачем же ему лгать на этот раз?

Итак, это было невозможно — но всё же было. Медленно плетясь в оружейную, держа в руках дядин меч, Маррон безуспешно пытался размышлять спокойно. Не братоубийство, не убийство — «случается всякое», шептал голос у него в голове, голос сьера Антона, но он не слушал его, — должна быть какая-то законная причина для того, чтобы брат убил брата. Например, один из братьев смертельно ранен после несчастного случая или дуэли. Тогда другой, движимый жалостью и горем, может убить его кинжалом, предавая душу брата в руки Господа. Или ещё проще: потасовка, выяснение, кто сильнее, «давай опробуем твой меч» — и по несчастной случайности или в пылу схватки шутливая потасовка оканчивается смертью. В конце концов, Маррон едва не умер сам, едва не оказался наколот на яростный клинок сьера Антона. Возможно, это было не в первый раз. Возможно, поэтому он и заинтересовался Марроном, возможно, юноша стал для него новым, посланным небесами братом, и меч…

Но откуда у сьера Антона меч брата? По всем законам и обычаям рыцаря погребают вместе с его оружием. Если бы брат

рыцаря умер достойно, сьер Антон сам должен был опустить ему на грудь меч, сложить охладевшие руки на рукояти и помолиться перед Господом за душу брата. Что-то было не так, и Маррон снова и снова пытался понять, что именно.

Быть может, брат покрыл позором себя и семью, потерял звание рыцаря и свой меч? Тогда в глазах сьера Антона меч мог нуждаться в очищении, и потому он подарил его человеку, который будет сражаться этим оружием во славу Господа.

Может, да. А может, и нет. Маррон чувствовал, что примирился с дядиным мечом: он был не так красив и не так хорош, не имел собственного имени, но с ним всё было гораздо проще. Отмеченный, повреждённый, обесчещенный только проступками Маррона, которые он мог при случае искупить, он не заставлял задумываться о своём происхождении, не заставлял сомневаться и догадываться о всяких мрачных, темнее ночи вещах…

Рана болела — нет, хуже, горела огнём. Подумав, Маррон вспомнил, что она начала ныть ещё во время тех утомительных упражнений, но он не заметил этого. Теперь же юноше казалось, что ему на руку положили кусок раскалённого железа, а, подняв рукав, он обнаружил вновь проступившие на повязке влажные пятна.

Если он явится в таком состоянии в лазарет, начнутся вопросы — может быть, им заинтересуется сам главный лекарь. А между тем Маррон считал себя ничуть не большим лжецом, чем сьер Антон. К тому же кожа юноши блестела от пота, а волосы слиплись, и если бы в таком состоянии он сказал: «Нет, магистр, я не нарушал распоряжений брата лекаря», — его тело свидетельствовало бы против него.

Маррон не был трусом, но его смутило расхождение между одним и другим долгом, повиновением лекарю и повиновением рыцарю. Нет, он даже не пытался прикинуть, где наказание оказалось бы меньше, не надеялся угодить кому-нибудь из своих хозяев. Наверное, следовало просто промыть рану и снова завязать её потуже — тогда, может быть, обойдётся без лекарств брата лекаря. Ну, получится шрам чуть толще, если кожу на руке стянуть сильнее — что ж, будет ему урок и напоминание не соваться меж двух хозяев.

Маррон уже не блуждал по замку и не путался в бесконечных подъёмах и поворотах: бегая то туда, то сюда по приказу сьера Антона, он быстро научился ориентироваться Рыцарь не терпел задержек. Маррон отнёс меч в оружейную, к остальным клинкам, а потом побежал вниз, к нижнему двору, где находились конюшни.

Когда он вышел из темноты на двор у самого рва, солнце ослепило его. Щурясь изо всех сил, Маррон отыскал у лошадиной поилки ведро, наполнил его и присел в тени, здоровой рукой и зубами пытаясь развязать повязку.

Он всё ещё бился над узлами, завязанными рукой брата лекаря, как вдруг его тронули за плечо. Вздрогнув, Маррон огляделся и увидел босые ноги, белую суконную рубаху, любопытную улыбку, тёмные глаза и короткие тёмные волосы. Один из рабов-шарайцев, совсем ещё мальчишка, улизнул от работы, чтобы посмотреть, что тут делает одинокий монах.

Щурясь на солнце, Маррон всё же узнал — или ему показалось, что узнал, — это лицо. «Мыло», — вспомнил он, покопавшись в памяти. Это был тот самый мальчик, который принёс мыло только что прибывшим в Рок братьям.

Улыбка исчезла; мальчик склонился над Марроном и озабоченно спросил:

— Ты ранен?

— Да, — ответил юноша и добавил, сдаваясь: — Помоги мне. Эти узлы ужасно тугие.

Его здоровая рука устала и еле двигалась, но руки мальчика оказались куда проворнее. Ловкие пальцы отвели руку Маррона и крепко вцепились в узлы, которые оказались не только тугими, но и мокрыми от слюны — Маррон пытался развязать их зубами.

— Нет, — вдруг произнёс мальчик, — надо резать. Подожди, я принесу.

Он убежал. Маррон откинулся назад, чувствуя под плечами холодный камень, и едва сдержался, чтобы не опустить голову, стараясь скрыться из виду. Он не прячется здесь, нет, просто решил немного отдохнуть, набраться сил…

Мальчик вернулся. Он не привёл никого, принёс только нож, ткань и большой глиняный кувшинчик, закрытый крышкой. Узлы поддались ножу довольно быстро, а Маррон, в свою очередь, подчинился мальчику, выразив свой протест одним сердитым жестом. Шараец как можно осторожнее размотал бинты и в конце всё же вынужден был дёрнуть, заставив пациента задохнуться от боли. Из глаз Маррона брызнули слёзы. Обнажившийся порез расширился и казался очень тёмным — из него сочилась кровь.

Мальчик едва слышно зашипел и пробормотал что-то на родном языке, то ли обращаясь к Маррону, который ничего не понял, то ли разговаривая сам с собой. Потом шараец намочил клок ткани и промыл рану, крепко придерживая руку дёргавшегося Маррона. Каждое прикосновение к ране жгло, словно огнём. Вновь посмотрев на Маррона, мальчик покачал головой и потянулся к кувшинчику.

Под крышкой Маррон увидел жирно поблёскивавшую массу.

— Что это?

Мальчик снова улыбнулся.

— Называется «хареш». Мы им лечим раненых лошадей. Он взял немного мази на палец, но Маррон отдёрнул руку:

— Э нет, я тебе не лошадь!

— Для людей тоже хорошо, — заверил его мальчик и внезапно умолк. Не отводя взгляда от глаз Маррона, он бережно коснулся чистой рукой руки своего пациента и подтянул её поближе к себе,

— Масло и травы хорошо лечить раны. А это, — он кивнул на кровоточащую понемногу рану Маррона, — это плохо. Это надо…

Речь закончил жест поблёскивающих от мази пальцев. У мальчика не хватало слов, но Маррон понял его. «Это надо лечить, — хотел сказать мальчик, — а если ты не пошёл, куда полагается идти в таких случаях, придётся тебе терпеть моё лечение». А может, мальчик имел в виду совсем другое.

Впрочем, Маррон больше не собирался спорить. Мазь приятно холодила рану в отличие от едкого снадобья брата лекаря. Бинты снова вернулись на место, а обрезанные концы оказались завязаны. Потом мальчик, стоявший во время этой процедуры на коленях, встал и улыбнулся во весь рот.

— Теперь нельзя ею работать.

— Я знаю, — вздохнул Маррон, — знаю.

«Заприте меня в стойле и прикуйте к кормушке». Интересно, как пойдёт выздоровление на этот раз — если, конечно, сьер Антон позволит ране затянуться, подумал Маррон. Потом юноша сообразил, что проявляет неблагодарность — мальчик сделал все гораздо лучше, чем сделал бы сам Маррон, ничего не смысливший в целительстве.

— Как тебя зовут? — спросил юноша. На мгновение ему показалось, что мальчик опешил. Потом раб ответил:

— Мустар. Мустар иб Сайр.

— Благодарю тебя, Мустар. А моё имя Маррон.

Их глаза, оказавшиеся всего на расстоянии ярда друг от друга, встретились. Потом мальчик сделал быстрый выразительный жест: «Мне надо идти, пока меня не хватились». Он быстро встал и исчез, не попрощавшись. Маррон просидел у конюшни ещё с минуту, прежде чем заставил себя встать, и побежал к теням, скрывавшим узкий вход в замок.

Когда Маррон добрался до своего отряда, тот направлялся прямиком в конюшни. Хвала Господу, Маррон побывал там на несколько минут раньше них и в результате повстречался с Мустаром, а не с фра Пиетом. Об ужасных последствиях встречи с

исповедником Маррон боялся даже думать.

Фра Пиет послал отряд вперёд дожидаться каравана с верблюдами, о прибытии которого было известно, а потом повернулся к Маррону.

— Мне сказали, — начал он, — что ты теперь мальчик на побегушках у сьера Антона. Служишь, да?

— Да, брат исповедник. В послушании, — поспешно, но с сомнением добавил Маррон.

— И в послушании же ты избегаешь обязанностей, наложенных на твой отряд? Что ж, если ты можешь служить рыцарю, то послужишь и своим братьям. И даже тем из них, кто не достоин твоих услуг. Отправляйся к старшему по кухне и скажи, что пришёл раздавать хлеб кающимся, он тебе все покажет.

Путь в кельи кающиеся начинался с маленькой низкой двери и узкой винтовой лестницы, скрывавшихся за большими печами. Даже неуклюже шагая в темноте с корзиной в здоровой руке, Маррон понял, что камень вокруг стар, что он попал в сердце замка. Ступени здесь были истёртыми и неровными, что заставляло Маррона жалеть об отсутствии света — впрочем, нести светильник он всё равно не смог бы. Что должны были совершить братья, чтобы оказаться в этом подземелье? Маррон не знал; пока что он даже не разглядел как следует это место, казавшееся гораздо суровее, чем то, откуда он пришёл.

У подножия лестницы была крохотная комната, вырезанная в камне. Здесь было светло — в нише горела небольшая масляная лампа. Возле лампы стояли бочонок и два ведра, одно больше другого. Справа и слева от ведущего во тьму коридора стояли два брата с посохами в руках.

Один из них проворчал что-то в знак приветствия, отложил посох и достал из ниши лампу. Потом он сделал несколько шагов в коридор, нетерпеливо обернулся и приказал:

— Ну, пошли.

В коридоре было холодно и сыро; тёплый аромат выпечки, который Маррон чувствовал, спускаясь по винтовой лестнице, сюда уже не проникал. В воздухе стоял едкий запах, вернувший юношу к его первым часам в замке, к ужасу и благоговению перед Королевским Оком и перед коснувшейся его души магией.

Здесь магии не было. Были только тёмные деревянные двери в каменных стенах, распахнутые настежь, да открывавшиеся за ними крохотные, грубо высеченные кельи. В первой же, в которую они вошли, Маррон увидел человека в белой покаянной рубахе. Человек стоял на коленях и сощурился, увидев свет. В келье были только он да ведро — ах да, ещё грубая деревянная кружка.

По знаку брата с лампой Маррон взял из корзины ломоть хлеба и подал его кающемуся. Тот принял хлеб без единого слова. Маррон вышел из кельи; брат с лампой следовал за ним по пятам.

Они шли из кельи в келью, и только один раз установленный ритуал был нарушен. Надзиратель прошёл мимо кельи, едва заглянув внутрь; когда же Маррон, заметивший внутри человека, заколебался, брат произнёс:

— Нет, ему не надо. Этой ночью ему идти на ступени; если его покормить, он может осквернить камни.

Маррон ничего не понял, только заметил на поднятом лице человека отчаяние и вздрогнул, но не от холода.

В корзине всё ещё оставался хлеб, а впереди лежал бесконечный коридор. Свет не достигал его конца, и из темноты появлялись все новые запертые двери, однако кельи за ними все чаще оказывались пусты. Что за дьявольская выдумка, подумал Маррон, — не запирать кельи с кающимися, подвергая испытанию их послушание.

Брат с лампой провёл его обратно в комнатку у лестницы, однако обязанности Маррона на этом не закончились.

— Наполни ведро, вот это, — он указал на меньшее, — и дай кающимся по глотку воды. Но не больше.

Вода, на поверхности которой плавала зелёная пена, находилась в бочке. Маррон отвёл в сторону пену — тут брат с лампой фыркнул, — погрузил ведро в бочку и вытащил его здоровой рукой. Он заметил, что тени переместились, и понял, что ему протягивают лампу — значит, на этот раз обойдётся без провожатого.

Взяв лампу в больную руку и молясь о том, чтобы не уронить её, Маррон пошёл по коридору. В каждой келье кающийся молча окунал в ведро свою кружку. Некоторые братья кивали Маррону в знак благодарности, а некоторые даже не поворачивались к нему.

Дойдя до кельи брата, которому не полагалось хлеба, Маррон заколебался. Он шагнул в келью, но сидевший там человек покачал головой, поблёскивая в свете лампы дикими глазами. Вместо воды Маррон прошептал благословение и отправился дальше.

Вновь вернувшись в комнатку при лестнице, Маррон получил очередное задание, которое ему совсем не понравилось. В некоторых кельях пахло не только камнем и дурной водой…

Взгляд Маррона, кивок надзирателя, и юноша пошёл по коридору с большим ведром в руке, выливая в него содержимое стоявших в кельях параш. Потом Маррон осторожно пронёс хлюпающее вонючее ведро сквозь кухню к уборным, где опорожнил его в бочку, и понёсся с ведром обратно к

надзирателям.

На этом его обязанности кончились — по крайней мере братья равнодушно промолчали. Вновь подняться по ступеням, вернуть корзину с хлебом туда, откуда она была взята, — и, наконец, отправиться на поиски своего отряда.

Олдо рассказал, что им пришлось попотеть, таская тяжеленные тюки зерна по длинному извилистому коридору. К приходу Маррона всё было кончено и настало время мыться. Вместе с ними мылось ещё человек сто, сразу несколько отрядов одновременно. Встав в линию, они передавали из рук в руки ведра с водой изо рва — и здесь Маррон вполне мог им помочь, передавая полные ведра здоровой рукой, а пустые — раненой, вливаясь в ритм работы. А потом он быстро помылся в большом чане, спеша уступить место другому человеку. Мыла просили только те, кто занимался самой тяжёлой или самой грязной работой.

Маррон разделся, плюхнулся в воду, задохнулся от её холода — вода была изо рва, который не согревало даже полуденное солнце, — выскочил из чана и быстро натянул одежду на мокрое тело, однако не смог скрыться от острого взгляда Олдо. Друг Маррона поймал юношу за запястье, закатал рукав и произнёс:

— Кровь! Да.

Пальцы Олдо прошлись по мокрому бинту, который потемнел слишком медленно и не смог скрыть ещё более тёмного пятна.

— Тебя перевязывали ещё раз, — медленно сказал он, глядя на несовпадающие кровавые пятна, — но ведь тебе должны были дать новый бинт…

— Я не был в лазарете.

— Как так? — Не дождавшись ответа Маррона, Олдо спросил: — Что ты делал?

Можно было ответить просто: «Носил хлеб и воду кающимся», но он не мог лгать Олдо и потому промолчал.

— Ты был с ним. — В голосе Олдо звучали одновременно убеждённость и обвинение.

— Да, конечно. Но мы даже не выходили во двор, Олдо. Мы просто разговаривали…

— От разговоров такого не бывает, — чуть ли не прошипел Олдо, ещё крепче сжав руку Маррона.

— Ну, не бывает. — Маррону было слишком тяжело переносить злость друга. Он знал, что Олдо никому и никогда не передаст его слов, и потому произнёс: — Он учил меня работать с… ну, с мечом.

Пожалуй, вдаваться в подробности насчёт меча не стоило.

— Левой рукой?

— Нет. Я просто повторял позиции, вот рана и открылась.

Олдо бросил на Маррона сердитый взгляд, стряхнул с ног сандалии и потянул через голову одежду.

— Олдо…

Но Олдо уже прыгнул в чан и скрылся в воде с головой. Маррон застонал от отчаяния; его почти сразу же толкнули, задели локтем, толпа оттеснила его от чанов, и он больше не мог разглядеть в этой толкотне Олдо.

Когда чистые, не успевшие ещё просохнуть братья собрались возле бани, фра Пиет сурово оглядел их — тут уж было не до разговоров. Маррон отыскал Олдо и втиснулся в строй рядом с ним, надеясь хотя бы обменяться взглядами, но Олдо надвинул пониже свой капюшон, чтобы отгородиться от друга.

Брат Шептун начал отбивать удары, и отряд молча зашагал в большой зал. Благочестиво опустив голову, Маррон смотрел на пятки Олдо, ходившие туда-сюда и задевавшие край рясы. Одного этого было достаточно, чтобы понять, в каком Олдо настроении.

Об этом говорило все его напряжённое прямое тело, когда он опустился на колени рядом с Марроном в холле. Впрочем, служба медленно, но верно успокаивала Олдо знакомыми словами и громким многоголосьем; злость таяла, как и должна таять в присутствии Божьей благодати. К концу часа Олдо сел на пятки и сжал пальцами край рясы — рясы Маррона, а не своей собственной.

Маррон облегчённо улыбнулся и сам сел поудобнее, наклонившись вперёд, чтобы заглянуть в самый конец ряда. Он ждал, чтобы фра Пиет встал, подав остальным знак последовать его примеру и отправляться ужинать.

Но фра Пиет — да и остальные исповедники — не шевельнулся, и братьям оставалось только стоять на коленях. Прецептор с магистрами ушли; за ними, как всегда, последовали рыцари. Однако двое магистров вернулись — магистр Рольф и магистр Суарт, старшие исповедники, отвечавшие за чистоту и послушание, за веру и дисциплину всех братьев в Роке. За магистрами шли двое грузных братьев, больше похожих на быков в рясах, чем на людей, а между ними втиснулся человек в тонкой белой рясе, с обнажённой головой; он не поднимал глаз и при ходьбе громко шаркал. Это был тот самый кающийся, которому не дали ни хлеба, ни воды и не позволили даже прикрыть голову, дабы привести его к Господу в сраме.

«Этой ночью ему идти на ступени», — сказал надзиратель. И действительно, кающегося провели перед всем залом и остановили у ступеней, идущих к алтарю. Он встал перед ними на колени и уткнулся лбом в камень. Братья охранники

остановились по сторонам от него. Магистры поднялись по ступеням и поклонились в сторону алтаря. Потом, повернувшись к залу, они заговорили по очереди.

— Братья искупители, все вы присягнули Ордену и дали обеты целомудрия, нищеты и послушания.

— Вот один из вас по имени фра Коллен. Он платил деньги за то, чтобы тайно спать с женщиной в потаённом месте под стенами замка. Так он нарушил все три клятвы: он позволил своему телу и душе погрязнуть в похоти; он тайно хранил собственные деньги и обратился мыслью к мирскому; он грешен против обетов, Ордена и Господа.

— Однако Господь милостив. Фра Коллен не будет лишён рясы и с позором изгнан из братства нагим, каким пришёл он к нам. Он понесёт меньшее наказание: он предстанет перед вами, и вы все узрите его муки.

Больше не было произнесено ни слова. Кающегося признали виновным и вынесли приговор; магистры сунули руки в рукава и стояли неподвижно.

Двое крупных монахов, приведшие кающегося, подняли фра Коллена на ноги, одновременно и придерживая, и помогая встать. Рясу с него сорвали и отбросили прочь. Обнажённого грешника распростёрли на ступенях.

Охранники сняли с поясов по куску тёмной кожи длиной в рост невысокого человека, хотя сами они невысокими не были. Полосы кожи странно поблёскивали в свете факелов; Маррон чуть шевельнул головой, скосил глаза и услышал испуганный вздох Олдо — тот всегда соображал быстрее, особенно когда видел перед собой боль или опасность, — и наконец понял, наконец его глаза нашли ответ.

Полосы кожи были усеяны железными шипами.

Никто не считал ударов — по крайней мере Маррон не слышал счета. Не была объявлена и мера наказания — столько-то ударов за такую-то провинность. Должно быть, братья считали удары про себя, испытывая кто благоговейный страх, а кто праведный гнев, но Маррон подозревал, что многие из них сбились со счёта очень скоро. По крайней мере он на это надеялся.

Что до него, то он мог думать только об одном, о том, что видел и слышал: свист длинной кожаной плети, хорошо видной над головами других братьев, далёкий мягкий шлепок, с которым плеть впивалась в плоть грешника, высокий плачущий звук, следовавший за ударом и заглушавшийся свистом другой занесённой плети, — заслышав этот свист, грешник, как был уверен Маррон, сжимался, стискивал кулаки, задерживал

дыхание и не мог больше кричать. И вновь то же самое, звук и движение в той же последовательности. Маррону казалось, что это никогда не кончится.

Он почувствовал, что его толкнули локтем в бок — это был Олдо, просивший о помощи. О том, чтобы его успокоили, прикоснувшись пальцами к его пальцам хотя бы на миг.

Маррон перепугался и ответил чисто инстинктивно. Он отпихнул руку Олдо: «Нет, не сейчас, не здесь, Бога ради, не будь таким дураком! Ты что, сам хочешь попасть завтра на место этого человека? Каждый предстаёт перед Господом в одиночку. А уж фра Пиет наверняка на нас смотрит. Нас обвинят в нарушении всех клятв, да ещё в ереси, а потом будут пороть, пока не останутся одни кости…»

А будут ли? Наверное, нет. Но фра Пиет наверняка может поколотить за такое нарушение правил — у него есть тяжёлая палка, да и рука не из лёгких. Маррон попытался передать это Олдо — подтолкнул его локтем, чуть кивнул и взмолился, чтобы его друг услышал его мысленные увещевания. Однако он едва достал локтем до Олдо, и тот отодвинулся — недалеко, на ширину пальца, придвинувшись ближе к соседу с другой стороны, но этого было достаточно. Маррон словно слышал его голос: «Ты покинул меня, ты меня предал, я обратился к тебе и нашёл пустоту там, где привык находить друга…»

И Маррон снова оказался в капкане — в двух. Один был ярким триптихом: кровь, боль и унижение, другой — тёмным уголком, полным раскаяния. Оба капкана порождены глупостью Маррона — не новым среди людей свойством; оба впились в него и словно хотели разорвать напополам. Маррон метался от одного к другому и бросался обратно, и всюду только тьма и кровь, боль и позднее раскаяние. Это Бог, и всегда был только Бог, и как он мог надеяться на что-то, кроме двойного круга дороги, здесь, в Божьем месте, перед алтарем Его?

Крики грешника постепенно затихли, но счета ударов все равно слышно не было. Не было и сигнала остановиться — хоть Маррон и старался не смотреть, пытался отвести взгляд и надеялся, что осмелится на это, — но в конце концов пытка, бывшая пыткой для них всех, окончилась. Похоже, не переживали по этому поводу только исповедники — фра Пиет с довольным лицом повёл отряд не прочь из зала, но к самым ступеням алтаря, чтобы они лучше увидели, как расплатился за свой грех их брат.

Он расплатился сполна, подумал Маррон. Распростёртое на толу иссечённое и окровавленное тело не шевелилось и даже, похоже, не дышало. Голова уже была прикрыта куском белой рясы в знак того, что грехи этого человека отпущены и он вновь может

предстать перед Господом в почтении. Остальное тело от плеч до икр было взлохмаченным мясом, брошенным на мраморные ступени, тушей, пригодной лишь для собак. Впрочем, зрелище было такое, словно собаки тут уже побывали.

Отряд ушёл из зала другим путём. Оказавшись во дворе, Маррон сбросил капюшон и подошёл к фра Пиету, изо всех сил стараясь не обращать внимания на внутренний голос, твердивший: «Дурак! Дурак!» Юноша спросил прямо:

— Он будет жить?

— Может быть. — Похоже, вопрос был дозволен: он был сочтён не проявлением праздного любопытства — которое само по себе означало неповиновение, — а был необходим для того, чтобы понять Орден и найти в нём своё место. — Если будет на то воля Господня. Иногда такие выживают.

— А если нет?

— Тогда он умрёт очищенным и отправится прямиком к Господу. Счастливый человек. Я видел, как братьев изгоняли из Ордена и лишали рясы. Они уходили сломленными. А этот человек родится заново в том образе, какой даст ему Господь.

Маррон подумал, что для себя выбрал бы скорее изгнание, чем такое жестокое наказание. В конце концов, это не так уж и плохо — ходить голым в жару не страшно, а женщины в деревне внизу наверняка не пожалеют какой-нибудь тряпки даже для белокожего нищего. Да и одиночество не так плохо — по крайней мере рядом не будет братьев, которые засекут тебя чуть не до смерти.

Интересно, такие мысли — ересь или нет? Маррон повернулся, чтобы отыскать Олдо среди сгрудившихся сзади братьев, и увидел, как тот отворачивается. Маррону показалось, что с ним уже произошло это — он изгнан, наг и одинок. И это ему совсем не так понравилось…

6. ВЕРШИНЫ БЕЗРАССУДСТВА

Унижение — вот что испытывала Джулианна. И злилась, глупо и по-детски, хотя ей полагалось бы радоваться свободе, смеясь; но над всем этим преобладало унижение.

А ведь такой был продуманный план, такая тщательно разработанная интрига! Отцу бы понравилось: сколько себя помнила Джулианна, отец заставлял её делать всё, что считал нужным, именно такими мелкими интригами, столь же тщательно продуманными, как и его крупные интриги в масштабе всего Чужеземья. Манипулирование — так представлял он себе обязанности отца.

Скучные дни в замке — девушка по большей части сидела у себя в комнате, чтобы Блез не волновался насчёт приличий, хотя Элизанда шныряла где хотела и когда хотела, не привлекая особого внимания, — эти скучные дни не просто сердили её, они бесили. Джулианне хотелось завопить и расшвырять все вокруг, но вместо этого она спокойно сказала Блезу, что её лошадь, Мерисса, наверняка уже застоялась в стойле и нуждается в прогулках.

— Вы правы, мадемуазель. И моя лошадь тоже, наверное, застоялась. Я передам это старшему конюху. Он наверняка найдёт человека, который будет изредка проезжать лошадей.

— Нет, — быстро ответила Джулианна, — Мерисса лошадь норовистая, она не позволит сесть на себя никому, кроме меня. Лучше нам взяться за дело самим. Не могли бы вы передать, чтобы лошади были осёдланы и готовы после полуденной трапезы?

Блез нахмурился. Джулианна ожидала этого. А потом произнёс — это она тоже предвидела.

— Прошу прощения, мадемуазель, но я не могу отпустить вас на горную тропу на таком горячем скакуне. Это слишком опасно.

— Блез, это смешно! Неужели я не справлюсь со своей собственной лошадью? Я ездить верхом начала раньше, чем ходить.

И это почти правда.

— Тем не менее, мадемуазель…

— Тогда мы можем на спуске провести лошадей в поводу. Или вы поедете верхом с Мериссой в поводу, а я пойду сзади пешком.

— Только не сзади, мадемуазель, не в пыли, которую я подниму. Вы пойдёте впереди, чтобы я вас видел…

Джулианна была очень довольна собой. Ничего ей так не

хотелось, как проехаться часок хорошим галопом вдали от этих тюремных стен. Вот только предшествовавший поездке спуск внушал ей страх. Она не хотела признаваться в этом страхе даже себе и позволила Блезу бояться за неё, благо сержант нёс на себе всю ответственность. Отлично. Она пойдёт пешком, это тоже доставит удовольствие, потому что Ноги Джулианны успели устать от безделья не меньше, чем мозг. А после спуска будет скачка, ветер и свобода хотя бы на время…

Но слышавшая разговор Элизанда тоже попросилась на прогулку.

— У вас нет лошади… мадемуазель. — Блезу было трудно обращаться к Элизанде с почтением, словно он ещё не до конца доверял ей. И винить его в этом было нельзя.

— Это ничего. Я пройдусь вниз вместе с вами, а потом посижу на камне и посмотрю, как вы будете скакать.

Полдень был не прохладнее обычного, хотя днём в небе появились какие-то облачка. Джулианна выпросила у главного конюха кусок сахару, чтобы побаловать Мериссу. Потом Блез сел на коня, привязал поводья лошади к луке своего седла и поехал вслед за девушками по наклонному коридору, по ступеням, сквозь ворота и, наконец, по дороге.

В местах, где склон был слишком крут даже для пешего, Джулианне хотелось во всю прыть помчаться вниз. Отгоняя это желание, она сжимала руку Элизанды, но тут же начинала ругать себя за выказанный страх. Её подруга подпрыгивала, несмотря на платье, и широко улыбалась.

— Так-то лучше! За этими стенами даже воздух тухнет! И никто не смеётся, заметила? Даже рыцари, и те не смеются. По крайней мере при нас. А братья так вообще улыбаться не умеют! Ничего удивительного, что они ходят в чёрном, — у них же на душе вечный траур! У меня кости ломит от этой черноты!

«А ведь ты сама шла сюда», — подумалось Джулианне, но она промолчала.

До первого поворота Джулианна старалась держаться той стороны тропы, где была стена, и не подходила близко к пропасти. Позади слышался мерный топот лошади Блеза и лёгкое цоканье копыт Мериссы. Вдруг они сменились ржанием и громкой бранью сержанта, позабывшего, что рядом с ним дамы.

Девушки обернулись и увидели, что сержант изо всех сил тянет Мериссу за поводья, а та встаёт на дыбы и мечется так, что сержант и его конь с трудом удерживаются от падения. Джулианна задохнулась; Элизанда ахнула и сорвалась с места.

Она бросилась назад, проскользнув между скальной стеной и сердито храпящим жеребцом Блеза, подскочила к Мериссе,

схватилась за седло и неловко, цепляясь юбками и едва удерживаясь на взбешённой лошади, вскочила ей на спину. Потом, наклонившись вперёд за разукрашенными поводьями, девушка прижалась к потной шее кобылы и быстро зашептала что-то ей на ухо, одновременно заставляя её отвернуться от пропасти.

Джулианне показалось, что прошло всего мгновение, но это наверняка было не так. Вскоре Мерисса уже стояла спокойно, подчиняясь рукам и голосу Элизанды.

— Отпустите повод, сержант, — услышала Джулианна её чистый голос. — Просто Мериссе нужен седок, без него ей неуютно.

Блез фыркнул, огляделся, посмотрел на Джулианну так, словно та его предала. «Она не позволит никому, кроме меня, сесть на неё», — вспомнила Джулианна свои слова и вспыхнула от стыда за ложь. Сержант бросил поводья, предоставляя Элизанде их подобрать.

Так они и шли до конца. Джулианна шагала в одиночестве и чувствовала горькую обиду. Одной рукой она касалась стены, что придавало уверенности и увеличивало позор, а сержант и её подруга ехали позади.

У подножия горы Элизанда без единого слова соскользнула с лошади, придержала голову Мериссы, чтобы Джулианне было удобнее сесть в седло с высокого камня, а потом, улыбаясь без малейшей самоуверенности, уселась на тот же самый камень, словно говоря: «Идите катайтесь, а обо мне не беспокойтесь».

Джулианна все никак не могла насытиться свободой и пускала Мериссу галопом по сухой пыльной равнине. Она знала, что чуть позади от неё скачет Блез, но не оборачивалась, не желая видеть его лицо. Век бы не видеть ни его, ни Элизанды! Джулианна знала, что ведёт себя по-детски, но не могла сдержать обиды, надеясь только, что ветер выдует горькое воспоминание у неё из головы.

Пыль жалила глаза. Джулианна зажмурилась, полностью уверенная в своей лошади, — и едва не потеряла одновременно доверие, уверенность и равновесие, а также достоинство и, возможно, жизнь.

Нет, Мерисса не споткнулась, не бросилась в сторону, не заупрямилась. Она просто остановилась, мгновенно и резко. Кобыла ударила задними копытами в землю; Джулианну рвануло вперёд, к выгнутой шее. Девушка упала на шею лошади, заскользила по ней, потеряла стремя, отчаянно вцепилась в гриву и удержалась в последний момент. Ещё одно усилие — и вот она уже сидит в седле, дрожа сама и чувствуя под собой дрожь

Мериссы. Поглядев мутными глазами вперёд, Джулианна увидела крутящийся в воздухе вихрь из пыли и песка. Позади него в земле открылась пропасть, до которой был всего лишь шаг, всего один скачок лошади в галопе…

Впрочем, нет, пропасть появилась не только что, да и не пропасть это была. Джулианна вновь посмотрела на загадочное место и поняла, что это русло реки, иссохшее под летним солнцем. Если бы не внимательность Мериссы, Джулианне пришлось бы пролететь два собственных роста вниз, а в конце удариться о потрескавшееся дно, усеянное камнями. Да, не пропасть, но не намного лучше. Она наверняка переломала бы все кости, да и Мериссе бы досталось.

Вихрь из пыли и песка. Джулианна отвела взгляд от русла и увидела только опадающее облачко. Мелькнула мысль: «джинн», но тут раздался топот копыт и рядом очутилась другая лошадь. Джулианна стала равнодушно смотреть вперёд, стараясь не встречаться взглядом с разъярённым Блезом.

Сержант схватил Мериссу за уздечку, перехватил поводья и вытащил их из ослабевших пальцев Джулианны.

— Мадемуазель… — У него перехватывало горло от ярости, причём он имел право на ярость, и Джулианна как ребёнок ждала выволочки. Но сержант сказал только: — Мадемуазель, мы сейчас же вернёмся в замок.

Больше он не произнёс ничего, опасаясь, видно, сорваться.

Джулианна молча кивнула в знак согласия; сержант заставил Мериссу отвернуться от обрыва и медленно повёл её обратно, туда, откуда они прискакали. Новое унижение — но Джулианна заслужила его. А Мериссе медленный шаг был только на пользу — по телу кобылы то и дело пробегала дрожь, лошадь нуждалась в покое и прохладе, чтобы забыть охвативший её ужас. Непонятно только, был этот ужас вызван разверзшейся ямой или появлением джинна.

Чувствуя свою беспомощность и стыдясь её, Джулианна отвернулась от закаменевшей спины сержанта и стала смотреть вокруг — прежде ей было не до этого. Земля вокруг была пустой и выжженной, на ней росли только колючки. Колючки да пыль — тут Джулианна увидела вдалеке смерч, и её сердце подскочило. На мгновение ей показалось, что это джинн, но, приглядевшись, она поняла, что это всего лишь быстро скачущий всадник.

Блез тоже увидел всадника. Он осадил лошадь, жестом приказал Джулианне не шевелиться и потянулся к мечу.

Хвала Господу, опасаясь схватки, сержант отпустил поводья Мериссы, и Джулианна, нагнувшись, завладела ими. Теперь при необходимости она могла ускакать прочь. Если же убегать не

придётся — вряд ли кто-нибудь отважится на нападение вблизи замка, — она по крайней мере встретит этого человека, самостоятельно распоряжаясь собственной лошадью.

Всадник поскакал чуть медленнее, поднимая меньше пыли. Джулианна увидела, что это был молодой человек на большом боевом коне. Решив, что это один из рыцарей Рока, Джулианна перевела дыхание.

Блез тоже расслабился и даже убрал руку с рукояти меча.

— Эй! — крикнул рыцарь. — Всё в порядке? Я увидел, что дама скачет изо всех сил, а за ней кто-то гонится. К тому же я знал о русле реки и боялся, что…

— Благодарю вас за заботу, сьер, — живо отозвалась Джулианна, беря себя в руки, — Мы просто прогуливали лошадей. Мериссе нравится скакать.

Этого было недостаточно; рыцарь приподнял бровь, и Джулианне пришлось объяснить всё до конца,

— Ну да, вы правы, я не знала о русле реки. Земля вокруг коричневая, и его совсем не видно. К счастью, у Мериссы прекрасное зрение… — «А я закрыла глаза». Но в этом Джулианна признаваться не собиралась.

— Да, действительно. Я никогда не видел, чтобы лошадь останавливалась так быстро. Надеюсь, она ничего себе не повредила?

— Ничего, сьер, благодарю вас за заботу. Пострадали разве что нервы кобылы, но проверять это было не время. Равно как и нервы Джулианны.

— Прекрасно. Вы возвращаетесь в замок?

— Да, сьер, — мрачно ответил Блез.

— Надеюсь, вы позволите мне сопровождать вас?

— С удовольствием. — Джулианна была рада компании.

— Благодарю вас. Ох, мадемуазель, у вас совсем сползла вуаль…

Он смеётся, решила Джулианна, этот молодой рыцарь смеётся над ней. Она бросила на него сердитый взгляд и прикусила язык, чтобы не надерзить в ответ (сколько можно вести себя по-детски), и натянула на лицо пыльную мятую вуаль.

— Боюсь, что мы вспомнили о приличиях слишком поздно, — сказала она так легко, как только могла.

— Мадемуазель, я не пророню ни слова. — Он низко поклонился в седле и на этот раз откровенно смеялся над нею. — Но я знаю о вас так много — мне известно, как вы красивы, известно имя лошади, известно, что вы любите скакать быстрее, чем предписывает осторожность, — так могу ли я узнать ещё и ваше имя?

— Меня зовут Джулианна де Ране. А вас, сьер?

— Антон д'Эскриве. Рыцарь братства искупителей. Но мне кажется, что мне знакомо имя вашего отца, мадемуазель де Ране.

— А мне вашего. — Граф д'Эскриве был вассалом герцога Аскариэля и владел огромным поместьем. Джулианна знала, что он бездетен и что предполагаемым его наследником является его брат. Должно быть, этот рыцарь — племянник или двоюродный брат графа, а может, и признанный бастард.

— Вот как? — Внезапно его лицо, до того спокойное, превратилось в маску. Точно, бастард, подумала Джулианна. Отослан в Орден осторожности ради и не ждёт от своего отца ничего, кроме имени.

— Мадемуазель, если бы мы могли немного вернуться к западу… Там я оставил ещё одну лошадь и своего… оруженосца. А, вот и они!

К ним приближалось облачко пыли поменьше, в котором Джулианна увидела скакуна и всадника. Девушка приподняла брови: скакун был боевым конём, но нашего спине сидел никакой не оруженосец. Это был молодой монах из Ордена, почти мальчик, явно нуждавшийся в помощи.

— Одну минуту, мадемуазель, прошу прощения…

Д'Эскриве развернул коня и поскакал навстречу всаднику. Джулианна прислушалась и различила его голос, в котором был оттенок веселья:

— Маррон, искусство держать пику в бою сильно отличается от искусства довезти пику до дома. А удержать в боевом положении две пики сразу не удавалось ещё никому, хоть это и дало бы рыцарю огромное преимущество. Возьми их обе подальше и сунь под мышку, чтобы они были в равновесии. А теперь езжай за мной и, как я уже сказал, будь потвёрже с Аламбером. Почувствовав твою неуверенность, он начнёт своевольничать.

Увидев, что урок усвоен, рыцарь снова подъехал к Джулианне.

— У вас оригинальный оруженосец, сьер Антон.

— Он единственный в своём роде, — абсолютно серьёзно ответил рыцарь. — Я едва не убил его несколько дней назад, и с тех пор он боготворит меня.

Джулианна не поверила ему, но молодой монах был уже совсем рядом и мог слышать её слова, поэтому девушка промолчала.

Она была несколько удивлена, обнаружив Элизанду в точности там, где та решила остаться. Девушка стояла на камне и смотрела на тропу, ведущую к замку. По ней шёл караван —

конные, пешие и что-то вроде небольшой повозки.

Когда кавалькада Джулианны приблизилась, Элизанда обернулась и приветствовала незнакомцев небрежным поклоном. Потом, вспомнив, что на ней юбка, она присела ещё небрежнее. Очевидно, её мысли были заняты чем-то другим; глаза девушки вернулись к шедшему в гору каравану.

Ехавший позади Джулианны рыцарь негромко рассмеялся:

— Как шаловлив сегодня ветер! Только и знает, что сбрасывать с дам вуали!

Элизанда хмыкнула и кое-как натянула вуаль.

— Что это за люди? — спросила Джулианна, решив не знакомить Элизанду с рыцарем, несмотря на этикет. Не хватало ещё, чтобы этот вкрадчивый Антон д'Эскриве начал гадать, не знаком ли он ещё и с отцом Элизанды.

— Барон с юга со своей свитой. Они сказали, что везут пленника. В бочке везут. — Элизанда поморщилась, и Джулианна подумала, что она говорит не всё, что знает. — Ну у них и бочка! Винная, здоровая, на телеге привязана. И они её тащили двадцать миль вверх-вниз по здешним дорогам!

— Зачем же? — улыбнувшись ещё раз, спросил д'Эскриве,

— Говорят, хотят королевского суда для пленника.

— Но ведь король в Аскариэле!

— А они сказали, что тут находится Королевское Око. Джулианна услышала позади судорожный вздох странного оруженосца, Маррона.

— Королевское Око видит все, — мягко заметил д'Эскриве, — а свершение правосудия — долг каждого дворянина, даже мелкопоместного барона. И без необходимости… гм… присутствия короля. А кто их пленник?

— Они не назвали имени, — медленно сказала Элизанда. — Только сказали, что он сурайонин.

— Сурайонец будет правильнее, — пробормотал д'Эскриве и умолк. Он мрачно всмотрелся в далёкие силуэты каравана, отмеченные на дороге острыми чёрными тенями. — Надеюсь, это правда…

— Почему?

Рыцарь пожал плечами.

— Его в любом случае будут пытать — для этого вполне достаточно того, что он сурайонец. Чем больше он будет отрицать это, тем меньше ему будут верить. Осмелюсь предположить, что в конце его казнят, — так разве лучше страдать и умереть по навету? В чём смысл такого мученичества?

Это звучало разумно, учитывая хладнокровие рыцаря, однако Джулианна вновь усомнилась в его словах, и не без причины. Она

наконец поняла, где уже видела Антона д'Эскриве: это случилось в первый вечер, проведённый ею в замке. Именно этот человек так жадно слушал слова маршала Фалька, что даже обнажил голову в присутствии Господа, словно молча клянясь или давая какие-то обязательства. Джулианне подумалось, что он действительно надеется найти в бочке сурайонца.

Мерисса затанцевала, заставив Джулианну вернуться мыслями к действительности.

Элизанда сделала знак, который можно было истолковать как «если хочешь, слезай, я доведу её до верха». Искушение было велико; однако гордость всегда должна перебороть страх — это был один из первых уроков, полученных от отца. А уж в такой блестящей компании сознаваться в трусости Джулианне ну никак не хотелось.

— Не мог бы ваш… оруженосец взять Элизанду к себе на седло? — спросила она у д'Эскриве.

— Если женское тело его не испугает. — Похоже, к рыцарю быстро возвращалось ехидство. — И если при этом он не уронит пики. Маррон?

— Да, сьер, я справлюсь.

— Ну так вперёд.

Д'Эскриве сделал Блезу знак ехать вперёд и последовал за сержантом, не оглядываясь. Джулианна не была столь безразлична и нелюбопытна; она увидела, как Элизанда немного неловко вскарабкалась на боевого коня, как вспыхнул Маррон, пока двое худощавых всадников пытались поместиться в одном седле, как Элизанда поспешно схватила пики, не дав им упасть на землю. Однако рыцарь успел отъехать довольно далеко, а Джулианне хотелось ехать с ним рядом, поэтому она послала Мериссу рысью.

Дорога становилась все круче. Д'Эскриве галантно пропустил Джулианну ближе к стене, а сам поехал рядом с краем. Девушка именно на это и рассчитывала. Сюзерены Чужеземья славились своей вежливостью и умели вколотить её в своих детей.

А у этого дворянина, кроме вежливости, был ещё и злой язык.

— Вашей лошади не нравится пропасть, мадемуазель?

Должно быть, он заметил облегчение на лице Джулианны (морда Мериссы была тут совсем ни при чём), когда девушка оказалась отделена от пропасти его скакуном.

— Да, — ответила Джулианна, и это была правда, с этого и началось сегодняшнее унижение. — Думаю, ваш конь добавит ей уверенности. Да и со всадницей на спине она будет спокойнее…

Похоже, Джулианна оказалась права; Мерисса достаточно спокойно поднималась по крутой извилистой горной дороге, то и

дело поворачивавшей за уступ.

Зато именно Джулианна дрожала и обливалась холодным потом при виде очередного поворота, нависшего над бездонной пропастью, поворота, где было не за что ухватиться и оставалось только падение, от которого её отделял шаг, вздох, минута…

В конце концов её страх передался лошади; Мерисса захрапела и внезапно пошла боком, испугавшись скального выступа.

— Мадемуазель Джулианна! — Голос д'Эскриве был мягок и серьёзен, без тени насмешки над нею или над кем бы то ни было. — Не будет ли Мерисса вести себя спокойнее, если я, с вашего позволения, поведу её в поводу? Вы будете у неё на спине и сможете её успокоить.

Настоящий дипломат, успела подумать Джулианна, прежде чем рыцарь добавил:

— А если вы закроете глаза, она даже не заметит.

И Блез тоже не заметит — он уехал далеко вперёд и скрылся за поворотом; и Элизанда — она вместе с забавным оруженосцем ещё не выехала из-за предыдущего поворота…

Итак, во второй раз за один день Джулианна согласилась на то, чтобы её лошадь вели под уздцы, и во второй раз поехала с закрытыми глазами.

Д'Эскриве вовремя предупредил её, что ворота уже совсем рядом. Джулианна взяла поводья и спокойно проехала сквозь ворота к конюшням. Там она отдала Мериссу на попечение мальчика-раба и вместе с д'Эскриве и Блезом дождалась появления отставших. Кстати, она отметила про себя, что Маррон все ещё красен как варёный рак.

Когда Маррон и Элизанда спешились, оруженосец посмотрел на д'Эскриве, словно спрашивая разрешения уйти. Рыцарь жестом остановил его.

— Маррон, не мог бы ты прийти после ужина, если я попрошу?

— Да, сьер.

В его голосе Джулианне послышалась почти мольба, словно юноше самому очень хотелось прийти.

— Хорошо, так и сделаем. Мадемуазель Джулианна, не позволите ли вы мне навестить вас этим вечером в ваших покоях? Я думаю, что для соблюдения правил приличия нам хватит присутствия вашей компаньонки и моего благочестивого оруженосца.

— Благодарю вас, сьер Антон, я буду очень рада. Вечера были скучнее всего, потому что время между закатом солнца и сном было очень трудно убить.

— Прекрасно. Тогда после ужина Маррон проведёт меня к вам. Что ж, до вечера, мадемуазель Джулианна, мадемуазель Элизанда…

Взмах рукой — и рыцарь исчез. За ним, слегка смущаясь, последовал Маррон, неуверенно поглядевший назад и неуклюже попрощавшийся.

Элизанда хихикнула, но Джулианна не сказала ни слова и оставалась задумчивой весь путь до покоев.

Зачем пленника посадили в бочку?

Этот вопрос занимал их больше всего весь тот час, что оставался до вечерней молитвы, и ещё час, пока они вместе ели в комнате. В самой мысли посадить человека в бочку было что-то смешное и зловещее одновременно. Они посмеялись, но несколько искусственно; Джулианне не нужно было предсказание д'Эскриве о смерти и муках, чтобы не слишком веселиться.

— Мальчишки в Марассоне, — медленно сказала она, — играют в такую игру: подбирают на улице собаку и сажают в бочку. Потом они катят бочку по всему городу, а когда устанут, сбрасывают в реку и спорят, сколько она проплывёт по водопадам. Эта игра называется «Посрамление брата императора».

— Правда?

— Братья всегда были помехой. Трон императора — небезопасное место, если у тебя есть брат. Когда нынешний император вступил на трон, у него было три брата, а теперь только один.

— А остальные где — хранятся в стоящих в подвале бочках?

— Одного отравили, а другой погиб на войне, хотя скорее всего не от рук врагов. Но детская игра гораздо старше. Говорят, что когда страной правил какой-то прапрапрадядя нашего императора, он имел обыкновение сажать членов своей семьи в бочки и катать по городу, чтобы были покорнее. А ещё говорят, что любимым способом казни у него было посадить человека в бочку и пустить по речным водопадам. А иногда за этим человеком плыла вся его семья. Не знаю, правда ли это. Я никогда не говорила с теми, кто мог бы помнить те времена.

— А дети помнят, — заметила Элизанда, — в играх. Уж поверь. Но здесь нет реки, по крайней мере с водой. Как ты думаешь, может быть, пленника скатят со стены?

— Нет, я говорю глупости. Скорее всего его должны были извлечь из бочки сразу же по прибытии. Но зачем было сажать его туда? Почему нельзя было заковать его в цепи и заставить идти вслед за лошадью?

— Наверное, потому, что бочка — вроде темницы. Там узник

в безопасности, надёжно заперт и не может сбежать. К тому же там темно и тесно. Прошу прощения, но там до сих пор должно страшно вонять. Это наказание, Джулианна, самое большее, на какое осмелился барон. Он привёз пленника ради королевского правосудия — это так, но по дороге решил и сам наказать его. Просто потому, что у него была такая возможность.

— Да, наверное. А человек может стоять в бочке?

— Нет, если он с меня ростом, то уже не может, — ответила невысокая Элизанда.

— Как же его кормили?

— Сквозь дырочку. А может, и вообще не кормили. Они проехали всего двадцать миль? Ну, тогда не думаю, чтобы ему давали есть, даже если на путешествие ушло дня два. Он же из Сурайона, Джулианна. Или по крайней мере они так думают.

Еретик, богохульник — конечно, его не стали бы кормить! Он мог просидеть в бочке неделю, только дожидаясь отправки в Рок, и всё это время оставаться без пищи. Двадцать бесконечных миль под безжалостным солнцем, без еды и без воды — и она ещё могла смеяться над этим? Нет, больше не могла. Джулианна очень обрадовалась, услышав на лестнице шаги и голоса, нет, только один голос, а потом поскребывание ногтем по закрывавшей вход занавеске.

Она быстро сделала знак Элизанде, и девушки надвинули на лица опостылевшие вуали. Потом Джулианна произнесла:

— Входите…

На мгновение за занавесками наступило смятение, там зашаркали и зашевелились, раздался короткий лающий смешок, в котором было больше нетерпения, чем веселья, и голос рыцаря произнёс:

— Нет, Маррон, это ты должен держать гардину и отвести её назад, чтобы пропустить меня. Понимаешь?

— Да, сьер…

Гардины раздвинулись, и рыцарь шагнул в комнату, наклонившись в дверном проёме. Позади него показался Маррон, одной рукой придерживавший гардину, а в другой державший горящий факел. Джулианна отметила, что он почти лихорадочно оглядывается по сторонам, но не могла понять, что он ищет, пока юноша не пожал плечами и не наклонился затушить факел между полом и стеной. Брызнул фонтан искр.

Штора выскользнула из его руки и скрыла горе-оруженосца. Джулианна вежливо перевела взгляд на рыцаря, но всё же следила краем глаза за дверным проёмом. Вещество, которое тут, в Роке, использовали для наверший факелов, ярко горело, но легко крошилось — от факела Маррона брызнули не только

быстро гаснущие искры, но и горящие угольки. Джулианна услышала шарканье и представила себе Маррона, затаптывающего угольки ногой в верёвочной сандалии. Услышав негромкий вскрик, она безжалостно улыбнулась.

Вуаль должна была скрыть улыбку, но Джулианна не слышала ни единого слова из цветистого приветствия, произнесённого рыцарем, и этого вуаль скрыть не могла. Ехидно улыбаясь, рыцарь позвал:

— Маррон, брось свои языческие пляски и входи.

Гардины раздвинулись, и в комнату робко проскользнул Маррон. Он снова был красен как свёкла. Остановившись у края ковра, он смешно пошаркал ногами; когда он сделал шаг вперёд, его сандалии остались позади.

Оглядев обстановку комнаты, Д'Эскриве издал негромкий одобрительный звук.

— Должно быть, тут несколько менее изысканно, чем вы привыкли, дамы. Надеюсь, вам здесь удобно?

— Вполне, благодарю вас. — В подтверждение своих слов Джулианна села на постель, указав рыцарю место напротив себя. Он словно не заметил этого и стал неторопливо прогуливаться подле окна, одновременно ведя разговор.

— Что ж, хорошо. Орден очень заботится о своих гостях. Мы, рыцари, сами обеспечиваем себе скудные удобства у себя в комнатах, в то время как монахи и вовсе лишены их — не правда ли, Маррон?

— Да, сьер.

— Да, мадам, я взял на себя смелость принести с собой немного вина, опасаясь, что забота Ордена о вас не доходит до таких тонкости…

На самом деле вино нёс, конечно же, Маррон. Юноша неловко снял с плеча сумку и, порывшись, вытащил флягу и кубки, блеснувшие в свете канделябров серебром. Маррон сломал печать на пробке, налил в бокал вина и поднёс его Джулианне, вспыхнув ещё раз, когда их пальцы соприкоснулись. Он впервые открыто встретил её взгляд, хотя это продолжалось всего мгновение. Нет, подумала Джулианна, он не из тех, кто презирает женщин, — он всего лишь мальчик, который только начинает превращаться в мужчину, мальчик, не сталкивавшийся с женщинами с тех самых пор, как он был отлучён от материнской груди. В Марассоне всё было иначе — и гораздо лучше, по её мнению.

Маррон налил вина Элизанде и д'Эскриве; после этого он вернулся к холодному очагу, у которого оставил сумку.

— А четвёртый кубок, Маррон? — негромко произнёс

д'Эскриве.

Юноша поднял глаза, посмотрел на рыцаря и произнёс:

— Сьер, я думаю, что вино есть излишество.

— Думать от тебя не требуется, юноша. Ты даёшь обет послушания именно для того, чтобы думать поменьше. Налей себе вина и выпей. И ещё: я категорически запрещаю тебе рассказывать об этом своему исповеднику. Ты понял меня?

— Да, сьер.

Д'Эскриве кивнул, вернулся к окну и открыл ставню, чтобы выглянуть наружу.

— Не присядете ли, сьер Антон? — настойчиво попросила Джулианна.

— Через минуту, мадемуазель. Я только хотел посмотреть… а, вот оно.

Джулианна едва не встала, чтобы посмотреть, что так заинтересовало рыцаря. Остаться на месте было нелегко, но она удержалась. Он вновь поддразнивал её, но она решила, что не поддастся.

Похоже, у Элизанды желания сдерживаться не было.

— Что там, сьер Антон?

— Костёр в конюшенное дворе. Я уже слышал о нём, но хотел удостовериться лично.

Казалось, этого человека может позабавить что угодно, однако на сей раз его голос был холоден, и в нём угадывалась улыбка не веселья, а презрения.

— Что там жгут? — спросила Элизанда,

— Бочку, которую мы видели на дороге, мадемуазель. Барон предусмотрительно приказал уничтожить её, чтобы очиститься от скверны. Я думал, что её приберегут для костра, на котором надеются сжечь пленника, но барон, видимо, торопится. Старший конюх наверняка согласен с ним — думаю, бочка попахивает довольно гнусно.

— Сьер Антон, а почему пленника везли в бочке? Это же… это просто глупо — так везти человека!..

— Барон очень предусмотрителен, — повторил сьер Антон. На этот раз Джулианна увидела его улыбку — в ней не было и тени великодушия. — Человек из Сурайона не может не быть колдуном. Я думаю, барон опасался, что по дороге он начнёт колдовать или вызывать демонов, чтобы те спасли своего земного брата… Вот и запечатал пленника в бочку, чтобы у того не было ни света, ни воздуха, ни земли, ни огня — в общем, ничего, что нужно для заклинания.

— Но это же… нелепо!

— Полностью с вами согласен. Однако вам повезло, что вы не

знакомы с бароном. Ко мне судьба была менее благосклонна. Он человек… нелепый.

— А ещё нелепее, — заметила чинно сидевшая на собственной постели Элизанда, — ещё нелепее то, что пленника считают пришельцем из Сурайона. Эта земля вот уже тридцать лет как свёрнута; зачем кому-нибудь покидать её? И откуда они знают родину этого человека? У него что, на лбу написано?

— Ходили слухи, что некоторые жители Сурайона изредка появляются в Чужеземье. Бывало, что таких путешественников ловили и пытали, и я никогда не слышал, чтобы они оказались невинны. Думаю, итог всегда один — признание и смерть, а какой вопрос был задан — уже не важно.

Джулианна вздрогнула. Она видела разные экзотические казни в Марассоне, который всегда славился своей необычностью. Разумеется, она знала о существовании императорской инквизиции и о её работе, невидимой, но не тайной. О ней говорили только шёпотом. Она даже встречала этих людей при дворе, вежливо подавала им руку и с удивлением замечала, что их кожа не холоднее, чем у обычных людей, а сами они не несут с собой запаха подземелий.

Д'Эскриве заметил её дрожь и улыбнулся. На тропе он был великодушен, но сейчас не простил ей промаха.

— Мои ответы расстраивают вас, мадемуазель. Прошу прощения.

— Нет, вы говорите правду и я благодарна вам за неё. Меня расстраивают мысли о невинно страдающих.

— Невинные страдальцы были всегда, — сурово ответил рыцарь. На мгновение он ушёл в себя, но потом встряхнул головой и улыбнулся уже спокойнее. — Как долго вы намерены оставаться с нами, мадемуазель Джулианна?

— Не могу сказать. Мой отец послал в Элесси гонца; думаю, за мной очень скоро вышлют эскорт — а может быть, уже и выслали.

— Несомненно. Если, конечно, гонец достиг цели. Между Роком и Элесси лежат опасные земли.

Она знала это. Иногда Джулианна ловила себя на том, что надеется: весть о ней не дошла до Элесси, а значит, у неё будет ещё несколько дней свободы, хотя бы и в этом мрачном замке. Ей совсем не хотелось встречаться со своим будущим мужем. Но…

— Прецептор тоже послал весть о нас, причём для верности и с гонцом, и с голубиной почтой.

Прецептор навестил гостью в первое же утро после её прибытия в Рок. Он показался Джулианне добрым человеком с прекрасными манерами и очень красивым голосом. Девушке

пришлось напомнить себе, что он распоряжается всей этой крепостью и всеми людьми и что человек, которому доверена охрана северной границы Королевства, не может быть таким добродушным, как кажется.

— Это уже лучше. Но все равно на голубя может напасть ястреб, а гонцу даже на хорошей лошади понадобится несколько дней, чтобы добраться до Элесси. Отряду, который пошлют за вами, понадобится ещё больше. Значит, мы будем иметь возможность наслаждаться вашим обществом довольно долго, мадемуазель. Позаботился ли кто-нибудь о развлечениях для вас?

— О, они мне не нужны, — небрежно ответила Джулианна, хотя сердце её сжалось. — Я не одинока — со мной Элизанда, и у нас есть целый замок, который можно изучать.

Это была ложь, откровенная и незамысловатая. Исследовать замок могла только Элизанда — чем она, собственно, и занималась; Джулианна же постоянно чувствовала тяжкое бремя репутации и потому не выходила. Она не хотела дать Блезу или солдатам повод сплетничать о ней в стране, которая должна была стать ей домом.

— До тех пор, пока я могу отправляться на верховые прогулки и встречаться с такими приятными людьми, — крошечный поклон в сторону рыцаря, лёгкая издёвка в ответ на издёвку, хотя все сказанное правда, — до тех пор я буду вполне довольна своим положением. Вы и ваши собратья не должны тревожиться обо мне, у вас и так наверняка хватает обузы.

— Мадемуазель Джулианна, вы совсем не обуза. — «Даже тогда, когда чуть не падаете на полном скаку в высохшее русло или дрожите на горной тропе», — добавили его глаза. Да, он переиграл её. — Я хотел бы взять вас на соколиную охоту или пригласить поохотиться с собаками, но, к сожалению, здешние тяжёлые обеты касаются не только монахов. Такое времяпрепровождение запрещено нам, по крайней мере до тех пор, пока мы не снимем чёрное одеяние. Маррон, мне кажется, что у дам кубки уже пусты, а мой так и вовсе высох.

— Прошу прощения, сьер. Позвольте… Маррон поспешно наполнил кубок Джулианны и отвернулся, не заметив дружелюбной улыбки; Джулианна поблагодарила его в спину и глотнула из кубка. Напиток был великолепен — горячее красное вино со специями. Одно оно уже могло служить поводом искать дружбы д'Эскриве, даже если бы он не дал ей других причин желать этого.

— И себе налей, Маррон.

Мгновенная пауза, потом «Да, сьер» и звук льющейся жидкости. Джулианна не стала оборачиваться, зная, что под её

взглядом юноша сравняется цветом лица с вином.

— Сьер Антон, — спросила Элизанда, — вы уверяете нас, что рыцари-искупители не охотятся?

— Нет, мадемуазель. Я только честно говорю, что охота нам запрещена. Многие из моих собратьев не обращают внимания на запреты, но я предпочитаю не подражать им.

Да, он был из тех людей, которые честно соблюдают клятвы. Джулианна стала гадать, на сколько времени он поклялся отдать свой меч Ордену, а потом (прости меня, отец) спросила об этом прямо.

— На всю жизнь, мадемуазель, — ответил он так же прямо, и на мгновение на его лице застыла горечь. — Либо до того момента, когда меня отпустят или когда меня призовёт король. Никакая другая причина не заставит меня покинуть Орден.

За спиной Джулианны Маррон поперхнулся, словно проглотив вопрос, и поперхнулся ещё раз, словно запив его глотком вина. Что ж, если он не осмеливается задать вопрос, это сделает Джулианна. Внезапно ей стало легко — то ли откровенность д'Эскриве требовала ответной откровенности, то ли окружавшая его тайна подстёгивала её любопытство.

— Но если ваши обязательства столь велики, почему вы не наденете рясу и не станете монахом, настоящим членом Ордена? — «И не подниметесь до магистра, прецептора, маршала, гроссмейстера, наконец!»

Он коротко рассмеялся.

— Мадемуазель, меня растили рыцарем Королевства. Мой отец посадил меня на коня ещё до того, как я научился ходить; когда я подрос и смог носить кольчугу, она всегда была сделана специально по моему размеру; все мои мечи имеют древнее происхождение и собственные имена. Прошу прощения, Маррон, но монахи Ордена — это армия пастухов, фермеров и ремесленников. Я охотно буду сражаться с ними плечом к плечу, но не стану одним из них.

Он пытался произвести впечатление человека гордого, надменного, берегущего честь семьи, но Джулианна снова не поверила ему.

К её удивлению — и к явному удивлению рыцаря — возразивший ему голос послышался из-за спины Джулианны.

— Мы — солдаты Господа, сьер. Мы не из благородных, хотя семьи некоторых из нас вполне заслуживают вашего уважения. Мы — лучшие солдаты Королевства, потому что сражаемся только за Господа.

— И ты считаешь, что я сражаюсь не только за Него?

Вопрос — если это был вопрос — прозвучал холодно и

яростно. На этот раз Джулианна повернулась и увидела, что Маррон вздрогнул. Однако д'Эскриве мгновенно смирил свою ярость и продолжил уже знакомым поддразнивающим тоном:

— Армии монахов-исповедников боятся в Чужеземье как никого другого. Это правда. Но вы сражаетесь в рясах, Маррон, ибо ваша защита — Господь. Что до меня, то я предпочитаю кольчугу, потому что в вере я слабее вас.

— Это не так, сьер.

Неожиданное и спокойное возражение. Джулианна попыталась увидеть выражение лиц обоих спорщиков, но в результате не разглядела толком ни одного.

— Что ж, давай не будем спорить об этом. В конце концов, неприлично спорить с собственным оруженосцем. Напомни мне, чтобы я поколотил тебя за то, что ты смеешь возражать мне при дамах.

— Да, сьер, — с улыбкой ответил Маррон. Джулианна подумала, что напомнить он напомнит, а вот трёпки не будет. Да, не прост он был, этот д'Эскриве; его настроение и мысли менялись как ртуть, а его отношения с Марроном были всего лишь одной из сторон его характера, крошечной нитью в узле, который она с таким трудом пыталась развязать.

Джулианна решила, что с неё загадок хватит — по крайней мере на сегодняшний вечер. Рядом с ней была умная, очаровательная и загадочная девушка — Элизанда, а д'Эскриве был умным, очаровательным и загадочным мужчиной — кроме этих качеств, у него было ещё и вино, — так чего же ещё оставалось желать Джулианне?

Ей подумалось, что это вино так подействовало на неё. Это было очень хорошее вино, и они выпили, не разбавляя, первую флягу, а за ней последовала вторая, извлечённая Марроном все из той же сумки. Однако, несмотря даже на вино, Джулианна не поглупела и не слишком опьянела. Любая девушка, выросшая пусть даже в самом дальнем углу императорского двора, умеет либо не пить, либо не пьянеть.

Джулианна не знала, где выросла Элизанда, но заметила, что подруга тоже не выказывает признаков опьянения. А что до д'Эскриве — что ж, в конце концов это было вино. Считалось, что молодой дворянин должен уметь перепить всех своих собратьев и удержаться на ногах, пока те не потеряют сознания. В этом искусстве дворяне усердно упражнялись с младых ногтей. Джулианна ничуть не удивилась бы, если бы д'Эскриве пил всю ночь, а утром по-прежнему улыбался бы — нет, даже смеялся. Как-то Элизанда сказала, что рыцари не смеются, но д'Эскриве опроверг её утверждение. Раз или два за вечер Джулианне даже

показалось, что он смеётся просто так, веселясь и ни на что не намекая.

Она забыла только, что в комнате было не трое, а четверо. Джулианна привыкла к вышколенным слугам, ожидающим приказа и следящим за малейшим жестом. Здесь таких нет, пришла грустная мысль, которую никак не удавалось прогнать. Она забыла о том, что этим вечером Маррон оказался не просто слугой д'Эскриве. Со своего места, повернувшись спиной к очагу, она видела Маррона только тогда, когда он подходил наполнить кубки, и замечала только, что он смотрит, подаёт вино и снова смотрит, чтобы подать его ещё раз.

Пока не услышала, что он захрапел.

Джулианна вздрогнула и выдала юношу, обернувшись назад. Маррон всё ещё сидел на пятках, но уже не так прямо, опершись головой и плечом на стену и приоткрыв рот. Он храпел не так громко, но тут раздалось громкое фырканье; если бы Джулианна пропустила первый звук мимо ушей, не заметить второй было бы уже невозможно.

Фыркнула Элизанда. На мгновение д'Эскриве явственно смутился, не то из-за неловкости своего оруженосца, не то из-за мыслей о собственной глупости — надо же было выбрать в оруженосцы такого неуклюжего мальчишку!

Быстро опомнившись, рыцарь встал и поклонился так низко и изящно, что едва не подмёл рукавом пол.

— Приношу свои извинения, медам. Мой оруженосец напоминает, что мне пора идти.

— Ну что вы, сьер Антон! Просто он не привык пить.

— Да, но он служит мне вместо часов, а его храп — вместо их боя. Если он уснул, значит, я, по обыкновению, слишком долго просидел в столь замечательной компании. По-моему, в таком способе напоминания есть определённое удобство. Прошу прощения, — добавил он, когда Маррон всхрапнул сильнее, — но мне кажется, мои часы бьют все громче. Надо его увести.

Рыцарь легонько потыкал Маррона ногой в бок. Оруженосец пошевелился, пробормотал что-то, смолк и снова захрапел. Вздохнув, д'Эскриве наклонился и подхватил юношу одной рукой под плечи, а другой — под колени. И встал, легко и бережно подняв Маррона, хотя Джулианна ожидала от него разве что ещё пинка-другого.

Маррон пошевелился на руках у д'Эскриве, и левый рукав его рясы задрался до локтя.

Джулианна нахмурилась:

— Что это у него на руке?

Д'Эскриве посмотрел вниз.

— А, это я чуть не убил его. Ему повезло, он легко отделался. Он быстро действует и быстро соображает, и к тому же ему везёт. — Тут он снова нахмурился. — Кажется, рана кровоточила.

— Эту повязку перевязывали наново, — заметила Элизанда, прикоснувшись к засохшей на бинте крови. Она нагнулась над рукой Маррона, посопела и добавила со странным выражением лица: — Рана чистая и вскоре должна затянуться.

— И всё же, — заметила Джулианна, понизив голос, хотя Маррон, как ни удивительно, не проснулся, — всё же кто-нибудь должен взглянуть на эту рану, сьер Антон.

— Уверяю вас, мадемуазель, её посмотрят. Только не сегодня и не вы, если вы это имеете в виду. Маррон умрёт от смущения.

Или покраснеет до того, что лопнет.

— Лучше это будем мы, чем какой-нибудь коновал, — упрямо заметила Элизанда.

— Да, но ещё лучше, если это будет главный лекарь. Я пошлю за ним утром. — Рыцарь повернулся было к входным шторам, но вновь остановился, посмотрел на Джулианну и произнёс: — Весь вечер я хотел задать вам один вопрос, но не мог придумать, как сделать это так, чтобы не принизить заботливость вашего отца. Теперь у меня появилась такая возможность. Я мог бы поручить Маррона вашим женщинам, чтобы они промыли и перевязали его рану, если бы в этом была нужда; однако мне сказали, что с вами нет женщин?

— Нет.

Кроме Элизанды, но она не в счёт.

— Могу ли я спросить, почему? Мне кажется странным, что высокородная дама едет на собственную свадьбу в сопровождении одних только мужчин.

— Сьер Антон, в Марассоне у меня были компаньонки, которых я считала своими подругами, были служанки и были рабыни. Я не могла просить моих подруг ехать со мной в такое место, как Элесси. Я не стала приказывать моим рабыням сопровождать меня, а служанки не пожелали этого сами.

Она не могла винить их. Хвала Господу, по крайней мере бремени вины на ней не будет среди прочих многочисленных тягот.

— Ах да, понимаю. Это достойно уважения, мадемуазель Джулианна, хотя я надеюсь, что Элесси покажется вам приятнее, чем вы ожидаете. Осмелюсь только посоветовать вам не говорить этого другим людям или по крайней мере говорить не так прямо. Жители Элесси гораздо чувствительнее, чем кажутся…

— И ждут от женщин молчания и благодарности? Благодарю вас, сьер Антон, это мне уже известно. Я думаю, что вам могу

доверять, но обычно я сохраняю большую сдержанность.

Д'Эскриве кивнул, пожелал девушкам спокойной ночи и вновь повернулся к выходу. Элизанда отвела штору и неуверенно выглянула на лестницу.

— Сьер Антон, может быть, мне взять свечу и проводить вас? Монахи ночью оставляют очень мало зажжённых факелов…

— Мадемуазель, единственный факел в замке сейчас горит у вашей двери. Впрочем, не беспокойтесь, у меня глаза как у сокола.

Элизанда приподняла брови, но промолчала. Джулианна подошла к дверному проёму и встала рядом с подругой, глядя, как д'Эскриве осторожно шагает по лестнице, исчезая в темноте. Через несколько мгновений раздалась ругань, о причине которой догадаться было нетрудно: возле выхода во двор таилась небольшая приступка, которую рыцарь в темноте не заметил.

— Сьер Антон, — сладким ехидным голоском пропела в темноту Элизанда, — соколы не видят в темноте.

— Спасибо, — эхом отозвался его голос на лестнице, — это я уже понял…

Не переставая смеяться, Элизанда опустила штору и подошла к очагу.

— Он оставил вино, Джулианна. — Девушка подняла флягу и слегка встряхнула её. Внутри многообещающе забулькало.

Джулианна кивнула. Было самое время ложиться спать, но во фляге оставалось так немного… И жаль будет, если вино испортится…

Взяв наполненный кубок, Джулианна вновь села на постель; Элизанда подошла к окну и завертела головой, пытаясь рассмотреть лестницу.

— Я бы хотела поехать с тобой в Элесси, — медленно произнесла она.

— Нет, — решительно сказала Джулианна. Да, в Элесси у неё мог быть случай узнать, что делала в Роке Элизанда, но Джулианна не хотела кривить душой. Тут она была непреклонна. — Я не могу заставить друга сидеть со мной в одной тюрьме. Ты возненавидишь это, Элизанда, ещё больше моего.

— Да, но я все равно должна быть там. Я буду нужна тебе.

— Для чего?

— Чтобы быть рядом, когда явится джинн. Ты же ничего о них не знаешь.

Джулианна вздохнула, сделала глоток и ответила:

— Элизанда, джинн не явится. Зачем я ему? Какая подобному существу от меня польза? Элизанда ответила только:

— Он обязательно появится. Ты о них ничего не знаешь.

На одеянии Джемаля была кровь, на пальцах — жир, его желудок был полон мяса, а у его костра сидел гость. И Джезра был не единственным, кто видел, какая честь оказана Джемалю, — но единственным, чьи глаза были в счёт.

Со своего места он видел неяркий красный отблеск других костров и движущиеся вокруг них тени людей. И он знал, что каждый из этих людей видит, кто пришёл отведать добычи Джемаля и поговорить с ним и с Джезрой.

Кровь принадлежала мальчику, ребёнку. На закате они охотились на зайцев, чтобы добыть себе ужин перед ночным переходом, и испугали полдюжины коз, которые ушли слишком далеко в поисках травы. Козы стали лёгкой добычей для метких стрелков, затеявших состязания — и Джемаль выиграл три к одному, — но тут из-за камней появился мальчик, протирающий спросонок глаза. Ребёнок посмотрел на охотников и всхлипнул.

Посмотрел, всхлипнул и побежал, но не обратно к скале, где мог укрыться, и не к перебитому стаду — нет, он бежал к тем, кто устроил эту бойню, и на бегу доставал из-за пояса смешной маленький нож.

Одна стрела — и Джемаль стал бы окончательным победителем в затеянном состязании. Но мальчик был храбр и заслуживал лучшего. Джемаль опустил лук и достал кинжал, предоставив Джезре добивать коз. Увернувшись от дрожащего ножа мальчика, он схватил ребёнка за мокрый от слёз подбородок и чиркнул кинжалом по открытому горлу. И только после этого Джемаль заметил свисающий с шеи ребёнка ремешок с голубой бусиной, знак веры и преданности.

Было уже слишком поздно, да и не важно. Мальчик видел их и мог увидеть остальных, а потом рассказать о них в деревне. Его смерть была необходима, и Джемаль убил его так быстро, как только мог.

И всё равно они задержались, чтобы завалить тело мальчика камнями и не позволить лисам растащить его кости. Они прочитали заупокойную молитву — кхалат, взяли каждый по козе и отправились в лагерь, а там рассказали товарищам, где взять мясо.

Они не собирались делиться мясом с другими. Каждое племя само добывало для себя пищу и ехало отдельно, чтобы не оставлять следов большого отряда. Но пришедшего к костру гостя должно накормить, желанный он или нет. А Хасан был желанным гостем всюду, куда бы ни ехал и ни шёл. И если этой ночью он избрал костёр Джемаля, грелся у него и ел добычу хозяина, он

был более чем желанным гостем. Слава исходила от него, как свет исходит от огня, и отмечен был он среди мужей.

Он наклонился отрезать кусок поджаристого пузырчатого мяса, и огонь осветил его лицо. Выбритые щеки, крючковатый нос над аккуратной бородкой, белые зубы и поблёскивающие из тени глаза. Что же есть такого в этом человеке, подумал Джемаль, откуда в его голосе сила, которая заставляет вслушиваться в слова, верить им и пускаться вслед за этим человеком в нарушение всех обычаев?

Хасан жевал и глотал, справлялся, как подобает, о семье Джезры и Джемаля, рассказывал о Рабате и о пустыне. Наконец он швырнул кость в угли, подняв вихрь искр, и произнёс:

— Мне нужны люди. Несколько человек, небольшой отряд, чтобы вести наступление и показывать дорогу остальным. Я не хочу отдавать предпочтение какому-либо одному племени. Не пойдёте ли вы в мой отряд от племени саренов?

У Джемаля перехватило дыхание, поэтому ответил Джезра:

— Ты оказываешь нам слишком большую честь, о Хасан. У каждого из этих костров есть люди старше, мудрее и опытнее в бою, чем мы…

— Мне не нужны мудрые старики. Мне нужны люди, которые не боятся идти во тьму. Я говорил с вашими старейшинами, и они сказали, что вы подобны горным козлам с ястребиными глазами, что вы хитры, словно лисы. Пойдёте ли вы в мой отряд?

Да, детьми они действительно жили в пещерах на утёсах, презирали тропы и всегда шли прямым путём, цепляясь за камни и трещины, в любое время суток, и при солнечном, и при звёздном свете.

— О да, — негромко произнёс Джемаль, — мы пойдём за тобой, о Хасан!

7. ЧТО ПРИШЛОСЬ НЕСТИ

Тяжёлая рука крепко сжала его плечо. Голова закружилась. Маррон попытался сопротивляться и тому, и другому, пробормотал что-то, чего сам не понял — язык был ужасно неповоротлив, — бросил это занятие и откатился в сторону, собираясь снова уснуть…

…и с размаху ударился носом о камень. Жгучая боль заставила его открыть глаза, и через минуту Маррон понял, что таращится в стену. Вот только непонятно, что это за стена…

Рука вновь легла на его плечо и сильно встряхнула юношу. Раздался знакомый голос:

— Вставай, Маррон. Ну же, вставай, уже полночь. Ты что, колокола не слышишь?

Нет, он не слышал. Он слышал только режущий ухо голос да биение собственного сердца и стон, рвавшийся из пересохшего горла; Брата Шептуна он не слышал. Он чувствовал его каждой косточкой.

Маррон откатился от стены, лёг на спину и посмотрел на сьера Антона. На рыцаре была белая ночная рубашка, а в руке он держал зажжённую свечу.

— Сьер… где…

— Ты у меня в комнате, Маррон, и не спрашивай почему. Вставай скорее, пора на полночную молитву.

Полночная молитва! А его отряд сейчас где-то за ползамка отсюда выходит из комнаты и идёт вслед за факелом фра Пиета. А Маррона там нет, и фра Пиет непременно это заметит, он все замечает…

Маррон встал на ноги, пошатываясь под тяжестью предчувствия беды. Последним, что он помнил, было вино, которое они пили с теми дамами, гостьями Ордена, да ещё спор с сьером Антоном. Маррон вспомнил и обещанные колотушки, но это казалось неважным тогда, а уж сейчас тем более…

— Сьер, я должен, должен идти…

Ступни Маррона чувствовали нечто непривычное — они касались ковров в комнате сьера Антона. Юноша пошевелил пальцами ног и понял, что он бос. Он бросился искать сандалии, но не увидел их среди шкур, на которых спал. А, ладно, за потерянные сандалии тоже влетит, но это не важно, не важно…

— Нет. — Рука сьера Антона вновь легла на его плечо и удержала юношу. — Теперь уже поздно бежать к братьям. Мы помолимся здесь, вместе. Скажешь своему исповеднику, что это я задержал тебя, стало быть, виноват я, а не ты. Забудь об этом.

Сейчас мы служим Господу.

Так-то оно так, но утром Маррону предстояла встреча с гневом отнюдь не Господним…

Он не нашёл в себе ни сил, ни возможности спорить. Брат Шептун ударил в последний раз. Там, в зале, прецептор уже воззвал к свету во тьме, там уже возникло ночное чудо; здесь же была одна-единственная свечка, напоминавшая о равновесии, о двух путях и обещании.

Они встали на колени у постели, как делали это во время полуденной службы, и вместе стали произносить слова, однако у Маррона язык заплетался, а сам юноша, как ни старался, не мог избавиться от мыслей о завтрашнем дне. Вместо полускрытого тенью лица сьера Антона он видел перед собой горящие под капюшоном глаза фра Пиета и холодные бесформенные руки исповедника. По слухам, фра Пиет побывал в плену у шарайцев, и те переломали ему пальцы и вытатуировали на костяшках имя своего бога, а потом вернули за выкуп сюзерену, которому служил тогда фра Пиет. Именно после этого он вступил в Орден искупителей, надел чёрную рясу и дал положенные обеты; злые языки утверждали, что дав обет целомудрия» фра Пиет ничего не потерял — мол, шарайцы переломали ему не только пальцы…

Маррон видел своими глазами поблекшие голубые линии на костяшках пальцев фра Пиета, да помнил, что сами пальцы у исповедника были выгнуты под немыслимыми углами. Однако это не мешало ему ловко управляться с мечом, топором или дубиной; к тому же эти пальцы умели так обойтись с провинившимся братом, что колотушки по сравнению с этим казались просто лаской.

Наконец молитва была завершена, но легче Маррону не стало. Он замер, закрыв лицо руками, лежавшими на мехах, ещё тёплых от тела сьера Антона. Рыцарь легонько потрепал юношу по шее, и Маррон едва не расплакался.

— Я думаю, тебе будет лучше остаться у меня до утра. Вот…

Маррон услышал, как сьер Антон встал и сделал несколько шагов; раздался звук вынимаемой пробки. Маррон поднял голову и сказал, запинаясь:

— Сьер… я… я больше не хочу вина.

— И правильно. Пей. Это вода.

Это была чистая вода, прохладная, замечательно освежившая пересохшее горло. Маррон залпом осушил кубок и протянул его рыцарю, без слов прося ещё. Сьер Антон хмыкнул и снова наполнил кубок.

— Пей помедленнее, так будет лучше. А потом иди спать в свой угол. Да постарайся разбудить меня с рассветным колоколом

— это входит в обязанности оруженосца.

— Да, сьер…

Маррон решил, что его испытывают, и был намерен пройти испытание. Он готов был пролежать без сна всю ночь, чтобы только не подавать сьеру Антону повода снова поднимать его. Но рыцарь задул свечу, и темнота окутала Маррона и погрузила юношу в тягучие непонятные сны, которые тянулись и тянулись, пока их не разогнало низкое гудение колокола.

На этот раз Маррон сразу вспомнил, где он находится. Где и когда — Брат Шептун зазвучал снова, а это означало, что солнце уже поднимается над горизонтом, и времени на горькие мысли уже нет…

Маррон отшвырнул укрывавшие его тёплые меха — редкостная роскошь, но: «любая роскошь запретна для монаха», вспомнилось Маррону. Придётся ли ему каяться ещё и в этом? Но для паники времени уже не было и не будет ни сейчас, ни потом. Маррон вскочил на ноги и в три шага пересёк комнату, оказавшись у постели сьера Антона. Ясные глаза рыцаря были широко распахнуты, он явно не спал. Маррон почувствовал приступ вины, он опять опоздал; но сьер Антон только улыбнулся и спросил:

— Чего тебе?

— Сьер, рассветный колокол…

— Ах да, спасибо, — поблагодарил рыцарь так искренне, словно сам ничего не слышал. Он красиво встал с постели, преклонил колени и жестом приказал Маррону сделать то же самое.

— На этот раз постарайся думать о том, что делаешь, юноша.

— Да, сьер.

И Маррон старался и иногда полностью погружался в молитву, забывая о всех своих страхах. Мягкий голос сьера Антона вёл его вперёд и возвращал мысли Маррона к Господу всякий раз, как они принимались блуждать где-то далеко.

Поднявшись на ноги, Маррон подумал, что его отпустят сейчас же, и он ещё успеет на завтрак. Успеет предстать перед фра Пиетом, покаяться, попытаться оправдаться, намолоть кучу ерунды и вранья и получить тяжёлое наказание. Но сьер Антон имел свои виды на Маррона. Он указал на руку, которую Маррон прятал за спиной, и приказал.

— Расскажи-ка, что у тебя с ней?

— Сьер?

— После перевязки рана кровоточила, Маррон, а бинт выглядит так, словно потом его сняли и затянули снова. Но, по-моему, брат лекарь тут ни при чём. Я прав?

— Ну… да, сьер.

— Почему ты поступил так?

Последовало признание и робкие попытки оправдаться, которые были сразу же пресечены рыцарем.

— Так это моя вина — я заставил тебя перетрудить руку?

— Нет, сьер, вы не виноваты. Это… ну просто случилось, и все.

«Случается всякое…»

— Что ж, возможно, но я должен был быть осторожнее. Я ведь знал о ране. — Промелькнувшая улыбка чем-то напоминала лучик света, скользнувший по мечу в то утро, когда Маррон был ранен. — Кто тебя лечил?

— Сьер, это был мальчик из конюшен…

— Один из шарайцев?

— Да, сьер.

— Почему?

— Я промывал рану, сьер, смывал кровь, а он увидел это и принёс мне лекарство.

— Ах вот как? А что за лекарство?

— Мазь. Он сказал, что ею лечат лошадей, но людям она тоже помогает, сьер.

— Мазь для лошадей?

— Да, сьер.

На мгновение лицо рыцаря стало задумчивым, словно на него нахлынули воспоминания или же словно ответ вызвал в его голове другой вопрос. Но тут его брови дрогнули, и рыцарь произнёс:

— Не сомневаюсь, что хуже от этого тебе не будет. Но расскажи об этом после завтрака своему исповеднику и попроси его отпустить тебя в лазарет. Это приказ, Маррон.

— Да, сьер…

— Ну так иди. А после лазарета придёшь ко мне, как обычно.

Маррон вышел из комнаты, одолеваемый страхами. Когда в трапезной он сядет за стол рядом со своими братьями, никто не заговорит с ним, ибо преломлять и вкушать хлеб положено в молчании. Но и после еды никто не скажет ему ни слова. Все будут видеть в нём нарушителя, будут ждать гнева фра Пиета, и никто не встанет рядом с Марроном, чтобы не навлечь на себя кары. Никто, кроме Олдо — но Олдо тоже не встанет рядом и не заговорит с Марроном, потому что уже который день избегает его.

Маррон останется в одиночестве среди своих братьев и будет одинок, как все эти дни. Фра Пиет распределит между остальными их обязанности, а Маррона отзовёт в сторонку. Маррон встанет перед ним на колени, подобрав подол рясы,

чтобы обнажённые ноги коснулись камня. Потом фра Пиет сомкнёт руки на голове Маррона и сожмёт их. Они посмотрят друг на друга — не отводя взгляда, глаза в глаза — и заговорят друг с другом перед лицом Господа. И ничто не останется тайной, и Маррон во всём покается…

С самого начала всё пошло не так, как он ожидал. Фра Пиет, мрачный и зловещий, словно ангел мщения, встретил его у дверей трапезной.

— А, Маррон! Вижу, пёс спешит на запах еды. Если бы ты задержался ещё на час, тебя стали бы разыскивать по всему замку с собаками. Идём со мной.

Он пошёл вперёд, а Маррон следом, словно побитая собака. Они прошли по замку, по коридорам, которые казались уже не страшными, не угрожающими, а просто сумрачными, полными теней. Наконец они вошли в маленькую часовенку, куда в первый же вечер в Роке привели весь отряд Маррона и где он никогда больше не бывал. На алтаре горела лампа; фра Пиет на мгновение преклонил колена, и Маррон последовал его примеру. Встав, исповедник шагнул в промежуток между двумя колоннами, , где был выложен медный знак Господа, а юноша бросился к ногам фра Пиета.

Это было хуже, чем ожидал Маррон: каяться здесь, да ещё на голодный желудок. Подобрав подол рясы, он встал на колени, дрожа от холодного прикосновения; фра Пиет положил кончики пальцев на щеки Маррона, и юноша почувствовал, что от них исходит не только холод.

— Что ж, начнём. Итак, брат, перед лицом Господа свидетельствую: ты без разрешения покинул своих товарищей и дважды пропустил святую службу. Расскажи, где ты был и что делал.

— Брат, сьер Антон, рыцарь, которому я должен служить…

— Да?

Говорить было очень тяжело — глаза фра Пиета жгли его, а всеведущий Господь слушал его. Маррон вспомнил о вине, о том, как хотелось спать, как он заснул под звуки смеха, как проснулся с головной болью, не понимая, где он, вспомнил даже о тёплых мехах; он пытался заставить себя сказать правду, но не всю. Лучше уж гнев Господа, чем фра Пиета, подумал он…

— Он не отпустил меня, брат. Когда мы услышали в полночь колокол, у меня не было времени, чтобы присоединиться к братьям. Мы отслужили службу вместе у него в комнате, как делаем это каждый полдень, а потом он приказал мне остаться у него до зари, и на рассвете мы снова молились…

Жёсткие искривлённые ледяные пальцы крепче обхватили

голову Маррона.

— Ты провёл ночь в его комнате? В комнате сьера Антона?

— Да, брат исповедник. — Тут он снова мог солгать, отвлечь внимание фра Пиета мелким признанием: — Я знаю, я должен был спать на голом полу, но он дал мне меха со своей постели, и я спал на них…

— Что кроме этого?

— Я не понял, брат.

— Мы не спим на мягком, брат Маррон. Таково правило, но ты поддался искушению и нарушил его. Прекрасно. Что ещё ты совершил из того, чего не должен был делать?

— Я… — Седалище Маррона чувствовало холод пяток, и он ухватился за это. — Я забыл свои сандалии. — Только бы он не спросил, где именно!

— Ты забыл свои сандалии. Что ещё?

— Брат, я не знаю, в чём ещё я провинился. — Эти слова по ритуалу полагалось говорить в конце исповеди. Он снова солгал; в желудке у него плескалось вино, и, когда фра Пиет пошевелил ноздрями, Маррон решил, что он все учуял. Но…

— Я не могу винить тебя за отсутствие, ибо ты повинуешься рыцарю; винить же его я не могу, ибо он выше меня. Но за то, что ты спал на мехах, ты воздержишься на сегодня от еды, брат. Ты ляжешь спать голодным, и это будет тебе наказанием. За потерю же сандалий, носить которые предписывает Устав, ты станешь ходить босым до тех пор, пока я не позволю тебе обуться.

— Да, брат.

Это был конец, и Маррон почувствовал одновременно радость и омерзение; он не лгал на исповеди с детских лет и теперь подозревал, что Господь пожелает уничтожить его молниями. Однако оставался ещё один вопрос. «После завтрака», — сказал сьер Антон, но завтрака у Маррона не будет. Лучше уж спросить сейчас и покончить с этим…

— Фра Пиет, разрешено ли мне будет сходить к брату лекарю?

— Зачем? Ты болен?

— Нет, брат, но моя рана снова кровоточила.

— Покажи.

Маррон неохотно обнажил руку. Фра Пиет посмотрел на бинт, весь в пятнах, и произнёс:

— Повязку снимали и снова завязывали. Это ты сделал?

— Да, брат.

Пальцы фра Пиета оплели предплечье Маррона и нажали на повязку. Маррон моргнул, хотя боль была несильной. Скрюченные пальцы молча развязали узлы и сняли бинт.

Порез покраснел и все ещё не желал зарастать, но ране явно становилось лучше. От мази, которую дал Маррону Мустар, на коже осталось жёлтое пятно. Фра Пиет потёр его пальцем и понюхал.

— Чем ты лечился, мальчик?

— Мазью, брат. — И, не вставая с колен, каясь: — Из конюшни…

— Лошадиной мазью?

— Да, брат.

Невероятно, но фра Пиет рассмеялся — хрипло, коротко. Он снова обхватил голову Маррона — исповедь продолжалась.

— Кто тебе её дал?

Вина целиком лежала на Марроне; он не мог назвать Мустара и снова солгал.

— Никто, я сам взял. Я… перетрудил руку, упражняясь, — он не мог назвать имя сьера Антона и обвинить его, — и нарушил приказ брата лекаря…

— Ты испугался и решил скрыть это. Делать то, что тебе не было приказано, — неповиновение, брат. Лечить свою рану самому — неповиновение ещё более тяжкое; если ты лечился неумело и внёс заразу, ты не сможешь служить Господу. Твоё тело больше не принадлежит тебе; оно отдано Ему.

— Да, брат.

— Я не дозволяю тебе идти в лазарет, — медленно сказал фра Пиет. — Ты обращался с собой, словно с животным, и мы будем обращаться с тобой так же. Этим утром отряд отправится выезжать лошадей, но неразумная тварь не ездит верхом на себе подобных. Ты понесёшь ношу, которую обычно несёт вьючная лошадь. Отправляйся к главному конюху, скажи ему, что тебя послал я, и объясни зачем.

— Да, брат. Э-э…

— Ну, что?

— Бинты, брат.

— Ты сумел сам их завязать, — отрезал фра Пиет. — Сумеешь и ещё раз.

Оставшись один, Маррон действительно сумел справиться с бинтом, завязав его одной рукой и зубами. Получилось не слишком хорошо; повязка наверняка ослабнет ещё до конца дня.

К тому времени, как отряд появился у конюшен, Маррон успел изрядно попотеть. Похоже, главный конюх обращался с провинившимися монахами, присланными на исправление, не лучше, чем с рабами. Он заявил, что у него есть работа, на которую лошадь послать нельзя, но для такого брата она будет в самый раз; и Маррон был отправлен в дальний конец двора к

навозной куче. Юноше знаком был густой запах навоза и гнилой соломы, однако эта куча воняла чем-то ещё. Сочившаяся из неё тёплая жидкость забрызгала ноги Маррона, а над головой у юноши закружились мухи. Должно быть, сюда выливали содержимое уборных для братьев и ночных горшков рыцарей и магистров. Опорожнение горшка сьера Антона было одной из ежедневных обязанностей Маррона, но обычно он проделывал это в уборных. И дальше будет делать так же, подумал Маррон, дыша ртом, чтобы не чувствовать поднимавшуюся от кучи вонь.

Магистр Рауль следил за ним с небольшого расстояния. Маррон поднял полученную лопату и начал кидать вонючую массу в ручную тележку, стоявшую у кучи.

Работа была тяжёлой, но Маррон не привык к другому. К тому же — хвала Господу! — двор оказался в тени, солнце ещё не поднялось достаточно высоко, чтобы заставить Маррона взмокнуть и захотеть пить. Пока что основные неприятности доставляла вонь, потому что от каждого вдоха Маррона начинало тошнить.

Рядом с Марроном в кучу вонзилась ещё одна лопата. Юноша вздрогнул и бросил косой взгляд в сторону. Он успел заметить тёмную голову и белую рубаху; мальчик даже мельком улыбнулся, блеснув белыми зубами на тёмно-коричневом лице, прежде чем снова взяться за работу.

Вдвоём они наполнили тележку с горкой. Мерзкая жидкость сочилась в щели меж досками и капала на камень двора. Наконец мальчик жестом показал: «Хватит», — и воткнул лопату в кучу дерьма на тележке. Маррон последовал его примеру, а потом спросил:

— А что теперь?

— А теперь тащить, — сказал мальчик, с трудом подбирая слова. — Вниз. — Он махнул рукой в сторону покатого туннеля, выходившего к замковым воротам.

Спереди из тачки торчал шест, оканчивавшийся перекладиной. Мальчик взялся за перекладину и поднял тележку, кивнув головой Маррону. Юноша понял: в замке дерьмо было ни к чему, но внизу, на равнине, оно использовалось для удобрения скудной иссушенной почвы и приходилось очень кстати.

Маррон занял место у перекладины, взялся за неё обеими руками и налёг всем своим весом. Босые ноги скользили по склизким булыжникам, и в какой-то миг повозка показалась невероятно тяжёлой, однако Маррон вновь налёг на брус, покосившись на мальчика, чтобы толкать одновременно с ним, — и повозка тронулась.

Когда повозка поехала, им сразу стало легче. Не успели они

пройти и нескольких шагов, как послышался мягкий певучий голос — к ним подбежал ещё один шараец. Мальчик, тащивший повозку, отпустил брус, и Маррону пришлось сделать то же самое. Он поднял голову и увидел, что к ним подошёл Мустар.

Мальчики быстро переговорили между собой, и помощник Маррона отошёл от повозки, а Мустар занял его место.

— Будем делать работу, — улыбнулся он Маррону.

Юноша опасливо огляделся. Магистра Рауля нигде не было видно, но Маррон всё же побаивался: ни один брат не осмелился бы поменяться с другим, если бы ему было приказано что-то сделать. Однако Мустара, похоже, это не смущало; всем своим тщедушным телом он налёг на перекладину и толкнул изо всех сил. Маррону ничего не оставалось делать, кроме как идти рядом шаг в шаг.

Они довезли подпрыгивавшую на булыжниках повозку до спуска. Мустар остановился и сказал:

— Теперь поворот, да?

Маррон не понимал его, пока не увидел, как мальчик налёг на шест, поворачивая тележку вокруг своей оси. Маррон нырнул под рукоять и помог ему. Объединёнными усилиями они развернули повозку так, чтобы шест торчал сзади, потом ухватились за перекладину и толкнули. Как только колёса коснулись наклонной поверхности, повозка покатилась вниз. Почувствовав это, Маррон и Мустар откинулись назад, сдерживая эту тяжесть.

После тёмного туннеля перед ними оказались ступеньки, вырезанные в мрачном каменном коридоре. Повозка запрыгала по ним, дёргаясь во все стороны, и Маррону с мальчиком стоило немалых усилий не дать ей развернуться. Будка стражей, ворота и небольшой ровный участок, где повозку снова пришлось толкать. И тут они вылетели на дорогу и изо всех сил упёрлись босыми ступнями в горячий камень, удерживая повозку.

Никогда ещё тропа не казалась Маррону такой длинной и крутой. Повозка заставляла бежать их вниз; на каждом повороте она старалась вылететь за край дороги, и веса Маррона и Мустара едва хватало, чтобы удержать и развернуть её. На полпути вниз Маррон заметил, что Мустар улыбается. Очередной поворот — их босые ноги с трудом удержались на самом краю тропы, да и то лишь потому, что Маррон и Мустар цеплялись за тележку, — и мальчик смеялся.

Нет, это не мог быть смех — наверное, он всхлипывал от страха? Но взглянув на мальчика, Маррон убедился, что тот явно наслаждается этим сумасшедшим бегом. Он улыбнулся Маррону и прокричал, перекрикивая шум колёс:

— Как на лошади, да? На молодой, неучёной…

Маррон выдавил из себя ответную улыбку, решив, что мальчик немного ненормальный. Но тут он сообразил, что не прав. Мальчик вовсе не сумасшедший — просто он попал в рабство совсем молодым, оторван от своего народа, от своих лошадей, обречён на тяжёлую работу. Жизнь должна казаться Мустару бесконечной чередой работы, сна и пробуждений перед новой работой. А значит, нет ничего удивительного в том, что мальчик хватается за любое развлечение, которое ему попадается.

Подумав так, Маррон впервые ощутил, что его теперешнее занятие не только опасно, но и захватывает. Он почувствовал, что теперь ему проще выносить эту работу, вспомнил, что сам он молод и лишён развлечений, нашёл какое-то странное удовольствие в том, чтобы рисковать и побеждать опасность, полагаясь при этом лишь на собственные силы. И ещё он был, свободен, пусть ненадолго, но ускользнул из-под бдительного надзора…

Маррон услышал собственный короткий смешок и позабыл о том, что наказан. На прямых участках дороги они с Мустаром переставали сдерживать повозку и мчались вперёд гигантскими шагами. Маррон не замечал боли, когда его босые ноги ударялись о землю, и не обращал внимания на собственное перепуганное тело, поворачивавшее повозку на возникавших вдруг поворотах. Это так походило на полет…

Внезапно дорога почти выровнялась, камень под ноющими израненными ступнями уступил место пыли и утоптанной земле, и повозка вновь отяжелела, её снова надо было толкать. Маррон с Мустаром остановились и развернули её, предпочитая тянуть. Однако они никуда не пошли, просто улыбнулись друг другу, блестя глазами сквозь заливавший лицо пот. Волосы у них слиплись, а сердца бешено бились в груди…

Ноги у Маррона подогнулись, и, чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за то, что попалось под руку. Рядом с ним были Мустар и повозка, но повозка воняла, и Маррон ухватился за плечи мальчика. Цепляясь за него и задыхаясь от смеха, юноша почувствовал, как тонкие руки сомкнулись у него на поясе, а мокрая горячая голова оказалась где-то у шеи.

— Куда теперь? — вспомнил Маррон о работе и о наказании. — Куда девать повозку?

Мустар ткнул пальцем в колею, отходившую от дороги и исчезавшую за основанием скалы. Путь обещал быть тяжёлым, развлечений больше не предвиделось. Маррон вздохнул, фыркнул и не спеша занял место у перекладины. Мустар последовал его примеру; они налегли на перекладину, зарылись пальцами ног в

пыль, под которой оказалась всё та же сухая земля, и стронули повозку с места.

Колея обогнула южную оконечность утёса и вывела их в деревню с узкими улочками меж глинобитных хижин. Здешние жители были верующими или по крайней мере сами так говорили, хотя обряды у них были свои и молились они на другом языке. Их женщины каждый день поднимались в замок, чтобы обстирать и накормить рыцарей, — среди угрюмых молчаливых монахов они казались ещё веселее и болтливее.

Сейчас в деревне не было видно женщин; только старики сидели на порогах, куря набитые холой трубки и сплёвывая на улицу. Ввалившиеся глаза, скрытые тенью от тяжёлых белых тюрбанов, внимательно следили за движением повозки. Маррон не увидел ни одного ребёнка, не услышал ни единого детского крика. «Может, сюда приходили братья, — зло подумал он. — Может, фра Пиет привёл сюда свой предыдущий отряд, и они вышибли из них мозги за неправильные молитвы…»

Впрочем, нет, это глупо. В деревне не было еретиков — об этом свидетельствовал храм, самое большое строение в деревне, со знаком Господа над дверьми и с незакрашенными глазами. Проходя мимо грозного изображения, Маррон склонил голову. Про себя он просил пощады для того ребёнка, которого убил, хотя такая просьба и была явной ересью. «Случается всякое», — мрачно вспомнил он.

Они беспрепятственно проследовали через деревню. С ними так никто и не заговорил. За деревней простирались поля — по крайней мере то, что считалось полями в этой засушливой земле. Равнина между деревней и рекой была грубо поделена на участки, на которых пробивались жалкие ростки проса и маиса. В реке воды не было, одно только высохшее русло. Вода плескалась в колодце, вокруг которого ходил по кругу старый слепой верблюд. Он вертел колесо, поднимавшее из колодца кожаные ведра. Тут Маррон увидел детей — один водил клячу под уздцы, второй погонял верблюда хворостиной, третий опорожнял ведра в корыто, а ещё дюжина детей наполняла водой тыквенные бутыли и поливала посевы. Некоторым детям было лет по пять-шесть; так шло их детство, так пройдёт и вся жизнь.

Увидев повозку, они подбежали ближе. На взгляд Маррона, мальчики и девочки были почти неразличимы — у тех и у других были пыльные каштановые кудряшки, узкие лица, большие глаза и бледные неровные шрамы. Дети казались ещё более тощими, чем Мустар и другие рабы, — кожа да кости под изорванными рубашонками. Детвора не то смущённо, не то с опаской переговаривалась шёпотом, но ни один из детей не заговорил с

Марроном, хотя все они шли с его стороны, видимо, стараясь держаться подальше от Мустара. Шарайцы должны были казаться им дьяволами, кровожадными и опасными, несмотря на близость замка, и потому они боялись даже пленного мальчика-раба.

Мустар залез на повозку и жестом позвал Маррона за собой. Маррон неохотно последовал примеру мальчика, по щиколотку утонув в вонючем грузе. Вот это было настоящим наказанием — как можно быстрее выгребать из повозки дерьмо, вонь от которого быстро густела в жарком воздухе, привлекая полчища мух. Через несколько минут голова у Маррона закружилась так, словно он накурился холы, как те старики в деревне…

Как ни быстро они работали, дети были быстрее. Они горстями хватали драгоценную грязь и отбегали, чтобы осторожно уложить её у основания бледных стеблей растений, а потом возвращались за новой горстью.

Когда в повозке ничего не осталось, Маррон опёрся на лопату и глубоко вдохнул через рот, глядя, как Мустар выгребает из щелей остатки дерьма.

— Теперь мы вернёмся, — сказал мальчик, с улыбкой глядя на усталого Маррона. — А потом придём снова.

Маррон застонал. Что ж, по крайней мере пустую повозку будет легче везти, да и риска никакого. Хотя бы удастся поговорить.

— Мустар, как эти люди ухитряются выжить? Их огороды не прокормят всех… Мустар покачал головой.

— Это вторая еда, — сказал он, нахмурился и повторил: — Второй раз растёт, да?

— Второй урожай? Второй за год?

— Да. Сейчас сухо, жарко, урожай плохой. Но весной в реке много воды, — на холмах растут цветы и урожай бывает хороший. А второй урожай лишний.

Лишний урожай явно был нужен позарез — иначе деревенские жители не работали бы изо всех сил ради столь скудных результатов. Похоже, он означал разницу между сытостью и голодом, подумал Маррон.

— Надо идти быстрее, — сказал Мустар. — Магистр смотрит. Если ходить медленно, нас побьют.

Сегодня Маррон ничем не отличался в глазах магистра Рауля от Мустара и тоже мог быть избит. Пришлось поспешить. Мустар подгонял Маррона, и на прямых участках дороги они почти бежали, а в гору поднимались трусцой, по крайней мере пока хватало сил и дыхания. Разговор увял; Маррон запыхался и взмок задолго до того, как они снова очутились в конюшенном дворе.

Двор был полон лошадей. Отряда три-четыре седлали

скакунов, которых ожидала прогулка и разминка. Был там и отряд Маррона. Протискиваясь между рвом и толпой верховых, Маррон увидел вначале фра Пиета, а потом и Олдо.

Фра Пиет посмотрел на юношу, на его спутника, на повозку — и удовлетворённо кивнул. Похоже, он считал, что именно этого Маррон и заслужил.

Олдо посмотрел на них точно так же, оценивающе. Его лицо не изменилось, и он почти сразу же отвернулся.

Маррон не понимал Олдо. Всю свою недолгую жизнь они были близкими друзьями, почти братьями. Они всегда держались вместе, и даже решение Маррона вступить в Орден стало возможным лишь потому, что Олдо с ним согласился. Маррон мечтал об этом всю жизнь, но ни за что не вступил бы в Орден в одиночку.

— Мы пойдём оба, — сказал тогда Олдо. — Ты сделаешь это ради своего отца, а я — ради тебя. А потом мы станем знаменитыми воинами и будем воевать за Господа. И потом, здесь мне всё равно ничего не светит. Брат унаследует землю после отца, а я не хочу всю жизнь быть у него приживалом. Лучше уж я отправлюсь с тобой.

Они вместе принесли публичный обет и вместе прошли обучение, потом попали в один отряд под предводительством фра Пиета, выручали друг друга во всех бедах и поклялись друг другу превзойти остальных товарищей. И вот всего за несколько неудачных дней любовь и доверие были перечёркнуты; вместо них воцарились равнодушие и злоба.

Наконец Маррон понял, что во всём была виновата ревность. Он не понимал только причины. Служба у сьера Антона принесла ему кучу дополнительных обязанностей, но очень мало выгоды. Ну да, он получил в подарок меч «Дард», но об этом никто не знал, да и сам Маррон не слишком хотел владеть этим мечом, несмотря на всю его красоту и безупречность. Это было оружие рыцаря, а не монаха; к тому же Маррона сильно тревожила связанная с ним тёмная история. Впрочем, его тревожило все, связанное со сьером Антоном. Но Олдо просто не стал бы слушать этих объяснений; поэтому Маррон стал избегать его общества, ловя любую возможность послужить сьеру Антону, хотя юноша и понимал, что тем самым только подогревает возникшую ревность.

Наполнив повозку, они вновь пошли вниз по тропе. На этот раз по пути им попался поднимавшийся к замку верблюжий караван, и идти приходилось медленно и осторожно. Вместо того чтобы бежать за повозкой, Маррон и Мустар изо всех сил удерживали её от падения в пропасть — верблюды жались к стене, и золотарям приходилось идти по самому краю тропы.

Наконец они оказались внизу, на колее, которая вела в деревню, и пошли вперёд под палящим солнцем. Посмотрев на небо, Мустар тронул Маррона за плечо.

— Солнце в зените, — сказал он.

Маррон посмотрел вверх, прикрыв глаза ладонью. Мальчик был прав — наступил полдень.

— Ну и что?

Маррон знал, что обеда сегодня не видать ни ему, ни, похоже, шарайцу; так зачем же останавливаться?

— Ты захочешь помолиться, — просто ответил мальчик, — а тут лучше всего.

Конечно же, он должен был помолиться, но начисто позабыл бы об этом, если бы не напоминание неверного. Маррон не мог поверить в то, что многолетняя привычка так подвела его. Хоть он и был голоден, хотел пить, взмок, устал и измучился вконец, думал о другом человеке больше, чем о своём долге перед Господом, — он всё же не мог в это поверить.

Низкий голос Брата Шептуна докатился до Маррона с минутным запозданием. Из деревни донёсся ответный дребезжащий звон — там священник сзывал на молитву детей с поля и стариков из хижин, звал всех, кто мог услышать призыв и прийти помолиться. Маррон мог бы внять призыву, и даже фра Пиет не стал бы винить его, но он не знал ни местных обрядов, ни местного языка и не хотел выглядеть глупым и немым перед лицом Господа. Лучше он помолится тут, как молится наверху в одиночестве сьер Антон…

Он молится в одиночестве после того, как столько времени прождал Маррона! Только тут юноша вспомнил об этом. «После лазарета придёшь ко мне, как обычно», — а ведь Маррон не исполнил ни одного, ни другого приказа, не побывал ни в лазарете, ни у рыцаря. Конечно, в этом не было его вины, но поволноваться из-за этого всё же придётся. Сьер Антон наверняка придумает подходящее к случаю наказание…

Что ж, сейчас делу помочь было нельзя — разве что придумать оправдания и извинения, хотя сьер Антон вряд ли возьмёт на себя труд выслушать их. Голос Брата Шептуна отдавался в ушах у Маррона; пора было очистить ум и преклонить колени.

Мустар ушёл на несколько шагов вперёд и тоже опустился на колени. Маррон увидел, что мальчик подобрал несколько камней и сделал из них нечто вроде пирамидки. Положив поверх всего плоский камень и получив некое подобие алтаря, Мустар достал из-под рубахи три маленьких голубовато-серых камушка и аккуратно разложил их на камне треугольником.

— Что это, Мустар? — спросил Маррон, заметив, что работа мальчика закончена, но все ещё не понимая её смысла.

Мустар серьёзно, даже хмуро посмотрел на него.

— Вы молитесь, когда солнце бывает в зените. Мы тоже так делаем, когда нам это позволяют. Ты остановишь меня?

— Нет-нет, конечно, нет! Извини, я просто не понял… — И Маррон отвернулся, взволнованный действиями раба-язычника. Фра Пиет, сьер Антон, Олдо — любой из них наверняка сделал бы шаг вперёд, пинком разнёс пирамидку на части, дал Мустару затрещину и пригрозил наказанием. На глазах Маррона происходило самое настоящее богохульство. Молитвы шарайцев своим богам в Чужеземье терпели — местные жители были катари, причём половина из них до сих пор не исповедовала истинной веры, и большинство землевладельцев закрывали на это глаза, покуда крестьяне мирно трудились. Но богохульство здесь, под сенью Рока, совершенное рабом Ордена!..

Такого ещё не бывало. Но Маррон решился: он не станет мешать Мустару молиться и не будет любопытствовать, что означают три голубых камушка. Даже у рабов могут быть свои секреты; у каждой веры свои таинства.

А вот собственная вера Маррона представлялась юноше сплошным таинством. Когда-то он считал, что Бог добр, думал, что магию творят дьяволы. А потом была деревня еретиков, Королевское Око, чудесный свет в большом зале по ночам, возникающий ниоткуда по приказу прецептора. Маррон переставал понимать, кому или чему он молится. Попав в Господние владения, он надеялся стать ближе к Нему, но вместо этого чувствовал, что отдаляется от Господа.

И всё же он молился, молился по привычке, потому что дал обет и жаждал одного: вновь обрести простую веру своего детства, хоть и сомневался, что в этой тяжкой изнурительной земле он сумеет это сделать. Маррон отошёл от Мустара на несколько шагов, упал на колени и в последний момент вспомнил, что перед молитвой нужно натянуть пониже рукава и надеть капюшон.

Без помощи сьера Антона, размеренный голос которого задавал службе ритм, Маррон бормотал молитвы чересчур быстро, что могло бы даже считаться небрежением. Всё это время он краем сознания с любопытством прислушивался к молитвам Мустара, но слышал только собственные слова. Вскоре юноша перешёл с бормотания на шёпот, но всё равно не мог ничего расслышать. Озадаченный и смущённый, он попытался заставить себя сосредоточиться на службе, но не сумел. Вместо этого он стал произносить слова ещё быстрее, так, что они превратились в

свистящую скороговорку, которая не могла принести удовлетворения ни ему, ни Господу.

Окончив молитву, Маррон огляделся и увидел, что Мустар всё ещё стоит на коленях перед самодельным алтарём, но уже не молится, а просто смотрит на Маррона. Он хотел спросить, почему шараец молится молча — так требует вера или священники? — но то ли постеснялся, то ли побоялся обидеть Мустара. Он встал и пошёл к повозке. Мустар последовал за ним, и они медленно покатили её по тропе.

На этот раз в деревне не было видно ни стариков на крылечках, ни детей в поле. Вероятно, они все ещё молятся — «и мне следовало бы молиться с ними», — подумал юноша, устыдившись собственного небрежения.

Когда Мустар попытался влезть в повозку, Маррон остановив его.

— Нет, смотри, так будет быстрее. — И не так противно. — Давай просто перевернём повозку. Вот так…

Он подставил плечо под один из углов повозки и выпрямился. Повозка приподнялась, но тут же вернулась на место — для одного она была слишком тяжела. Мустар тотчас же встал рядом, и наконец повозка наклонилась, встала на дыбы и рухнула. Маррон вздрогнул от шума, с которым она упала, и только понадеялся, что в ней ничего не сломалось.

Около повозки выросла куча дерьма; Маррон и Мустар вытащили лопаты и начали выскребать оставшееся. Мустар смеялся, разбрасывал дерьмо во все стороны, стараясь попасть на поле, и вскоре Маррон стал делать то же самое. Они затеяли соревнование — кто быстрее? — и Маррон опять позабыл про наказание.

Вскоре он вспотел, мускулы заныли, а горло до того пересохло, что смех словно царапал его. Когда повозка опустела, работники с помощью заступов вернули её в обычное положение. Маррон осмотрел колеса и решил, что они целы. Потом он с жадностью посмотрел на колодец, возле которого стоял старый верблюд, флегматично жующий охапку сена. Даже постящимся братьям дозволялась вода, так могут ли пить наказанные и рабы?..

Спросить было не у кого — вокруг не было ни души. Маррон заявил:

— Я хочу пить, — и решительно направился к корыту. Позади него раздался топоток пяток, и у его локтя возникла рожица Мустара, который по-собачьи задышал, показывая, как его донимает жажда.

На дне корыта было на палец воды — им хватило. Маррон

сложил руки чашечкой, зачерпнул влаги и выпил её одним глотком, а потом облизнул мокрые пальцы. Стоявший рядом Мустар наклонился, сунул в корыто голову и стал хлебать воду и плескать её себе на макушку.

Маррону тоже досталось. Вода была тёплой, но всё же приятно холодила разгорячённую кожу. Юноша откинул капюшон, наклонился, последовав примеру Мустара, и поплескал себе на голову. Когда он выпрямился, за шиворот потекли струйки воды. Маррон по-собачьи отряхнулся, обрызгав Мустара. В ответ тот зачерпнул полную пригоршню воды и окатил Маррона, за что Маррон окатил его двумя. Мустар пригнулся, и вода попала в верблюда, который задрал голову и заревел.

Мгновенно перестав улыбаться, Маррон с опаской поглядел сначала на верблюда, а потом на деревню, опасаясь, что сейчас прибежит кто-нибудь из местных. Однако улицы были пусты, и после очередного верблюжьего вопля голова животного вопросительно повернулась, словно глядя на юношу белыми незрячими глазами. Верблюд громко рыгнул и застыл. Маррон удивлённо наблюдал, как комок размером в два его кулака поднялся по горлу скотины прямо ей в рот. Верблюд рыгнул ещё раз, а потом начал задумчиво жевать жвачку.

Это было уже чересчур для Маррона. Он медленно сполз по стенке корыта, смеясь до боли в рёбрах, до слёз, так, что пришлось зажмуриться, чтобы отражавшееся в слезах солнце не слепило глаза.

Через секунду он услышал звонкий смех Мустара, а потом почувствовал, как мальчик сполз по стенке корыта рядом с ним.

— Мустар?

— Да?

— В замке есть башня, очень старая, без окон и дверей. Мы называем её Башней Королевской Дочери. Знаешь её?

— Да, — ответил мальчик тихо, без малейшего признака веселья в голосе.

— Вы, шарайцы, называете её как-нибудь по-своему? Вы знаете, что это за башня?

— Да, — шёпотом повторил мальчик. — Она… она называется «Башня Ходячего Мертвеца». Пожалуйста, я тебе ничего не говорил, хорошо?

— Ладно, это наш секрет. Клянусь. А что это за ходячий мертвец? Что это вообще означает? Но Мустар пробормотал только:

— Эта башня… тереф… запретная. Я не могу сказать.

И он молчал, как ни подкатывался к нему Маррон, как ни повторял своё обещание никому ничего не говорить, как ни

просил и ни умолял. Мустар только сжимал губы и тряс головой, и вид у него при этом был не упрямый, а скорее испуганный.

— Ладно, — сдался наконец Маррон. — Давай возвращаться.

— Ага. — Мустар вскочил на ноги, радуясь, что освободился. — Нам нужно отвезти ещё одну повозку. Магистр будет смотреть.

Идя вслед за мальчиком к повозке, Маррон застонал. После краткой передышки его тело двигалось лениво, но любопытство удвоилось, а утолить его было некому.

Ещё раз подняться в гору рысью, ещё раз подойти к навозной куче, провонять насквозь и взмокнуть, раскидывая её лопатой… Сквозь жужжание мух Маррон услышал голоса, стук копыт и крик ястреба; потом совсем рядом раздался холодный резкий голос.

— Маррон. Вот ты где. По-моему, я приказал тебе дождаться меня? Я не привык разыскивать своего оруженосца и уж тем более не привык обнаруживать, что он предпочёл… э-э… сельскохозяйственные работы в весьма любопытной компании…

Маррон уронил лопату, неохотно повернулся, сделал шаг, отходя от кучи, и увидел, как рыцарь отступил назад на тот же шаг.

— Сьер, я…

— Ты был в лазарете?

— Нет, сьер, но…

Ноздри сьера Антона дрогнули, но лицо оставалось спокойным. Про себя Маррон вздрогнул. Но тут — о чудо! — за плечом рыцаря возник магистр Рауль. Впервые Маррон был рад присутствию наблюдавшего за ним магистра.

— Что-то случилось, сьер Антон?

— Видите ли, магистр, этот брат был отдан мне в оруженосцы, но он предпочитает заниматься без моего ведома другими делами.

Магистр Рауль смеялся редко, но даже у него губы дрогнули в некоем подобии улыбки.

— Думаю, его предпочтения тут ни при чём. Это наказание, наложенное его исповедником. Я только не спросил, в чём он провинился…

Сьер Антон тоже не заинтересовался этим вопросом. Его глаза вновь встретились с глазами Маррона и рыцарь слегка кивнул, прося прощения и чуть улыбаясь юноше.

— Уже слишком поздно, — произнёс рыцарь. — Не могли бы вы приказать кому-нибудь из мальчиков оседлать моих лошадей? Магистр Рауль, для того чтобы такая неприятность больше не повторялась, нам, вероятно, следует решить, чьи приказы имеют больший приоритет…

«Скажите это фра Пиету, — хмуро подумал Маррон, глядя, как мужчины удаляются. — Пожалуйста», — добавил он про себя, представив эту сцену. Оба они, и рыцарь, и исповедник, были упрямы, требовательны и не терпели нерадивости. Разница была в том, что у сьера Антона был насмешливый характер плюс уверенность, дарованная ему происхождением и положением в обществе. Фра Пиет же отличался мрачной верностью догме и правилам Ордена. Маррон с удовольствием поглядел бы на их спор, если бы мог сделать это со стороны…

Позади него тихо присвистнул Мустар — свист был чуть громче простого выдоха сквозь зубы. Маррон кивнул, повернулся к куче и взял лопату, но вынужден был опереться на неё из-за накатившей на него мгновенной слабости. Жужжание мух стало громче, оно впивалось в мозг и терзало его. На коже Маррона выступил холодный пот, хотя солнце пекло по-прежнему жестоко.

Наполнив повозку и забросив на неё лопату, Маррон налёг на перекладину и потянул груз по камням. Он чувствовал, что действительно становится животным, неспособным думать, и молча следовал за Мустаром, поворачивая повозку на спуске в туннеле и тормозя её своим телом. Так они выкатили повозку через замковые ворота на дорогу. На этот раз там не было каравана и можно было вновь разбежаться; тело Маррона последовало примеру его сознания, которое, казалось, давно уже где-то летало.

Вниз, вниз, на каждом повороте отшвыривая повозку от пропасти. Словно издалека до Маррона доносился, смех Мустара, но сам он не мог смеяться. Сердце бухало у него в груди, воздуха не хватало, разбитые ноги болели даже на ровных местах, а голова бессильно моталась из стороны в сторону.

Им оставалось совсем немного до подножия скалы, где их ждал отдых. Однако за поворотом, едва ли не последним на этой дороге, их поджидала беда. Перед телегой возник человек — по крайней мере Маррон подумал, что это человек, потому что сквозь туман перед глазами он видел только красно-жёлтые пятна. Услышав визг Мустара, Маррон понял, что человек — не плод его воображения.

Маррон и Мустар налегли на перекладину, отшвыривая повозку вбок. Она резко повернула и, хвала Господу, прошла мимо отпрыгнувшего человека. Маррон увидел путника совсем рядом: каштановые волосы и бородка окаймляли лицо мужчины, ошеломлённо следившего за действиями возчиков. А повозка катилась чересчур быстро и была слишком тяжёлой — нет, им не вернуться на правильный путь. Одно из колёс соскользнуло в пропасть, повозка накренилась и полетела вниз, перекладина

взвилась в небо, потащив за собой уцепившихся работников. Маррон почувствовал, как что-то порвалось у него в руке, и, уже падая с тропы, закричал от резкой боли.

Он отпустил повозку и полетел вниз. Ударился, покатился, растянулся и соскользнул в жестокие колючки терновника — и беспомощно лежал там, пока его сознание продолжало вертеться, катиться, раскачиваться и кувыркаться, не подчиняясь хозяину.

Едва слышные голоса позвали его издалека, приблизились, и тот же голос произнёс имя — кажется, это было его имя, но юноша сразу же позабыл его.

Руки, обхватившие его под мышками; его тащат спиной по камню. Все вокруг мерцает и скрывается в тумане; глаза закрываются.

Он лежал на камнях, а умелые пальцы ощупывали его голову и ребра, подняли руку и повернули её. Болело все сразу, но рука болела сильнее остального; он застонал и попытался освободиться, но державший его руку человек заворчал на него.

— Не бойся, мальчик, — услышал он и на этот раз понял слова, вцепился в них рассудком, пытаясь устоять в этом качающемся мире. — С ним всё в порядке… ну, или будет в порядке. От такого маленького кровотечения ещё никто не умирал — скорее от него парню станет легче.

Потом руки продолжили осмотр, прощупали кости, проверили ноги. Он потерял сознание.

Придя в себя, он услышал стук копыт, негромкое восклицание и знакомый голос:

— Что тут произошло?

Маррон моментально открыл глаза и попытался произнести слово, но не мог набрать достаточно воздуха. Ему казалось, что внутри он пуст, словно яичная скорлупа — раздавленная яичная скорлупа.

— Несчастный случай. Это я виноват, я должен был услышать их и уступить дорогу.

Эти слова произнёс прежний, незнакомый голос. Хозяин нового, знакомого, соскочил с коня, звякнув удилами, и склонился над Марроном, полностью показавшись на фоне неба. Маррон узнал эту фигуру и узнал голос.

— А, так значит, они спускались слишком быстро. Сильно ему досталось?

— Думаю, нет, — только рана открылась, вот тут, на руке. По-моему, это рана от меча, полузалеченная…

— Знаю, это я его ранил. Как его голова, сильно ушиблена?

— Опять-таки не думаю. Он прокатился вниз по склону, но череп цел, и кости тоже, насколько я могу судить. Искупитель,

выполняющий работу раба, босой… наверное, он наказан, а в Ордене наказывают просто: день без еды и тяжёлая работа под палящим солнцем.

— То есть он просто перегрелся? Ладно, значит, ему можно…

Тень подошла ближе, и Маррон почувствовал на волосах струйку воды. Капли побежали по его лицу, он попытался слизнуть их, но перед ним уже было горлышко фляги. Вода коснулась его губ, и он жадно проглотил её.

— Не давайте ему слишком много сразу…

— Знаю.

Маррон и наполовину не утолил жажду, когда фляга исчезла. Но пыль в горле исчезла, и голос, точнее, шёпот, вернулся к юноше.

— Сьер…

— Да, Маррон. От тебя становится больше беспокойства, чем хотелось бы.

Однако пальцы, коснувшиеся его мокрых волос, были куда мягче голоса; Маррон улыбнулся, от души благодарный собеседнику за возвращённое имя. Вместе с именем пришла боль, заныло все тело и сильнее всего — раненая рука, но это было уже не важно. Имя того стоило.

— Что с повозкой?

— Она застряла в кустах, и мы с мальчиком вытащили её. Наверное, её содержимое пропало безвозвратно, ну да Бог с ним. По-моему, этому парню нужно дать ещё воды.

— Он её получит. Я отвезу его в лазарет. Сможете подать его мне, если я сяду на коня?

— Когда я его подниму, его может стошнить прямо на вас.

— Рискну.

Маррон сжал зубы, горло и желудок. Сьер Антон, может, и рискнёт, но сам Маррон не будет полагаться на случай.

Пара ловких рук подняла его в воздух и передала другой, не менее ловкой. Желудок Маррона слегка сжался, когда его тело качнулось, но юноша несколько раз сглотнул и почувствовал, что угроза миновала. Он вновь закрыл глаза и прижал больную руку к груди, чувствуя, как кровь стекает к локтю. Прежде чем лошадь начала медленно раскачиваться, поднимаясь в гору, он услышал ещё:

— Я — Антон д'Эскриве, рыцарь Ордена. А вы, мессир?

— Меня зовут Радель. Я менестрель. Сьер Антон издал короткий смешок.

— Менестрель идёт в Рок-де-Рансон? Неужели вы собираетесь развлекать братьев?

— Я подумал, что в замке могут быть гости, которые захотят

послушать музыку. Мне говорили, что гостеприимство монахов распространяется даже на таких, как я.

— Что ж, в замке сейчас действительно живут гости. А ещё там есть рыцари, круг развлечений которых шире, чем у монахов. Вас примут весьма радушно, Радель, если вы поёте так же хорошо, как спасаете упавших с тропы братьев.

— Мой голос немного подпорчен дорожной пылью, — вкрадчиво заметил менестрель, — но если в замке найдётся немного вина, чтобы освежить горло…

— Уж вино-то там точно есть. Что ж, надеюсь услышать вас сегодня вечером.

8. СКРЫТОЕ И ПОТЕРЯННОЕ

Джулианна не была создана для одиночества.

К такому выводу девушка пришла через некоторое время, занятое в основном хождением по комнате, выглядыванием в окно и игрой с резными деревянными ставнями окна — забава не то для ребёнка, не то для заключённого, а она, кажется, и то, и другое. Она знала, что на свете существуют любители одиночества — отшельники и прочие нелюдимы. Кроме того, бывают люди, которым совершенно не нужно ничьё общество; она не причисляла себя к таким, причём сейчас — яростнее, чем когда-либо. Ей хотелось смеха, разговоров, остроумия и пикировки; а больше всего она мечтала о собеседнике, как бы загадочен или увёртлив он ни был.

Если быть точной — а Джулианна была весьма практичной дочерью своего отца, будь он трижды неладен, и потому не мечтала ни о чём несбыточном, вроде возвращения к прошлой жизни, — так вот, если быть точной, ей хотелось поговорить с Элизандой, но Элизанды рядом не было. Она часто отсутствовала по нескольку часов кряду, а то и добрую часть дня.

Не обременённая требованиями такта, дипломатичности или сохранения чести будущего мужа, не вдаваясь в соображения о нелюбви монахов к женщинам, Элизанда чувствовала себя в замке гораздо свободнее Джулианны.

Каждый день она отправлялась на исследования, вынюхивая местные секреты и лазая по самым дальним углам, однако неизменно возвращаясь через час или около того, чтобы рассказать о замечательных видах или о тёмных сырых коридорах Обе девушки прекрасно понимали, что всё это было только обманом для отвода глаз — хотя Джулианну ещё никто никогда не обманывал все эти хождения по замку и поиски имени какую-то цель, но она оставалась тайной — пока что.

В этот день Элизанда ускользнула сразу после завтрака, и сейчас был уже полдень, а она всё не возвращалась. Джулианна в одиночку сходила помолиться на галерею большого зала и в одиночку же вернулась. Она пообедала в одиночестве и уже начинала злиться, а Элизанда все никак не появлялась. Джулианна чувствовала себя заброшенной и, хуже того, догадывалась, что её снисходительностью злоупотребляют. Элизанда считала себя в первую очередь гостьей Джулианны, а уж потом Ордена, и сама не раз так говорила.

Она считала Джулианну своей подругой и в своих приходах и уходах никогда не преступала того, что дозволяло ей такое

положение. Сегодняшний случай был более чем необычным — он был беспрецедентным, к тому же, как подумала Джулианна, на Элизанду это было совсем непохоже. Со своими тёмными намёками на джинна, с привычкой постоянно оглядываться по сторонам, она никогда не исчезла бы вот так — не предупредив и надолго. За злостью Джулианны явственно проступало сильнейшее любопытство — впрочем, злость тоже не была слабенькой.

Но что бы это ни было, злость или волнение, оно наконец заставило её откинуть штору у входа, выбежать из комнаты и спуститься по лестнице во двор. Только тут она опомнилась

Она знала дорогу отсюда до большого зала, но туда идти было бессмысленно. Ещё она могла в одиночку добраться до конюшен — да, пожалуй, от этого могло бы быть больше пользы. Итак, вниз по длинному узкому коридору в тенях, вниз, туда, где солнце играет на воде, где воздух пахнет лошадиным потом и навозом. У конюшни Джулианна отыскала главного конюха и учинила ему настоящий допрос. Он не хотел разговаривать, но наконец соблаговолил ответить на вопросы, старательно отворачиваясь и отводя глаза, чтобы не взглянуть на женщину. Нет, сегодня он не видел компаньонку её светлости. Нет, она не выезжала верхом и не брала ничьей лошади. Она могла уйти пешком; тут ему ничего неизвестно, но у него нет времени следить за всеми, кто снуёт тут во дворе, — он всё-таки главный конюх, человек занятой. Если её светлость пожелает расспросить стражников на воротах, они могут вспомнить больше…

Стражники заступили на пост после обеда. Они не видели, чтобы из ворот замка выходила или выезжала женщина. Их предшественники тоже ни о чём подобном вспомнить не могли. Им жаль, сказали стражники, что они ничем не могут помочь даме; на мгновение Джулианна даже поверила им. Они не видели её лица за вуалью, но девушка постаралась вложить улыбку в свой голос, когда благодарила их, и понадеялась, что они всё-таки разглядели её улыбающиеся губы.

Обратно в конюшенный двор; она уже подумывала о том, чтобы расспросить мальчиков-шарайцев, но магистр внимательно следил за ней — казалось, он наблюдает за всяким, кто осмеливается войти в его владения, — а Джулианне не хотелось снова почувствовать на своей шкуре его враждебность.

Так куда же идти теперь? Элизанда ведь не обедала, по крайней мере с ней вместе, и давно должна проголодаться. Значит, следовало искать в трапезной и на кухне. Однако Джулианна не имела ни малейшего представления об их местонахождении. Но зато у неё был язык и желание

использовать его, да к тому же ей удалось поймать брата, бежавшего по какому-то поручению.

Это оказался юнец, краснеющий по малейшему поводу; Джулианна решила, что он сутулится и заикается только по молодости, а не из женоненавистничества. Именно желание помочь заставляло его быстро шагать впереди девушки, останавливаясь на каждом разветвлении коридора. Он был добродушен и выдрессирован, как щенок, а щенки всегда нравились Джулианне. Она подумала, что, возможно, ей удастся удержать мальчика подольше, чтобы он провёл её через весь лабиринт…

То есть Джулианна понимала, что выбранный путь ею окажется в лучшем случае простывшим следом, скорее всего тупиком — просто-напросто потерей времени. Невозможно было представить себе Элизанду, которая будет помогать монахам печь хлеб — впрочем, как и монахов, которые позволят ей помогать себе. Скорее уж она выпросит на кухне корочку хлеба… хотя какого гостя станет столь скудно угощать Орден, какую женщину не проводят вежливо, но твёрдо назад, в её апартаменты, где уже будет ожидать еда?

Итак, Джулианна не рассчитывала, что найдёт Элизанду там, куда она шла. Так и оказалось: в трапезной были только несколько монахов, отмывающих столы, лавки и пол. Во избежание недоразумений девушка попросила поговорить с ними своего проводника, но Элизанду здесь не видели.

Джулианна сама поговорила с главным поваром, в этом была своя тактика: как бы он ни отнёсся к присутствию женщины в своём хозяйстве, её расспросы он примет более благосклонно, чем расспросы молодого монаха. Итак, она задала вопрос, рассчитывая получить отрицательный ответ, однако вместо этого получила утвердительный. Да, компаньонка мадемуазель была на кухне этим утром. Она пришла вскоре после завтрака, однако главный повар так и не понял, что ей было нужно. Наверное, праздно любопытствовала, предположил он, фыркнув. Джулианна поняла это так, что ей следует получше следить за своей служанкой, заставлять её заниматься рукоделием и прочей женской работой, не позволять слоняться по замку и отвлекать мужчин от работы…

Сколько она здесь пробыла? Довольно долго, и ушла только после того, как инквизиторы спустились в камеры — кивок на неприметную дверь в тёмном углу — и заключённый там гнусный еретик начал кричать. Это не для дамских ушей, и служанка мадемуазель это поняла. Нет, он не знает, куда она ушла потом; нет, никто из работавших на кухне братьев тоже не знает, так что

расспрашивать их нет нужды. Это не их дело — следить, где гуляют непоседливые гости. И ругаться с гостями он тоже не обязан, поэтому промолчал, когда она, не спросивши, взяла пару яблок — будь на её месте какой-нибудь брат, он оказался бы повинен в жадности, краже и непослушании…

Джулианна в изысканных выражениях попросила прощения за визит своей компаньонки, вежливо присела и покинула кухню. Как она и надеялась, её юный провожатый последовал за ней без вопросов, решив, видимо, служить ей до тех пор, пока не будет отослан прочь.

— Как твоё имя, брат?

— Эстьен, госпожа, — пробормотал он, глядя на собственные пальцы и обдирая сухую кожу с покрасневшей костяшки. Джулианна подавила улыбку — она видела, как мальчишке хочется помочь себе зубами, но в присутствии дамы он сдерживался.

— Ну вот что, Эстьен, этот ваш замок слишком велик, чтобы искать повсюду. Так мы пробродим весь день и никого не отыщем. — «А я всего-навсего девушка, чужая здесь, — добавила она про себя, — и очень рассчитываю на такого молодого человека, как ты». — Придётся нам гадать, куда она могла уйти. Мои догадки ни к чему ни привели, так что…

Она не ожидала особой пользы от его предложений; если Элизанда могла оставаться тайной для неё, что сможет придумать этот зелёный юнец? Но ей нужен был спутник, знающий замок, а если мальчик почувствует, что на него надеются, с его мнением считаются, от него будет гораздо больше пользы.

Мальчик нахмурился и задумался; его рука медленно поднялась ко рту, зубы начали обгрызать содранную кожу. Наконец брат произнёс:

— Здесь есть лазарет, госпожа, она могла пойти туда…

Да, могла — могла пойти сама, а могла и попасть ненароком. Эстьен, конечно, не имел в виду ничего подобного; скорее он вспомнил о том, как его мать носила травяные настои бедным соседям — «женщины посещают больных». Джулианна же подумала о другом: «Элизанды не было весь день, она любопытна и беззаботна, не знает здешних мест, с ней могло случиться что-нибудь…»

Она-то надеялась ещё какое-то время не думать о лазарете! Но было уже поздно.

— Могла, — весело согласилась девушка. — Не мог бы ты провести меня туда, Эстьен?

Он мог и провёл. Лазарет оказался большой комнатой, в которой было все — скамьи, бутылки, каменные кувшины,

бочонки, ступки, букеты из сухих трав, подвешенные под потолком, и книжная полка. Помещение скорее напоминало аптеку: в самой комнате не было никого, но за дверью в конце коридора слышались тихие голоса. Однако, несмотря на это, Джулианне показалось, что она узнала один из голосов. Эстьен неуверенно поморщился, но Джулианна улыбнулась ему, скрывая собственные сомнения, и первой вошла в длинную комнату, уставленную койками.

Только одна койка оказалась занята, но лежала на ней не Элизанда. Джулианна поняла это с первого взгляда и едва сдержала вздох облегчения, потому что самые худшие её страхи не оправдались. Следующий вздох едва не превратился в смех; ей пришлось крепко зажать себе рот, чтобы не расхохотаться.

Лежавший на матрасе человек, почти мальчик, был бледен и полураздет. Возле него стояли на коленях два монаха; один протирал губкой лицо и грудь больного, а второй смазывал чем-то кровоточащую рану на руке юноши. Оба брата в ужасе воззрились на возникшую перед ними девушку — выражение их лиц и насмешило Джулианну.

Ещё два человека стояли в ногах койки. Старшего Джулианна сочла главным целителем, а второго узнала — сьер Антон д'Эскриве. Это его голос она услышала и распознала ещё в коридоре. Он быстрее всех пришёл в себя, поднял измазанную, дурно пахнущую рясу и аккуратно накрыл лежащего на койке юношу. Проследив за его руками, Джулианна посмотрела на лицо больного. Да, это был Маррон, молодой монах и странный оруженосец сьера Антона.

— Мадемуазель Джулианна! — В голосе рыцаря слышалась привычная уже сардоническая нотка, словно говорившая, что все в этом мире ничтожно и стоит разве что смеха. Рыцарь аккуратно вытер руки о сырой кусок ткани. — Вам требуется искусство магистра Скобиуса?

— Нет. Я ищу свою компаньонку, но вижу, что тут её нет. Если вашему оруженосцу нужна помощь, я не буду мешать. Я уйду…

И она вышла, но д'Эскриве вышел вместе с ней. Джулианна заметила, что Эстьен исчез — юркнул в коридор и растворился в полумраке.

— С Марроном не произошло ничего страшного. Перегрелся на солнце и сглупил, в результате чего снова открылась рана на руке. Главный целитель зашьёт рану; свежая повязка, послеобеденный сон — и мой оруженосец будет как новенький. Эх, следовало бы поколотить его, чтобы доставлял мне поменьше забот!

— Следовало бы, — согласилась Джулианна, не сдерживая смеха, — но вы же не станете этого делать. — Рыцарь был не единственным, кого забавляли дурацкие превратности жизни, и следовало показать ему это.

— Ну да, скорее всего не стану. Мальчишка, кажется, заколдован — что-то удерживает меня от того, чтобы задать ему трёпку. К тому же ближайшие несколько дней он будет не слишком хорошо себя чувствовать. Ах да, так вы потеряли мадемуазель Элизанду?

— Да, похоже. — Но вызванное этим плохое настроение испарилось в мгновение ока; теперь Джулианна могла посмеяться и над ситуацией, и над собой. У неё появилась компания, появился собеседник — а о большем она и не мечтала, и теперь могла успокоиться. — Она наверняка шныряет по тёмным углам замка и раздражает братьев. Наша комната кажется ей… неуютной.

— Как и вам, мадемуазель. — Это был даже не вопрос, рыцарь не дал ей возможности отрицать очевидного. — Братья бесконечно радушные хозяева, но гостей развлекать не любят. Но я могу немного развеять вашу скуку. В Роке появился менестрель. Я встретил его на дороге, когда он возился с моим глупым оруженосцем; надеюсь, этим вечером новый гость споёт для нас. Придёте ли вы послушать?

Джулианне хотелось этого всем сердцем — если, конечно к тому времени найдётся Элизанда. Солнце уже начинало клониться к закату, и это взволновало её ещё больше — ну куда могла подеваться вредная девчонка? Однако Джулианна произнесла:

— Только если я смогу сделать это, не оскорбив монахов. На этот раз рассмеялся рыцарь.

— Мадемуазель, само присутствие менестреля уже оскорбляет монахов. Ещё больше их оскорбляет то, что правила Ордена запрещают выгнать его из замка. Если менестрель будет петь, он споёт для нас, рыцарей — точнее, для рыцарей и гостей Ордена, если вы придёте. Только прошу вас, приличия ради отыщите вашу компаньонку — и приходите. Мы будем очень рады.

— В таком случае, сьер Антон, мы с благодарностью примем приглашение — если Элизанда к тому времени вернётся…

Д'Эскриве поклонился:

— Я пришлю за вами своего оруженосца. Он покажет вам дорогу и посветит.

— Вашего… Нет-нет, Маррону нужно…

— Ему нужно понять, — сурово оборвал её рыцарь, — что

долг выше слабости. Он придёт за вами после ужина. Д'Эскриве вывел её на солнце и предложил:

— Могу ли я проводить вас до ваших апартаментов, мадемуазель?

Эстьен ждал её во дворе, но продолжать бесплодные поиски было уже бессмысленно. Джулианна благодарно улыбнулась монашку, отпуская его, и сказала рыцарю:

— Благодарю вас, вы очень добры, — и добавила: — Расскажите мне об этом менестреле, сьер Антон. Кто он? Он известен? Эти бродячие менестрели очень редко появляются в Марассоне, но мы слышали, что о некоторых из них ходит слава по всему Чужеземью.

— Мне они не известны, — негромко ответил д'Эскриве. — Этого зовут Радель. О нём я могу сказать только, что он проявил похвальную заботу о моём оруженосце и о навозной телеге. Можно надеяться, что перед выступлением он вымоется; остальное мы узнаем вместе с вами.

— Вот как?

Здесь скрывалась какая-то история, но рыцарь, очевидно, не желал вдаваться в подробности. Джулианна решила не задавать больше вопросов, памятуя о предыдущем столкновении с противным умением уклоняться от ответа, присущим этому человеку. До комнаты Джулианны они дошли молча. При расставании рыцарь поклонился и произнёс:

— Мы ещё увидимся, мадемуазель. Будут песни, сказки и немного вина на закуску. Только, боюсь, Маррону его не видать. Я не уверен, что сумею вынести его в подпитии.

Джулианна отдала дорожные платья женщинам из деревни, попросив их выстирать наряды. Увидев результат, девушка очень обрадовалась тому, что один сундук с нарядами остался нетронутым. Она не слишком жаждала произвести впечатление на неизвестного менестреля, но наречённая невеста барона из Элесси — да ещё наследника местного графа — даже в таком скромном обществе не имеет права показываться в замаранном платье…

Слуг здесь у неё не было, и Джулианна самостоятельно взялась за сундук. Когда на лестнице раздались мягкие шаги, она как раз сражалась с непривычной и непростой задачей — разглаживала складки на платье и вытряхивала из них вездесущую дорожную пыль. Обернувшись назад, Джулианна увидела, как отодвинулась штора и в комнату проскользнула Элизанда.

Пока Джулианна разбирала платья, к ней вернулась вся прежняя злость. Заскрипев зубами, она почувствовала

одновременно привкус пыли и обиды в равной степени.

— Где ты была?

— Везде. — Элизанда взяла с подоконника кувшин с водой, наполнила кубок и одним махом осушила его. Падавший на неё сквозь резные ставни свет плясал на одежде причудливыми пятнами, но не мог скрыть бледности и усталости девушки и только высвечивал пятна грязи и пыли на её платье.

Нет, на платье Джулианны — и здешним неумёхам-прачкам такого в жизни не отстирать!

— Чем ты занималась? — Джулианна хлопнула ладонью по платью, которое держала в руках, намереваясь усилить впечатление от вопроса. Однако от хлопка поднялось облако мелкой пыли, заставившее Джулианну закашляться и только ухудшившее её настроение.

— Искала выход. А что, я разве должна плясать вокруг тебя? Или в мои обязанности входит причёсывать тебя после того, как я почищу твоё платье?

А нуждается ли оно в чистке? — задумалась Джулианна, на мгновение обуздав свою ярость, но тут же потеряв над ней контроль.

— Разумеется, ты вольна поступать так, как пожелаешь. Но если ты здесь как моя компаньонка — а в эти ворота тебя впустили благодаря мне, Элизанда, — ты могла бы помочь мне одеться. Если же ты тут как моя подруга, тебе не следовало бы исчезать на весь день, не сказав мне ни слова и зная, что я буду волноваться. А если ты мне не подруга и не компаньонка, если ты для меня никто, то меня очень даже касаются твои занятия и местонахождение. Что, если я привезла к братьям их врага?

— В общем-то так оно и есть, — тяжело сказала Элизанда. Сев в кресло, она начала тереть платье с такой яростью, что втёрла в него всю грязь, а потом внезапно спросила:

— Ты когда-нибудь слышала, как кричит человек? По-настоящему кричит?

Джулианна не ответила, подозревая, что её ответ не требуется. Она произнесла только:

— Было очень страшно?

Подруга ответила ей мрачным взглядом.

— Я тебя искала, — сказала Джулианна. — И в кухне, и вообще везде. Главный повар сказал, что ты ушла, когда начались крики… Кстати, друзей у тебя на кухне не прибавилось. Повар все сокрушался о яблоках, что ты стащила.

А-а… — Элизанда полезла за пазуху и достала два маленьких жёлтых яблочка. — Я и забыла, что взяла их. Я думала, что проголодаюсь…

— Пора бы, если ты ничего не ела с завтрака. — В этих словах был намеренно неприкрытый намёк, но, похоже, голос Джулианны утратил былую повелительность. Элизанда улыбнулась, покачала головой и отложила яблоки.

Прекрасно. Значит, она отказывается есть и отказывается говорить о том, что слышала.

— Так где же ты была? — На этот раз в вопросе не было обвиняющих ноток — только беспокойство и искреннее любопытство. Элизанда ушла из кухни, стащив по дороге пару яблок, поскольку ожидала, что проголодается; там, где она побывала потом, она совсем позабыла о голоде или вовсе потеряла аппетит. Она вернулась в измазанном платье и с грязными руками, а Джулианна села рядом с ней и взяла её руки в свои, видя грязь, чувствуя её запах и отмечая, что под ногтями у подруги запеклась зелень.

— Там, внизу, — ответила Элизанда с гримасой, которая должна была обозначать улыбку. — Под замком полно туннелей и ходов, вырезанных прямо в скале. Там есть комнаты, погреба, кельи, камеры… — На мгновение её голос надломился, но Элизанда тут же овладела собой. — Некоторые из них были закрыты, но не все, а кое-какие были пусты. Не все. Я обыскала их, как умела, — у меня был масляный светильник.

— Элизанда, зачем?

— Я искала выход, — повторила девушка.

— Что ты имеешь в виду? Я спрашивала стражников у ворот, они не видели тебя!

— Да, не видели. Я не хочу просить у них разрешения, когда решу уйти, поэтому я искала другой выход. Какую-нибудь потайную дверь, коридор, лаз в пещеру… Должен же здесь быть потайной ход! Не бывает больших крепостей с одним-единственным выходом. Но я не сумела найти его. — Она ссутулилась и затихла, являя собой красноречивое свидетельство тщетности своих поисков.

— Вряд ли у тебя есть надежда, если этот ход считается тайным.

— От меня не может быть никаких тайн. Я хорошо нахожу скрытое — по крайней мере так говорят. — Тёмная голова приподнялась, тёмные глаза блеснули, и девушка фыркнула, смеясь над самой собой. — Я не выношу, когда мне приказывают быть терпеливой. И в четырёх стенах сидеть не могу. Спроси хоть у моего деда.

— Я бы не против. — Джулианна ухватилась за эту возможность, приоткрывавшую завесу тайны. — Где его можно найти?

— Ты его ещё увидишь, обещаю. Или твой отец его встретит. Хотела бы я посмотреть на эту встречу. — Элизанда снова фыркнула, скривившись, посмотрела на собственные руки и сказала: — Дай-ка я умоюсь и помогу тебе с платьем. Оно у тебя красивое. И причешу тебя, а то у тебя в волосах пыль.

— Да уж, не без этого. Только нам понадобятся два платья, подбери себе тоже какое-нибудь. Этим вечером рыцари пригласили нас поразвлечься.

Она намеренно не стала рассказывать о менестреле, желая сделать Элизанде сюрприз — приятный, если окажется, что этот человек умеет красиво петь. Если уж у Элизанды есть свои секреты, почему бы Джулианне не иметь своих? Оставалось только надеяться, что секреты гостьи не страшнее её собственных. В конце концов, Элизанда была у шарайцев, они могли послать её сюда шпионить. Джинн посоветовал ей вернуться — но она отказалась. Нет, забудь о джинне, брось эти мысли, не надо думать о всякой нечисти. Джулианна сама решит, что ей делать и повиноваться ли отцу, и не будет обязана решениями никаким там джиннам…

Довольно скоро девушки поняли, что одного кувшина воды им будет маловато для мытья. Усердно изображавшая старательную компаньонку Элизанда сбегала вниз и остановила первого попавшегося брата. Вскоре после этого небольшая процессия принесла им чан, исходящие паром ведра и ящичек мыла.

После мытья они переоделись в чистое бельё и сделали друг другу причёски — Джулианна думала, что с Элизандой будет просто, но у той оказались такие жёсткие кудряшки, что, когда результат удовлетворил Джулианну, её компаньонка успела взвыть от боли не раз и не два, — и достали из сундука полдюжины богатых нарядов. Элизанда отказывалась, Джулианна настаивала; потом они с удовольствием обсудили вот это миленькое и вон то симпатичненькое, решая, какой цвет лучше подойдёт каждой из них. Звон колокола прервал их болтовню, но Джулианна заявила, что сегодня у них нет времени на молитву, будь они даже прилично одеты. Впрочем, колокол напомнил ей о наступающей темноте, и девушка зажгла все лампы и свечи в комнате прежде, чем снова начать убеждать Элизанду нарядиться в тёмно-красное.

* * *

Братья, час спустя доставившие им ужин, застали девушек в

роскошных платьях и красивых вуалях. Подруги хихикали, поглядывая друг на друга. Те же братья унесли чан и ведра. Не успели они уйти, как Джулианна откинула вуаль, положила еды Элизанде и себе. Наверное, она даже ела, потому что в конце концов её поднос оказался пуст, но сама Джулианна так и не почувствовала вкуса еды. Все её внимание было поглощено Элизандой, она радовалась каждому куску, который съедала компаньонка. Что бы там ни случилось с Элизандой сегодня, она явно была глубоко потрясена, что казалось странным для такой беззаботной и разговорчивой девушки. Джулианна почувствовала гордость — законную, подумалось ей — за то, что она сумела развлечь подругу нарядами и вернуть ей аппетит.

Когда ужин был окончен, они стали ждать. К Элизанде, похоже, вернулся не только аппетит, но и любопытство. Ей хотелось знать, кого они ждут, куда пойдут, как рыцари будут развлекать их и почему их вдруг пригласили, если до сегодняшнего вечера их компанией пренебрегали все рыцари, за исключением сьера Антона.

Джулианна загадочно улыбалась и молчала.

Наконец они услышали поскребывание по занавеске. Джулианна пригласила посетителя в комнату, и вошёл Маррон.

В здоровой руке он нёс горящий факел. На этот раз юноша не стал вытирать ноги перед входом, но Джулианна всё же вспомнила кое о чём.

— Маррон, прошлой ночью ты оставил здесь свои сандалии, — улыбнулась она. — Где они, Элизанда?

— В углу, вон там…

— Да-да, вон они. Боюсь только, что один из них наполовину сгорел.

— Э-э… да, госпожа. — Он вспыхнул, как и ожидала Джулианна. — Но это… это не важно. У меня есть новые сандалии… — Он даже приподнял подол рясы и предъявил обувь. Джулианна с удовольствием заметила, что ряса у него тоже новая и чистая. Впрочем, этого следовало ожидать.

— Что ж, хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— О, хорошо, спасибо, госпожа.

— Правда? — Он выглядел отнюдь не здоровым; его голос был негромок и невыразителен, что напомнило Джулианне о его бледном теле, распростёртом на койке в лазарете, белом в тех местах, где его не коснулось солнце. — Рука сильно болит?

Он покачал головой, но по его виду было ясно, что он лжёт. В здоровой руке он держал факел, и потому машинально раздвинул шторы и подобрал подол рясы раненой. Теперь он прижимал руку к груди, словно рана причиняла ему сильную боль.

— Что ж, будь поосторожнее, не то она опять станет кровоточить. Тебя хоть покормили как следует?

— Да, госпожа. Мясной бульон…

На этот раз она поверила ему. По его бесхитростной улыбке стало ясно, что в трапезной кормили куда хуже. Возможно, в этот день братьям не полагалось мяса, зато Маррону досталось настоящее лакомство.

— Ну, тогда пошли. Отведи нас, куда тебе сказали.

— В малый зал, госпожа. Если вы изволите следовать за мной…

Он направился к двери, но Джулианна опередила его, первой достигла занавески и отвела её в сторону, чтобы пощадить его больную руку. Маррон снова вспыхнул, наклонился и вышел на лестницу, изо всех сил стараясь не подносить факел близко к ткани. Джулианна улыбнулась, пропуская его вперёд, а сама взяла за руку подошедшую сзади Элизанду.

Они вышли из своей маленькой башни, пересекли двор и оказались в тёмном здании собственно замка. Здесь не горело ни единого факела — возможно, из экономии, а может быть, с целью поддержания дисциплины, чтобы братья с наступлением ночи не выходили из спален. По пути процессии попалось такое количество ступеней и углов, что даже человек, знающий дорогу, не осмелился бы войти в коридор без факела. Джулианна уже не понимала, где они находятся, и благодарно сжала руку Элизанды, идя вслед за ярким пламенем факела Маррона, в колеблющейся тени его спины и изредка поворачивающейся головы. Его лицо казалось в свете факела размытым белым пятном; убедившись, что девушки идут следом, он отворачивался и смотрел вперёд.

Наконец они подошли к высокой двустворчатой двери, распахнутой наполовину. Из-за двери виднелся мерцающий жёлтый свет и доносился приглушённый говор вперемешку со смехом. Тут Маррон воткнул факел в кольцо на стене и жестом предложил девушкам войти.

— Нет уж, мы пойдём за тобой, Маррон, — хихикнула Джулианна. — Там, наверное, полно народу, так что тебе придётся отыскать для нас сьера Антона. Я вовсе не хочу проталкиваться сквозь толпу незнакомых мужчин.

— Госпоже не придётся проталкиваться…

— Хочешь сказать, что этим займёшься ты? — встряла Элизанда. — Сомневаюсь, Маррон. Достоинство гостей хозяина распространяется и на его оруженосца. По правилам приличия мадемуазель Джулианне очистят путь — и тебе вместе с ней, можешь поверить.

«Другими словами, — ехидно подумала Джулианна,

обменявшись с подругой понимающим взглядом, — рыцари расступятся перед нами с не меньшей охотой, чем братья, но по другим причинам».

Хорошо воспитанный мужчина поклонится и уступит дорогу даме исключительно из вежливости; хорошо осведомлённый сделает то же самое, зная, что к нему приближается дочь королевской тени, из опасения, что некоторые свойства, приписываемые слухами самому загадочному лицу королевства, могут быть унаследованы его дочерью; и наконец, любой мужчина из Элесси — а эта страна лежит совсем недалеко от Рока, и её дети наверняка найдутся тут — будет ревниво защищать честь Джулианны. Это могло бы привести к некоторым трудностям для д'Эскриве, хотя уж он-то, подумала Джулианна, без труда защитит и её честь, и свою собственную.

Маррона, похоже, их доводы не убедили, но ему, видимо, вообще не хотелось входить в двери ни первым, ни последним. Наверное, ему хотелось одного — лечь в постель и выспаться. А так он был одет не по правилам, находился не там, где ему полагалось, и не в том положении, чтобы братья или оруженосцы стали расступаться перед ним, Джулианна пожалела Маррона, но, впрочем, он был ещё молод — оправится. В конце концов, сегодня его кормили мясным бульоном.

Она ждала; убедившись в твёрдости её намерений, Маррон поклонился и первым вошёл в двери.

В зале находились люди, никогда прежде не виденные Джулианной: несколько десятков, если не сотня рыцарей в белом. Они стояли группами у колонн и у стен, сидели, лениво развалившись на скамьях и на столах, переговаривались, болтали, кричали и жестикулировали, подвергая ежеминутной опасности слуг и оруженосцев, сновавших между ними с кувшинами, наполненными и пустыми. От Маррона не было никакого толку; он не лучше девушек знал, где искать своего хозяина в этой суматохе. Д'Эскриве должен был сам заметить их — но тогда д'Эскриве следовало ожидать их у двери, а до этого он явно не додумался.

Что ж, при дворе Джулианне приходилось попадать и в худшие ситуации, начиная с седьмого года жизни, когда она впервые вошла в зал, полный гостей, разыскивая отца. Теперь же умение осадить не в меру любопытного незнакомца стало её натурой. Расправить плечи, выпрямить спину, идти твёрдой поступью, но не строевым шагом, быть грациозной, любезной и, самое главное, открытой; искать того, кто тебе нужен, и ни в коем случае не скрывать этого, поворачивая не только взгляд, но и голову, и кивать любому, с кем встретишься глазами…

Как, интересно, поведёт себя идущая рядом Элизанда? Наверное, как-нибудь иначе, но тоже вполне пристойно. Например, влезет на стол и позовёт д'Эскриве по имени — не приведи Господи..

Всего два шага среди шумной толпы — и наступила тишина. Про себя Джулианна сравнила их появление с падением камня в медленную глубокую реку; молчание разбегалось по залу, подобно кругам на воде. Или подобно круговому ножу, который резал руки и языки, обрывая любую беседу и заставляя любого рыцаря на мгновение сбиться и растерянно уставиться на гостий.

«Д'Эскриве мог бы и предупредить своих товарищей, — раздражённо подумала Джулианна. — Мог хотя бы сказать о нас нескольким, чтобы слух распространился сам собой…»

Впрочем, молодые люди пришли в себя довольно быстро. Те, кто стоял ближе всех к девушкам, улыбнулись, поклонились, уступили дорогу и жестом предложили пройти; остальные, слишком хорошо воспитанные, чтобы разглядывать их в упор, ограничились взглядами искоса. Умолкший было разговор возобновился, став, однако, спокойнее и тише.

Они дошли до самого центра малого зала; Джулианна уже не вглядывалась в каждое лицо, отчаявшись найти д'Эскриве. Она больше рассматривала колонны и крышу, выгнувшуюся так высоко, что свет факелов не достигал её; про себя девушка подумала, что в любом другом замке этот зал стал бы главным, а не малым. А здесь название было верно; обитателям Рока он наверняка представлялся каморкой, пригодной разве что для детских игр, и за неимением детей отданной молодым людям для развлечений, центром которых стала на сегодня Джулианна.

Подумав так, она отвела взгляд от тёмного и едва различимого свода и обнаружила, что стоит перед огромным камином. Он был размером с замковую дверь; стены потемнели от копоти, но огня внутри не было — слишком уж жаркое выдалось лето. Вместо дров в камине стоял маленький столик, окружённый стульями; в нише висела лампа, а на столе стояло вино и знакомые серебряные кубки. Позади стола стоял Антон д'Эскриве. Он поклонился, поймал взгляд Джулианны и улыбнулся, выпрямляясь.

— Добро пожаловать, мадемуазель Джулианна и мадемуазель Элизанда. — Он поклонился чуть менее глубоко. — Не окажете ли вы мне честь? Я подумал, что вам, наверное, будет приятнее сидеть в стороне от всей этой суеты; мои собратья временами бывают излишне шумливы.

— Сьер Антон! — Её неудовольствие превратилось в смех. — Я прошу у вас прощения. Я уже начала думать, что вы забыли о

своём приглашении.

— Ну что вы, мадемуазель! — Он отодвинул стул и усадил Джулианну; Элизанда устроилась напротив, а сам рыцарь — между ними. По его знаку Маррон поспешно наполнил кубки, а потом отступил к стене.

— Где же обещанное… представление, сьер Антон? — Джулианна не сказала слова «менестрель», чтобы не раскрыть Элизанде своего сюрприза.

— По-моему, оно сейчас начнётся, мадемуазель. Прислушайтесь…

На зал вновь опустилось молчание, на этот раз иное. В тишине Джулианна услышала негромкий звон мандолины.

Рыцари вокруг разом зашевелились, рассаживаясь за длинными столами. Джулианна вытянула шею, чтобы через их головы посмотреть туда же, куда все. Да, это был менестрель: бородатый человек средних лет, пёстро одетый, на ходу извлекающий из мандолины мелодичные звуки. Он медленно прошёл между скамьями к освободившемуся у камина пятачку и остановился прямо перед девушками. Джулианна подумала, что д'Эскриве усадил их тут не только для того, чтобы уберечь от шума.

Элизанда тоже завертела головой, высматривая источник музыки. Джулианна не сводила с неё глаз, пытаясь понять, какое впечатление произвёл сюрприз на её подругу. Результат её скорее озадачил, нежели обрадовал: она почти испугалась, заметив, что Элизанда напугана.

Какое-то мгновение Элизанда была неподвижна, однако потом её взгляд нашёл менестреля. Тут она повернулась, медленно выпрямилась и замерла, сложив руки на коленях и глядя на стол перед собой. Вуаль скрывала лицо девушки, но поза её не свидетельствовала ни о каком удовольствии. Тут была что-то другое, личное, какая-то тайна; быть может, какой-то менестрель появился в её жизни не к добру? А может, она была знакома с этим менестрелем; они могли встречаться на дороге, и встреча эта могла окончиться печально для Элизанды?

Что ж, решила Джулианна, какова бы ни была правда, она выяснится позже. Ей было жаль, что её сюрприз не принёс Элизанде радости, но люди, хранящие такое количество тайн, не должны жаловаться, если попадают в неприятные ситуации из-за неосведомлённости окружающих. Джулианна отхлебнула вина, чинно прикрыв бокал вуалью, , дабы не ранить ничьих чувств, и постаралась не думать об Элизанде и её секретах.

Честно говоря, это оказалось несложно. Возможно, менестрель не был знаменит, но его руки и голос были наделены

поистине волшебным даром. Он извлёк из мандолины воинственный аккорд и запел песню, известную всем окружающим, включая даже Джулианну. Вообще-то говоря, музыка Чужеземья редко приживалась в Марассоне: в Империи было слишком много строгих ценителей, считавших свою родину источником всех искусств. Однако этот старый мотив был известен каждому воинственному мальчишке от Марассона до самого Аскариэля. В песне говорилось о великой войне, в которой были захвачены Святые Земли и возникло Чужеземье; менестрель вёл мелодию чистым баритоном; вскоре к его голосу присоединился мощный хор рыцарей, и ритмичная песня в исполнении глубоких мужских голосов заставила Джулианну затрепетать.

Песня окончилась торжествующим победным криком. Рыцари аплодировали громко и долго, хотя Джулианне показалось, что они хлопают не только менестрелю, но и себе самим. Да и он хлопал им, поворачивался, кланялся и улыбался.

Наконец менестрель поднял руки, призвав всех к молчанию.

— Господа, дамы! — Отдельный поклон в сторону камина, где Элизанда сжимала в руках бокал (всё-таки она встречалась с менестрелем раньше!) — Песня может повести в бой и храбреца, и труса; она может внести любовь в сердце женщины — и мужчины, конечно, тоже, — добавил он под общий смех. — Но музыка многому может научить нас, и эти уроки не всегда бывают радостны. Если мне будет позволено, я спою вам пастореллу своего собственного сочинения. Это небольшая грустная песня, которой вы никогда не слышали раньше. Она называется «La Chanson de Cireille».

При этих словах из груди Элизанды вырвался вздох. Джулианна мгновенно повернулась к подруге, но та снова замерла, обратив взгляд на менестреля. Её глаза горели — яростью, как показалось Джулианне, хотя проклятая вуаль мешала рассмотреть яснее.

Менестрель заметил это и низко, неторопливо поклонился их столу.

— Она называется «La Chanson de Cireille», — повторил он, встретившись глазами с Элизандой, — а меня, её автора, зовут Радель.

Его пальцы пробежали по струнам мандолины, извлекая из неё странные резкие аккорды, резанувшие ухо Джулианне. Менестрель запел:

Я вышел на край вожделенной земли,
Прошёл по реке между горных вершин,

Прошёл мимо замка, что мёртв и покинут,
Ворот, что рассыпались, башен, что пали.
За замком был сад, в изобилье плодовом,
Плоды устилали собою всю землю,
И некому было поднять и собрать их.
Я юн был и глуп был, я был безрассуден,
Я яблоко взял и вкусил его сладость.
И пели вокруг меня дивные птицы,
И воды плескались в размеренном ритме,
Сквозь лес меня звал сей напев в сад укромный,
В высоких стенах, за закрытою дверью.
Сквозь щели ворот мне видны были розы,
И маки, и дева, что с песней рвала их
И голос её был речным и был птичьим,
Слова же той песни горчили тоскою:
«О, куда ты ушёл, на кого нас покинул?
Жесткосердный, нас бросил и предал, и сгинул.
Ты обманул нас, обеты и клятвы нарушив,
Имя твоё, как проклятье, останется в душах».
Я звал эту деву — она не слыхала.
Я честью поклялся, что зла не замыслю,
Любимый покинул прекрасную деву,
Я жаждал любить её, оберегая.
Пусть стены высоки — они одолимы,
Мне под ноги древо подставило ветви,
Я встал меж шипов ежевичных свирепых
И снова позвал, но не слышал ответа.
В саду не цвело ни единого мака,
Земля заросла только тёрном бесплодным.
Здесь не было девы, здесь только гнездилось
Одно одиночество вкупе со скорбью,
И тут я запел, как вернувшийся рыцарь:
«О, зачем ты ушла, отчего не дождалась?
Долг позвал меня прочь, и тропа затерялась.
Я оставил тебе своё имя, ты украла его, как вор.
Я оставил тебе любовь, ты её обрекла на позор».

Джулианна ждала ещё одного куплета, завершения, ответа на страшные обвинения песни, однако раздался только всхлипывающий звук струн, приглушённых ладонью музыканта. Менестрель склонил голову и умолк.

Джулианна снова посмотрела на Элизанду и увидела, что глаза подруги поблёскивают. Она так и не поняла, что это — гнев

или слезы.

Негромкое бормотание в толпе только подчёркивало тишину. На этот раз аплодисментов не было — да Радель и не ждал их. Через минуту он поднял голову — не слезу ли заметила Джулианна на его щеке, над тёмной бородой? — и вновь опустил руку на струны.

На этот раз он запел балладу, старую историю о двух братьях, которые любили друг друга, но честь заставила их биться между собой, пока оба не пали бездыханными. Про себя Джулианна порадовалась, что у Элизанды есть время прийти в себя. Но этот человек, Радель, был сущим дьяволом по части выбора песен — или же дьявол затаился тут в камине: Джулианна заметила, что д'Эскриве побледнел и застыл, остановив на менестреле взгляд глаз, казавшихся сейчас бездонными ямами. Стоявшему позади него Маррону тоже было неуютно, он то смотрел на хозяина, то отводил глаза. Джулианна с трудом могла вздохнуть; больше всего ей хотелось схватить Элизанду за руку, выскочить из зала и убежать подальше от этих непонятных тайн.

Однако это было невозможно — её положение не позволяло подобных выходок. Тогда Джулианна взяла опустевший кубок и легонько постучала им по столу, привлекая внимание Маррона. Юноша сразу заметил движение и пошёл вокруг стола, заново наполняя все кубки. Что ж, по крайней мере он отвлёк внимание сидевших в камине. Краем глаза Джулианна заметила, что д'Эскриве сделал глубокий медленный вдох и слегка тряхнул головой, словно отгоняя какие-то невысказанные мысли.

Песня окончилась смертью и позором, сломанным мечом и человеком, обречённым на скитания и утрату имени. Не успел последний отзвук песни замереть под сводами зала, как Радель запел что-то героическое, подстраиваясь под вкус аудитории. Ему снова начал подпевать хор. Д'Эскриве не пел, но Джулианна явственно ощутила, как напряжённость покидает и рыцаря, и Элизанду, сменяясь облегчением; впрочем, Элизанда все ещё казалась напряжённой и держалась настороже.

«Сегодня она ответит на мои вопросы, — сердито подумала Джулианна. — Захочет она того или нет…»

И Элизанда в самом деле ответила Джулианне — правда, не на все вопросы. Когда менестрель во второй раз попросил отдыха для перетруженного горла, Джулианна ухватилась за возможность удалиться, и Элизанда поддержала эту идею. Д'Эскриве отправил клюющего носом Маррона спать и сам проводил девушек до комнаты. Раздеваясь и помогая раздеться Элизанде, Джулианна забросала подругу вопросами, и та отвечала ей — как ни мало пользы было от этих ответов.

— Ты ведь знаешь этого певца, да?

— Раделя? Да.

— А он знает тебя.

— Да.

— Откуда?

— Ах, Джулианна, да его все знают!

— А сьер Антон не знает.

— Ну, может быть. По крайней мере по имени не знает. Но человек с такой судьбой, как у сьера Антона…

— Какой такой судьбой?

— Ты что, ничего о нём не знаешь? Ты же говорила, что отец заставил тебя выучить все родословные в Королевстве!

— Ну, заставил… Я знаю, кто такой граф д'Эскриве, но мне ничего не известно о сьере Антоне. А что с ним такое?

— Спроси его лучше сама.

— Ладно, но он ведь ничего мне не рассказывал…

— Наверное, просто потому, что ты не спрашивала. Спроси его, с чего он вдруг вступил в Орден. Вы так подружились, что он всё тебе расскажет. Он не делает тайны из своего позора.

Разве они подружились? Может быть, хотя и не так крепко, как намекала Элизанда. Джулианне нравился рыцарь, он заинтересовал её — так же как и она его, в этом Джулианна была уверена. Но она подозревала, что Элизанда напрашивается на ссору, чтобы избавиться от дальнейших вопросов.

— Может быть, я так и сделаю. А откуда ты знаешь Раделя?

— Я знаю его очень давно. Всю жизнь. — Это было сказано довольно сердито. — Он не всегда был менестрелем.

— А кем ещё?

— А кем бы ты хотела, чтобы он был?

— Для начала человеком, который прямо отвечает на вопросы. Эта его песня, «La Chanson de Cireille»…

— Ну и что?

— Я бы решила, что это просто меланхолическая пасторелла, но она была спета специально для тебя. Странная песня, незаконченная — но не более того. Но она разозлила тебя и довела до слёз. Почему?

— Не будь там меня, — хрипло отозвалась Элизанда, — он и не подумал бы её петь. Я не хотела слышать её, и поэтому он её и спел. Это меня рассердило. Мне всегда грустно от этой песни, поэтому я и расплакалась. И вообще я бы с радостью не слышала её ещё сто лет!

— Что она означает?

— Что люди уходят, когда им этого не следует делать.

— Элизанда, кто этот человек?

— Как видишь, сейчас его зовут Радель. У него есть и другие имена. Он странник, бросил дом. Был солдатом, земледельцем, магом, торговцем, вестником… много ещё кем. А теперь вот менестрель — — это у него тоже неплохо получается.

«А кто такая ты?» — хотелось спросить Джулианне, но она уже задавала этот вопрос Элизанде, когда та была в более спокойном настроении, и не получила удовлетворительного ответа. Лезть с этим вопросом сейчас означало бы сотрясать воздух впустую.

— Ну-ну. И что же стоит между вами?

— Жизнь, — вздохнула Элизанда. — И смерть, — горько добавила она. — Этого не прощают. Этим вечером он поступил как трус, он не должен был делать того, что сделал. — Элизанда бросилась на постель и поспешно попросила: — Джулианна, не надо больше вопросов. Я так хочу спать…

Джулианна не стала больше расспрашивать подругу, но так и не уснула и подозревала, что Элизанду тоже мучает бессонница. Она лежала, прислушиваясь к горькому молчанию подруги, и чувствовала, что попала в ловушку, в лабиринт тайн, где любой ответ приводит к новым вопросам. Впервые в жизни она горько пожалела о том, что не сможет проспать эту ночь в одиночестве.

Они крались тенями у подножия одной большой тени. Весь свой путь они прошли только для того, чтобы попасть сюда и убивать. Протянув руку, Джемаль мог коснуться скалы, ощутить под пальцами её холодную зернистую и влажную поверхность, хотя до выпадения росы оставалось ещё несколько часов — она появляется перед рассветом. Откинув голову, Джемаль видел небо, полускрытое огромным утёсом с массивной крепостью на вершине. Крепость, впрочем, видна не была. Джемаль с товарищами долго наблюдали за ней из укрытия и уже поняли, что она стоит на самом краю крутого обрыва.

Внезапно рядом с Джемалем встал Джезра; он потянулся, положил руки на камень и легко и проворно полез вверх. Не успел Джемаль сосчитать до пяти, как ноги Джезры оказались выше его роста — юноша успел подняться из засады. Их товарищи тоже полезли вверх, пробуя свои силы, — чёрные тени на чёрном.

— Ты далеко? — шёпотом спросил Джемаль. Сверху раздался негромкий смешок, и друг спрыгнул наземь.

— Мы сможем влезть наверх, — сказал он. — Даже если не будет ни луны, ни звёзд. Мы залезем и получим их в награду.

— С оружием, — спросил голос позади них, — и в тишине?

Они быстро повернулись и увидели стоявшего позади Хасана.

— Да — и ещё раз да, — ответил Джезра.

— Хорошо. Но когда час настанет, вам придётся прикусить языки. Даже если кто-нибудь сорвётся, он не должен выдать нас криком.

Они кивнули. Сказанного было достаточно. Лучше уж прикусить язык, чем получить кляп в горло.

— Мы можем влезть на скалу, — медленно сказал Джемаль, — там есть за что ухватиться. Вот на обрыве придётся сложнее.

— На обрыве, — сказал Хасан, — нас будет ждать помощь. Не этой ночью и не следующей, но, когда мы окажемся наверху, помощь мы получим. — Его взгляд заскользил все выше и выше, к невидимой крепости. — Если мы возьмём её, — пробормотал он, — мы сможем защищаться, и они уже не будут чувствовать себя свободно на наших землях. И более того: они просто не знают цены тому, что имеют. Крепость сильна, но это не так уж важно. Если мы возьмём Рок, мы получим Башню; тогда, если будет нужно, к нашему народу вновь придёт на помощь Ходячий Мертвец.

— Неужели ты пойдёшь на это? — выдохнул Джемаль.

— Если будет нужно, — повторил Хасан.

«Не тебе, — хотел сказать Джемаль. — Тебе достаточно того, что есть в тебе самом». Но Хасан уже повернулся и уходил прочь, обходя камни и перебрасываясь короткими словами фраз с другими членами отряда, людьми из разных племён. Джемаль готов был последовать за ним по пятам, словно собака, но его удержала гордость.

Порыв прошёл, укол потери канул в небытие. Джезра тронул его за руку, не говоря ни слова; пальцы коснулись запястья, где билась кровь, а потом костяшки пальцев стукнули о костяшки. «Кого люблю, за того и дерусь».

Джемаль повернул руку и ответил тем же — костяшки о костяшки, пальцы на запястье. «За кого дерусь, того и люблю».

9. БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

Фра Пиет решил, что Маррон нарочно изобразил сначала обморок на дороге, а потом дурноту, сделав это, чтобы избежать работы, получить мясного бульона, выспаться в лазарете и отдыхать весь следующий день.

Нет, прямо исповедник этого не говорил. Он сказал только:

— Не думал я, что ты так слаб, фра Маррон. И глуп к тому же.

Однако Маррон прекрасно понял, что имелось в виду. Зато Олдо ухватился за эту мысль и сказал как бы про себя, но так, чтобы Маррон слышал:

— Брат, который боится дисциплины, струсит и в бою. Ему нельзя доверять. И брату, который развлекается, вместо того чтобы делить труды со своим отрядом, тоже нет веры…

Это была неправда, ни слова правды, но всё же Олдо сказал то, что сказал. Маррон изо всех сил сжал зубы, чтобы не закричать, не заплакать, не броситься доказывать свою невиновность; ему пришлось спрятать кулаки в карманы рясы, чтобы не избить обвинителя. После этого он наверняка угодил бы в подземелье. «Там ты поостынешь, брат, — почти слышал он хриплый голос фра Пиета — у тебя будет время осознать все свои многочисленные грехи — это тебе полезно. А потом, брат, получишь порку — она будет полезнее всего…»

Избить или ранить монаха, тем самым ослабив Воинствующую Церковь, считалось едва ли не самым серьёзным проступком для члена Ордена. Соответственно, и наказание за это полагалось самое суровое. Маррон вспомнил, как однажды, в аббатстве, где они изучали правила Ордена, он спросил: не хуже ли будет, если из-за тяжкого наказания в лазарете окажутся два монаха вместо одного? Отец настоятель тогда улыбнулся, покачал головой и сказал, что такой несдержанный монах будет ослаблять Орден каждый день одним своим присутствием. Он должен научиться существовать в мире со своими братьями и наставниками, а для этого ему придётся покаяться перед алтарем Господним, и знаком покаяния станут шрамы на его коже.

Никакой драки, сказал себе Маррон. После молитвы он вместе со всем отрядом послушно отправился в трапезную, всю дорогу терпя разные издёвки и оскорбления. Вцепившись зубами в ломоть хлеба, отрывая от него куски и баюкая раненую руку на колене, юноша порадовался тому, что в трапезной полагалось хранить молчание. По крайней мере сейчас он был избавлен от ядовитых насмешек братьев.

Несмотря на то что Маррон ел по-волчьи жадно, быстро глотая пищу, доесть он не успел; он всё ещё жевал, когда раздался звон висящего над столом металлического бруска, призывавшего всех встать и вознести благодарственную молитву. Маррон безнадёжно стиснул зубы, задышал носом и взмолился о возможности проглотить то, что было у него во рту, во время уборки в трапезной, оставшись при этом незамеченным.

Однако Господь редко внимал его молитвам, что сегодня, что всегда, — а может быть, он просто считал оскорблением для себя, когда человек глотал еду уже после благодарственной молитвы. Маррон ощутил на себе взгляд фра Пиета, однако не осмелился посмотреть через стол, чтобы удостовериться. Полупрожеванный хлеб лежал у него на языке, однако его было слишком много, чтобы проглотить за один раз. Маррон начал осторожно жевать, жалея, что не может хотя бы на минуту надеть капюшон, и выискивая другой способ спрятать лицо. Однако у него ничего не вышло.

— Брат Маррон! — Это был голос фра Пиета; его призыв Маррон не мог пропустить мимо ушей. Юноша покорно повернулся к исповеднику, чувствуя, что над ним тяготеет злой рок. Пока Маррон шёл вдоль ряда братьев, ему показалось, что Господь наконец услышал его. Локоть Олдо ударил по его раненой руке; Маррон согнулся от боли, но всё же сумел превратить стон в кашель. При этом он поднёс ко рту руку, выплюнул в неё хлеб, сжал пальцы и позволил длинному рукаву рясы скрыть кисть. Потом он невинно встретил взгляд фра Пиета и ответил:

— Повинуюсь, брат.

— Твоё поведение за столом недостойно брата. Следи за собой.

— Повинуюсь, брат.

— Из-за твоей вчерашней глупости ты не сможешь делить с отрядом его труды. Ступай и найди себе занятие, для которого ты подходишь.

— Повинуюсь, брат.

Итак, он был отослан прочь, отделён от братьев — и братья сами прогнали его. Олдо фыркнул, ещё несколько человек пожали плечами… Маррон знал только одно место, где он мог пригодиться, даже будучи однoруким и неумелым.

Возможно, охота и была запрещена в Роке, но всё же некоторые рыцари привезли с собой собак. В малом дворе под комнатами, где жили рыцари и оруженосцы, находилась небольшая псарня, и Маррон не впервые останавливался пожелать её обитателям доброго утра. На этот раз обладатель

длинной морды, которая первой сунулась к руке Маррона, получил награду, если, конечно, полупрожеванный ком хлеба мог считаться таковой. Впрочем, пёс охотно проглотил её и заскулил, тыкаясь носом в руку и прося ещё.

Маррон улыбнулся, потрепал мягкие уши, виновато показал пустую руку и поспешил прочь.

Он поднялся по ступеням, прошёл по коридору и вежливо поскрёбся в запертую дверь, однако ответа не услышал. Он снова постучался, потом открыл дверь и заглянул внутрь.

Комната была пуста. Сьера Антона не было; вместе с ним исчез его меч и доспехи. Маррон почувствовал себя обманутым и никому не нужным. Наверное, рыцарь не думал, что он может появиться, и потому не стал терпеливо дожидаться оруженосца, который то ли придёт, то ли нет. И всё же Маррон вошёл, надеясь найти себе какое-нибудь дело, чтобы потом с чистой совестью ответить фра Пиету на вопрос о том, что он сегодня делал.

Ковры на полу пропылились, но чтобы вынести их на воздух и выбить, одной руки было недостаточно. Оглядевшись в поисках какого-нибудь нетрудного, но полезного занятия, Маррон заметил лежащую на подоконнике книжку. Он уже видел её над самом дне сундука, и любопытство заставило его взять её в руки. Маррону приходилось видеть книги и здесь, и в библиотеке аббатства — там их были сотни, — но он впервые видел книгу, принадлежавшую одному человеку.

Обложка была из простой жёсткой кожи. Наугад открыв книгу и поглядев на заглавие наверху страницы, Маррон понял, что это молитвенник. Он раскрылся на одной из молитв полуденной службы.

Книга была прекрасно сделана, хорошая бумага прочно крепилась к переплёту, но сам текст казался каким-то странным. Буквы шли вкривь и вкось, заголовки были написаны простыми красными чернилами без позолоты, а некоторые строчки выглядели кривовато даже на неискушённый взгляд Маррона.

Его озадачило, что сьер Антон хранил как сокровище — у него было не так много вещей, и каждая была дорога хозяину — так плохо сделанную книжку. Однако, когда Маррон закрывал томик, на глаза ему попалась надпись на титульном листе. Он вновь приподнял обложку и медленно прочёл:

«Сия книга мудрости с любовью преподносится Антону д'Эскриве в его день рождения и сделана мною, Шаролем д'Эскриве, милостью Божией братом Антона».

Маррон не сразу понял, в чём тут дело, но посвящение оказалось написано той же нетвёрдой рукой, что и вся книга. Книга была не просто подарком брата сьера Антона, она была его

творением он сам написал текст, сшил страницы, вырезал кожу и сделал обложку.

Маррон знал азбуку, но помнил, как трудно даётся письмо, даже если надо написать всего четыре строки хотя бы вполовину так же хорошо, как эти. Мысль о переписывании целой книги, всех её страниц, испещрённых словами, заставила его благоговейно вздрогнуть и почтительно задуматься. Обычно перепиской занимались монахи, посвятившие жизнь служению во славу Господа по приказу настоятелей; и даже на переписывание такой небольшой книжечки должен был уйти не один месяц труда. Чтобы сын дворянина сделал это только из любви…

Должно быть, это был тот самый брат, которого убил — или сказал, что убил, — сьер Антон. Тот брат, которому принадлежал меч «Дард», отданный потом Маррону…

Для Маррона это было слишком. Ничего не понимающий юноша захлопнул книгу и услышал шаги и голоса в коридоре за открытой дверью. Он быстро шагнул назад, уже понимая, что это бесполезно, что сьер Антон сейчас войдёт в комнату и застанет Маррона на месте преступления. В последние дни судьба была сурова к юноше, но он не сказал ни слова в свою защиту или в оправдание…

Но он оказался не прав. Это был не сьер Антон, а двое его собратьев-рыцарей. Маррон не пытался подслушать их беседу, но различив имя сьера Антона, он уже не мог не слушать дальше.

— Смотри-ка, у д'Эскриве открыта дверь. Что-то это на него не похоже. Он у себя?

— Нет, — ответил, недобро усмехнувшись, второй рыцарь. — Он наверняка играется где-нибудь в рыцаря и пажа с этим своим молоденьким братцем… А-а, нет…

Два рыцаря в белых облачениях заглянули в комнату и на мгновение застыли. Маррон безмолвно смотрел на них в ответ. Потом рыцари пошли дальше, и юноша расслышал их безудержный смех. Лицо Маррона вспыхнуло, кулаки сжались, ему хотелось схватить меч мёртвого Шароля, броситься им вдогонку, напасть, назвать лжецами, призвать к ответу…

Конечно, он не позволил себе такой опасной глупости. Он стоял, чувствуя, как по спине стекают струйки пота, как корёжит его ненависть — стоял и ждал, пока она не схлынула, а коридор не опустел. Потом он обвёл взглядом комнату, проверяя, не сдвинул ли он чего-нибудь с места, не оставил ли следов своего присутствия, выскользнул наружу, плотно закрыл за собой дверь и поспешил прочь.

Он горел от смущения и ярости и думал лишь об одном: о необходимости найти какую-нибудь работу. «Ступай и найди себе

занятие, для которого ты подходишь», — сказал ему фра Пиет; «Боится дисциплины», — сказал Олдо, имея в виду, что накануне Маррон ловко притворился больным, чтобы избежать наказания. Юноша не мог придумать ничего другого, как снова отправиться на конюшню и попросить у магистра Рауля работу, годную для однорукого. Может быть, тогда исповедник Маррона, его бывший друг и весь остальной отряд поймут, что они не правы…

По крайней мере на конюшне Маррон мог рассчитывать на улыбку, если бы поблизости оказался Мустар. Сейчас, когда Олдо вдруг ополчился на Маррона (юноша до сих пор не понимал этого и, хотя и знал, что Олдо ревнует, не мог поверить), а Олдо и фра Пиет вместе взятые настраивали против него отряд, когда сьер Антон совсем позабыл о своём оруженосце, — сейчас Маррону нужно было, чтобы ему хоть кто-нибудь улыбнулся.

Он готов был бегом бежать ради улыбки — или, может, ради того, чтобы казаться более старательным и усердным и не бояться кары, — но от любого сотрясения его рука болела ничуть не меньше, чем от работы. Сегодня она болела от любого движения. Маррон старался не шевелить ею, придерживал левый локоть здоровой правой рукой, но всё же вздрагивал от боли на каждой попадавшейся ему лестнице, шла ли она вверх или вниз. Может быть, поиски работы на конюшне и не имели смысла — глупо просить дела, которого всё равно не сможешь сделать.

Однако Маррон не мог придумать ничего больше, и желание увидеть, как ему улыбнутся, вело его через весь замок к ярко освещённому конюшенному двору. Однако там его ждал не выговор от магистра Рауля и не широкая улыбка Мустара — нет, в конюшенном дворе юноша увидел менестреля Раделя, ловко вертевшего в воздухе ярко блестевшую сталь. Менестрель стоял с непокрытой головой и жонглировал тремя клинками, которые, холодно поблёскивая, вертелись и крутились над его руками.

Скорее всего менестрель просто упражнялся или вообще убивал время, но, подобно всякому мастеру своего дела, сразу понял, что за ним наблюдают. Он не стал оглядываться и показывать, что заметил Маррона, но вместо этого чуть выпрямился, встал потвёрже, вытащил из-за пояса кинжал — четвёртый клинок — и послал его в блестящий круг у себя над головой. Управляться с таким количеством ножей наверняка было нелегко, но Радель, казалось, не испытывал ни малейших трудностей; ножи сами падали в его ладонь рукоятью вниз и подскакивали вверх не иначе как по собственной воле.

У Маррона захватило дух. Он уставился на менестреля, позабыв обо всём на свете. Через минуту Радель добавил в кольцо сверкающей стали ещё один нож, но этого оказалось слишком

много даже для менестреля. В какой-то момент его руки сбились с ритма, он переступил на месте, и вскоре два ножа вылетели из круга и зазвенели на камнях. Один из них упал прямо под ноги Маррону.

Радель коротко засмеялся, поймал три оставшихся ножа и наклонился за тем, который лежал ближе к нему. Тут он наконец оглянулся, кивнул Маррону и сказал:

— Не передашь мне нож, брат?

Позабыв обо всём, Маррон наклонился и потянулся за ножом. Резкое движение разбередило рану, и юноша задохнулся от боли. Радель услышал его вздох.

— Погоди, тебе плохо? — донеслось до Маррона, но юноша всё же довёл движение до конца и поднял нож.

— Немного, мессир, — не вполне искренне ответил Маррон: рука горела адски. Радель уже оказался рядом, взял нож из его рук, посмотрел на Маррона и нахмурился.

— Ты же тот парень, которого я видел вчера с повозкой!

— Да, мессир.

— Извини меня за тот случай. Я должен был уступить вам дорогу. Брат, у которого есть свободная минута, чтобы посмотреть на мои забавы. Я должен был догадаться. Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, мессир, спасибо.

— Хм-м… Что-то мне кажется, что ты нездоров. Ты выглядишь… нет, не просто слабым — больным. Словно твоё лицо нарисовано плохим подмастерьем, который ещё толком не научился смешивать краски. Болит рука?

— Нет, мессир, только ноет немного.

— Ага, так ноет, что тебе приходится её придерживать. Дай-ка я сделаю тебе повязку. Подбери-ка рясу на минутку.

— Мессир…

— Не спорь, парень. Я тебе помогу, одной рукой наверняка неудобно… Как тебя зовут?

— Маррон.

— Отлично. Это ведь ты вчера вечером прислуживал в зале дамам? Я бы сказал, что тебе не мешало бы поспать. Кажется, ты был там единственным монахом…

— Да, мессир. Я… я служу сьеру Антону, у него нет оруженосца, а дамы были его гостьями, и я…

— И тебе не дали выспаться в лазарете только для того, чтобы ты разливал им вино? Да, это похоже на д'Эскриве… Так, смотри, я тебе затяну повязку вокруг запястья достаточно сильно, но ты всё же сможешь снимать её здоровой рукой. А из остатка я сделаю тебе петлю вокруг шеи, и твоя рука будет спокойно

лежать в повязке, чтобы тебе не приходилось всё время её придерживать. Удобно?

— Э-э, да…

— Прекрасно. Теперь опускаем обратно рясу — нет, стой смирно, я сам — и твоя раненая рука оказывается под ней, так что ты не сможешь воспользоваться ею, даже если вдруг захочешь. Что ты собираешься делать сегодня?

— Я… я не знаю точно, мессир…

«Ступай и найди себе занятие, для которого ты подходишь». Сейчас стало ясно, что ни для какой работы он не пригоден.

— Не побудешь ли ты моим проводником, Маррон? Этот замок меня вконец запутал. Мне сказали, что внизу есть деревня, но с дороги я её не видел…

— Да, сьер, деревня там есть. Надо только обогнуть утёс с юга, а там уже есть тропа.

— Вот и хорошо, покажи мне заодно и её. Но начнём мы, пожалуй, с самого замка. По крайней мере у тебя будет хоть какое-нибудь занятие. Я знаю, что праздность в Ордене не поощряется.

— Да, мессир.

Заручившись согласием Маррона, менестрель нагнулся к лежавшей у его ног яркой кожаной суме и сунул туда ножи.

Потом он выпрямился, держа суму за длинный ремень; однако не успел он надеть её на плечо, как Маррон выхватил ремень у него из пальцев.

— Э-э…

— Вы такой же гость Ордена, мессир, как и дамы. Я буду рад служить вам… — вам тоже, а почему бы и нет? Кому я только не служил последнее время! — но вам придётся позволить мне нести вашу сумку.

— Что ж, спасибо, фра Маррон. Забирай. Сдаётся мне, другие монахи Ордена не стали бы сравнивать человека моей профессии с благородными дамами. Ты странный человек, брат.

Маррон промолчал. Радель негромко рассмеялся, как бы давая понять, что это не насмешка, а чистая правда.

— Что, за живое задело? Ну, извини, брат. Такая жизнь не для всех. Придётся тебе приспособиться к ней — это не так уж сложно. Об этом мы ещё поговорим. А сейчас не покажешь ли ты мне все закоулки этой крепости? Я обожаю старину, а кое-какие места здесь должны быть по-настоящему древними.

— Хорошо, мессир. Но я сам здесь недавно и не все знаю…

— Что ж, то, чего ты не знаешь, мы увидим вместе. Веди же, фра Маррон! Веди меня, куда должно, а я покорно последую за тобой.

Маррону показалось, что на самом деле не он ведёт Раделя, а Радель — его, хотя менестрель в основном задавал вопросы вроде «Что там внизу, куда мы так придём?» или «Как попасть вон туда, наверх?»

Впрочем, Радель не ограничивался топографическими вопросами. Его любопытство было огромно и намного превышало познания Маррона: сколько монахов и сколько рыцарей сейчас в замке; кто из них живёт здесь постоянно, а кого могут отослать в экспедицию и куда; насколько безопасен север, где нет дорог, и насколько далеко к северу уходят патрули Ордена.

Маррон едва ли мог ответить на все эти вопросы, и ему сделалось очень неуютно. Ему хотелось в свою очередь задать один-единственный вопрос: почему менестреля так интересуют подобные вещи, однако Радель был гостем, а сам Маррон — всего лишь проводником, и отвечать вопросом на вопрос было бы невежливо.

— Спросите у старших, мессир, — только и мог ответить он. Интересно, а не следует ли в свою очередь сообщить обо всех этих расспросах одному из магистров? Но Маррон не был знаком ни с кем из них, кроме магистра Рауля, а этот и слушать не стал бы, и фра Пиет тоже, в этом юноша был уверен. Вот разве что сьер Антон — но, в конце концов, менестрелем двигало любопытство, может быть, все гости Рока задают такие вопросы…

Маррон почувствовал облегчение, когда Радель стал задавать вопросы о нём самом. Почему Маррон решил отправиться в Святую Землю, почему он принёс обет Ордену, почему просто не приехал в качестве поселенца и не начал обрабатывать землю? В ответ Маррон пробормотал что-то об имени своего отца, а потом промямлил ещё несколько слов; былая уверенность покинула его, и он не сумел объяснить, как так вышло, что он надел рясу.

Чем больше вопросов задавал Радель, тем хуже отвечал Маррон. Он запинался, жестикулировал одной рукой, пытался отвлечь внимание менестреля — к этому времени они оказались на кухне, и если огромные котлы с луком и морковью были неинтересны менестрелю, он вполне мог бы заинтересоваться огромными хлебными печами, — однако тут увидел чудо или по крайней мере то, что показалось чудом.

Он увидел компаньонку госпожи Джулианны, Элизанду. Она, вероятно, выполняла какое-то поручение госпожи — а может, её отпустили — и она просто гуляла. В общем, она была здесь и беззаботно приподнимала вуаль, откусывая яблоко. Маррон увидел, как она слизнула с губ яблочный сок, и у юноши прямо-таки слюнки потекли. Тут Элизанда повернула голову, и их глаза встретились.

Маррон поклонился, отчасти отдавая дань хорошим манерам, а отчасти — чтобы скрыть улыбку. Выпрямившись, он увидел, что Элизанда уставилась на его спутника, прямо-таки прожигая его глазами; посмотрев на Раделя, Маррон заметил, что тот ответил ей холодным пристальным взглядом. Юноша ничего не понял. Ну, не понравилось ей его выступление, но зачем так-то?..

— Э-э… мессир, госпожа… — Он не знал, в каком порядке представляют людей друг другу и превосходит ли компаньонка дворянки по положению менестреля, который вдвое старше её.

— Всё в порядке, Маррон, — негромко сказал Радель. — Мы с Элизандой старые друзья.

Друзьями их назвать было трудно. Даже сквозь вуаль Маррон увидел, как дёрнулось при этих словах лицо Элизанды. Откинув вуаль, она яростно вгрызлась в яблоко; а потом, жуя, ответила так, что Маррон ужасно удивился — за такой ответ наверняка можно было бы схлопотать выговор от тётушки или подзатыльник от дядюшки, — а тон её при этом был самым что ни на есть странным, некоей смесью яда и презрения. Девушка ответила:

— О да, он пишет песни о мёртвых, и это глубоко трогает нас обоих.

— Я рад, что вас что-то трогает, мадемуазель, — негромко ответил Радель, хотя Маррон почувствовал, как напрягся менестрель. — Могу лишь сожалеть, что розга отца слишком мало трогала вас в детстве.

Элизанда не поправила вуаль, и видны были выступившие скулы. Она совсем побелела при первых словах Раделя; второе его замечание заставило её вспыхнуть ярко-алым цветом, словно угли, которые выгребал из печи за её спиной один из братьев. Маррон смотрел на него, чтобы не разглядывать Элизанду; никогда ещё он не видел такого медлительного и молчаливого работника.

— Ты не имеешь права, — прошипела она, — не имеешь права на такие слова! Кто бы другой, но ты!..

— Возможно, — без тени сожаления отозвался менестрель. — Не стоит затевать спор о том, что между нами определяется правом, что долгом, что ещё чем-нибудь. Уже слишком поздно.

— И давно уже было поздно, — горько добавила она. Потом, словно очнувшись, сказала: — Прости, Маррон. Не надо было устраивать эту сцену на твоих глазах.

Не успел юноша возразить, как она развернулась и проскользнула мимо стоявшего у печи брата, заставив того оглянуться с любопытством, которое он до сих пор ухитрялся скрывать. Впрочем, удивлённый взгляд заслужила не только Элизанда: когда она исчезла, Радель ещё долго стоял молча.

Когда он наконец заговорил, вопрос был совсем о другом.

— А куда ведёт этот проход? — спросил он и тут же направился к спрятанной за печами двери. Маррон едва успел собраться с мыслями и бросился за ним.

— Э-э… в кельи кающихся, мессир. Наверное, вам не следовало бы…

Он не успел остановить менестреля. Радель уже поставил ногу на ступени и стал спускаться в темноту. Маррон сделал глубокий вдох и пошёл следом.

Они прошли половину лестницы, когда снизу раздался все усиливающийся звук — стон, переходящий в вой. Маррон застыл, волосы у него встали дыбом; мгновение спустя он услышал ровный голос шедшего на пару ступенек впереди Раделя:

— Ты был прав, брат Маррон, не следовало нам сюда ходить. Давай-ка двинем наверх, на солнышко.

Радель не стал останавливаться, даже когда страшная лестница осталась позади, а шум кухни заглушил всё, что могло исходить из подземелья. Он шагал вперёд, ведя своего нерешительного проводника. Оглядевшись, он попросил:

— Теперь проводи меня в деревню, Маррон, если тебе не трудно.

— Это очень просто, мессир. Просто поверните налево у подножия скалы и идите по тропе. Вам не нужен…

— Пусть так. Но, Маррон, если тебе не трудно…

— Да, мессир.

Конечно, ему было не трудно после такого приказа; к тому же Маррон рад был бы убраться из замка на час-другой. Никогда ещё эти стены не казались ему столь высокими, камни столь толстыми, а коридоры — столь тёмными. Он всё ещё слышал эхо крика, звучавшего у него в голове, и думал о том, что этот крик свёл вместе монаха и менестреля.

* * *

Радель был мрачен и хранил молчание всё время, пока они спускались по извивающейся тропе. Он ничем не напоминал вчерашнего менестреля или любопытного гостя, каким был час назад. В том месте, где дорога расходилась, он остановился, опёрся на нависавшую скалу и сильно встряхнул головой. Потом он запрокинул лицо, медленно вдохнул и выдохнул и произнёс:

— Смотри, там сокол. Видишь? Маррон поднял глаза к бледному небу.

— Где, мессир?

— Вон там, — показал менестрель. — Неужели не видишь? У тебя глаза моложе моих…

Через мгновение Маррон наконец увидел висевшую высоко над ними точку. Палец Раделя следовал за птицей, чертившей в воздухе не оставляющие следа круги — ни один охотник не сумел бы попасть в неё; потом менестрель коротко засмеялся, хлопнул Маррона по плечу и легко подтолкнул его на тропу.

Маррону показалось, будто, сменив скальную тропу на пыльную дорогу, его спутник сменил и настроение. А может, его душа освободилась, увидев свободную птицу, Радель то и дело тыкал пальцем в птиц, взлетавших над низкими сухими колючками, называл их и подражал их свисту. Он замечал ярких бабочек на терновнике и даже показал Маррону след проползшей змеи.

Маррон ощутил свободу и, словно бы и не было многих лет и путешествия в Святую Землю, ощутил себя мальчиком, гуляющим с дядей по щедрой земле. Он вспомнил запах земли после дождя, стрекот кузнечиков на залитом солнцем лугу, убаюкивающее спокойствие во взрослом голосе, с бесконечным терпением отвечающем на детские вопросы.

Однако дядя Маррона был человеком простым, он не видел того, что видел мальчик, он мог ответить на любой вопрос, но не чувствовал очарования природы. Маррон почти сразу же отогнал эти мысли, не желая укрываться в них от действительности — жары, пыли и мудрости человека, видевшего жизнь даже в камне.

Маррон подумал о камнях и о том, что таится под ними — маленькие смертельные создания, скорпионы, которым их камень кажется крепостью. А настоящая крепость все ещё нависала над путниками, и в недрах этой крепости был человек, кричавший все утро, но не получивший помощи, — каким же маленьким и беспомощным должен был он себя чувствовать, как безжалостны были его мучители…

Но тут Маррон снова отбросил эти мысли и постарался думать о другом. Крохотные, смертельные твари, спрятавшиеся под камнем скалы: он вздрогнул от повеявшего на него холода — там не было солнца, но его свет был желанным, он горел в памяти, словно заклинание, словно огонёк, смертельный огонёк…

— Мессир…

Радель осторожно положил камень на место, не потревожив жившего под ним скорпиона, чей укус был смертелен, выпрямился и спросил:

— Маррон, не нарушишь ли ты Устав, если будешь называть меня по имени?

Юноша уже начал привыкать к тому, что его озадачивают все

кому не лень по любому случаю. Впрочем, на этот раз у него была зацепка, и он схватился за неё, хотя и не был уверен в том, что именно имелось в виду.

Подобно всем — ну, почти всем — братьям, он знал Устав наизусть, с начала и до конца. Выучить его было первой обязанностью каждого новичка; к тому же Устав каждую неделю читали в трапезной. Маррон помнил текст Устава, но больше не знал о нём ничего. Он не мог найти ни единого намёка или указания на то, как следует поступать в его случае. В Уставе много говорилось об уважении и послушании, о воздавании почестей тогда, когда это необходимо; но Устав умалчивал о том, как следует обращаться к человеку старше тебя, не принадлежащему к Ордену, не имеющему дворянского или какого-нибудь другого титула, известного Маррону или упомянутого в уставе…

— Я не знаю, мессир, — только и сказал он.

— Не знаешь? А я-то думал, что братья знают Устав назубок!

— Да, мессир. Я вам расскажу, — осмелел Маррон, — а вы судите сами. «Сын мой, слушай наставления своего магистра и открой для них сердце своё. Принимай и исполняй совет любящего отца твоего, дабы путём трудов и послушания вернуться к Тому, Кого ты покинул, совершив грех неповиновения. К тебе, где бы ты ни был, обращены слова мои, дабы ты, отринув собственные желания, овладел истинным оружием послушания, дабы сражаться за истинного Короля, нашего Господина…»

— Хватит, довольно! — засмеялся Радель, зажав рот Маррона широкой ладонью, чтобы остановить поток слов. — Я тебя понял, парень. Мне доводилось слышать Устав и раньше, со всем его благочестием и суровостью, и я не хочу слушать это ещё раз. Давай решим, что он не запрещает тебе звать меня Раделем, начиная с этого момента.

— Мессир…

— А, так ты думаешь, что безопаснее вести себя по-прежнему, боишься, что, раз Устав запрещает слишком многое, он может запретить и это? Так оно и есть, я могу прочитать мысли юноши. Вот девичья голова для меня закрытая книга. — На мгновение лицо его омрачилось, словно туча набежала на солнце; судя по его мрачному виду, он вновь вспомнил о ярости, которую разбудила в нём Элизанда. — Давай-ка разберёмся. В этом кратчайшем из введений ты два или три раза помянул послушание, так? И в остальном тексте оно встречается ещё не раз и не два. Что, если я прикажу тебе подчиниться, поверить, что Устав не запрещает, но обязывает тебя следовать моим

пожеланиям? Как тогда?

— Мессир, гости для нас святы, но…

— Вот и прекрасно. Тогда зови меня Радель, не то я отошлю тебя к твоему исповеднику и попрошу, чтобы он задал тебе трёпку. — Даже столь мимолётное упоминание фра Пиета, пусть сделанное по неведению, заставило Маррона вздрогнуть. Если Радель и заметил это, он промолчал. — Ну, так ты хотел задать вопрос?

— Разве?

— Ну да. Мы смотрели на скорпиона…

— Ах да. Э-э… — он почти собрался сказать «мессир», но быстро поправился, изобразив мычание и пытаясь сформулировать вопрос, несмотря на кашу в голове, — вы когда-нибудь видели настоящую магию?

— Видел? Маррон, друг мой, я ведь бродячий менестрель. Ты слышал, как я зарабатывал себе ужин пением, но у меня есть и другие таланты, которыми я тоже могу подзаработать. Я могу колдовать. Вот, смотри…

Он нагнулся и поднял с тропинки три камушка — круглых, гладких, размером с яйцо. Радель взял два камушка в одну руку, третий в другую и откинул рукава, показав обнажённые жилистые запястья. Потом он подкинул камушки в воздух и начал жонглировать ими.

И всё же это была не магия, а простая ловкость рук. Маррон видел жонглёров с детства на каждой ярмарке, на какую ни попадал. Ему случалось видеть людей, жонглирующих четырьмя-пятью факелами одновременно. Утром Радель на его глазах делал большее — жонглировал четырьмя, а в какую-то секунду даже пятью ножами, при этом даже не оцарапавшись. Юноша подавил растущее раздражение и смотрел, но не смог уловить момента, когда камушки превратились в настоящие зеленоватые утиные яйца, каждое вдвое больше самого камушка. Он даже не понял, когда Радель успел разбить их — внезапно яйца распались в воздухе с птичьей песней и ливнем серебристой блестящей пыльцы, похожей на ту, что покрывает крылья бабочки. На мгновение Маррон увидел птиц и бабочек, разлетающихся из скорлупы, однако тут яйца упали в осторожные руки Раделя и превратились в яркие шёлковые платки, лежащие поперёк застывших ладоней менестреля.

Радель рассмеялся и набросил шарфы на шею Маррону. Прикосновение шелка к коже оказалось мягче прикосновения детских пальцев и было совсем не похоже на грубую шерсть рясы. Маррону понадобилась не одна секунда, чтобы заставить себя снять их. Шелка и яркая одежда наверняка были запрещены

Уставом — тут он ни капельки не сомневался.

Маррон молча и насторожённо взял шарфы в руки; однако Радель только рассмеялся и сказал:

— Положи их в сумку, если боишься носить открыто. Маррон повиновался, однако упрямо заметил:

— Я имел в виду не фокусы и не ярмарочные трюки. Я говорил о настоящей магии и о настоящих чудесах…

— Слушай, парень. — Радель снова был спокоен, по крайней мере внешне, хотя в глазах у него все ещё поблёскивал смех. — Я всю жизнь прожил в этой стране, по которой однажды прошёл ваш Господь — да и не только он. Я целый год прожил в Аскариэле. Думаешь, я не видел чудес? Да мне случалось видеть исполненных сил джиннов и прочих тварей — между прочим, не таких спокойных и куда более кровожадных в отношении человека.

Похоже, об этом Раделю не слишком хотелось говорить, и он быстро зашагал дальше по тропе. Маррон молча шёл следом, и Радель, обернувшись, спросил у него:

— Ну, что ты видел?

Маррон не знал, сказать или промолчать. Увиденное в холодном сыром подземелье замка могло оказаться секретом Ордена, и потому юноша молчал. Радель зашёл с другой стороны:

— Тебе показывали Королевское Око? А, да наверняка показывали, им они встречают всех новичков. Так вот, гони мысли о нём прочь. Им только этого и надо — напугать тебя, ну, может, ещё и вдохновить, но в первую очередь напугать.

Королевское Око действительно напугало Маррона. Да, оно же и вдохновило его, но благоговение и ужас стояли слишком близко и пугались между собой. А сейчас все касавшееся Ордена заставляло Маррона вздрагивать, словно в разгар жары он чувствовал прикосновение ледяной руки.

Маррон вздохнул, словно ужаснувшись собственной дерзости, и потом всё же спросил:

— А вы видели его, мессир?

— По-моему, ты должен звать меня по имени.

— Прошу прощения, мессир. То есть Ра… Радель. Но… — Тут Маррон торопливо заговорил в порыве откровения: — Я не уверен, что смогу, и не уверен, что мне это можно, и точно знаю, что фра Пиет скажет, что я поступил неправильно, и наложит на меня наказание, если я расскажу ему, что звал вас по имени. А иначе я солгу на исповеди, этот грех ляжет на мою совесть и будет мучить меня…

— Господи Боже мой, да что они делают с такими, как ты! Нет-нет, не отвечай, я сам знаю, что они делают. Насмотрелся.

Ладно, зови меня как хочешь. Эх, спросил бы я тебя, кто я есть и чем заслужил такое почтение со стороны столь ревностного верующего, как ты, но ответ мне уже известен. Я всего лишь бродячий фокусник, певец и мастер рассказывать глупые сказки. Правильно? А ты готов оказывать почести даже босоногому нищему и так никогда и не поймёшь, сколько чести это делает тебе. А вот магистры это понимают. Впрочем, сейчас меня больше волнует эта ваша необходимость исповедаться. Ты что, не можешь понять, каково это — хранить секреты? Вспомни детство, Маррон! Бьюсь об заклад, тогда тебя не беспокоили такие вещи!

Маррон помнил детство, но сейчас воспоминания доставляли ему боль, потому что все детские секреты были связаны для него с Олдо. Маррон решительно отбросил эти мысли и задумался о другом секрете, а может, и не секрете — том, что был связан с менестрелем.

— Мессир, а вы видели Королевское Око?

— Да, но, наверное, не так, как ты. Вас небось приводят в какое-нибудь тёмное подземелье и показывают спрятанное там светлое чудо. Так вот, могу заверить тебя, что оно ничуть не менее ярко сияет и при свете дня, в шуме, страхе и пылу боя…

Маррону показалось, что Радель ничего больше не расскажет ему и придётся довольствоваться этим обрывком скользнувшей мимо тайны. Однако менестрель вздохнул, горестно покачал головой, не то думая о прошлом, не то сожалея о людской глупости, и продолжал:

— Я сражался при Лёсс-Арвоне. Это было двадцать лет назад. Тогда все мои песни и всё, что я умел, было связано с войной. Я служил у герцога, у Крошки-Герцога, ты наверняка слышал про него множество баек. Так вот, я участвовал в некоторых из описанных там событий.

Время было тяжёлое. Шарайцы штурмовали восточные горы; в обоих лагерях царили насилие и бесчестье. То тут, то там случались партизанские нападения, замки переходили из рук в руки. Пленников, разумеется, убивали — так тогда было принято.

Герцог сам вёл свою армию до конца, когда уже казалось, что он вот-вот захватит новые земли. Он отбросил шарайцев назад, однако слишком увлёкся преследованием — он вообще был человек увлекающийся. Ну и, понятно, позади осталось множество людей — пехота ведь не может тягаться с кавалерией на марше. Что до меня, я всегда подозревал, что кто-то из семьи герцога взялся за дело и завёл нас в беду. Очень уж многие из подданных герцога считали, что его владениям будет гораздо лучше, если их возьмёт в руки человек помоложе и поспокойнее.

Ладно, это к делу не относится. В общем, нас оставалось

меньше двух сотен, когда до герцога вдруг дошло, что мы оторвались от своих. Мы слишком углубились в землю, ставшую предметом раздоров, заблудились и в довершение всего были окружены врагами. Мы не видели, где собираются шарайцы, но точно знали, что они своего не упустят. Такая у них была тактика — напасть, нанести удар, отступить, а потом снова напасть. Запомни на всякий случай. Шарайцы — сущие черти по части верховой езды, и лошади у них небольшие, но отличных статей, скачут со скоростью ветра, а развернуться могут на пятачке. Это ты тоже запомни.

Одно мы знали точно — нам не вернуться тем путём, которым мы пришли. Мы выслали в ту сторону разведчиков, чтобы проверить, следует ли за нами наша армия; шарайцы вернули нам их изрубленными прямо в сёдлах. Ну и без глаз, языков и прочего. Но разведчики были ещё живы, и нам пришлось самим проявить милосердие и добить их.

Честно говоря, я думал, что нам конец, что мы все уже, считай, мертвецы. Особенно когда из пустынных земель прилетали стрелы, а мы не могли разглядеть лучников. Мы теряли и людей, и лошадей; я думаю, отряд разбежался бы, если бы люди знали, куда бежать.

Среди нас был отряд монахов. Они всегда выходили в поле первыми. Их старший, исповедник, достал витую свечу, поставил её на камень и зажёг. Он забормотал какие-то слова, я был рядом, но ничего не понял — язык был мне не знаком. Я решил, что это обряд Ордена, чтобы наши души вознеслись в рай. Но тут исповедник погрузил руки в пламя, и оно не обожгло его; оно засияло ярче солнца, заполнило всю низину, где мы собрались, и окрасило деревья в золотой цвет.

Все были потрясены, даже сам герцог. Я стоял ближе всех и первым обрёл дар речи. Я спросил монаха, что это было, и он ответил: «Ты стоишь в Королевском Оке, сын мой, и оно вернёт тебя домой целым и невредимым».

Так оно и случилось. Стрелы перестали сыпаться на нас, и одно это уже было благословением; однако на этом монах не остановился. Укрепив свечу на седле, он повёл нас назад по долине. Она сияла, словно золото, и была совсем пуста. Лошади перепугались чуть ли не до смерти, и нам приходилось идти пешком, однако за всю дорогу мы не встретили ни единого шарайца и ни одного человека из оставшегося позади отряда. Свеча наконец догорела, хотя горела необычайно долго для простой восковой свечи; тогда монах собрал последний огонь в ладони, и он горел там так же ярко, и свет сочился меж пальцев исповедника.

Земли, по которым нас вели, казались нам и знакомыми, и незнакомыми одновременно. Холмы были такие же, но воздух был горяч и сух, он драл нам глотки, хотя на дворе стояла осень. Земля и камни были тёплыми и даже немного обжигали кожу. Мы переправлялись через реки, но вода исходила паром, и её нельзя было пить; она текла очень медленно и светилась странным светом. Вокруг не было ни птиц, ни насекомых.

Наконец мы вышли на равнину, которая была пуста — ни единого следа жизни. Тут монах вдруг развёл руки и прокричал несколько слов — я их не запомнил. Золотое свечение исчезло, на землю спустились сумерки, а вокруг нас засновали люди, устраивающие лагерь по приказу своих командиров.

К концу рассказа Радель понизил голос и немного замедлил речь, со всем искусством менестреля произнося слова так, чтобы сделать из них маленькое представление и поразить слушателя. Маррон даже вздрогнул.

Рассказ вёлся на ходу — Радель так и не остановился. Солнце шло по небосводу вслед за ним, если, конечно, оно могло идти без ног. Теперь оно поднялось выше замка и изливало на путников жаркие лучи, словно воду. Тени стали совсем крошечными. До полудня оставалось всего несколько минут. Это заставило Маррона оглядеться вокруг и узнать место: на дороге всё ещё стоял странный алтарь, оставленный Мустаром. Однако теперь на его вершине лежал всего один голубой камушек, и это слегка озадачило Маррона: кому могло прийти в голову взять камень, нет, два камня, и оставить алтарь в целости и сохранности? Разве что дрозд, которому нужно было разбить раковину улитки. Если, конечно, в Святой Земле есть улитки и дрозды…

Маррон мог бы спросить Раделя, который, казалось, знал все об окружающем мире, однако любопытство мелькнуло и исчезло, когда вспомнилось гораздо более важное дело.

Надо было помолиться, причём Маррон сомневался, что Радель захочет молиться с ним, даже если его попросить. «Твой Бог», — сказал Радель, и это была ересь, а не просто так сказанные слова. Он ведь даже не обратил на них внимания…

Наедине Маррону доводилось молиться только с сьером Антоном. Всякий раз это было нечто особенное, и ему не хотелось запятнать память об этих часах, перекрыть её памятью о голосе другого человека и собственными сомнениями по поводу веры этого человека.

Он не мог отойти в сторонку и помолиться, но существовал ещё один выход — ускорить шаг. Деревня была совсем недалеко, если идти быстро и целенаправленно, а в деревне стоял храм.

Вскоре его колокол начнёт звякать, призывая людей на службу. Что ж, пусть обряд будет незнаком, а вокруг окажутся незнакомые люди, зато не будет вопросов. Лучше встать, преклонить колени, даже простереться ниц в этом храме, хоть он там и чужой.

Он шёл все быстрее и быстрее, и Радель шагал вслед за ним. Их подгоняли глухие удары Брата Шептуна, доносившиеся из замка и словно толкавшие в спину, к храмовому колоколу, притягивавшему их к святому месту.

Они вошли в деревню и прошли сквозь неё, когда колокола наконец умолкли. Однако на деревенской площади перед храмом они застали не тишину, благочестие и покой, а гомон, беспорядок и страх.

Вместо того чтобы стоять на молитве, деревенские жители, включая стариков и детей, сбились в толпу и рассматривали что-то перед собой. Бородатый священник стоял перед открытыми дверями храма, держа одну руку на запоре и подняв другую вверх, словно призывая гнев Божий на стоявших перед ним людей — мужчину и женщину, державшую на руках ребёнка.

А хуже всего — худшего Маррон и представить не мог — было то, что его собственный отряд был на площади. Монахи стояли, окружив беспокойную лошадь исповедника, и переговаривались между собой, а сам фра Пиет шёл к ступеням храма, держа руку на рукояти топора.

Маррон застыл в нерешительности: ему хотелось подбежать к братьям и спросить, что произошло, но побоялся, что его вновь осмеют и отвергнут.

Зато Радель колебаться не стал. Менестрель выругался про себя и поспешил, почти побежал к фра Пиету. Исповедник был в капюшоне, поэтому Маррон не видел, уделил ли он Раделю хотя бы один взгляд, однако менестрель достиг ступеней одновременно с ним и стал подниматься по лестнице бок о бок с монахом.

Маррон нерешительно последовал за ним, то и дело озираясь по сторонам. Братья смотрели в основном на священника и фра Пиета — только двое из всего отряда следили за лошадью, которая приплясывала и вертелась среди монахов. На Маррона посмотрел только Олдо.

Маррон остановился у первой из широких пологих ступеней; наверху ему, делать было нечего. Отсюда всё будет слышно и можно будет понять, в чём причина смятения.

— Что тут происходит?

Это, само собой, фра Пиет. Радель, наоборот, отступил на шаг назад, довольствуясь ролью наблюдателя. На бороде священника блестела слюна. Брызжа ею, он заговорил, шлёпая побелевшими

губами:

— Добро пожаловать, добро пожаловать, святой брат! Посмотри только на этих собак, на этих неверных, посмотри…

Он схватил мужчину за уже разорванный грубый ворот. Действительно, на шее пленника на кожаном шнурке висела голубая бусина, известный по всей Святой Земле знак еретика-катари. Маррон слышал, что шарайцы презирали подобные знаки, говоря, что знают своего бога так же хорошо, как он знает их, поэтому они не нуждаются в опознавательных знаках. Однако все остальные порабощённые и покорённые народы носили эти бусины. Они делали это не только по собственному желанию, но и по приказу новых хозяев: это давало возможность с первого взгляда отличить еретика от истинно верующего.

Так оно и случилось. Эти люди не могли ничего отрицать, и фра Пиет уже снял с пояса топор, как вдруг рука Раделя сомкнулась на рукояти оружия, на палец ниже руки исповедника.

Топор застыл, застыли неподвижно двое держащих его мужчин, застыли все, кто был на площади и смотрел на них. Однако в неподвижности угадывалось ужасающее напряжение. Маррон подумал, что рукоять топора может не выдержать, что напрягшиеся, невидимые под одеждой мускулы стоят друг друга и что ни один из этих людей не уступит другому.

Они устояли; уцелел и топор. Тогда фра Пиет, слишком гордый, чтобы отбирать у наглеца собственное оружие на глазах всего отряда, избрал иную тактику.

— Ты берёшь на душу большой грех.

— Беру, но не я. По закону — по королевскому закону — катари пользуются такой же свободой, как и остальные жители Королевства, пока они живут мирно и платят налоги.

— По закону — по закону Святой Церкви, — скрипучим голосом ответствовал фра Пиет, — еретики не имеют права входить в церковь, храм, часовню и в любое другое место, посвящённое Господу, ибо тогда их будет преследовать правосудие Ордена.

Это тоже было правдой, и Маррон знал это. Радель не стал спорить.

— Так, значит, это и есть правосудие Ордена, — спросил он, — казнь на ступенях храма, без защитников, даже без оглашения имён осуждённых? Вы собираетесь казнить и мужа, и жену, и даже ребёнка?

— Наказанием для таких, как они, должна быть смерть, — ответил фра Пиет. — Они осквернили храм Господень одним своим присутствием.

— Да, обычно это карается смертью, — согласился Радель, но

каким-то непонятным образом в его ровном голосе появились сардонические, даже порицающие нотки. — Для таких, как они. Независимо от проступка. Но их казнь — не твоё дело, брат исповедник. Здесь должны решать главы Ордена, священник этого храма и деревенский староста. Кто эти люди, почему они решили вознести молитвы богу, в которого не верят?

Фра Пиет со свистом втянул воздух — «Осторожнее, — торопливо подумал Маррон, — не то он обвинит и тебя, менестреля, перед главами Ордена», — но исповедник сказал только:

— Они лазутчики, которые пытаются спрятаться среди верных!

— И младенец тоже лазутчик? Больше похоже, что они испугались, оказавшись в тени замка, и решили спрятаться. Где тут староста?

Мимо Маррона, расталкивая толпу, прошла группа человек в двенадцать — должно быть, староста был одним из них. Они шустро поднялись по ступеням, говоря сразу со всеми: со священником, с Раделем, с фра Пиетом и друг с другом. В этом гаме Маррон мог расслышать только плач ребёнка, который мешался с засевшим у него в голове плачем совсем другого младенца, со страшным звуком и с молчанием того же младенца.

Наконец спорившие на ступенях люди приняли своеобразное решение. Мужчину и женщину привязали к колоннам — при этом руки женщины оставили свободными, чтобы она могла держать своего ребёнка. Всех троих надлежало забрать в Рок после молитвы, дабы над ними свершился суд прецептора.

Деревенские жители ринулись в храм, и отряд по команде фра Пиета последовал за ними. Радель поманил за собой Маррона, и они тоже вошли и преклонили колена у самой дальней стены, чуть ли не в дверях — больше места в храме не оставалось.

Фра Пиет сам вёл службу, разрешив все сомнения Маррона касательно незнакомого обряда. Исповедник предпочитал заставить местных сбиваться и путаться в незнакомых словах, бормотать и замолкать при звуках незнакомой речи в их собственном храме — только бы его собственный отряд оставался чист.

Маррон, умевший обратить все свои мысли и свой духовный взгляд к Господу почти всегда, когда молился с сьером Антоном, не мог сделать того же, слушая, как вёл службу фра Пиет. Как бы глубока ни была вера исповедника, он не обладал даром делиться ею. Его голос звучал так, словно он выполнял какую-то обязанность, необходимую, чтобы заставить остальных провести

полчаса жаркого полдня среди потных тел и пения заученных слов.

Рука Маррона болела, глаза его бегали, а мысли никак не были связаны с тем, что произносили его уста. Всё его внимание было обращено наружу, на дверь за спиной, на троих людей, которые должны были заплатить за свой проступок земным хозяевам юноши. Он не сомневался в том, что они будут приговорены к смерти; ему уже доводилось видеть, как фра Пиет поверг весь отряд в безумство, и был уверен, что на суде исповедник сумеет склонить на свою сторону самого прецептора. Даже ребёнок умрёт, расплачиваясь за глупость родителей. А ведь Маррон уже видел, слышал, чувствовал, как в его руках умер ребёнок, умер по приказу фра Пиета. Второго раза он не мог вынести. Он должен был заплатить за эту смерть собственной жизнью или чьей-нибудь ещё, чтобы только заставить замолчать слышавшийся у него в голове плач, который обрывался молчанием. И не важно, как Господь управит эту сделку, лучшего выбора всё равно не оставалось, и Маррону нужно было совсем немного, чтобы решиться…

Недовольно много времени ушло, чтобы набраться храбрости и сделать первое движение. Он всё ещё стоял на коленях, однако уже отодвинулся чуть назад, к солнцу и свету. Только Радель заметил его движение; из прочих молящихся его мог заметить только фра Пиет, да и то, если бы сумел посмотреть поверх всех стоящих на коленях людей. Маррон шевельнулся ещё раз и оказался в луче солнца, бьющем из двери.

В ответ на вопросительный взгляд Раделя Маррон постарался посмотреть на него как можно выразительнее, чтобы сказать сразу несколько вещей: «Я должен сделать это», «Молчи» и, наконец, «Спасибо. Мне было приятно побыть в твоём обществе». Он догадывался, что больше у него никогда не будет таких светлых дней. Он знал, что пощады не будет, что впереди его ждёт безнадёжность и потери — а ведь он уже столько потерял! Смел или не смел его поступок, глупым его можно было назвать не задумываясь.

И всё же юноша не собирался останавливаться. Вытянув шею, он увидел, как фра Пиет простёрся перед грубо отёсанным алтарным камнем.

Пора…

Так тихо, как только мог, так быстро, как только получилось, Маррон встал, повернулся и шагнул наружу. Всего один шаг перенёс его из липкой тени в полуденную жару, из братства — в одиночество, из повиновения — в преступление, всего один шаг, которого сам он даже не заметил.

Стараясь двигаться как можно быстрее, Маррон зашагал вдоль храмовой стены туда, где к деревянным, поддерживавшим крышу колоннам были привязаны двое пленников. Ребёнок на руках женщины уснул — это уже обрадовало Маррона. Тёмные глаза вопросительно уставились на юношу, и он прижал к губам палец: «Ни звука, молчите, как ваш ребёнок, ради вашей собственной жизни…»

Он полез в суму Раделя, все ещё свисавшую у него с плеча, нащупал лезвие ножа, схватил его за рукоять и вытащил наружу.

Маррон увидел, как удивлённо расширились глаза мужчины, однако вначале поспешил к женщине. Он перерезал перехватывавший её шею ремень, наклонился и освободил талию и ноги. Быстро скользнув к мужчине, провёл ножом по ремням на шее, запястьях и щиколотках, а потом поманил их за собой туда, где стояла стреноженная лошадь фра Пиета.

Чтобы рассечь путы, хватило двух ударов ножа. Маррон выпрямился, придержал гарцующую лошадь за повод и подтолкнул вперёд пленников.

«Вы умеете ездить верхом? Ну, скажите, что умеете…» Он не знал их языка, чтобы спросить, но в этом не было нужды. Мужчина легко взлетел в седло; женщина последовала за ним немного неуклюже из-за ребёнка на руках. Мужчина коснулся изгибающейся шеи лошади, пробормотал что-то в подрагивающее ухо — и та успокоилась. Всадники нетерпеливо взглянули вниз, мужчина вытянул руку и отбросил капюшон Маррона, впившись глазами в его лицо. Потом он прищурился и кивнул. «Я запомнил тебя, брат». Женщина чуть улыбнулась, и лошадь, повинуясь поводьям, повернула прочь. В этот миг их, казалось, совсем не заботила близкая опасность, хотя, как помнил Маррон, перед священником они явно перетрусили.

Юноша смотрел, как они уезжали, радуясь, что лошадь шла шагом до тех пор, пока не исчезла из виду и уже не могла встревожить молившихся стуком копыт.

С исчезновением пленников на Маррона обрушилось осознание содеянного им. Дрожащей рукой он осторожно отправил нож к остальным, лежавшим в сумке, снял её с плеча и отложил в сторону. В ней были и другие вещи, не только ножи — например, деньги. Совершив свой ужасный поступок и поправ обеты, Маррон мог схватить деньги и бежать, бросить рясу прежде, чем её с него сдерут, и избежать грозивших ему мук. Но он не стал этого делать. Он нарушил обеты, предал Орден и Господа, но трусом быть отказывался.

Так он и стоял, греясь на солнце, пока негромкие голоса в храме не сменились гомоном выходящей из дверей толпы.

Маррон смотрел на тёмный проем до тех пор, пока не увидел вышедшую оттуда фигуру, пока фра Пиет не вздрогнул, не напрягся, не стал осматриваться. Исповедник спустился к Маррону, не шевельнув при этом ни единым мускулом лица.

Юноша открыто встретил взгляд фра Пиета и честно ответил на все вопросы.

— Где они?

— Сбежали.

— На моей лошади?

— Да.

— Как?

— Я освободил их. — «Ради того ребёнка, которого ты заставил меня убить», — добавил он про себя, но не стал говорить вслух. Не сейчас и не исповеднику. Наверное, он скажет это только прецептору или по крайней мере тому, кто спросит, зачем он так поступил.

Фра Пиет с шипением втянул воздух и задал ещё один вопрос, в то время как его рука скользнула к висевшему на поясе топору.

— В деревне есть верховые лошади? Маррон моргнул и честно ответил:

— Я видел только одного верблюда, но он старый и слепой.

Топор слетел с пояса и качнулся. Последним, что видел Маррон, был его обух, прижатый к запястью фра Пиета.

Часть вторая
ПУТЬ К РУИНАМ

10. ВО ТЬМЕ

Тьма. Холод и тьма.

Голод, холод и тьма.

Страх и голод, холод и тьма.

И ещё боль. Все тело у него болело, он был испуган и голоден, и к тому же замёрз. Однако все ощущения исчезали, когда он забывался, когда тело то словно таяло, то опять принималось болеть, когда к нему урывками возвращалась жизнь. А тьма была всё время, она не исчезала. Даже когда рядом с ним загорался свет — это случалось уже дважды, свет приносили и уносили, всякий раз оставляя память о нём — «только что он был, и вот его снова нет», — даже тогда темнота не исчезала, она выглядывала из углов, угрожающе сжималась над светильником и смыкалась позади него, словно вода.

«Он похож на нас, — думалось узнику, — он похож, этот огонёк; мы точно так же цепляемся за Святую Землю, зная, чего от нас хочет Господь, зная, на что мы обречены и чем должны быть. И мы так же малы, как этот светильник перед тьмой, огромной, постоянной, давящей…»

Впрочем, такие связные мысли приходили к нему редко. По большей части он только замечал темноту, но не более того.

Воспоминания приходили к нему без его желания, он не хотел их и пытался прогнать. Они прорастали семенами в темноте, охватывавшей его всякий раз, когда он открывал или закрывал глаза, они росли и горели, и пожирали сами себя, словно лепестки огня, и глаза, открытые ли, закрытые ли, начинали болеть.

Нет, это были не воспоминания детства, хотя он, пожалуй, был бы рад погрузиться в их запахи и ощущения, в любящие голоса, оставшиеся так далеко.

Но ему вспоминались совсем другие мгновения, вспышки, высвечивавшие в каком-то странном свете:

…топор, топор фра Пиета, исповедник заносит его и на мгновение замирает; его рука застыла под самым лезвием, но он бьёт рукоятью, и рукоять ударяется в голову Маррона… что это, жестокость или милосердие?

…лицо Олдо, так близко, как он видел его, просыпаясь в одной кровати с ним… когда-то они делили кровать точно так же, как всё остальное. Но его лицо слишком близко, оно очень грустное, а это уже странно; рот Олдо произносит какие-то слова, которые не подтверждают глаза: «Нет, брат, он всё ещё без сознания», — а глаза все кричат: «Брат мой, до чего мы с тобой

дошли?»

…лицо старшего лекаря, голос без тени милосердия, с одним лишь суровым осуждением; пальцы, под которыми в руке и в голове разгорается огонь, голоса, которые переплетаются и путаются, подобно струям речной воды, они бегут быстро-быстро, широко разливаются и замедляются. «…Нет, он плох, но не слишком. Сойдёт… Как она снова ухитрилась открыться? Вчера я зашил её, а теперь, смотрите, швы распороты…»

«Похоже, он сам вскрыл её, — то шепчет, то грохочет голос фра Пиета, — чтобы избавиться от работы ещё на день. Нет, оставьте так, магистр, прошу вас. Он уже не наш или не будет нашим не позднее завтрашнего утра. Пусть он помучается этой ночью, чтобы запомнил».

«Он и так помучается, только, я думаю, не завтра. Чтобы свершилось правосудие, человек должен хотя бы держаться на ногах. Перевяжи её, брат; шить заново я не стану. Что ж, мы теряем людей, но эта потеря будет невелика. Я думаю, фра Пиет, что ему стоит провести ночь здесь, на койке, хоть он и не заслужил этого; потом ещё ночь в кельях для кающихся грешников, как велит Устав. К тому времени, как ему придётся идти, он изрядно проголодается…»

…они ничего не сказали о том, что придётся идти, но он помнил этот путь, заплетающиеся ноги, твёрдые руки, влекущие его вперёд, и уходящие вниз ступени. Качание лампы, коридор, келья с открытой дверью и тело, его собственное тело, он стоит на коленях и уже начал дрожать в просторной белой рубахе. А куда делась его ряса, кто-нибудь взял её, будет ли он, разиня, наказан за потерю?

…лица не видно, но это человек в белом, другой человек, а не он сам — это видно, потому что человек двигается, а он — нет. В коридор принесли лампу, там свет, но его скрывают от узника, однако он чувствует запах навоза и слышит знакомый голос, шёпот:

— Вот тебе хлеб, ешь медленно, слышишь, медленно…

Его берут за руку и помогают нащупать хлеб, потому что он ничего не видит, несмотря на свет.

— Вот вода, пей медленно. А это… — в его ладонь впечатывается что-то твёрдое, круглое и холодное, — это тебе на эту ночь. Покажи это, когда они придут, и это тебе поможет…

…лица не видно, только тело. Оно одето в белое, оно неподвижно, но это не тело Маррона. Над плечом гостя горит лампа, и тень скрывает все, кроме мантии, но мантия и голос принадлежат сьеру Антону, и он говорит:

— Глупыш ты, глупыш! На этот раз даже я не смогу помочь

тебе, Маррон. Тебя уже осудили, и по приговору завтра тебя высекут перед всеми братьями и нагим изгонят в мир.

«Суд справедлив, — слышится в его голосе, — я не могу оспаривать его решение». Но мантия наполняет шелестом всю келью и полностью заслоняет руки посетителя, на колено Маррона падает что-то тяжёлое. «Это для завтрашнего дня, — говорит тишина, — если ты сделаешь такой выбор. Если ты не сможешь вынести того, что тебя ждёт…»

Сьер Антон удаляется, и последний лучик света от лампы охранника блестит на голубом предмете, который оставил в руке Маррона Мустар.

Время ползло медленно, и мало что отмечало его движение. Дважды он видел свет, который приносили и уносили; ещё трижды слышал звуки. Дважды его звал на молитву Брат Шептун — наверное, это было в полдень и на закате; ещё один раз он услышал крик, эхом прокатившийся по коридору и заставивший Маррона задрожать. Он вдруг вспомнил о том, как они с Раделем ушли с лестницы, услышав человеческий крик боли.

Со временем оцепенение и замешательство проходили. Теперь он знал, кто он такой и где находится: его звали Марроном, фра Марроном ещё на одну ночь, и не более того, если верить сьеру Антону. Юноша встал на колени в своей келье для кающихся, но почему-то чувствовал себя не кающимся, а больным и испуганным, замёрзшим, голодным и одиноким. Иногда ему казалось, что он спасён, оправдан: он заплатил жизнью за жизнь, и крик ребёнка в его душе смолк. Но внутренний мир был слишком хрупок, слишком непрочен, и он не осмеливался трогать его, чтобы не разрушить грубым прикосновением.

Он лениво пожевал хлеба и отпил воды, которая ему вовсе не полагалась — её передал Мустар. Юноша встал, подошёл к ведру, потом пошатнулся, опустился на колени и сделал своё дело в таком положении. И всё это время он играл с двумя полученными подарками, переданными в такой тайне, но понимал смысл только одного из них.

Сьер Антон уже во второй раз подарил ему клинок. На этот раз не меч, а мизерикорд, тонкий и короткий, длиной с девичий палец, кинжал. Впрочем, он был достаточно велик, чтобы сослужить Маррону свою службу. Если бы страх в ночные часы довёл его до безумия, если бы он не мог снести мысли о кожаных плетях с железными шипами или следующего за ними позора, если бы он пожелал смерти — что ж, у него нашёлся бы выход. Наверное, в подарке была своеобразная доброта.

А подарок Мустара разочарован его. Он понял, что это такое, едва увидев: еретический знак, голубая бусина из тех, что носили на шее катари, вроде той, что лежала на самодельном алтаре знаком лживого божества. Однако для бусины эта вещь была велика и тяжела — скорее это был камешек наподобие тех, которые Мустар выкладывал на большой камень перед молитвой. «Это тебе на эту ночь», — сказал Мустар, но Маррон не знал, что это означало.

Нахмурившись, он покатал камень между ладоней. Мустар был всего лишь мальчиком, да к тому же верующим, не отрёкшимся от своей религии, несмотря на все опасности, — мог ли он поверить, что маленький камушек обратит человека из одной веры в другую? «На эту ночь, — сказал мальчик. — Когда они придут». Кто должен прийти, когда? «Это тебе поможет». Поможет в чём? Это не спасёт от Ордена, тут Маррон даже не сомневался. Если бы у него нашли эту вещь, если бы он показал её, отделаться поркой уже не удалось бы. Вначале его допросили бы, и его крики уже завтра разносились бы по кельям грешников, оглушая стражников. Мустар должен был знать об этом. Он пошёл на страшный риск, пронеся сюда эту вещь…

«Это тебе на эту ночь. Покажи это, когда они придут, и это тебе поможет».

Голубой камень, три голубых камня и голубая бусина… Маррон вновь вспомнил мальчика, вставшего на колени перед самодельным алтарём и возносящего молитвы. О чём может молиться маленький раб, оторванный от своего народа?

А вчера, когда они с Раделем проходили мимо, алтарь всё ещё стоял, но там оставался только один камень. Птицы, подумал Маррон, но ведь никакой дрозд не сможет схватить камень таких размеров и такого веса. Вот разве что ворона… или человек. Или мальчик. Любой последователь Господа просто расшвырял бы камни и разбил бы алтарь…

Человек с голубой бусиной, появившийся откуда-то с непонятной целью. Он пришёл с женой и с ребёнком, но не был похож на крестьянина. Да что там, и он, и его жена держались в седле как господа. Может, это были шарайцы? Фра Пиет назвал их шпионами — что, если он был прав?

«Это тебе на эту ночь. Покажи это, когда они придут, и это тебе поможет».

Три камня могли быть тайным знаком. Они могли означать «три дня», например, вчера, позавчера и сегодня. Шпион мог взять один камень, чтобы дать знак «мы готовы». А мальчик мог взять ещё один: «мы тоже готовы. Завтра». А сегодня тот же мальчик мог подобрать последили камень — «приходите сегодня», а потом

мог отдать его другу как знак, чтобы тот остался цел и невредим…

Под влиянием темноты, холода, голода, страха и боли мозг может выделывать странные штуки и верить в любые небылицы. Маррон потряс головой и моргнул от боли; потом он спрятал камень и задумался, стараясь найти слабое звено в своих рассуждениях. Это все фантазии, глупые выдумки…

Но всё же там лежало вначале три камня, а потом один; а сейчас у него в руке был зажат такой же камень — редкий и опасный амулет. Сколько их могло быть всего?

«Это тебе на эту ночь. Покажи это, когда они придут, и это тебе поможет».

Маррон застонал про себя. Он несколько раз покатал камень между ладонями, и больная рука заныла; притронувшись к повязке, он почувствовал липкую влагу. Должно быть, опять кровь идёт. Ладно, не важно. Завтра он потеряет куда больше крови. Если, конечно, для него это завтра наступит, если он не воспользуется подарком сьера Антона, чтобы избежать его…

Нет. Этого не будет. Эти рыцарские штучки не годятся ни для оруженосца, ни для монаха. Возможно, они отвечают требованиям чести сьера Антона, но для Маррона это не выход.

Послышались мерные удары Брата Шептуна; наверное, уже полночь. Сейчас все, кроме стражи, стоят на молитве перед алтарем. Губы Маррона зашевелились и он, как настоящий кающийся грешник, беззвучно зашептал молитвы, но это были для него всего лишь слова. Нарушенные клятвы, преданная любовь, угасшая в этой жаре вера… Завтра его высекут и изгонят из Ордена; больше братья не будут иметь права на его верность или на его душу. Однако слова молитвы все равно лились, не переставая, и Маррон думал о человеке, который не станет молиться вместе с монахами. А в голове юноши звучал счёт: «Три камня, один камень, бусина на шее того человека, камень у меня, а весь гарнизон молится», — а все внутри дрожало, как не дрожало бы даже от самых диких фантазий. Он почти видел, что сейчас затевается какое-то дело против замка, и понимал, что он, единственный, кто об этом знает, должен что-то сделать. Сколько жизней он спасёт или погубит на этот раз?

И он встал даже раньше, чем принял такое решение. Он встал, и темнота вокруг заволновалась. Он схватился за пустоту и опёрся о камень, выжидая, пока не пройдёт слабость. Она так и не прошла. Тогда Маррон спрятал маленький нож в повязку на руке и сжал в другой руке камень, свой талисман: «Помоги, если можешь…»

Не спросив ни у кого разрешения, Маррон вышел из кельи в

коридор — наверное, ещё ни один кающийся грешник не совершал такого преступления.

С одной стороны он увидел свет, тусклый и далёкий, но достаточно яркий для его изголодавшихся по свету глаз. Очевидно, это та самая комната, где горит в стенной нише лампа, где стоят на страже охранники. А может, вспыхнула надежда, может, и они молятся, стоя на коленях?..

Он развернулся и пошёл в противоположную сторону, медленно шагая и цепляясь за каменные стены. Вокруг были только запертые двери пустых келий, а самая последняя из них оказалась не только заперта, но ещё и заложена засовом. Наверное, камера для допросов, подумалось Маррону. Выхода не обнаружилось, хотя, честно говоря, юноша и не ожидал найти его, а пошёл так, наудачу.

Он повернул обратно к свету, бесшумно скользя мимо открытых дверей, зная, что даже в полной темноте его белая рубаха бросится в глаза первому же посмотревшему в его сторону грешнику. Однако ему повезло: одни кающиеся спали, другие молились, и никто из них не выглянул в коридор.

Юноша добрался до комнаты охранников, и тут ему снова повезло. Охранников было всего двое, как и прежде, но они, ничего не опасаясь — какой член Ордена, пусть даже самый заблудший, посмел бы презреть власть, отправившую его сюда? — молились так же истово, как и их подопечные, опустив на глаза капюшоны, встав на колени и повернувшись к свету.

Маррон наблюдал за ними из коридора, бесшумно дыша, пока стражники, согласно обряду, не склонили головы к земле и не запели негромкую молитву. Тогда юноша осторожно сделал шаг в комнату.

Босые ноги бесшумно ступали по полу, рубаха не зашуршала, запах страха не выдал его. Он добрался до лестницы, быстро повернулся к свету, благодарно поклонился ему и заскользил вверх по лестнице, осторожно ставя ноги и удвоив осторожность, когда лестница сделала поворот и Маррон снова ослеп.

В кухне было неожиданно тепло; на мгновение он остановился у хлебных печей, всем своим озябшим телом ловя исходившую от них волну жара.

Он миновал уборные; начинавшийся дальше коридор вёл к большому залу, где собирались братья, но Маррон благоразумно избрал другой путь. В самом деле, стоило ли вламываться к ним и кричать об опасности, не имея никакого другого доказательства, кроме голубого камня, который выдал бы и Мустара, и самого Маррона?

Подумав так, Маррон вылетел во двор, в воздух, почти такой

же жаркий, как воздух у печей, и побежал вверх по ступенькам на окружавшую крепость стену. Хвала Господу, луна светила ярко и он ясно видел путь. Конечно, его могли заметить, но юноша знал, что стражники тоже молятся, и потому он находится в полной безопасности и может проверить свои подозрения.

Его внимание привлекло движение там, где никакого движения быть не могло. Он замер, присел и, задержав дыхание, смотрел на белые, освещённые лунным светом фигуры и другие фигуры, потемнее, перелезающие через стену.

Это и было доказательство, подтверждение. Он повернулся, намереваясь спуститься обратно во двор, — но тут перед ним возник человек в тёмной хламиде, и в руке его блеснул кинжал.

Маррон задохнулся, отчаянно взметнул руку — и человек задержал удар.

— Покажи, — прошептал он.

Маррон протянул ему раскрытую руку, и человек взял у него с ладони камень. Посмотрел на него и спрятал кинжал в ножны.

— Идём…

Человек слегка повернулся, и этого Маррону хватило, чтобы выхватить из повязки свой кинжальчик и пырнуть наобум; что-то хрустнуло, Маррон нажал сильнее. На него хлынуло что-то тёплое и мокрое, человек издал хлюпающий звук и тяжело упал. Мизерикорд остался в теле убитого.

Теперь юноша уже не остерегался. Он помчался вниз по ступеням и влетел в замок, отталкиваясь от стен руками, чтобы бежать быстрее.

Вот наконец нужный двор, последняя лестница и знакомый коридор. Маррон почти упал на дверь комнаты сьера Антона, распахнул её и ввалился внутрь.

— Маррон! Господи Боже мой…

Облачённый в ночную рубашку сьер Антон стоял на коленях. При появлении юноши он вскочил на ноги, шагнул вперёд, но внезапно остановился и замер.

— Маррон, что ты натворил?

Маррон увидел, что руки у него залиты кровью, скрючены как клешни и дёргаются. Кровью пропиталась и белая некогда рубаха; отяжелевшая ткань липла к телу. Он и не знал, что убийце достаётся столько крови жертвы. Или просто забыл: в деревне они рубили по пояс в крови, но то было в горячке боя. А сейчас ему было холодно, он отчаянно дрожал, вытирая руки о рубаху, лихорадочно, как безумец.

Он уже понял, что сьер Антон решил, будто юноша использовал полученный кинжальчик не по назначению — а так оно и было, — но не знал, кто пал его жертвой. Не знал и терялся

в сомнениях. Он ведь видел охранников, стороживших кельи грешников…

— Шарайцы! — выдохнул Маррон. — Шарайцы на северной стене. Я… я убил одного…

Этого рыцарю было достаточно. Он схватил меч, набрал воздуха, чтобы закричать, но тут же отбросил эту мысль и покачал головой.

— Все на молитве, так? Они нас не услышат. Маррон, можешь побежать в зал?

Маррон покачал головой.

— Я не могу, сьер.

— Не можешь?.. — Рыцарь нахмурился, но тут же его лицо прояснилось. — Ах да, сейчас тебе лучше этого не делать. Но я должен отправиться на стену и удерживать её, если смогу…

— Я с вами, сьер. — Храбрый, каким он был всегда, Маррон бросился в угол и схватил лежавший на сундуке «Дард» в белых ножнах. — Вы подарили его мне, сьер, и я воспользуюсь им.

— Бери, конечно! Но, Маррон, если ты хоть когда-нибудь знал, что такое послушание, послушайся меня сейчас: беги к колоколу и поднимай замок. Если двое могут удерживать стену, один тоже сумеет. Но даже вдвоём нам не продержаться долго…

Маррон не был уверен, что он всё ещё способен на послушание — кому-нибудь или чему-нибудь. Завтра в это время он уже будет мёртв для собратьев — так почему бы не передвинуть это событие на сегодня? Скорее всего он погибнет самое большее через час, а значит, может преспокойно броситься на смерть через пять минут, встав защищать стену вместе с рыцарем.

Но он не верил в смерть, по крайней мере в собственную, однако всё ещё верил в долг и в надежду. Зазвонить в колокол и поднять весь замок было разумно. И никто, кроме него, не мог этого сделать.

Он никогда не был в месте, которое носило имя Кельи Брата Шептуна, но знал, где это: всё время вверх, выше и выше, в самую высокую точку Рока и окрестностей. На вершине самой высокой башни находился зал в форме колокола, с окнами на каждой стене, открытый всем ветрам. Форма вполне соответствовала его назначению, потому что именно в этом зале висел колокол, отсчитывавший часы и звавший искупителей на молитву.

Как ни странно, в зале не было охраны — не было вообще никого. В Ордене бытовала поговорка «Брат Шептун сам за всем следит», но этой ночью он был слеп и нем и не пробил тревоги. Маррон перепрыгнул через последнюю ступеньку, бросился через всю площадку, влетел в зал и замер перед величием его

обитателя.

В лунном свете колокол показался ему скорее молчаливой тенью, нежели чем-то материальным и обладающим голосом. Однако даже это молчание пульсировало где-то на грани слышимости, когда ночной ветер разбивался об огромный бронзовый бок и будил в нём негромкий гул.

Колокол висел на креплении из дерева, стали и камня — оно находилось на высоте трёх ростов Маррона, и всё же край колокола висел не более чем на высоте колена от пола. Маррон боялся даже представить себе, сколько весила эта громадина.

Он не мог понять, как заставить Брата Шептуна звучать. Все колокола, виденные им прежде, от храмовых до колокола аббатства, — висели высоко на башне, а к языку их была привязана верёвка, за которую и тянул звонарь. Однако никакая верёвка не могла бы поднять этот колокол и заставить зазвучать его невидимый язык. Маррон перевернул «Дард» рукоятью вперёд, не вынимая его из ножен, и ударил по краю колокола навершием.

Брат Шептун зазвучал, но очень тихо; это, без сомнения, был его голос — звук, от которого у стоявшего рядом Маррона заныло в костях, а каменный пол под его босыми ногами задрожал, — но он не мог достигнуть оставшегося далеко внизу большого зала.

И всё же юноша ударил ещё и ещё раз, отчаянно и безнадёжно. Он уже решил было, что это бесполезно, но потом внезапно расслышал в тишине комнаты шарканье и увидел в лунном свете фигуру невысокого человека в обычной рясе, который вышел из тени колокола и направился к Маррону.

— Кто тут звонит, кто звонит, брат? Не время… — Его голос был громок, неясен и невыразителен, а глаза широко раскрыты. Крепкими мозолистыми руками человек оттолкнул Маррона от колокола.

— Брат, заставь его звонить, внизу шарайцы…

— Кто? Кто тут звонит? Это моя обязанность, моя, а сейчас не время…

— Ты что, не слышишь? На стенах шарайцы!

Но человек не слушал его, только плевался и отталкивал юношу. Маррон понял, что он глух и скорее всего полоумен после стольких лет, проведённых в заботах о колоколе.

Юноша отступал до тех пор, пока не оказался вне комнаты, на крыше. Луна светила прямо в лицо; он схватил человека за плечо свободной, больной рукой и повторил, тщательно выговаривая слова:

— Шарайцы! Звони в колокол, поднимай крепость!

Человек ничего не ответил, и Маррон почувствовал, что сходит с ума от бессилия перед глупостью судьбы. Не обращая

внимания на боль в руке, он втолкнул человека обратно в комнату, выхватил «Дард» из ножен и приставил его лезвие к горлу человека с криком:

— Звони! Звони в колокол!

То ли старик понял его, то ли просто пытался позвать кого-нибудь, чтобы его спасли от сумасшедшего грешника с мечом и в залитой кровью рубахе, — этого Маррон так и не узнал. Старик наклонился и выпрямился, держа в руках верёвку. Он изо всех сил потянул за неё, потом отпустил и снова потянул, и Брат Шептун грянул в полный голос.

Маррон тут же понял, почему старик был глух как пень. Он задохнулся и вылетел в ночь, преследуемый рёвом колокола. Воздух вокруг дрожал снова и снова, и Маррону показалось, что из ушей у него идёт кровь, так же, как из руки, льёт ручьём, пока он, спотыкаясь, бежит вниз по лестнице, преследуемый звоном, толкающим в спину и плывущим в охватывающей темноте, словно лавина земли или воды. И стоит ему споткнуться, как звон подхватит его, понесёт вниз, закрутит, завертит и разобьёт, швырнув о стену…

Достигнув подножия башни и оказавшись на безопасном расстоянии от колокола, Маррон испытал глупое чувство безопасности.

Тут он услышал шум и побежал налево, туда, где по отрядам, в строгом порядке выбегали из зала братья, услышавшие призыв колокола. Справа раздавался едва слышный стук и скрежет стали о сталь.

— К оружию, к оружию! Шарайцы! — закричал Маррон влево, туда, где сквозь толпу проталкивались магистры. — Шарайцы на северной стене! К оружию!

Он не стал ждать, чтобы проверить, поняли они его или нет, и вместо этого побежал направо, держа в руке лёгкий меч, в лунном свете походивший на холодное пламя. Он бежал к подножию лестницы, туда, где убил своего первого шарайца.

Тело убитого им (а может, совсем другого) человека лежало поперёк ступеней. На вершине стены Маррон увидел сьера Антона, более всего похожего на ангела войны. Облачённый в переливающиеся белые одеяния рыцарь, само изящество и сила, словно танцевал на стене, в то время как его меч взмывал вверх и разил, защищая жизнь хозяина и замок.

Стена кишела чёрными фигурами, их становилось всё больше. Рыцарь стоял так, что на него не могло напасть больше одного противника за раз, но нападающие уже подбирались к нему, используя те самые верёвки, по которым они влезли на стену, верёвки, сброшенные им Мустаром и другими мальчиками-

рабами. Впрочем, думать об этом не было времени. Маррон увидел, как полдюжины людей в рясах вбежали во двор; за ними спешила целая толпа. Предоставив им разбираться самим, юноша помчался наверх, на помощь к сьеру Антону.

11. НОЧЬ КРОВИ

Звучный вибрирующий голос колокола будил её ото сна каждую ночь, но на этот раз Джулианне показалось, будто он зазвонил во второй раз. Тогда, в первый раз, она ещё пробормотала коротенькую молитву и снова уснула. Нет, ей не показалось.

Колокол зазвенел снова, заставив тело Джулианны отозваться дрожью, а саму её — поднять голову с подушки. Это не был обычный призыв к молитве — три медленных удара, пауза, ещё три удара, нет, это был беспорядочный, торопливый звон, будто громкий нечленораздельный крик перепуганного человека. Джулианна никогда прежде не видела перепуганного монаха, разве что когда этот парень, Маррон, пытался налить вина, а Элизанда строила ему глазки сквозь вуаль. Монахи не пугаются по мелочам. Это была тревога — к оружию, к оружию!

Джулианна вскочила с постели и подбежала к окну, пытаясь разглядеть сквозь резные ставни, что происходит, но так ничего и не увидела. С усилием отодвинула засовы, распахнула ставни — и опять ничего не смогла разглядеть. Чернильная, угольная тьма и серебристые лунные блики на стенах и на выступах — больше ничего не было видно. Ни факела, ни бегущего человека, в общем, ни следа тревоги.

Элизанда уже была рядом. Она высунулась из окна так далеко, что Джулианна в ужасе схватила её за плечо. Подруга только посмотрела на неё блестящими глазами, неестественно изогнула шею в тщетной попытке заглянуть за угол и спросила:

— Что случилось?

— Не знаю. Колокол…

Он всё еще продолжал звучать; воздух дрожал, зубы у Джулианны ныли, а каждая волосинка встала дыбом.

— Это я слышу, — с терпеливой улыбкой и с долей юмора ответила Элизанда, — но почему он звонит?

— Я не могу разглядеть.

Элизанда тоже ничего не видела.

— Прислушайся, — посоветовала она.

Она оказалась права. Хотя звон колокола звучал громче остальных звуков, он не мог перекрыть их полностью — слишком низким был его тембр. Вслушавшись как следует, Джулианна различила далёкие звуки боя, бряцанье оружия и крики людей.

Она не заметила, как Элизанда выскользнула у неё из-под руки. Обернувшись, Джулианна увидела, что подруга копошится в тени её постели, выуживая какие-то тряпки из сумки, с которой

она путешествовала.

— Что ты делаешь?

— Ну не могу же я выйти вот в этом!

Пальцы Элизанды поспешно пробежали по завязкам ночной рубашки, превратив ленты в узлы; девушка взялась за подол и потащила рубашку через голову, как ребёнок. Потащила, изогнулась, дёрнула и отбросила в сторону.

— Куда выйти?

— Посмотреть, что происходит, куда же ещё! Или ты собираешься сидеть тут сложа руки и ждать, пока тебе не скажут, что делать? Ты ведь ещё не замужем, Джулианна.

Это было последней каплей. Джулианна вернулась к своей постели и потянулась к платью. Элизанда уже была одета в крестьянский бурнус, в котором её впервые увидела Джулианна, и теперь натягивала на ноги обувь с явным намерением сбежать как можно скорее. Однако Джулианне для того, чтобы надеть своё платье, понадобилось бы гораздо больше времени, и она не была уверена, что подруга станет её ждать. К тому же, доведись им бежать или прятаться, платье могло только помешать.

— Слушай, у тебя нет ещё одного такого же наряда?

— Есть, конечно, — широко улыбнулась Элизанда, блеснув в полумраке белыми зубами.

Элизанда помогла Джулианне вырядиться в такой же костюм, что был на ней, накинула на неё бурнус и перетянула его обрезком верёвки. Жёсткая ткань тёрла кожу, а сапожки для верховой езды вообще были не к месту, но выбирать приходилось между ними и домашними тапочками — больше у Джулианны не было ничего подходящего.

— Ещё одно, — сказала Элизанда. — Возьми кинжал. — Она протянула Джулианне оружие рукояткой вперёд.

Джулианна невесело улыбнулась.

— Оставь себе, — ответила она, поворачиваясь к своим ящикам и коробкам. — У меня есть.

По крайней мере в этом она оставалась дочерью своего отца, а не покорной женой какого-нибудь барона. Пока что…

Кинжалы Джулианны были богато разукрашены драгоценными камнями и представляли собой обычную деталь наряда. Серебряные клинки оканчивались закруглением — этакое милое украшение милой жёнушки, если, конечно, барон Имбер сочтёт её милой или станет заботиться о её украшениях. Но это было не единственное оружие Джулианны. Любая девчонка, бегавшая в одиночку по улицам Марассона, носила с собой один-два клинка, чтобы в случае необходимости поучить вежливости какого-нибудь мужлана. А уж если эта девчонка была дочерью

королевской тени, она просто обязана была уметь защищать себя. И Джулианне уже не раз приходилось благодарить Господа за хороший острый кинжал в руке и за преподанное ей умение обращаться с ним.

Два таких кинжала она извлекла из саквояжа, не устояв перед искушением по-жонглерски подкинуть клинки, прежде чем заткнуть их за верёвку, заменявшую ей пояс. Элизанда одобрительно кивнула и сделала то же самое со своим оружием.

Лампа за дверью давно погасла, и девушкам пришлось спускаться по тёмной лестнице, вытянув перед собой руки. Они шли медленно, но всё же спуск наконец окончился, и подруги побежали по замковым коридорам туда, откуда доносились звуки битвы. Девушки ступали мягко, производя не больше шума, чем лёгкий ветерок — по крайней мере так казалось Джулианне. Сама она не слышала своих шагов, так разве мог услышать их кто-нибудь другой? Особенно в раздававшихся впереди и вверху криках, гвалте и лязге оружия?

Если соблюдать осторожность, решила Джулианна, их с Элизандой заметят нескоро. Серовато-коричневые бурнусы днём сливались с выжженной землёй и пылью, а по ночам совсем исчезали в темноте. Даже когда на них светила луна — а уж этого обе девушки избегали, не сговариваясь…

Они по-шпионски подкрались к месту битвы, к большому внутреннему двору у северной стены замка. Элизанда без слов продемонстрировала Джулианне, как следует поворачивать кинжал лезвием внутрь. Так он оказывался лежащим вдоль руки и совсем скрывался под рукавом бурнуса, но был готов к бою и надёжно укрыт от света, который мог бы выдать его. Пригибаясь, девушки перебегали с места на место, пока не нашли, где устроиться. Это был контрфорс одной из башен, тень которого защищала девушек надёжнее кинжала: их было не видно, а они видели все.

Поначалу, пробегая мимо места схватки, Джулианна разглядела только рукопашный бой и путаницу тёмных ряс, блестящих клинков, бледных и смуглых лиц. Однако даже с такого расстояния не удавалось различить отдельные звуки: колокол наконец перестал звонить, но бряцанье, стоны, тяжёлое дыхание, вопли и крики перемешались между собой.

Очутившись под прикрытием контрфорса — тут она присела на корточки, прижимаясь к холодному камню и к тёплому плечу Элизанды, — Джулианна закрыла лицо волосами, чтобы белизна кожи её не выдала, и стала глядеть сквозь пряди. С такого расстояния видно было гораздо лучше; теперь девушка могла

отличить братьев в бесформенных рясах от тех, с кем они сражались — на нападавших были бурнусы, сильно отличавшиеся от ряс, нападавшие сражались кривыми ятаганами, у нападавших были тёмные бородки, а головы скрывались под капюшонами. Шарайцы, подумала Джулианна, несколько десятков шарайцев, не более того. Конечно, они обречены. Зачем они затеяли столь странный налёт? В замке ведь несколько сотен братьев и сотня рыцарей! Кстати, рыцарей девушка видела — они сражались отрядом, в развевающихся белых одеждах, показывая все своё мастерство, силу и умение. Ей показалось, что они равны шарайцам по силам, а то и превосходят их, в то время как братья только пытались парировать удары, делали отработанные выпады и падали раненые, умирающие или мёртвые. В схватке искупителя и шарайца один на один исход был бы предрешён, подумала Джулианна, и нападавшие вполне могли бы заполучить её и Элизанду в качестве приза. Однако, присмотревшись, девушка не увидела особой опасности, и её страх улетучился. Даже без помощи рыцарей монахи могли бы смять нападавших просто численностью.

Как заметила Джулианна, когда первое потрясение у братьев прошло, дисциплина начала брать своё; а может, она просто начала замечать порядок в том, что сначала показалось ей хаосом. Она увидела, как старшие монахи собирают вокруг себя свои отряды, как рыцари делают то же самое, подталкивая друг друга вперёд или отзывая назад. Появлялся порядок. У шарайцев тоже видна была какая-то дисциплина, но они отступали, хотя отступать им было некуда. «Дисциплина смерти», — подумала Джулианна, и ещё подумала, что цель этого боя для них достаточно важна, чтобы умирать за неё.

Элизанда подтолкнула её локтем и указала подбородком куда-то вверх. Джулианна проследила за ней взглядом и высоко на стене увидела на фоне звёзд какое-то движение. Человек в белой рубашке (ночной, кстати сказать), должно быть, рыцарь, сражался на самой верхушке лестницы едва ли не в одиночку — только один юноша в просторной белой рясе стоял рядом с ним, видимо, его оруженосец. На двоих бойцов наседало с полдюжины шарайцев, но в узком проходе можно было сражаться только один на один, а иногда двумя парами, когда шарайцы выпрыгивали из-за стены и бросались на юношу.

Джулианна не сразу поняла, почему Элизанда указала именно на них — разве что обращала внимание подруги на искусное фехтование: и юноша, и его господин были воплощённой грацией, выгодно отличаясь от грубых рубак во дворе, несмотря на то что у тех было предостаточно места для

красивого боя.

И тут, присмотревшись, Джулианна узнала и рыцаря, и оруженосца. Это были её друзья — или почти друзья — сьер Антон д'Эскриве и тот юноша, Маррон. Оруженосец был в белом — накануне его осудили и отправили (или собирались отправить) в кельи кающихся грешников. Что же получается, Орден освободил осуждённых и призвал их к оружию? Да, наверное, так оно и было, хотя вокруг не было видно ни одного человека в таком же одеянии. Или в ночной рубашке, как д'Эскриве…

Ни один рыцарь или брат не поднялся по лестнице, чтобы помочь им. До этого Джулианна старалась воспринимать ситуацию аналитически, внимательно рассматривая, как учил её отец. Внезапно она снова стала собой и испугалась за людей, которых знала и о которых тревожилась.

Она огляделась и увидела самого прецептора, стоящего в стороне от схватки. Вышлет ли он людей на помощь рыцарю и оруженосцу, если попросить его об этом? Ведь если шарайцы захватят стену, они получат возможность отступить или пополнить свои силы и будут держаться за неё, пока их не выбьют оттуда…

Джулианна, в свою очередь, толкнула локтем Элизанду, желая сказать: «Идём со мной, мы можем помочь им», — но подруга поняла её неправильно, нет, намеренно сделала вид, что не поняла. Элизанда кивнула, встала с корточек и ринулась в совершенно противоположную сторону. К ступеням…

— Вернись! Куда ты?!.

Это был только шёпот, слишком тихий и запоздалый. Элизанда не замедлила шага и продолжала быстро, но осторожно пробираться по двору, пригибаясь даже тогда, когда приходилось перепрыгнуть через лежащее тело или через лужу крови. Наконец она нашла новое укрытие в тени стены, совсем недалеко от ведущих наверх ступеней.

Она была едва видна — только бледное лицо проступало из темноты, когда девушка двигалась, — но очень уязвима. Джулианна разглядела свисающие с зубцов стены верёвки, по которым во двор спустились шарайцы; что, если ещё кто-нибудь спустится со стены в нескольких шагах от притаившейся Элизанды? А если вдруг шарайцы решат отступать и начнут пробираться назад, к верёвкам, чтобы выбраться из замка?

Джулианна вскочила на ноги и побежала за подругой. Конечно, двоих заметить вдвое проще, чем одного, но их вполне мог разглядеть какой-нибудь магистр или остроглазый монах, разглядеть и подвести своих людей поближе. А если нет — что ж, двое могут сражаться вдвое эффективнее. «И погибнуть во вдвое

большем количестве», — но эта мысль пришла уже потом.

Пытаясь смотреть одновременно в три стороны — вперёд, на Элизанду, налево, на бой, и направо, на прецептора, который так её и не заметил, — Джулианна совсем забыла посмотреть ещё и под ноги. А сами по себе её ноги не могли перенести хозяйку через тела погибших; одна споткнулась о чью-то вытянутую руку, другая заскользила по грязи, и Джулианна упала на четвереньки. Оглядевшись, чтобы понять, слышал ли её кто-нибудь, она обнаружила, что ей повезло — или наоборот, это как посмотреть, — и взглянула вперёд, решив поаккуратнее выбрать путь к Элизанде.

И увидела, как Элизанда, выпрямившись в полный рост, выходит из тени на лунный свет, увидела, как она отводит руку и резко выбрасывает её вперёд. Джулианна разглядела даже холодный блеск летящего кинжала Элизанды, который её подруга метнула вверх, на стену.

Проследив за его полётом, Джулианна подняла глаза. На фоне звёзд стоял шараец с занесённым над головой мечом. Он застыл, так и не нанеся удара. Д'Эскриве сделал выпад, его меч разрезал темноту, а кончик клинка скользнул по горлу шарайца. Тот начал оседать и упал.

Всего одно мгновение Джулианна следила за этим падением, боясь за оказавшуюся внизу Элизанду. Потом ночь прорезал дикий вопль, привлёкший её внимание. Кричал не падавший, нет — тот молча ударился о землю. Элизанда увидела ещё одного шарайца, судя по голосу, совсем юного, хотя в потёмках безбородое лицо казалось тёмным пятном, который упал на колени, следя за падением товарища, а потом дико посмотрел на д'Эскриве. Вскочив, юноша стал пробиваться сквозь толпу своих соплеменников, намереваясь добраться до рыцаря, но его стали отталкивать назад, туда, где кто-то из шарайцев тянул вверх болтавшуюся на стене верёвку.

Решив, что пора включаться в события, Джулианна вскочила на ноги и помчалась к основанию стены, где увидела Элизанду, стоящую на коленях у тела шарайца. Это был тот самый человек, которого убили она и рыцарь; Элизанда вытащила из его тела свой кинжал, и Джулианна увидела слезы на глазах подруги.

— Элизанда…

Широкий рукав мазнул по глазам; лёгкое покачивание головы, злой взгляд и несколько тяжёлых слов, произнесённых хриплым голосом:

— Уйди. Я должна помолиться за него…

Элизанда положила ладонь на лоб мертвеца, не обращая внимания на заливавшую его кровь. Девушка забормотала что-то,

запела, негромко, со всхлипами, на незнакомом Джулианне языке. Впрочем, казалось, что Элизанда тоже не слишком хорошо его знает или по крайней мере давно им не пользовалась. Не страдание было повинно в том, что она то и дело запиналась, заикалась и повторяла слова по нескольку раз. Глаза её были закрыты, а тело покачивалось туда-сюда, словно в ритуальных движениях, помогавших совершать церемонию даже тогда, когда память окончательно отказывала.

Джулианна выполнила её просьбу и отошла назад. Посмотрев вверх, она обнаружила, что ситуация на стене в корне изменилась. Один из шарайцев сдерживал д'Эскриве, давая своим товарищам время бежать из ловушки, которой стал для них замок. Этот шараец был храбрецом: он неплохо дрался, но Джулианна видела, что сьер Антон фехтует лучше и у его противника нет никаких шансов. Вероятно, на стене осталась всего одна верёвка — Джулианна видела, как люди протискиваются в амбразуру и исчезают.

Д'Эскриве отразил удар, сделал обманное движение, выпад — и его противник упал. Рыцарь переступил через его тело — следовавший за ним Маррон сделал то же самое, продолжая, впрочем, оглядываться вокруг — и подошёл к амбразуре. Там д'Эскриве занёс было свой меч, словно собираясь перерезать невидимую Джулианне верёвку, которая все ещё должна была оставаться там, но помедлил и не стал наносить удара. Негромко сказал что-то своему оруженосцу, обернулся, поглядел на двор и пошёл к лестнице. Джулианна вжалась в стену в самом тёмном месте; опасность уже миновала, последних нападавших окружили в дальнем углу двора, но девушке не хотелось, чтобы её заметили и отчитали, как непоседливого ребёнка, а потом под охраной отвели в комнату. И кроме того, ей не хотелось, чтобы Элизанде помешали петь. Что бы ни означал этот ритуал, он был важен для её подруги.

Когда рыцарь с оруженосцем скрылись из виду — Джулианна надеялась, что они отправились в лазарет, если пятна на повязке Маррона были тем, что она подумала, — девушка поспешно взбежала по лестнице на стену, старательно изображая целеустремлённость и уверенность в собственной безнаказанности. То есть изображая саму себя. Её действительно не имели права покарать — она была гостем, а не пленником. Что же касалось целеустремлённости — цель у неё действительно была. Она до сих пор не понимала, каков был смысл этого нападения. Вряд ли горстка бойцов намеревалась справиться с гарнизоном такой большой крепости. А неведение Джулианна ненавидела сильнее всего, особенно если оно было её

собственным. Отец неустанно внушал ей: «Старайся понять все вокруг, малышка, почаще задавай вопросы. Спрашивай о себе, о мире, о собеседнике. И помни главный вопрос: почему?»

С того места, где очутилась Джулианна, видно было довольно далеко, хотя высота и пугала девушку. Увидев, что вся равнина вокруг мерцает движущимися огоньками, она сперва ничего не поняла.

Повсюду вокруг огромной скалы, служившей основанием Року, сидевшему на ней подобно сторожевой птице — «гигантской чёрно-красной зловещей птице», — подумалось Джулианне, — всюду сновали тени с огоньками в руках, все вместе превращавшиеся в толпу с факелами. Всадники, поняла Джулианна. Они находились слишком далеко, чтобы в свете луны или факелов можно было разглядеть подробности, и уж, конечно, чересчур далеко, чтобы можно было расслышать стук копыт, но что-то в движениях этих теней говорило о том, что люди с факелами едут верхом.

Вряд ли там могло обойтись без лошадей. Сколько людей оказалось в поле её зрения, сотни три? По меньшей мере сотня огоньков, а ведь далеко не у всех были факелы. И их могло оказаться во много раз больше, если они окружили утёс плотным кольцом. Такая армия не могла бы идти пешком и сохранять свои передвижения в тайне; слухи намного обогнали бы её.

Схватившись за зубцы стены и глядя вниз, превозмогая страх высоты, Джулианна раздумывала над увиденным, как недавно раздумывала о нападении, выискивая цель, смысл и значение действия, поначалу казавшегося бессмысленным и хаотичным. Сперва ей показалось, что огоньки на равнине снуют туда-сюда без всякого порядка: у реки огоньков и теней не было чётких очертаний, у неё, как и у всякой реки, было единое течение, и текла она на север, прочь от замка. На глазах у Джулианны отступала целая армия, отступала не поспешно, не спасаясь бегством — нет, ровным походным шагом.

Значит, осады не будет. Нападавшие намеревались захватить замок с налёта. Небольшая группа должна была вскарабкаться по северному склону утёса, а потом по откосу и по внешней стене, пробиться к воротам и впустить главные силы. И это должно было случиться в полночь, пока братья стояли на молитве, а стражники утратили бдительность…

Потерпев поражение, армия стала отступать. Командующий оказался умным человеком и решил не рисковать и не импровизировать на ходу. Джулианна не сомневалась, что её отец одобрил бы его действия. Да и сама она считала, что так все и должно быть. Составь план, ударь, удержи крепость, если

побеждаешь, и отступи, если проигрываешь, чтобы потом придумать новый план. Джулианна от души надеялась, что на этот раз армия нападёт на какое-нибудь другое место. Захватив Рок-де-Рансон, шарайцы смогли бы удерживать его не меньше времени, чем искупители. Это подорвало бы северную границу Чужеземья и лишило бы его защиты. Таллис оказался бы открытым для набегов или чего-нибудь худшего, Элесси был бы потерян… Это могло означать для Королевства медленную смерть — а может быть, и не такую уж медленную. Рок был ключом, по крайней мере так казалось Джулианне в эту ночь, а если ключ повернуть в замке…

Хотя прежде ей не приходилось путешествовать по Святой Земле, не говоря уже о том, чтобы жить в ней, она оставалась дочерью своего отца и унаследовала его беспокойную любовь к стране. Этой ночью она словно наяву увидела, как шарайская орда сметает все на своём пути, от Таллиса до Лёсс-Арвона и загадочного Сурайона, как она приходит к воротам Аскариэля — воротам, которые некому больше защитить. Воцаряется ужас, горе, кровь и жестокость; и все это из-за крохотной точки на карте, из-за одной крепости, потерянной страной, в которой есть сотни и тысячи других крепостей и замков.

Да, Рок был не обычным замком, и, наверное, именно поэтому шарайцы пришли сюда такой армией, положившись на удачу. Именно поэтому король отдал Рок под защиту искупителей — лучших бойцов, собиравшихся в большие отряды ради того, чтобы оберегать, наблюдать и всегда быть готовыми к бою.

Оберегать и наблюдать, сражаться и молиться — молитва не шла из головы у Джулианны. В своём плане шарайцы не забыли о молитвенных часах. Для того чтобы рассчитать нападение во время молитвы, нужен был изощрённый холодный ум. Про шарайцев так и говорили: они хитры и холодны, они всегда держат нож за пазухой. Кочевники пустыни, вынужденные противопоставлять эти качества своей дикой горячей родине.

А ещё они были терпеливы. Джулианна стояла и смотрела, как уходят, исчезают в полной тишине тени и огоньки, и знала, что они вернутся снова. И снова, и ещё раз, и так до тех пор, пока Чужеземье не лопнет, пока ему не настанет конец. Даже отец Джулианны не верил, что шарайцев удастся сдерживать вечно.

Джулианна забыла о страшной высоте. Теперь ей хотелось стоять час, два — сколько понадобится, пока шарайцы не исчезнут за горизонтом и заря не поглотит свет их факелов. Но с минуты на минуту на стене могли появиться люди — монахи, чтобы убрать тела, магистры, чтобы увидеть, как отступает враг. Джулианна всё ещё надеялась обойтись без встречи с ними, без

холодных слов и возвращения в комнату. К тому же внизу, под стеной, всё ещё сидела Элизанда, а её не следовало оставлять одну надолго — Джулианна и так потратила много времени на наблюдения.

Бросив на равнину последний взгляд, Джулианна повернулась, собираясь уходить. Она посмотрела, как пройти мимо лежащих на стене убитых и раненых, как вдруг один из них встал и преградил ей путь. Его зубы поблёскивали сквозь бороду, в руке мерцал кинжал, а глаза казались белыми и блестели в лунном свете. Вся его фигура говорила о боли и о решимости заработать себе место в раю, убив ещё хотя бы одного неверного.

Джулианна все ещё сжимала в руке рукоять кинжала, но внезапно забыла, что с ним делать. Её искусство ей изменило. Она неподвижно стояла перед шарайцем, даже не опустив подбородок, чтобы не так легко было нанести удар, и прощаясь с отцом, со всеми его замыслами и с собственными навязчивыми страхами. Меч начал падать, и она почувствовала нечто вроде облегчения, неожиданно подаренной свободы.

И тут она полетела назад, потому что воздух вдруг загустел и отшвырнул её, словно ударив тугим кулаком. Джулианна влетела в амбразуру — от падения в пропасть её отделяла площадка шириной всего в ладонь, — задохнулась от ужаса и изо всех сил вцепилась в зубец, чтобы удержаться. Умирать ей всё-таки не хотелось, по крайней мере таким образом, и она замерла на месте, тяжело дыша и глядя во все глаза.

Перед ней крутился вихрь, сотканный из света и тьмы, похожий на чёрную верёвку, которая поглощала лунный свет и блестела золотом. Вихрь чуть наклонился и остановился в воздухе между девушкой и шарайцем.

Джулианна сразу поняла, что это, однако не могла оторвать глаз, поражённая его появлением и не находя в себе сил для благодарности.

Шараец тоже знал, что это такое. Он выпустил меч, упавший со стуком, невероятно громким в наступившей тишине, и задержал дыхание. Джулианна тоже не дышала, а джинн — что ж, если эти существа и умели дышать, девушке об этом слышать не доводилось.

Шараец упал на колени и издал не вздох — стон боли. «Хватит, оставь его, он мне больше ничего не сделает», — подумала Джулианна. И только тут поняла, как удивлена этой своей мыслью, только тут осознала, что джинн следил за ней и защищал её даже от её собственной глупости.

Джинн — она помнила его имя, Шабан Ра-исс Халдор — либо не слышал её невысказанных мыслей, либо не обратил на них

внимания. Он медленно двинулся с места и полетел, почти поплыл по воздуху, двигаясь против ветра и явно имея определённую цель. С жестокой медлительностью он приблизился к шарайцу, в ужасе выпучившему глаза. Человек поднял руки («Не надо — подумала Джулианна, — не трогай его!» Она помнила, что случилось с мальчиком, который притронулся к джинну и потерял руку от прикосновения к живому вихрю) и открыл рот, пытаясь не то закричать, не то просто разорвать тишину хоть каким-нибудь звуком. Это ему не удалось.

Джинн едва коснулся его груди самым кончиком своего тела-вихря, и этого оказалось более чем достаточно. Джулианна услышала треск рвущейся материи, скрип и хлопок, заметила обнажённую блестящую кость, а затем увидела хлынувший на землю тёмный поток. Человек подпрыгнул, нет, взлетел от этого прикосновения, и на мгновение его распростёртое тело зависло, распятое в воздухе.

Потом шараец упал, ударился о зубец и полетел дальше вниз. Джулианна не стала смотреть, как он покатится по крутому обрыву у крепости, а потом вновь полетит вниз и в конце концов очутится на равнине. Несомненно, он умер ещё прежде, чем начал падать. На месте его сердца осталась рваная дыра, а лёгкие все ещё работали, хотя окружавшие их рёбра торчали в стороны, словно растопыренные пальцы.

«Спокойно. Если он ждёт твоего крика, он его не услышит», — сказала себе Джулианна.

Казалось, джинн чего-то ждал или же просто решил потратить несколько минут своей вечной жизни на то, чтобы задержаться на месте, рассматривая чуть искоса окружавший его мир. Нет, всё же он чего-то ждёт, решила Джулианна. Причём ждёт от неё. И не крика, потому что опасность уже миновала. Может быть, он хочет поговорить с ней? Хочет, чтобы она спросила: «Что тебе от меня надо?» — или задала ещё какой-нибудь вопрос, не думая о последствиях. Но Джулианна помнила наставление Элизанды: «Никогда не задавай джинну вопросов». И пусть этот совет в своё время запоздал, во второй раз она такой глупости не допустит.

И становиться на колени перед джинном она тоже не станет. И поклона он не дождётся. И реверанса, потому что это существо раз уже обмануло её. Хитрость — орудие бесценное, вот только уважения оно не вызывает.

Выпрямившись перед джинном, Джулианна произнесла:

— Я благодарна тебе, джинн, хотя, — уточнила она, — я и не просила тебя о помощи.

Джинн рассмеялся серебристым смехом, в котором не было ничего человеческого.

— Это не зачтётся тебе в долг, высокородная дама.

— В таком случае, я вынуждена предположить, — осторожнее, не споткнись на собственных словах! — что твоя забота обо мне связана с какими-то делами джиннов, которые мне неясны.

— Вынуждена — предположи. И они должны остаться для тебя неясными, дочь тени. Я велю тебе только одно: поезжай туда, куда ты послана, и выйди замуж там, где должно тебе.

— Ты уже говорил мне это, я помню. Но… — всё же она была дочерью королевской тени и, вспомнив об этом, обрела величественную осанку и уверенный голос, — я повинуюсь приказу моего отца. — А не твоему, подумала она, надеясь, что эта мысль явственно читается у неё на лице.

— Пока что. Я ещё напомню тебе свои слова, и в третий, и в четвёртый раз, Джулианна де Ране. Будь готова. И помни, что ты у меня в долгу.

Да, в долгу, но не за сегодняшнее и не за прошлый раз, когда он возник на равнине перед её скачущей лошадью. В долгу за первую встречу, за беззаботно заданный вопрос и непонятный ответ. Джулианна не знала, стоит ли признавать за собой долг из-за такой мелочи, которая ничего не значила для обеих сторон. Она уже готова была сказать это прямо сейчас, но не успела. Золотые искры, составлявшие тело джинна, завертелись все быстрее и быстрее, пока Джулианна не отпрянула, опасаясь обжечься. Потом вихрь стал толщиной со шнурок, с верёвку, с чёрную нитку, а после этого и вовсе исчез.

После него остался только шёпот, голос в темноте, едва ли громче шелеста ветра: «Скажи Лизан, что внизу есть ещё один человек, за которого надо помолиться. Пожиратели падали доберутся до его тела и не оставят ни одной косточки, над которой можно будет сказать кхалат. Этого человека звали Камаль иб Шофар».

— Ты что, знаешь все на свете? — зло спросила Джулианна и осеклась, хоть и слишком поздно, виновато прикусив язык. Она ждала смеха джинна, ответа «да» или «нет» как знака, что на неё лёг ещё один долг. Однако она услышала только свист ветра, далёкие голоса на стенах и голоса потише — поблизости. Они смешивались со стонами, хрипом и редкими криками боли — это монахи уносили своих раненых в лазарет.

«Что они сделали с ранеными шарайцами?» — подумала Джулианна и тут же поняла, что ничего они с ними не сделали — просто несколько раз занесли и опустили нож, решая задачу

самым простым способом.

Мысль о раненых шарайцах напомнила ей об Элизанде, которая осталась внизу, среди братьев. Осталась одна над телом поверженного врага, напевая молитву, которую люди Ордена наверняка сочли бы ересью, да ещё в их собственных стенах…

Джулианна сбежала по ступеням гораздо быстрее, чем поднималась, и увидела, что Элизанда уже не поёт, а просто стоит на коленях у тела, не в силах двинуться от усталости и охватившего её горя. А ведь обычно она была такой живой, такой любопытной…

— Элизанда…

На этот раз подруга не стала гнать её прочь. Она с видимым усилием подняла голову, и Джулианна поняла, что девушка изнурена до предела.

— У меня… у меня для тебя новость. — Джулианна не могла осмелиться умолчать о словах джинна.

— Откуда?

— От джинна, — нехотя призналась Джулианна. — Он снова назвал тебя Лизан и сказал… сказал, что ты должна помолиться ещё за одного человека, сказать кхалат, правильно? Он сказал, что этот человек упал со стены, и назвал его имя, только я не запомнила…

— Не важно, — пробормотала Элизанда. — Всех имён уже не узнаешь. И погибших никто не станет хоронить по обряду, которого они вполне достойны. Я помолюсь за всех за них. Этот человек, — она показала на тело, — он для меня особенный, потому что убила его я, но молитвы заслуживают все они.

— Они были храбры, — нерешительно сказала Джулианна, — но они убили бы нас, если бы захватили ворота и сумели впустить армию…

— А, вот для чего они все затеяли… Я так и думала. Да, ты, наверное, права. Тут была бы большая бойня. Их обычаи и религия запрещают это, но с каждой стороны погибло столько людей… А шарайцы были моими друзьями, Джулианна. Я гостила у них, они кормили меня и приютили на целый год, они бывали у меня в гостях…

«Где это у тебя?» — естественно, захотелось спросить Джулианне, однако сейчас Элизанда вряд ли обрадовалась бы вопросам. Нет, она спросит потом, когда подруга перестанет плакать. Она могла быть ранима, могла чересчур старательно скрывать все, касавшееся её, — но она была подругой Джулианны. Так что никаких больше вопросов. Кроме того, Джулианна готова была подождать ответов, но совсем не желала, чтобы их услышал кто-нибудь ещё.

— Эти самые люди? — задала она нарочно глупый вопрос.

— Их родственники. Мужчины и женщины — они давали мне куда больше свободы, чем было у них самих. А тут столько людей из стольких разных племён… — ответила Элизанда, вдруг вспомнив о том, что сейчас было, увидев вокруг себя кровь и мёртвые тела. — Я видела бенирисов, корамов, ашти и иб-дхаранов. А этот, судя по одежде, — сарен. Как они сумели пойти на бой вместе? Так не бывает…

— Вернёмся к себе, Элизанда. Пойдём, а то могут быть неприятности. Ты же можешь помолиться прямо там? Когда мы останемся одни?

— Да, — согласилась Элизанда. — Я не хочу, чтобы у меня на руках была их кровь.

Однако она не попыталась вытереть руки, и Джулианне пришлось помочь подруге встать и повести её по скользким от крови камням двора. Тут их увидел какой-то монах, подошёл и проводил до покоев в гостевой башне.

Джезра был мёртв. Армия отступала. Сердце Джемаля было исполнено стыда за эту ночь, он ненавидел Хасана сильнее, чем даже неверных, засевших в крепости, сильнее, чем весь род людской — за исключением одного человека.

Джезра погиб. Побратим-Джезра захлебнулся в крови, и все их клятвы были нарушены. Они поклялись отдать друг за друга жизнь, поклялись при всех, у огня, а потом снова и снова повторяли клятву, прижимаясь друг к другу под общим одеялом в холодные пустынные ночи. А эта ночь заставила их стать предателями. Обоих, потому что Джезра рванулся вперёд тогда, когда должен был подождать, Джезра стал сражаться и был побеждён, потому что не дождался побратима. Взлетевший из-под стены нож вонзился ему в грудь, а человек в белом взмахнул мечом — и Джезра упал. Он был один, он не дождался побратима, и потому рядом с ним не было ещё одного клинка, который защитил бы его.

Не было клинка Джемаля, который поклялся отдать за Джезру жизнь. Хасан сам, своими руками удержал Джемаля, не дав ему отомстить; все клятвы были нарушены, и если бы Хасан этой ночью ехал с племенем саренов, он уже умер бы за это. Предавший побратима клинок вошёл бы ему прямо в сердце.

Но Хасан был далеко впереди. Он вёл отступление — ещё одно позорное дело, и за это он тоже подлежал смерти. Но его не убили, потому что старики — да нет, старые бабы, вот кто они! — каждого племени и каждого костра поддержали его и согласились с ним. «Мы напали, потерпели поражение и потому должны

отступить, — сказали они. — По крайней мере сегодня. А завтра утром мы соберём совет».

И армия отошла, оставив своих мёртвых врагу и навеки покрыв себя позором, ибо теперь неверные могли надругаться над их братьями. И всё же клятва каждого племени оставалась в силе, по крайней мере на эту ночь, и Джемаль не мог поверить в то, что случилось. Он дрожал, как в лихорадке, по его телу струился холодный пот, ему было холодно — и он знал, что теперь каждую ночь будет чувствовать холод, ибо Джезры не будет с ним под одеялом.

Когда они только пускались в дорогу, как горды они были, каких исполнены надежд! Народ Шараи вновь един, все племена собрались вместе, дабы нанести первый страшный удар по величайшей твердыне неверных. Они поклялись низвергнуть её и удержать в своих руках; однако хватило одной попытки, неудачной битвы в час длиной, чтобы все клятвы были забыты и нарушены, как нарушена была клятва Джемаля.

Хасан приказал зажигать факелы, как только штурмовой отряд взберётся на стену. Давайте покажем, сказал он, что шарайцы не таятся ни в победе, ни в поражении. Все так это поняли, что он надеется отвлечь стражников на стены, чтобы они не увидели клинков у себя за спиной. Но это было прежде, когда все верили в удачу, а неверным предстояло познать горечь поражения и остроту клинков шарайцев, а немногим оставшимся в живых предназначался рабский ошейник. Замок был так велик, что горстка людей могла затаиться и переждать, пока долг крови будет сполна уплачен. «Всегда наступает час, когда люди устают от убийства, — говорили старики. — И уже не важно, какая обида была нанесена нам или нашему святому месту — всё равно придёт миг, когда крови станет слишком много».

Джемаль не верил в это. Никакой крови не хватит, чтобы уплатить его долг, пусть даже она вся, до последней капли, вытечет из тела того человека в белом, из всех неверных на свете, из Хасана и всех, кто стоял рядом с Хасаном этой злополучной ночью.

Джезра умер, и Джемалю хотелось убивать до тех пор, пока эти бесцветные земли не будут так же мертвы, как пустынные равнины. А в самом конце, когда под солнцем останется бродить всего один человек — «Вроде Ходячего Мертвеца», — подумал Джемаль, вздрогнул и суеверно сплюнул в пыль, отдавая воду земле, чтобы она была милостива и уберегла его от встречи с Ходячим Мертвецом ночью, — в самом конце он убьёт себя и отправится искать Джезру в раю, каков бы ни был этот рай.

12. СВЕТ ПРАВОСУДИЯ

Он вновь был голоден, сбит с толку и испуган. Вновь стоял на коленях. А ведь так было не всегда, вспомнил Маррон, когда-то давно у него была уверенность, у него был дом, его кормили, он жил в тепле и в уюте.

А потом он дал клятву, обещав положить на её исполнение всю жизнь, обещав продолжить дело отца в Господней войне, в Господних землях. И вот с тех пор — с тех пор, как появился фра Пиет, подсказал внутренний голос, словно в случившемся можно было винить исповедника или кого-нибудь другого, — так вот, с тех пор все давалось Маррону с огромным трудом. Когда-то ему казалось, что на нём лежит благословение Господне, но это чувство давным-давно исчезло.

Остались холод и голод, боль и страх и почти сплошная тьма вокруг, хотя солнечные лучи всё же пробивались сквозь высокие узкие окна часовни, разгоняя мрак.

И всё же на этот раз юноша был не один, и это связывало его с миром. Его судили, он смотрел в лицо своим обвинителям и встречал тяжёлые враждебные взгляды; однако стоявший за его спиной человек поднял голос в его защиту.

Прошлой ночью, когда битва окончилась, сьер Антон быстро увёл Маррона в свою комнату.

— Сейчас мои собратья захотят пуститься в погоню, , — сказал он, — а старшим придётся остудить их пыл, заставить подождать до рассвета и отправить спать по своим комнатам. Я не хочу слышать вопросов, — добавил рыцарь. — И даже видеть вопросительных взглядов.

— Сядь на постель, — приказал он, когда они очутились в комнате. Непонятно откуда, он достал плошку с водой, ткань и бинты.

— Сьер, может быть, вам следует пойти в лазарет? Вы ранены…

— И ты тоже, но в лазарет ни один из нас не пойдёт. У меня есть всё необходимое. Покажи руку.

На самом деле Маррон не был ранен, на стене он получил едва ли пару синяков и царапин — он ведь бился рядом с сьером Антоном и боевая сноровка рыцаря не раз спасала оруженосца. Кровоточила только рука, причём довольно сильно, однако, находясь в состоянии какой-то приподнятости, юноша думал, что так оно и должно быть, так теперь и будет, потому что это знак Господа или сьера Антона, клеймо, которое причиняет боль, но избавиться от которого невозможно.

Ему стало больно, когда сьер Антон освобождал его руку от липкого окровавленного бинта, так не похожего на некогда чистую повязку, под которой рана должна была быстро затянуться, оставив после себя тонкий шрам. Сейчас разрез походил на раззявленный опухший красногубый рот. Он успел наполовину зарасти, прежде чем его порвали снова, а потом ещё раз. Вокруг раны шли пунктиром точки — в этих местах главный лекарь зашил рану, но швы разошлись, открыв её снова.

Сьер Антон присвистнул и стал смывать кровь, говоря при этом:

— Сейчас лучше её не зашивать, не то может начаться воспаление, которое перекинется на всю руку. Да, такая рана будет выглядеть кошмарно даже после лечения, но ты всё же держи её в чистоте, и она затянется.

Сильные пальцы крепко сжали руку Маррона, не давая ей шевельнуться. Рана была промыта и смазана мазью из глиняного горшочка. «Мазь для лошадей, что ли?» — подумал Маррон, но не стал спрашивать и даже сдержал смешок, вызванный этой мыслью. Когда рука вновь была перевязана, сьер Антон снял собственную измазанную кровью рубаху, и наступила очередь Маррона промывать и смазывать мазью его раны. Однако рыцарь легко отделался — его спасло собственное умение и клинок Маррона за спиной. Обошлось всего двумя повязками — одной на предплечье, а другой на рёбрах. После этого сьер Антон бросил на пол в углу шкуры и приказал Маррону снять грязную рясу и ложиться спать.

— Сьер, но я должен вернуться в келью…

— Может быть, и должен, но я тебе запрещаю. Утром будем думать, кто что должен. Если уж ты не можешь слушаться старших братьев, послушайся хотя бы меня.

И он послушался и уснул, хотя и думал, что не сможет. Утром, завернувшись приличия ради в шкуру, он помолился вместе с рыцарем и прислуживал ему во время завтрака — оруженосец другого рыцаря принёс им свежего хлеба и молока. Маррон отказался от еды — голова у него гудела от воспоминаний, а сам он нервничал, пытаясь разобраться в ситуации и сделать хоть что-нибудь так, как надлежало.

— Сьер, я же должен поститься. Я не буду есть. — Хоть этот обет он сдержит.

Сьер Антон не стал настаивать, приказал допить молоко, если уж он отказывается есть, и час полежать на кровати. Несмотря на боль в руке и назойливые мысли, Маррон ухитрился подремать. Тут вернулся рыцарь, заставил юношу надеть грязную испятнанную рясу и привёл сюда. И теперь Маррон стоял на

коленях в рыцарской часовне перед самим прецептором и шестью магистрами, перед судом, который должен был вынести ему приговор.

Сьер Антон рассказал очень мало — что на заре по пятам шарайцев были отправлены разведчики, чтобы узнать, действительно ли армия отступила или намеревается напасть снова. И ещё он сказал, что суд над Марроном не отложат, что фра Пиету велено было остаться в замке специально, чтобы свидетельствовать против юноши.

А, подумал Маррон, после его показаний уже будет всё равно. Защиты у него нет никакой. Он нарушил устав и проявил неповиновение, отпустив человека, которого фра Пиет не без оснований счёл шпионом, а с ним женщину и ребёнка.

Однако стоявший позади Маррона сьер Антон заступился за своего оруженосца.

— Вы абсолютно правы, мессиры. Фра Маррон делал глупости, проявлял своеволие и неповиновение с того момента, как появился в обители. Своим вчерашним поступком он подверг опасности каждого обитателя замка, каждого нашего гостя, будь то мужчина или женщина, — а это вдвое страшнее. Однако своим поступком этой ночью фра Маррон спас замок, братьев и гостей. Это не подлежит сомнению. Рабы-шарайцы не рассказали бы о надвигающемся нападении даже под пыткой — они умеют держать язык за зубами. Если бы фра Маррон не разгадал загадку знака, виденного им в тот день, если бы он не нарушил — в который раз — обеты, выйдя из кельи и подняв по тревоге весь замок, если бы он не зазвонил в колокол, отряд пробился бы к воротам, и шарайцы ворвались бы в замок.

Маррон чуть качнул головой, не соглашаясь с рыцарем. В конце концов, не было никаких доказательств того, что пленник был шарайцем, а тем более шпионом; всё это казалось лишь домыслами растревоженного рассудка, видевшего опасность там, где её не было. Мужчина вполне мог оказаться честным человеком, который старался не изменять вере и оберегать в пути свою семью, попавшую в опасные земли в такое опасное время. А к колоколу Маррона послал сьер Антон — а потом помог ещё глухой брат, зазвонивший в него, хотя, впрочем, это уже увёртка, — а сам рыцарь в то время сдерживал нападавших, дожидаясь прихода помощи.

Однако перед началом суда, едва войдя в часовню, сьер Антон шепнул Маррону:

— Молчи, парень, понял? Ради обета послушания, ради спасения собственной души, молчи!

И Маррон опустился на колени, наклонил голову и молчал,

надеясь, что его не покинули остатки честности. Он ведь поклялся говорить этим людям только правду, если его спросят…

— Мессиры, — говорил тем временем сьер Антон, — я понимаю, что фра Маррон не может больше оставаться членом Ордена. Он слишком часто и слишком серьёзно нарушал Устав. Кажется, он не может сдержать своих обетов и никогда не станет искупителем. Но я прошу вас, прошу на коленях, — и гордый рыцарь действительно опустился на колени подле Маррона, — будьте великодушны. Он ещё молод, почти ребёнок, глупый мальчишка. Но этот мальчишка храбр, он доказал это, сражаясь рядом со мной на стене. И он враг ваших врагов, хотя ему и не хватает дисциплинированности, чтобы оставаться среди вас. Изгоните его из своих рядов, но не будьте излишне жестоки. Не наказывайте его более, чем стыдом от изгнания, который сам по себе уже является тяжкой карой. Ради памяти его отца, которому он старательно, но безуспешно пытался подражать, отметьте его отвагу. Его неудача — это не его вина. Вы многого требуете от братьев, и нельзя винить человека, который оказался слишком слаб и не смог выполнить всех ваших требований. Изгоните его из братства невредимым и отдайте мне. Мне нужен оруженосец, а Маррону нужна дисциплина, немного менее суровая, чем ваша. Этой дисциплине я смогу его научить. Позвольте мне забрать его, и он сможет служить Господу и королю в наше опасное время. Умоляю вас, не калечьте его жизнь сильнее, чем он сам уже искалечил её.

Сьер Антон умолк и встал на ноги. Маррон рискнул поднять глаза и обнаружил, что прецептор смотрит по сторонам, подзывая к себе магистров.

— Благодарю вас, сьер Антон. Мы удалимся, чтобы обсудить это, — сказал он. — А вы оставайтесь здесь, все трое.

Он имел в виду Маррона, сьера Антона и фра Пиета. Присутствие исповедника означало, что Маррону надлежит не сходить с места, сохранять покаянный вид и молчать, не имея возможности ни задать рыцарю вопрос, ни поблагодарить его. Маррон бросил взгляд на фра Пиета — тот стоял неподвижно, постукивая пальцем по лезвию топора, словно отбивая ритм молитвы. Однако чтобы разглядеть это, Маррону пришлось повернуть голову, и рыцарь предостерегающе коснулся пальцем его плеча. Сьер Антон был прав, он, Маррон, абсолютно недисциплинирован, у него не хватает сил даже для противостояния самому малому искушению…

Пол часовни был холодным и твёрдым, в животе у Маррона урчало, а кости ныли. Ему хотелось поднять глаза и посмотреть на свет и роспись в часовне, но он не смел; ему хотелось

прислониться к ногам сьера Антона, но он, конечно, не позволил себе этого.

Ещё до возвращения магистров Маррона охватила дрожь. Он надеялся, что фра Пиет не заметит её, а сьер Антон не припишет её страху. Магистры встали перед юношей, и прецептор произнёс:

— Фра Маррон.

Юноша дёрнулся, словно его вытянули кнутом по спине, как в детстве или в юности. Однако этот голос, подумал он, куда хуже любого кнута.

— Твоим провинностям нет числа, а проступки твои весьма серьёзны. Если бы ты совершил всё, что совершил, не будучи монахом из Ордена, тебя ждала бы смерть. Однако, как монах, ты посвящён Господу, а мы не можем убивать Его слуг. Как монах, ты предал Господа, и мы не должны тебе ничего, кроме твоей жизни, если ты будешь достаточно силён, чтобы удержать её. Господь дал нам право на возмездие, и ни Он, ни мы не можем простить предателя.

Однако, как сказал сьер Антон д'Эскриве, прошлой ночью ты хорошо послужил Господу, хотя это и стоило тебе очередного непослушания. Только поэтому — ибо это напоминает нам, что добродетель может существовать за пределами нашего порядка, и мы благодарны тебе за этот урок смирения, — только поэтому мы намерены согласиться на просьбу сьера Антона. Ты должен покинуть Орден, этот приговор не подлежит отмене, ибо тебе нет места среди нас. Однако ты не покинешь замок, если решишь остаться и служить сьеру Антону с большим усердием, чем служил нам.

Следовало ли отвечать на эти слова? Маррон открыл рот, приготовившись сказать «да, ваша милость» или что там ещё надо было сказать, однако его опередили. В часовне раздался надтреснутый безжалостный голос фра Пиета, обрушившийся на появившуюся у Маррона слабую надежду.

— Ваша милость, мессиры, он должен искупить свою вину. Весь Орден, все братья должны увидеть, что он заплатил за неё…

— Ты хочешь увидеть, как его будут бичевать, фра Пиет? — спросил сьер Антон с холодной насмешливой улыбкой в голосе. — Так и скажи, и не приплетай сюда остальных братьев. Что ж, выпори его, как сможешь. Сдери кожу с его спины, чтобы он уже никогда не мог послужить ни мне, ни кому-нибудь ещё. Давай! Принеси умелого молодого бойца в жертву своей оскорблённой гордыне, и Господь тебя одобрит!

— Один человек ничего не значит. — Голос фра Пиета был не менее холоден, но в нём не звучало и тени улыбки, наверное, он давно уже разучился улыбаться. — Господь призывает нас

принести жертву. Маррон должен быть наказан, иначе в Ордене не будет больше дисциплины. Его отряд видел, что он сотворил, и теперь это уже наверняка известно всем братьям. Если он не понесёт наказания, как можем мы ожидать в следующий раз послушания от глупого самоуверенного юнца, который считает себя умнее своего исповедника?

— Ты прав, Маррон — это всего один человек. Из него можно сделать пример для других, тут ты тоже прав — с его помощью можно напугать других и заставить их беспрекословно повиноваться. Но знай, что после этого на его родине будут говорить так: «Он спас замок, а его засекли до полусмерти». А может, вы пошлёте туда уже бездыханное тело, потому что, хотя монахи не убивают монахов, некоторые из них не могут пережить наказания. Попробуй, и ты увидишь, много ли народу придёт в Орден после этого. Знаешь ли ты, в каком отчаянном положении мы находимся, как мало нас, защитников этой земли? У нас враги на каждой границе, а в наших землях живут еретики. Даже один человек — чувствительная для нас потеря, а если эта потеря повлечёт за собой ещё дюжину, это нам дорого обойдётся через год или два. Мы сражаемся за Господа, сражаемся с шарайцами; мы не можем сражаться ещё и между собой.

— Довольно! — Прецептор не кричал, но его голос эхом отдался в часовне. — Вы оба забываетесь. Фра Маррон — не единственный из присутствующих, кто дал обет послушания, и, похоже, не единственный, кто забыл о нём или решил им пренебречь. Сьер Антон, твоё звание не ограждает тебя от наказания, равно как и твоё тебя, фра Пиет.

Стоявший рядом с Марроном рыцарь низко поклонился; стоявший чуть дальше фра Пиет опустился на колени. Маррон не видел этого, но догадался по чуть слышному шелесту рясы.

— Этот суд не настолько глуп, сьер Антон, чтобы растрогаться при виде воина, перемазанного в крови; думается, ты мог привести его сюда в чистой одежде, однако счёл, что такой вид будет более подобающим его положению. Итак, как я уже сказал, мы намерены проявить непривычную мягкость. Не только ты, фра Пиет, просил наказания, ибо именно так Устав предписывает смягчать гнев Господний. Однако полагать, будто гнев Господень на нас сейчас — все равно роптать на Него, ибо последствия оказались более чем благоприятны. Я заглянул в Королевское Око и увидел, что нападавшая на нас армия находится в нескольких милях отсюда на северо-востоке. Магистр Рикард отправился туда с приказом потрепать их и прогнать подальше, и я надеюсь, что он заставит врага рассеяться. Он отправился туда в полном секрете через Око и окажется рядом с

врагом неожиданно. Впрочем, что бы ни случилось, ясно одно: крепость теперь в безопасности, и неизвестно, так ли это было бы, если бы фра Маррон молился вчера вместе с братьями, а не бдил в келье для кающихся. Моё решение таково: плохо послужив Ордену, но хорошо послужив Господу, фра Маррон, ты перестанешь быть братом для нас и лишишься рясы, которая является знаком нашего братства. Ты не будешь более монахом Ордена искупителей и никогда не сможешь вернуться в его лоно. Однако ворота крепости не захлопнутся за тобой до тех пор, пока ты будешь служить рыцарю-искупителю, сьеру Антону д'Эскриве, который говорил в твою защиту. Удовлетворён ли ты решением?

— Да, ваша милость, удовлетворён. — Как легко произнести слова, как трудно заговорить, когда горло сжимается от облегчения; и всё же он сумел прошептать ответ.

— Что ж, прекрасно. Изгнание из Ордена будет осуществлено сегодня вечером после молитвы. Пока что тебе надлежит вернуться в келью, ждать там и молиться, ибо это твой последний день в нашем братстве.

— Ваша милость, а это необходимо?

— Да, сьер Антон, совершенно необходимо. Пусть он подчинится нашему порядку в последний день перед тем, как перейти в твоё распоряжение. Он всё ещё наш до тех пор, пока мы не изгоним его; и, как сказал фра Пиет, это следует сделать на виду у всех.

И вновь Маррон оказался в темноте и в холоде, и вновь в животе у него было пусто. Впрочем, на этот раз его согревала обещанная надежда, и этого ему хватало.

Он был в чистой рубахе, которую с молчаливым презрением швырнул ему стражник. Она представляла собой кусок вытертой белой ткани, местами прохудившейся до прозрачности. Голова продевалась в дырку посередине, а потом балахон стягивался на поясе белым шнурком, удерживавшим вместе полы. По крайней мере так оно должно было быть. Маррон же здоровой рукой и зубами завязал на шнурке двойную петлю, чтобы она придерживала нывшую больную руку.

Наверное, подумал он, это опять непослушание — сделать из верёвки не пояс, как полагалось, а что-то другое. Но ему уже было всё равно. Оставалось всего несколько часов голода, несколько часов терпеливого ожидания, дрожи от холода и предчувствий. И молиться, как велел прецептор, он не собирался. Он провёл достаточно времени на коленях, а вчера ночью всего на миг вскочил на ноги, держа в руках «Дард». И кожа его была мокра от крови и пота, и страх зверем затаился в животе, а вокруг бушевала сотрясавшая воздух битва, и он помнил охвативший его

трепет, помнил, как сжалось сердце — так, словно он попал домой. Это ничуть не походило на ту выходку в деревне, когда он был как в тумане, — нет, прошлой ночью он весь состоял из натренированных мышц, холодного рассудка, острого зрения. Страх так и не стал ужасом, а трепет не превратился в безумие.

Прошлой ночью он был тем, кем хотел быть, идя по стопам отца и желая стать достойным его наследником. А теперь он надеялся найти это на службе у сьера Антона, как хорошая собака надеется получить за службу кусочек мяса. Он всё ещё хотел сражаться за Господа, все ещё хотел верить в него, но так, чтобы его вера не омрачалась детскими смертями, отвернувшимися друзьями и готовыми убить исповедниками.

В полдень он шёпотом прочёл все положенные молитвы и позволил себе улыбнуться в темноте при мысли о том, что сейчас сьер Антон делает то же самое, что он сейчас также одинок в своей комнате. Маррону показалось, что эта улыбка не разгневает Господа.

Больше он не молился и не думал о том, что случится с ним после вечерней молитвы. До неё оставалось ещё несколько часов, а наказание продлится всего несколько минут, зато потом Маррона ждёт новая жизнь с новым господином, жизнь без горечи и обид…

Волнение вернулось к Маррону, когда он увидел неяркий свет лампы и услышал негромкие, медленно приближающиеся шаги. Это шёл человек, в обязанности которого было разносить хлеб и воду и опорожнять ведра с нечистотами. Поздновато он сегодня, подумал Маррон, но не удивился, вспомнив о событиях прошлой ночи.

Монах с лампой и с корзиной в руках миновал келью Маррона, не останавливаясь. В этом не было ничего странного: для осуждённых на изгнание из Ордена пост был самым малым из наказаний.

Монах прошёл мимо во второй раз, теперь с ведром воды, и опять не зашёл к Маррону. И в третий раз он не стал входить и опорожнять ведро в камере Маррона. На этот раз юноша узнал в нём одного из вчерашних стражей. Наверняка он тоже был наказан за невнимание, за то, что не заметил бегства грешника…

Подумав об этом, Маррон ещё раз улыбнулся, оставшись в темноте. Однако улыбка поблекла, когда он вспомнил, что обычно нечистоты выносили мальчики-шарайцы. Вчера этим занимался Мустар. Голубой камень — «это тебе поможет»…

А Мустару уже ничто не могло помочь. Мустар с товарищами предали замок, их видели на стенах.

Что с ними случилось? Маррон не знал, никто ему ничего не

сказал. Но уж наверняка ничего хорошего. Они могли погибнуть на стенах и во дворе во время боя, могли взять мечи из рук мертвецов и пасть с честью. А могли быть здесь, в кельях, в качестве узников, а не грешников, узников, ожидающих сурового приговора Ордена…

Он должен был знать точно. Он всё равно ничего не смог бы сделать — их камера наверняка была закрыта, им не стали бы доверять, как доверяли монахам, — но и сидеть тут, терпеливо ожидая и находясь в полном неведении, не было сил. Попытавшийся спасти его Мустар мог оказаться по другую сторону каменной стены. Мустар, который спас его и спас весь замок, предупредив друга и подарив ему голубой камень…

Маррон медленно встал, нащупывая опору и пошатываясь от голода и темноты. Он медленно пошёл вперёд, одной рукой нащупывая дверной проём. Рубаха болталась у него вокруг тела. Он нашёл проем и осторожно выглянул наружу. Один из стражников уже был наказан за невнимательность, и остальные могли стать осторожнее. Они могли даже получить приказ не доверять больше кающимся.

Однако в конце коридора горел всего один огонёк, тусклая искорка в каморке стражи, возле которой не было видно ни единого человека. Маррон осторожно глубоко вздохнул, выскользнул из камеры, повернулся спиной к огоньку и на ощупь пошёл к следующей келье. Её дверь была закрыта, но без засова, как и прежде, — юноша понял это, потрогав её рукой. Он открыл дверь, но в келье было пусто и пахло нежилым помещением. Ни звука, ни вздоха, ни ответа на приветствие, которое Маррон прошептал вполголоса.

Он вышел из кельи и прокрался дальше; обе следующие кельи были пусты. Он понял, что дальше идти бессмысленно, но всё же пошёл, ради удовольствия, которое доставляла ходьба и ощущение собственной дерзости — вероятно, последней по отношению к Ордену. Он достиг конца коридора и обнаружил там дверь, заложенную засовом.

Осторожно сделав вдох, Маррон крепко взялся за засов и медленно потянул его. Засов пошёл легко, без характерного скрипа металла о металл. Дверные петли тоже не подвели — дверь открылась совершенно бесшумно.

Чего Маррон уж точно не ожидал в тёмном хоть глаз выколи, коридоре, так это увидеть свет. А ведь сквозь щели между досками двери и между самой дверью и косяком не просачивалось ни единого лучика…

Мешала этому штора — тяжёлая, пыльная чёрная штора, в которую Маррон уткнулся носом, не заметив её в кромешной

тьме коридора. Но от соприкосновения с его плечом она покачнулась, и Маррон, замерев, разглядел свет, сочащийся через щели между ней и стеной.

Юноша стоял, тяжело дыша, в узком промежутке между дверью и шторой. Он был ошеломлён, в голове завертелись неясные мысли и только одну из них удалось додумать до конца: «Нельзя, чтобы стражники увидели, если вздумают выглянуть из каморки». Маррон потянул дверь, закрыл её за собой и только после этого взялся за край тяжёлой шторы, отодвинул её и заглянул внутрь.

Эта камера превышала по размеру любую келью. Но это была не простая камера. Здесь работали инквизиторы; их инструменты висели на стенах, а по углам стояли машины из стали и дерева.

Мальчиков тут не было — зато был человек. Это его крики Маррон с Раделем слышали на ступенях, и их же Маррон вновь слышал накануне. Да, этот покрытый синяками и грязью полуголый человек, лежавший в углу на узкой койке спиной к Маррону, мог быть только им — тем, которого привезли в бочке. Маррон сам этого не видел, но так рассказывали.

Инструментов пытки ему тоже никогда прежде не доводилось видеть. Однако не они притягивали его взгляд, не они и даже не этот человек. Свет — вот что удивило его больше всего, свет, одновременно с которым в его мозгу, подобно искрам из огнива, вспыхнули удивление и страх.

Он думал, что достаточно знаком с магией, магией, которая была заключена в Королевском Оке, в линиях, сиявших расплавленным золотом, навеки запечатлевшемся у него в памяти. Теперь же он подумал, что то — святая магия, дозволенная Господом, точно так же, как свет, зажигаемый в полночь прецептором. А тут была её противоположность, нечестивое дьявольское заклятие. Если слухи не врали и этот человек действительно пришёл из Сурайона, из проклятой земли, он не мог принести с собой ничего хорошего. И, значит, мягкое тёплое свечение, исходившее из шара величиной с мужской кулак, было злом и проклятием; он должен был испугаться его и укрыться от бледно-жёлтых лучей, не должен был смотреть на них из страха впустить в душу зло и стать проклятым на веки вечные…

Однако шар висел в воздухе без всяких опор или нитей, никому не угрожая — если он вообще мог угрожать. Он даже, казалось, не горел, он только сиял, являя собой свет без огня. Как можно было не смотреть на это чудо?

Как можно было не пошевелиться? Ещё не поняв, что он делает, Маррон вышел из-за шторы и, не скрываясь, встал

посреди камеры прямо под светящимся шаром и запрокинул голову, словно высматривая невидимую поддерживавшую его нить. Должно быть, его движения заставили воздух быстрее задвигаться по камере, а может, его выдал звук шагов босых ног — человек на койке застонал, повернул голову и вскрикнул от боли, причинённой этим движением.

Свет потух. Маррон негромко вздохнул и прошептал:

— Прошу прощения. Не надо меня бояться.

— Не надо? Почему? — Голос был надломлен и звучал так же хрипло и грубо, как голос фра Пиета, но всё же в нём слышны были нотки привычного юмора. Несмотря на слова человека, свет зажёгся вновь, вполсилы — неподвижный жемчужно светящийся шар возник недалеко от лица Маррона, словно человек желал разглядеть юношу. — Пугаются даже мальчишки, а я так и вовсе очень пугливый человек.

Казалось, он не прочь был поиграть, хотя бы словами. Маррону показалось, что он совсем не испуган и уже успел оправиться от первого удивления при виде незнакомца, стоящего в камере в лучах запретного — наверняка запретного — магического света.

В свете шара видны были оба лица, и Маррон с незнакомцем какое-то время молча и оценивающе разглядывали друг друга. Маррон увидел, что его собеседник был стар, сухопар, измучен, небрит и заморён голодом. Что увидел мужчина — так и осталось загадкой, потому что он не произнёс ни слова.

Наконец мужчина заговорил, вернее, зашептал распухшими разбитыми губами:

— Что ж, ты не мальчик, ты не из тех, кому иногда позволяют мыть и поить меня. И ты не тот подросток, что передал мне вчера камень-айяр. Но ты не пожелал одеваться так, как одеваются монахи. — Он ухитрился вложить в голос насмешку, показав, что он понимает, что Маррон оделся так не по собственной воле. — Возможно, ты и прав, возможно, мне не следует бояться тебя. Я постараюсь. Да и потом, не похож ты на человека, который побежит доносить хозяевам о моём запрещённом свете. А может, я не прав? Может, мне следует сжечь тебя на месте? Кто ты, мальчик?

Свет вспыхнул так ярко, что смотреть на него было невозможно; Маррон отпрыгнул и увидел, как по полу скользнула тёмная тень — очевидно, шар последовал за ним. Что ж, теперь владельцу шара удалось перепугать юношу.

Маррон выпрямился, вновь повернулся к мужчине и произнёс:

— Меня зовут Маррон. Я… я здешний монах, — хотя

оставаться в этом звании ему предстояло всего несколько часов, — и я не верю, что ваш свет может повредить мне. — В самом деле, имей этот человек такую мощную магию, разве попал бы он в камеру, разве лежал бы здесь, замученный и голодный?

Мужчина хрипло засмеялся, и шар померк, вновь засветившись неярким уютным светом.

— Думаешь, не может? Что ж, наверное, ты снова прав, фра Маррон. Наверное, это только игрушка, хотя она и может принести мне проклятие; впрочем, я, кажется, и так уже проклят.

Маррон понимал, что ему грозит то же самое, узнай кто-нибудь о его поступке. Вряд ли сьер Антон будет милосерднее прецептора, узнав, что его оруженосец закрыл глаза на дьявольскую магию.

Так Маррон и поступил, умышленно шагнув под светящийся шар. Мустар дал этому человеку камень, который он называл айяром, и в этом был знак. «Друг моего друга», — подумал Маррон, стараясь понять, что происходит.

Встав на колени у грязной койки, он спросил:

— Мессир, могу я вам чем-нибудь помочь?

Мужчина изогнул рот в подобии улыбки.

— Ты странный монах, фра Маррон, и не только из-за своей одежды. Вряд ли ты подослан инквизиторами, для них это слишком утончённый приём. Можешь дать мне напиться.

— Простите, мессир?

— Вода там. — Он кивнул на кувшин и кубок, стоявшие на расстоянии чуть больше вытянутой руки от койки. Мужчина поднял руку и показал, что она прикована к стене и позвякивающая цепь не даёт ему самому дотянуться до питья.

— Это самая утончённая из пыток, на которые они способны, — не дать мне дотянуться до воды всего на палец.

Должно быть, мозг у него пересох не меньше, чем горло, а слова причиняли боль, но человек все равно говорил. За последние несколько дней ему, наверное, частенько приходилось кричать, но говорить — редко. Маррон налил в кубок воды и протянул этому человеку — однако, посмотрев на его израненные руки, сам поднёс кубок ко рту узника, немного наклонил его и увидел, как быстро и жадно человек начал глотать воду. Когда кубок опустел, Маррон снова наполнил его и ещё раз напоил узника, а потом подолом рубахи вытер капли, пролитые на подбородок и на измождённую грудь.

Бережно стирая увлажнённой тканью с лица человека пятна крови и пота, он спросил:

— Как вас зовут, мессир?

— Э-э нет, никаких вопросов, фра Маррон. Вдруг ты всё-таки

шпион? — Голос стал сильнее, но не потерял ни капли яда.

— Нет, мессир, я не шпион. Меня приговорили к изгнанию из Ордена.

— А, вот как? Впрочем, всё равно, не, задавай больше вопросов. Можешь звать меня Йонсоном. Слушай, если я правильно понял, тебе здесь быть не полагается.

— Нет, мессир, я искал другого человека… — И не нашёл ни его, ни его товарищей, и старался сдержать волнение, боялся увидеть Мустара и мальчиков-шарайцев мёртвыми в яме. Но, быть может, они спустились по верёвкам и бежали из замка?

А может, и нет. Тогда Маррон спросил — нет, не из любопытства и желания все знать, а лить для того, чтобы отвлечься от тягостных мыслей и заодно развеять подозрения этого человека, Йонсона:

— Мессир, что у вас с руками?

Йонсон поднял руки, равнодушно посмотрел на них, словно стараясь в точности понять, как вывернуты кисти и пальцы.

— Видишь лиг фра Маррон, умные люди строят себе умные машины. Но эти люди не разбираются в тех, с кем работают. Они думают, будто боль, если она длится достаточно долго, может превозмочь всё что угодно. Они не правы, я им так и сказал, но они мне не поверили, сам видишь.

Маррон видел и поверил без труда. Должно быть, инквизиторы похожи на фра Пиета. Они искренне верят, что ещё немного, ещё денёк — и этот человек не сможет больше молчать. А уж если дело шло о пленнике вроде Йонсона, который не стеснялся кричать… Крик — это слабость, а слабость противника — это твоя победа, пусть не сегодняшняя, но завтрашняя. Заблуждение было жестоким, но ни нередкие неудачи, ни постоянные смерти не могли разубедить инквизиторов.

— Как я могу помочь вам, мессир?

— Уходи. Если тебя обнаружат тут, у инквизиторов появится лишняя жертва. Ты берёшь на душу большой грех, разговаривая со мной. Зараза, которая распространяется, должна быть остановлена любым путём.

Это была правда. Сурайонский колдун медоточивыми речами и тайными заклинаниями мог соблазнить самого благочестивого монаха, а ересь в самом сердце Ордена искупителей уничтожила бы и сам Орден, и все Чужеземье, разъедая его ядом изнутри, словно червь, точащий яблоко. И если бы Маррона заподозрили в том, что он соблазнён, его бы не отпустили живым, будь он ещё монахом или уже изгнанником. Наверное, он избежал бичевания только для того, чтобы встретиться с чем-то гораздо худшим, тут, в холоде, где единственным источником тепла был колдовской

свет…

— Может, дать вам ещё воды прежде, чем я уйду? — Маррон рад был бы сделать больше, но не мог.

— Не надо — оставь только кувшин так, чтобы я мог его достать. Тогда будет ясно, куда делась вода. Если повезёт, они решат, что виновата их собственная беспечность.

И обязательно заподозрят, что он не сумел бы ни налить воды из кувшина, ни поднять кубок, как бы близко они ни стояли. Что ж, «люди верят в то, что полегче», — говаривал его дядя. Обычно он говорил так после полуденной службы, когда они возвращались домой, чтобы пообедать перед тем, как снова работать в полях. Тётка при этих словах всякий раз шикала на мужа и опасливо оглядывалась, словно проверяя, нет ли поблизости священника или любопытных соседей.

Маррон поставил кувшин там, где ему было сказано, поднялся на ноги и пошёл к занавешенной двери. Ему хотелось пожелать всего хорошего, но это вышло бы совершенно по-дурацки и бессмысленно. Этот человек, вероятно, должен был вскоре умереть — причём умереть в страшных пытках, — и оба они знали это. Маррон отважился только дать совет.

— Мессир, этот свет, который вы делаете — это ваше колдовство, надругательство над Господом и над Его законом, — вы с ним поосторожнее…

— Я и так осторожен. Ты удивил меня, войдя совершенно бесшумно, фра Маррон. Обычно инквизиторы не столь осторожны, их слышно, хоть штора и приглушает все звуки. Её повесили тут для того, чтобы я своими криками не мешал вашим благочестивым занятиям.

Не слишком от неё много пользы, подумал Маррон, вспомнив долетавшие до лестницы крики. А впрочем, без шторы крики, наверное, были бы слышны даже на кухне — суп от них, как пить дать, скис бы…

Он учтиво попрощался с Йонсоном — пусть он сурайонец и еретик, но все равно этот человек под истошными криками скрывал настоящую храбрость, и помешать Маррону уважать его за это не могла даже суровая выучка — и вышел из камеры так же осторожно, как и входил, вначале закрыв за собой штору и только потом пройдя в дверь, чтобы ни один лучик света не выдал его. Не издав ни единого звука, он медленно задвинул засов на место. Почти ничего не видя, он пошёл вперёд, считая пустые кельи, и наконец нашёл свою собственную. Он понял, что угадал её правильно, почувствовав поднимавшуюся от ведра вонь, и преклонил колени, словно никогда и на дюйм не отступал от того, что должен был делать весь этот день.

Его мозг блуждал гораздо дальше тела; он был в крепости и на равнине, разыскивая там Мустара. И ещё дальше, гораздо дальше, разыскивая потаённый Сурайон, пытаясь разглядеть, плачет ли там кто-нибудь об исчезнувшем человеке, о волшебнике, попавшем в холодную цитадель искупителей и не имеющем надежды выйти оттуда.

Конечно, он не обнаружил ничего, кроме собственных сомнений и страхов. Он снова был в келье, снова замёрз и хотел есть, снова чувствовал боль в упрямо не желавшей срастаться руке и страх перед будущим.

Братья пришли за ним ещё прежде, чем большой колокол стал собирать их на вечернюю службу. Нет, они повели его не в зал — было ещё слишком рано, — а в переднюю, где встали подле него в карауле, ничего не сказав о его самодельной повязке и о неподпоясанной рубахе. Наконец призыв к молитве заставил их встать на колени, и в воздухе поплыл звук колокола.

Монахи негромко пели молитвы. Маррон шёпотом присоединился к ним, не желая умножать собственных грехов, однако молился он механически. Весь сегодняшний день он не мог избавиться от горечи при мысли о Господе и о людях, которые следовали за ним, которые убивали и пытали, и называли это служением.

Закончив молиться, все продолжали чего-то ждать, не говоря ни единого слова. Наконец высокие двери зала распахнулись; из них вышел прецептор, магистры и рыцари. Магистр Рольф, магистр Суарт и два магистра-исповедника сделали шаг в сторону от процессии и встали в дверях передней, не удостоив Маррона даже взглядом.

Теперь ему пришлось встать и пойти вслед за ними в зал, пройти по узкому коридору между собравшимися монахами, чувствовать на себе их взгляды исподтишка, встать, а потом преклонить колени перед ступенями алтаря, обнажив голову в знак бесчестья.

Магистры рассказали о его грехах, о неповиновении, которое повлекло за собой предательство по отношению к Ордену и Господу. Рассказали они и о том, почему наказание, которому подвергнется Маррон, будет смягчено, о том, как его запоздалая догадка спасла замок, как храбро и доблестно он бился на стенах. Правосудие приговорило его, правосудие же и смягчит кару: Маррон будет лишён рясы и изгнан из Ордена, дабы без благословения церкви искать свой собственный путь в мире.

Два монаха, стоявших на страже позади него, разорвали на юноше рясу, потянув её в разные стороны. Они сорвали даже пояс, который служил Маррону перевязью для руки.

Обнажённого, придерживающего раненую руку здоровой, его заставили пройти через весь зал в обратную сторону. При этом Маррон старался держать голову как можно выше и ступать так твёрдо, как только мог.

Он вышел из зала и прошествовал сквозь крепость, а сьер Антон так и не пришёл к нему на выручку. Вокруг было только молчание шедших позади него братьев да косые взгляды тех, кто стоял вдоль стен, глядя на юношу.

Перед конюшнями в большом дворе лежала огромная куча дров, подле которой стояли небольшие бочонки. Маррон не понял её назначения, но он был перепуган до смерти, и его любопытство потонуло в страхе — что, если сьер Антон передумал или суд изменил приговор, что, если ему предстоит стать не оруженосцем, а изгнанником, преданным анафеме, одиноким и испуганным…

Стражники открыли ворота, не сказав ни слова. Маррон вышел и услышал, как захлопнулись створки. Он поднял глаза, чтобы посмотреть на новый мир вокруг, гадая, кем он стал, куда ему идти, что делать, чтобы выжить в этих суровых землях.

И увидел в нескольких шагах от себя рыцаря. Сьер Антон ждал его.

Сьер Антон принёс с собой одежду — куртку, штаны и мягкие башмаки, — взятую или купленную у оруженосца одного из его товарищей-рыцарей.

— Спасибо вам, сьер…

— Не за что пока, — ответил рыцарь. — Я солгал в суде, Маррон. Мои порядки покажутся тебе не менее суровыми, чем в Ордене, и легче тебе не будет. Если ты не станешь слушаться меня, ты не будешь нужен мне, и я ни за что не стану тебя держать.

— Я буду слушаться вас, сьер, — искренне, от всего сердца сказал Маррон. — Честное слово, буду!

— Увидим. Вот, бери. — В обеих руках у Маррона оказались кусок мягкого хлеба и яблоко, и если таковы были порядки сьера Антона, юноша рад был бы следовать за ним всю оставшуюся жизнь. — Ешь и слушай. Ты — мой оруженосец, присягнувший мне на верность. Ты можешь спать либо вместе с другими оруженосцами и слугами, либо в моей комнате, как прежде. В любом случае тебе будет доставаться из-за того, что ты служишь именно мне. Выбор за тобой.

— Сьер, если я буду спать с вами…

— В моей комнате, Маррон.

— Да, сьер, — можно ли мне будет молиться вместе с вами в положенные часы?

— Я буду настаивать на этом. Ты хочешь этого?

— Да, сьер.

— Хорошо. Хотя тебе достанется и за это, предупреждаю. Впрочем, этого не избежать.

Он не стал объяснять подробнее, но Маррон и не думал тревожиться. Он подумал, что оруженосцы и слуги немногое смогут добавить к знакомым ему страданиям; он верил даже, что сама жизнь не сумеет заставить его страдать больше, чем ему уже довелось.

— Да, и последнее. Перед ужином у конюшен назначен обряд. Он тоже дастся тебе нелегко. Но это будет первым твоим испытанием на новой службе: ты пойдёшь туда.

— Сьер, а вы…

— Я буду примерно там же. Буду, но рядом нам стоять нельзя. Вытерпи все, Маррон. Это необходимо. А теперь ешь. Я не привык повторять дважды.

Похоже, рыцарь не привык ещё и к тому, чтобы слуги разговаривали с ним с набитым ртом, и потому до этого момента Маррон стоял, опустив руки по швам. Только его непослушные ноздри подрагивали, чуя запах еды, столь заманчивый после поста; рот наполнился слюной и слова стали едва различимы.

— Да, сьер. То есть нет, сьер… — «Как скажете, сьер», — поправился он про себя, а зубы уже рвали и жевали пищу, он глотал и смаковал её так открыто, словно поселившийся в его желудке голодный волк захватил его целиком и заставил забыть про хорошие манеры.

Он услышал, что рыцарь смеётся, но не обратил на это внимания. Даже мысль о том, что должно было случиться вечером, не волновала его, несмотря на мрачные предостережения сьера Антона. Маррон не был больше братом, Орден не имел над ним власти — разве только через посредство сьера Антона, буде он позволит кому-нибудь распоряжаться своим оруженосцем, но главы Ордена всегда были осторожны по отношению к рыцарям. Какой вред мог нанести Маррону очередной обряд? Само слово «обряд» могло означать что угодно. Вся служба монаха была обрядом, и исповедь, и последняя молитва в присутствии священника, и любой самый мелкий ритуал. Маррон был, конечно, благодарен сьеру Антону за заботу, но право же, рыцарь тревожился зря…

Так думал Маррон, молодой, голодный, забывчивый юноша. Такие мысли вертелись у него в голове, пока он стоял во дворе с остальными оруженосцами — те уже подталкивали друг друга локтями и перешёптывались, то ехидно приветствуя Маррона, то сжимая вокруг него кольцо, в котором очень трудно было

удержаться на ногах, — пока среди рыцарей в сияющих при свете факела одеждах не появился сам сьер Антон. Каждый десятый из присутствовавших держал факел — магистры, рыцари и монахи, выстроенные по отрядам; по двору метались бесчисленные тени, и трудно было разглядеть что-нибудь — и всё же Маррон увидел больше, чем ему хотелось бы.

Монахи встали строем вокруг кучи дерева, слуги и оруженосцы протиснулись кто куда сумел. Прецептор выступил из строя магистров и поднял руку, призывая собравшихся к молчанию. Все взгляды обратились на него, и Маррон был не единственным, кто задержал дыхание, чтобы лучше слышать.

— Прошлой ночью, — начал прецептор сильным грубым голосом, — наша крепость едва не пала жертвой предательства. Только милосердие Господне спасло нас. — «Да я», — вызывающе подумал Маррон, но не шелохнулся. — Предали нас наши собственные слуги, те, кому мы сохранили жизнь лишь по доброте душевной. Теперь они заплатят за предательство по нашим законам, и да будет милостив к ним Господь, ибо нашего милосердия они не достойны!

Закончив речь, прецептор сделал приглашающий жест и отступил на шаг назад. Его место занял монах с топором, который вскрыл стоявшие подле кучи дерева бочонки. Потом, отложив топор, он стал поднимать бочонки один за другим; вязкое масло лилось из них на деревяшки. Опустевшие бочонки отправлялись в костёр.

Прецептор собственноручно взял факел и швырнул его на дрова. Промасленное дерево вспыхнуло.

Два дюжих брата вышли из конюшни и зашагали по единственному свободному проходу во дворе, таща между собой маленькую фигурку в белом. Маррон понял, что это был один из мальчиков-шарайцев со связанными за спиной руками.

— Нет…

Это больше походило на стон. В раздающемся со всех сторон бормотании никто не услышал Маррона. Юноша глубоко вдохнул, готовясь закричать, пробиться вперёд и заорать изо всех сил о том, что это жестокость. Внезапно его схватили сзади, он в удивлении задохнулся и обернулся. За его спиной стоял Радель.

— Не будь дурнем, — прошептал ему на ухо менестрель. — Ты всё равно ничего не сделаешь. Смотри и запоминай…

Какое-то мгновение Маррон боролся с его хваткой, но безуспешно. Пришлось сдаться. Радель был прав, протест навлёк бы неприятности на Маррона и на сьера Антона, но не дал бы никакого результата. Он ничего не мог сделать, не мог остановить монахов, которые раскачали тело мальчика, слишком

перепуганного, чтобы сопротивляться, и швырнули его прямо в ревущее пламя.

Маррон всхлипнул, но этого тоже никто не услышал — все заглушил крик толпы, смотревшей, как корчится и горит мальчик. Монахи отправились обратно в конюшни и вернулись с новой жертвой.

Мустар оказался четвёртым по счёту. На глазах у Маррона были слезы, огонь слепил его, но всё же юноша узнал своего друга. Он вновь попытался вырваться, и вновь Радель сдержал его; Маррону оставалось только стоять неподвижно, смотреть и про себя клясться отомстить.

Мустар по крайней мере ругался и вырывался, прежде чем был брошен в огонь. Там он закричал от боли и отчаяния, и этот долгий нечеловеческий крик навсегда врезался в память Маррона. Совет Раделя запомнить все виденное был ни к чему — забыть или простить такое было невозможно.

Всего из конюшни вывели около двенадцати мальчиков, выживших в ту ночь, — правда, Маррон перестал считать задолго до того, как последнего из них швырнули в огонь. Должно быть, не все они были виноваты в измене, потому что на стенах с верёвками их было гораздо меньше.

Когда последний из них застыл в бьющихся на ветру языках пламени, прецептор отпустил братьев. Они поотрядно прошествовали в замок по узкому коридору; Маррон заметил, что толпа вокруг него рассеялась, только когда Радель осторожно потряс его за плечо.

— Запомни это, парень, но только не думай об этом постоянно. Это жестокая страна.

«Бывает и такое», — словно говорил он. Бывает, словно ему есть место в этой жизни. В этот миг менестрель очень походил на сьера Антона. Может, все люди становятся похожи друг на друга после нескольких лет в этой жестокой, в этой проклятой стране? Может, когда-нибудь Маррон тоже станет таким?

— Не могли бы мы с тобой поговорить? Наедине?

«Тайно», — имел в виду он, потому что они и без того остались наедине. Маррон подумал, что не желает больше слышать никаких секретов, он и так знал их чересчур много. Ему хотелось чувствовать себя рождённым заново, хотелось начать жизнь сначала, стать оруженосцем сьера Антона и никем более.

— Мессир, я должен… — А что он должен? Он не знал. Наверное, разыскать рыцаря, а может, сбегать в его комнату и найти себе там работу, прибраться, начистить «Джозетту» и проверить, не пострадало ли прошлой ночью лезвие «Дарда»…

Но у него не было сил уйти, не было сил отказать Раделю.

Гораздо проще было стоять на месте, чувствовать, как жар костра стягивает кожу на лбу, вдыхать запах обуглившегося мяса — всё, что осталось от Мустара, последнее напоминание от него, шепоток. «Вот что со мной сделали…»

А остаться на месте означало выслушать менестреля, и тот принял неподвижность Маррона за позволение говорить. Но слушать его было легко, слова улетучивались почти сразу же, их не надо было запоминать…

— Маррон, ты ведь был в кельях кающихся, да? И вчера, и сегодня?

— Да. — Отвечать тоже было нетрудно, юноша мог одновременно говорить и думать о Мустаре, смотреть на лица в пламени. Если магия есть свет, подумал он, значит, свет должен быть магией. Должен был быть знак того, что хотя бы одна юная душа вознеслась в рай, если, конечно, у шарайцев он есть…

— Помнишь, мы с тобой спускались туда, но повернули обратно, когда услышали, как кричит человек?

«И вместо этого спустились в деревню, заметили, что двух камушков не хватает, увидели на шее человека голубую бусину, и потянулась ниточка, и сгорел Мустар…»

— Да.

— Ты не узнал, где держат этого человека? Ну, пока ты был там, внизу?

«Изломанные руки и кровь, торчащие кости — вот как с ним обошлись».

— Узнал.

— Расскажи мне. Расскажи всё, что сможешь: где они держат его, как с ним обращаются, как часто его…

Навещают? Допрашивают? Пытают? Маррон мог бы рассказать много, гораздо больше, чем ждал от него Радель, но вместо этого спросил:

— А вам зачем?

— Я хочу помочь ему, спасти его. — Признание было ошеломляющим, но не вызвало удивления, по крайней мере сейчас.

— Это ересь.

— Скорее даже измена. В любом случае за это не погладят по головке. — Они все ещё стояли у костра, на котором жгли людей, и при этих словах оба повернулись к нему, словно для того, чтобы вновь почувствовать его жар, обжигающий душу. — Если ты мне поможешь, то плохо придётся обоим — если попадёмся. Поможешь?

Эти крики… эти руки… Маррон не мог размышлять ясно, он не мог понять, в чём разница между Йонсоном в камере и

Мустаром на костре. Оба они кричали, у обоих когда-то были руки. Верёвка, которой были связаны кисти Мустара, сгорела быстрее, чем плоть; Маррон ещё видел, как мальчик распахнул в пламени руки, больше похожие на горящие клешни — такими они будут помниться ему всегда.

Маррон уже почти согласился — он должен был согласиться, да и потом, уже одно то, что он слушал, означало его вину, так почему бы нет? Хватит с него рождения заново, хватит невинного детства. Если сьер Антон узнает, он сам потащит Маррона в суд. Вокруг вновь были тайны и ложь, нарушенные клятвы — «я буду слушаться вас, сьер, честное слово, буду», но не в этом, — и всего два часа он на новой службе…

И всё же он снова спросил:

— А вам зачем? Зачем вам рисковать, что для вас этот человек? — Йонсон, но это было не настоящее его имя, а настоящее Маррон вряд ли когда-нибудь узнает.

Радель улыбнулся и развёл руками.

— Я из Сурайона, — ответил менестрель. — А он мой земляк.

13. ТУДА, КУДА ТЕБЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО

Джулианна с Элизандой видели пламя и слышали крики. Ещё вечером, после трудного дня работы в лазарете, они знали, что должно произойти, и ждали этого.

Утром Блез принёс им завтрак, приправив его новостями об отрядах, отправившихся по пятам за нападавшими, чтобы очистить от них окрестности. Сержант был хмур и зол, кривил рот после каждого слова — прошлой ночью ему, бойцу, запретили сражаться, а утром не позволили поехать с отрядом, ибо долг держал его в Роке. Джулианна почувствовала себя виноватой и не стала даже отрицать этого, хоть это и было несправедливо. Чувство собственной бесполезности было знакомо ей хорошо — и даже чересчур, — а дальнейшая жизнь наверняка готовила ещё не одно подобное открытие.

Но в тот день всё должно было быть иначе — так решила она сама. После завтрака они с Элизандой, нарядившись в самые простые платья, которых Джулианне было не жалко, отправились в лазарет. Главный лекарь не стал гнать их оттуда — у него на руках было очень много раненых. В ночном бою раненых бывает гораздо больше, чем в дневном. К тому же вполне можно было ожидать появления новых раненых из отряда мастера Рикарда, а законы Ордена позволяли женщинам ухаживать за больными и ранеными, и даже за искупителями, если в том была нужда. Правда, девушки были в гостях, заставлять их работать строго запрещалось — но они были нужны. Две пары умелых рук вполне заменили двух мужчин, которых можно было отправить в дозор на случай, если шарайцы вернутся.

Итак, Джулианне и Элизанде охотно разрешили поработать в лазарете. Самым тяжёлым раненым пытались помочь ещё накануне ночью, насколько это было возможно в спешке и при свете масляных светильников; раненным полегче наскоро сделали перевязку, а умирающим отпустили грехи. Днём же наконец появилось время для более внимательного осмотра и лечения пациентов и, пока главный лекарь с монахами занимались этим делом, Джулианна с Элизандой ходили от койки к койке с водой, давая раненым напиться, снимая наспех намотанные бинты и смывая запёкшуюся под ними кровь. Никто не заметил даже того, что они отбросили надоевшие вуали, — никто, кроме нескольких монахов, отказавшихся от помощи и повернувших прочь деревянные головы на деревянных же шеях, чтобы не видеть женских лиц. Упрямцы предпочли страдания лёгкому прикосновению женских рук.

Со временем Элизанде надоело таскать воду и готовить раненых к лечению. Она сама стала заниматься ранами полегче, прикладывая мази, завязывая бинты и мимоходом обучая этому делу Джулианну. К явному неудовольствию Элизанды, ей не позволили помогать при операциях, происходивших в соседней комнате, где повсюду висели лампы, а на стенах плясали тени, где калили железо, точили ножи и кричали от боли. Девушка попробовала пробраться туда, вначале напрямую заявив о своём желании, а потом применив хитрость, заявив, что у неё есть кое-какие знания в хирургии, которые сильно облегчат жизнь и врачам, и пациентам; однако дверь непреклонно закрылась прямо у неё перед носом.

Когда зазвучал полуденный призыв к молитве, работавшие в лазарете остановились, а те, кто был ранен полегче, сползли с коек и встали рядом с ними на колени, шепча молитву вслед за мастером. Элизанда чуть кивнула, Джулианна ответила ей тем же, и девушки выскользнули наружу. Там они немного погуляли в душной тени стен, а потом пошли к себе в комнату сбросить грязную одежду, смыть с тел пот и кровь и отдохнуть.

Элизанда поспала с часок, а Джулианна так и не сомкнула глаз. Она лежала, глядя на тени на потолке и видя в них картины прошлой ночи и утра: битва, смерти, демонстративный, а может быть, нарочито спокойный отход армии нападавших, сотни раненых, которым она пыталась помочь, и никакой радости за уцелевших. Она никогда не думала, что такое возможно.

Шарайцев в плен не брали. Джулианна спросила о них только раз, чтобы знать наверняка — где держат раненых пленников, в каком-нибудь более надёжном месте? Монах, которому был задан вопрос, только рассмеялся, и Джулианна поняла это как ответ, хотя он так и не ответил. Пленников в крепости не было — ни здоровых, ни раненых. Нож в горло, как она и представляла себе, стоя на стене, а то и просто дубинкой по голове, чтобы не тупить добрую сталь. Война безжалостна. Братья звали себя искупителями, но они несли искупление этой стране, а не шарайцам.

Когда Элизанда проснулась, девушки быстро оделись и поели, а потом отправились обратно в лазарет, сделав лишь небольшой крюк, чтобы удовлетворить собственное невысказанное любопытство, поглядев на северный двор. Тел там уже не было, а братья оттирали с булыжников последнюю кровь. Через час солнце высушит камень, и от ужасов и смертей прошлой ночи не останется и следа. Элизанда что-то пробормотала про себя — вероятно, молитву за погибших шарайцев, за которых не помолился бы никто другой, и они

пошли дальше.

Раненых было так много, что они заняли не только лазарет, но и две спальни рядом с ним. Девушки носили пищу и воду, меняли одежду, подолгу сидели у коек, разговаривая с лежавшими на них монахами, а иногда и просто слушая бессвязный бред, когда те теряли сознание. За этот день Джулианне не раз приходилось заменять сестру или мать, держа за руку совсем юного мальчика, раны которого были чересчур тяжелы, чтобы выжить. Она не боялась смерти и готова была обмывать и обряжать тела, но этого ей не позволили. Похоже, у братьев были собственные тайные обряды, не предназначенные для женских глаз.

У Джулианны же имелись кое-какие собственные желания. В конце концов она тихонько выскользнула из лазарета, и удача, а может, высшие силы привели её к двери маленькой часовни. Над часовней была точно такая же галерея, как и над большим залом; девушка поднялась по ступеням и встала на колени наверху. Она не собиралась молиться — ей хотелось только побыть в тишине.

Однако её взгляд привлекло неожиданное в этой часовне сияние. Лампы и свечи были зажжены, и в их свете девушка разглядела роспись на стенах — образы святых, картины их гибели и повести о победах войска Господня в Святой Земле. Над алтарём сияла золотом картина славного Аскариэля и стояли серебряные и золотые сосуды.

Глядя на роспись, Джулианна долго не замечала, что она не одна. У самой колонны, прячась в её тени, стоял на коленях человек, и девушка лишний раз порадовалась тому, что забралась на галерею.

Она не могла толком разглядеть человека, но было что-то знакомое в его непокрытой голове, в поведении, в тёмной одежде, которая всё же не была обычной для здешних обитателей рясой. Джулианна была почти уверена, что знает его по имени.

В часовню вошёл ещё один человек. Его голова тоже была непокрыта, и, хотя он и носил рясу, к монахам он явно не принадлежал — Джулианна была в этом уверена.

Он встал на колени подле первого человека и тронул его за руку. Молившийся вздрогнул, рывком поднял голову и сжался.

— Ты меня знаешь, дитя?

— Да, магистр Фальк. — Человек ответил шёпотом, но Джулианна слышала каждое слово; перед Господом не бывает тайн.

— Ты прав. Но не зови меня так; это моё имя принадлежит Ордену.

— Прошу вас, можно мне…

— Вначале ответь мне на один вопрос. Почему ты оставил Орден? Почему, брат?

— Я не оставил его, магистр. Я… меня изгнали.

— Нет, скажи мне правду. Почему ты оставил Орден?

Блез затрясся в рыданиях. Маршал Фальк ждал, терпеливый, словно сам Господь. Джулианна поднялась на ноги и скользнула назад. Перед лицом Господа не бывает тайн, но эта история не предназначалась для её ушей, и ей не хотелось подслушивать.

Она тихо спустилась по лестнице и вернулась к раненым. Только через некоторое время она вдруг осознала всю странность ситуации — маршал Фальк ищет зачем-то её сержанта, а потом предлагает что-то в обмен на его историю или на какие-то другие услуги, которые он мог потребовать в будущем.

Разумеется, проведя столько времени среди раненых, девушки в подробностях узнали все события дня: как вслед за разведчиками из крепости вышла небольшая армия — половина гарнизона, — как она захватила врасплох противника и взяла в плен конюшенных мальчиков, спустивших со стен верёвки для нападавших; как выживших мальчиков жестоко пытали.

Как они рассказали о новом вожде шарайцев, человеке, который объединил все племена и повёл их на войну с Чужеземьем. Человека ввали Хасан.

Как мальчики были приговорены, признаны виновными из их же собственных слов; как этой ночью их должны были казнить, по закону и правосудию.

О Марроне не было сказано ни слова, даже когда девушки прямо спросили об этом. Только один из монахов вместо ответа откашлялся, сплюнул на пол и хрипло сказал;

— Предатель! — а потом отвернулся. Впрочем, Маррон не был главной заботой девушек. Они видели, как юноша, свободный, сражался на стене, а потом ушёл со двора вместе с д'Эскриве, словно оруженосец при господине. Это скорее всего означало, что Маррону простили неповиновение в деревне, о котором, несмотря даже на строгие правила Ордена, говорили все братья. Девушкам историю с неповиновением рассказал Блез, который сам услышал её от дюжины человек в дюжине вариантов, впрочем, немногим различавшихся между собой.

Итак, Джулианна была уверена, что Маррон прощён. Ну, или по крайней мере пыталась казаться уверенной перед самой собой и перед подругой. А вот Элизанда ворчала:

— Ну и где он, спрашивается? Я хочу взглянуть на его руку. — И она снова приставала к братьям с этим вопросом и снова не получала ответа.

На закате, в те недолгие минуты, когда солнца уже не было видно за стенами замка, но за горизонтом оно ещё не скрылось, Элизанда взяла Джулианну под руку и потащила прочь из лазарета.

— В чём дело?

— Надо успеть, пока колокол не зазвонил, а нас никто не слышит. Пошли. Надень вуаль и постарайся выглядеть посмиреннее.

Они пересекли замок и вышли к кухням, а оттуда спустились по узкой лестнице в скальные недра, в самую тьму. Джулианна не могла разглядеть ничего, даже перед самым своим носом; одной рукой она цеплялась за Элизанду, а другой касалась стены. Вопросы были не нужны — она догадалась, что это за место. И задолго до того, как девушки оказались внизу, Джулианна поняла, зачем Элизанда привела её сюда, зачем прихватила с собой сумку с бинтами и лекарствами.

Из темноты они вышли на свет: в маленькой комнатушке горел масляный светильник, у противоположной двери стояли на страже два брата. У них не было никакого оружия, если не считать посохов, но они держались насторожённо и очень удивились, увидев целеустремлённо спускающихся по лестнице женщин.

— Мы пришли лечить брата Маррона, — заявила Элизанда, выставив напоказ сумку. — Мы знаем, что прошлой ночью в бою он был ранен; к тому же его рука нуждается в перевязке…

Она говорила очень убедительно и серьёзно, да и причина была вполне законной, но стражники только покачали головами, и один из них ответил:

— Его тут нет.

Разумеется, девушки не могли миновать охранников, взять лампу и пойти по тёмному коридору, заглядывая в каждую дверь. Оставалось только кивнуть братьям и подняться обратно в кухню. Впрочем, Элизанда предприняла ещё одну попытку, спросив:

— А вы не знаете, где он?

Очевидно, сегодня ей не везло. Охранник вновь покачал головой, и в этот момент над их головами загудел, пробиваясь сквозь камень, большой колокол. Брат покачал головой ещё раз, причём очень выразительно, коснулся пальцем губ и повернулся ко второму охраннику. Они встали на колени, набросив капюшоны на головы, но лицом друг к другу. Кланяясь; они только что не стукались лбами, но зато полностью перекрывали выход в охраняемый ими коридор. Проскользнуть мимо них было абсолютно невозможно; в глазах Элизанды Джулианна увидела разочарование. И всё же девушка задержалась на мгновение,

искоса взглянув в сторону тёмного коридора, словно она могла разглядеть того, кого искала, сквозь темноту и каменные стены.

Вернувшись в свою комнату, Джулианна вновь повторила ей, что Маррон, должно быть, жив и более или менее здоров.

— Его нет в лазарете и нет в камерах — брат не стал бы брать на душу грех и лгать нам. Значит, Маррон не получил тяжёлых ран и не попал в беду…

А вот другие попали, так что волноваться надо было за них, а не за Маррона. Другие были приговорены к смерти, окончательно и бесповоротно. Джулианна не знала их имён и не могла вспомнить лиц — в конце концов, мало ли конюшенных мальчиков ей приходилось видеть за свою жизнь, откуда ей было знать, что эти лица стоило запомнить? — но всё же беда, в которую они попали, тревожила и её, и Элизанду, и ложилась на плечи тяжким грузом, который девушки несли весь день и не могли сбросить.

Так прошёл день и вечер. Блез сам принёс девушкам ужин — он сказал, что в замке нет свободных рук, что даже менестрель Радель вынужден был попросить солдат Блеза поделиться с ним едой. Он заявил, что никогда ещё не слышал, чтобы в Ордене не заботились о гостях, и тут же сделал девушкам выговор, узнав, почему их платья испачканы в пыли и перемазаны в чём-то тёмном.

Элизанда проворчала что-то в ответ, Джулианна же была само терпение — по крайней мере так сказала Элизанда, когда они остались одни. Она слегка улыбнулась и пожала плечами:

— Меня этому учили.

Наконец Блез ушёл, сказав, что должен быть со своими людьми, но не объяснив причины. Должно быть, среди солдат были совсем юнцы, нервные, холодеющие при мысли о том, что должно было произойти вечером; Джулианна догадывалась об этом, поскольку сама была такой же, но ни за что не призналась бы в этом Блезу. А может, солдатам хотелось посмотреть? В молодости люди бывают жестоки; к тому же все солдаты происходили из Элесси, где люди суровы с собой, но ещё суровее с другими. Шарайцы были их врагами и врагами Господа, и вражда эта давным-давно въелась в плоть и в кость элессинов. Милосердия к предателям-шарайцам в их сердцах быть не могло.

Возможно, подумала Элизанда, Блез сам хочет посмотреть на казнь, раз уж ему не довелось побывать во вчерашнем бою. Он был искренне возмущён и потому произнёс сердитую тираду по адресу девушек. Он был воином, обученным и готовым к бою, но ему не позволили сражаться, а в итоге он даже не сумел удержать свою подопечную подальше от схватки. Как известно, для

успокоения охваченного лихорадкой тела больному пускают кровь; для успокоения духа сержант нуждался в чужой крови.

Они узнали о приближении казни по ярко-алым отблескам, заплясавшим на серых стенах. Джулианна ощутила себя полной дурой — она-то думала, что сможет просто-напросто отвернуться от закрытых резными ставнями окон и переждать, делая вид, что ничего не видит и ни о чём не подозревает.

Однако она забыла о криках. Она не ожидала, что казнь будет проведена с такой изуверской жестокостью, что в костёр станут бросать по одному. Мальчики гибли один за другим, и в каждом крике была история жизни, от пробуждения при рождении до страшного конца. И на краткий миг после каждой смерти воцарялось молчание…

Должно быть, так решил кто-то из глав Ордена, скорее всего сам прецептор — то ли ради жестокого удовольствия, то ли для того, чтобы запугать мальчиков, ждавших своей очереди. А может, по обеим причинам. Джулианна старалась думать об этих муках как о последнем призыве; каждый крик возносился к небу, к шарайскому богу, не смешиваясь с криками остальных жертв. И всё же Джулианне не удалось сохранить спокойствие. С каждым новым криком, с каждым мгновением последующего молчания она вздрагивала и всхлипывала. Ей удалось только удержаться от крика. Да и то, эта заслуга принадлежала её отцу, а не ей самой…

Наконец, после долгих мучений, крики прекратились, а молчание было нарушено шипящим шёпотом. Вытерев мокрое лицо и подпухшие глаза вуалью (хоть какая-то от неё польза), Джулианна огляделась и увидела силуэт Элизанды на фоне окна в мрачных красных сумерках.

Наверное, снова молится, подумала девушка, снова читает кхалат, обращаясь к душам мальчиков, попавшим, конечно, в рай — если только у шарайцев есть рай. Если только существует иной, более добрый мир, если только он не красивая ложь для глупцов и рабов, с помощью которой их заставляют служить суровому хозяйскому закону. Сама Джулианна сомневалась в этом, но всё же сделала то, что могла: встала рядом с подругой, отдавая дань уважения обряду, в надежде, что он что-то значит для Элизанды, хотя он никак не мог помочь самой Джулианне или спасти погибших.

Так она и стояла, со сложенными руками, неподвижная, если не считать подрагивающего горла и вздымающейся груди. Дочь тени заставляла себя не отводить глаз от горящего во дворе огня. Вначале ей показалось, что пляшущий в резных ставнях свет — всего лишь обман зрения…

Потом одна из ламп внезапно вспыхнула, и тени заметались

по стенам.

Перед девушками появилось нечто вроде крыльев насекомого, которые быстро-быстро били по воздуху; тело странного гостя исчезало в игре света и теней, пробивавшихся сквозь ставни.

Джулианна подумала — или в гордыне ей показалось, что она подумала, — будто она с первого взгляда распознала нечто странное, притягивающую взгляд пустоту. Это случилось, когда тени, движения и мерцание слились в поблёскивающего червяка длиной и толщиной с палец. К одному из концов червяк сужался и в целом походил на старательное изображение пальца. Вокруг него заплясали пятна света, слившиеся в тело, — и только тут Джулианна смогла вздохнуть и заговорить каким-то не своим голосом, низким, отливающим металлом.

— Джинн Халдор! Ты поразил нас своим неожиданным появлением.

Таковы были её первые слова, хотя сама Джулианна не вполне была уверена в собственной правдивости. После всех ужасов вчерашней ночи, после сегодняшней усталости и дикой жестокости казни (костёр всё еще продолжал тлеть во дворе), казни, которую она пусть не видела, но слышала, — после всего этого у Джулианны уже не оставалось сил поразиться чему бы то ни было.

А вот Элизанда явно была поражена. Она задохнулась и запрокинула голову, поморгала, ища глазами сотканный из света и воздуха сверкающий вихрь, в образе которого пришёл джинн, а потом потратила ещё миг, стараясь успокоиться. После этого она шагнула вперёд, встав между джинном и Джулианной.

— Если бы вы ожидали меня, — произнёс джинн звучным и спокойным голосом — он, очевидно, звучал всегда одинаково, какую бы форму ни принимал дух, — вам пришлось бы ждать очень долго.

— И мы бы ничего от этого не выиграли, это уж наверняка, — ответила Элизанда таким тоном, словно она имела в виду совсем не то, что сказала. «Осторожно, — подумала Джулианна, кладя пальцы на запястье подруги и чуть сжимая его в безмолвном предупреждении. — Не позволяй злости говорить за себя. Ты ведь знаешь, как проницательны эти создания…» А сама Джулианна была здесь всего лишь перепуганным учеником, неумелым и неуверенным. И всё же она должна была что-то сказать, что-то узнать, хоть она и не осмелилась бы задать джинну вопрос, которого жаждала её душа.

— Ты не права. Просто в этом случае в моём появлении не было бы смысла. Вы догадались бы, чего я хочу.

— Пусть так. Видишь ли, людей иногда надо просить об услуге. — Голос Элизанды стал твёрже, в нём звучало уважение без капли раболепия, твёрдое намерение говорить с джинном как с равным, хотя о равенстве речи и быть не могло. — А приди ты сюда с какой-нибудь целью, мы всё равно не смогли бы дать тебе то, чего ты ищешь…

— Это не в твоей власти, Лизан из Мёртвых Вод. Эта вещь не из тех, которые забирают. Между нами долг…

Джулианна поняла, что он обращается к ней, хотя у вихря не было лица, которое он мог бы повернуть к ней, не было даже тела, по которому изощрённый взгляд Джулианны мог бы что-нибудь прочесть. О, как жалела она о его неуязвимости — а ведь он чего-то хотел от неё. Правда, удивления это уже не вызывало.

Удивление мог вызвать только её ответ, да и то, удивлённой оказалась бы одна только Элизанда.

— Долг непризнанный — не есть долг, — медленно произнесла Джулианна.

На этот раз Элизанда сжала ей руку: «Осторожнее, будь осторожнее! Ты не знаешь, как сильны эти создания!»

Джинн заговорил.

— Ты права. Но долг, сделанный по незнанию, всё же остаётся долгом. Его можно простить, но нельзя не замечать. Те же, кто заговаривает с незнакомцами, не зная, чего от них ожидать, не имеют права отрекаться от последствий своего выбора.

Джулианна кивнула, почти поклонилась, признавая его правоту. Потом, повернувшись к окну, где мерцали последние блики догорающего костра, она произнесла:

— Только что я задумалась, истинна ли вера шарайцев, существует ли на самом деле их бог и их рай. Мне кажется, что никто из смертных не может этого знать, а вот джинну наверняка всё известно.

— Дочь тени, джинны тоже смертны — в определённом смысле. Время не может коснуться нас, однако нас можно убить. Мы не знаем богов, не знаем, правдивы ли обещания, в которые вы верите. Любая вера есть надежда, но не более; ничего другого я не могу тебе сказать.

Джинн постарался ответить как можно мягче, и она оценила это по достоинству. Оставался долг, о котором она давно была осведомлена; возможно, он заключался в том, чего желала сама Джулианна, и у неё были свои причины согласиться на это. Правда, она так и не смогла понять, почему ей этого хочется — разве что из-за какого-то странного чувства чести, которое джинн понимал и на которое откликался. В любом случае его последние

слова принесли девушке больше облегчения, чем тревоги. Она сказала:

— Скажи мне, чего ты хочешь, дух, и я выполню всё, что будет в моих силах.

Элизанда задохнулась от ужаса, резко повернулась к Джулианне и зажала ей рот ладонью, хотя было уже поздно.

— Нет! Джинн, она совсем не это имела… Джулианна, нельзя…

Джулианна обеими руками отвела ладонь подруги и успокаивающе похлопала по ней.

— Нет, — подтвердила она, — я сказала то, что хотела сказать, и сделаю это. Я знаю, что даю безоглядное обещание коварному и проницательному существу, и всё же я выполню это обещание. На мне лежит долг. — Вот сейчас, сейчас…

— Поезжай туда, куда ты послана, Джулианна де Ране, и выйди замуж там, где должно тебе.

Этого она не ожидала. Проглотив рвущийся на язык вопрос, девушка взяла себя в руки и произнесла:

— Я так и сделаю, но…

— Я ещё не сказал, куда я тебя посылаю. — Джинн умолк на целое биение сердца, эхом отозвавшееся в мозгу Джулианны. Потом он рассмеялся и закончил:

— Ступай к шарайцам, дочь тени.

Это было уже не просто неожиданно; это было ошеломляюще. На язык сразу запросились сотни вопросов, которые девушка смогла отогнать с большим трудом. Способ вызнать необходимое, не задавая вопроса, несомненно, существовал, но взволнованная Джулианна не могла отыскать его. Зато Элизанда казалась спокойной. Она произнесла:

— В прошлую нашу встречу ты возложил эту обязанность на меня.

— Да.

— Должна быть причина, — осторожно, без малейшего намёка на вопросительную интонацию произнесла девушка, — по которой джинну нужно, чтобы мы оказались среди шарайцев.

— На то есть множество причин, Лизан, и я назову две из них. Сыны и дочери человеческие привыкли заботиться о друзьях, поэтому, если я пошлю Джулианну в незнакомые земли к незнакомым людям, ты скорее всего отправишься с ней. Она назвала меня проницательным; не знаю, проницательность ли тому виной, но я думаю, одной тебе идти не следует.

— Я не хочу к шарайцам.

— Да, но я хочу, чтобы ты пошла, и другие тоже будут рады этому. Ты сможешь сказать рабатским имамам, что в миг смерти

над погибшими был прочтён кхалат.

— Он прочтён, и этого достаточно.

— Для их бога, если он, конечно, есть, — достаточно. Но недостаточно для горюющих семей и для их священнослужителей. Кроме того, там Джулианна найдёт своего отца.

Отца? Ногти Элизанды впились в её запястье; Джулианна пискнула, вырвала ладонь из руки подруги и сказала:

— Я… я не знала, что мой отец сейчас там.

— Да, он там, и там останется на какое-то время. Кроме того, вскоре ему будет грозить опасность. Ты сможешь спасти его, хотя, возможно, было бы лучше, если бы ты не стала делать этого.

— Джинн… — Это было чересчур; в сказанном им был смысл — и не было его ни капли. Новости потрясли Джулианну. — Я хотела бы, чтобы ты прямо сказал, чего тебе от меня надо.

— Я говорил тебе это уже трижды. Повторю и ещё один раз, но не здесь.

— По крайней мере скажи, как мне понять, куда я иду, как найти путь… — Джулианна почти выкрикнула эту мольбу, но потом заставила себя замолчать, догадавшись, что просьба об информации — по существу, тот же вопрос и что джинн может использовать это, засчитав за девушкой очередной долг.

Однако он произнёс только:

— Тебе все расскажет Лизан. Она покажет тебе путь, станет твоей дорогой, если пожелает. А пока — прощайте.

На этот раз обошлось без раската грома и без мерцания. Джинн начал сокращаться, точно так же как и рос, становясь всего лишь игрой света и растворяясь в воздухе. Джулианна успела ещё подумать о том, как же всё-таки выглядит тело джинна, из чего оно состоит, сколько обликов может принимать, каковы эти облики… Но эту мысль она отбросила очень быстро.

«Отец…»

Девушка повернулась к Элизанде и спросила:

— Ты пойдёшь?

— Я не хочу.

— Ты уже говорила.

— Я несвободна, Джулианна…

— Я тоже, — ответила дочь тени. Долг лежал на ней тяжкой ношей, обещания тянули в разные стороны; она поклялась в верности отцу, однако ради отца же она нарушит эту клятву, как и любую другую. — Но я пойду. Если придётся — в одиночку.

— Ты не дойдёшь! Ты же сама сказала, что не знаешь дороги! Ты не знаешь тамошних обычаев, не обучена жизни в пустыне! Ты умрёшь задолго до того, как дойдёшь до Рабата!

— Пускай. Если мой отец в опасности…

— Все мы в опасности. — Элизанда сжала кулаки и нахмурилась. Джулианна не могла понять, о чём она думает.

— Ладно, — заговорила наконец Элизанда. — Похоже, мне так и так придётся кого-то предавать. Предавать многих — а это может привести к беде. Но я не могу отпустить тебя одну. Кроме того, когда ты уедешь, я окажусь в неприятном положении. Придётся идти с тобой по двум причинам — ради меня и ради тебя. Я не хочу окончить свои дни в одной из камер, которые здесь так любят. Решено, я пойду и покажу тебе путь.

Джулианна поцеловала подругу, один раз пылко и ещё два раза по обычаю, в обе щеки. Договор был заключён — и нарушить его было невозможно.

Вопрос о том, как уйти — точнее, как сбежать, — стоял перед ними во весь рост, но у Джулианны в этот вечер не было охоты задавать вопросы. Скоро придёт утро. Тогда она спросит обо всём, что её интересует, и заодно в который раз попытается выяснить, зачем Элизанда пришла в Рок и почему не желает покидать крепость. Было похоже, что ответ на эти вопросы один и тот же, и Джулианна решила, что узнает его не позже чем завтра.

Она отправилась в постель. Элизанда последовала её примеру, бесшумно разделась, погасила светильники и легла в полной темноте. Однако Джулианна долго ещё лежала с открытыми глазами, глядя сквозь тьму в потолок, но видя перед собой совсем другие вещи. Она не заговорила с Элизандой, но подозревала, что та последовала её примеру и в этом.

Следующим утром девушки проспали колокол, проспали молитву и могли проспать ещё дольше. Джулианна вообще охотно провела бы в кровати полдня. Однако её сознание проснулось и разбудило её вопросом: чем она, собственно, занимается, отдыхает или прячется? — и ответ поднял её с постели, словно короткий приказ.

Она растолкала и Элизанду, сладко улыбаясь, чтобы ещё больше разбередить её совесть своей добродетельностью; впрочем, скоро они обе были рады, что Джулианна разбудила подругу. Джулианна принесла кувшин прохладной воды, стоявший на лестнице (его поставил перед молитвой один из монахов), и они с Элизандой умылись. Едва успев одеться, девушки услышали шаги на лестнице, кашель и поскребывание ногтем по занавеске.

— Входите.

Вошёл Блез. Джулианна ещё раньше узнала его по тяжёлым шагам, так непохожим на шарканье сандалий, в которых ходили

монахи. Вот уже второе утро подряд сержант приносил девушкам поднос с завтраком; второе утро подряд Джулианна замечала, что он краснеет и старательно отводит глаза, словно чувствуя вину за то, что дерзнул войти в комнату госпожи прежде, чем та соизволила покинуть её. «А ведь он едва не застал нас в постели, — подумала Джулианна. — Интересно, что бы он сделал тогда? Наверное, умер бы со стыда…»

— Доброе утро, Блез. Вы снова решили прислуживать нам?

— Мадемуазель, я взял поднос у брата, который нёс его вам. У меня для вас весть. Его милость прецептор будет рад, если вы посетите его сегодня утром в свободное время.

— Он прекрасно осведомлён о том, что у нас всё время — свободное, так что это, видимо, следует считать приказом. А зачем я ему?

— Не знаю, мадемуазель, — флегматично отозвался сержант. Похоже было, что он все прекрасно знает, но не намерен ничего рассказывать — то ли потому, что ему было приказано молчать, то ли потому, что это было не его дела. Как бы то ни было, он молчал.

— Он имел в виду, что надо явиться немедленно? — с ноткой грусти в голосе осведомилась Джулианна, не сводя глаз с подноса. Она была голодна — всё-таки позади остался тяжёлый день и бессонная ночь. Дипломатия, конечно, ждать не любит, но…

— Насколько я понял, сразу после завтрака, мадемуазель.

Разумеется. Прецептор тоже был дипломатом. Умиротворённая Джулианна кивнула.

— А меня он не имел в виду? — встряла Элизанда.

— Не знаю, мадемуазель. Он приказал мне передать весть мадемуазель Джулианне.

Для Блеза это явственно означало «нет», но Джулианна рассудила по-своему и готова была защищать это своё решение.

— Разумеется, он имел в виду и тебя. Ты ведь моя компаньонка, моя чаперонка, — заявила она с вредной улыбкой. «Кто его знает, вдруг мне понадобится защита чаперонки, может быть, девушек нельзя оставлять наедине с его милостью прецептором…»

Элизанда ответила ей улыбкой и взяла у Блеза поднос.

Пока они ели, сержант дожидался на лестнице, но девушки не торопились. Хлеб оказался мягким, мёд — сладким, овечье молоко — густым и вкусным. А прецептор, будучи занятым человеком, вряд ли не найдёт занятия на свободные полчаса и уж наверняка не станет обвинять гостей в опоздании.

Когда девушки были готовы, Блез провёл их в ту часть замка,

где они ещё не были — если только Элизанда не забредала сюда во время своих прогулок. Для Джулианны же место было абсолютно незнакомо.

Ещё один двор, ещё башня; но здесь каменные плиты были устланы камышом, поглощавшим стук сапог Блеза. Стоявший на страже монах открыл дверь личных апартаментов прецептора и с поклоном пропустил гостей, старательно отводя взгляд от женщин, закрывших лица вуалями. Впрочем, это было сделано так осторожно, что Джулианна не могла бы поручиться, что не ошиблась.

Они оказались в комнате из тех, которые отец Джулианны, будучи в хорошем настроении, называл «образцом величавой скромности», а пребывая в плохом — «монашеским ханжеством». Мебель в комнате стояла простая, но эта простота стоила немало: ничем не украшенные шкафы и стулья мастерской работы были сделаны из дерева, произраставшего только на дальнем краю Королевства; доставка этого дерева в Чужеземье обходилась недёшево. Коврики на полу, самые простые, неброского цвета земли и соломы, были сотканы из шёлка. Джулианна видела такие вещи прежде всего раз или два — их выменивали у восточных шарайцев. Белые стены были девственно чисты, без всяких украшений, если не считать двух гобеленов, изображавших Аскариэль при свете дня и в темноте — даже в ночи город светился золотом — и знака Господа, двойной петли, но сделанной не из драгоценных камней и не гравированной, какие Джулианна видела в Марассоне, а мастерски выкованной из чистого золота.

Комната была пуста. Брат у двери попросил их подождать и предложил освежиться. На одном из сундуков стояли стеклянные с серебром стаканы и кувшин. Элизанда принюхалась и подняла брови.

— Это джерет, — негромко произнесла она. — Шарайцы делают его из трав и ягод. В Чужеземье он встречается… редко.

И в Марассоне тоже. Однажды Джулианна, будучи маленьким ребёнком, попробовала джерет из отцовского стакана, и до сих пор помнила вкус напитка.

Элизанда подняла кувшин и плеснула понемногу в два стакана. Потом она вопросительно посмотрела на Блеза.

— Спасибо, не надо, мадемуазель. Я не был приглашён.

Он вышел, и монах закрыл за ним дверь.

Джулианна приняла кубок из рук Элизанды, наклонилась, понюхала — и вновь стала маленькой девочкой, которую удивляло все на свете, которая была без памяти счастлива принять из рук отца сокровище. Девушка откинула вуаль и

отпила глоток. Вкус был тот же самый, вначале кисловатый травяной, от которого на краткий миг свело рот, а потом сладкий, фруктовый, смывший неприятное ощущение. «Похоже на лекарство», — сказала девочка, впервые попробовав напиток. Отец посмеялся тогда над ней, но и сейчас впечатление было схожим. В напитке была горечь, которая чувствовалась довольно сильно даже после фруктовой сладости. Словно бы он и был задуман таким резким, словно сладкая его часть была всего лишь уступкой. И всё же сочетание компонентов было идеально, любое изменение испортило бы вкус. Да, вздохнула Джулианна, это напиток взрослых людей, и всё же он вернул её в детство.

— Исключительный вкус, — заметила она.

— Я рад, — раздался за её спиной мягкий звучный голос прецептора. А ведь девушке казалось, что позади неё была глухая стена!

Она повернулась резче, чем ей хотелось бы, и увидела, как опадает один из гобеленов — очевидно, под ним была потайная дверь или по крайней мере проход. Будь там дверь, девушки наверняка услышали бы скрип, петель. Сандалии прецептора бесшумно касались ковров, и тут Джулианна не могла винить себя за то, что не слышала его шагов, — он наверняка старался идти совершенно беззвучно. Девушке подумалось, что этот человек ничего не делает необдуманно, всюду видит свою цель.

Он встал перед ней на расстоянии вытянутой руки — а руки у него были длинные. Мягкий взгляд, благосклонная улыбка, серебристые волосы и лысина, словно тонзура, дарованная Господом верному слуге. Прецептор олицетворял собой миролюбивую веру, а в её существовании Джулианна сильно сомневалась. И сомневалась не зря. «Это ведь он приказал сжечь мальчиков живыми». И наверняка был где-то рядом, наблюдая за выполнением своего приказа, а может, сидел, слушая их крики. А может, молился, читал или спал, не слыша ни звука, совсем позабыв о казни. Впрочем, это было не важно.

Джулианна потянулась к вуали, намереваясь опустить её, но прецептор произнёс:

— Не надо, сейчас нас никто не видит. Оставим наивные обычаи наивным людям. Боюсь, что за последние несколько дней мы плоховато развлекали вас и спасать нашу репутацию в ваших глазах уже поздно. Так позвольте хотя бы намекнуть на то, как мы хотели бы обращаться с гостями.

— В моих глазах вы не потеряли ничего, ваша милость, — ответила Джулианна.

— Вы хотите сказать, что мне нечего было терять? — Его улыбка, голос и поведение говорили о том, что он поддразнивает

её, но всё же прецептор был очень умён и нанёс меткий удар. — Идите сюда и сядьте. Вчера, заботясь о наших братьях, вы очень устали. Отдохните же хотя бы сегодня.

Его жест и слова явно включали в себя Элизанду, и та не преминула спросить:

— Не налить ли вам джерета, ваша милость?

— Здесь мы зовём его монашьим вином, дитя. — Упрёк в его голосе был хорошо замаскирован, и даже Джулианна едва заметила его. — Вероятно, потому, что оно не запрещено — почти — нашим Уставом. Не наливайте мне, благодарю вас, сам я его не пью. Садитесь, пожалуйста.

Девушки сели поближе друг к другу. «Словно дети, — мелькнула у Джулианны раздражённая мысль, — дети, которые пришли за отцовским приказом».

Она поняла, что так оно и было с самого начала, даже пока прецептор не сказал этого прямо. Он отдавал приказы. В его словах приказ слышался уже дважды. Надо просыпаться, не то она скоро начнёт танцевать, чтобы усладить его, если его голос зачарует её…

— Никаких слов не хватит, — начал прецептор, — чтобы отблагодарить вас за ваши вчерашние труды, так что я сразу становлюсь неблагодарным хозяином. Я сожалею, глубоко сожалею обо всех своих промахах. Но ваш отец послал вас сюда, мадемуазель Джулианна, для того, чтобы вы были в безопасности, а позавчерашнее нападение ставит эту безопасность под вопрос.

Прецептор не сказал, что только поведение самой Джулианны в ночь битвы подвергало её опасности; в этом снова скрывался приказ.

— С тех пор я обдумывал положение и боюсь, что у меня нет выбора. Шарайцы могут вернуться с подкреплением и атаковать крепость либо же подвергнуть её осаде. Ради вашего собственного благополучия я должен отослать вас. Я выделю отряд, который будет вас сопровождать. Дорога не очень опасна, но относиться легкомысленно к ней не стоит. Ваших людей вам не хватит. Кроме того, в Роке сейчас находятся торговцы, идущие в Элесси; вы можете отправиться вместе с ними. Чем больше вас будет, тем безопаснее окажется путь.

Джулианна медленно кивнула.

— Когда мы отправимся, ваша милость?

— Как только сможете. Вы успеете собраться к завтрашнему утру?

— Ваша милость, если вы желаете, я могу быть готова сегодня. — «Да я готова уехать хоть сию секунду, уехать и не оглядываться назад, чтобы не видеть ваше симпатичное лицо,

которое мне разве что в кошмаре приснится…»

— Прекрасно! Быть может, вы выедете, когда спадёт полуденная жара? Успеете ли вы собраться? В этом случае вы успеете проехать какое-то расстояние ещё до наступления ночи и прибудете в Элесси на день раньше.

— Да, конечно. Я сожалею, что заставила вас волноваться. Ваше гостеприимство было невероятно великодушно.

— Ну что вы, не стоит. Гостеприимство — основа основ Устава; служа вам, мы служим Господу, а это и есть цель нашей жизни.

А прошлым вечером вы служили Господу своим костром? Джулианна хотела бы услышать простой ответ на этот вопрос, ответ, с которым можно было бы жить, хотя бы вздох, грустное пожатие плеч и простое «нет»; однако, даже не спрашивая, она знала, что прецептор искренне ответит «да».

Тем временем хозяин, отойдя к двери, отдавал приказания: предупредить рыцарей и отряд братьев, велеть торговцам приготовиться. Покончив с этим, он вернулся к гостям, и они какое-то время сидели, пили джерет и разговаривали о посторонних вещах — немного о Марассоне, немного об Элесси, хотя всякий раз, когда прецептор переходил на эту тему, Джулианна уклонялась от обсуждения. Она узнает об Элесси всё, что будет нужно, когда приедет туда. Если вообще приедет…

Прецептор не задавал никаких вопросов Элизанде, и одно это уже принесло девушкам облегчение. Джулианна и сама охотно спросила бы подругу кое о чём, но сейчас было не место и не время, да к тому же прецептору совсем незачем было слышать этот разговор.

Когда их кубки опустели, прецептор предложил налить девушкам ещё, но Джулианна отказалась. Все трое понимали, что это предложение — не более чем дань вежливости, цель же встречи давно исчерпана.

Джулианна встала, за ней последовали прецептор и Элизанда. Вежливо попрощавшись и выслушав обещания непременно прийти проводить девушек, Джулианна изящно поблагодарила его за гостеприимство. Накинув на лицо вуаль, она повернулась к двери — та открылась ещё прежде, чем девушка дошла до неё, и стоявший там монах глубоко поклонился, стараясь не смотреть на женщин, — и вышла. Элизанда следовала за ней.

Блез провёл их обратно в комнату, и в его присутствии девушкам оставалось только молчать. Только оставшись наедине с Джулианной, Элизанда заговорила:

— Что ж, так всем будет проще, наверное.

Да, будет проще сбежать, выполнить данное джинну обещание и ринуться, очертя голову, в неизвестность. Но от этого Элизанде не будет легче покидать крепость. Её огорчение и обида на судьбу явственно прослеживались в её голосе, показывая, что она говорит не вполне искренне.

14. ГНИЛЬ В КРОВИ

Всю ночь Маррон пытался уснуть, пытался забыть о страшном секрете, пытался молиться, чтобы прогнать из головы ересь.

«Я из Сурайона».

Он из Сурайона, но он всё ещё ходит на свободе, потому что Маррон не выдал его и не сможет выдать.

«Я из Сурайона, а он мой земляк».

Одно это признание уже потрясло Маррона сильнее, чем что-либо. Он не мог даже поднять глаз, он просто стоял как пень, дожидаясь, пока слова улягутся у него в голове. Даже Йонсон не зашёл так далеко, даже он не стал подвергать опасности своё и без того израненное тело, побоялся довериться случайно встреченному человеку. А Радель поступил иначе, он выдал и себя, и Йонсона, отдав их в руки Маррона; а руки юноши были слишком слабы для такой ноши, и всем троим предстояло страдать из-за этого, тут Маррон был уверен.

Он попытался уснуть и не смог; попытался молиться и не сумел. Потом он попытался спрятать свои переживания от сьера Антона, впрочем, сильно сомневаясь в своих способностях по этой части.

— Маррон, не бормочи молитву про себя, это тебе не урок, который торопится поскорее отчитать непоседливый мальчик.

— Слушаюсь, сьер.

— Ты всю ночь ворочался. Почему ты не спал?

— Просто так, сьер, не знаю…

Рыцарь вздохнул.

— Маррон, я говорил тебе, что ты не должен лгать мне? Покажи руку.

Что ж, рука тоже отчасти была причиной его ночных тревог, но Маррон промолчал в ответ и тем самым солгал. Рука действительно болела всю ночь, но, честно говоря, куда больнее было душе. Юноша посмотрел на руку и протянул её сьеру Антону. Рыцарь отодвинул рукав, и по обеим сторонам от пропитанного кровью бинта обнажились припухлости, твёрдые и блестящие. Под кожей виднелись предательские тёмные полосы, доходившие до локтя с одной стороны и до кисти — с другой. Когда Маррон попытался согнуть пальцы, у него ничего не вышло. Сьер Антон тихонько присвистнул.

— Плохо дело.

— Да, сьер. — Рана пугала Маррона.

— Нужно лечение, но я за такое не возьмусь. Я даже развязывать бинт не стану. Сходи к главному лекарю, Маррон,

пусть он что-нибудь сделает. Лучше иди прямо сейчас.

— Нет, сьер, не надо! — По сравнению с этой перспективой страх отступал на второй план, — Сейчас в замке много раненых… раненных сильнее, чем я…

— Быть может, но на твою руку должен взглянуть кто-нибудь поопытнее меня. Лечение было запущено, и в рану попала грязь. Почему ты не хочешь идти в лазарет?

— Сьер, главный лекарь может отказаться лечить меня. Я ведь больше не монах. — Его изгнали с позором, и вынести отказ так скоро после случившегося Маррон не мог.

— Он будет лечить моего оруженосца. Ты не связан обетом, но я давал его. А исповедники поклялись служить всякому, кто сражается за Господа, не важно, принадлежит ли боец к Ордену или не принадлежит. — Маррон молчал, и сьер Антон добавил: — Ты что, хочешь потерять руку? А это вполне может случиться, если не позаботиться о ней.

— Сьер, а вы… вы не сходите со мной?

Рыцарь и господин Маррона коротко усмехнулся.

— Нет, не схожу. Ты уже не ребёнок, Маррон. Если тебе так проще, я просто прикажу тебе сходить. Помни, ты клялся в послушании.

— Да, сьер.

Ещё один смешок, на этот раз более добродушный, при виде его горестного лица.

— Вначале нам следует одеться и поесть — не могу же я отправить тебя на такое испытание голодным. Ты сможешь принести поднос или надо послать за ним кого-нибудь другого?

— Я принесу, сьер.

* * *

И он действительно принёс поднос и снова унёс его, сделал всё, что должен делать оруженосец для своего господина, хотя это стоило ему непереносимой боли — боли и страха. Наконец, точнее, как показалось Маррону, слишком скоро, он освободился и медленно поплёлся к лазарету, кляня руку и всю историю своих несчастий, самого себя и всех прочих, за исключением сьера Антона, который, собственно, и нанёс ему рану, ставшую причиной всех бед.

Несмотря на всё своё нежелание, Маррон был уже в двух шагах от лазарета. Завернув за угол, он увидел Раделя, который сидел в амбразуре, держа у губ тростниковую дудочку. Пальцы менестреля бегали по дырочкам, но юноша не услышал ни

единого звука.

— Доброе утро, Маррон, — весело приветствовал его Радель, но глаза у менестреля были насторожённые.

Да и у Маррона тоже. «Я из Сурайона», — сказал вчера Радель, сказал это и кое-что ещё.

— Мне надо в лазарет, мессир. — Он всё ещё не мог сказать запросто «Радель» человеку, вдвое старше него и во много раз опытнее. Пусть Маррон больше не был братом Ордена, но, Господи, как ему хотелось сохранять расстояние между собой и этим человеком.

— Да, конечно. — Мимолётная улыбка, означающая, что в их встрече не было ничего странного, разве что Раделю пришлось немного подумать, оказаться в нужном месте и подождать юношу. Менестрель не стал притворяться, что Маррон попался ему на пути случайно. — Как твоя рука?

— Плохо, мессир, — повторил Маррон слова сьера Антона — своих он придумать не мог.

— Вот как? Ну-ка, покажи.

Это устраивало Маррона гораздо больше, чем визит к главному лекарю. Юноша задрал рукав и показал вздувшуюся побагровевшую плоть.

Радель не присвистнул, даже выражение его лица не изменилось, как у сьера Антона. На лице менестреля был написан только задумчивый интерес да раздумье. Он легко коснулся пальцем руки, потом ещё раз, и ещё.

— Так больно? А так? А если я нажму, становится больнее?..

Вместо ответа Маррон кивал и что-то бормотал, стараясь не вздрагивать, когда под осторожными пальцами вспыхивала пронзавшая руку боль, которая прошивала все тело и заставляла Маррона пошатываться и искать опору в плывущем мире.

— Стой смирно, парень. — Сильная рука Раделя взяла его за плечо и поддерживала до тех пор, пока мир не перестал качаться. После этого менестрель нагнулся к повязке, и Маррон услышал, как он пару раз фыркнул.

— Мессир?

— У тебя там заражение, парень, ты слишком запустил рану. Главный лекарь тебе не поможет. Он не остановит заразу, подождёт, пока рана начнёт вонять, и отрежет руку — может, по локоть, а может, и по плечо, если подождёт подольше.

Маррон не стал сомневаться в словах Раделя. Он сразу же слепо поверил менестрелю, и первым его побуждением было попросить:

— Мессир, не пойдёте ли вы со мной, чтобы поговорить с главным лекарем? Меня он слушать не станет, но…

— Меня тоже, парень. Ты что, забыл, я же простой менестрель, а главный лекарь — человек гордый. Что я могу знать о человеческом теле и о страшных ядах? Разве я могу знать то, чего не знает он? В любом случае это не поможет. Главный лекарь оставит тебе полруки, а то и вовсе одну культю. А я могу сделать лучше. Идём со мной.

Он пошёл по коридору прочь от лазарета. Маррон поколебался мгновение, но всё же последовал за ним, хотя его грызли сомнения. Разве может бродячий менестрель знать то, что неизвестно главному лекарю из Ордена искупителей?

«Я из Сурайона». Этими словами Радель признал себя колдуном, еретиком и предателем. Надеяться на такого человека не стоило.

Но ведь это, говоря по чести, было ещё не все. Радель был человеком, уверенным в своих силах. Вчера Маррон поверил его уверенным речам, сегодня — уверенному обещанию помочь. Определить болезнь и вылечить её — а ведь Маррон не стал сомневаться в диагнозе, так почему же он должен был сомневаться в том, что менестрель поможет ему?

«Потому что он всего лишь менестрель, потому что он из Сурайона, потому что он враг Ордена и моего господина и должен быть моим врагом…»

И всё же Маррон вошёл вслед за Раделем в маленькую комнату без окон, тёмную и пустую, что-то вроде кладовки. Радель толкнул дверь; она заскрежетала по полу, петли завизжали, и наконец она закрылась. В комнате стало совсем темно.

— Так, — произнёс из темноты голос Раделя. — Нам понадобится по меньшей мере свет для работы. Не бойся, парень. Помнишь, ты спрашивал меня, случалось ли мне видеть магию? Случалось, но не в темноте…

В воздухе между их головами возник покачивающийся шар, сотканный из неяркого жёлтого света. Маррон мельком взглянул на него, а потом перевёл взгляд на Раделя.

— Ага, — сказал менестрель, — я вижу, ты не боишься. Ах, ну да, тебе же случалось видеть Королевское Око, верно? Значит, бояться тебе нечего. Однако мне попадались люди вдвое старше тебя, которые при виде такого шарика ухитрялись обмочиться, а позже не признавали ничего виденного. Говорили, что не было ни света, ни мокрых штанов…

Маррону доводилось видеть не только Королевское Око, хоть оно и было больше, гораздо больше этого шара. Юноша видел свет, вспыхивающий по зову прецептора и складывающийся в пульсирующий голубым знак Господа каждую ночь перед

службой, видел, как сами собой вспыхивают факелы… И ещё он видел…

— Мессир, я такое уже видел.

— Что? — Радель внезапно замер, и шар засветился ярче, обжигающим глаза светом.

— Я видел такой свет, мессир. Его делал другой человек, — твёрдо, без намёка на смущение произнёс Маррон. Он был рад, что выпал хоть один случай для разнообразия сказать правду.

— Когда… нет, погоди! — Радель схватил Маррона за плечо — за больное, но Маррон не стал говорить, какую боль причиняет ему эта хватка, пусть даже и далеко от раны, — и требовательно спросил: — Ты видел его? Видел Редмонда?

— Не знаю, мессир, — честно ответил Маррон, — я видел только человека в камере. Он не сказал мне своего настоящего имени.

— Да и я зря проболтался. Забудь это, если сможешь. — Но менестрель наверняка прекрасно понимал, что Маррону никогда не забыть услышанного. Имя вообще забыть трудно, а уж такое имя… — Скажи только, как это случилось, как ты повстречался с ним? Ты должен был застать его врасплох, чтобы увидеть этот свет. Он не доверился бы тебе…

Маррону хотелось спросить, почему сам Радель доверился ему и почему решил, что Маррон не выдаст, но юноша сказал только:

— Так и было, мессир. — Он вкратце рассказал о том, что произошло с ним накануне.

— Ага, значит, ты видел двоих сурайонцев и не выдал ни одного из них. Ты загубил свою жизнь, Маррон, если не душу.

— И душу тоже, — упрямо сказал юноша. Он понимал, что Господь уже зачислил его в еретики и в укрыватели еретиков. В конце концов, смерть — это всего лишь смерть, пусть даже в огне, и правосудие церкви станет только предвестником правосудия небесного.

— Не думаю, парень. Честно, ты не прав. Ладно, не важно. Ты уже подарил нам своё молчание; я не могу просить тебя ещё и о вере. Дай-ка лучше взглянуть, чем я смогу отблагодарить тебя. Дай руку.

Он явно имел в виду больную руку, которая распухла и побагровела ещё сильнее, чем час назад. Маррон вытянул её — даже это движение причинило ему боль, и только боль помогала верить, что это действительно его собственная рука, пусть и онемевшая, больше похожая на кусок дерева, приделанный к живой плоти. Радель взял её одной рукой, а второй ловко развязал узел бинта и проворно размотал его. Бинт присох к ране,

и менестрель резко потянул его на себя, обнажив рану одним движением. Маррон издал длинный шипящий выдох; это было единственное, чем он сумел заменить крик. Менестрель мимоходом извинился.

Рука выглядела страшно. Даже при тусклом свете Раделевой магии виднелась побледневшая плоть, даже сквозь туман боли, застилавший глаза и круживший голову, Маррон разглядел бледно-жёлтый гной. Здесь уже не помог бы ни бальзам, ни мазь для лошадей. По всей видимости, в ближайшем будущем Маррона ожидал раскалённый нож; а станет ли сьер Антон держать у себя однорукого оруженосца?

Большой палец Раделя скользнул по руке юноши, оставляя за собой лёгкое онемение и прохладу. Потом он прошёлся с другой стороны раны, и Маррон тихо вздохнул, обнаружив, что боль уменьшилась.

Радель снова повёл рукой над раной, на этот раз растопырив все пальцы, словно пытаясь стянуть её края. Менестрель сказал:

— Мой друг в камере внизу мог бы сделать это лучше.

«Не с его руками», — подумал Маррон, и уже открыл рот, чтобы сказать это, но задохнулся — на этот раз не от боли и даже не от страха, а от удивления и тепла, истекавшего из пальцев Раделя и ласкавшего его плоть, словно вода. Боль совсем исчезла.

Маррон закрыл глаза, чтобы сдержать слёзы, и отвернулся. Потом, проклиная себя за трусость, повернулся обратно и посмотрел на руку. Она на глазах приобретала нормальный цвет, превращаясь из багровой в розовую.

— Мессир, что вы… — Нет, это было слишком глупо, но он всё же спросил: — Мессир, как вы это делаете?

— У нас есть кое-какие навыки работы с живой плотью, — сказал Радель. — Я не могу стянуть края раны — здесь нужно время и силы твоего собственного тела. Но я могу выгнать оттуда яд и на время унять боль.

— Это магия?

— Да, наверное. Или знание; впрочем, это одно и то же. Понимание того, что лежит под внешней оболочкой мира. Я вижу яснее и глубже тебя; меня не обманывает внешний вид, когда я хочу заглянуть вглубь. А с тем, что я вижу, я могу работать.

Пока он говорил, его пальцы бегали по руке Маррона, касались её, постукивали то там, то тут. Рука юноши была охвачена теплом, исходившим от пальцев менестреля, а все тело пульсировало в такт его касаниям.

— Что ж, это всё, что я могу сделать. — Радель вспотел и даже, кажется, дрожал. Отпустив руку Маррона, он сделал шаг назад и провёл большими руками по взмокшей шевелюре.

— Спасибо вам, мессир. — Маррон потрогал руку, удивляясь отсутствию боли. Рана оставалась на месте, подобно тёмной дыре, раззявившей красную по краям пасть; однако гной исчез, превратившись в бесцветную корку, а багровая опухоль, говорившая об опасности, уменьшилась до небольшого красного пятнышка.

— Другие могли бы сделать больше. Впрочем, если ты будешь осторожен, рука заживёт. Давай-ка завяжем обратно бинт. Свежий воздух, конечно, принёс бы больше пользы, но тогда твой господин начнёт задавать лишние вопросы.

— Хорошо, мессир, — с готовностью согласился Маррон. — Но что мне сказать сьеру Антону? Он ведь послал меня в лазарет…

— Солги ему, Маррон. Уж извини, но тебе придётся солгать.

Маррон грустно кивнул. На груз тайны, водружённый на него Раделем, лёг ещё один камушек — а груз все ещё пригибал его к земле, отравляя всякую радость.

Видимо, почувствовав это, Радель сказал:

— Маррон, я хочу рассказать тебе о Сурайоне.

— Мессир, я не хочу…

— Если ты хочешь помочь мне — нет, я поторопился, я не стану просить тебя сейчас, но если мне вдруг понадобится помощь, я хочу, чтобы ты знал хотя бы кое-что важное. Хоть немного правды. О нас ходят лживые слухи — такие, которые оправдывают палачей, мучающих моего друга, оправдывают множество других, ещё худших вещей. — Радель сел прямо на пол и жестом предложил Маррону последовать его примеру. Юноша осторожно присел у противоположной стены, придерживая больную руку, хотя боль так и не вернулась.

— Когда было завоёвано Чужеземье, — медленно начал Радель, — когда экхедов прогнали с юга, а шарайцев оттеснили обратно в пустыню, по приказу короля — тогда он ещё не был коронован и звался герцогом де Шареллем, — так вот, по его приказу страна была разбита на части. Он даже воспротивился мнению церкви. Он сам вёл армию, точнее, все отдельные армии; он был верховным владыкой и поставил перед своими командующими великую цель — Аскариэль. Без этой цели армия распалась бы гораздо раньше, началась бы грызня, рыцари захватывали бы себе земли и скорее всего потеряли бы их через год-другой, когда шарайцы по одному выгнали бы их обратно. Сам знаешь, по прутику веник сломать легко. Но де Шарелль с помощью своего друга, герцога д'Албери, удержал армию.

Потом он захватил Аскариэль, и отцы церкви, едва услышав об этом, объявили город своей собственностью. Получив Святой

Город, они стали бы хозяевами всего Чужеземья.

— Разве это плохо, мессир? — Маррону всегда казалось, что именно церковь правила всем старым Королевством, несмотря на то что там были и короли, и дворы. Пышность — дворянам, власть — церкви. Так оно всё и было, и даже господин его дяди, барон Сивере обращался к церкви, когда его вассалы и крестьяне просили о правосудии. Никто не протестовал против этого, если не считать привычного кратковременного ворчания проигравшей стороны. Церковь правила на благо народа; так что тут волноваться?

— А ты представь себе, что ваш прецептор и подобные ему правят всей Святой Землёй так, как правят Орденом. Это была бы катастрофа.

Маррон на мгновение задумался и кивнул. Он видел лишь небольшой клочок Чужеземья, но помнил, как фра Пиет вёл отряд на деревню еретиков, помнил свершившееся вчера вечером правосудие прецептора. А ведь здесь всё-таки не старое Королевство. Юноша знал, что многие, даже, наверное, большая часть жителей этой страны не придерживаются истинной веры, как её называет Орден. Но сама земля священна для её жителей так же, как и для церкви, и люди отстаивают своё право молиться собственным богам так, как молились многие сотни лет. Сколько времени мог терпеть это прецептор? До падения Аскариэля по Святой Земле прошла волна убийств и резни; когда земля попала под власть Ордена, то есть церкви, убийства продолжались. Разорённые деревни, сожжённые храмы, опустошённые города…

— На протяжении всей кампании де Шарелль сражался с церковниками так же яростно, как с экхедами и шарайцами. С армией шло множество священников, которые готовы были сжечь любого неверного, попавшегося им на пути. Герцог сдерживал их до тех пор, пока не пал Аскариэль, но даже это давалось ему нелегко. А уж после он стал бы совершенно бессилен, ибо церковники получили бы огромную власть. Формально епископы были не посланниками отцов церкви, а вассалами своих сюзеренов — на время похода, конечно. Поэтому де Шарелль созвал конклав и разделил землю, не посоветовавшись с ними. К тому времени, как отцы церкви услышали об этом, менять что-либо было уже поздно. Дело было сделано; де Шарелля провозгласили королём, а Чужеземье поделили на провинции, и ни одна из провинций не принадлежала церкви.

На севере появились Таллис и Элесси — так сказать, навершие молота, — и Рок-де-Рансон, стоящий между ними на северной границе, оплот, твердыня, гвоздь, удерживающий обух.

Под Таллисом находится Лёсс-Арвон; под Аскариэлем —

провинция, центром которой стал Святой Город. Да, Радель прав, владеющий Аскариэлем держит в руках Чужеземье, держит весь молот. Сейчас на рукояти молота лежит рука короля — и так оно и должно было быть.

Однако между Лёсс-Арвоном и Аскариэлем находилась горная гряда, тянувшаяся до самого побережья, а в горах затерялся Сурайон, Свёрнутая провинция — должно быть, ещё не став Свёрнутой, она уже была потайной, спрятавшейся в горных долинах, такой непохожей на прочие, маленькой, слабой, незаметной…

— Королю нужно было как-то успокоить церковников, уже начавших готовить восстание среди верующих, — а ведь именно в тот момент стране надлежало особенно тщательно следить за своими рубежами. Будучи королём, де Шарелль отдал герцогство Аскариэль своему сыну Рейму, что было равносильно тому, чтобы отдать его церкви. Принц был весьма благочестив и прислушивался к мнению церковников гораздо внимательнее, чем к словам собственного отца. А король — что ж, король умыл руки. В Аскариэле, несмотря на все амнистии, почти не осталось катари, а во всех храмах совершаются службы по канону истинной веры. Старые традиции забыты, и никто больше не осмеливается возродить их.

Я думаю, король догадывался о том, что последует за его решением, и знал, что с Лёсс-Арвоном ещё будет много забот. Герцог Арвона был человек горячий, а его сын, Крошка-Герцог, переплюнул даже отца. Они не верили церкви и не слишком чтили Аскариэль. Вот почему король создал провинцию Сурайон и отдал её герцогу д'Албери. Сурайон должен был стать преградой между Лёсс-Арвоном и Аскариэлем, должен был сдерживать все порывы и выходки Лёсс-Арвонских герцогов. К земле, не обладающей силой, обе стороны могли прислушиваться с полным доверием.

Герцог д'Албери был первым оруженосцем, а затем другом и советником герцога де Шарелля. Однако де Шарелль стал королём и немедленно отдал дела своему сыну и скрылся в уединении, никого не предупредив и ничего не объяснив. Д'Албери стал правителем Сурайона и тоже оказался одинок. Но времена идут, а люди меняются.

Правитель Сурайона всегда был человеком любознательным. Про него говорили, что он больше надеется на себя, чем на Господа, ничего не принимает на веру и интересуется всем новым, стараясь докопаться до сути. Возможно, именно поэтому король дал ему Сурайон — для того чтобы он мог сдержать своих соседей. Жители Арвона — большие приверженцы старых

традиций, а в Аскариэле люди исключительно религиозны. Возможно, король решил, что д'Албери сможет мирить их, мешая сцепиться между собой. По-моему, это не слишком умно, но деяния короля — загадка, и не только для меня.

Не будь д'Албери рождён для власти, он мог бы стать епископом; в детстве он был склонен к религии, а в молодости несколько лет провёл в монастыре. Не обладай он столь пытливым умом, он мог бы даже стать одним из отцов церкви.

Я уверен, что именно эта его пытливость, а не верность другу или Господу привела герцога в Чужеземье. Он стал хорошим солдатом, но страстно ненавидел войну; он требовал у Конклава амнистии для катари и первым провёл её в жизнь.

Итак, Сурайон стал раем для изгнанников-катари, местом, где они могли укрыться. Эта провинция первой начала торговлю с шарайцами. А её правитель много говорил со всеми приходившими к нему людьми; верующий ты, неверующий или вовсе еретик — в провинции тебя никто не спрашивал об этом, зато правитель задавал гостям множество других вопросов. Он пригласил к себе учёных и своих друзей из старого Королевства, чтобы те тоже могли задавать вопросы. Когда отцы церкви запротестовали, обозвав это «заигрыванием с еретиками», герцог пригласил в провинцию епископов и священников — в основном тех, кто был его друзьями ещё до того, как принял сан. А жажда знаний герцога была для них заразительна. Ни один из них не подчинялся слепо указаниям отцов церкви или её учению.

С тех пор прошло много лет. Сейчас мы стали проклятием и для церкви, и для своих соседей на севере и на юге, однако правитель защищает нас, и мы учимся. Пойми, Маррон, согласно определению твоего Ордена, мы действительно еретики. Мы не поклоняемся вашему Господу так, как вы. Впрочем, не поклоняемся и ни одному из богов катари, так что шарайцы и экхеды тоже считают нас еретиками. Однако шарайцы относятся к нам лучше, чем наш собственный народ. Мы делимся с ними знаниями, мы верим друг другу и даже обмениваемся детьми. Сегодня утром ты видел, что могут делать некоторые из нас. А кое-кто умеет и больше. И это не зло, это всего лишь понимание. Таков Сурайон, таковы все мы. Мы не боимся вопросов, если они ведут к правде.

И этот человек десять минут назад подбивал его солгать господину, вспомнил Маррон, солгать ради собственной безопасности. Должно быть, правда для сурайонцев — вещь гибкая, и тут они ничем не отличаются от остальных.

Однако сейчас он верил Раделю. Все сказанное им не слишком отличалось от того, что говорили священники — если

не считать того, что они называли это богохульством. Но суть истории была одна, хотя и толковалась она по-разному.

Впрочем, это было не важно. Правда или ложь — Маррон всё равно не мог полностью поверить тому, что услышал в этой тёмной комнате. Правдой было то, что его рука, ещё час назад распухшая и сочащаяся гноем, сейчас была почти здорова; правдой было то, что человек по имени Редмонд, называвший себя Йонсоном, лежал в крови и грязи с переломанными руками в камере внизу; и ещё правдой были угли огромного костра, пожравшего детей.

Радель умолк, явно ожидая, что скажет Маррон. Юноша заколебался, открыл рот — и обнаружил, что губы у него совсем пересохли. Пришлось облизнуть их прежде, чем начинать говорить.

— Вы сказали, — начал он, уже зная, что губит свою душу каждым произнесённым и непроизнесенным словом, — прошлой ночью вы сказали, что хотите спасти своего друга.

— Да.

— Как я могу помочь вам?

Добыть для переодевания чёрные рясы было несложно. Маррон уже готов был врать направо и налево, но обошлось без лжи; в каптёрке царила суматоха, и вопросов никто задавать не стал. Несколько отрядов сразу пришли за сменой одежды, и Маррон просто взял из груды три рясы и вышел. Радель немного задержался, беседуя с кем-то из братьев, но затем последовал за Марроном обратно в пустую кладовую.

Накинув рясы поверх остальной одежды — лишнюю Маррон обмотал вокруг пояса, из-за чего его фигура изменилась до неузнаваемости — и надев капюшоны, закрывающие лицо, менестрель и оруженосец прошли по крепости, по дворам и кухням неузнанными.

На вершине узкой лестницы стражи не было; работавшие у печей братья не обратили на двоих новоприбывших никакого внимания. Маррон чуть задержал дыхание, прежде чем скользнуть в тьму лестницы, но на этот раз криков слышно не было. Пальцы касались каменных стен по обе стороны лестницы, мягкие башмаки бесшумно ступали по полу; и всё же Маррону не хватало сандалий. Предатели должны красться ещё тише, подумал он.

На последнем повороте перед комнатой стражи, где при слабом свете тамошнего светильника на стене обозначилась тень Раделя, менестрель остановился. Рука его освободилась из рукава и скользнула под рясу; Маррон решил, что Радель нашаривает

что-то в своей повседневной одежде.

Через минуту рука снова скользнула в рукав. В кулаке у менестреля оказалось что-то зажато. Этот предмет чуть светился, начиная разгораться, пульсируя на глазах у Маррона голубым цветом в такт биению сердца Раделя — потому что сердце Маррона билось гораздо быстрее.

Радель разжал руку, и на его ладони Маррон увидел голубой камень — айяр, понял Маррон, напрягая зрение и щурясь. То ли способности Раделя зажгли камень, то ли менестрель просто извлёк из него его собственный свет, Маррон не знал. Он только знал, что камень светится — явление куда более значительное, чем знак веры.

Радель подбросил камень, и он упал, но упал гораздо медленнее, чем был должен, словно воздух вокруг него загустел. Ударившись о ступеньку, камень подпрыгнул куда выше, чем обычный осколок скалы, и зазвучал — если, конечно, звук издавали не ступени.

Камень подпрыгивал и падал, ударялся о ступени, взлетал в воздух и издавал звук, всякий раз на другой ноте, звук высокий и лёгкий, прекрасно сочетающийся с предыдущим, все ещё звучавшим в воздухе. Маррон почувствовал, как при звуках этой странной музыки его охватывает дрожь; ему показалось, что он абсолютно прозрачен и виден насквозь в пульсирующем свете. С большим трудом он вспомнил, что внизу должны быть стражники, что они встревожатся и изготовятся. Однако потом это стало не важно, всё было не важно, даже то, что до сих пор им приходилось красться совершенно бесшумно…

Юноша потянулся, пытаясь дотронуться до рукава Раделя в немом вопросе. Менестрель поднял руку в жесте «доверься мне и жди»; светящийся камень исчез за поворотом лестницы, оставив только лёгкую мелодию, и Радель той же рукой сделал жест «иди за мной».

Маррон последовал за менестрелем, чувствуя, что страх его почти исчез в этой зачаровывающей музыке. Последние ступени, комната… два брата-охранника стоят, зачарованные, с расширенными глазами, не мигая, смотрят на камень, который висит в воздухе и пульсирует синим светом, а музыка все звучит и звучит, и эхом отдаётся в крохотной комнатушке.

Братья застыли не только от удивления. Их лица были пусты; казалось, души покинули их, оставив только пустые тела в чёрных рясах. Они не шевельнулись, когда Радель спокойно прошёл между ними в коридор. Маррон же уставился на камень точно так же, как сами стражники; он чувствовал его зов, чувствовал, как воля покидает его, как слабеют мускулы и мозг, как он

растворяется в ритмичном биении света и в музыке…

— Маррон! — Чья-то рука легла ему на шею и осторожно встряхнула его. Юноша вздрогнул и очнулся; обернувшись, он увидел Раделя. На лице менестреля была усмешка, однако за ней угадывалось напряжение. Он торопливо прошептал:

— Идём, покажешь, где мой друг. Если айяр будет для тебя слишком силён, закрой глаза…

— Да, мессир, — неуверенно ответил Маррон. Он мог закрыть глаза, но что делать с ушами? Музыка звала его не слабее света. Он натянул до отказа капюшон, чтобы хоть как-то укрыться от чар, и сделал два неимоверно тяжёлых шага к выходу в коридор.

Тут он остановился и вернулся. Изо всех сил сопротивляясь зову камня, на негнущихся ногах он подошёл к нише, где горел позабытый светильник — его жёлтый свет почти полностью растворился в голубом сиянии.

Маррон взял светильник и перевёл взгляд на его бледный огонёк, словно защищаясь от всепроникающего и такого соблазнительного биения голубизны вокруг.

— Хороший мальчик, — произнёс Радель голосом, который был едва слышен в высокой, без слов песне айяра. Маррон не понимал, почему менестрель старается говорить тише; казалось, что стражников не вернёт к действительности даже гром и молния, что их души удалились очень далеко. — Я смотрю, ты не так теряешься, как можно было ожидать.

«Ещё как теряюсь», — подумал про себя Маррон, спотыкаясь о край рясы и стараясь не отводить глаз от огонька светильника. Песня камня билась у него в голове, всё время меняясь, словно пытаясь отыскать брешь в его защите и вновь забрать юношу под свою власть. Маррон изо всех сил пытался сосредоточиться на светильнике и едва ковылял, когда, к его облегчению, большая рука Раделя схватила его за рукав и потащила во мрак коридора.

Свет и музыка не исчезли, но их сила ослабла; через несколько шагов Маррон рискнул даже поднять глаза от светильника и посмотреть на смеющегося Раделя. Впрочем, смех был весьма добродушен, а последовавший за ним кивок выражал одобрение.

— Неплохо. Прости, я забыл, что ты так же беззащитен, как и охранники. Только сильный мозг может противостоять чарам проснувшегося айяра.

— А как же грешники? — шёпотом спросил Маррон, лихорадочно оглядев двери келий.

— Их тут нет. По приказу прецептора всех их вчера отпустили. Люди сейчас нужны ему больше, чем дисциплина.

Повезло ребятам.

И действительно, кельи были пусты — то есть их двери оказались закрыты, а заглядывать внутрь Маррон, конечно, не стал.

Только в самом конце коридора дверь была заперта на засов — пленник был на месте. Маррон потянулся к засову свободной рукой, забыв о ране, и вспомнил о ней лишь тогда, когда Радель остановил его.

— Я же сказал, будь поосторожнее с рукой.

— Но она же не болит, мессир! Совсем не болит.

— Не важно, ей все равно нужен покой. Тебе придётся прятать её несколько дней подряд. Не показывай своему господину, что дела идут на поправку. Так, а сейчас вот что: камень удержит этих людей, пока я сам не освобожу их. Они ничего не запомнят и только очень удивятся тому, как быстро прошло утро. Однако по лестнице может спуститься кто-нибудь другой, так что нам следует поторопиться. Впрочем, боюсь, быстро мы выйти не сможем…

При этих словах Радель вытянул засов из скобы, потянул на себя дверь и фыркнул от удивления, обнаружив перед собой непроницаемую черноту.

— Что за…

— Это штора, мессир.

— А-а!

Радель откинул штору и вошёл, Маррон последовал за ним. В камере было темно; на этот раз пленник не стал зажигать колдовской свет. Маррон поднял светильник повыше, и мерцающий свет озарил стены, увешанные пыточными инструментами.

Радель снова фыркнул.

— Где…

— Вон там, мессир, — указал Маррон на кучу тряпья, под которой невозможно было разглядеть человека. Радель что-то пробормотал себе под нос — не то проклятие, не то заклинание — и дотронулся до лампы; та ярко вспыхнула, и резкий белый свет разбросал по всей камере острые длинные тени.

Менестрель большими шагами пересёк комнату и упал на колени подле зашевелившегося узника.

— Редмонд! — На этот раз он не стал ничего скрывать от Маррона; впрочем, в этом не было нужды, потому что все они стали соучастниками. — Редмонд, ты?

Узник медленно приподнялся на одном локте; лязгнула цепь. Лохмотья соскользнули с него, отвечая на вопрос. Маррон услышал, как Радель со свистом втянул воздух, как бы вторя

трудному хрипящему дыханию узника.

— Это ты? И мой маленький дружок тоже тут?

Его голос был ещё слабее, чем накануне; Маррон поставил лампу, заставив тени заплясать по стенам, и налил кубок воды из кувшина, вновь оказавшегося вне пределов досягаемости узника.

Радель взял у него кубок и напоил друга. Редмонда трясло, и он пролил едва ли не больше воды, чем выпил, а потом заговорил:

— Это глупо, Радель.

— Нет. Это необходимо. Ты что, хочешь, чтобы я оставил тебя на попечение заботливых братцев? Чтобы я успокоился и пошёл дальше по своим делам, забыв обо всех твоих страданиях и о твоём будущем?

— Нет у меня никакого будущего. Нету — и нечего тебе рисковать. И не приплетал бы ты посторонних, которые сами не знают, на что идут, — кивнул он в сторону Маррона.

— Он знает достаточно, чтобы сделать свой выбор. Молодёжь всегда глупа, сам должен помнить. Да что там, ты будешь жить так же долго, как мы, Редмонд!

— Или так же недолго, — хмыкнул тот.

— Может быть. Впрочем, если мы уберёмся отсюда, никто нам ничего не сделает.

— А как мы выберемся из замка — просто выйдем в ворота?

— Мы сделаем лучше — поедем верхом. Ты и я, мы поедем вместе с отрядом, нарядившись монахами. Сегодня после полудня в Элесси отправляется отряд. Там будут и рыцари, и братья, и мирская охрана для двух девушек — дочери королевской тени и её компаньонки. Слышал о них?

— Я слышал, что она путешествует, но не знал, что она тут.

— Она тут, но её отсылают, потому что два дня назад на крепость напали шарайцы.

— Правда? — Похоже было, что это взволновало узника сильнее остальных новостей. — Хасан?

— Да, так говорят.

— Ага… Подозреваю, что ему не повезло.

— На этот раз не повезло, спасибо Маррону.

— Маррону? — Ещё один взгляд, на этот раз с намёком на улыбку, насколько сжатый рот мог улыбнуться. — Впрочем, мы все о политике, а Маррону не по себе. Извини, Радель, но, может быть, ты объяснишь свой замысел?

— Ладно. Отряд собирали поспешно; раньше говорили, что он уедет завтра, но потом отъезд перенесли на сегодня. Там будет сумятица и путаница, и мы с тобой без труда спрячемся среди монахов. Мы выберемся из крепости, а на первом же привале

сбежим. Твоего отсутствия никто не заметит по меньшей мере до завтра, а я оставлю кое-что, чтобы задержать погоню ещё на денёк-другой.

— Оставишь двойника? Что ж, хорошо. Заманчивый у тебя план, Радель, и простой.

— Но?

— Но я не держусь на ногах.

— А, ступням досталось?

— И рукам тоже. И наездник из меня сейчас никакой.

— Ну, пока что я смогу тебе помочь…

— Мне всё равно не проехать целый день верхом, Радель. И полдня не проехать. А потом ещё и бежать… Я труп, мальчик, я это уже понял, пойми и ты. Ты можешь сделать для меня только одно: помочь надуть инквизиторов.

— Нет! Должен быть какой-нибудь выход! — Радель задумчиво нахмурился. Маррон глядел то на него, то на пленника, то на дверь. К тому же ему доставило удовольствие — пусть краткое — то, как Раделя назвали «мальчиком».

Менестрель заговорил.

— Мы можем предпринять попытку, — заявил он. — Я помогу тебе выбраться отсюда и спрятаться. А потом — у этой девушки, Джулианны де Ране, должен быть какой-нибудь багаж, и его наверняка повезут в специальной повозке. И рыцари тоже что-нибудь прихватят с собой — эти дворянчики следят за своей одеждой почище столичных модниц. И торговцы в отряде тоже будут — у них вполне может быть какой-нибудь груз. Так или иначе, мы найдём способ вывезти тебя — если понадобится, вообще в ящике.

— Ты глупец, Радель. Лучше оставь меня, я уже приготовился к смерти.

— А я не готов позволить тебе умереть!

— Ну и дурак. Это случится всё равно — здесь, если ты оставишь меня в покое, и здесь же, если ты попытаешься вытащить меня. Но во втором случае ты рискуешь собой, и зря.

— Я буду осторожен, — рассмеявшись, пообещал Радель.

Ну и лжецы же они, эти сурайонцы, подумал Маррон.

— Мессир, — произнёс он, но слишком тихо, никто не расслышал. Погромче: — Мессир…

— Да, Маррон?

— Если мы понесём его через кухню, нас заметят и начнут задавать вопросы.

— Мы его не понесём. Я поступлю с его ногами так же, как с твоей рукой — немного подлечу и на время уберу боль.

— Да, мессир. — Маррон уже был знаком с этими его

возможностями и всего лишь хотел напомнить Раделю о деле.

— А, ты хочешь сказать, чтобы я прекращал спорить с этим упрямцем и брался за работу, да?

Именно это Маррон и имел в виду, но ни за что бы так не сказал. Он покраснел и нерешительно произнёс:

— Мессир… здесь ведь опасно оставаться долго… вы так сказали…

— Сегодня утром инквизиторы пришли совсем рано, — сказал со своей койки Редмонд. — Поэтому я так слаб. Сейчас мне не зажечь даже крохотного огонька, Маррон. Но они не вернутся до завтра, а больше ко мне никто не ходит. Точнее, скорее всего не вернутся, — поправился он. — Впрочем, мальчик прав. Давай, Радель. Не беспокойся обо мне, займись только ногами. Остальное я как-нибудь стерплю.

Маррон не осмелился спросить, сколько времени провели с Редмондом инквизиторы, и Радель тоже не стал задавать вопросов. Редмонд не был похож на человека, который переживёт путешествие в ящике или сумеет спрятаться в телеге с багажом. Впрочем, находясь в смертельной опасности, человек может многое вынести. Даже если он кричит под пыткой, зная, что крик не принесёт никакого вреда, в надлежащих обстоятельствах, спасая свою жизнь, он может вынести ту же боль без единого звука.

Радель разгрёб укрывавшие Редмонда лохмотья. Маррон заметил, что узник прикован не только за запястья, но и за щиколотки — вероятно, чтобы не исхитрился достать до воды ногой, подумал юноша. Разглядев же ноги, он решил, что оковы тут, пожалуй, ни к чему.

Должно быть, на Редмонда надевали «испанские сапоги». Маррон подумал: что может магия Раделя сделать с изломанными костями и искалеченной плотью? Ответ был прост: почти ничего. Он ведь даже не сумел полностью залечить рану на руке, чуть тронутую заражением. А уж если в этих ногах и начался процесс заражения, он явно был не худшим из зол.

Радель взял ступни Редмонда в руки, подержал, как бы успокаивая боль, и что-то напевно забормотал. Неистовый свет лампы померк, сменившись обычным жёлтым огоньком. Маррон понял, что все усилия Раделя, всё его внимание направлены на работу, что он не тратит ни капли сил на свет, да свет ему и не нужен, всё необходимое он уже разглядел.

Маррон стал рассматривать стены, вначале пытаясь догадаться, для чего предназначен каждый инструмент и как он работает. Он угадывал почти сразу, понимал почти все: «В этом деревянном ящичке с клиньями, должно быть, покалечили

Редмонду ноги. Ящичек разобрали, а потом вновь собрали по очереди у каждой из ног Редмонда, чтобы показать, как он работает. Потом подогнали по ноге и стали загонять клинья молотком, вон он, молоток…»

Занятие надоело Маррону очень скоро. Он скользнул за занавеску и встал у полуприкрытой двери, выглядывая в коридор.

Честно говоря, он смотрел только в конец коридора, где голубой свет все ещё бился в ритме дыхания Раделя, откуда всё ещё была слышна музыка, едва заметная, но всё же вполне отчётливая и зовущая. Что ж, значит, камень работал, несмотря на то что Радель не концентрировался на нём. Вероятно, сила присуща самому камню, а не наколдована Раделем…

Маррон не знал, сколько времени простоял так у двери. Впрочем, как можно было говорить о времени, находясь так далеко от солнечного света? Маррон перестал даже чувствовать своё тело, забыл все, кроме биения света и высоких нот песни. Он стоял до тех пор, пока чья-то рука не тронула его за плечо и не встряхнула, приводя в себя.

— Маррон, — негромко произнёс Радель, — не поможешь?

— Я… — «Я опять попался в ловушку камня, я не так силён, как вы говорили». — Я следил за коридором, на случай, если кто-нибудь появится…

В конце концов, Маррон тоже умел врать.

— Я знаю.

«Знаю, что ты делал, — говорила улыбка Раделя, — знаю, что делалось с тобой».

Маррон вернулся в камеру вслед за Раделем и обнаружил, что Редмонд сидит на своей койке. Узник всё ещё был бледен и измождён, но выглядел гораздо лучше, чем прежде — когда? Как давно Маррон отошёл к двери — час или всего десять минут назад?

— Нужно сделать двойника, — сказал Радель, — такого, чтобы провести инквизиторов, чтобы они день или два думали, что Редмонд все ещё у них в плену. Я это могу, но вначале мне нужно отомкнуть оковы, не ломая их. На это понадобится время. А ты пока что собери всё, что найдёшь в камере подходящего, все, чему можно придать форму человека или какой-то его части. Металл, дерево, тряпьё — не важно. Я придам ему нужный вид, мне нужна только материя. Представь, что ты делаешь для своей сестры куклу. Ей совсем не обязательно быть похожей на настоящую. Лишь бы размером она была с человека. Сам знаешь, как детишки играют.

— Знаю, мессир…

У него не было сестры, зато она была у Олдо. В детстве

мальчишки из прутьев и соломы вязали ей куколок, которым девочка бывала невероятно рада.

Впрочем, эта задача была совсем не похожа на прежние. Маррон огляделся, на этот раз стараясь видеть не предметы, а только их очертания. Он всё ещё чувствовал себя идиотом, ожидал смеха за спиной, но всё же потянулся за огромными щипцами, висевшими на стене.

Под щипцами лежала жаровня. Раскалив щипцы, ими можно было прожечь кожу до кости, и Редмонд был прекрасно знаком с такой пыткой — об этом свидетельствовали свежие пузырящиеся шрамы у него на груди. А, ладно, к чёрту все эти знания. Щипцы оказались с руку или чуть длиннее; их концы соединялись между собой. Инструмент мог послужить ногами кукле.

Для рук Маррон отыскал пару деревянных палок, а для головы — огромный железный шар, такой тяжёлый, что юноша с трудом мог его поднять. А вот с туловищем пришлось повозиться; Маррон огляделся, подумал и, наконец, нагрёб две охапки лохмотьев, служивших Редмонду одеждой и одеялом. Расстелив самый большой из лоскутов, Маррон выложил на него остальные и сам сел сверху, чтобы утрамбовать их.

Взгляд, брошенный в сторону Раделя и Редмонда, показал, что никто не следит за работой Маррона. Менестрель положил руки на кольцо кандалов, охватывавших запястье Раделя, и, как показалось юноше, смотрел на железо сквозь собственные пальцы. Вот только глаза его при этом были накрепко закрыты и видеть он ничего не мог. Смотрел только Редмонд — смотрел на голову своего друга. Неужели эти люди могли читать в головах друг друга самые сокровенные мысли?

Маррон вернулся к работе — уж это было ему по силам, и он надеялся выполнить задание как можно лучше. «Только бы не рассмеялись…»

Связав тряпьё в узел, Маррон прицепил к нему щипцы, а потом обе палки-«руки». С железным шаром было труднее, юноша никак не мог придумать, как прикрепить его к телу, чтобы кукла обрела хотя бы подобие человека. «Обезглавили игрушку», — подумал Маррон и подавил смешок.

Он потряс головой, стараясь вытрясти из неё дурь, и вновь огляделся по сторонам. В углу лежала верёвка, свёрнутая в кольцо. Маррон поднял её и стал делать некое подобие сети, подняв голову только тогда, когда его внимание привлёк металлический щелчок.

Он увидел, как наручники открылись, хотя так и не понял как. Закрытые на ключ или забитые заклёпкой, они ни за что не поддались бы человеческим рукам — а ведь Радель даже не

пытался нажать на них.

«Магия», — равнодушно, без удивления подумал Маррон и вернулся к своим узлам.

Он обернул сеть вокруг шара — «Волосы и борода», — подумалось ему, отчего он едва не рассмеялся, — и привязал её концы к тряпичному телу уродливой куклы. Играть с ней было бы невозможно, он не сумел даже посадить её, потому что железный шар был слишком тяжёл; однако, когда она просто лежала на полу, она казалась — нет, не человеком, а чем-то весьма странным и даже уродливым, однако Маррон сделал всё, что от него требовалось. По крайней мере сейчас…

Из угла, где находилась койка, раздались какие-то звуки: щёлканье, бряцанье и негромкие голоса. Поглядев туда, юноша увидел, что Редмонд наконец освободился от оков и даже с помощью Раделя пытался встать на ноги.

Этого не могло быть, несмотря на все чудеса этого самого невероятного из всех дней. Ступни Редмонда были все так же искалечены, и Маррону стало больно от одного взгляда на них. Он не мог даже представить себе боль от таких ран и от того, что этими ногами приходилось идти.

Однако Редмонд стоял, не выказывая никаких признаков боли. Он опирался на руку Раделя, но, как показалось Маррону, только ради равновесия, чтобы противостоять головокружительной слабости.

— Хорошо, — сказал Радель. — Как ты себя чувствуешь?

— Никак не чувствую, — негромко, почти со смешком ответил узник.

— Позже тебе будет хуже, но пока что ты сможешь выйти на собственных ногах. Ага, Маррон. Всё сделал. Молодец. — Его глаза пробежались по творению Маррона, лежавшему на полу. — Прекрасно. Сможешь поднять это на матрас?

— Да, мессир.

Однако Маррон не столько поднял, сколько затащил куклу, с превеликой осторожностью берясь за ненадёжные узлы. Одна из палок выскользнула из крепления; Маррон вспыхнул и, ругаясь про себя, подобрал её и вернул на место, привязав покрепче.

— Маррон, я, кажется, велел тебе беречь твою руку?

— Мессир, вы сказали, что вам нужна кукла размером с человека.

«Помните?» — хотелось спросить ему, но на такую дерзость Маррон не осмеливался. Пока что не осмеливался.

— Что ж, ладно, но всё-таки будь поосторожнее. Если рана начнёт кровоточить, в неё снова может проникнуть яд. Так, иди сюда и помоги Редмонду держаться на ногах.

Это было нетрудно: узник оказался легче безголовой куклы — птичьи кости без плоти.

— Что у тебя с рукой? — спросил Редмонд. В его голосе, негромком и пустом, слышалось больше силы, чем было в теле.

— Ранена, мессир. — Маррон отвёл рукав, показывая повязку; он видел страдания Редмонда и потому мог пожаловаться ему. — Она не хочет заживать…

— Ей не дали возможности зажить, — проворчал Радель, возившийся с распростёртой на матрасе куклой и защёлкивая на палках и щипцах кандалы, словно то были настоящие руки и ноги и железо могло удержать их. — Края разошлись, потом рану разрывали, по меньшей мере однажды умышленно, чтобы она не затянулась.

— Вы… э-э… он, Радель, он почти вылечил её…

— Это не насовсем. И ты, и Редмонд расплатитесь за лечение позже. Так вам обоим и надо. Как ты дошёл до такой жизни, старый дурень?

— Меня узнал какой-то ушлый дворецкий. Можешь себе представить? Вот уже сорок лет я спокойно изображаю торговца, разъезжаю себе в фургоне, сбрил бороду — и тут появляется этот идиот и бормочет: «Красный Граф, Редмонд Корбоннский, мессир, зовите стражу…» И что я мог поделать?

— Ты мог убить их всех, — пробормотал Радель тоном, в котором явственно слышалось «куда тебе».

Маррон поверил этому — Редмонд мог убить, но никогда не сделал бы этого. Честно говоря, юноша сам был поражён. Редмонд Корбоннский? Красный Граф, герой великой войны, объявленный еретиком и отщепенцем десять лет назад, один из немногих известных по имени сурайонцев — известных даже в Старых Землях? И эта изможднная развалина — Красный Граф?

В руках у Маррона была легенда, но он не мог поверить этому.

Редмонд понял это, взглянув в лицо юноше. На мгновение тусклые глаза зажглись, и старик шепнул:

— Ничего, парень, все мечты когда-нибудь умирают. А пока погляди, тебе это понравится. Только не бойся…

Он кивнул в сторону Раделя и куклы; Маррон послушно повернулся туда, не в силах усмирить сумасшедшие мысли. Это был Красный Граф, повелитель, страшный боец, который по колено в крови ехал по улицам Аскариэля, который заслонил самого короля от копья Великого имама на ступенях храма, а потом срубил имаму голову; это был великий и страшный еретик, именем которого пугали детей, подкупленный и ушедший в Свёрнутую провинцию, своими руками убивший последних

священников, остававшихся в этой проклятой земле, когда тамошний злодей-повелитель закрыл её от мира богомерзкими заклинаниями…

Бояться? Чего ему бояться — сегодня, да и не только сегодня, Маррон видел предостаточно магии. Юноша нахмурился и присмотрелся к тому, что делал Радель.

Менестрель встал на колени у куклы, держа её на руках, *словно большого ребёнка или больного товарища*. Огромная голова уродливого создания была прижата к его шее — Радель как-то исхитрился зажать тяжёлый шар между подбородком и ключицами. Он что-то шептал шару, а его руки бегали по телу куклы, по деревянным рукам, тряпичному туловищу и длинным металлическим ногам.

На глазах у Маррона Радель плюнул на железо и охватывавшую его верёвочную сеть, а потом отпустил куклу, отодвинулся и встал.

Кукла осталась сидеть — этакий уродец в цепях. Её голова должна была упасть, тело наверняка опрокинулось бы и разорвалось на части — но этого не произошло. Кукла сидела, словно человек, опирающийся на одну руку. Потом она попыталась встать и последовать за Раделем.

Кандалы остановили её, хотя непонятно было, как они не падают с «рук» и «ног» создания — ведь на них не было ни капли плоти!

Маррон задохнулся от ужаса. Только державший его за руку Редмонд помешал ему отступить, только негромкий смешок Красного Графа не дал ему развернуться и убежать. «Видишь, я же знал, что ты испугаешься», — говорил смешок. Маррон содрогнулся и остался стоять на месте.

— Ну как? — спросил его Радель.

— Мессир, вы сказали, что эта штука должна обмануть инквизиторов. Но она их не проведёт. — В горле у Маррона так пересохло, что ему пришлось покашлять и облизнуть губы прежде, чем продолжать. — Она не похожа на графа Редмонда…

Она вообще не была ни на что похожа — ни на человека, ни на живое существо.

— Пока что не похожа, по крайней мере для тебя. И не будет похожа. Подведи его сюда, Маррон, помоги ему подойти.

Меньше всего на свете Маррону хотелось подходить ближе к ожившей твари, которая натянула цепи, пытаясь подобраться к людям. Однако Радель не сводил с юноши глаз, а в голове у себя Маррон все ещё слышал эхо смешка Красного Графа. Он заставил непослушные ноги сделать шаг и пошёл вперёд, чувствуя, как на спине выступает холодный пот.

Он подходил всё ближе и шёл все медленнее, пока наконец не оказался почти вплотную к кукле. Не будь она прикована цепями, то вполне могла бы дотянуться до юноши. Этого не произошло, однако Редмонд вытянул руку и коснулся руки куклы в том месте, где полагалось находиться локтю; потом он отвёл руку, плюнул на пальцы и снова коснулся куклы.

— Ну… — тихо произнёс Радель.

Кукла стала меняться — или им это показалось? Маррон все ещё видел деревяшки и щипцы, однако заметил, что вокруг них возникло некое сияние, прозрачная стекловидная плоть. На мягком засаленном теле проступили ребра и появилось подобие кожи, хотя юноша все ещё видел тряпьё, из которого сделал туловище. Тряпьё и иллюзия. Даже на голове, тяжеленном шаре на шаткой опоре, чудом не упавшем с неё, проступили черты лица и какой-то намёк на волосы и бороду. Да, это могло быть лицо Редмонда… если это вообще было лицо…

Но нет, оно не стало отчётливее; магия была непрочна и бесполезна, она не провела бы даже слепца в темноте. Маррон открыл рот, чтобы как можно вежливее сказать это, но Радель опередил его.

— Ты видишь то, что ожидаешь увидеть, Маррон. Ты сам сделал эту куклу и знаешь, что она собой представляет. Ты видишь намёк на чары, но только намёк, ибо твой разум знает, что лежит под магией. Человек видит то, что ожидает увидеть. Стражники и инквизиторы ожидают увидеть Редмонда — и они будут его видеть, по крайней мере какое-то время. Даже когда возьмутся за инструменты, они увидят и услышат то, что ожидают, потому что не верят ни во что другое. Они знают, что Редмонд у них, они знают, что пытают и мучают человека — и они увидят человека.

Так, теперь вот что. Мы появились в кухне вдвоём. Я не думаю, что кто-нибудь следил за нами, но выходить троим сразу просто опасно. Ты иди первым, Маррон, только отдай мне сначала запасную рясу. Ступай в пустую кладовую, оставь там свою рясу и возвращайся к своим обязанностям. Спасибо тебе.

— Хорошо, мессир. А что… что будет потом?

— С тобой? Ничего. Ты всего лишь оруженосец рыцаря, не более того. Ничего не говори, постарайся забыть увиденное. Можешь помолиться за нас, если захочешь. Потом до тебя дойдут слухи о том, что кого-то из нас в замке не досчитались. Начнётся кутерьма, на дорогу в Элесси вышлют отряды, но я не думаю, что нас найдут, если мы сумеем уйти.

— Граф Редмонд не уйдёт далеко, сьер, его ноги… — Даже имей они два дня выигрыша, всадникам понадобится не более

часа, чтобы отыскать их, подумал Маррон.

— Да, ему будет тяжело, но если мы не сможем бежать, мы сумеем спрятаться. Жители Сурайона хорошо умеют укрываться от врага, Маррон. Мы ведь спрятали целую страну.

Маррону совсем не хотелось уходить. У него было такое чувство, словно он слушает захватывающую историю, но вынужден прерваться на середине. Однако Радель был прав: не следовало оставаться рядом с беглецами. Пусть они уйдут, пусть скроются, тогда он попытается забыть, что когда-то помог им. Иначе ему придётся вернуться в эту камеру и предстать перед инквизиторами в наготе и страхе. Он подумал, что в этом случае будет не просто кричать — нет, он не выдержит боли, если на нём испытают какой-нибудь из этих страшных инструментов, и выдаст всех троих.

Идя через кухню, Маррон опустил голову и задержал дыхание, однако никто из монахов не проявил никакого интереса. Насколько понял Маррон, никто не заметил и того, как монах, вошедший в пустую кладовую, вышел оттуда оруженосцем. Не привлекая ничьего внимания, юноша вернулся в комнату сьера Антона. Он был встречен взрывом праведного гнева.

— Чёрт тебя побери, Маррон, где ты шлялся?

— Сьер, вы же послали меня в лазарет, — честно ответил Маррон.

— Это было несколько часов назад!

— Да, сьер, но там очень много братьев, которые ранены сильнее меня… — Это тоже была правда, но такая же обманчивая. Не давая рыцарю задать вопроса, на который нельзя было бы ответить уклончиво, Маррон спросил сам:

— Вы что-то ищете, сьер?

Сундук стоял нараспашку и был наполовину пуст, а на полу и на постели валялись груды одежды.

— Тебя! Собери мне вещи в дорогу, Маррон; и себе тоже.

— Сьер?

— Мадемуазель Джулианна сегодня отправляется в Элесси…

— Да, сьер.

— Ты это знаешь?

— Я слышал сплетни, сьер. От оруженосцев…

— А я думал, что ты был в лазарете. Ладно, не важно. В этой крепости слово движется быстрее ветра. А ты не слышал, кто будет сопровождать её?

— Её люди, сьер, — повторил Маррон слова Раделя, лихорадочно раздумывая над ответом. — И ещё отряд братьев и, кажется, рыцари?..

— Рыцари с оруженосцами, — оживлённо ответил сьер

Антон. — Собирай вещи и беги в конюшни. Там сейчас будет не продохнуть, да ещё и конюшенных мальчишек не хватает. Слуги и оруженосцы каждого рыцаря наверняка постараются лучше других позаботиться о своём господине. Постарайся и ты. Подготовь одного из боевых коней, лучше всего Аламбера, примерно через час после молитвы. А тебе понадобится мул. Для багажа будет телега. Если ты не сможешь унести сундук — не смей пытаться сделать это в одиночку! — попроси кого-нибудь из оруженосцев помочь тебе. Так, это все.

— Хорошо, сьер. Мне уложить вместе с одеждой кольчугу или…

— Не будь дурнем, Маррон. Это тебе не увеселительная поездка. Кольчугу я надену сразу.

15. СИЛКИ В СУМЕРКАХ И НА СОЛНЦЕ

Джулианна в последний раз пошла к полуденной службе и настояла, чтобы Элизанда отправилась с ней.

— Мы должны выглядеть как благопристойные девушки, почитающие Господа, святую церковь и родителей. — Элизанда только фыркнула в ответ, но Джулианна упрямо продолжала: — Не надо вызывать излишних подозрений — за нами все равно будут внимательно следить.

— За нами все равно будут внимательно следить, — повторила её слова Элизанда. — И не важно, насколько хорошими мы притворимся. Они везут невесту молодого барона, будущую графиню, так что вокруг тебя вечно будут ошиваться охранники и все монахи в придачу, которые только и делают, что вынюхивают шарайцев. Да они будут смотреть во все глаза! Для этого они и едут! И все твоё сегодняшнее благочестие не избавит тебя от их внимания.

— Быть может, — согласилась Джулианна, сама чувствующая слабость своих аргументов, но не желая сдавать позиции. Она верила, что даже самое незаметное действие может принести пользу. Девушка до сих пор не понимала, как они ускользнут от охраны, и рассчитывала на Элизанду, которая, казалось, не испытывала никакого беспокойства по этому поводу. «Не волнуйся, успокойся, нас не найдут, погоня пойдёт по ложному пути. Ты не поверишь, сколько бывает ложных путей, по которым можно отправить преследователей…»

— Ну пожалуйста, Элизанда, — попросила наконец Джулианна. — Может быть, это и бесполезно…

— Абсолютно бесполезно, — подхватила Элизанда, прекрасно сознавая собственную правоту.

— …но всё равно, прошу тебя, пойдём. Хотя бы потому, что я тебя об этом прошу. Я считаю, что должна идти, но не хочу идти одна…

Во всех этих словесах сквозило настойчивое желание Джулианны добиться своего, и, поняв это, Элизанда сдалась и кивнула.

Итак, они отправились на службу и обнаружили на галерее Блеза. Сержант стоял на коленях, склонив непокрытую голову; Джулианне показалось, что он пришёл сюда заранее, словно желая помолиться прежде, чем большой колокол созовёт на службу братьев и гостей.

Элизанда протянула руку, как бы намереваясь смахнуть с плеч Блеза воображаемую пыль: «Сколько же этот добрый человек

тут молится?»

Лёгкий толчок локтем, взгляд искоса, накативший смех; Джулианна схватила подругу за плечо и сжала, делая вид, что просто пытается вернуть Элизанду к молитве. Но, судя по сияющей улыбке Элизанды, это ей не удалось; тогда Джулианна сдалась и закусила запястье. На коже остались белые следы зубов, но смешок всё-таки удалось подавить. Ей захотелось проделать то же самое с рукой Элизанды, однако продувная девчонка уже стояла с самым серьёзным видом на коленях у балюстрады, всем своим видом говоря: «Ты этого хотела?» — и Джулианне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к ней.

Когда молитва была окончена, Блез встал вместе с девушками и сделал шаг в сторону, пропуская их вперёд. Поглядев, как он мнёт в руках шапку, подумав о том, сколько братьев и рыцарей молилось сегодня в зале с обнажёнными головами, Джулианна попыталась догадаться, что же вышло из великого начинания магистра Фалька — о нём ничего не было слышно с той самой скандальной выходки во время проповеди.

Что ж, как правило, скандальные выходки очень часто оказывают подобное влияние, в особенности на молодых и упрямых мужчин. Надрыв души, надсадный крик, вспыхнувший в ночи огонь — а затем серый свет утра, унылый ежедневный труд и оставшиеся от костра угли. Проповедь помнится недолго. Даже самые знаменитые речи, которые привели к призыву взять оружие и пойти на Святую Землю, даже они были всего лишь ключом, открывавшим души людей. По крайней мере так говорил отец Джулианны. Он добавлял, что для многих безземельных младших сыновей, терзаемых скукой и честолюбием, призыв церкви стал причиной отправиться воевать не только ради славы Господней. Нет, не ради красивых слов они шли и бились в жару и мороз, среди голода, болезней и несчастий.

Впрочем, энтузиазм вскоре угасал, сменяясь хладнокровными раздумьями и вынашиванием хитроумных планов, либо же забывался в повседневной рутине — то на рубежах возникнут шарайцы, то надо объезжать границы, а то и сопровождать дочь королевской тени к жениху. Такой организации, как Орден искупителей, нужен был враг; возможно, указывая на него, Фальк хотел ещё крепче спаять братьев, дать им цель — а с таким старым врагом, как Свёрнутая провинция, новые были не нужны. Впрочем, Сурайон продержался бы ещё поколение, вернись в Святую Землю шарайцы…

— Не удалось нам отдохнуть столько, сколько мы собирались, сержант, — заметила Джулианна. — Надеюсь, ваши люди не слишком разочарованы?

Конечно, в крепости нельзя было развлечься, однако она казалась уютнее пыльных дорог. Насколько понимала Джулианна, солдат это только радовало.

— Мои люди не отдыхали, мадемуазель, — ответил Блез с ноткой злости в голосе, словно Джулианна вторглась в его вотчину, да ещё и оскорбила вояку. — С самого нашего прибытия я каждый день проводил с ними учения.

— Ах да, разумеется, — отозвалась Джулианна, решив, что если Блез ждёт извинений, пусть ищет их в её тоне; слов он не дождётся. Всё же если Джулианна думала, что знает солдат, то должна была помнить, что у них есть сержанты. Стоявший перед ней представитель этой касты был явно разочарован, он охотно внял бы призыву магистра Фалька и отправился в Свёрнутую провинцию сражаться с еретиками; кроме того, его обижала — если, конечно, Джулианна знала сержантов вообще и Блеза в частности, — так вот, его обижала невозможность подраться с шарайцами.

— Что ж, по крайней мере мы увидим Элесси раньше, чем ожидали. Мы должны быть рады этому, — коварно, добавила Джулианна, чтобы отвести Блезу глаза.

— Да, мадемуазель. Вам помочь собрать вещи?

— Нет, благодарю. Мы с Элизандой вполне управимся. — С самого начала путешествия Блез был шокирован, обнаружив, что дочь тени не взяла с собой служанку. По дороге им встречались женщины, охотно стиравшие бельё Джулианны за несколько мелких монет, но всё же чувство приличия Блеза было оскорблено. Как казалось Джулианне, он всё время боялся, что девушка может потребовать от его солдат какой-нибудь неподобающей мужчинам услуги, и Джулианне стоило больших трудов не поддаться искушению посмотреть на его потрясённую физиономию. — Когда фургон будет готов, братья наверняка снесут сундуки вниз.

По правде говоря, один из сундуков Джулианны был чуть легче, чем прежде. Платья, в которых они с Элизандой работали в лазарете, были отданы в стирку деревенским женщинам и до сих пор не вернулись. Впрочем, потеря была невелика: платья были перепачканы и испятнаны, а для того чтобы смыть кровь, не оставив ни малейшего пятнышка, требовалась куда более умелая прачка. Платьев у Джулианны хватало — так пусть деревенские девушки оставят их себе, может, найдут случай покрасоваться в чужеземных нарядах, а нет, так продадут на ближайшей ярмарке.

В последний раз Джулианна с Элизандой вернулись в свою комнату. Там их ждал обычный лёгкий обед. Поев, они отдохнули — то есть Джулианна отдохнула, точнее, полежала на постели,

притворяясь, что отдыхает. Элизанда же молча и недвижно стояла у окна — наверное, думает о своей неудаче, решила её подруга, хотя что именно не удалось — ей до сих пор было неизвестно. Сама она была занята размышлениями о том, что ждало их впереди. Пустыня, шарайцы, отец — все это и без того было достаточно угрожающе, а тут ещё и полная неизвестность, заслоняющая и путешествие, и его цель. Джинн сказал, что её отец в опасности и что она может спасти его. «Хотя, возможно, было бы лучше, если бы ты не стала делать этого», — добавил он, однако это предупреждение только подтолкнуло её навстречу неизвестному. Но это не было её целью. «Выйди замуж там, где должно тебе», — но она должна выйти за барона Имбера, а уж его-то среди шарайцев не найдёшь.

Джулианна ничего не понимала и не могла понять, однако решила отправиться в путь — ради отца и ради того, чтобы, повинуясь джинну, одновременно бросить ему вызов. Если только им удастся незаметно ускользнуть от охраны и скрыться от погони. Верхом у них было бы больше шансов на побег — Мерисса легка на ногу, но даже она не могла бы потягаться с рыцарскими конями, неся на себе двойной груз. Для Элизанды коня не нашлось. Нет, лучше уйти пешком, уйти как можно дальше, а потом спрятаться и надеяться на лучшее. Элизанда знала горы, знала тамошние тропы — это поможет в пути. А преследователям в горах придётся несладко, особенно если ветер поднимет пыль. Шанс у беглянок будет. А может, джинн присмотрит за ними, это ведь его затея…

Так она лежала, размышляя, и в результате ничуть не отдохнула. Потом пришёл монах, сопящий после подъёма по лестнице, и сказал, что багаж можно нести в фургон, а девушек ожидает паланкин — он выразился изысканно, «ожидает вашего светлейшего присутствия», но в его голосе звучало «груза ваших тел». Монах надвинул капюшон пониже и упрямо смотрел в землю, старательно избегая взглядов в сторону девушек. Сам прецептор ожидает их, чтобы попрощаться, так не будут ли они любезны поторопиться?

Этого он тоже не сказал вслух, однако все вполне явственно читалось в его поклонах и торопливых движениях.

На площадке у двери стоял ещё один монах, пришедший помочь снести вниз сундуки; он тоже прятал лицо, но Джулианне показалось, что его тощая фигура отлепилась от стены за миг до того, как она вышла. Что ж, пусть попыхтит с грузом, так ему и надо за пренебрежение…

Джулианна в сопровождении Элизанды спустилась по лестнице и пересекла двор, а потом прошла по узкому длинному

коридору к конюшенному двору. Там уже ждал, как и было обещано, прецептор, а рядом с ним стоял проклятый паланкин и переминались с ноги на ногу верные носильщики. Вспомнив свою скачку по равнине — в особенности конец этой скачки, — Джулианна искренне порадовалась их присутствию.

— Ваша милость, это так любезно с вашей стороны, ведь у вас должно быть столько дел!

— Никакие дела не помешают мне оказать должного уважения гостям, мадемуазель Джулианна, в особенности когда они столь умны и великодушны, как вы.

Все эти словесные экивоки были для обоих второй натурой. Обмениваясь любезностями с прецептором, девушка из-под вуали разглядывала царившую во дворе суету, торговцев, которые сочли за благо ехать вместе с её отрядом до Элесси, сам отряд, монахов, рыцарей, оруженосцев, лошадей, повозки… В Марассоне при её отъезде царила кутерьма; здесь была та же самая кутерьма, но гораздо лучше организованная, хоть и шумная.

Наконец прощание было окончено. Джулианна в последний раз сделала реверанс прецептору; он в ответ кивнул и помог ей сесть в паланкин. Элизанда влезла следом. Чуть присев перед прецептором, она задёрнула за собой занавеси.

Вокруг было очень шумно, мимо паланкина то и дело проходили люди и лошади, направлявшиеся к воротам. Внезапно над шумом толпы Джулианна услышала разъярённый голос д'Эскриве.

— Маррон! Где ты там прохлаждаешься!

— Сьер, — послышалось в молчании, которое всегда воцаряется вокруг очень разозлённого человека, — один из братьев попросил меня помочь отнести сундуки госпожи…

— Да ну? А я тебе не говорил, нет, не приказывал поберечь руку? Или ты столь же глуп, сколь усерден?..

Конец перебранки потонул в топоте копыт. Похоже, Маррону на роду написано попадать в неприятности. Должно быть, монахи поймали его, когда он проходил мимо, а юноша ещё не привык к своей роли оруженосца и не умел вежливо отказаться, сославшись на больную руку. Ладно, научится. Едкий язык д'Эскриве любого научит.

Паланкин качнулся и поднялся; Джулианна откинулась на подушках, порадовавшись про себя, что двое её знакомцев оказались в одном отряде с нею. Рыцарь очаровывал её своей бывалостью, а мальчик — невинностью; ей нравилось общество обоих.

Тут она вспомнила, что наслаждаться этим обществом придётся недолго, и наверняка принялась бы волноваться, но тут

Элизанда достала из-под себя флягу, откупорила, понюхала, фыркнула и внезапно засияла.

— Не может быть…

— Может! Прощальный дар от прецептора, который будет очень сильно скучать по нам. Ладно, это действительно мило с его стороны.

Скорее всего это было обычной практикой — Джулианна и сама делала подарки отъезжающим гостям. Но на этот раз подарок её порадовал.

— Мадемуазель, — как можно более куртуазно и подобострастно осведомилась Элизанда, — могу ли я налить вам глоточек этого напитка, известного здесь под названием «монашьего вина»?

— А кубки есть?

— Вот, два.

— Тогда налей, будь добра. Выпьешь со мной?

— С превеликим удовольствием, госпожа, если будет на то ваше милостивое соизволение.

Занавески скрывали пропасть, а джерет несколько притупил чувство страха в душе Джулианны. Паланкин покачивался и кренился; девушки изо всех сил старались держать кубки ровно, чтобы не пролить ни капли плескавшегося в них драгоценного вина. Колыхавшиеся занавески изредка открывали пропасть, и Джулианна понимала, сколь немногое отделяет её от падения в бездну. Ни веселье Элизанды, ни горько-сладкий вкус джерета не могли избавить Джулианну от страха — отброшенный на миг, он тут же возвращался и завладевал ею полностью.

Ещё прежде, чем они достигли равнины, Элизанда обняла Джулианну за плечи — крепче, чем обычные дружеские объятия, — и спросила:

— Джулианна, ну чего ты так боишься?

— Боюсь? Ничего я не боюсь, не говори глупостей. Вообще не понимаю, о чём ты…

— Ну да, конечно, так всё-таки — чего же?

Вздох.

— Налей мне ещё джерета, и я тебе скажу.

— Вначале допей то, что у тебя в кубке, а то у тебя руки трясутся. Нечего проливать такую драгоценность, даже если не можешь оценить её изысканность.

На самом деле Джулианна вполне могла оценить изысканный вкус напитка; более того, его очарование заставляло полностью сосредоточиться на простом акте глотания, странном ощущении, в котором растворяешься на то бесконечное мгновение, когда коснувшаяся языка горечь медленно сменяется тающим сладким

привкусом в горле, и забываешь обо всём, кроме этого причудливого вкуса. Да, напиток действительно был изысканным, если уж мог заставить её позабыть обо всём — о себе, об отце, об этом дурацком спуске…

Джулианна покорно сделала глоток и почувствовала, как горячая зелёная с золотом струя устремилась в её желудок. Элизанда подлила подруге ещё капельку, но Джулианна только заглянула в кровавую темноту кубка, где цвет травяной настойки полностью растворился в багровом ягодном соке.

— Однажды я упала с крыши, — кратко пояснила она в ответ на вопросительный взгляд Элизанды. — С тех пор я боюсь высоты и обрывов. Как бы ни была надёжна опора.

Элизанда рассмеялась.

— С таким талантом рассказчика, Джулианна, тебе нечего делать у шарайцев.

— Я не люблю говорить об этом, — отрезала девушка. Она не могла без дрожи вспомнить своё падение в темноту, совершенно беззвучное — она закусила язык, чтобы не кричать, — и хоровод звёзд над головой, звёзд, каждой из которых хотелось увидеть её падение.

После того раза она никогда больше не поднималась на высокие башни, избрав своей участью крытые галереи. Она стала жителем тёмных закоулков и подвалов, навсегда отвернувшись от солнца и ветра, царивших над крышами и высокими стенами. Об этом она, впрочем, не любила думать в особенности.

Элизанда вздохнула.

— Нет, ты всё-таки поезжай к шарайцам, Джулианна. Там не будет ни башен, ни высоких крыш — там вообще нет высоких зданий, разве только в Рабате. Ты туда съездишь, но забираться высоко тебя никто не заставит — разве что по внутренним лестницам. Тебе останется только держаться подальше от окон. А если ты не научишься чувствовать себя уютно на высоте, быть может, тебя обучат пользоваться речью, рассказывать истории, не важно, свои или чужие. Тогда я спрошу тебя, что ты делала на крыше, кто был с тобой, кто за тобой гнался или за кем ты гналась.

— Я тебе не скажу. Извини, но… Элизанда, да я даже отцу этого не рассказывала…

Брови Элизанды приподнялись — девушка была удивлена, как того и хотелось Джулианне. Впрочем, почти сразу же лицо подруги стало невозмутимым.

— Джулианна, да я не рассказывала отцу ничего важного с тех пор, как вышла из пелёнок! И вообще, так никто не делает — и не должен делать. Отцы существуют для того, чтобы скрывать

от них свои тайны. А вот с друзьями тайнами следует делиться, по крайней мере когда все уже позади.

Джулианна покачала головой; такого друга у неё не было никогда. «И такого отца не было», — подумалось ей с удивившей её самой горечью. Дочь королевской тени — это роль, написанная её отцом. Он придумывал правила, а Джулианна подчинялась им, словно молодое деревце, гнущееся под тяжестью приказов и дающее столько плодов, сколько может на себе нести. Она даже помыслить не могла о том, чтобы иметь секреты от отца, пока не пришлось их завести. Однако с того самого момента её мучила вина за этот молчаливый обман, и вина эта только толкала её на большую покорность отцу.

Когда отряд наконец спустился на равнину и вышел на пересекавшую её пыльную дорогу, Элизанда закупорила флягу с джеретом, заслышав стук копыт приближавшейся к паланкину лошади.

— Кстати, о тайнах, — заметила она. — Потренируйся на сержанте. Представь себе, что он твой отец — ведь он же сейчас замещает его, так?

Это было так, пока они ехали в Рок; однако потом всё изменилось. Джулианна подумала, что тот, кто командует отрядом искупителей и торговцами, вполне может распоряжаться и ею, и Блезом.

— Мадемуазель?

— Да, сержант?

— Я говорил с магистром Шерролом. Он считает, что мы в состоянии пройти до темноты восемь миль. Но всего в шести милях отсюда есть неплохая деревня, где вы могли бы достойно разместиться. Там же найдётся место для ночлега ваших солдат, вода и, вероятно, корм для лошадей. Магистр считает, что нам следовало бы остановиться там, и я с ним согласен.

— Отрядом командует магистр Шеррол?

— Да, мадемуазель, — ответил Блез с упрёком в голосе, словно Джулианна обязана была это знать. — Он представляет магистра-оружейника Рикарда.

Для Блеза это явно было немаловажно, и даже Джулианна понимала почему. Любой человек, знакомый с историей Чужеземья, знал имя магистра Рикарда. Разумеется, его представитель мог оказаться совсем не похожим на своего господина, но всё же между ними должно было быть что-то общее. Можно было не сомневаться, что у него более чем хватит умения довести до цели подобный караван. К сожалению.

— Хорошо, спасибо, — отозвалась девушка, даже не делая вида, подобно Блезу, что она должна утвердить решение. «Пусть

они думают, Господи, хоть бы они подумали, что я согласна со всеми их приказами, пусть не заподозрят меня в непослушании, пусть ни единая мысль об атом не закрадётся в их самоуверенные головы…»

За занавесками столбом стояла пыль; солнце тонуло за горизонтом. Джулианне было невероятно уютно и хорошо среди мягких подушек, однако она не чувствовала себя в безопасности. Ей предстояло вырваться из этих покровов, как бабочка вырывается из кокона, — а там уж ни о какой безопасности и речи не будет.

— Как мы…

— Исхитримся. Поверь, я умею двигаться неслышно.

Честно говоря, Джулианна тоже обладала этим искусством, хотя до сих пор применяла его разве что на городских улицах да во дворце. Здесь же она целиком полагалась на Элизанду. По крайней мере за это она была ей благодарна — и ещё за то, что не придётся уходить в одиночку.

Внезапно паланкин перестал раскачиваться, и носильщики опустили его наземь. Элизанда наклонилась вперёд и выглянула в окошко, а потом покачала головой.

— Это не остановка на ночлег. Может быть, привал, но почему-то все стоят на месте.

Джулианна оттеснила её и выглянула наружу сама. Перед ней был не то широкий путь, не то узкая долина, по обе стороны от которой высились горы. Торговцы на запряжённых быками фургонах отстали и, когда пыль улеглась, Джулианна увидела стоящих впереди людей Блеза и выстроившуюся за ними чёрно-белую колонну конных братьев и рыцарей. Во главе колонны было какое-то беспорядочное движение, но Джулианна не могла разглядеть его причину. Нет, не засада, решила она, но так и не смогла представить, что могло остановить отряд. И не джинн, нет, скорее уж другой отряд, который мог перегородить сужавшуюся дальше дорогу.

К паланкину поскакал всадник, не одетый ни в чёрное, ни в белое. Блез направлялся к Джулианне с докладом.

— Мадемуазель! — позвал он голосом, охрипшим скорее от волнения, нежели от пыли, как показалось Джулианне.

— Да, сержант? Что там творится?

— Гонец, мадемуазель. Элессин из отряда барона Имбера…

От удивления у Джулианны перехватило дыхание, и она не сразу пришла в себя, успев только обрадоваться тому, что Элизанда очень вовремя сжала её руку.

— Какой отряд? — «Какой барон?» — хотелось спросить ей, но она, конечно, не осмелилась.

— Отряд всего в нескольких милях отсюда, мадемуазель. Он едет в Рок-де-Рансон за вами. Этот человек поехал вперёд, чтобы предупредить в замке о его прибытии. Магистр Шеррол отослал его обратно, велев передать, что мы уже в пути. Мы встретимся в деревне, где собирались остановиться на ночлег.

Это было разумно; если конный отряд мог достигнуть Рока до темноты, неторопливый кортеж Джулианны не был способен на это. Да и не было никакого смысла возвращаться — разве что затем, чтобы приветствовать будущего мужа — или его дядю, другого барона Имбера, настоявшего на соблюдении всех церемоний, — в более пристойной обстановке, чем военный лагерь…

Только благодаря суровой отцовской выучке Джулианна смогла обдумать всё это, несмотря на сумятицу в голове. При всех её страхах и боязни худшего такой исход просто не приходил ей в голову. Она не забыла, что и отец, и прецептор отослали в Элесси сообщения о вынужденной задержке, но убедила себя в том, что отправление отряда наверняка задержится, что за ней не будут особо спешить, зная, что в Рок-де-Рансоне она в безопасности.

Но она ошибалась, трижды ошибалась — а может, просто слишком глупо надеялась там, где не могло быть никакой надежды, обманывала себя, словно ребёнок, заставляя поверить в то, что худшее никогда не случится…

Но оно случилось. Кто-то из баронов Имберов будет ожидать её дальше по дороге через час пути. Как теперь претворить в жизнь тайный план девушек, как теперь надеяться убежать?

— Это ничего не меняет, — пробормотала Элизанда, но её голос принёс ничуть не больше пользы, чем ладонь, которая похлопывала Джулианну по руке, безуспешно пытаясь заставить девушку сбросить чудовищное напряжение, от которого дрожало все тело. — Просто теперь вокруг будет больше солдат. Они будут слоняться, ругаться, ссориться и шарахаться от каждой тени…

Джулианна кивнула, благодаря подругу за утешение, но не поверила ни единому её слову. Надвигалась катастрофа, крушение всех её клятв джинну. Это означало, что её отец окажется в смертельной опасности — хотя она и не знала в какой — и что её жизнь отныне будет принадлежать не ей, а другим людям, которые станут распоряжаться ею. «Выходи замуж там, где должно тебе», — с горечью вспомнила она и рассмеялась бы, не чувствуй она такой пустоты в душе. Да, там была только пустота, ничто более не билось и не звенело, отдаваясь во всём теле.

* * *

Что ж, пусть будет так. Бывает жизнь и похуже (и покороче: медленно гаснущее пламя, медленно затихающие крики в ночи, навеки оставшиеся у неё в памяти). Её хорошо обучили тому, что жизнь может не приносить радости; даже без простого удовлетворения она тоже умела обойтись. Джулианна могла быть к себе настолько безжалостной, насколько это необходимо.

Усилием воли Джулианна заставила себя перестать дрожать. Приняв спокойный вид, она выпрямилась на подушках, покачиваясь вместе с паланкином, который был поднят носильщиками и вновь поплыл вперёд.

— Джулианна, ты… ты не хочешь пить? — спросила через некоторое время Элизанда, явно имея в виду что-то другое. — Здесь ещё есть немного джерета. — «Он помогает не только от жажды», — услышала Джулианна в голосе подруги.

— Нет, давай оставим немного про запас, для моего мужа. — О чудо, при этих словах она не почувствовала горечи, вообще ничего не почувствовала. — Напиток пригодится для достойной встречи, как по-твоему? Ну, получится что-то вроде обручальной чаши, да ещё с такой редкостью, как джерет. А если нас встретит его дядя, мы все равно угостим его.

— Этому барону Имберу, — задумчиво сказала Элизанда, — достанется кое-что куда более редкое, чем джерет. Остаётся только надеяться, что он знает этому истинную цену.

Внезапно она порывисто поцеловала Джулианну в щеку. Джулианна улыбнулась подруге, но ничего не сказала и ничего не почувствовала — или убедила себя, что не почувствовала.

Качания паланкина убаюкивали Джулианну и уводили её назад, к тем дням, когда она была совсем крохой и большие няньки качали её на руках или в колыбели.

Тогда отец, казавшийся ей просто огромным, часто навещал её. Он без предупреждения хватал дочку и подбрасывал её в воздух, заставляя весело визжать. Джулианне он продолжал казаться огромным и сейчас; он всю жизнь швырял её туда и сюда безо всякого предупреждения. Но на этот раз она не станет визжать, кричать или ныть. Она сбежит, если сможет; джинн ведь ещё больше её отца и может закинуть её куда дальше…

О, если бы только не это неожиданное известие, если бы только не барон Имбер — не важно, который, — если бы только он не висел на ней, словно гиря на ноге каторжника!.. Убаюканная покачиваниями паланкина, Джулианна почти задремала, уже не обращая внимания на тревожные мысли. Элизанда молчала рядом, и девушка едва не заснула.

Наконец паланкин вновь оказался на земле, но на этот раз

вокруг него громоздились домишки из высушенной на солнце грязи. Рядом оказался Блез, уже сошедший с коня. Он сказал:

— Мадемуазель, это лучший кров, какой мы смогли найти для вас. По крайней мере там есть постель, а мои люди скоро принесут воду.

— Благодарю вас, сержант. — Джулианна вышла наружу; за ней последовала Элизанда. Оглядевшись, девушка увидела кучки любопытных крестьян, глазевших на отряд. Она подумала, что кого-то из них, вероятно, выставили из домика, чтобы дать ей ночлег, но вопросов Джулианна задавать не стала, спросив только:

— Где же отряд барона?

— Впереди, на восточном конце деревни. Магистр Шеррол решил, что мы займём её западную часть. Я уверен, что барон навестит вас, когда вы освежитесь с дороги.

Джулианна была уверена в том же. Более того — если дорога окажется перекрыта и с востока, и с запада, им с Элизандой понадобится не просто удача, а прямо-таки небесное благословение для того, чтобы ухитриться бежать.

— Не могли бы вы принести мой багаж, сержант? Нам нужно переодеться прежде, чем придёт барон. Не хотелось бы встречать его в такой пыльной одежде.

— Разумеется, мадемуазель. Правда, может понадобиться некоторое время…

Она кивнула. Чем дольше, тем лучше; ей совсем не хотелось спешить на эту встречу, какой бы там из баронов Имбер ни возглавлял отряд.

* * *

Домик выглядел на редкость убого — четыре стены из грязевых кирпичей и крыша, выложенная грязевой же черепицей, растрескавшейся и рассохшейся под здешним жестоким солнцем. Джулианне она показалась не слишком надёжной. Должно быть, в этой земле всё же случаются дожди — не сами же по себе здесь появились высохшие речные русла? А в дождливую погоду эту хижину, да и всю деревню должно просто смывать потоками грязной воды.

Но ничто не предвещало дождя ближайшей ночью, в этом не было никаких сомнений. Однако, когда Джулианна видела сквозь трещины небо, она начинала опасаться, что ночью крыша вполне может просесть под собственной тяжестью и придавить спящих…

Разумеется, спать она не собиралась — нет, она надеялась

ускользнуть от Блеза и от барона. Надежда была зыбкой и маловероятной, не основанной ни на каком плане, а только на туманных соображениях, которыми была забита голова девушки. И всё же выбор у неё был, и несложный. Либо попытаться убежать, либо лечь здесь, как пай-девочка, и ждать, чтобы крыша рухнула на неё, разрешив тем самым все её проблемы.

Единственное крохотное окошко располагалось в стене, противоположной выходу. Оно впускало достаточно света — достаточно для того, чтобы разогнать тени если не в душе, так хотя бы в тёмных углах домика, чтобы разглядеть простую кровать — соломенный тюфяк на деревянной раме, наверняка почитавшуюся в этих местах за необыкновенную роскошь. Смотреть больше было не на что, и Джулианна повернулась к окну, за которым простирался очередной полный пыли овраг, в дождливый сезон превращающийся в реку. За оврагом находился склон, покрытый жёлтыми и зелёными клочками — чахнущие сады местных жителей.

У входа раздались шаги и кашель — скорее всего вежливая просьба впустить носильщиков. Не успела Джулианна повернуться к ним, как они уже вошли — два человека с самым большим из её сундуков. Надо же, как быстро, с сожалением подумала Джулианна. Носильщики опустили ношу наземь и медленно выпрямились — один — в чёрной рясе, другой в белой рубахе, — и Джулианна сразу же узнала сначала одного, а потом и другого.

Первый, в белом, был не мужчиной, а скорее мальчиком.

— Маррон, — укоризненно произнесла Джулианна, — разве ты не должен служить своему господину?

— Он уехал вперёд с несколькими рыцарями, мадемуазель, и не оставил мне никаких распоряжений…

А оруженосец, значит, не захотел слоняться без дела и помог монаху поднести сундук. Странно, очень странно, подумала Джулианна. Маррон помогал нести сундук ещё в замке, за что был выруган своим господином. И потом — почему сундуком занялся монах? Блез ведь наверняка откомандировал за грузом своих людей!

Посмотрев на брата повнимательнее, Джулианна нашла ответ на свой вопрос — или по крайней мере часть ответа. Монах был в капюшоне, низко надвинутом на лицо, но он совсем забыл наклонять голову, пока, постанывая, выпрямлял спину, словно груз оказался для него слишком тяжёл. Луч света упал на спрятанное в тени лицо, Джулианна увидела нос, рот, непривычную бородку, блеск бесстыжих глаз и…

— Ты! — едва не задохнулась Элизанда.

— Да, я, — согласился он, поклонившись девушке, и вышел из хижины. Только тут Джулианна поняла, кто скрывался под чёрной рясой. Не монах, нет — менестрель по имени Радель…

Элизанда оказалась быстрее — впрочем, как всегда. Джулианна обдумала бы сложившуюся ситуацию, нашла бы возможность задать менестрелю вопрос-другой наедине и вообще действовала бы так, как учил её отец: «Никогда ничего не делай второпях, не выказывай нетерпения или удивления». У Элизанды такого отца не было, и потому девушка выскочила вслед за Раделем так быстро, что его тень всё ещё лежала на пороге, когда подруга Джулианны оказалась в дверях.

Джулианна вышла вслед за ними и обнаружила, что странная пара идёт прочь. Радель вспомнил о маскировке и вёл себя в точности как монах, не желающий даже смотреть на женщину, — он боком шёл по дороге, отвернув голову и загородившись плечом от настырной собеседницы. А та наскакивала на него, словно рассерженная птичка, размахивала руками и заливала его потоком обвиняющих слов и жестов.

— …за мной, да? Шпионишь, сначала в одном обличье, потом в другом! Да это просто смешно!

— Это было бы смешно, будь это на самом деле так.

Что ж, голос у Раделя остался прежним, непокорным, чего нельзя было сказать о его позе. Кажется, он был так же зол, как и Элизанда, но гораздо лучше владел собой, Джулианна огляделась вокруг так небрежно, как только могла, и увидела, что вокруг нет никого, кто мог бы подслушать беседу. Впрочем, в одном из домов — в этом, в том, или ещё в каком-нибудь — вполне мог спрятаться человек. Нет лучше способа показать, что ты что-то скрываешь, чем оглянуться через плечо. Этого она не сделает. Пусть Элизанда будет беспечна, не боясь раскрытия тайны — и своей, и менестреля, у обоих наверняка есть секреты, хотя кажется, что каждый из этой парочки был осведомлён обо всех тайнах соперника, — но Джулианна будет более осторожна.

— Ах, так это неправда? — прямо-таки зашипела Элизанда так громко, что при желании её могла бы услышать половина деревни. — Я была в крепости, и ты явился туда; я ушла, и ты потащился за мной…

— Ты себя переоцениваешь, — ответил Радель намеренно спокойно и, как показалось Джулианне, специально, чтобы разозлить Элизанду. — У меня была причина отправиться в Рок и была причина присоединиться к отряду, но эта причина — не ты.

Элизанда вскипела, но промолчала, и Джулианна успела вмешаться. Она подхватила подругу под руку, крепко, но незаметно со стороны, и чуть встряхнула её. Вслух она

произнесла:

— Благодарю вас за сундук, брат. Элизанда, ты не поможешь мне подобрать платье для встречи с бароном? Боюсь, что одежду понадобится как следует вытрясти — в пути она основательно пропылилась…

Ответом ей был такой взгляд, что Джулианна с трудом, только чтобы не обострять обстановку, проглотила смешок.

Радель поклонился и пошёл прочь, а Джулианна развернула Элизанду и наконец-то смогла оглянуться. Позади не было ничего опасного, никто не подслушивал — только на порядочном расстоянии от них шёл Маррон вместе с каким-то монахом; впрочем, слышать они ничего не могли.

Элизанда сердито зашагала рядом, все ещё пылая гневом. Джулианне очень хотелось знать, что произошло между ней и Раделем, откуда они знают друг друга и что у них за тайны, — очень хотелось, но на расспросы времени не было.

Они с подругой быстро вошли в хижину и откинули крышку сундука. Увидев, что стало с её платьями, Джулианна ошарашенно заморгала. Она никогда не думала, что может так плохо упаковать вещи — нет, это виновата дорога да ещё носильщики, которые трясли и переворачивали сундук, когда затаскивали его на повозку и снимали с неё. Вздохнув, Джулианна наклонилась над сундуком, взяла самое верхнее платье и встряхнула его, сказав Элизанде:

— Надень вот это, его цвет тебе очень к лицу…

Прошёл час. За это время девушки успели кое-как отмыться в прохладной воде и выбить пыль из платьев — для этого они, словно какие-нибудь простолюдинки, встали за хижиной, раскинули выбранные платья по сухим терновым кустам и хлестали прутьями до тех пор, пока лёгкий ветерок не перестал уносить больше пыли, чем приносил с собой. Девушки кашляли, стряхивали с себя песок и смеялись над собственной глупостью. Пришлось помыться ещё раз.

И вот они сидели, чисто вымытые, одетые и пристойно задрапированные вуалями, чинно сидели бок о бок на кровати, оставив сундук для ожидаемого барона. За дверью послышались голоса и стук башмаков, тяжёлая мужская поступь — и тут уже Джулианна не стала думать о том, что чувствует её подруга; потому что ей самой шли на ум пугающие мысли, которыми она не стала бы делиться ни с одним человеком,

В дверном проёме возникла тень, и высокий человек наклонился в дверях, позвав:

— Мадемуазель Джулианна?

Девушки встали, и Джулианна отозвалась:

— Входите, мессир. Я Джулианна де Ране. Это моя компаньонка, высокородная Элизанда.

Гость ловко превратил наклон в дверях в низкий придворный поклон.

— Карел ауф Карлхайм, мадемуазель, и вы, мадемуазель. Кузен барона-наследника.

А, вот, значит, как они различают свои титулы — барон и барон-наследник? Из этого не было ясно, кто ведёт отряд, но любое знание полезно.

— Добро пожаловать, мессир.

Когда барон выпрямился, Джулианна заметила, что он движется очень осторожно, помня, что крыша находится на ширину ладони над его головой. На его лицо упал свет. Гость оказался добродушным молодым человеком, и Джулианна тут же заметила одну его характерную черту, которую она вовсе не ожидала встретить в элессине. Она никогда не видела и даже не слышала о том, чтобы жители этой провинции улыбались так широко — а Карел именно так и улыбался, нимало не смущаясь под её взглядом.

Он смешно наморщил лоб и весело произнёс:

— Мадемуазель, со мной несколько человек, которые жаждут приветствовать вас, и ещё с нами магистр Шеррол, а здесь места немного. Простите мне мою дерзость, но, быть может, вы почтите нас, выйдя наружу?..

— Поздно, — ответил ему низкий голос, и на пороге возник ещё один человек, на ладонь ниже первого гостя. Ему даже не пришлось нагибаться в дверях, хотя в плечах он оказался так широк, что задел оба косяка.

Улыбка исчезла с лица насмешника Карела — точнее, он спрятал её подальше, выпрямился и принял самый официальный вид, представляя вновь прибывшего и походя при этом на каменную статую.

— Мадемуазель, перед вами барон Имбер фон унд цу Карлхайм, брат-наследник графа Элесси.

С этим человеком Джулианна была знакома, им приходилось встречаться раньше. Впрочем, несмотря на всю свою выучку, Джулианна все ещё оставалась ребёнком и, подобно ребёнку, запомнила только длинный шрам, похожий на багрово-красную нить или на алого червяка, который начинался за ухом, пересекал щеку и скрывался в бороде. Голова барона была гладко выбрита, а глаза казались слишком малы для такого лица и вообще для такой туши.

Как и Карел, барон был одет в церемониальную одежду, словно дело происходило при дворе, но в отличие от Карела

придерживал её края, чтобы они не волочились по полу. Джулианна заметила это, ныряя в глубоком реверансе и не обращая внимания на собственное платье, которое прежде казалось ей вполне подходящим, а теперь, как она подозревала, могло оскорбить чувство приличия барона. Сердце у Джулианны упало — всё-таки за ней приехал не жених. Девушка надеялась только, что сумела скрыть разочарование. Она выпрямилась.

— Господин барон, вы оказываете нам честь…

— Я исполняю свой долг, — перебил её барон; голос у него оказался под стать телу — густой и тяжёлый. Барон сердито огляделся — нет, не могла Джулианна пригласить его присесть на сундук, как собиралась. Впрочем, времени на раздумья не оставалось — в дверях появился третий гость, и Карел назвал его, почти в точности повторив предыдущий титул. Джулианна была поражена.

— Мадемуазель Джулианна, перед вами барон Имбер фон унд цу Карлхайм, сын-наследник графа Элесси.

Так что же, приехали оба барона? Машинально скрыв смятение под маской хороших манер, девушка вновь склонилась в реверансе, на этот раз чуть более глубоком и долгом, как и подобает женщине, встречающей наречённого жениха, или подданной перед будущим властелином.

Она не успела разглядеть его лица — услышала только имя да мельком увидела полускрытую мощным дядиным плечом фигуру. До чего же плохо освещена эта гадкая кривая хижина! Выпрямившись, девушка так и не подняла глаз, уставилась в пол и решила не давать воли пожиравшему её любопытству. Она осмелилась только взмолиться про себя — пусть жених окажется больше похожим на своего кузена, чем на дядю!

Он приветствовал её, назвав по имени, и добавил:

— Мадемуазель Джулианна, Господь был милостив и мы встретились даже на час раньше, чем я надеялся. — Его голос не походил на голоса его родственников, он был моложе и чище, чем у кузена, и не так груб, как дядин.

Джулианна подняла голову и увидела его лицо — оно тоже не походило на лица первых двоих гостей. Молодой человек был выше дяди, но на дюйм-два уступал двоюродному брату. Последние лучи солнца проникли сквозь открытую дверь и позолотили светлые волосы и короткую мягкую бородку. Из рассказов отца Джулианна знала, что её жениху двадцать лет, что он поздний сын родителей, дарованный Господом после бесчисленных дочерей. Улыбался он по-мальчишески застенчиво.

На краткий миг они застыли, глядя друг на друга. Джулианна тысячи раз представляла себе эту встречу, но даже подумать не

могла, что её охватит такой трепет, что ей захочется разрыдаться от почти физического потрясения — и всё это произошло, и на глазах у девушки выступили слёзы. Ей хотелось упасть на колени и возблагодарить Господа и отца за их заботу о себе, за такой неожиданный дар.

Она задыхалась под вуалью, надеясь только, что молодой человек вспомнит о манерах, однако у того не нашлось времени — его дядя, старший барон Имбер, нетерпеливо пошевелился и хрипло заявил:

— Да это просто смешно! Что нам, обмениваться любезностями в хижине? В хлеву?

Он попытался выдворить всех из комнаты плавным движением руки, словно разгоняя гусей или слуг, но жест получился очень нелепый. Элизанда внезапно вцепилась в руку Джулианны, словно говоря выражением лица и пожатием пальцев: «Это не смешно. Я знаю, что это значит для тебя, я не собираюсь смеяться, но…»

Но Элизанда ничего не поняла, она, кажется, даже не заметила восторга, вспыхнувшего в Джулианне, как пожар вспыхивает в горах — неожиданно и неотвратимо. Пламя все ещё пылало в душе дочери тени, бесшумно, но жарко, а её смущение, как казалось ей самой, вот-вот поднимется в небо белым дымом. Да, это было смешно, вся сцена казалась ужасно нелепой, и поэтому Элизанда заподозрила, что Джулианна, подобно ей самой, едва справляется со смехом — но была не права. Джулианна с трудом справлялась с желанием, с жаждой, со страстной тягой снова и снова смотреть на него — но каждый взгляд кружил ей голову, и она не смела.

Дядя подсказал ей оправдание, дал повод не поддаваться настойчивому вопросу: «Смотрит ли он на меня? Или не смотрит? Он — он так же силён, как я, или, быть может, его можно победить?» Вероятно, старый барон был сердит с самого момента выезда из Элесси, когда узнал, что придётся собираться в дорогу за тем, что должно было быть доставлено прямо на дом. Разумеется, настроение его ничуть не улучшилось к данному моменту, и весь гнев был направлен на человека в рясе магистра, стоявшего за порогом.

Воспитанная на марассонской куртуазной вежливости — на её родине даже рабы говорили изысканными словами и намёками, — Джулианна была потрясена; все её зрение, слух, все её внимание потонули в стремительном потоке мыслей: «Он смотрит на меня? Что он видит? Не выдала ли я себя?»

Ей подумалось, что теперь она на всю жизнь привыкнет искать его внимания, не удовлетворяясь очевидными

свидетельствами того, что оно и так принадлежит ей.

А может, и не привыкнет, подумала она, и поняла, что все уже решено.

— …я пошлю в свой лагерь и прикажу поставить там палатку для мадемуазель, — говорил барон Имбер, не тот, другой барон, не позаботившись даже о том, чтобы понизить голос, в котором клокотала ярость. — Ей предстоит стать матерью наследников Элесси, если будет на то милость Господня, так разве можем мы оставить её в этом свинарнике!

— Ночёвка в деревне гораздо удобнее, чем ночёвка в Лагере Ордена, — ровно, не обижаясь, ответил магистр Шеррол. — Мои братья избегают женского общества и могут решить, что нарушили свои клятвы, если в одном лагере с ними будет спать женщина.

— Что ж ей теперь, в дерьме спать, чтобы им угодить? Какой вред от неё может быть ночью, если она ничем не повредила днём? А как же ваши клятвы — «хранить и защищать»?

— Отряд всю ночь будет следить за деревней, барон.

— За пустой деревней. Я забираю девушку под свою опеку, там я хоть буду уверен в её безопасности.

— Нет, господин барон.

Последняя реплика исходила не от магистра Шеррола, а от Джулианны. Девушка сама удивилась собственной быстроте и напору, но не слишком озаботилась этим. Барон развернулся, глядя на неё; девушка глубоко вдохнула и попыталась смягчить свой отказ, но было уже поздно.

— Прошу прощения, мессир, но мой отец доверил мою безопасность искупителям, а прецептор Ордена послал меня в путь под защитой магистра Шеррола. Распоряжаться мною может только он, если, конечно, не откажется от опеки сегодня же вечером.

Она говорила очень мягко, но игла попала в цель. Мастер Шеррол даже дёрнулся, прежде чем ответить:

— До утра осталось не так много. Мы уже успели устроиться на ночлег. Поверьте мне, барон, мадемуазель Джулианну будут весьма старательно охранять, хотя она, возможно, будет вынуждена провести ночь с несколько меньшими удобствами, чем те, к которым она привыкла.

Про себя Джулианна поблагодарила его, а вслух негромко рассмеялась:

— Я дочь солдата, мессир, хотя прошло немало времени с тех пор, как мой отец отправлялся воевать с мечом в руках. — Она решила, что не помешает напомнить не только о прошлом, но и о нынешнем положении, занимаемом отцом. Этими словами

девушка как бы говорила: «Подумайте об этом и прекратите спор». — Отдых в обстановке чуть менее роскошной нисколько не тяготит меня. Со мной мои друзья, и я могу насладиться покоем даже тут. И я не чувствую здесь ни малейшей опасности.

«Разве что от него, от этого медлительного юноши, на которого я не стану смотреть. А он все смотрит на меня, и смотрит, и смотрит…»

— Ты, девочка, поступишь, как тебе скажут.

— Как я уже сказала, господин барон, отец велел мне искать защиты у Ордена искупителей, и я всё ещё нахожусь в их власти — до тех пор пока они не передадут меня вам официально.

— Ах да, ваш отец, — раздалось у неё за спиной. Молодой человек говорил хрипло, но неясно было, будет ли он сердит дальше или смягчится. Нет, не будет она на него смотреть, пока не будет, хотя и благословила его про себя за это вмешательство, — Как так вышло, что ваш отец оставил вас одну на полпути к Рок-де-Рансону? Мы никогда не слышали, чтобы он был столь небрежен.

— Его призвал король, господин барон. — «Мой господин барон», хотелось ей сказать, но она не осмелилась — почти не осмелилась. И вообще, первым должен объясниться мужчина, и объясниться определённее, чем блеском глаз в темноте комнаты. Какого цвета у него глаза? Ей показалось, что зелёные, но свет и тени сплетались чересчур причудливо, а в тот момент, когда он вошёл, Джулианна от волнения мало что могла разглядеть.

— Даже в этом случае — разве не мог он отложить свои дела на несколько дней, дабы удостовериться в безопасности дочери? Король не стал бы ворчать…

Она повернулась к юноше, чтоб он понял, что она смеётся, желая немного поддразнить его, но смеётся совершенно беззлобно. Глаза у него были не то серые, не то зелёные — солнце било ему в спину и разглядеть было трудно. Джулианна произнесла:

— Я ничего не знаю о королевском ворчании, мессир, но что такое королевский зов, я хорошо знаю. — Хотя, если честно, в этот раз она встретилась с ним впервые, но признаваться в этом не собиралась. — Если разверзается земля под ногами, даже последний глупец не станет медлить.

— Простите, мадемуазель?

— Я увидела, как ветер разорвал дорогу надвое, — начала Джулианна, решив доказать Элизанде, что при случае она сама умеет достойно поведать историю. — В дыре засиял яркий солнечный свет — словно расплавленное золото, с которого сдёрнули покрывавшую лёгкую ткань. Лошади захрапели в ужасе

— и носильщики тоже испугались. Впервые за всю дорогу эти сильные весёлые мужчины не опустили, а почти уронили паланкин на землю и сами с криком повалились в пыль. — Джулианна тоже была напугана, но ни за что не призналась бы в этом. — Я не слышала голоса, но мой отец к чему-то прислушался, а потом заговорил с моим сержантом. — Да, он говорил быстро, без церемоний, не став даже объяснять свой план Джулианне. — Он успокоил своего коня… — здесь его спасла только сноровка старого наездника, мастерство, которого его дочь не смогла бы достигнуть никогда, несмотря на то что всю жизнь ездила верхом, — …и исчез, оставив нам свои вещи. Он въехал в сияние, и дыра закрылась за ним, и ничто больше не напоминало об отце. — Если не считать замешательства, которое длилось не меньше часа.

— Объясни попроще, девочка, — попросил барон-дядя.

— Проще мне уже не объяснить, господин барон. Король открыл для отца неведомый путь, и мой отец пошёл по нему. Больше мне ничего неизвестно.

Нет, на самом деле она знала ещё кое-что — когда младший барон, её наречённый, впервые коснулся её, положив руку ей на плечо, не то в обещании, не то в каком-то знаке, Джулианна поняла, что теперь ей будет гораздо труднее убежать. И всё же бежать придётся.

16. ЧЕСТНО ГОВОРЯ

Маррону не раз приходилось слышать, что главная сила Ордена — в дисциплине. В позапрошлую ночь он видел подтверждение этим словам — когда шарайцы напали на замок, атака была отбита не столько благодаря поднятой тревоге, сколько благодаря дисциплине в бою. Если бы на зов Маррона выскочило даже вчетверо больше бойцов, но без вколоченного в них послушания, исход мог бы быть совсем другим.

Однако в этой же дисциплине таилась и опасность для самого Ордена! Маррон понял это вечером, когда заметил, как легко двоим чужакам спрятаться среди монахов. Достаточно надеть на них рясы — и никто не станет заглядывать под капюшон. Незнакомое лицо не вызовет подозрений или вопросов, если несколько отрядов братьев путешествуют вместе: незнакомец скорее всего просто принадлежит к другому отряду. Если надвинуть капюшон поглубже на лицо, тебя сочтут человеком скромным либо решат, что ты молишься, и станут уступать тебе дорогу.

Любой из монахов мог целый день ехать рядом с Раделем — и так и не задал бы ни единого вопроса. Впрочем, менестрель довольно часто менял место, ехал то тут, то там и даже довольно много времени провёл возле повозок, поэтому рядом с ним долго не задерживались. Да если бы он даже сел на сундук дамы и ехал так всю дорогу, никто не сказал бы ему ни слова!

А если один, нет, два человека — два сурайонца, из которых один был узником, а лицо второго успело примелькаться всем в замке в несколько иной роли, — так вот, если два человека могли сидеть отдельно от всех, не возбуждая никаких подозрений, значит, то же самое могли проделать две дюжины и даже больше. Будь Маррон шарайцем, он приказал бы женщинам наткать чёрного полотна и сшить сотню чёрных ряс…

Но он не был ни шарайцем, ни монахом. Всего-навсего оруженосец, предавший своего господина и своего Господа, хранящий страшную тайну и тем нарушающий все свои обеты. Он пытался не смотреть на костёр Раделя, следя за лошадью и трапезой сьера Антона и выполняя его многочисленные поручения, и старался даже не думать о том, что было ему известно. Впрочем, последнее ему не удавалось.

И виноватым он себя не чувствовал. Сожалел о случившемся — да, пожалуй, и ещё тревожился, но вот чувства вины не было. Нельзя обращаться с человеком так, как обошлись с Редмондом инквизиторы; что бы ни твердили законы, чему бы ни учили

исповедники, пыточная так и смердела лживостью, а потому побег был торжеством истины.

Маррон не собирался заходить в своей помощи так далеко. «Забудь все», — сказал Радель после того, как Маррон освободил Редмонда из тайника в сундуке с платьями и провёл в лагерь. Обоим прогулка далась нелегко, но никто не пристал с расспросами. Оруженосец поддерживает ослабевшего брата — необычно, но ничего тревожного в этом усмотреть нельзя.

— Забудь все, — сказал Радель, высекая искру, чтобы зажечь небольшой отдельный костерок. — Служи своему господину и заботься о себе. Когда лагерь уснёт, мы исчезнем, и никто этого не заметит и не хватится нас.

— Куда же вы пойдёте, сьер?

— Вниз по этому оврагу, что под деревней. Я могу замутить глаза людям, чтобы они не видели нас, но овраг так глубок, что даст нам дополнительное укрытие. Впрочем, тебя это не касается, парень. Мы благодарны тебе за помощь, — измученный дрожащий Редмонд подтвердил это неразборчивым бормотанием, — даже более чем благодарны, но твоё участие в этом деле кончилось. Позволь нам уйти, а сам позаботься о собственном благополучии.

Что ж, он так и сделает, по крайней мере попытается, но не раньше, чем кончится эта ночь. Вечерние труды окончились: сьер Антон поел, проследил за тем, чтобы поел и Маррон, а потом отправился в лагерь отряда элессинов.

— Нет, — остановил он Маррона, — ты со мной пойти не можешь. Молодой барон когда-то был приятелем моего брата, и я, скажем так, не вполне уверен в том, как меня встретят. Я не буду скрываться в нашем лагере и избегать встречи с бароном. Пусть они там думают что хотят, но я позволю им увидеть моё лицо. Сомневаюсь, что они осмелятся упрекать человека в белой рясе. Может, старший из баронов и скажет мне пару ласковых слов, но он вообще невоздержан на язык.

— Сьер, но я должен…

— Ничего ты не должен. Развлекайся, Маррон. Можешь поиграть с другими детками, если они тебя примут. Только не связывайся с солдатами сержанта — они сядут играть в кости и ты останешься без денег и без кошелька вдобавок.

— Сьер, у меня их нет.

— Нет? Ах, ну да, конечно. Вот. — В воздух взлетел маленький кожаный мешочек, и Маррону ничего не оставалось, кроме как поймать его здоровой рукой.

Он не осмелился бросить мешочек назад, но попытался вернуть его вежливо.

— Сьер, я не хотел просить у вас денег…

— Я знаю. Поэтому ты их и получил. Не создавай лишних трудностей, Маррон. Рыцарь обязан следить за нуждами своего оруженосца, а человеку в таком лагере, как этот, нужны деньги. Если хочешь, можешь сыграть во что-нибудь, но только с оруженосцами моих товарищей — эти по крайней мере не обчистят тебя, если только ты не зарвёшься. Но вначале, пока у тебя есть деньги, побывай у торговцев. Меч у тебя есть, но не помешал бы хороший нож ему в пару. Да, и не бери с собой «Дард». Здесь его никто не тронет.

С этими словами рыцарь ушёл. Завязки на мешочке были затянуты не туго; распутав их, Маррон открыл горловину и сунул внутрь палец. Глаза и руки сказали ему, что в мешочке вперемешку лежали серебряные и медные монеты, потёртые, с выщербленными краями, подходящие скорее для молодого оруженосца, нежели для рыцаря. Значит, сьер Антон заранее знал, что Маррону понадобятся деньги.

Формально лагерь отряда был един, но на самом деле он состоял из трёх частей. Дальше всего от деревни расположились костры, на которых готовили пищу для монахов, и коновязи. Между кострами и коновязями располагался участок вытоптанной земли, где монахам предстояло спать — всем вместе, поотрядно, держа руку на мече, до тех пор, пока не придёт необходимость подняться на молитву, на стражу или на какое-нибудь другое задание. Дальше шёл лагерь рыцарей — там стояли шатры и сундуки и сновали слуги — впрочем, у сьера Антона шатра не было, только скатка-одеяло для себя да ещё одна для Маррона, которому предстояло спать у ног хозяина. И наконец, ближе всего к деревне кольцом стояли повозки торговцев, а в середине этого кольца горел яркий огонь, так и манивший к себе.

Согласно суровому уставу Ордена, монахи были связаны обетом бедности, а рыцари, у которых водились деньги, не нуждались в дополнительной экипировке; местные же были бедны как церковные мыши. Но, как любил говорить дядя Маррона, «костюм делает человека», и эта истина подтвердилась: ряса почти сделала из Маррона настоящего монаха, он уже не мог сидеть без дела и готов был взяться за что угодно. К тому же костёр в лагере торговцев обещал какую-никакую, а компанию.

Там готовили еду: нос Маррона впервые за несколько недель учуял запах мяса, жаренного на открытом огне.

Юноша только что поел, но представления сьера Антона о сытном ужине немногим отличались от представлений поваров Ордена — разве что рыцарь добавлял к еде сухой хлеб да

засохший сыр. Даже не имей Маррон денег, не получи он приказа от сьера Антона, он всё равно подошёл бы к костру, приманённый чудесным запахом. Между двумя фургонами располагалось нечто вроде импровизированных ворот, и Маррон вошёл в ярко освещённый гостеприимный круг.

Он был встречен взрывом смеха, замер, но почти сразу же понял, что смеются не над ним. Он не был первым, кто поддался зову огня и запахов, далеко не первым — у костра спинами к нему стояла целая группа молодых людей и мальчишек, одетых так же, как он. Их внимание было поглощено чем-то, чего Маррон не мог разглядеть. Люди эти были оруженосцами из рыцарского лагеря — некоторых из них Маррон помнил в лицо, некоторых знал по имени, но ни от кого ещё не видел на малейшего признака дружелюбия. Предупреждения сьера Антона полностью подтвердились — действительно, одно имя его господина дало Маррону кучу врагов — без его вины, — но не принесло ни единого друга.

Юноша пошёл вперёд, уже не так охотно, вытягивая шею, чтобы заглянуть поверх плеч и голов. Внезапно раздался пронзительный визг, за которым последовал новый взрыв смеха и возня — зрители начали в восторге подталкивать друг друга локтями, однако Маррон был всё ещё слишком далеко, чтобы понять, что их так развеселило. Один из парней повыше обернулся, увидел юношу и закатился в новом приступе смеха, лающего, недружелюбного. Рука схватила его за куртку, основательно сжав больную руку — та снова ныла после того, как Маррону пришлось тащить сундук с платьями и Редмондом в придачу, — и заставила его вскрикнуть.

Ещё один смешок.

— Дорогу, ребята, дорогу! Дайте обезьяне д'Эскриве понюхаться с подружкой!

Покрасневшего, вырывающегося, безуспешно пытающегося защитить руку Маррона протащили сквозь толпу; когда его наконец вытолкнули на пустое место, глаза юноши жгло. Он вновь вспыхнул, придержал локоть больной руки здоровой ладонью и сделал вид, что просто-напросто сложил руки на груди. Потом он заморгал, пытаясь разглядеть что-нибудь в свете огня.

— Не плачь, обезьянка, — раздался чей-то издевательский совет. — Посмотри на своего родственника…

Маррон увидел юношу своих лет и своего роста, одного из тех немногих, кого он помнил по имени. Да, Лукан, оруженосец сьера Мериваля, однако сейчас в нём не было и капли обычного достоинства. Он согнулся пополам, закатываясь в смехе, а к его

ноге цеплялось что-то вроде небольшого чёрного кота.

Нет, это был не кот. Когда зверушка повернула голову, Маррон увидел крошечное сморщенное личико, очень похожее на человеческое и исполненное безутешной грусти. Зверушка открыла рот и вновь завизжала, вызвав новый взрыв хохота.

— Ответь родственнику, Маррон, он ведь с тобой поздоровался! Эй, эта обезьяна, часом, не у тебя с твоим господином научилась?

Последний выкрик только пуще смутил Маррона, но тут он увидел, как лапки животного — крошечные, но в точности похожие на человеческие руки — вцепляются в штанины Лукана, а маленький зад подёргивается, когда зверушка прижимается к ноге оруженосца. Тут он всё понял. Ему доводилось видеть псов, которые вели себя так же, пока их не прогоняли пинком.

Эту зверушку никто не пинал. Мужская рука подняла её в воздух, а мужской голос произнёс:

— Хватит с вас. Там поспело мясо, если вы, ребята, голодны и если у вас есть монета-другая, , чтобы заплатить…

Голодны ли они? Они были молоды, и их вряд ли кормили лучше, чем Маррона. Возможно, их господа были не столь аскетичны, как сьер Антон, но уж наверняка уступали ему в щедрости. Толпа ринулась к мясу — да, они были голодны, и у них были деньги. Маррон остался у огня один, если не считать человека и его зверушку.

Человек явно был из торговцев: об этом свидетельствовал его наряд из дорогой ткани, впрочем, давно выцветший и покрытый заплатами и пятнами дорожной пыли и пота. Зверушка забралась ему на плечо, защебетала и начала играть с цепочкой, одним концом прикреплённой к поясу человека, а другим — к шее забавного существа.

— Нет аппетита, парень, или денег?

У Маррона было и то, и другое, но ему не хотелось есть в компании других оруженосцев. Да и любопытство, горевшее в нём, оказалось сильнее голода.

— Мессир, это… что это?

— Ты что, никогда не видел обезьян?

Он не видел. Он знал это слово, точно так же, как знал названия грифонов, олифантов и гарпий; в аббатском бестиарии ему попадалась картинка, но на ней было нарисовано совсем другое существо.

— Ну, — сказал мужчина, — раз уж эти крикуны ушли, он теперь будет поспокойнее. Садись и возьми его на руки.

Маррон неуклюже сел, стараясь не надавить на больную руку и вместе с тем не показать, что она больна. В какой-то миг он

даже негромко застонал, но всё обошлось. Человек посадил обезьяну на его колено, но зверушка моментально перебралась на плечо Маррону. Юноша почувствовал тёплую шёрстку; жёсткие маленькие пальчики затеребили его ухо, а маленькое личико уставилось на него грустными влажными глазами. Зверушка ужасно походила на монахов — вся в чёрной шерсти, из которой выглядывало только страдальческое личико. Он ощутил привязанность к существу — они были так похожи, — привязанность гораздо более сильную, чем родственные чувства, которыми дразнили его оруженосцы. Маррон вспомнил о зажатом в руке мешочке. Если бы этот человек только назвал цену, он тут же отдал бы все свои деньги.

Правда, потом предстоял бы разговор с сьером Антоном. «Я дал тебе деньги на нож, а ты купил обезьяну?» Думать об этом было невыносимо, но Маррон всё-таки думал.

— Его зовут Каспиус, — сказал мужчина, без труда прочитав мысли Маррона по его лицу. — Он не продаётся, так что не трудись спрашивать.

— Хорошо, мессир.

— А меня зовут Олмет, а тебя…

— А… Маррон… — отсутствующе ответил юноша, предлагая обезьянке, словно ребёнку, палец, за который она уцепилась сухими ладошками.

— Маррон. Ты, значит, служишь рыцарю по имени д'Эскриве, так?

Да, оруженосцы так и кричали, вспомнил Маррон не без труда. «Если торговец куда глянет, секретов там не останется».

— Антону д'Эскриве, да?

— Сьеру Антону, — резко ответил Маррон, моментально становясь на защиту господина.

— Что ж, раньше или позже он должен был выплыть. Такой человек не останется в забвении — слишком большая была бы потеря. Слушай, парень, ты явно понравился Каспиусу, а он, как вижу, тебе. Подержи его, а? — Торговец отцепил обезьянью цепочку от пояса и надел петлю на руку Маррону, на больную, но так легко, что юноша даже не почувствовал боли и только удивился, что этот человек заметил его рану, запомнил её и постарался быть с ней бережным.

Торговец Олмет вышел за круг фургонов и пропал; Каспиус пронзительно завопил в темноту и попытался побежать за ним. Маррон со всей возможной осторожностью оттащил обезьянку и начал возиться с нею, покачивая, похлопывая и щекоча до тех пор, пока зверушка не успокоилась и не свернулась по-кошачьи на его колене, уцепившись за его руку всеми четырьмя лапами.

Мешочек Маррона лежал на земле рядом с юношей. Он не помнил, чтобы выпускал его из рук; наверное, это произошло само собой, пока он играл с обезьянкой.

И Олмет наверняка все видел. Разумеется, видел, наверное, даже сосчитал, сколько там, в мешочке, может быть денег. «Если торговец не хочет продавать, держись крепче за кошелёк», — вспомнил Маррон одно из любимых дядиных изречений и посмеялся над собственной глупостью. Ну конечно, обезьянку можно купить. Это была всего лишь часть сделки — оставить мальчика одного со зверушкой, пусть влюбится в неё, пусть будет готов заплатить чем угодно…

Но он этого не сделает. Торговец просчитался, он не знает Маррона. Да, на мгновение юноше захотелось иметь обезьянку, однако мимолётная привязанность исчезла при одной мысли о последствиях. Теперь Каспиус был всего лишь обезьянкой — забавной зверушкой, с которой можно поиграть, но не более того. Симпатия исчезла; Маррон больше не носил чёрной рясы, у него больше не было братьев, его никто не любил. Теперь он служил другому господину и крепко помнил об этом.

Вернувшийся Олмет принёс деревянный поднос с дымящимися кусками мяса; в другой руке торговец нёс кисть винограда.

— Не хочешь поесть, парень, или покормить обезьянку? Только не хватайся за все сразу, не то тебе не хватит твоей руки.

Он попал в точку. Каспиус уже прыгал с плеча на колено, вереща и требуя еды. Маррон протянул хозяину цепочку. Олмет, нимало не удивившись, взял её, улыбнулся и спросил:

— Что, так голоден?

— Э-э… нет, мессир.

Нет, он был голоден, но внезапно начал сомневаться в содержимом своего кошелька. Ему нужно купить нож, хороший нож, так что брюхо потерпит.

— Ты хочешь сказать «да, мессир», но ещё больше хочешь сберечь деньги? Ешь, парень, ты мне сделал одолжение. В конце концов, от вестей пользы куда больше, чем от куска мяса.

Маррон съел не кусок и не два; того, что было на подносе, хватило, чтобы набить живот. Потом он облизнул с пальцев жир и сок, вытер их о пыльную траву, взял Каспиуса на руки и кормил его виноградом до тех пор, пока обезьянка не уснула.

Словно получив знак говорить о делах, Олмет заметил:

— Для оруженосца, посланного позабавиться, у тебя слишком толстый кошелёк, Маррон. Должно быть, твой господин больше заботится о тебе, чем о твоей одежде?

Маррон вспыхнул в темноте, хотя про себя подумал, что не

Олмету ругать чужое платье.

— Это одежда с чужого плеча, мессир. Ещё два дня назад я… одевался иначе.

Олмет рассмеялся.

— Я уже понял, парень. Это была шутка. Впрочем, для мальчика, у которого два дня назад не было ни гроша — если я правильно тебя понял — и быстро ставшего посмешищем для остальных, у тебя, повторяю, слишком толстый кошелёк.

«Сьер Антон великодушен, — хотелось сказать Маррону, и ещё: — А те кто смеётся — лжецы», но он чувствовал себя как посреди трясины, когда страшно сделать шаг, и потому ответил сдержанно:

— Золота там нет.

— Пусть так. Ну, за чем же он тебя послал, Маррон? Не за обезьяной, это ясно; да я бы и не продал тебе Каспиуса, если бы это означало, что на твою голову посыплются громы и молнии. Ну так?..

— Мессир, — начал Маррон с тайным вздохом облегчения, потому что эти игры ему не нравились и он не умел в них играть, — мессир, нет ли у вас ножей?

— Нет ли у меня ножей? Я еду в Элесси, а мальчик спрашивает, нет ли у меня ножей!

— Разве элессины сами не могут их делать?

— Могут, но не делают. И хвала Господу, так лучше и им, и мне. В Элесси неплохие ремесленники, но настоящих мастеров там нет. Хорошему клинку мало быть прочным, он должен быть красив. Подожди минутку, оруженосец Маррон, я покажу тебе такие клинки, что твоё сердце заплачет от желания обладать ими…

Может, торговец и выполнил бы своё обещание, но он уже успел разглядеть кошелёк Маррона. Он не принёс ни ножей с отделанными драгоценностями рукоятями, ни клинков чеканной стали. Перед Марроном появилась охапка стилетов и кинжалов попроще, старых и новых, прекрасной работы, с прочными рукоятями и невероятной остроты лезвиями.

Маррон понял это, перепробовав все по очереди, но взгляд его упорно возвращался только к одному клинку, и только его он взял в руки дважды. Это был самый старый кинжал из всех, его костяная рукоятка потрескалась и пожелтела от возраста.

— Когда-то это был прекрасный кинжал, да лезвие и сейчас осталось неплохим, — негромко сказал Олмет. — Остальные гораздо хуже, а у этого только рукоятку, сам видишь, уже не починить. Её стоило бы заменить, но нож хорош, когда представляет собой единое целое, а с заплатами — это уже не то.

Не хотел бы я давать тебе советы, парень, но возьми-ка этот, если будешь покупать у меня. Правда, у нас есть и другие торговцы кинжалами…

— Нет, этот как раз по мне. — «Если мы сойдёмся в цене», — должен был добавить Маррон. Его дядя так и сказал бы, а вот он — забыл. — Сколько вы за него хотите?

— Не больше, чем ты можешь заплатить, парень. Я не собираюсь грабить тебя. Конечно, по цене клинка без рукояти я его не продам, так что давай кошелёк, посчитаем. Да, учти, ему в пару нужен хороший меч. — Торговец выложил на ладонь несколько монеток и стал их перебирать.

— Меч у меня есть.

— Хороший?

У Маррона было два меча, хороший и так себе, поэтому он вполне мог бы ограничиться кивком, однако решил, что торговец заслуживает большего. Когда он увидел, сколько монет Олмет взял, а сколько положил обратно в мешочек, его решение только укрепилось. Треснутая там рукоятка была у ножа или целая, а он стоил ответа.

— Мне подарил его сьер Антон. Когда-то этот меч принадлежал его брату…

Олмет застыл, расширив глаза. Через миг он ответил:

— Не стоит хвастаться этим, парень. Да нет, я знаю, что ты не собирался хвастаться, но лучше бы ты поменьше говорил об этом — и ради себя, и ради своего господина.

Маррон опустил глаза, потрепал спящую у него на колене обезьяну и, внезапно решившись, поднял голову.

— Сьер, не могли бы вы рассказать мне правду о сьере Антоне и его брате?,

— Маррон, любой, кто знает Чужеземье, может рассказать тебе эту историю — она известна всем. А о правде пусть судит Господь. Ты что, действительно ничего об этом не слышал?

— Я здесь совсем недавно, мессир, и знаю только то, что говорит мне мой господин, а он рассказывать о себе не любит.

— А кто любит? Страна тут суровая.

— Пожалуйста, мессир…

— Что ж, ладно, тебе следует знать хотя бы факты, а их рассказать недолго. Антон и Шароль были очень близки и любили друг друга гораздо крепче, чем иные братья, между которыми стоит наследство. Но в один прекрасный день они пропали; их отец послал на поиски людей, и те нашли тело Шароля, убитого одним ударом. Меч мальчика пропал. И его брат тоже. Герцог Рейм объявил о розысках Антона, чтобы заставить его ответить за преступление, однако, когда того нашли, он уже вступил в Орден

искупителей. Он признал на себе вину за смерть брата, но его жизнь уже принадлежала Ордену, и отобрать её было нельзя. По слухам, Шароль застал Антона с мальчиком, и Антон убил брата, чтобы скрыть этот позор. Это всего лишь слухи, но я никогда не слышал, чтобы сьер Антон отрицал их. Вот почему твои товарищи так недружелюбно относятся к тебе; оруженосец сьера Антона вполне может оказаться ещё и мальчиком сьера Антона.

Казалось, что в воздухе повисла просьба: «Скажи мне правду». Впрочем, Маррон решил, что столько он не должен даже торговцу, и не стал отрицать услышанного. Что бы там ни происходило между ним и его господином, это касалось только их и уж никак не досужих сплетников.

Итак, он промолчал, и Олмет спросил:

— Где сегодня твой господин? Если бы я знал, что еду с Антоном д'Эскриве, я бы хоть глянул на него.

— Он отправился в лагерь элессинов, — коротко ответил Маррон.

— Да ну? Храбрый он человек — там у него вряд ли найдутся друзья. Да и вообще, все его друзья остались у него на родине. Имя д'Эскриве в наше время слишком запятнано. Дворяне могут простить многое, но не это. Хотел бы я посмотреть, как он это переносит.

— Сейчас вы увидите, мессир, что он переносит это отлично. — Маррон стряхнул с колен заверещавшую обезьянку и встал на ноги, сжимая в руке кинжал, сжимая так крепко, словно желая доломать рукоять. Клинок заблестел в темноте, отражая языки костра.

— Ох, прости меня, парень. Ты же поклялся служить ему. Я не подумал, когда говорил.

— Но вы сказали то, что думали.

— Да, но давай не будем затевать ссору, парень. Я уже попросил прощения. К тому же ты вдвое меньше меня, — торговец тоже встал, чтобы это стала видно, и подхватил обезьянку, посадив её себе на плечо, — да ещё ранен. Я не стану драться с однoруким ребёнком. И твоему хозяину это не понравится.

Это была правда. Шум со стороны фургонов усиливался — поев, оруженосцы возвращались, чтобы снова повеселиться. Маррон глубоко вздохнул, перехватал кинжал и сунул его за пояс.

— Так-то лучше. Сильно ты ранен? Среди нас есть люди, которые понимают в лечении.

— Благодарю вас, мессир, меня уже лечили.

И лечили, и снова ранили; рука опять разболелась.

— Ну ладно. Не надо сердиться на меня за мои неосторожные

мысли, парень. Я вообще неосторожен. Я видел почти всё, что бывает в этих землях, почти все здешние народы. Я путешествую из любопытства. И честно признаюсь, что хотел бы увидеть твоего сьера Антона. Разве это плохо?

Маррон поколебался и неуверенно пожал здоровым плечом.

— Нет, наверное.

— Вот и ладно. По крайней мере мы пришли хоть к какому-то соглашению. Где ты получил рану?

Маррон снова заколебался, но потом выдавил из себя улыбку и признался:

— Меня ранил сьер Антон в учебном бою.

— Что, серьёзно? Ну, я мог бы и сам догадаться.

— Как, сьер?

— Да ты точь-в-точь похож на мальчика, которого ранил его господин. Ты даже стараешься скрыть боль. Ну, ладно. У тебя, кажется, ещё остались деньги в кошельке. — Торговец поднял мешочек с травы и бросил его Маррону. — Не хочешь ещё немного потратиться? У меня есть кое-какой товар, как раз для молодого человека.

— Нет, лучше в другой раз. — Маррон вспомнил, что этой ночью все самое интересное будет происходить не у фургонов торговцев. — Я лучше прогуляюсь.

— Ну, как хочешь. Только не вздумай разыскивать своего господина в элессинском лагере — для этого у тебя слишком горячая голова.

Торговец отвернулся и пошёл прочь, баюкая обезьянку. Маррон запоздало кивнул в благодарность за совет и почувствовал мгновенный укол боли от потери обезьянки и мимолётной дружбы с ней, дружбы, подкреплённой виноградом и привязанностью. Впрочем, грусть на мордочке зверушки была всего лишь гримасой, и, напомнив себе об этом, Маррон стал оглядываться в поисках ближайшего прохода между фургонами.

Лагерь рыцарей был пуст, если не считать нескольких слуг, собравшихся у костров, где готовили еду. Маррон подумал, что сьер Антон встретит в лагере элессинов большинство своих собратьев, а если там найдутся старые друзья, у него будет с кем поговорить. Юноша задержался только для того, чтобы проверить, не трогал ли кто-нибудь вещи его господина — и его собственные вещи, точнее, вещь, меч «Дард». Легко коснувшись пальцами рукояти — теперь у тебя есть братец, — Маррон отправился к коновязям, чтобы проверить, хороший ли уход получили его мул и конь рыцаря.

Облегчённо вздохнув, когда все его обязанности были выполнены, юноша поспешил к кострам монахов, но, не доходя до

них, заметил, что костерок Раделя погас, а сидевшие возле него две фигуры исчезли.

Собственно, это было всё, что ему хотелось знать, однако душа Маррона жаждала уверенности. К тому же он знал, каким путём пойдут беглецы, а занять голову было нечем. Так почему бы ему не прогуляться до деревни — ну, подумаешь, молодой оруженосец, отпущенный господином, шатается по округе, убивая время…

Звезды светили ярко, и Маррон старался идти помедленнее, чтобы никто не заподозрил, будто он что-то ищет. Он вновь миновал коновязи, шатры рыцарского лагеря, фургоны торговцев, откуда, доносился хохот, и, не дойдя до деревни, наткнулся на глубокий сухой овраг.

Звезды в Святой Земле светили куда ярче, чем у него на родине, они даже казались больше — впрочем, как и луна. Несмотря на то что овраг был глубиной в рост высокого человека, Маррон ясно видел покрытое трещинами дно сухого русла и высохший на солнце ил, чуть прикрытый слоем пыли. Берега оврага были очень круты и заросли терновником и пустынной колючкой, отбрасывавшими причудливые тени. Чтобы разглядеть, нет ли кого-нибудь в овраге, надо было стоять на самом краю.

Маррон не увидел ни малейшего движения, однако неподалёку от того места, где он стоял, овраг круто изгибался, следуя ландшафту. Это тоже затрудняло просмотр — виден был лишь небольшой участок сухого русла. Правда, и идущий по руслу человек не мог бы заметить наблюдателя на берегу до тех пор, пока не выскочил бы из-за поворота прямо на него…

В конце концов, Раделю нужен был человек, который шёл бы впереди и предупреждал об опасности, подумал Маррон. Он быстро зашагал к деревне, отыскав тропинку, которая бежала вдоль оврага и подходила к нему достаточно часто, чтобы Маррон мог высматривать, не показались ли в овраге беглецы. Они не успели бы уйти далеко: Редмонд наверняка с трудом ковылял, превозмогая боль в израненных ногах, боль, которую не могла заглушить даже магия Раделя. Ведь рука Маррона тоже начала болеть снова.

Юноша оглядел тропу — там не было ни души. Он подошёл ближе и заглянул в овраг, но там тоже никого не было.

Он напрягал не только зрение, но и слух, однако в деревне было тихо. Веселье в лагере торговцев осталось далеко позади, а впереди… действительно ли он услышал тихие мужские голоса или это только ветерок прошелестел в кустах?

Голоса — или журчание ручейка, несмотря на дневную жару, струящегося по высохшему руслу?

Нет, это были голоса. Маррон сошёл с тропы, заглянул в овраг и увидел две чёрные рясы и два светлых лица, которые глядели прямо на него.

На мгновение картина расплылась у него перед глазами, в голове воцарился туман, что-то пригвоздило его к месту. Потом дыхание снова вернулось к нему и послышался голос Раделя, скорее сердитый, чем довольный, хотя Маррон рассчитывал на радость.

— Маррон, ты что тут делаешь?

— Мессир, я хотел убедиться, что вы ушли. Я подумал, что на краю оврага могут быть сторожа…

— Если там будут сторожа, — спокойно ответил Радель, — мы с ними справимся. Пройдём мимо, и они даже не заметят нас. Беда в другом: впереди действительно кто-то есть, но это не стража, да и не на краю оврага, а в самом овраге…

— Кто это? — спросил Маррон, хотя ему хотелось спросить другое: «Откуда вы знаете?»

— Не могу сказать. Я не в силах разглядеть это, знаю только, что их там двое и что они не движутся.

— Я могу сходить посмотреть, сьер.

— Можешь… хотя не следовало бы пускать тебя. Ладно, Маррон, похоже, ты послан нам в помощь небом, хотя иногда и делаешь глупости. Можешь изобразить невинного оруженосца?

— Да, мессир.

«Я этим весь день и занимался. И ещё буду заниматься — впереди у меня долгая служба».

— Ну так иди как можно тише, но не крадись. И не оборачивайся, и не возвращайся открыто.

Маррон поплёлся вдоль оврага самой что ни на есть скучающей походкой, не пытаясь даже прятаться в темноте и красться. Тени от кустарника пересекали овраг тут и там, разглядеть что-нибудь, не подавая при этом виду, было очень трудно, но Маррон всё же увидел две небольшие фигурки, притаившиеся под терновым кустом…

А может, это ему только показалось. Он заморгал и бросил ещё один взгляд, искоса, чтобы убедиться; но чем дольше он смотрел, тем труднее становилось разглядеть лица, разглядеть одежду в качающихся тенях кустов.

От усилий у него закружилась голова, закружилась внезапно, как раз когда он пытался разглядеть что-то в тени терновника. Нет, там было пусто, зрение сыграло с ним злую шутку… как кружится голова, надо присесть…

Он сел на землю и положил голову на здоровую руку, поудобнее устроив её на коленях. Когда он закрыл глаза,

покалывание по коже утихло, а ум снова обрёл ясность. И всё же трудно было уловить хоть какую-нибудь чёткую мысль, все они мешались и путались, все, кроме одной, очень упорной и навязчивой: «Там никого не было, это просто игра света и теней, овраг такой глубокий…»

Так он сидел, не шевелясь, пока сквозь шум в голове не пробился грубый шёпот. Земля перестала плыть под ногами, в голове прояснилось, и на этот раз он увидел двоих местных парнишек в простой одежде, в бурнусах и с обмотанными грязными тряпками головами…

Он встал осторожно, оберегая раненую руку и боясь, чтобы не вернулось головокружение, и услышал в овраге негромкие голоса, исполненные едва сдерживаемой ярости. Один из них принадлежал мужчине — наверное, Раделю.

Держась настороже, Маррон приблизился к краю оврага и заглянул вниз. На дне прямо под ним стояли четыре человека, двое в чёрных рясах и двое в пыльном серовато-коричневом одеянии. Радель и Редмонд — и те два парня. Вот только ни один деревенский житель ни за что не стал бы ссориться с вооружёнными монахами, а между тем один из парней стоял, уперев руки в бока, и буквально прожигал Раделя взглядом, ругаясь свистящим шёпотом.

А ведь это был не парень. Это была госпожа Элизанда, одетая в какое-то грязное тряпьё. Когда же Маррон протёр глаза и искоса взглянул в ту сторону, в спутнике Элизанды он узнал госпожу Джулианну, спрятавшую длинные волосы под тюрбаном.

— С какой стати я должна была тебе рассказывать?

— Не рассказывать. Тебе просто надо было спросить…

— Ещё лучше! По какому праву ты — именно ты — решаешь за меня, куда мне идти?

— Мои права мы обсудим позже, — сказал Радель, и Маррон подивился, как менестрель ухитрился вложить столько чувства в негромкий голос. — А сейчас мы все уйдём отсюда, и уйдём вместе.

— Вначале, — холодным, прямо-таки ледяным тоном произнесла госпожа Джулианна, — я хотела бы познакомиться с моими спутниками. Вы ведь не простой менестрель, Радель, и ни вы, ни ваш спутник не имеете никакого отношения к искупителям.

— Потом, потом, — повторил Радель, нетерпеливо махнув рукой. Судя по тому, как возмущённо застыла Джулианна, такое обращение ей терпеть не доводилось. Менестрель же отвернулся от неё, посмотрел вверх и спросил:

— Маррон, ты уже пришёл в себя?

— Да, мессир.

Хотя на самом деле ему хотелось сказать: «Нет, мессир, они меня совсем заморочили».

— Вот и хорошо. Тогда давай прощаться. Прими нашу благодарность и возвращайся.

«Возвращайся в свой лагерь, к своему хозяину, к своей жизни», — однако этого он так и не произнёс. Редмонд вдруг потянул Раделя за рукав, менестрель огляделся, Элизанда задохнулась от волнения, и согнулась пополам. Все трое заметили нечто, чего Маррон ещё не видел и не слышал; но какое бы чувство ни предупреждало их об опасности, на этот раз оно запоздало.

— Кто там? — раздался голос из темноты по ту сторону оврага. — Эй, парень…

Маррон застыл; его белая одежда выдала его, выдала их всех — при свете звёзд она была прекрасно видна в ночи. Теперь он мог разглядеть, кто заметил его. Это были трое мужчин, бесшумно появившиеся из темноты, одетые в чёрные рясы — монахи, стоявшие на страже. Они приблизились к краю оврага, все ещё глядя на Маррона, однако надежда на то, что они не заметят прятавшихся в овраге, была слабенькой.

Надо было увести их…

Маррон развернулся и побежал прочь, вопя на всю округу. Среди хижин в деревне обнаружились незамеченные прежде люди; обернувшись на бегу, юноша ругательски выругал сам себя. Если эти трое намеревались преследовать его, им пришлось бы пересекать овраг, причём именно в этом месте, где его края почти сходились, потому что за поворотом он мог стать гораздо шире. Но пока монахи застыли на краю оврага, глядя не на Маррона, а вниз, в тень. На Раделя, на Редмонда, на обеих дам. Маррон понял, что только навлёк на беглецов лишние беды…

Тут он увидел группу людей, спешащих из деревушки, а потом зацепился ногой за терновый куст, и мир вокруг полетел вверх тормашками.

Падая, юноша инстинктивно вытянул руки — обе — и через мгновение после падения в руке проснулась такая дикая боль, словно треклятая рана в который раз решила открыться.

Он пролежал ещё два вздоха — точнее, один вздох и один всхлип, — а потом услышал сквозь крики, сквозь стук сердца и оглушающую боль голос Раделя: «Беги же, беги! Этих я удержу, мы справимся, но ты беги дальше!..»

Юноша вскочил, пошатываясь, вскрикнул от боли в руке — он вновь опёрся на неё, вставая с земли, — а те трое монахов на краю оврага и не думали никуда лезть или бежать, а просто

падали в овраг, словно тряпки. Видно, в головах у них сейчас каша, подумал Маррон, глядя, как эти самые головы болтаются из стороны в сторону, а руки и ноги бессильно обмякают. Значит, они попались и ничего больше не видят…

Впрочем, размышлять об этом было некогда, как некогда и волноваться об оставшихся в овраге и соображать, смогут ли они зачаровать стражу, чтобы наконец бежать или, наоборот, укрыться в лагере, если это имел в виду Радель. Приближался деревенский патруль, однако он то ли не заметил, что происходило в овраге, то ли просто не обратил на это внимания. Охранники были в тёмной одежде, но не в рясах.

А одежда Маррона была так бела и ярка, её так легко было заметить! К тому же после падения он не мог удрать и скрыться.

Он достал из-за пояса кинжал, взмахнул им над головой, обернулся и закричал:

— Туда! Они пошли туда!.. — и помчался дальше, стараясь казаться не зайцем, а гончей.

За деревней открылась россыпь огней, целый палаточный город, освещённый кострами. Все больше народу в лагере прислушивалось к шумихе и бежало за Марроном. Вероятно, это был лагерь элессинов. Юноша постарался пробежать в точности между оврагом и лагерем, избегая приближаться и к тому, и к другому.

Он мчался, как на соревнованиях, но не ради собственной победы. Ему хотелось только узнать, кто первым настигнет его — те, кто бежал следом, или те, кто выскочил наперехват. Рука схватила его за плечо, соскользнула, схватилась снова, послав очередную волну боли в горящую руку. Юноша задохнулся, споткнулся и почти упал. Подняв глаза, он увидел сбившего его с ног бородатого человека, который тяжело дышал после такой погони. Маррон с трудом выговорил:

— Мессир, мессир… они побежали туда… — и ткнул вперёд своим кинжалом,

— Кто? Я никого не видел. Ты кто такой?

— Маррон, мессир, оруженосец сьера Антона д'Эскриве.

Вначале мужчина не поверил ему, но потом, по его изменившемуся лицу, Маррон понял, что тот о нём думает, и быстро продолжал:

— Здесь были люди, наверное, шарайцы. Я не знаю точно, они были в катарском платье. Я наткнулся на них за деревней, а они наставили на меня ножи. Я, кажется, ранил одного из них, вот, видите…

Он сунул под нос человеку свой нож, на клинке которого явственно виднелись пятна крови. Мужчина хмыкнул и стал

вглядываться в темноту.

— Сколько их?

— Я видел троих, мессир…

Мужчина хмыкнул ещё раз и жестом подозвал поближе своих товарищей. Преследователи из лагеря тоже уже были тут — заросшие бородами, с недоверчивыми глазами.

— Он говорит, трое катари. Подлые убийцы, шарайцы, как он думает. Один, похоже, ранен.

По пальцам Маррона стекала кровь, но он повернулся к преследователям другим боком, почти молясь, чтобы в темноте его раны не заметили.

— Трое шарайцев? Так почему он ещё жив?

— Они сбежали, мессир. Нет, не от меня, — быстро добавил юноша в ответ на презрительный смешок, мол: «Трое убийц-шарайцев сбежали от подростка, который ещё и бриться-то толком не умеет; как же, так мы и поверили…» — Наверное, они услышали, как вы бежите, мессир.

— Да, наверное. Ладно, мы погонимся за ними, а ты возвращайся в лагерь… — одни сильные руки передали его другим, причинив боль, — а Барад тебя проводит. Пусть тебе перевяжут рану — у тебя кровь на рукаве.

— Да, мессир. — На рукаве была кровь, а сам рукав был разрезан — разрезан на бегу самим Марроном. Конечно, при детальном осмотре обнаружилось бы, что разрез не совпадает с раной, что рана кровоточит сама по себе, что она покрыта пропитанным кровью бинтом. Но это было уже не важно, тут Маррон даже не стал притворяться: — Нет, мессир, это старая рана, катари меня не достали.

Он всё же надеялся, что детального осмотра не последует. Крови на одежде и свежей повязки вполне хватило бы, когда преследователи вернутся без пленников.

Конечно, они могут схватить Раделя, Редмонда или кого-нибудь из девушек, но тут уж Маррон ничего не мог поделать.

Его охранник, крепкий элессин средних лет, на всякий случай твёрдо держал его за руку, впрочем, не поддерживая. Господи, до чего же они подозрительны…

Они прошли сквозь круг сторожевых огней, окружавший лагерь, к выстроенным в ряд палаткам. Элессины были не только подозрительны, но и невероятно педантичны. Маррон чуть пошатнулся, впрочем, безо всякой задней мысли, и хватка охранника усилилась, все так же ничуть не помогая идти.

И вот уже во второй раз за эту ночь из темноты послышался вопрос, произнесённый уже привычным раздражённым тоном:

— Маррон, ты что тут делаешь?

На этот раз голос принадлежал сьеру Антону. И тень, и походка, и фигура — всё было его. Рыцарь встал у них на дороге, и охранник Маррона вынужден был остановиться и удержать юношу. Ход был великолепно рассчитан — сьером Антоном, конечно.

— Вы знаете этого человека, сьер?

— Разумеется. Он мне служит.

— Как ваше имя, сьер?

— Антон д'Эскриве, рыцарь-искупитель. Что произошло, почему мой оруженосец весь в крови?

Человек отпустил Маррона и заговорил, заикаясь и запинаясь:

— Парень спугнул у деревни каких-то людей, сьер… сьер Антон… говорит, что они убежали, и наши люди пошли в погоню. Под вашу ответственность, сьер.

Поклон, резкий поворот — и человек пошёл прочь, не дожидаясь, чтобы рыцарь отпустил его. Маррону показалось, что охранник даже начертил в воздухе знак Господа, как это делали суеверные крестьяне, защищаясь от зла.

— Скоро ты к этому привыкнешь, — чуть устало и немного иронично заметил сьер Антон. — Так что там за люди, Маррон?

— Катари, сьер, трое. Наверное, шарайцы…

— Это вполне могут быть местные, может быть, даже приверженцы истинной веры. Люди в этой деревне всё-таки есть, хоть их и не видно.

— Да, сьер, но у них были ножи наголо, ещё до того, как они увидели меня… — Ему страшно не хотелось лгать, но историю следовало рассказывать без изменений, независимо от того, кто стоял перед ним.

— А, так вот откуда весь шум, — заметил рыцарь, потому что лагерь действительно начинал шуметь, а люди по одному и группами спешили на восток и на запад. — Эй, ты!

— Сьер? — Молодой сержант выпрямился и только что не отдал салюта. Похоже, сьер Антон был известен не только скандальными историями.

— Кто-нибудь проверил, что с дамами? Это был искусно замаскированный приказ; сержант не стал салютовать, а просто ответил:

— Я немедленно проверю, сьер.

— Хорошо. Возьми несколько человек. Так, на всякий случай. Может быть, этот шум предназначен для того, чтобы отвлечь нас, отвести нам глаза.

Маррон вздрогнул. Люди не найдут ни страшных шарайцев, ни дам. Тогда они обыщут всю деревню, перевернут все лагеря и

пустятся на поиски с факелами. Двум пешим девушкам никогда не скрыться от такой погони.

Но помочь им Маррон не мог никак. Каждому своя судьба — и ему тоже.

Сержант поспешил прочь, а сьер Антон нахмурился.

— Я бы должен сделать это сам, — пробормотал он. — Но элессины одобрят моё присутствие, только если дело дойдёт до драки. И потом, кто-то должен за тобой приглядывать, не переставая, Маррон. От тебя всегда будет столько беспокойства?

— Сьер, я сам о себе могу позаботиться…

— Сомневаюсь. Эти твои шарайцы тебя ранили?

— Нет, сьер.

Тут по крайней мере лгать не приходилось, да и не нужно было.

— А, опять старая рана. Ну вот что, идём со мной. Как бы элессины ни гордились своими шрамами, в лагере у них должен быть лекарь. Красоту он твоей руке не вернёт, но она и так уже, боюсь, красивой не будет. Её надо хотя бы зашить, если рана достаточно очистилась. Мне надоело, что у тебя вечно рукав в крови.

Рану зашили, предварительно смазав какой-то едкой жидкостью, которая моментально обожгла кожу и продолжала жечь, въедаясь все глубже. Хмурый лекарь презрительно скривился при первом судорожном вздохе Маррона и презрительно ухмыльнулся, когда на глазах у юноши выступили слёзы. Вдевая в иглу толстую жилу, он бросил Маррону кусок вонючей кожи.

— Сунь себе в зубы, щенок, если не можешь сдержаться. Я не собираюсь терпеть твой скулёж.

Сьер Антон покачал головой и отобрал у Маррона кожу.

— Обойдёшься без затычки, парень. Дай руку — да не эту, дурень. Вот, держись за мою и сжимай крепче, когда понадобится. Не сдерживайся, мне больно не будет…

К тому времени, как рана была зашита, Маррон прятал лицо на плече сьера Антона, а зубами вцепился в его одежду — без затычки всё же не обошлось. При этом юноша не проронил ни звука и ни разу не пошевелил раненой рукой. Он решил было, что сумел поддержать свою честь, но, открыв мокрые глаза, обнаружил, что лекарь свободной рукой держал его за запястье, а сьер Антон вцепился в локоть. За укусами серебряной иглы, за горячей болью в ране Маррон так и не почувствовал их веса.

Когда рана наконец была забинтована и, по настоянию сьера Антона, больная рука оказалась привязана к груди Маррона, чтобы юноша не мог шевельнуть ею, рыцарь с оруженосцем

отправились назад в свой лагерь. Маррон шёл через силу, мечтая о том, как завернётся в своё одеяло и уснёт сном без сновидений, сном, который смоет боль и тревогу и даст ему небольшую передышку после тяжёлой ночи.

— Ты пойдёшь сам или тебя опять надо нести?

— Я сам пойду, сьер! А если не смогу, вы можете меня оставить тут…

— Ну да, конечно.

Всё же Маррон шёл сам, шёл, хотя нетвёрдо державшие его ноги заплетались, а глаза с трудом различали предметы вокруг, и только рука сьера Антона, лежавшая на его плече, помогала ему не упасть. Прикосновение было едва заметно, но вливало новые силы, не иначе — магия…

Вокруг в темноте мелькали факелы и слышались низкие, хриплые, гортанные голоса. Рыцаря и оруженосца трижды окликали стражники с клинками наголо; в последний раз это произошло уже в деревне. Остановивший их человек оказался тем самым сержантом, которого сьер Антон посылал проверить, как чувствуют себя дамы.

— О, прошу прощения, сьер Антон, но…

— Ничего-ничего, все правильно, не пропускай никого без досмотра. Я так понимаю, дамы живы и здоровы?

— Спят, как младенцы, сьер — ну, я на это надеюсь. Когда я заходил, одна из них проснулась. Ну у неё и язык — почище, чем у змеи!

Сьер Антон рассмеялся.

— Да пошлёт ей Господь терпеливого мужа! Только вот что, сержант: если не хотите неприятных последствий, будьте поосторожнее. Мадемуазель Джулианна не элессинка, но у неё могут быть наготове ещё какие-нибудь ласковые слова, если вы её снова разбудите.

— Мои люди будут вести себя тихо, сьер, — ответил сержант. Сам он при этом стоял совсем близко и говорил полушёпотом. Сьер Антон вновь рассмеялся, на этот раз потише, и заставил Маррона идти дальше, легонько подтолкнув его.

Юноша так и не понял сержанта. Как могла госпожа Джулианна обругать его, если госпожи Джулианны — как наверняка знал Маррон — не было не только в хижине, но и в деревне?

Разве что они с компаньонкой не бежали. Юноша не знал, куда и зачем они направлялись, но понимал, что начавшийся шум мог помешать им, и они вернулись. Хотя он слышал, что Радель говорил об обратном: пусть девушки уйдут, а они с Редмондом останутся…

Но ничего сделать было нельзя, он не мог узнать правду или повлиять на события. И не интересовало его всё это — по крайней мере сейчас. Его тело тяжелело с каждым шагом, и каждый шаг давался с трудом. Юноша уже почти спал на ходу, когда они добрались до лагеря и сьер Антон повёл его между шатров.

Уже не в первый раз они поменялись местами — оруженосец стоял, пошатываясь и не видя ничего вокруг, а его хозяин устроил ему постель и посоветовал хотя бы снять башмаки перед сном.

Маррон заморгал.

— Господи Боже мой… Садись, парень. Легче, легче, не потревожь руку…

И рыцарь снял с оруженосца ботинки, расстегнул пояс, сел рядом и смотрел, как юноша завернулся в одеяло и моментально уснул, что-то бормоча себе под нос.

* * *

Первым, что вспомнилось Маррону утром, было монотонное бормотание, под которое он заснул:

— …интересно, как я теперь сниму сапоги? По-моему, это обязанность оруженосца — по крайней мере мне так когда-то казалось. Маррон, дитя неразумное, ну как ты можешь быть таким ребёнком?..

За бормотанием последовал поцелуй. Маррон помнил прикосновение сухих губ и жёсткую щетину, а больше не помнил ничего, потому что наконец провалился в сон.

Эти мысли проскользнули быстро, а за ними нахлынули воспоминания о прошлой ночи. Маррон совсем запутался, он боялся за себя и за других и ничего не понимал. Он открыл глаза и рывком сел, разгоняя сон, но разбередил при этом взорвавшуюся болью рану.

Постель сьера Антона была пуста, рядом валялось смятое одеяло. Пошатываясь, Маррон встал и огляделся. Вокруг царила суматоха, слуги и оруженосцы сновали туда-сюда, собирая вещи хозяев, и юноша подумал, что ему следовало бы заняться тем же, хотя во рту у него пересохло, а живот выл от голода.

Он воевал с хозяйским одеялом, пытаясь свернуть его одной рукой, как вдруг услышал своё имя, произнесённое голосом сьера Антона. Маррон поднял глаза и увидел, что рыцарь торопливо шагает ему навстречу, нахмурив брови.

— Маррон, брось это дело. За тобой послали. Идём.

— Сьер, куда…

— С тобой хочет поговорить барон. Поторопись.

Сьер Антон развернулся и пошёл прочь, и Маррон поспешил за ним. Раньше ему казалось, что во рту у него сухо, но теперь он понимал, что это были ещё цветочки. Сейчас у него во рту словно появилась засушливая пустыня, но поделиться своими страхами он не мог ни с кем.

Вначале ему показалось, что сьер Антон ничего больше не скажет. Однако рыцарь, не замедляя шага, бросил на него взгляд и произнёс:

— Элессины не нашли ни следа твоих катари, ни вчера, ни сегодня утром. Собаки не учуяли никакой крови, кроме твоей собственной. Барон хочет расспросить тебя; смотри не лги ему. У него с собой правдоведица.

Холодный, исполненный подозрения голос пробрал Маррона до костей. Новость была не из лучших, она пугала до полусмерти.

Идти пришлось гораздо ближе, чем надеялся Маррон, — всего с полпути до лагеря элессинов. На ближнем краю деревни их поджидало несколько человек. Едва Маррон заметил их, сьер Антон замедлил шаг.

— Вот, выпей глоток.

Маррон с благодарностью принял протянутую флягу, отхлебнул и задохнулся. Это была не вода, а какое-то жгучее вещество, которое едва не прожгло его насквозь.

— Мадемуазель Джулианна и её компаньонка пропали, — негромко пояснил сьер Антон. — Тебя тщательно допросят. Смотри же, Маррон, говори только правду!

Больше он ничего не сказал. Постороннему зрителю могло бы показаться, что лежащая на плече Маррона рука рыцаря удерживает юношу на случай бегства; самому Маррону хотелось надеяться, что рыцарь пытается его подбодрить и придать ему уверенность в себе. Больше уверенности искать было негде.

Разумеется, ни в лицах встретивших его мужчин, ни в глазах единственной среди них женщины не было ни капли дружелюбия. Шестеро человек, одетые в дорогие тёмные одежды строгого покроя, смотрели на Маррона так, словно он был преступником, вина которого уже доказана, осталось только вынести приговор. Один из мужчин — бритоголовый, с хмурым, изрезанным шрамами лицом — стоял чуть впереди остальных, сжимая рукоять меча так, словно готов был хоть сию минуту вынести этот приговор и привести его в исполнение. Быть может, он так и собирался поступить.

Женщина стояла чуть в стороне, вроде бы и вместе с другими, но всё же отдельно от них. Видеть её здесь было странно, и Маррон испугался её больше, чем всех остальных. Она была в одежде катари, с такой же тёмной кожей и тёмными

волосами, как у детей этого народа, но лицо её не было скрыто вуалью и внушало ужас. Вначале юноше показалось, что оно обезображено страшной болезнью вроде проказы, но подойдя ближе, он понял, что полосы, уродующие её щеки, являются делом рук человеческих, хитроумной татуировкой. На лбу у неё красовался выжженный железом знак Господа — тоже дело рук человеческих, глубоко въевшееся в плоть. Кожа вокруг знака сморщилась, а горевшие под ним глаза провалились и мерцали голубым светом из двух чёрных ям глазниц.

Да, лицо у неё было просто кошмарное, но не оно испугало Маррона. Больше всего он боялся её самой. Юноше доводилось слышать о правдоведицах-катари. Говорили, будто они узнают ложь, едва заслышав её. Маррон никогда, никогда не осмелился бы солгать этой женщине.

— Это тот самый человек?

— Да, мессир. — Антон подтолкнул Маррона, заставив его встать на колени, но осторожно придержав при этом больную руку оруженосца.

— Ну что ж. Расскажи нам всё, что ты знаешь о случившемся прошлой ночью, парень.

— Да, мессир. Господин… — Понимал ли он, что говорил? Наверняка понимал; и, поскольку никто больше не двигался, Маррон вдохнул поглубже и начал излагать свою наспех выдуманную историю, которая с каждым разом казалась ему все неправдоподобнее и годилась лишь для взбудораженных мужчин в темноте, но совершенно не смотрелась при дневном свете. Как и всякий мальчишка, искушённый во лжи — уроки, полученные от любимой дядиной хворостины, — Маррон не стал изменять ни слова в истории, хотя наверняка мог бы сделать её гораздо убедительнее, будь у него возможность придумать все сначала.

Он закончил очень быстро, и снова воцарилось молчание. Когда он осмелился взглянуть на лица людей, то понял, что они не верят ни единому его слову. И они были правы — нет, нет, надо забыть правду и помнить только ложь, кто поверит ему, если сам он не будет верить в собственные слова? Он остерегался даже взглянуть в сторону правдоведицы, боясь, что она прочтёт в его глазах ложь, такую же отчётливую, как рисунки на её страшном лице.

Однако, стоя на коленях и глядя в землю, Маррон услышал нечто неожиданное — короткий хриплый крик, донёсшийся из деревни. За криком последовал низкий страшный вой, совсем не человеческий, и тут же оборвался. Маррон вздрогнул. Кроме него, никто не обратил на вопль видимого внимания, и только недовольная усмешка скривила губы барона, словно он сожалел о

слабости кричавшего.

— Невеста моего племянника, — заговорил наконец барон, — бежала этой ночью. Знаешь ли ты что-нибудь об этом?

— Ничего, господин барон.

— Странно. Ты наткнулся на неведомого врага, как раз когда исчезли девушки; ты поверг весь лагерь в смятение, и теперь хочешь убедить нас, что между этими событиями нет никакой связи?

— Господин барон, госпожу Джулианну охраняли ваши собственные люди. С ней говорили через полчаса после того, как на меня напали…

Это скрытое возражение вызвало холодный взгляд барона и подзатыльник от стоящего позади сьера Антона. В голове у Маррона зазвенело. Наказание? Или предупреждение: «Не испытывай этого человека!»

— Говоривший с ними на самом деле говорил с куклами, — прорычал барон, — с кучей тряпья и верёвок. А может, ты тоже чья-то кукла, мальчик? Моя женщина проверит, правду ли ты говоришь. Имбер, останься. В этом деле замешана твоя честь, а мне слишком тяжело смотреть на всё это.

Высокий молодой человек медленно склонил светловолосую голову. «Мне тоже», — было написано у него на лице. Стоявший рядом с ним человек повыше и потемнее коснулся его руки. «Я останусь с тобой».

Маррон смотрел, как уходит старший барон со свитой. На месте остались лишь молодой барон и его друг, но это было не важно. Важно было другое: возле Маррона зашуршали юбки, женщина коснулась затылка юноши холодными твёрдыми пальцами, так непохожими на пальцы его господина. От пальцев исходила холодная обречённость. Они извлекут правду из его тела так же легко, как менестрель извлекает звуки из мандолины, и после этого у молодых людей останется не больше жалости, чем у старшего барона.

«Куклы», — сказал он. Куклами играли дети, но из таких же кукол — «тряпьё и верёвки» — Радель делал двойников, марионеток, как он их называл, дьявольских кукол, которые сидели и двигались, и были, по его словам, очень похожи на людей, которых они подменяли. Наверное, они и говорили так же или почти так же…

Все медленнее и медленнее Маррон начинал понимать смысл утренних новостей — очень некстати, как раз тогда, когда необходимо было оставаться настороже. Вероятно, Радель и Редмонд отправились в хижину дам и оставили там своих кукол. Тогда, значит, дамы действительно ушли. И Маррон мог

рассказать все это, его могли заставить выдать себя, выдать дам, Раделя, Редмонда — и умереть, слишком поздно и бесполезно.

Какие холодные и твёрдые пальцы; как крепко они держат его за шею. Вторая рука правдоведицы легла на макушку Маррона и нажала. В голове у юноши всё завертелось, словно он выпил лишнего. Он закрыл глаза, но от этого стало только хуже: какие-то незнакомые, не имеющие названия в человеческом языке цвета поплыли перед глазами, завертелись, стали появляться и исчезать, оставляя после себя тёмные пятна.

Невероятным усилием юноша заставил себя открыть глаза, с ещё большим усилием ухитрился сфокусировать их на камушке, лежавшем на земле прямо перед ним, и уцепился сознанием за него.

И совсем уж нечеловеческим усилием Маррон заставил себя прислушаться к женщине, к вопросам, которые она задавала ему чистым, струящимся, ритмичным, чуть шепелявым голосом. Слова, произнесённые этим голосом, менялись, попав к нему в голову. Да, он слышал их и знал, что слышит, однако не мог не слушать их, не мог даже подумать о том, чтобы сопротивляться этому голосу, который начал задавать вопросы.

— Маррон, ты меня слышишь?

— Да.

— Ты когда-нибудь лжёшь?

— Да.

— Сможешь ли ты солгать мне?

— Нет.

Маррон слышал собственные слова и понимал, что говорит, но с небольшим запозданием. Что бы она ни делала с ним, как бы это ни было сделано, все получалось так, как в слышанных им рассказах. Женщина могла задать ему любой вопрос, и он ответил бы правду, не смог бы не ответить.

— Видел ли ты прошлой ночью у деревни троих незнакомцев?

— Да, — услышал Маррон собственный ответ и даже успел удивиться, прежде чем сообразил мгновением позже, вспомнил троих мужчин, ему незнакомых, не из его отряда, всего лишь патруль монахов, сползающий в овраг.

— Это были катари?

— Я не знаю.

Это тоже была правда, он стоял слишком далеко от них. Скорее всего среди монахов катари быть не могло, и Маррон мог почти с полной уверенностью сказать об этом, даже поклясться, но насчёт этих троих уверенности у него не было. В конце концов, сурайонцы тоже не ходят в рясах Ордена, но двое таких вот

фальшивых братьев были прошлой ночью в овраге.

— На твоём ноже была кровь. Ты сам ранил себя, чтобы сказать, что это кровь катари?

— Нет. — Нет, он не ранил себя, в этом не было нужды. Он просто просунул клинок в рукав и запачкал его в крови, лившейся из вновь растревоженной раны. Маррон гордился этим, был доволен самим собой даже в тот миг, когда убегал от погони, едва сдерживая дико бьющееся сердце.

— Мадемуазель Джулианна просила тебя помочь ей бежать?

— Нет. — Она не говорила Маррону ни слова.

— Просила ли тебя об этом её компаньонка?

— Нет.

Она ни о чём не просила, она только зачаровала Маррона, чтобы заморочить ему голову, в точности как эта женщина, которая заставляла его мысли кружиться в медленном хороводе и вторгалась в самые потайные закоулки души.

— Знаешь ли ты, куда они ушли?

— Нет.

— Спроси его, сражался ли он прошлой ночью. Да, и ранил ли он кого-нибудь.

Однако это был уже не тонкий голос правдоведицы, усиленный магией. Голос принадлежал мужчине, он был гневным и грубым и, словно камень, упавший в застывший пруд, разбил заклинание, сотканное женщиной и сковывавшее язык Маррона. Женщина задохнулась, и Маррон почувствовал боль — она внезапно убрала руки с его головы и шеи. Юноша повалился на бок, словно не в силах удержаться вертикально, тяжело упал на землю и лежал, выворачиваясь наизнанку и корчась, когда спазм захватывал пустой желудок. Сознание медленно поплыло в вертящуюся темноту.

Откуда-то издалека он услышал, как мужчина повторил:

— Спроси его!

— Я не могу, — ответила стоявшая над Марроном правдоведица. Её голос тоже был слаб и надтреснут, в нём не осталось вязкости и тягучести, он стал резок и отрывист. — Посмотрите на него, он больше не сможет сказать ни слова. Вы нарушили заклинание.

— Достаточно. — Этот голос не спрашивал, а распоряжался, и принадлежал он сьеру Антону. Руки, которые легли на плечи Маррону, тоже принадлежали сьеру Антону, они подняли его с колен и помогли удержаться на ногах, не дав упасть в ужасную бездну. — Он говорил достаточно. И только правду.

— Может быть, но мне хотелось бы услышать больше. — Это сказал кто-то ещё, не первый говоривший. — Мадемуазель

Джулианна пропала…

— …Но мальчик ничего не знает об этом, он рассказал всё, что мог. Или вы сомневаетесь в способностях вашей женщины?

— Нет, скорее в её умении задавать вопросы. Впрочем, вы правы, сьер Антон, от разочарования я становлюсь придирчивее, чем следовало бы. Ему плохо?

— Не знаю. Ему больно, он испуган, потрясён…

— Он поправится, — в беседу опять вступила женщина. — А больно нам обоим. Пусть помолчит, говорить буду только я. Ему нужен отдых.

— Как всегда; и, как всегда, он его не получит. Господин барон, пошлите своих людей на поиски, заставьте собак взять след вашей дамы. Я присмотрю за своим оруженосцем.

Его руки уже готовы были поднять Маррона, но тот извернулся, заёрзал и почти оттолкнул от себя своего господина.

— Нет, сьер, позвольте мне…

Ошеломлённый неожиданным неповиновением, сьер Антон замер на месте. Маррон не глядя завёл одну руку за спину, схватился за рукав рыцаря и осторожно встал на ноги, пошатываясь. Сглотнув подступающую тошноту, он прищурился от яркого света и посмотрел на барона Имбера.

— Господин барон, — нерешительно произнёс он, — мне жаль, но я действительно не знаю, где ваша невеста…

— Не волнуйся, парень, я тебе верю, что бы там ни говорил мой дядя.

— Тогда позвольте мне пойти на поиски с вами, доказать…

— Это ни к чему, — ответил барон с лёгкой усмешкой в голосе. Оказавшийся рядом сьер Антон тоже сказал:

— Нет, Маррон. От однорукого мальчика пользы не будет никакой, даже если он поедет на муле. Доказывать больше ничего не надо. Ну, поклонись господину барону, — он нажал на шею Маррону, заставив его поклониться, отчего желудок юноши едва сдержал спазм, — и пойдём. Ты же не удержишься в седле, дурень! Давай-ка вернёмся в лагерь, а потом отправимся обратно в Рок. Таково решение магистра: отряд не пойдёт дальше, пока не будут найдены дамы.

— Сьер…

— Нет, Маррон. Или ты опять забыл про послушание? Господи, и как ты только дожил до своих лет…

Тошнота прошла, но голова все ещё кружилась. Прогулка до лагеря оказалась очень кстати, и, добравшись до места, Маррон неуклюже начал собирать вещи хозяина. Сьер Антон помогал ему, причём явно больше, чем полагалось бы по рангу. Они были готовы раньше других рыцарей, и, воспользовавшись этим,

Маррон сказал:

— Сьер, кто-то должен проследить за тем, чтобы из деревни забрали вещи дам.

— Не сомневайся, кто-нибудь уже вспомнил об этом. Это не моё дело, да и не твоё тоже.

— Да, сьер, но так все подумают. А чьё это дело, если компаньонка госпожи пропала вместе с ней?

— Не знаю. Ты что, собираешься послать меня на проверку?

— Нет, сьер. Позвольте сходить мне. Я только гляну, все ли в порядке. И потом, после прогулки голова будет свежее. Мне лучше, когда я не стою, а хожу…

— Ну ладно, иди, только не копайся. Я ждать не стану, так что смотри, не пришлось бы тебе идти до Рока пешком.

— Нет, сьер, — ответил Маррон, словно имея в виду: «Я не стану копаться», хотя оба они понимали, что это значило совсем другое: «Нет, сьер, вы не заставите меня возвращаться пешком».

Он не спешил — ни ноги, ни желудок не вынесли бы спешки, — но идти всё же действительно было лучше, чем стоять на месте.

Фургоны торговцев уже не стояли кольцом, в них запрягли быков и выстроили караван в одну линию. Деревня была пуста, в ней ничего не изменилось с самого момента прибытия отряда. Её жители были людьми верующими, но недоверчивыми.

Завернув за угол, Маррон отправился на поиски хижины старосты, где провели ночь дамы. Он намеревался проверить, увезли ли их багаж, на случай, если Редмонд вновь решил спрятаться в сундуке. А может, там ему встретится и Радель.

Однако вместо них он нашёл молодого сержанта, который говорил с госпожой Джулианной прошлой ночью.

Сержант был раздет догола и распят поперёк дверного проёма хижины. Руки были подняты к притолоке, а ноги разведены по сторонам проёма; запястья и щиколотки держались на гвоздях. Вместо кляпа во рту у него был пояс, вероятно, его собственный, и Маррон понял, почему тот страшный крик так быстро затих.

Маррон решил, что не станет проверять багаж и понадеется, что Редмонд и Радель сумели бежать. Сейчас ему хотелось одного — повернуться и пойти прочь, однако белые страшные глаза сержанта крепко держали его.

Тело сержанта было залито кровью, которая текла из-под гвоздей на руках на грудь и на ноги, а потом собиралась лужицей под его телом. Крови было столько, что пыль не могла её поглотить.

«Я говорил с ней, — прочёл Маррон в его глазах, —

говорил…»

Маррон кивнул.

Щиколотки сержанта были пригвождены металлическими шипами, нет, колышками для палаток, понял Маррон, и сержант висел на них и кричал, кричал молча сквозь кляп, и выгибался, чтобы перенести вес на изломанные ноги, и вновь кричал, повисая на руках до тех пор, пока не мог ни выносить боли, ни вздохнуть — и снова выгибался…

«Помоги, — молили его глаза, — я не вынесу, это так больно…»

Рука Маррона скользнула к поясу, где висел его нож. Пальцы обхватили рукоять, и глаза сержанта впились в них с невыносимым напряжением.

Медленно, очень медленно Маррон разжал пальцы, отвёл руку и покачал головой. Он не мог заговорить, не мог объяснить причину своей жестокости. Он знал только, что так надо. Этим утром ему невероятно повезло — да, невероятно повезло, он даже не верил в такую удачу и жалел, что не может заглянуть в мысли правдоведицы, ведь она же прямо помогла ему солгать, — но рисковать, порождая ещё вопросы и подозрения, было нельзя. Кто-нибудь наверняка видел, как он в одиночку подходил к заброшенной деревне. Стоит элессинам вернуться и обнаружить, что человек, которого они обрекли на страдания, убит ударом ножа в сердце — и Редмонд с Раделем пропали, да и Маррон тоже.

И он повернулся и пошёл прочь, отдавая жизнь незнакомца за три жизни, которые он всё же ценил больше, пусть и ненамного.

17. ГДЕ ДОЛЖНО ЕЙ

Из унизительного положения можно извлечь немало уроков, подумала Джулианна, и, быть может, ей предстоит постигать их всю оставшуюся жизнь.

Ночь стала захватывающим приключением, Джулианна даже словно бы вернулась в детство, в те дни, когда она в компании неподходящих для её звания друзей ускользала из спальни, чтобы исследовать крыши Марассона, а позже — подвалы и подземелья города. Если помнить только это, заставить себя снова чувствовать беззаботной девчонкой, она сможет и сегодня броситься в приключения и наслаждаться ими — или почти наслаждаться — до тех пор, пока подчиняются дрожащие пальцы и предательский рассудок…

Они почти ничего не взяли с собой — только флягу с джеретом, по одеялу и по ножу, пищу и воду, серебряные и золотые монеты и кое-что ещё. Элизанда сказала, что платья им не понадобятся, так чего ради тащить лишнюю тяжесть? Одежду можно будет поменять, когда представится возможность, они ведь изображали мальчиков, и платья только выдали бы их. Итак, девушки выскользнули через заднее окно. Охраны у двери не было, Джулианна особо настояла на этом. Если с востока и с запада тебя окружают друзья, а дозоры сторожат север и юг, если деревня оставлена, сказала она, защита ей не понадобится. И потом, она рассчитывает на кое-какое уединение, сказала девушка, смущённо шурша юбками. Смущение было разыграно великолепно, и её слушатели сами покраснели.

Итак, у двери стражи не было. Но на улицах — точнее, на главной улице и в нескольких переулках, составлявших эту деревушку, — все равно должны были появиться люди. И потом, отказ от охраны, вероятно, заставил элессинов выставить стражу напротив дверей и на каждом углу.

Итак, они с Элизандой вылезли из окна и упали на землю. Двигаться приходилось низко пригнувшись, почти ползком, руками нащупывая дорогу между камнями и кустами, пока впереди не показалось сухое речное русло.

На крутом берегу кустарник стал ещё гуще и колючее. Элизанда попыталась проскочить насквозь, поскользнулась, упала и покатилась по обрыву с приглушённым криком. Более практичная Джулианна села на край и скатилась вниз, как ребёнок, прижимаясь к земле и пропуская колючие кусты над собой. При этом она бесшумно смеялась, а вокруг мелькали лунные тени.

Впрочем, смех быстро сменился насторожённостью: Элизанда коснулась руки подруги и шепнула так тихо, что шёпот больше походил на дуновение ветерка:

— В овраге люди. Замри.

Джулианна замерла, но замерла от холодного ужаса, вспомнив, кто она такая: она уже не ребёнок, но девушка, дочь королевской тени, так что же может угрожать ей, чего она должна бояться? Бояться разоблачения и возвращения с позором, созданных этим неудобств и проблем — но на кону стояла жизнь её отца, если, конечно, верить джинну, а верить ему приходилось, и тут Джулианна намеревалась сделать всё возможное. Нет, тут дело было не в страхе…

Она повернулась к Элизанде и беззвучно произнесла:

— Я ничего не слышу.

Элизанда тряхнула головой, не то говоря «я тоже», не то «не важно», а может, и то и другое.

— Двое, — пробормотала она. — Сначала шли, теперь стоят.

— Стража? — не подумав, спросила Джулианна. Откуда было Элизанде знать это, да и кто ещё мог встретиться им в овраге?

Однако она всё же задала вопрос и получила ответ:

— Нет, не стражники. Я их не узнаю, они маскируются… Тише, тут ещё один, на берегу…

Она потянула Джулианну вниз, заставляя прижаться к земле в тени кустарника; тут Маррон и заметил их, заметил и снова потерял. Но люди в овраге всё же прошли немного назад и Элизанда, негромко вздохнув, поднялась им навстречу.

Один из путников оказался Раделем, а второго, по-видимому, звали Редмонд — это имя каким-то образом было связано с историей Чужеземья… впрочем, скорее всего случилось совпадение, потому что носивший это имя был стар, слаб и немощен и никоим образом не походил на героя легенды.

Подруга Джулианны и менестрель немедленно начали переругиваться — хотя их слова были настолько же обманчивы, насколько для постороннего наблюдателя были обманчивы монашеские рясы, в которые вырядились мужчины. А потом на них наткнулись стражники, наткнулись — и стали оседать, теряя сознание, не успев даже поднять тревогу. Это было работой Раделя, а потом он закричал и заставил всех бежать. А Маррон побежал в другую сторону…

Даже тогда Джулианне не хотелось бежать. Однако на кону стояло нечто большее, чем её гордость, и даже большее, чем жизнь её отца. Кем бы ни были Радель и Редмонд, они привнесли в ночное приключение некую новую деталь — чувство страшной опасности, которое наконец распознала Элизанда. Кстати, она

была знакома с этими людьми достаточно хорошо, потому что честила их на все корки, не стесняясь в выражениях.

Итак, когда рука Элизанды сжала кисть Джулианны и потянула за собой, девушка побежала вслед за подругой по оврагу. Скатка из одеяла, заброшенная за спину, была нетяжела, а в крестьянской одежде было легко бежать, несмотря на то что из-под ног поднимались облачка пыли, а башмаки то и дело цеплялись за истрескавшееся дно, скрытое под слоем пыли, и потому Джулианна всё время запиналась и несколько раз чуть было не упала.

Какое-то время позади них раздавались звуки погони, но гнались не за ними. Извилистое русло уводило их все дальше от солдат, от деревни и от элессинского лагеря. Только раз Элизанда дёрнула Джулианну за руку, заставив остановиться, и шёпотом предупредила, что впереди, на краю оврага, стоят часовые. На мгновение отряд замер в полной тишине, которую нарушало только тяжёлое дыхание Джулианны. Дыхание её товарищей казалось гораздо тише, и это раздражало девушку. Тут Элизанда махнула рукой, приказывая медленно идти вперёд. Джулианна разглядела часового, который стоял на краю оврага, резко выделяясь на фоне звёзд, однако, несмотря на светлое небо, часовой не увидел их.

Миновав часового, они вновь помчались вперёд и бежали до тех пор, пока Джулианна не поняла, что больше не сможет сделать ни шагу, и не подёргала Элизанду за руку, давая ей понять, что устала. Говорить она не могла. Подруга кивнула, жестом предложила ей сесть и сама опустилась рядом с ней, ненадолго замерев. Потом она пробормотала:

— Придётся выйти из оврага, он ведёт не туда. Нам нужно севернее.

Они вскарабкались на берег оврага и обнаружили, что попали в широкую долину, окружённую высокими иссохшими холмами. Элизанда ткнула пальцем на северо-восток, заявив, что им туда, и пошла вперёд, достаточно медленно, чтобы Джулианна могла за ней поспевать.

Они обнаружили ещё одну дорогу и пересекли её.

— Надеюсь, мы вылезли на противоположном от деревни краю оврага, — пробормотала Элизанда. — Когда нас будут искать, пойдут именно по этой дороге. Но без неё нам не обойтись: это единственный безопасный путь на север. Я не верю, что ты сможешь пройти по горам пешком, да ещё в самый разгар лета.

В этих словах крылся намёк на то, что ей, Элизанде, уже приходилось переходить горы. Джулианна мельком пожалела, что

мешает подруге — «извини, что связываю тебя, Элизанда», — однако тут же вспомнила, что должна подруге гораздо больше. Снисходительный тон был невеликой платой за компанию и проводника в лице Элизанды.

Кроме того, Элизанда скорее всего говорила правду. Она была опытной и умелой и наверняка могла преодолеть горы пешком; Джулианна же была уверена, что ей самой это не по силам. Она с трудом заставляла себя идти, а Элизанду вид дороги словно подхлестнул, и та пошла гораздо быстрее, почти переходя на бег там, где путь едва заметно шёл под уклон.

Но самым изматывающим во всём этом было небо. Джулианна думала о том, что оставила позади, о том, от чего бежала — о неохотном обещании и о жизни, разрушенной, повергнутой в сомнения одной только встречей с высоким юношей, укравшим её сердце, с юношей, от которого она бежала прочь, отнюдь того не желая. И ещё она гадала, куда она бежит, какая тайна может оправдать такое страшное предательство, если окажется, что джинн ошибся. А над головой Джулианны, занятой всеми этими мыслями, висело необъятное тяжёлое небо, которое давило на неё, заставляя бежать все медленнее и дышать все тяжелее. Огромное тяжёлое покрывало с холодными свечами звёзд высасывало последние силы; Джулианна не смотрела вверх, старалась не поднимать головы, но всё же чувствовала его немалый вес, давящий на плечи, не дающий сделать лишнего шага.

От холмов проку было мало. Чёрные тени, серые блестящие камни — они стояли отдельно друг от друга и не помогали Джулианне нести обрушившуюся на неё тяжесть. И Элизанда тоже не помогала. Она была умна и опытна, она умела ходить, не чувствуя тяжести неба. Она была зла, жадна, она бросила подругу, оставив ей всю тяжкую ношу…

Идти не было сил. Сейчас она сядет, опустится на землю, и пусть небо обернётся вокруг неё подобно платью, подобно упавшему шатру, пусть — главное, не придётся нести его дальше, не придётся идти за этой умной и жестокой Элизандой…

— Джулианна… Ох, прости, ты совсем измучилась, а я и не заметила. Ты права, нам надо отдохнуть. Только не здесь, давай найдём какое-нибудь укрытие, где нас не будет видно, если начнутся поиски. Вон, видишь тот холм? Дойдёшь до него? На самом деле он гораздо ближе, чем кажется, это все темнота виновата. А ты хорошо справляешься, через пару часов уже будет заря, значит, мы шли всю ночь. Ты молодец, держишься гораздо лучше, чем я ожидала. Ну, идём, заставь себя пройти ещё чуть-чуть, мы найдём между камнями место, где можно будет

затаиться в тени. Вот, выпей глоток джерета, это тебе поможет. А когда доберёмся до холма, выпьем воды, да? Это будет самая вкусная вода на земле, но её придётся заработать…

И Джулианна заработала себе воду. На языке у неё застыл резкий вкус джерета, и мир снова стал таким, каким был всегда, без миражей и иллюзий. Джулианна поняла, что она всего лишь усталая девушка, которая пытается держаться во всех испытаниях и прячется от единственного человека, к которому её когда-либо влекло, от того, чей голос и облик притягивают её, словно магнитом. А небо… что ж, это было всего лишь небо, и ночь была всего лишь ночью, обычной тьмой, которая оказалась чересчур коротка. И ничего больше.

Нет, холм был вовсе не ближе, чем казалось, он был гораздо дальше, Элизанда солгала ей. Каждый шаг давался с мукой, Джулианна то и дело опиралась на сильную руку подруги, и когда они наконец достигли холма и увидели там полуразрушенный колодец, тропинку и небольшую пещеру, которой эта тропинка оканчивалась, Джулианна не почувствовала ни капли любопытства, ни искорки интереса — ничего, кроме облегчения, что пещера оказалась здесь, что она пуста и что теперь можно лечь навзничь и больше не двигаться.

Она проснулась очень поздно и с трудом пришла в себя. Её разбудило лёгкое прикосновение луча солнца и куда более тяжёлое прикосновение воспоминания о прошлой ночи, на которое тут же отозвалось все тело. Джулианна лежала неподвижно, потому что мускулы не слушались её и ныли от переутомления; она не открывала глаз, потому что даже это было нелегко сегодняшним утром — если, конечно, это было утро.

Солнце сверху, камень снизу — жёсткое ложе, но выбирать не приходилось. А ещё вокруг были звуки, стук камня по камню, но так далеко, что на них не стоило пока обращать внимания.

Джулианна позволила мыслям вернуться назад и вспомнила вчерашний день, всё, что случилось с ней и вокруг неё. Она покинула крепость, встретила обоих баронов Имберов, молодого и старого, сбежала из деревни, в овраге наткнулась на переодетых Раделя и Редмонда, ушла от них — и от барона Имбера, но она не станет, нет, не станет думать о нём, о его лице, повадке, обаянии, не станет вызывать его образ, навеки запечатлённый в сердце, хотя никогда не предполагала, что кто-то сумеет занять это место… Она стала вспоминать ночь и бегство, и то, как Элизанда привела её сюда…

Да, кстати, а куда это — «сюда»? Глаза открылись сами собой, без всякого усилия с её стороны. В них ударил свет, и Джулианна отвернулась, застонав от боли в затёкшей шее.

Она увидела свет и тень, но не более того. Поморгав и отвернувшись от света, девушка разглядела каменные стены, каменный пол с мелкими неровностями или камешками. Все.

Для того чтобы сесть, поборов ноющую боль в негнущейся пояснице, понадобилась не одна минута. Каждая косточка позвоночника возмущённо вопила. Джулианна откинула второе укрывавшее её одеяло — должно быть, это Элизанда укрыла её, когда проснулась, — и огляделась. Она была в небольшой пещерке, единственным отличительным признаком которой служил знак Господа, вырубленный в стене. Джулианна попыталась убедить себя в том, что это предзнаменование, но не сумела истолковать его. Не она ли бежала, нарушив все законы Господни?

Элизанды не было. Стук камня о камень, раздававшийся откуда-то снизу, приобрёл новое значение. Джулианна решила встать.

Бывало ли это когда-нибудь так трудно? Что ж, бывало, и довольно часто, не раз и не два. После того падения с крыши, долгого падения в тишине она с трудом могла пошевелить ногой и спустить её с кровати. Чувство ужаса, внезапно нахлынувший страх — это было похоже на порыв ветра, а потом позолоченный потолок её комнаты потемнел и завертелся, и поднялся вверх — это чувство прошло очень нескоро. А может, и не прошло, может, просто спряталось в закоулках её сознания до тех пор, пока она не позабыла о нём, хотя оно все ещё таилось где-то внутри.

Бывали и другие случаи, когда она болела, или лежала с ушибом, или падала с лошади. Тогда ей бывало и похуже, гораздо хуже, ноги её совсем не слушались и найти равновесие было абсолютно невозможно. Но она уже не ребёнок, она не инвалид, у неё есть своя гордость, поэтому Элизанда не должна видеть её слабость. В конце концов, они просто шли всю ночь — подумаешь, невидаль. К тому же скоро за ними будет погоня, так что некогда изображать из себя младенца…

Джулианна встала — и крепко ударилась головой о крышу пещеры, выругалась и потёрла макушку, отчего боль только усилилась. Полоса материи, заменявшая ей тюрбан, лежала на полу у разбросанных одеял. Джулианна наклонилась, подняла тряпку и стала оборачивать её вокруг головы. Не отрываясь от дела, она почти наполовину высунулась из пещеры…

…и отшатнулась, сдерживая рвущийся крик, и увидела скалу, и уцепилась руками за камень у себя за спиной, а голова кружилась, а глаза жмурились и не могли открыться, потому что горячее солнце било прямо в них, освещая равнину, холмы и высокий обрыв, за край которого она едва не шагнула.

Прошлой ночью, изнывая от усталости и плетясь в темноте рядом с Элизандой, которая держала её за руку и всё время говорила, Джулианна не заметила обрыва. Конечно, она помнила, что они лезли вверх, однако так и не поняла тогда, как высоко они залезли, не запомнила, насколько крутым был путь, не увидела, что по ту сторону от Элизанды не было ничего…

«Спокойно, спокойно…»

Джулианна стояла, прижимаясь к утёсу, чувствуя твёрдость камня и стараясь позаимствовать у него немного твёрдости. Она чувствовала, как гладит её лицо лёгкий ветерок, слушала стук камней и наконец отважилась очень медленно открыть глаза.

Она смотрела только на собственные ноги, твёрдо стоявшие на земле. Хорошо. Сделать шаг в сторону, все ещё держась руками за скалу за спиной. Уже лучше, нет, просто замечательно. Шаг, ещё шаг. И третий шаг, и так идти дальше, осторожными шажками, отдельными осторожными шажками, считая их.

Наконец тропа отошла от каменной стены, высившейся по левую руку от Джулианны. Какое-то мгновение девушка колебалась, не желая терять последнюю опору в своём тесном мирке, состоявшем из тропы, утёса и взгляда на собственные ноги. Было невыносимо трудно шагнуть прочь от надёжной опоры. И к тому же она знала: любой неверный шаг станет шагом в пустоту, и девушка будет падать, падать…

Однако тропа всё же отходила от стены, а тропа не подведёт — «верь тропе», — подсказал какой-то шепоток в голове. И Джулианна поверила. И не упала, потому что падать было некуда: по обе стороны от тропы была пыльная ровная земля — долина, которой девушка наконец достигла.

Она со вздохом подняла голову и увидела Элизанду, и поняла, что это от неё исходит постукивание, что это она стучит камнем о камень.

Ещё одно воспоминание пробилось из вихря событий вчерашней ночи: груда камней, собранных вместе, но необработанных, и тропа, которая уходит вверх в звёздном свете. Она отчётливо видна и явно заброшена. Элизанда наклоняется, касается кончиками пальцев песка и пыли и говорит: «Это был колодец. Те, кто пользовался им, должны были жить неподалёку. Пойдём посмотрим, какое жильё они нам оставили».

Сейчас это уже больше походило на колодец: чёрная узкая дыра в земле, окружённая неровной оградой из камней. Лицо Элизанды под грязным тюрбаном лоснилось от пота. Девушка трудилась на самом солнце, беря камни по одному и кладя их на примерно подходящее место, а потом подгоняя так, чтобы камень прочно скреплялся со своими соседями.

— Я не строитель, — выдохнула она, выпрямляясь при виде Джулианны, — но эта стенка должна держаться. По крайней мере колодец станет виден, да и пылью его не засыплет.

— А нам что, нужна вода? — спросила Джулианна, имея в виду: «Нам что, необходимо тратить время и силы на починку колодцев, в то время как на нас охотятся, когда нам нужно бежать прочь?»

— Шарайская привычка, — ответила Элизанда, ответив на мысли Джулианны. — В пустыне никогда не разрушают колодца и не оставляют его разрушенным. Запомни, Джулианна, это важно.

— Важнее, чем то, что нас могут поймать и вернуть в лагерь? Если бы погоня не знала, что здесь есть вода, она могла бы не пойти дальше, чтобы не потерять лошадей.

— Да, важнее, — ровно ответила Элизанда. — В пустыне вода — это жизнь, жизнь для всех. Ты возблагодаришь даже своего врага и врага всей своей семьи всякий раз, когда выпьешь глоток чистой воды. Это закон.

— Здесь не пустыня, а шарайцы от нас очень далеко.

— Все равно.

— Ну ладно. А здесь есть вода, ты не знаешь?

Вместо ответа Элизанда подобрала маленький камушек и бросила его в колодец. Секундой позже раздался негромкий плеск. Подруги посмотрели друг на друга, взглядами выражая несогласие, но не враждебность; потом Джулианна вздохнула, села наземь и спросила:

— А сколько нам надо пройти, чтобы найти шарайцев?

— Смотри. — Элизанда села рядом, взмахом руки расчистила клочок земли и зачертила по нему пальцем. — Вот тут Таллис, тут Элесси. Здесь горы, которые их окружают, и мы сейчас как раз в этих горах. К востоку и западу идут горные хребты, они похожи на тот, что отделяет Чужеземье от шарайцев и от пустыни. Не думаю, что мы доберёмся до них, какой бы дорогой мы ни пошли. Я могу притвориться катари, а ты не можешь, у тебя для этого слишком неподходящая кожа и волосы. Эти мелкопоместные барончики жутко трясутся над своей землёй, они останавливают и допрашивают каждого путника. Но даже если мы доберёмся до гор, перетащить тебя через них я не смогу. Там ещё тяжелее, чем тут, там нет колодцев, полно обрывов, а перевалы выше, чем все эти холмы.

«Дальше падать», — без слов добавила она, и Джулианна поняла её.

— Поэтому мы пойдём на северо-восток, обойдём горы и спустимся в пустыню. Придётся идти пешком несколько лишних недель, хотя, быть может, нам повезёт и мы найдём лошадей. Эта

дорога какое-то время будет идти по границе Королевства, а потом свернёт в Элесси. Вне Королевства никто не платит налогов и не клянётся в верности королю, хотя и открыто люди не выступают, чтобы не привлечь ненужного внимания Ордена. Это дикие племена, в основном кочевники, но они выращивают лошадей, любят золото и не задают лишних вопросов. Там нам может повезти. Отряд, который атаковал Рок — впрочем, какой отряд, там была целая армия, — все ещё в пути. Мы могли бы присоединиться к ним и пройти с ними весь путь. В любом случае нам нельзя идти в пустыню без проводника…

Ничего себе удача — встретить отряд воинственных шарайцев. Впрочем, в этом сумасшедшем новом мире, в странной земле и в новой загадочной жизни это вполне могло быть удачей. Имбер же становился всего лишь золотым видением, жарким и сияющим, словно солнце. И видение это затаилось у неё в сердце, окутавшись горечью, которую приходится скрывать даже от подруги.

Впрочем, она ведь могла задавать вопросы — и уж теперь-то вполне можно было рассчитывать, что Элизанда ответит ей.

— Радель и тот, другой человек, Редмонд, — медленно начала Джулианна, — они кто такие? Если честно?

— Ты знаешь, кто такой Редмонд, — чуть улыбнувшись, ответила Элизанда. — В нём два человека, и ты знаешь обоих. Один из них — пленник из Сурайона, которого пытали в подземельях Рока, а второй — Редмонд Корбоннский, известный также как Красный Граф.

Джулианна кивнула, словно не видя в этих словах ничего удивительного.

— А Радель?

— Радель тоже из Сурайона.

— Он не менестрель?

— Он не только менестрель, хотя это занятие подходит ему больше всего. Он мастер на все руки.

— А ты?

— Я? Ну, я тоже из Сурайона. Но ты ведь уже знаешь об этом, верно? Ты должна была догадаться…

— Да, конечно, я только хотела услышать это от тебя. Я устала от секретов, Элизанда.

«Поведай мне тайны своего сердца, и я умолчу о своих. Если тебе повезёт…»

— Я знаю. И мне жаль. Но я думала, что дала тебе достаточно подсказок. Я не могла признаться в замке. Слова — они вроде птиц, когда они произнесены, они летят на волю, и никогда не знаешь, где они совьют гнездо…

— Это тебя не менестрель ли научил?

— Ну да, Радель, — ровно сказала Элизанда, словно не желая говорить на эту тему, похоже, слишком личную для неё.

— А кто такой Радель?

— Человек, который думает, будто у него есть власть надо мной.

— А она есть?

— Нет.

Следующий вопрос был очевиден: «А кто такая ты сама, Элизанда?» Беда была в том, что ответ, как подозревала Джулианна, окажется не менее очевиден: «Я — девушка, над которой у Раделя нет власти».

Джулианна спросила:

— А что теперь станут делать Радель и Редмонд? Когда нас обнаружили, Радель сказал, что они вернутся; но ведь во второй раз им будет труднее сбежать, тем более теперь, когда отряд будет настороже…

— Не знаю я, что они станут делать, — ответила Элизанда. Упрямое выражение исчезло с её лица, и девушка вдруг стала очень раздражённой, обеспокоенной и — неожиданно — очень юной. — Мы кое-что умеем — например, морочить людям головы так, что они не заметят нас у себя под носом. Вы это зовёте магией. В этих ваших байках о сурайонцах есть доля правды…

Джулианна заметила, что Элизанда ожила и встревожилась, и обняла подругу за плечи.

— Далеко не все жители Чужеземья считают, что магия идёт от нечистого, Элизанда. А я ведь выросла в Марассоне. — «Мне случалось видеть вещи и пострашнее». — Так, значит, ты заморочила Маррона, когда он вышел на берег и увидел нас?

— Да. Сначала я не узнала его, а потом решила, что незачем ему нас видеть. Этот мальчишка меня совсем запутал. Я не понимаю, кому он служит. А Радель сделал то же самое с патрулём искупителей. Только у него сил побольше и воздействовал он на них сильнее. А потом, когда нам попались стражники, я опять заморочила их, только совсем чуть-чуть. Впрочем, у нас есть свои границы: мы можем заморочить только несколько человек одновременно, не больше троих-четверых за раз. К тому же это очень трудно даётся, если они собранны и сосредоточены на одной цели. Может, Радель и мог бы заморочить охрану и увести Редмонда во второй раз, но я в этом не уверена. Думаю, они просто затаятся среди братьев и будут ждать нового шанса. Однако мы им ничем не сумеем помочь, и им придётся выбираться самим. Нам надо позаботиться о себе, Джулианна. Мы должны пробраться к шарайцам, помнишь?

Помнишь джинна?

— Такое не забудешь. А его слова я уже наизусть выучила. Мы тронемся в путь прямо сегодня?

Она пыталась говорить ровным голосом — «последний вопрос, самый распоследний», — но, увидев чуть сочувственный и чуть раздражённый взгляд Элизанды, поняла, что её слова звучат словно мольба или детское хныканье.

— Наверное, сегодня не стоит. Мы не оставим слишком заметного следа, но даже по самым незначительным признакам нас могут выследить. Лучше будет идти по ночам, а днём прятаться. Пещера у нас неплохая. Снизу её не видно, а подходы к ней мы прикроем.

«Зря ты починила колодец, — подумала Джулианна, — теперь ясно видно, что он сделан руками человека». Однако Элизанда могла иметь в виду кое-что другое: «Ты слишком устала, чтобы идти, один ночной переход тебя вконец вымотал, так что отдохни». Поэтому Джулианна спросила только:

— Как ты думаешь, кто раньше жил в этой пещере? Там на стене высечен знак Господа…

— Да какой-нибудь отшельник или рехнувшийся монах. После того как король объявил, что Чужеземье принадлежит Господу, их тут развелось как мух. На каждом одиноком холме сидело по отшельнику. Местные приносили им еду, а взамен просили помолиться за них, хотя чаще отшельник просто ругался. Потом начались нападения диких племён и шарайцев, отшельников либо перебили, либо выгнали вон. Если нам повезёт, твоему барону попадётся столько пещер, что нашу он искать просто не станет, а если и найдёт, мы к тому времени будем уже далеко…

Барон её ищет… что он подумает о девушке, сбежавшей буквально из-под венца? Джулианна тоскливо взглянула на запад и резко встала на ноги. Все тело болело, но боль в сердце была сильнее.

— Тогда давай поднимемся обратно, они могут появиться в любую секунду.

Из своего узелка Элизанда достала хлеб и апельсины. На завтрак девушки устроились недалеко от выхода, где было посветлее, но всё же достаточно далеко, чтобы Джулианна могла глядеть на окрестности, не обращая внимания на пропасть. Впрочем, девушка не выглядывала из пещеры, сосредоточенно очищая апельсин и деля его на дольки.

— Такими темпами еды у нас хватит ещё на день, — сказала Элизанда. — Потом придётся охотиться, выискивать людей, у которых можно чего-нибудь выпросить, — а не то будем идти

голодными.

Впрочем, она говорила довольно весело, и Джулианна поняла, что голод им не грозит. Её подруга была уверена в собственном охотничьем мастерстве, несмотря на то что единственным её оружием оставался нож. А может, она была уверена, что отыщет людей даже в этих иссохших и на первый взгляд пустынных холмах. Скорее всего путешественницам предстояло и то, и другое. Ведь до встречи с Джулианной Элизанда была в пути уже несколько недель, а то и месяцев, перебиваясь только вот такой случайной добычей. Да, в Лёсс-Арвоне и в большей части Таллиса земли были куда лучше, чем здесь, но тамошние жители не отличались излишним гостеприимством — Джулианна поняла это по тону, каким Элизанда рассказывала о соперничестве тамошних «мелкопоместных барончиков».

— Зачем ты отправилась в Рок-де-Рансон? — спросила Джулианна подругу. — Ты ведь не за Редмондом пришла, он убежал вслед за нами.

— Нет, конечно. Редмонд — это так, совпадение, причём неприятное, вроде того чёртова джинна. Ну не хочу я к шарайцам! — неожиданно вспылила девушка. — Сейчас — не хочу! И ты не хочешь, да? Ещё бы, если бы не твой отец, ты бы в жизни никуда не отправилась! А ведь джинн мог бы спасти его, если бы это было необходимо! Просто сгрёб бы в охапку и доставил к тебе в мгновение ока. Но он, конечно, этого не сделает ни за какие коврижки. Джинны, видишь ли, слишком горды, чтобы возиться с людишками, за исключением тех случаев, когда им хочется поразвлечься. Тогда они извлекают нас из пыли и посылают куда-нибудь к чёрту на рога, не объяснив даже, зачем это нужно…

— Элизанда?

— Что?

— Зачем ты пришла в Рок?

— Я пришла за одной вещью, надо было только суметь добраться до неё. Она должна храниться в Сурайоне, чтобы эти фанатики искупители, а особенно типы вроде маршала Фалька не наложили на неё лапу. Или этот барон Имбер — не твой, а тот, что постарше. Эти люди могут уничтожить нас, и уничтожили бы, если бы знали об этом средстве. Я хотела стянуть его и унести так, чтобы они даже ничего не узнали, но не смогла добраться до этой штуки. А потом привезли Редмонда. Я знаю его, он мой друг, он был добр со мной, когда я была совсем ребёнком и нуждалась в доброте больше, чем в чём-либо ещё. Понятное дело, я… отвлеклась. Поэтому мне и не хотелось уходить — я не хотела

бросать Редмонда. И мне тяжело, что я не знаю о нём ничего — где он сейчас, сумел ли он бежать…

— А Радель?

— Радель сам о себе позаботится.

— Я хочу сказать: он-то зачем пришёл в замок?

— Ну, в основном за тем же, что и я. Он не верил в мои способности по этой части и решил сделать все сам. Но у меня эта вещь была бы в большей безопасности, поэтому я решила, что справлюсь сама! А этот дурак пошёл за мной. Он всегда был дураком, и вообще…

— А что это за вещь?

— Ну, просто вещь, которую надо забрать. Мы можем найти ей правильное применение.

— Это оружие?

— В некотором роде.

— Элизанда, довольно секретов!

— Нет, пока ещё не время. Подожди, пока мы отойдём подальше от замка…

— Ну почему ты мне не доверяешь?

— Ты что, доверяю, конечно! Я доверила тебе свою жизнь. Я ведь из Сурайона, я же тебе сказала. Я — сурайонская ведьма, и меня сожгут, если это станет известно. Но эта вещь, о которой речь, она гораздо важнее, а ты, Джулианна, ты всё-таки из своего мира, и если ты хотя бы намекнёшь на эту вещь своему барону Имберу…

— Элизанда, да я со всех ног улепётываю от этого своего барона, забыла?

— Всё равно. Пока что тебе опасно знать об этом. Подожди немного. Ни у меня, ни у Раделя ничего не вышло. Эта вещь все ещё там, а значит, над нами нависла опасность. Она может оставаться там неделю, месяц, год — а где окажешься в это время ты? Может, ты уже вернёшься в Элесси к своему барону, если отец отошлёт тебя туда. Ты сказала, что достаточно секретов, но этого секрета я тебе не выдам, не то тебе придётся скрывать его от своего господина и повелителя, от друзей, вообще от всего мира.

— Хватит с меня твоих секретов, — ворчливо сдалась Джулианна.

— Тогда отдохни от их тяжести. Кроме шуток, — ответила Элизанда на уничтожающий взгляд подруги, — тебе стоит отдохнуть. Нам предстоит идти всю ночь.

— А ты что будешь делать? — спросила Джулианна, ожидая услышать «отдыхать», потому что любой другой ответ был бы слишком невероятен.

— Пробегусь по окрестностям часок-другой. Тут должна быть

деревенька. Эти чокнутые отшельники всё-таки были не настолько чокнутые, чтобы селиться вдали от мест, где их кормили и почитали.

— Элизанда, если тебя увидят…

— Если меня увидят — я мальчик-пастушонок, который растерял своих коз и по которому плачет плётка. Но кто станет искать по такой жаре? В этот час все отдыхают; отдохни и ты. Я незаметно проберусь к овчарням и присмотрюсь к этим людям — кто они, какому богу молятся, есть ли у них лошади, которых можно купить или украсть. Или, может, у них найдутся верблюды — тоже неплохо, верблюды понадобятся нам попозже, хотя в этих землях лошади куда лучше. Спи, Джулианна. Спи спокойно и не волнуйся обо мне. Если повезёт, я принесу кролика.

Джулианна и не волновалась — с чего, собственно? В сложившейся ситуации Элизанда чувствовала себя абсолютно уверенно. Кожа, похожая на кору — кору мягкую, гладкую, умащённую маслом, — и стальные мышцы. Она могла идти всю ночь, поддерживая подругу, а потом починить колодец и отправиться на разведку, не обращая внимания на палящее солнце, в тот час, когда эта её подруга да и вообще весь мир дремлют в укромном местечке…

Что ж, каждому своё. Джулианна тоже кое-что умела, и излишней скромностью не страдала. Однако сейчас сомневаться в словах Элизанды не приходилось, и девушка решила поспать, как ей и было велено. А проснувшись, она почувствует прилив сил и тут уж сможет вволю позлиться на Элизанду.

Она вернулась в тенистую часть пещеры, где камень был прохладен, несмотря на тёплый воздух. Укрываться одеялом было бы слишком жарко, и Джулианна легла, подстелив оба одеяла под себя, чтобы не спать на голом камне. Закрыв глаза, девушка вытянулась, приняв позу, напоминающую позу спящего человека. «Тут как в склепе, — подумала она. — Здесь лежит Джулианна, одинокая и покинутая, и даже джинн не отыщет её тут…» Ей вспомнился Марассон, холодные статуи под высокими куполами, но эта мимолётная мысль мелькнула и пропала. Джулианна уснула.

Проснувшись, она обнаружила, что лучи солнца больше не проникают дальше порога пещеры. Вокруг царил полумрак. Девушка села, помня, что вставать во весь рост нельзя, и подумала, что стоило бы подползти к выходу и посмотреть, не возвращается ли Элизанда, однако вспомнила о пропасти и решила остаться на месте.

Тело уже полностью отдохнуло, значит, уснуть больше не удастся. Интересно, как тут убивал время отшельник — наверное,

молитвой. Но для неё это не выход. Джулианна вытянула руку и стала водить пальцем по знаку Господа, вновь и вновь обводя его двойную петлю. Из-под пальцев посыпалась пыль и каменная крошка. Внезапно наружу вырвался золотой блеск.

Нет, это было не золото, а золотистый луч света, ярко сиявший на фоне тёмной стены. По сравнению с солнечными лучами он был слабее, но в точности того же цвета. И от него исходило тепло, согревавшее пальцы…

Озадаченная Джулианна нагнулась поближе, не отнимая пальца от рисунка и продолжая очерчивать его. Пыль и каменная крошка отпадали, золотистая линия бежала по знаку, растекаясь, словно молоко, по его очертаниям. В середине эти лучи встретились, но сияние продолжало бежать по знаку вслед за пальцем Джулианны. Впрочем, она вскоре отняла его, потому что сияние показалось ей слишком жарким. Теперь оно пылало так ярко, что на него нельзя было взглянуть. Пытаясь разглядеть за сиянием каменную стену, Джулианна бросила на неё косой взгляд, но у неё ничего не вышло.

— Ах ты, горе Господне, — пробормотала она враз осипшим голосом, жалея, что рядом, нет Элизанды. — Что я наделала?..

Стена не ответила. Золотой свет все бежал и бежал по знаку. И никто из богов не спешил откликаться на вопрос девушки. Значит, придётся справляться с этим самой.

Ну ладно. Здесь жил отшельник — «допустим, что это был отшельник», — у которого, должно быть, была кое-какая сила и способности к волшебству, а также милость Господня. И воспользовавшись всем этим, он, молясь, вырубил в камне знак Господа и в подтверждение своей веры заставил его сиять. Но сила принадлежала не ему, а Господу, она пережила отшельника и затаилась в камне, в знаке, до тех пор, пока палец глупой девчонки не пробудил его к жизни…

Да, это было похоже на правду — если, конечно, рядом с этим яростным пульсирующим светом могла быть, какая-нибудь правда.

Сама по себе — без малейшего участия Джулианны — её рука потянулась к свету и ощутила его жар. В этой силе — а может, магии, а может, живой молитве — была непреодолимая притягательность. Джулианне хотелось коснуться этого знака, пусть даже это стоило бы ей жестокого ожога. Что-то толкало её ощутить этот жар собственной кожей — не то женское любопытство, не то отцовская выучка. Ей было интересно, обожжёт ли её этот свет или же окажется, что Господь заботится даже о самых ничтожных своих детях…

Она дотронулась до знака. Под пальцем вспыхнуло нечто

вроде падающей звезды — нет, хвостатой кометы, подумала Джулианна, свет мерк там, где был мгновением раньше, но возвращался ещё прежде, чем камень успевал потемнеть. Девушка попыталась заслонить свет ладонью, но он словно бы проходил сквозь её плоть и кость…

Лёгкое покалывание и приятное тепло — вот и всё, что почувствовала Джулианна. Под её рукой не было скалы, пальцы проходили все дальше и дальше, гораздо глубже, чем был высечен знак. Над рукой Джулианны была каменная стена, но её было едва видно за яростным светом, разливавшимся вокруг её погружающейся все глубже руки. А пальцы не чувствовали ни малейшей преграды…

Это было невероятно, это походило на сон, но Джулианна точно знала, что не спит. Она медленно погружала руку в жидкий свет, не вызывая в нём никаких возмущений. Покалывание переместилось к локтю, и золотистый свет омыл его, Джулианна не видела больше своей руки, но её пальцы чувствовали пустоту…

…пока что-то не вцепилось ей в кисть.

Джулианна закричала.

Её схватила не рука, нет, это не принадлежало человеку. Скорее это походило на верёвку, на горячую верёвку… или на змею, а может, на побег какого-нибудь хищного растения. Это нечто обмоталось вокруг её запястья и руки. Пальцы инстинктивно сомкнулись, но не смогли ухватиться за загадочный предмет. Они прошли сквозь него, словно на месте предмета была пустота. Но когда Джулианна попыталась высвободить руку, загадочное нечто вцепилось в неё, словно речная трава в незадачливого купальщика.

Всхлипывая от ужаса, урывками хватая воздух, Джулианна сжала зубы и потянула. Медленно, но верно она вытаскивала руку из того загадочного места, где она вдруг оказалась, вытягивала её из золотого света обратно в пещеру.

Но вместе с рукой она вытягивала что-то ещё.

Джулианна чувствовала тяжесть какого-то постороннего предмета и его сопротивление. Впрочем, сопротивление было скорее пассивное, как если бы на её кисти повис какой-то груз. Всё равно что тянуть чугунную чушку, подумала она, на живое существо это не похоже. И не сопротивляется. И уж в любом случае лучше вытянуть это нечто сюда, чем быть затянутой сквозь свет и камень в его таинственное обиталище…

Вначале она увидела темноту, тень, появившуюся в золотистом свете и тень же на собственном запястье. Тень — и больше ничего. Потом, когда рука полностью вышла из сияния, Джулианна разглядела, что в запястье ей вцепилось нечто,

смахивающее не то на верёвку, не то на росток, не то на змею.

Вокруг запястья был обмотан только кончик этой загадочной «верёвки»; второй, утолщающийся, конец уходил дальше, в свет, где его нельзя было разглядеть. Джулианна понимала только одно: там, за каменной стеной, прячется нечто гораздо большее, чем этот кончик щупальца.

Девушка вцепилась в него свободной рукой, пытаясь сорвать щупальце прочь с руки, но её пальцы вновь прошли сквозь него, как сквозь дым — дым, сохраняющий форму, клубящийся внутри неосязаемой оболочки. Охваченная паникой память Джулианны выдала образ существа, которое выглядело очень похоже и настолько же загадочно, существа, природа которого была ей неясна.

Джинн…

Впрочем, нет. Это был не джинн, это не мог быть джинн — ведь его прикосновение грозило смертью. Джулианна вспомнила мальчика на дороге и мужчину на крепостной стене — с их тел мясо было содрано до самой кости. А сама Джулианна ощущала сейчас только давление на руку. Правда, говорили, что джинн может принять любую форму, так почему бы ему не стать безвредным дымом…

Нет, это не был джинн, тут Джулианна не сомневалась, но существо принадлежало к тому же миру, что и джинны, миру духов. И ещё Джулианна была уверена в том, что существо это недоброе и опасное. Оно горячей плетью оплело её руку, но душа от этого прикосновения стыла.

Девушка опасливо поднялась на ноги, скорчившись в три погибели, чтобы не удариться о потолок пещеры, и медленно попятилась к выходу. Во рту у неё пересохло, дышать было больно, но она не могла бы закричать, даже если бы знала, что тогда к ней немедленно придёт помощь.

С каждым шагом она вытягивала из пылающего света хватавшееся за её руку существо. Его тёмная неясная тень маячила в золотистых лучах, ставших для него воротами. А потом верёвка вдруг исчезла, её тяжесть больше не висела на руке у Джулианны, а у задней стены пещеры появилась огромная вихрящаяся фигура, обретшая наконец плоть.

Джулианна с трудом вдохнула воздух. Освобождённую руку покалывало, она повисла плетью. Девушка подхватила её и на миг прижала к груди, а потом повернулась и рванулась наружу, к солнечному свету.

Совсем забыв об обрыве, чувствуя ужас только перед тем, что оставалось в пещере, девушка во весь дух помчалась вниз, едва успевая переставлять ноги. Камушки скатывались с края тропы;

Джулианна балансировала на краю обморока. Все глубинные страхи выплыли наружу, и она уже не могла думать ни о чём, могла только бежать, повинуясь инстинкту перепуганного животного…

Но она не была животным. Она была дочерью королевской тени, её учили многому, но никогда не учили бежать. Выучка оставалась с нею всегда, даже в моменты отчаянного ужаса, и за неё можно было уцепиться, чтобы остановиться хотя бы у подножия утёса. Так она и поступила и даже сумела обернуться, чтобы посмотреть на то, от чего она бежала.

Оно спускалось по тропе вслед за ней. Существо больше не походило на облако дыма — оно почернело и покрылось блестящей оболочкой, словно жук огромных размеров, перебирающий бессчётным количеством ножек, щёлкающий огромными жвалами и шевелящий пастью, словно уже пережёвывавшей её плоть. А над этими челюстями виднелось лицо каменного идола с горящими красными глазами и рогами во лбу. Полужук-полудьявол, страшный и смертельно опасный.

Чем защититься от чудовища?

Кинжалами. У неё было два кинжала и руки, однако клинки кинжалов были чересчур коротки, чтобы ударить, оставаясь вне пределов досягаемости страшных жвал…

Джулианна повернулась, вновь собираясь бежать, потому что вся её выучка была здесь бесполезна. Однако не успела она сделать полдюжины спотыкающихся шагов, как заметила фигуру, поднимающуюся из тени видневшейся впереди скалы. Девушка вдохнула, собираясь закричать, чтобы Элизанда тоже бежала, бежала в другую сторону, потому что кинжалы и отвага тут не помогут, однако вместо этого резко остановилась, обнаружив, что перед ней отнюдь не Элизанда.

Это был мужчина, нет, юноша в тёмно-голубом шарайском одеянии. В руках юноша держал лук с наложенной на тетиву стрелой.

Он бросил какое-то слово, которого Джулианна не поняла, но последовавший за этим кивок головы был совершенно однозначен: прыгай в сторону и падай.

Джулианна нырнула за подвернувшийся камень — жалкую защиту от чудовища, однако надеяться больше было не на что. Не помогут ни кинжалы, ни быстрые ноги — вся надежда на этого незнакомого юношу и на его лук.

Первая из стрел сорвалась с тетивы в тот самый миг, когда Джулианна бросилась наземь, и руки юноши тотчас же схватили вторую стрелу, положили на тетиву, натянули лук, выстрелили и выхватили следующую из-за верёвки, служившей поясом его

обтрёпанному бурнусу. На верёвке, кроме стрел, был клинок, длинный изогнутый ятаган, но юноша явно намеревался прикончить чудовищного жука прежде, чем тот окажется в пределах досягаемости клинка.

Джулианна проследила за полётом второй стрелы и увидела, как та ударилась в чёрное блестящее тело чудовища и отлетела прочь. Джулианна не видела, куда попала первая стрела, и решила, что её постигла та же участь. «В глаза меть, в глаза!» — хотелось закричать ей, но времени хватило бы только на один выстрел. А то, что юноша до сих пор не прикончил чудовище, означало лишь одно: можно начинать молиться какому-нибудь богу и готовиться к смерти…

Перед лицом смерти Джулианна попыталась сохранить хладнокровие, однако её тело предало её — оно дрожало от глубинного страха, а в голове вертелась молитва, обращённая не к Богу, а к молодому шарайцу: «Ну пожалуйста, попади наконец, у тебя есть ещё один выстрел…»

Она увидела, что шараец тоже молится, держа в руке стрелу и шевеля губами. Чудовище подходило все ближе. Наконец юноша наложил стрелу на тетиву и выстрелил не целясь, просто натянул и отпустил тетиву. То ли он не надеялся, что от выстрела будет толк, то ли решил, что чудовище уже слишком близко и промахнуться невозможно…

И он не ошибся, потому что стрела не прошла мимо и не отскочила от чёрного панциря чудовища. Она полетела точно в цель и вонзилась между глазами чудовища, как раз у основания чёрных рогов.

Джулианне показалось, что при ударе от стрелы полетели золотистые искры.

У чудовища не было человеческого рта, чтобы закричать, но его челюсти задвигались туда-сюда, а по ушам Джулианны ударил пронзительный визг. Девушка зажала уши, но это не помогло. Она увидела, как юноша бросил лук, обнажил ятаган и бросился вперёд. «Не будь глупцом, — едва не закричала она, — не подходи, стреляй!..»

Но за пронзительным визгом её крики были бы не слышны, да и юноша скорее всего не понял бы её языка. Почему ни один из многочисленных учителей Джулианны не научил её катарскому наречию?

Про себя девушка мельком подумала, что, вероятно, ей следует обнажить кинжалы и броситься вслед за юношей. Однако её короткие клинки ничем не могли бы помочь ему, если ятагана окажется недостаточно. Тем временем чудовище оседало, пошатываясь, его визг переходил в стон. Похоже, одной

благословлённой стрелы оказалось достаточно. Для пущей ли уверенности или просто из удовольствия убивать шараец легко вскочил на опущенные жвала и вонзил ятаган в красный глаз, глубоко погрузив сталь в череп чудовища. Джулианна встала и увидела, что огонь в глазах громадного жука померк, многочисленные тонкие ножки скрючились, а огромное тело скорчилось и покатилось по земле. Его голова выбила фонтанчик пыли, а мёртвые глаза с укором уставились на Джулианну: «Это ты привела меня сюда, на смерть». Потом блеск панциря огромного жука потускнел, стал призрачным и вновь превратился в дым, все ещё сохраняющий некое подобие формы. Лёгкое дуновение ветерка развеяло дым, он заклубился и исчез.

Шараец проворчал что-то, посмотрел на свой клинок и, похоже, не обнаружил на нём ни крови, ни вообще каких-либо последствий боя. Всё же он спрятал ятаган в ножны только после того, как тщательно вытер его, едва не изрезав остатки собственной одежды. Потом он наклонился и подобрал стрелу, поразившую чудовище, которая после исчезновения демона осталась лежать на земле.

Медленно, стараясь не допустить дрожи в ногах, Джулианна подошла поближе к нему. Юноша посмотрел на неё, и она поняла, что он ещё моложе, чем ей показалось, моложе даже её суженого. Шараец едва успел выйти из детского возраста. Он нерешительно улыбнулся, скрывая собственное потрясение, пробормотал что-то негромким свистящим голосом, перевёл взгляд на тот клочок каменистой земли, где исчез его противник…

…и вдруг резко повернулся назад. Его глаза округлились и он произнёс ещё одну фразу, резкую и требовательную.

Она пожала плечами, выдавила из себя улыбку и произнесла:

— Извини, я тебя не понимаю.

Его рука коснулась рукояти ятагана, и Джулианна подумала, что на этом клинке может остаться и её вполне земная кровь.

Однако шараец удержал руку, нахмурился, напряжённо подбирая слова, и наконец сказал:

— Ты не катари. И не мальчик.

— Нет, — ответила девушка и добавила: — Меня зовут Джулианна. Ты спас мою жизнь, я тебе очень благодарна….

Он пожал плечами и отвернул лицо.

— Закрой голову. Женщина.

У Джулианны на голове был тюрбан, скрывающий волосы. Тюрбан этот и обманул вначале юношу. Поняв, что он имел в виду, Джулианна быстро высвободила один конец тюрбана и прикрыла этой импровизированной вуалью лицо. «Так лучше? — хотелось спросить ей с изрядной долей ехидства. — Так я тебя не

напугаю?»

Однако вслух она умиротворяющим тоном произнесла:

— Прошу прощения, я впервые в этих землях и не знаю ваших обычаев.

— Ты одета как мальчик.

— Я знаю. Это… так нужно. Но… — Внезапно она вздрогнула и поняла, что перепугана гораздо больше, чем хотелось бы, так, как подобает разве что простой девчонке, но никак не дочери её отца. — Но что это было?

— Ифрит, — коротко ответил шараец.

Конечно же, ифрит. Дух, подобный джинну, но не такой равнодушный, а скорее жестокий, ужасный, безжалостный…

— Он… он вышел из скалы. — Джулианна не собиралась рассказывать о том, что сама вытащила его оттуда и что именно её любопытство едва не стоило им обоим жизни.

Шараец проворчал что-то и бросил взгляд на ведущую к пещере тропу, словно собираясь забраться наверх.

На этот раз Джулианна осмелилась возразить ему.

— Нет, — твёрдо сказала она, — там слишком мало места, ты не сможешь использовать свой лук. И волшебную стрелу. И потом, там больше никого нет.

Скорее всего, чтобы зажечь свет в знаке Господа и открыть в этом свете проход, требовалась её рука. Но ей не хотелось, чтобы шараец видел сверкающий знак чужого бога. И без того Джулианне, с трудом приходившей в себя после случившегося — так ей по крайней мере казалось, — было нелегко говорить с шарайцем, она гадала, стоит ли удержать его на месте или же будет лучше, если он уйдёт прочь…

К счастью, ей не пришлось принимать решение. За их спинами раздался звук шагов — намеренно громкий, подумала Джулианна, потому что при желании её подруга могла передвигаться бесшумнее парящего сокола, — и шараец резко обернулся, мгновенно выхватив из ножен ятаган.

Джулианна оказалась медлительнее, гораздо медлительнее; Элизанда могла умереть ещё прежде, чем поняла бы, что именно проткнуло её насквозь.

Однако Элизанда думала и действовала быстро. Она уже успела прикрыть лицо краем тюрбана, уподобившись Джулианне. При первом же движении шарайца она застыла с самым что ни на есть дружелюбным видом, оставаясь при этом вне пределов досягаемости ятагана.

Не сказав Джулианне ни слова, она заговорила с шарайцем на его наречии.

Он ответил, Элизанда снова заговорила, и внезапно в позе

шарайца появилось почтение, он с уважительным вниманием начал прислушиваться к словам собеседницы.

Джулианна больше ничего не могла сделать. Она попятилась, наткнулась на камень и опустилась на него. Ноги дрожали после всего пережитого, думать удавалось только об ифрите, о том, какой он был большой и страшный. Как близка она была к смерти. Джулианна зажмурилась, но это не помогло, поэтому она вновь открыла глаза и стала смотреть в жаркое бледно-голубое небо, гадая, когда в этой иссушенной, Богом забытой земле пойдёт дождь.

— Джулианна!

— Да, Элизанда?

Девушка заговорила быстро, чтобы шараец ничего не успел понять:

— Его зовут Джемаль. Он был с отрядом, который напал на Рок, но потом покинул его, не взяв даже свою лошадь. Его друг — или скорее возлюбленный — погиб на стене; возможно, это был именно тот, кого убила я. Я ему этого не сказала. Он согласен довести нас через пустыню до Рабата. Имя моего деда ещё чего-то стоит. А откуда взялся ифрит?

Джулианна заморгала — она ещё не успела понять всего, что услышала, а ей уже задавали вопрос. Она узнала эту манеру, но — почти — не поддалась ей, однако увиливать от ответа всё же не стала.

— На стене пещеры был знак Господа. Я прикоснулась к нему, и он засветился ярким светом. В этот свет прошла моя рука. Ифрит схватился за неё и вылез, пока я пыталась освободиться.

— А, вот оно что. Джемаль хочет подняться в пещеру. Я думаю, нам стоит пойти с ним, понимаешь? Мы теперь в его тени.

Джулианна прекрасно понимала это; поняла она и то, почему в голосе Элизанды слышалась досада. Видимо, имя её деда было не всемогуще.

Она могла бы спросить, что это было за имя, но не стала. Вместо этого она пошла за Элизандой, которая, в свою очередь, следовала за Джемалем. Когда они вступили в пещеру, свет уже не бежал по знаку Господа, а тени больше не клубились в тёмных углах. Вокруг были пыль и камень, а на полу лежали одеяла и скромные пожитки девушек.

Элизанда коснулась высеченного в стене знака, но почти сразу же отдёрнула руку, прежде чем Джулианна успела предостеречь её.

— Как оно…

Джулианна не могла ответить, но Элизанда и не ожидала ответа. Последовала ещё одна короткая и невразумительная

беседа с шарайцем, которую Элизанда перевела для подруги. Джемаль согласился остаться в пещере до темноты. В окрестностях могли быть шарайцы других племён, и сталкиваться с ними не стоило. Джемаль собирался караулить у входа в пещеру, и Элизанда отправилась с ним.

Джулианна отошла в сторонку. Пусть они разговаривают, пусть Элизанда удовлетворяет свою любопытство, пусть грозит именем деда и понемногу подбирается к этому яростному юноше. Джулианна же соберёт одеяла, сделает себе ложе в дальнем прохладном углу пещеры подальше от этой парочки и от знака, все ещё притягивавшего её взгляд, и постарается не смотреть на него до тех пор, пока глаза её не закроются, а голова не упадёт на грудь.

— Джулианна…

— М-м… .

— Джулианна!

— Ну что?

— Всадники.

Джулианне не хотелось шевелиться. Она просидела неподвижно не так уж долго и рада была бы никогда больше не совершать никаких движений. Однако при словах Элизанды каждый мускул её тела напрягся, и девушке захотелось вскочить на ноги. Через мгновение она уже сидела на корточках у входа, прячась за спиной Элизанды.

— Кто это? Искупители или элессинцы? Или шарайцы, или ещё кто-нибудь?

— Я не вижу, они подняли слишком много пыли. Но они скачут с юга.

Джулианне не надо было объяснять, что это значило. На юге была дорога, а значит, этих людей послали, чтобы схватить беглянок и привезти обратно в лагерь. Делать что-либо было уже поздно — разве что замереть и молиться, чтобы отряд прошёл мимо, не заметив грязных серовато-коричневых бурнусов среди грязных серовато-коричневых скал.

И они замерли и не шевелились, пока…

— Собаки!

— Что? — Джулианна вскинула голову и, забыв о своём решении, стала вглядываться вдаль.

— У них собаки, вон, видишь?

Джулианна прикрыла глаза от солнца рукой. Вначале она разглядела только облако пыли в долине, и только тут поняла, как высоко она забралась, хотя на размышления об этом времени не было. Так, люди и лошади, едва заметные в пыли… и другие тени, маленькие, бегущие впереди, поднимающие небольшие

облачка пыли… собаки.

— Гончие-секари, — заметила Элизанда, привычная к местному солнцу и знакомая со страной. — Их вывели для охоты катарские князья…

— Я таких уже видела. — Секари были высокими поджарыми псами с острыми зубами и роскошной шелковистой шерстью песочно-белого оттенка. Какое-то время назад секари вошли в моду среди знати Марассона, но отец не позволил Джулианне завести себе такого щенка. «Это тебе не болонки, это настоящие охотничьи псы», — сказал он, и подарил дочери щенка, больше подходящего для девочки: крошечное создание, которое лизало хозяйку в щеку, сидело у неё на коленях и спало на её подушке, всячески изъявляло свою любовь и ни разу не доставило ей никаких неприятностей.

— Если бы я знала, что у них есть собаки…

— Ты всё равно ничего бы не смогла сделать. Не думаю, что ты можешь заморочить собачью свору.

Но сама Джулианна могла кое-что сделать. Она встала, не обращая внимания на шипение Элизанды, и пошла, нет, побежала вниз по тропе, забыв свою усталость и страх перед высоким обрывом, который когда-то высасывал из неё всю храбрость.

Она остановилась у колодца и стала ждать. Вскоре к ней присоединилась Элизанда, увешанная одеялами и мехами для воды. Джулианна взглянула на неё всего раз. Джемаль же затаился в пещере — что ж, прощай, проводник. Джулианна вновь повернулась к все растущему пыльному облаку.

Первыми к ним подбежали собаки. Они звонко лаяли, оповещая хозяев о находке, скакали вокруг дедушек и тыкались им в ноги. Элизанда трепала их по любопытным носам и ласково перебирала длинные уши, что-то приговаривая, но Джулианна стояла прямо и твёрдо, как скала, ни на что не отвлекаясь. Она ждала.

Подскакали всадники. Первый из них опередил товарищей на несколько корпусов. Предводитель остановил коня, спрыгнул с седла, бросил поводья спутнику и быстро зашагал к ликующей своре. Он отозвал собак пронзительным свистом, но Джулианна не шелохнулась и даже не посмотрела на гончих.

На вид мужчина был молод, высок, худощав и силён. Нижняя часть его лица была закрыта от пыли шёлковым шарфом. Джулианна с трудом оценила иронию происшедшего — она стояла перед ним с неприкрытым лицом, её тюрбан был брошен на тропе, чтобы не ввести погоню в заблуждение. Впрочем, удовольствия это ей не доставило.

Мужчина встал перед ней и какое-то мгновение колебался, но

всё же снял с лица шарф. Светлые волосы, мягкая светлая бородка, кожа — всё было покрыто серым слоем всепроникающей пыли. Когда он заговорил, голос его тоже был словно бы припорошен пылью, избавиться от которой не помог бы никакой кашель.

— Мадемуазель, я рад, что нашёл вас…

— Вы охотитесь на меня с собаками, господин барон? — оборвала она его, позволяя наконец выплеснуться накопленной ярости. — С собаками, да?

Она подняла руку и отвесила ему пощёчину, ударив изо всех сил, зло и быстро, так, что от удара поднялось облачко пыли. Быть может, при виде такого зрелища она и рассмеялась бы, будь она в другом настроении.

— Или я заяц, или олень? — продолжала она, потому что барон ошеломлённо замолк, в то время как его спутники бормотали все громче. — Или я беглая рабыня, которую нужно выслеживать с собаками? Я что, животное?

— Вы — девушка, сбежавшая из-под венца, — тихо ответил Имбер, — и тем нарушившая договор и отцовскую волю. Будь вы элессинкой, находись мы в Элесси, вас выпороли бы за такое непослушание. А если бы мой дядя увидел, что вы, ударили меня, вас высекли бы прямо тут, невзирая ни на что.

— Не думаю.

— Вы не знаете моего дядю. — Лёгкая улыбка послышалась в его голосе и тронула лицо прежде, чем он успел спрятать её. — Он может потребовать наказания, когда услышит о случившемся. Но от этого я по крайней мере смогу защитить вас, если вы вернётесь сейчас со мной.

— А если я откажусь? Вы снова напустите на меня свою свору?

Как ни странно, барон покраснел и смущённо провёл рукой по сбившейся от пота и пыли шевелюре.

— Джулианна, я очень сожалею, что взял с собой собак, но это было единственным способом отыскать вас прежде моего дяди. Я собирался подарить их вам, чтобы обрадовать вас…

Что-то похожее на искреннее сожаление в его голосе тронуло Джулианну, и её ярость утихла сама собой. Она промолчала, глядя прямо на барона, на отметины, оставленные её пальцами на его щеке, и на блестящие серо-зелёные глаза, обрамлённые золотистыми ресницами.

— Мадемуазель, — проговорил он весьма чопорно, но негромко, не желая, чтобы их слышали, — неужели перспектива выйти за меня замуж кажется вам столь страшной, что вы готовы бежать от меня через час после нашего знакомства, нарушив

отцовскую волю, которой вы прежде повиновались…

Да, подумала Джулианна, в его глазах всё выглядит именно так — он отпугнул её и заставил бежать. Как могла она возразить на это? Никак, и потому Джулианна промолчала, глядя безнадёжным взглядом, как он поклонился, отвернулся и стал отдавать приказания своим людям. Он больше не смотрел на Джулианну, если не считать того, что он протянул ей свой шарф, чтобы она закрыла лицо. А глаза у него были серые, непонимающие… о, как он ошибался!

Джулианна и Элизанда вдвоём сели на одну лошадь, а человек, уступивший им скакуна, схватился за стремя одного из товарищей и побежал рядом с ним. Джулианне подумалось, что он очень быстро взмокнет, начнёт задыхаться и на остатках дыхания будет проклинать всех взбалмошных и капризных девчонок вообще и её саму в частности, и это будет похоже на элессинские манеры куда больше, чем вежливость его господина.

Впрочем, возможность ознакомиться с элессинскими манерами поджидала её весьма скоро: надвигалась встреча со старшим бароном Имбером, о которой Джулианна предпочитала не думать. В его глазах она повела себя словно капризный ребёнок: сбежала от жениха, нарушив отцовскую волю и нанеся барону смертельное оскорбление. Но что было ещё хуже — за ней охотились с собаками, а глаза сопровождавших её элессинов над бесполезными шарфами были безжалостны. А когда они прибыли в лагерь, все тамошнее население молча смотрело на них, и в молчании была презрительная насмешка, что было уже совсем невыносимо. И всё же Джулианна вынесла это, руки её на поводьях не дрогнули — она не станет вести себя как испуганное животное.

Но старший барон — с ним всё будет куда хуже.

То, что осталось от лагеря, уже не заслуживало этого названия. Все шатры, кроме одного, были сняты; остался только самый большой, где прошлым вечером бароны пили за её здоровье вместе с людьми из всех отрядов, вместе с Элизандой, элессинами, рыцарями-искупителями и самим магистром Шерролом.

Вооружённые солдаты, как и прежде, были разбиты по отрядам, но их костры уже потухли, а мешки грудами лежали на земле. Они с дерзким любопытством поглядывали на Джулианну и подталкивали друг друга локтями, и на этот раз она ничуть не жалела, что не слышит, о чём они перешёптывались, пока она проходила мимо. Должно быть, Имберу тоже было неприятно. Если девушка предпочитает бегство замужеству, то каков же у неё

жених?

Подбежавшие к лошадям оруженосцы удивлённо уставились на её крестьянский наряд. Имбер спрыгнул с коня, подошёл к Джулианне, помог ей спешиться и, предложив руку, повёл её к шатру. Жалкая подачка её гордости, которая только раздула жар унижения. Твёрдым шагом идя рядом с бароном, Джулианна сжала зубы.

Тканые занавеси у входа были раздвинуты, чтобы внутрь шатра проникал воздух, однако Джулианна поняла, что воздуха этого недостаточно, потому что на неё обрушилась удушающая волна жара. То же самое было и прошлой ночью — она провела здесь около часа, чувствуя себя крайне неуютно, и не столько от того, что старший барон всё время ворчал и ругался, сколько потому, что она ничего не могла сказать его племяннику.

Должно быть, подумала Джулианна, этот шатёр навсегда останется в её памяти местом, где угнетено все — и тело, и душа, и разум. Старшего барона сейчас не было, но облегчение оказалось недолгим — рано или поздно он всё равно появится. И что тогда будет… В шатре было почти пусто, убрали даже скамьи и длинный стол на козлах, за которым прошлой ночью после ухода Джулианны и Элизанды продолжался пир. Похоже, по элессинским обычаям женщины ели отдельно. В целом от шатра остался только остов да натянутая на него ткань. Джулианна решила, что это сделано скорее ради того, чтобы знати было где укрыться от любопытных глаз и ушей, нежели для защиты от солнца. Ни один человек не стал бы сидеть в такой духоте, если снаружи дует приятный ветерок, пусть даже несущий с собой тучи пыли. Имбер послал какого-то мальчишку за стулом, и Джулианна с удовольствием села. Тот же мальчик принёс фрукты и сок, и девушка искренне обрадовалась как возможности освежиться, так и тому, что у неё появилось хоть какое-то занятие. Она очищала и разламывала фрукты, ела и пила, подсовывая кубок под вуаль, а Имбер деликатно отворачивался. Молчание стояло между ними стеной, каждый ждал появления барона, но сказать друг другу им было нечего. Вскоре — слишком скоро — раздался грохот копыт, заклубилась пыль и налетел порыв ветра. Старший барон широким шагом вошёл в шатёр. В руках у него был хлыст, а в глазах — мрачное выражение человека, намеревающегося этот хлыст использовать по назначению. Руки Элизанды, лежавшие на плечах Джулианны, испуганно сжались, и когда короткое постыдное замешательство прошло, когда она справилась с желанием заскулить: «Нет, не бейте меня», — Джулианна поняла, что её подруга подвергается большей опасности, чем она сама. Даже сам барон Имбер фон унд

цу Карлхайм, брат-наследник графа Элесси, не поднял бы руки на дочь королевской тени — по крайней мере до тех пор, пока она не стала женой его племянника. Разъярённый отец мог бы разорвать помолвку, и это только добавило бы проблем к уже имеющимся напастям. Но сказано: «Если не можешь высечь даму, высеки её служанку», а у Элизанды не было могущественного отца или родственника, которые защитили бы её. Да, Джулианна готова была просить и даже умолять не наказывать её служанку, но пользы от этого не было бы никакой. Впрочем, во всём этом не было нужды: Имбер опередил её. Он опередил даже своего дядю. Будучи знакомым с его бешеным характером, он, не дожидаясь, пока барон перестанет сопеть и снимет плащ, произнёс:

— Хвала Господу, дядя, мы нашли их живыми и здоровыми. Теперь дамы в безопасности.

— В безопасности? Не думаю…

— По-моему, да.

— Ах по-твоему! Эти твои дамы провели нас, оставив у себя в постелях кукол. Это стоило мне жизни верного человека…

Кукол? Джулианна оглянулась на Элизанду, но та лишь пожала плечами. Сквозь вуаль Джулианна увидела на лице подруги ошеломление — видимо, она что-то поняла, хотя сама Джулианна точно помнила, что они не оставляли в постелях ничего, что могло бы походить на спящего человека. Они просто-напросто не подумали об этом.

Имбер шагнул вперёд, встав между своим разъярённым дядей и Джулианной, и сказал:

— Я понимаю, что ты зол, но стоит ли думать о наказаниях? Это была обычная девичья глупость, больше она не повторится.

— Ещё бы, — громыхнул барон, — уж я об этом позабочусь! Девичья глупость, да? Ну так сделай из неё женщину и посмотрим, станет ли она от этого умнее. Мы сейчас же отправляемся в Рок и этой же ночью поженим вас.

— Но мой отец…

Из царящего в голове хаоса Джулианна ухитрилась извлечь какую-то мысль; но голос подвёл её, да и набрать достаточно воздуха тоже не удалось.

Она так до сих пор и не поняла, защищает её Имбер или же он действительно верит в свои слова; в любом случае она была благодарна ему, хотя его протест был почти наверняка обречён на провал.

— Когда мы будем во дворце, он справит свадьбу ещё раз, со всей подобающей шумихой, которую так любит мой братец. Но сегодня ночью вы будете обвенчаны перед лицом Господа. Тогда и поглядим, образумится ли эта девица, став твой женой.

— Господин барон…

— Господин для вас не я, девушка, вашим господином станет он, и вы пойдёте за ним в горе и в радости и так далее.

— Господин барон, — предприняла Джулианна ещё одну попытку, — я думаю, мой отец будет оскорблён, если меня обвенчают тайно и поспешно. Это нанесёт ущерб моей репутации, и он не потерпит…

— Послушайте, мадемуазель: вы сами испортили себе репутацию так, что дальше просто некуда. — Это была правда, и Джулианна вспыхнула при мысли о том, что сама дала ему возможность упрекнуть её. — Что до вашего отца, он послал вас сюда для того, чтобы вы вышли замуж тогда и таким образом, как решим мы. Он сам отказался сопровождать вас.

— Его призвал король, мессир.

На этот раз яростный барон только пожал плечами.

— Мы все владеем землями и титулами по милости короля, мадемуазель. Если ваш отец решил, что прыгать перед королём ему важнее, — что ж, это его заботы, но уж никак не наши.

Слова барона были так обидны и несправедливы, что Джулианна только рот разинула. Однако не успев ответить, она почувствовала на плече пожатие руки Элизанды и услышала шёпот подруги:

— Поезжай туда, куда ты послана, и выйди замуж там, где должно тебе.

Она произнесла это чересчур громко, и барон заметил:

— Прислушайтесь к совету своей спутницы, мадемуазель, это может избавить вас обеих от хорошей взбучки.

Джулианна так и не узнала, что ещё хотел бы сказать барон и станет ли его племянник защищать её отца, потому что у входа послышался конский топот, и в шатёр вошёл ещё один мужчина.

Это был Карел, кузен Имбера. Он кивнул барону и учтиво склонился перед Джулианной.

— Мадемуазель, я искренне рад, что вы вернулись к нам. Мы так о вас беспокоились…

Джулианна так и не поняла, говорил ли он серьёзно — его голос был исключительно вежлив, а улыбка — безукоризненно честна. Она решила ответить тем же.

— Мне жаль, что я причинила вам столько неприятностей, господин барон.

Ни Карел, ни старший барон не догадались о причине её бегства, так пусть уж думают то же, что и её жених: что она бежала, не желая выходить замуж. Пусть думают. «Поезжай туда, куда ты послана, и выйди замуж там, где должно тебе». Задача казалась такой простой, но вот уже во второй раз она меняла свой

смысл. Джинн послал её к шарайцам, и они с Элизандой дошли бы, если бы сумели, но если вначале придётся выйти замуж за Имбера — что ж, ладно. Может быть, после свадьбы её не будут стеречь чересчур старательно…

Если бы только удалось набраться сил, чтобы покинуть Имбера, когда всё будет позади. В первый раз решиться на это было нелегко, и Джулианна сомневалась в том, что сумеет заставить себя ещё раз. Но, быть может, он станет плохо обращаться с ней, и тогда она вспомнит, как её травили собаками, и вновь разъярится.

— Довольно. Карел, мы немедленно отправляемся в Рок, чтобы быть там до заката. Поднимай людей.

Все те же носильщики поднесли паланкин прямо к выходу из шатра. Это Джулианну обрадовало: не пришлось выдерживать любопытные взгляды со всех сторон. К паланкину подошёл только Блез, да и тот выглядел больше озадаченным, чем рассерженным. Он сказал, что лагерь уже снят, а рыцари, братья и торговцы — причём последние, как он сказал, были недовольны, и Джулианна поняла, что недовольство они выражали достаточно громко, — отправились обратно в Рок, и сержант какое-то время молча оттеснял Имбера, пытавшегося помочь Джулианне сесть в паланкин. Когда ему это удалось и сержант на краткое мгновение оказался рядом с Джулианной, он прошептал:

— Мадемуазель, как вы?

— Всё в порядке, спасибо.

— Я хочу сказать… ну… что я мог бы послать кого-нибудь из своих людей на поиски вашего отца…

— Спасибо вам, Блез, но это лишнее. «Всё равно они не найдут его до заката, а к завтрашнему дню я уже стану замужней женщиной, баронессой».

— По-моему, всё идёт как надо, — добавила она чудовищных размеров ложь, ведь в мечтах Джулианна была уже далеко отсюда и шла туда, куда её послали. Кроме того, её жених был явно обижен на неё и вёл себя с нею весьма сухо, что причиняло Джулианне боль. И всё же, всё же, если уж ей предстоит выйти замуж — а это подтвердил даже джинн, он ведь прямо приказал ей, — она вышла бы только за этого человека и ни за кого больше. Да, будь все в её власти, она выбрала бы другое время, место и условия проведения церемонии — и всё же какая-то беспечная часть её души радовалась происходящему.

Между Блезом и носильщиками явно существовал какой-то заговор. Носильщики дрожали, таращили глаза и вообще старались выглядеть как можно жальче, в то время как сержант упорно ехал рядом с паланкином, словно оберегая его от

напастей, которые пришлись бы не по зубам элессинским солдатам.

Дорога вела сквозь деревню, мимо хижины, в которой девушки ночевали. «Куклы? — вспомнила Джулианна, — Элизанда все поняла, надо спросить у неё, но не сейчас». Внезапно Блез заставил своего коня почти прижаться к паланкину и заглянул в окошко. Джулианна так ничего и не разглядела бы, но конь вдруг попятился, захрипел, задрожал, носильщики тоже дрогнули и на миг сбили шаг.

Сквозь окошко в занавесках — её глазок в жестокий мир — Джулианна разглядела что-то, приколотое к входу в хижину. Вначале она решила, что это кукла человеческого роста, но потом фигура зашевелилась, и девушка поняла, что это человек.

Паланкин покачнулся — это вздрогнули носильщики, вздрогнули и отпрянули от тёмной фигуры с кляпом во рту и невыносимо блестящими, как у птицы, глазами, в которых застыло обвинение.

Джулианна не смогла сдержать испуганного вздоха, и Элизанда тотчас же с любопытством сунулась к окну.

— Что там, что?.. А, понятно. Тебе что, нехорошо?

Джулианна несколько раз сглотнула и только после этого смогла ответить.

— Нет, ничего. Но зачем они… почему он?..

Муки этого человека были как-то связаны с побегом девушек, не то его не стали бы распинать на пороге их временного пристанища; и, разумеется, случайностью это быть не могло.

«Жизнь верного человека», — сказал тогда барон. Наверное, именно этот несчастный обнаружил в хижине кукол.

— Что это за двойники такие? — спросила Джулианна. — Барон что-то говорил о куклах, но мы ничего подобного не оставляли.

— Я думаю, когда поднялся шум, в хижине укрылись Радель и Редмонд. Они знали, что мы ушли, и поняли, что кто-нибудь непременно проверит, все ли у нас в порядке. Видишь ли, мы умеем делать нечто вроде марионеток, которые могут стоять, двигаться и даже немного разговаривать. Это помогает дурачить людей.

— Что, сурайонская магия вся такая лживая? — спросила Джулианна, все ещё видевшая внутренним взором результаты использования этих «марионеток».

— Не вся. И распяла этого человека не магия. Это дело рук твоего муженька, — в свою очередь подколола её, защищаясь, Элизанда.

— Это не он. — Ох, только бы не он! — Это его дядя.

— Какая разница? Искупители мучили моего друга, а элессины казнили своего же. Теперь тебе понятно, почему мы скрыли свою землю от соседей, зачем мы лжём, изворачиваемся, прячемся и при нужде даже убиваем ради того, чтобы остаться независимыми и не пустить к себе чужаков?

— Понятно, Элизанда, — устало ответила Джулианна; силы покинули её, и ей хотелось одного — оказаться в Марассоне, хотелось не в первый и, уж конечно, не в последний раз. — Все понятно. А когда я стану элессинкой, ты начнёшь лгать и мне?

— Да уж, наверное. — Но при этих словах Элизанда обняла подругу и не разжимала объятий, пока паланкин покачивался на плечах носильщиков. Элизанда лгала, и это признание во лжи было самым радостным событием за весь ужасный и тяжёлый день.

Джулианна задремала и проснулась на плече у Элизанды. Тело затекло и заныло, когда она попыталась сесть прямо. Странным образом ноги оказались выше головы, и Джулианна упала бы, но подруга поддержала её.

— Где мы?

— Поднимаемся. Не смотри. — Элизанда удержала её, не давая выглянуть в окно.

— К замку?

— Да.

«Конечно, к замку, куда же ещё?» — подумала Джулианна. Мысли застыли — сказывался не столько сон, сколько потеря надежды и появившаяся откуда-то тяжесть на душе. Оставалось задать единственный вопрос, но ответ был уже очевиден.

— Джинн, значит, не появлялся?

— Нет, дорогая, джинна не было. А ты надеялась?

— Не то чтобы надеялась, но он мог бы помочь…

— Я же тебе говорила, джинны не вмешиваются в людские дела. Их это не интересует.

— Но он же уже вмешивался, он спас мне жизнь по меньшей мере дважды. И он велел нам отправляться к шарайцам — это ведь тоже вмешательство. Но нам помешали, и я всё ещё в долгу перед ним, значит, я обязана бежать, но я же не могу…

— Я знаю, но ничего не понимаю, так же как и ты. Но он сказал, что ты должна выйти замуж. Барон сказал то же самое. Может, сначала должна быть свадьба…

Об этом они проговорили всю дорогу, пока паланкин поднимался всё выше. Потом вокруг стало темно — отряд прошёл ворота и оказался в туннеле. В окнах посветлело — конюшенный двор. Паланкин опустили, но девушки не шевельнулись и только прислушивались к доносившимся из-за занавесок голосам.

Занавеску отдёрнула рука в чёрном рукаве. У паланкина стоял монах. Джулианна посмотрела наружу и увидела прецептора, сочувственно глядевшего на неё. Впрочем, облегчения ей это не доставило.

— Мадемуазель, это так… неожиданно…

— Я знаю. Простите меня…

— Дитя моё, мы рады вам не меньше, чем в прошлый раз. Но я говорил с бароном Имбером и должен обсудить с вами один вопрос. Не пройдёте ли вы ко мне?

— Простите, ваша милость, но я так устала… — Нет, даже не устала, а прямо-таки изнурена и готова капризничать, как самый настоящий ребёнок. — Не могли бы мы поговорить здесь?

Да и говорить-то не о чём, все уже решено…

— Хорошо. Позвольте помочь вам?

Она вышла из паланкина, опираясь на руку монаха, а вышедшая следом Элизанда обняла её за талию, не давая упасть.

— Барон… э-э… попросил… — то есть потребовал, поняла Джулианна, — чтобы вы этим же вечером были обвенчаны с его племянником. Я не одобряю такой спешки и уверен, что вашему отцу она также не пришлась бы по вкусу. Я понимаю, что обстоятельства сложились необычно, и готов допустить этот брак. Однако я не могу спросить разрешения у вашего отца, и поэтому настоял на том, что ничего не сделаю без вашего согласия. Я не допущу, чтобы в этих стенах совершился насильный брак. Слово за вами, мадемуазель. Должен ли я отказать барону?

Вот он, спасительный шанс, — появившийся в самый последний момент. Но как же она устала! Она не выдержит ещё одного приступа ярости барона.

— Нет, — ответила она, не обращая внимания на сигналы Элизанды, требовавшей: «Ну же, скажи „да“!..» — Мой отец послал меня в Элесси именно за этим; я думаю, это можно считать его решением. Только моя собственная глупость была причиной ярости барона и этой спешки. Больше я не стану противиться.

— Что ж, дитя моё, прекрасно. Если, конечно, это ваше истинное желание.

— Это так, мессир. Благодарю вас. Ваша милость…

— Да?

— Не могли бы вы лично провести церемонию? Я думаю, это понравилось бы отцу.

Прецептор улыбнулся с удивившей Джулианну теплотой.

— Вы мне льстите, мадемуазель. Возможно, я также льщу себе, но подозреваю, что вы правы. Я знаю вашего отца много лет и испытываю тёплые чувства и к нему, и к его дочери. Можете

быть уверены, что если уж вам предстоит обвенчаться здесь, обряд проведу только я и никто другой.

— Я думаю, это мне и предстоит. Благодарю вас, ваша милость.

— Не за что. Позвольте мне проводить вас в вашу комнату. Вам нужен отдых и еда — вы совершенно прозрачная, и не только от усталости.

Эта комната принадлежала Джулианне совсем недолго, но девушка рада была вернуться в неё. Она облегчённо повалилась на постель и закрыла глаза, чтобы не видеть ничего вокруг.

— Погоди, Джулианна. — Элизанда легко коснулась её плеча и потянула за грязное платье. — Сними это.

— Плевать мне на их простыни, — проворчала Джулианна, закрывая глаза рукой от света и от всего мира. Стоявшая над ней Элизанда рассмеялась.

— Мне тоже; но я забочусь о тебе. Сними эту грязь и ложись на живот. Так тебе будет удобнее, честное слово.

Джулианна заворчала, но сил спорить у неё не было. Элизанда быстро, уверенно раздела её и уложила на живот.

— А теперь расслабься, — велела она.

Прохладные пальцы коснулись висков Джулианны, и девушка вспомнила, как зашатался и осел на краю обрыва Маррон. Она отшатнулась, и тело пронзила боль.

— Это что, опять магия? Не хочу…

— Нет, дорогая, это не магия. И пожалуйста, не произноси это слово слишком громко хотя бы пока мы здесь, по эту сторону пустыни. Просто лежи смирно, и тебе станет легче.

Джулианна вновь была уложена на живот; голову она положила на скрещённые руки. Пальцы Элизанды пробежали по её волосам и лёгкими успокаивающими движениями коснулись кожи головы. Спустившись ниже, они растёрли шею Джулианны, а потом с неожиданной силой принялись мять её плечи. Джулианна тихо вскрикнула, но Элизанда только засмеялась.

— Сейчас боль пройдёт. Не хнычь и доверься мне.

Джулианна заворчала, не чувствуя ни малейшей благодарности. Пальцы Элизанды вминались в её тело, и девушка едва сдержала ещё один вскрик, когда они добрались до сжатых изо всех сил мышц. Внезапно она почувствовала, что напряжение начинает ослабевать, сдаваясь перед сильными нажатиями пальцев. Сознание поплыло, она расслабилась и позабыла обо всех бедах. Мысли начали разбегаться, теперь Джулианна не чувствовала ничего, кроме ставших мягкими пальцев Элизанды, легко касавшихся её спины. Джулианне было тепло и уютно;

усталость струилась по телу волнами и стучала в каждой жилке, и противиться ей не было сил, и оставалось только закрыть глаза и покачиваться на этих волнах…

Когда она проснулась, в комнате стояли сумерки. Джулианна обнаружила, что укрыта одеялом; подняв голову, она разглядела Элизанду, зажигающую светильники.

— Прецептор прислал нам поесть, — улыбнулась ей Элизанда.

— Сколько я спала?

— Недолго, но этого хватит. Садись и ешь, у нас не так много времени.

Следуя собственным словам, Элизанда скользнула к Джулианне.

Та сердито спросила:

— Почему это ты ходишь в моём лучшем платье?

— Нет, я взяла почти самое лучшее. Ты же не хочешь, чтобы я выглядела на твоей свадьбе как замарашка? А для тебя я выбрала вот это. — Элизанда с улыбкой поставила поднос и кивнула в сторону большого сундука, стоявшего в углу комнаты. — Я с ним и так, и сяк, и трясла его изо всех сил, но оно всё равно не разгладилось до конца. Кажется, теперь я понимаю, каким образом Редмонд выбрался из замка и как ухитрился вернуться — если, конечно, они возвращались.

Впрочем, Джулианне было всё равно, измято лежавшее на сундуке платье или нет, потому что оно принадлежало к числу её любимых. Элизанда, конечно, этого не знала, но всё же ухитрилась угодить ей. Платье было простого покроя, не слишком подходящее для торжественных церемоний, но в самый раз для поспешной свадьбы в цитадели искупителей, где роскошь и пышность были бы неуместны. Тёмно-синие тона платья подчеркнут зелёные искры, которые так нравились Джулианне в глазах Имбера, скроют серые блики и заставят его волосы засиять золотым цветом. Неужели Элизанда подумала и об этом? О чём она ещё догадалась?

Во всяком случае, Элизанда, как и прецептор, догадалась, что Джулианна голодна, и сейчас на подносе горой громоздились соблазны. Холодное мясо и засахаренные фрукты, соленья и копченья, свежие фрукты и мягкий белый хлеб.

— А ты…

— Я уже поела, это все тебе. Ешь.

Джулианна последовала совету подруги. Когда содержимое подноса перекочевало в её желудок, девушки поделили между собой остатки джерета из фляги и выпили, не сказав ни слова, вместо тоста обменявшись понимающими взглядами.

Потом Элизанда, как заправская камеристка, помогла Джулианне одеться и уложить волосы, уговорила надеть кое-какие драгоценности и наконец закрепила вуаль в соответствии с приличиями, но так, чтобы она не скрывала красоты невесты.

В комнате — а может, и во всём замке — зеркала не было, и потому Джулианна не могла проверить, правду ли говорит ей подруга. Оставалось только вспыхнуть, погрозить Элизанде расчёской и велеть ей не болтать ерунды.

— Какой такой ерунды? Давай уж тогда считать ерундой то, что у тебя две ноги, или невозможный отец, или любящее сердце, Джулианна.

— Мой отец вовсе не невозможный.

Элизанда только взглянула на неё, приподняв бровь.

Джулианна проглотила смешок.

— Ну, это не важно. Все равно ты такая же симпатичная, как я.

Элизанда промолчала, словно соглашаясь с ней, а потом глубокомысленно заявила:

— Да, мальчик из меня получается симпатичный.

Джулианна не могла больше сдерживаться; её прорвало. Она зашлась в хохоте, и Элизанде пришлось стучать её по спине, чтобы заставить прийти в себя, а потом ещё и поправить сбившуюся вуаль. При этом она не переставала ворчать, как суровая нянька, и Джулианна с трудом сдерживала смех.

— Ну, перестань! — попросила она, вытирая глаза пальцами — Элизанда ни за что не позволила бы ей использовать для этого вуаль. — Хватит. Который час?

— Самое время выйти замуж за того парня. — Элизанда потянула Джулианну за руки, заставила встать и потянула к выходу. — Он, кстати, тоже неплох собой, — критически заметила она. — Хотя тебе придётся поработать бритвой. Терпеть не могу бород, а этот его веник…

— Элизанда, перестань!

Девушки не подгадывали время специально, но вышли минута в минуту. Едва они ступили за порог комнаты, как большой колокол начал отбивать удары, созывая монахов на вечернюю молитву. Девушки шли не спеша — как сказала Элизанда: «Пусть остальные бегут сломя голову. Это твой день и твой час, пусть тебя подождут». Так же неторопливо они спустились по лестнице и пересекли двор, видя, как суетятся впереди одетые в чёрное фигуры.

Они оказались собственно в замке в тот миг, когда колокол ударил во второй раз; эхо умолкло, и остался лишь затихающий

шорох сандалий в коридоре.

С последним ударом колокола девушки оказались у дверей большого зала, однако на этот раз двери не закрылись перед ними; и девушкам не пришлось поворачивать к галерее для гостей.

Элизанда ободряюще пожала подруге руку. Джулианна шагнула вперёд, и девушки вошли в зал.

Вдоль прохода на каждой колонне горело по факелу. По сторонам, отряд за отрядом, стояли на коленях монахи; за ними виднелись две светлые полосы — рыцари в белых одеяниях.

Подняв голову, Джулианна увидела выстроившихся у алтаря магистров. В середине ряда находился прецептор; подле него, на ступеньку ниже, стояли двое глядевших на неё мужчин.

Карел, пришедший вместе с кузеном, и, конечно же, сам кузен, Имбер, одетый в лучший из привезённых с собой нарядов — не свадебный камзол, а костюм из зелёного бархата, подчёркивающий цвет его глаз и её платья. Джулианне показалось, что даже на таком расстоянии видны его полные боли и надежды глаза.

Брось глупить, сказала она себе, это не душещипательная баллада, это жизнь, полная нарушенных обещаний и жестоко разбитых надежд.

И Джулианна, вопреки всему, шла вперёд уверенно и гордо — хоть на последний краткий миг этой уверенности и гордости у неё было не отнять.

Молодые встали на нижней ступеньке бок о бок, а с другой стороны от Джулианны стояла Элизанда, слегка придерживая её за руку.

Прецептор воздел руки, и сзади послышалось шарканье — это встали с колен рыцари и монахи. Джулианна краем глаза уловила какое-то движение и мельком взглянула в ту сторону. Подле стен тоже стояли люди — оруженосцы в белом, слуги в своих лучших нарядах, торговцы в разноцветных одеждах. Мелькнула мысль о Марроне — стоит ли он сейчас среди оруженосцев, если д'Эскриве решил для разнообразия помолиться вместе со своими собратьями, поднялся ли одиноко на галерею или вовсе не пришёл?

И ещё подумалось, здесь ли Радель, и если да, то в каком обличье: яркого менестреля или скромного брата?

Должно быть, прецептор или кто-то из магистров подал знак, но Джулианна его не заметила. Искупители запели хором, и от их низких сильных голосов Джулианну пробрала дрожь.

Шла самая обычная вечерняя служба, начавшаяся с привычной молитвы; правда, не то в честь события, не то в честь

Джулианны молящиеся не говорили, а пели. Низкие басы и высоко взлетающие тенора заставляли сердце Джулианны сжиматься, и она крепче хваталась за руку Элизанды. Взгляд же её неизменно влекло в противоположную сторону, к Имберу, стоявшему рядом в пятнах света и тени. Он тоже смотрел на неё; их глаза встретились, и у Джулианны засосало под ложечкой, хотя она не могла прочесть его мысли.

После молитвы начались вопросы и ответы: одинокий голос звучно и звонко задавал вопросы, на которые отзывался низкий рокочущий хор. В глазах у Джулианны защипало, ей пришлось проморгаться, но к тому времени, как предметы вокруг вновь обрели отчётливость, Имбер уже отвернулся от неё и смотрел прямо перед собой, а его лицо было скрыто тенью.

Джулианна тоже посмотрела вперёд и только тут поняла, что вызывало среди стоявших у стены приглушённые вздохи. Над алтарём возник огромный знак Господа, и холодный голубой свет бежал по бесконечной двойной петле.

— Возлюбленные братья мои! Все мы служим Господу — и те, кто поднимает меч в борьбе за веру, и те, кому это не разрешено, те, кто охраняет Святую Землю, и те, кто живёт, трудится или путешествует по ней. И не менее нас дороги Господу женщины, ибо без них у Него не стало бы новых слуг, а у нас — детей. Лицезрение брачного обряда всегда есть благословение, вдвое более драгоценное, если союз заключается между великими домами, чьи сыны станут вождями мужей своего поколения. Я же сегодня трижды благословлён, ибо мне выпало этот обряд свершить…

Голос прецептора был чист и гармоничен, словно песня, но песня только разгорячила бы кровь Джулианны; голос же прецептора баюкал и успокаивал её. Она с радостью позволила этому голосу литься ей на душу, подобно бальзаму, и перестала прислушиваться к словам.

Её взгляд неудержимо влекло к знаку Господа, к бившемуся в нём свету. Он походил на свет в пещере, но был словно разделён на две части, посветлее и потемнее, и части эти бежали друг за другом по знаку, но не сливались даже там, где петли пересекались между собой, и бились в разном ритме.

Прецептор взмахнул рукой, и Джулианна с Имбером шагнули вверх на ступеньку. Элизанда с Карелом остались позади, и Джулианна почувствовала, как ей не хватает успокаивающей руки подруги. Тогда она скрестила руки на груди и подняла голову, вновь устремив взгляд на сияющий знак.

Ей показалось, что волны света замедлили свой бег, но зато стали светиться ярче. Джулианна нащупала собственный пульс —

он бился точно в ритме одной из волн, она видела это совпадение и ощущала его.

Вторая волна, как ей показалось, билась чуть быстрее. Джулианна украдкой взглянула на Имбера и сцепила руки, чтобы у них не было возможности коснуться запястья жениха и проверить догадку.

— Господь милостив ко всем чадам Своим, но некоторым из них Он дарит особое благословение. Таков Его сын Имбер, наследник графа Элесси; такова Его дочь Джулианна, рождённая на земле дочерью королевской тени…

На земле? Разве она на земле? Джулианна не чувствовала своего тела, оно исчезло, растаяло. Она стала светом, играющим по воле Господней; глаза её, должно быть, сияли ярким бьющимся голубым цветом. И глаза Имбера — тоже.

— Возьмитесь за руки, дети мои.

Джулианна услышала слова прецептора, но не пошевелилась, не могла пошевелиться, ибо её тело оставило её, погрузившись в сияние. Имбер сам протянул руку над разделявшей их пропастью, и его тонкая кисть обхватила руку Джулианны. Его пальцы легко легли на её ладонь, не сжимая, не вкладывая в руку силы. Её кожа зазвенела от его прикосновения, и Джулианна вспомнила пещеру — и не осмелилась сжать пальцы, испугавшись того, что могло скрываться в ней и в нём.

Теперь волны света бежали вместе, не сливаясь, но вместе, словно кометы на одной орбите. Джулианна почувствовала пульс Имбера и увидела бьющееся в такт сияние; велела своему собственному сердцу биться быстрее, чтобы поспевать за ним — и сердце повиновалось, и вторая волна света догнала первую.

— Поднимитесь и дайте мне ваши руки.

Джулианне не хотелось шевелиться, пусть бы этот миг продлился вечно, чудо осталось с ней навсегда. И вновь Имбер шагнул первым, увлекая за собой девушку, и протянул прецептору её руку в своей. Она тихо вздохнула — прецептор разъединил их руки, но его мягкие пальцы не могли заменить руки Имбера.

Сияние на стене позади прецептора замерло, каждая волна в своей петле знака, у того места, где петли соединялись. Волны бились в такт и чего-то ждали.

— Эти кольца я надеваю вам в знак того, что отныне и навеки вы принадлежите друг другу. Носите их с верой в Господа, чей знак они образуют вместе, и пусть двое станут одним.

Холодный золотой ободок скользнул на мизинец правой руки Джулианны, а второй такой же — на левый мизинец Имбера. Прецептор взял их руки и поднял, а потом заставил кольца

соприкоснуться.

Два луча вспыхнули и смешались, слились друг с другом и стали единым светом, таким ярким, что глядеть на него было невозможно. Но он тут же угас, увял, словно цветок, Джулианна услышала наступившую тишину, и сердце у неё упало.

— Поцелуй её, сын мой.

Сухие губы Имбера коснулись её губ. Света больше не было, были только его глаза, серые и полные сомнения.

Пускай вокруг поют, пускай пламенеет знак, пускай под ним что-то происходит — это всего лишь обычная служба, обычная вечерняя служба, за которой обязательно последует проповедь. Зазвучала новая экзальтированная молитва, Джулианна услышала позади шарканье и шорох и догадалась, что собравшиеся в зале преклоняют колена. Имбер вновь взял её за руку. Шаг в шаг они стали спускаться по ступеням, пока рука Элизанды не коснулась спины Джулианны, направляя её шаг. У подножия ступеней Имбер и Джулианна преклонили колени, и Джулианна снова бросила косой взгляд на мужа. И опять ничего не смогла разглядеть — только полускрытый тенью профиль. Если Имбер и почувствовал её взгляд, он ничем этого не показал.

Маршал Фальк прочёл проповедь, вновь призывая братьев к оружию, к походу на Сурайон. Джулианна подумала о том, что чувствует Элизанда, слыша, как её народ и её саму обрекают на смерть как еретиков и колдунов. Сама Джулианна сохраняла спокойное выражение лица, но слушала вполуха. Этим вечером её заботили совсем другие вещи, её одолевали сомнения, вопросы и страхи за себя и за других, и страстное желание — это уже только для себя — утишить пробиравший до костей трепет, который нельзя было — невозможно было — обязательно надо было — с кем-то разделить, иначе жизнь ничего не стоит, и от всего этого только сильнее голова шла кругом.

Когда служба наконец была окончена, когда многоголосый, потрясший весь зал крик превратился в единственную резонирующую ноту, растаял в собственном эхе и наконец стих, магистры выстроились в два ряда и прошли между Имбером и Карелом, между Джулианной и Элизандой. Кое-кто из магистров, проходя, приподнял подол рясы, чтобы не осквернить одеяние прикосновением к женскому платью.

У алтаря остался только прецептор. За спиной Джулианны слышалось шарканье — это расходились монахи, но девушка не вставала с колен и не отнимала руки у Имбера. Тот не шевелился, а сама Джулианна не знала, как полагается поступать в таких случаях.

Первыми встали с колен Карел с Элизандой, поклонились

новобрачным и помогли им подняться на ноги.

Джулианна встала, не выпуская руки Имбера и не глядя на него. Если он хочет, пусть смотрит, а она не станет.

Довольный прецептор сошёл по ступеням, протягивая руки навстречу новобрачным.

— Поздравляю вас, Имбер, вы увезёте в Элесси настоящее сокровище. А вы, дочь моя, принесли в великий дом ещё одно великое имя. Господь непременно благословит ваш брак. Пойдёмте со мной, Джулианна. — Он взял её за обе руки, не дав девушке ни коснуться Имбера, ни взглянуть на него, и повёл прочь. — Пусть ваш господин пирует с мужчинами; несомненно, там будут славить и его, и ваше имя. А я провожу вас в ваши покои.

«Благодарю вас, я знаю дорогу», — хотела было сказать Джулианна, но вовремя осознала всю тщетность сопротивления и придержала язык. А идя вслед за прецептором к боковому выходу, она поняла, что спать сегодня будет не там, где прежде, и дорога к её новым покоям ей неизвестна.

— Ваша милость, мои вещи…

Он улыбнулся и похлопал её по руке.

— Братья уже перенесли их, милая моя, и приготовили для вас ванну. Ваша женщина поможет вам… — и действительно, Элизанда трусила вслед за ними, словно собачонка, причём, судя по её фырканью, собачонка раздражённая, — а я пришлю вам обеим ужин. Будьте терпеливы; возможно, люди вашего супруга попытаются задержать его, но он придёт к вам довольно скоро.

Джулианну грызла мысль: «Какое мне дело, когда он придёт и в каком виде — трезвый, пьяный, пошатывающийся, блюющий, разящий перегаром?» Такого бесчестья она не могла вынести даже в мыслях, и потому специально разжигала в себе гнев. Она продана в рабыни мальчишке — поймана, связана и продана своим собственным отцом, дядей мужа и самим мужем, и только последний из них что-то значил для неё, и можно было только думать о нём, и стараться забыть, и пытаться уйти в такие дали, где он не смог бы её догнать…

Прецептор вывел их в тёплую тихую темноту ночи, провёл через двор и впустил в двери. Они прошли по устланному сухим камышом полу и оказались у знакомой двери, где вместо прежнего монаха стоял на страже солдат-элессин. Стражник поклонился и распахнул перед ними дверь.

— Ваша милость, — еле вымолвила ошеломлённая Джулианна, — это же ваши покои…

— Я хочу сделать вам подарок, — спокойно, с лёгкой

улыбкой ответил прецептор, — подарок на эту ночь. Это не такая уж большая жертва. Старший барон настоял на завтрашнем отъезде. А я тряхну стариной и переночую в башне магистров, там вполне удобно. Так, мою приёмную вы уже видели; вот тут находится спальня, а тут — кабинет, он соединяется с обеими комнатами. В кабинете приготовлена постель для вашей служанки. — С этими словами прецептор несколько заговорщически поклонился Элизанде.

— Вы очень добры, ваша милость, но…

— Но мог бы быть и подобрее, я понимаю. Видите ли, это единственные замковые покои, которые годятся для баронессы и её мужа. Итак, позвольте пожелать вам доброй ночи и счастливого пробуждения.

Он действительно подмигнул ей, кланяясь, или это только показалось Джулианне? Наверное, показалось — ведь прецептор Рок-де-Рансона выше подобных намёков.

Прецептор Рок-де-Рансона, как с горечью напомнила себе Джулианна, был всего лишь человеком и, подобно всякому мужчине благородного происхождения, наверняка развлекался по-мужски до того, как принял постриг. И, подобно любому мужчине, не важно, благородного или низкого происхождения, с удовольствием следил за успехами любого молодого человека по девичьей части и радовался, когда ещё одна женщина бывала поймана, брошена к ногам и в постель…

Вымытая, накормленная и одетая в самую строгую из своих ночных рубашек, Джулианна сидела в спальне на простой, но удобной кровати, достаточно широкой для двоих — хотя она была уверена, что на ней никогда не спало больше одного человека одновременно, — и ждала прихода Имбера.

Элизанда, до последнего изображавшая примерную служанку, расчесала волосы Джулианны, превратившиеся в золотой водопад. После этого Джулианна, в свою очередь изображавшая госпожу, отослала Элизанду в её импровизированную спальню, решив дожидаться мужа в одиночку. Ей не хотелось ни говорить, ни думать, ни гадать о своём будущем. В конце концов, до утра осталось не так уж много, а этой ночью поразмыслить всё равно не удастся.

Наконец она услышала шаги, мужские голоса, тихий смех Карела, пожелание доброй ночи и звук закрываемой двери.

Мужские шаги. Джулианна посмотрела на дверной проём и на закрывающую его занавеску и увидела, как та приподнялась.

Какое-то мгновение он стоял на пороге — высокий, молодой, красивый, с блестевшими в лучах светильника волосами, которые

нимбом окружали его голову.

При его появлении Джулианна встала и вежливо сделала реверанс.

— Мой господин барон.

— Моя госпожа баронесса.

Он осторожно поднял её из реверанса и коснулся её щеки. Джулианна едва не задохнулась, всем телом вздрогнув от этого прикосновения.

Имбер нахмурился и сделал шаг назад. Джулианна едва сдержала стон. Ей хотелось обнять его, но она не шевельнулась.

— Госпожа Джулианна, — тяжело, медленно произнёс Имбер. — Я глубоко сожалею о той боли, которую причинило вам наше бракосочетание.

— Нет, Имбер…

— Нам нет нужды притворяться друг перед другом. Будем честны хотя бы наедине. Вы пытались бежать от меня, и я должен бы жалеть о том, что отыскал вас. Должен — но не могу, потому что я хотел этого брака. Мне жаль только, что всё произошло именно так, что дядя настоял на столь поспешной церемонии. Будь моя воля, я отвёз бы вас в Элесси, дал бы время привыкнуть к тамошним обычаям… и, быть может, полюбить меня.

Я всё ещё не оставил этой надежды. Но я видел, как неохотно вы следовали порядку церемонии и чего вам стоило не отшатнуться от моего прикосновения. Поэтому я решил, что не стану навязывать вам свою близость силой. Моему дяде вовсе не обязательно знать об этом. — В этот момент барон, несмотря на всю свою учтивость, превратился в мальчика, говорящего: «Только не рассказывайте ничего дяде», — и Джулианна почувствовала острый прилив нежности. — Однако этой ночью и впредь, до тех пор, пока вы не будете готовы принять меня, ваша служанка будет спать вместе с вами, а я займу её ложе.

— Имбер…

Ей хотелось сказать: «Нет, Имбер!», но она сдержалась. Пусть думает, что он отвратителен ей, что она едва выдерживает его прикосновение, пусть держится в стороне и не мешает ей быть с Элизандой и планировать новый побег. И для её растревоженной души так будет гораздо лучше: девушка и желала, и боялась увидеть его тело в своей постели и ощутить, что оно переплетается с её телом, переплетается так тесно, что их уже не разнять…

Поэтому-то она и не произнесла ничего, кроме его имени, и он понял это неправильно, принял за просьбу о прощении и благодарность. Он поклонился и вышел в другую дверь, и через несколько мгновений в комнату вбежала Элизанда.

Дверь закрылась за ней негромко, плотно и нерушимо.

Джулианна не произнесла ни слова, и Элизанда шёпотом попыталась разговорить её:

— Что случилось? Что он сказал, что сделал? В ответ Джулианна лишь покачала головой. Девушки забрались в кровать, и когда Элизанда попыталась обнять Джулианну, чтобы выразить ей своё молчаливое сочувствие и успокоить, подруга вновь покачала головой и оттолкнула её.

Всю ночь она лежала на самом краю постели, чтобы остаться в полном одиночестве, стараясь не касаться подруги. И лишь уверившись, что Элизанда уснула, Джулианна дала волю слезам.

18. ЧЕСТЬ СНИМАЕТСЯ С ОДЕЖДОЙ

У Маррона был трудный день. Нет, он не надеялся на лёгкую жизнь; раньше он из всех сил пытался стать хорошим монахом-искупителем, но потерпел неудачу — не по своей вине. Теперь он старался соответствовать своему новому положению, но, к сожалению, раненая рука — плохой помощник; когда оруженосцу приходится выполнять кучу работы для своего господина. А ещё труднее бывает, когда свои же собратья-оруженосцы всячески над тобой насмехаются и дразнят. А уж если у несчастного однорукого оруженосца есть ещё и опасные секреты, если его верность разрывается между двумя людьми, жизнь его становится не просто трудна, а прямо-таки невыносима.

Для того чтобы измотать его, хватило долгого пути обратно в Рок. Когда отряд наконец поднялся по тропе, вошёл в замок и оказался в конюшенном дворе, Маррону хотелось одного — упасть с мула, доползти до первой попавшейся койки и уснуть мёртвым сном. Но большое чёрное пятно на булыжниках двора напомнило ему о том, что конюшенных мальчиков больше нет, поэтому заботиться о своём муле и о хозяйском скакуне ему придётся самому.

Он в одиночку справился вначале с громадным конём сьера Антона, а потом и с собственным мулом — отыскал для них стойла, принёс овса и воды, начистил, как мог, седла и сбрую. Работа ещё была не окончена, а раненая рука уже зверски ныла, хотя Маррон не пользовался ею — слишком прочно она была прибинтована к его груди.

Покончив наконец с работой, Маррон притащил ещё одно ведро воды, сунул туда голову и пил, пока не начал задыхаться. Приглаживая намокшие волосы, он услышал смех за спиной.

— Глядите, обезьянка прихорашивается!

— Ишь, какой чистенький, аж сияет!

— Интересно, для кого бы это?

— Для доброго сьера Антона, конечно, для кого же ещё?|

Маррон медленно выпрямился, и его рука поползла к поясу, нащупывая рукоять нового ножа, однако он успел удержать её и пошёл прочь, не оглядываясь. Не важно, что скажут остальные оруженосцы — все они ничем не лучше этого типа. А сьер Антон будет очень зол, если Маррон полезет в драку с заводилой или со всеми оруженосцами сразу. Если же Маррона убьют, рыцарь придёт в бешенство — а такой исход схватки представлялся наиболее вероятным. Однорукий, больной, потерявший голову от ярости Маррон стал бы лёгкой добычей для ножа этого

мальчишки. А потом все очевидцы хором заявят: «Это была самозащита, ваша милость, сьер Антон, Маррон напал без причины, он явно собирался убить его…»

Нет, никакой драки — пусть уж лучше останется новый шрам на душе да появится новая кличка, что-нибудь вроде «трусливой маленькой обезьянки».

Маррон медленно побрёл по замковым дворам и коридорам, потом непонятно зачем забрёл на стену и долго смотрел на равнину, словно выискивая там ответы на все вопросы. Потом он разглядывал старинные камни самой большой тайны Рока, Башни Королевской Дочери — Мустар называл её «Башней Ходячего Мертвеца», но так и не объяснил почему, — а потом собрался с мыслями и поспешил в комнату сьера Антона.

Там он получил выговор за опоздание, а заодно и за грязную мокрую одежду.

— Колокол вот-вот зазвонит к службе, а ты собираешься предстать перед Господом в таком виде? Не говоря уже о том, что сегодня мадемуазель Джулианна будет обвенчана с бароном Имбером! Или у тебя совсем память отшибло?

С памятью у Маррона всё было в порядке; он просто не знал о предстоящей свадьбе. Однако он не стал оправдываться и поспешно сбросил свою рубаху, когда сьер Антон бросил ему чистую. Заметив раненую руку оруженосца, о которой он, видимо, успел забыть, рыцарь сменил гнев на милость, помог Маррону одеться и даже попросил прощения, хотя в этом не было никакой нужды. Не успел Маррон ответить, как послышались удары колокола, и рыцарь с оруженосцем поспешили в зал.

Маррон стоял у стены вместе с остальными оруженосцами, но даже здесь, перед Господним алтарём, они тыкали в него пальцами и изводили насмешливыми взглядами, явно намекавшими на всевозможные непристойности. Маррону же больше всего на свете хотелось ткнуть в них в ответ кинжалом, но вместо этого он незаметно начал двигаться вдоль гладкой стены, пока не оказался рядом с торговцем. И пусть думают что хотят, заметив среди пышных одеяний простую белую одежду оруженосца.

Когда начался обряд венчания, Маррону стало жаль госпожу Джулианну. Она была очень бледна, двигалась медленно, ни на секунду не отпуская руки служанки, словно не в состоянии самостоятельно идти, стоять или преклонять колена. Должно быть, это для неё страшное испытание, подумал Маррон, заметив, как она впилась взглядом в знак Господа, но ни разу не взглянула на мужа.

А на знак с его догоняющими друг друга волнами света

действительно стоило посмотреть. «Догоняли-догоняли — и не поймали», — пришло в голову Маррону. Чем же так напугал госпожу Джулианну этот брак, от чего она решилась бежать в пустыню, когда вначале зашла в своём послушании так далеко? И сам знак этой ночью не поразил Маррона, ведь горящий в нём свет был простым фокусом, который удавался даже Раделю, еретику Раделю. Значило ли это, что свет шёл не от Господа — или то, что Радель пользовался Его милостью, несмотря на то что говорила о еретиках-сурайонцах Святая Церковь и маршал Фальк?

Маррон не знал ответа на свои вопросы. Возможно, ответ был известен сьеру Антону, но оруженосец не мог спросить у него. Точнее, он не мог спросить этого ни у кого, но у рыцаря — в особенности. Сьер Антон веровал истово, так, как веровал Маррон, когда впервые очутился в Чужеземье. И даже слова маршала Фалька о великой очистительной войне с сурайонцами, от которых Маррону становилось тошно — он почти чувствовал запах гнили и лжи, — зажигали сьера Антона так, словно он никогда не видел бойни, никогда не говорил «бывает и такое» или говорил с одобрением.

Кем бы ни был Радель перед Господом — если, конечно, Господь существует и вообще обращает внимание на земные дела, а Маррон теперь даже перед алтарем сомневался и в том, и в другом, — так вот, Раделя в зале не было, если только он не скрывался среди братьев. Его не было и среди ярко одетых торговцев, хотя Маррон заметил бы менестреля даже в тени колонн в дальнем углу зала.

Возможно, во вчерашней суматохе им с Редмондом. всё же удалось ускользнуть — а может, они сбежали утром, пока разбирали лагерь. Может, им повезло больше, чем дамам, и они уже далеко от крепости, свободные как ветер — хотя, впрочем, вскоре по их следу пойдёт погоня. Сколько времени протянет та кукла в подземелье, сколько она ещё сможет обманывать стражу или инквизиторов? Куклы, которых оставили в своей постели дамы, рассыпались с первыми лучами солнца, превратившись в тряпки и верёвки и принеся смерть поверившему им человеку…

Смогут ли элессины допросить госпожу Джулианну, ставшую теперь одной из них, так, как допросили Маррона: с помощью правдоведицы, заставив говорить чистую правду?

Правдоведица была тут, в зале, её лицо выделялось на фоне закрытых вуалями лиц других женщин из отряда элессинов — нет, разумеется, не шлюх, тут элессины были строги и суровы. Скорее кухарок и прачек, если, конечно, знать в Элесси имела обыкновение возить с собой кухарок и прачек. А может, это были

служанки для госпожи Джулианны. Сама она, хоть происходила из знатной семьи, путешествовала в сопровождении одной лишь Элизанды, да и та скорее была подругой, нежели служанкой.

Да, она происходила из знатной семьи и перешла теперь в другую знатную семью — барон Имбер надел ей кольцо и поцеловал девушку в знак того, что стал ей господином. Она не упала в обморок, чему Маррон немного удивился, но была так слаба и бледна, что ей, чтобы сойти с возвышения и вернуться к подножию алтаря, понадобилась поддержка Элизанды и новообретенного мужа.

Маршал Фальк разглагольствовал не меньше часа, но не сказал ничего нового; единственным новым занятием для Маррона было разглядывание ряда коленопреклонённых рыцарей, среди которых был и сьер Антон.

От собратьев-рыцарей сьера Антона отличала непокрытая голова. Впрочем, он был не единственным отступником: сам маршал Фальк, начиная с той памятной проповеди, приходил на молитву, не покрывая головы. Прецептор не сделал ничего, чтобы остановить маршала или помешать его подражателям, которых становилось всё больше: рыцари, уже привыкшие не надевать капюшон на время молитвы, оруженосцы и воины, даже кое-кто из братьев, не испугавшихся гнева исповедников. Более того, сами исповедники нет-нет да и следовали примеру маршала. Этой ночью Маррон впервые нашёл глазами свой отряд и увидел сияющую в свете факелов гладко выбритую голову фра Пиета. Половина отряда тоже была без капюшонов, и Маррону даже показалось, что среди обнажённых голов он заметил каштановые кудри Олдо.

После службы братья поотрядно вышли из зала. Оруженосцы, занимавшие одно из низших мест в замковой иерархии, покидали зал последними. Барон с молодой женой остались и заговорили со своими сопровождающими и с прецептором. Идя несколько на отшибе от остальных, чтобы избежать щипков и тычков, Маррон в последний раз оглянулся на госпожу Джулианну. Монахи, уходя, забрали почти все факелы, и юноша разглядел только блестящие волосы да вытянутую руку, за которую держал жену барон Имбер — «наконец-то ты попалась, больше не уйдёшь».

Маррон даже посочувствовал новоиспечённой баронессе, пожалел её — что, разумеется, было с его стороны неслыханной дерзостью, хотя, впрочем, он никому не собирался об этом рассказывать. А потом юноша смешался с толпой и, пробираясь сквозь толчею, отправился на поиски своего господина.

* * *

После венчания, разумеется, был устроен свадебный пир — эта традиция была нерушима. Даже здесь, в мрачном замке-монастыре, всего три ночи назад отбившем жестокую атаку, и даже после церемонии, совершенной с излишней поспешностью и против воли одного из её участников, — даже при всём при этом без пира обойтись было невозможно.

Конечно, женщин — будь в замке женщины соответствующего звания — на пир не допускали, исключение делалось лишь для невесты. Таков был обычай. Орден радушно принимал у себя в стенах путешественниц, ибо таков был Устав, и не имел ничего против до тех пор, пока те подчёркнуто держались отведённых им комнат. Фраза «вот здесь у нас комнаты для гостей» означала не что иное, как «здесь ваше место». Да, женщинам давали приют, кормили их и даже дипломатично делали им комплименты, однако никто и не подумал бы пригласить их на пир или вообще каким-либо образом отметить их присутствие в замке да и вообще в мире. Маррон уже бывал на свадебных пирах в родной деревне — там они проводились в большом сарае или на деревенской площади — и потому не ждал ничего особенного: так, хмель, топот ног, летящие юбки, шаловливые руки да пощёчины. Их старый священник называл это «узаконенными оргиями», всякий раз принимая самый серьёзный вид, несмотря на то что именно он давал разрешение на празднество и громче всех подпевал музыкантам. Как правило, каждая летняя свадьба в детстве Маррона влекла за собой ещё с полдюжины, и это считалось обычным делом.

Но в Роке всё должно быть иначе, чинно и пристойно, здесь пир должен считаться частью свадебного обряда, не более того. Барон станет изображать хозяина, а потом будет сидеть с кислым видом и браниться почище старого священника — причём гораздо результативнее, — да так, что хлеб засохнет, молоко скиснет, а гости уберутся из-за стола быстрее, чем им хотелось бы. И при этом барон всё равно останется недоволен заминкой.

Нет, Маррон вовсе не думал, что гости станут пить на пиру молоко. В конце концов, пировать-то будут рыцари, ну, может, поставят в конце зала стол для вернувшихся в замок торговцев. Если у барона не хватит вина, они вполне могут послать за собственным.

Но вот кого Маррон не ожидал, кого уже и перестал искать, без всякой причины надеясь, что ему удалось бежать, — это был менестрель Радель.

Маррон даже не подозревал, что на свете существует такое количество непристойных песенок — а ведь он считал себя едва ли не знатоком свадебных пиров…

Вначале Радель просто бродил по залу — дело было в малом зале, не принадлежавшем ни рыцарям, ни монахам, ни Господу, — ходил меж шумных столов, пел песни, ударял по струнам своей мандолины, заставлял тех, кто знал слова, подпевать ему, пел сам, если таких не находилось или если окружающие закатывались в смехе, им же вызванном.

Как и остальные оруженосцы, Маррон прислуживал за столом своему господину и потому пропускал песни мимо ушей. Вот только ел сьер Антон очень мало — хотя еда была хороша, да и оказалось её куда больше, чем предполагал Маррон, — и пил совсем немного. Так что, наполнив кубок вином, а тарелку мясом — кстати, этими хлопотами были заняты все оруженосцы, а Маррон-то мог действовать всего одной рукой, — он обнаружил, что может спокойно стоять за стулом своего господина и слушать песни.

Он не поверил своим ушам, когда услышал, какую похабщину распевали окружающие. Похоже, оба барона, старый и молодой, чувствовали себя так же — они прямо-таки вздрогнули, когда Раделя заставили влезть на стол и толпа зашикала, требуя тишины. Маррон инстинктивно поглядел на главный стол, ожидая беды, и заметил вспыхнувший на лице молодого барона румянец.

Лицо старшего барона тоже изменило цвет, потемнело, а шрам загорелся алым. Когда Радель допел песню и без передышки начал вторую под топанье ног подпевающего народа, старший барон, видимо, решил, что с него достаточно, и покинул зал в окружении друзей и приятелей.

Сьеру Антону пение, похоже, нравилось чуть больше — по крайней мере не меньше, как еда и вино. Он не ушёл, поэтому Маррон был вынужден остаться с ним. И он остался и смотрел на Раделя вместе с остальными, слушал его песни, хотя и без особого внимания, а ещё думал, что таким образом Радель подаёт ему знак: «Я здесь и все ещё считаюсь менестрелем». Это скорее всего означало, что Редмонд вновь оказался в темнице, заняв место марионетки, и побег не удался. Конечно, его не обнаружили, что уже было хорошо, однако вся затея оказалась бесполезной и закончилась ничем — а это уже было куда хуже.

Наблюдая за Раделем, который обращал на Маррона не больше внимания, чем на любого другого оруженосца, юноша словно услышал ещё одно предупреждение, уже слышанное им прежде: «Твоя миссия окончена, живи своей жизнью, служи своему господину и забудь о нас. Я все разведал, я в одиночку сумел провести Редмонда в темницу и, когда придёт время, без посторонней помощи выведу его оттуда».

Радель пел с воодушевлением, которого так не хватало Маррону. Вскоре юноша обнаружил, что его руки удобно устроились на спинке кресла сьера Антона, а сам он опирается на них больше, чем на ноги. Как только Маррон это понял, он сразу же убрал руки — прежде, чем его господин мог заметить. Однако ноги у Маррона подкашивались, а голова кружилась, поэтому ему вновь пришлось ухватиться за стул, чтобы не опозорить себя и сьера Антона.

За главным столом произошло какое-то движение, послышались солёные шутки и смех. Маррон поднял глаза и увидел, что молодой барон, покраснев, поднялся на ноги и с застывшим лицом стал пробираться к выходу. За ним шёл ухмыляющийся Карел.

Видимо, сьер Антон дожидался именно этого момента: чувство долга не позволяло ему уйти прежде почётного гостя. Едва барон с Карелом вышли, он отодвинул свой стул, намереваясь встать.

И почувствовал руку Маррона, которую тот не успел убрать, посмотрел ему в лицо, нахмурился и заметил:

— Друг мой, ты выглядишь просто ужасно. Что, опять рука?

— Нет, сьер.

Или да, сьер, но не больше, чем весь день.

— Прости меня, — во второй раз за вечер извинился рыцарь. — Тебе нужна еда и покой. Возьми это с собой, — он указал на хлеб и мясо, к которым едва притронулся, — и идём.

Они вернулись в комнату сьера Антона, и Маррону было приказано сесть на постель и поесть без пререканий. Тут он послушался моментально. Когда хлеб и мясо перекочевали в его желудок, а вслед за ними отправился стакан хозяйского вина, сьер Антон спросил:

— Ну что, лучше?

— Да, сьер, спасибо…

— Вот и хорошо. Забывчив я стал, а?

— Сьер… — «Я всё время подвожу вас», — но нет, он не мог сказать этого. Ведь тогда сьер Антон мог заинтересоваться подробностями, а Маррон слишком многое скрывал от него. Лучше уж попридержать язык.

Рыцарь сел рядом с ним на постель, ласково положил руку на шею Маррону и произнёс:

— Наверное, сейчас о нас сплетничают не меньше, чем о новобрачных. Боюсь, это неизбежно. Тебя, наверное, дразнят другие оруженосцы?

— Нет, сьер.

Сильная рука чуть встряхнула его.

— Правда, Маррон?

— Совсем чуть-чуть, сьер. Мне всё равно.

— Неужели? Я знаю, что мальчишки бывают жестоки друг с другом. Хуже плохих господ.

Маррон покачал головой, опередив сьера Антона.

— Я к этому привык, сьер.

— Правда?

Это была правда. Дядины работники вечно поднимали на смех его и Олдо задолго до того, как они дали обет и вступили в Орден. Новые товарищи тоже оказались остры на язык. Поэтому поддразнивания оруженосцев скорее будили воспоминания, нежели злили, хотя сами воспоминания отзывались в душе Маррона болью и памятью о потерянном друге, с которым, как ему тогда казалось, они навеки были единым целым.

— Почему ты говоришь, что привык к этому, Маррон?

Сьер Антон понимал, должен был понять все сам. А Маррон не мог говорить об этом, не мог признаться даже сьеру Антону.

Рыцарь медленно, многообещающе провёл рукой по шее Маррона и чуть сжал её.

— Ты совсем вымотался, парень. Надо бы уложить тебя спать…

— Нет, сьер.

— Нет? Уверен?

— Да, сьер.

— Твоя рука… я не хочу причинять тебе боль…

— Вы не сделаете мне больно, сьер.

— Ну что ж. Если сделаю — дай знать.

Он убрал руку, и Маррон едва сдержал протестующий вскрик — ему действительно стало больно. Однако сьер Антон всего лишь закинул ногу на ногу, стянул сапог и швырнул его в угол. Маррон потянулся было помочь ему, но рука на мгновение вернулась на прежнее место, сжала его плечо, и сьер Антон произнёс:

— Нет, сиди смирно, я сам справлюсь с одеждой — и со своей, и с твоей.

Так он и сделал: быстрыми резкими движениями сорвал с себя одежду, а потом помог раздеться Маррону, словно это сьер Антон был оруженосцем. Руки его были нетерпеливыми и жадными, и Маррон трепетал и задыхался от каждого прикосновения.

Наконец были развязаны и отброшены прочь бинты и освобождена раненая рука.

— Как нам быть с ней? — Надо бы убрать её в сторону. Если ты ляжешь на постель, вот так, то рука нам не помешает. Так

хорошо?

— Да, сьер. Сделайте так ещё…

Рыцарь хихикнул и шлёпнул его.

— Я имею в виду руку, дурень. Если тебе удобно, о ней можно забыть. Тут у меня есть масло, — Маррон знал этот пахнущий тимьяном и розмарином флакон, — с ним будет проще. Но если я сделаю тебе больно…

— Не сделаете, сьер.

— Ты, я смотрю, очень в этом уверен.

— Да, сьер.

— Маррон, этой ночью, пока мы одни, зови меня Антоном. Ну, или по крайней мере говори слово «сьер» пореже, ладно?

— Нет, сьер. Мне так больше нравится.

Медленный вздох, скрывающий улыбку, — и дальше никаких слов, только пальцы, то грубые, то нежные, пробегающие по его телу и заглядывающие внутрь него; запах масла, оно нагревается и пахнет всё сильнее, и аромат смешивается с другими острыми и горячими запахами и теряется в них; длинное стройное тело сьера Антона, льнущее к телу Маррона, проникающее внутрь него и овладевающее им…

— А ты ведь уже знаком с мужским телом, а, Маррон?

— Да, сьер. — «Ах, Олдо…»

— Расскажи.

И он всё же рассказал сьеру Антону обо всём, потому что после случившегося запреты спали, а сам он прижимался всем телом к сьеру Антону, чувствуя дремотную усталость, а свечи, мерцавшие в комнате, казались такими далёкими… Медленно, неохотно Маррон начал рассказывать о своём друге детства и юности, когда обычные «мальчишечьи игры», которыми они занимались вдвоём, стали чем-то большим.

— И все?

— Да, сьер.

Раньше ему казалось, что ему не нужно ничего другого, что он достиг предела своих желаний. А после того как были даны обеты, Маррон и Олдо больше не касались друг друга, о чём бы там ни сплетничали другие монахи. Юноши отдали Господу и души, и тела, и знали, что нарушение обета станет тяжким грехом. Да и в жизни, которая началась после посвящения, для соблазнов времени не оставалось.

— Сьер…

— Что тебе, Маррон?

— Простите меня, но…

— Мне нечего прощать. Да и зачем? Я снимаю свою честь и

свою гордость вместе с одеждой. Это только ты берёшь их с собой в постель. Мальчик мой, — ласково сказал он, — задавай свой вопрос. Я отвечу, если смогу.

— Сьер, — отчаянно начал Маррон, приподняв голову, чтобы не бормотать, уткнувшись носом в грудь господина, — вы ведь очень верующий человек, вы верите гораздо искреннее многих братьев, я знаю. Вы молитесь Господу, служите Господу, принесли ему в жертву свою жизнь — и всё же делаете это…

— А, вот в чём дело! Ты хочешь спросить, не снимаю ли я вместе с одеждой и веру? Не снимаю.

— Но разве то, что мы делали, не запрещено Господом?

— Церковь это запрещает, и Орден тоже. Выходит, что клятвы свои я нарушаю. Но Господь… Я не знаю, Маррон. Не знаю, хотя мне приходилось совершать и худшие вещи. И ещё придётся, и очень скоро. Когда тот человек, что сидит в камере, проговорится, маршал Фальк поведёт нас на Сурайон. Говорят, что они схватили самого Красного Графа, Редмонда Корбоннского, и что это его пытают там, внизу. Во всяком случае, это должен знать магистр Рикард, они ведь сражались вместе за короля. Магистр даже отказался спуститься вниз, заявив, что так мучить человека бесчестно и что он не желает принимать в этом участие. Впрочем, я думаю, он недолго будет упрямиться и всё же выполнит свой долг. Прецептор прикажет, и магистр послушается. И в конце концов пленник проговорится — никто не может молчать под пыткой вечно.

И тогда он расскажет нам секрет завесы, скрывающей Сурайон, и мы пойдём туда и с именем Господним на устах предадим эту землю огню и мечу. И я буду там, и стану убивать и жечь еретиков — и мужчин, и женщин, и детей. Я сделаю это — а что может быть хуже? Если я буду проклят, то уже никак не за то, что сплю с мужчинами. Или с мальчиками.

И его тёплые руки заставили Маррона забыть о разговоре.

Через некоторое время…

— Сьер…

— Ну что ещё? Спи лучше.

— Ну пожалуйста…

— Ладно, в последний раз. Что тебе?

— Сьер, скажите, что случилось с вашим братом? Долгая пауза. Сьер Антон словно застыл, а Маррона бросило в дрожь.

— Я убил его.

— Но как?

Вопрос был задан неправильно.

— Мечом, — холодно ответил сьер Антон.

— Но почему, сьер? Что он такого сделал? Наверное, что-то

ужасное. Вы ведь его любили…

— Видимо, ты с кем-то сплетничал обо мне, Маррон? Я не люблю, когда слуги болтают обо мне за моей спиной.

У Маррона пересохло в горле, ему было трудно говорить, слова казались острыми камнями.

— Я просто хотел спросить…

— Знаю. Да, я любил своего брата, а он любил меня. Он был, как ты выразился, такой же верующий, как и я. И, подобно церковникам, подобно тебе, считал, что телесная любовь между мужчинами — большой грех. Конечно, тогда, как и сейчас, обо мне поговаривали, но он, я думаю, просто не желал этого слышать. Он даже ни разу не попытался спросить об этом у меня самого.

Но однажды он застал меня в кукурузном поле с мужчиной. Шароль всюду таскал с собой «Дард», я подарил ему его всего за месяц до того, и он был очень этим горд. А у меня была с собой «Джозетта» — убей, не помню, зачем я взял её, отправляясь на свидание на своей собственной земле. Видимо, такова была воля Господа.

Шароль был сам не свой от потрясения и ярости. Он ведь буквально боготворил меня; он обнажил меч, намереваясь убить моего друга; тот был старше меня, арендовал у нашей семьи землю. Шароль, видимо, решил, что в совращении его безупречного брата был повинен только этот человек.

Я бросил Шароля наземь и, стоя над ним, рассказал ему всю правду. Я стоял нагишом и говорил, что я первым соблазнил моего друга, что я делал так раньше и буду делать впредь.

Шароль вскочил и бросился на меня с мечом. Первой кровью, которую попробовал «Дард», была моя кровь. Вот. — Он заставил Маррона коснуться широкого и глубокого шрама на рёбрах. — Шароль увидел кровь и отвернулся. Я думал, что он протрезвел, но он всё же погнался за моим другом. Что я мог сделать? Он убил бы его. Я схватил меч и закричал Шаролю, что он трус, потому что нападает только на безоружных.

Он вернулся, и мы стали драться. Думаю, его ярость вызвала во мне отклик — или я просто потерял голову. Ты же знаешь, что со мной это бывает…

На этот раз пальцы сьера Антона коснулись раненой руки Маррона, и юноша вспомнил долгую схватку на солнцепёке — как же давно это было, — ярость, которая едва не убила его, и взгляд рыцаря, с которым тот отвёл меч, взгляд, который он понял только сейчас: «Нет, только бы не то же самое, только бы не опять…»

— Я убил его, — повторил сьер Антон, и опять: — Я убил его,

и он умер. А потом я забрал его меч, потому что он — или это был я? — обесчестил «Дард». Я пришёл в Орден и отдал жизнь Господу, чтобы он сделал с ней всё, что пожелает. Меня отослали сюда. Отец прислал мне денег, чтобы я не давал монашеских обетов. — Тут в голосе рыцаря послышалась горечь. — Он зря беспокоился. Разве мог я быть человеку братом в любом смысле? Я не выношу самого этого слова…

Наступила напряжённая тишина. У Маррона не хватало решительности нарушить её, но тут раздался удар большого колокола, Брата Шептуна, эхом отдавшийся в его костях. Маррон благодарно зашевелился и попытался сесть, но не смог: рука и нога сьера Антона прижали его к кровати, заставляя опуститься в уютную щель между телом рыцаря и стеной.

— Я не снимаю веру вместе с одеждой, Маррон, но мне кажется, что сейчас нам лучше будет помолиться не вставая. Можешь считать это приказом.

Многие, да что там, почти все обитатели замка назвали бы это ересью. Маррон не знал, кто прав — они или рыцарь, — но даже не пытался гадать. Он чувствовал тяжесть тела сьера Антона, знал, как рыцарь силён, и гадал, что он сделал бы, попробуй юноша сопротивляться. И ещё ему было очень хорошо лежать вот так, чувствуя эту тяжесть, хорошо, несмотря на то что рука зверски болела, а все тело онемело от усталости.

— Да, сьер, — ответил Маррон.

Они бормотали молитвы тихо, почти шёпотом, словно признания в любви, когда слова не имеют значения и важен только шёпот. Однако это были молитвы, и ради своего господина Маррон старался сосредоточиться на словах, однако они ускользали от него, теряли смысл и падали в темноту, где он уже не мог их отыскать.

Кажется, он заснул посреди молитвы, но сьер Антон не стал будить его до утра, а утром Маррон не осмелился ни о чём спрашивать.

Юношу разбудили звучные удары колокола; никакой другой звук не сумел бы поднять его — слишком уж мало он спал этой ночью.

На этот раз они не стали нежиться в постели и бормотать молитвы, думая при этом совсем о другом. Нет, они встали, не одеваясь, преклонили колени, и сьер Антон — было в этом что-то неправильное — чистым уверенным голосом стая читать молитвы.

Потом они оделись, и рыцарь помог Маррону привязать руку к груди. В остальном это было обычное утро — а как иначе? Что

изменилось, если подозрения окружающих оправдались? Маррон оставался оруженосцем, а рыцарь — господином, и измениться тут ничего не могло.

Юноша сбегал за завтраком для своего господина и за своим, снова вытерпел насмешки других оруженосцев на обычную тему, про себя подумав, как же мало они знают и как глупо дразнятся; потом вернулся в комнату, где чувствовал себя счастливым, посмотрел, как ел и пил сьер Антон, и дождался разрешения поесть самому.

И всё это время что-то грызло его изнутри, что-то, зародившееся в голове ещё предыдущей ночью, когда он впервые услышал эти слова. Его разрывала на части двойная жизнь слуги и предателя. Он должен предать или одного, или другого человека, но выбором это назвать было нельзя, потому что одно предательство повлекло бы за собой неминуемую смерть, и не одну — точнее, вначале одну, а потом бесчисленное количество. Второе же предательство… Он не знал, но догадывался, что оно тоже может стоить кое-кому жизни…

Сьер Антон наконец отпустил оруженосца, сказав: «Мне хочется пофехтовать, но не с тобой. Я не хочу ранить тебя или разбередить твою руку. Отдыхай, понял? Посиди на солнышке и сосни часок». После этих слов Маррон почувствовал себя свободным и отправился на поиски Раделя.

Никогда ещё он не встречал в замке столько людей зараз, но того, кого он искал, среди них не было. В конюшенном дворе громоздились фургоны торговцев и толкались их ворчливые хозяева. Никто не видел менестреля и не хотел отвечать на расспросы Маррона — барон Имбер объявил, что его отряд выступит после полудня, и те из торговцев, кто пожелает отправиться с ними и под их защитой, должны быть готовы к условленному часу. Торговцы согласились, хотя отнюдь не одобряли такой спешки — животные нуждались в отдыхе после долгого перехода накануне, а людям хотелось бы ещё денёк-другой отдохнуть после свадебного пира. Поэтому какой-то мальчишка с его вопросами оказывался совсем некстати.

Маррон побывал в большом зале, в малом, в кухнях, в спальнях и даже в сортирах — безуспешно. Наконец с мыслью, что Радель, вероятно, покинул замок — разумеется, вместе с Редмондом, отыскав способ вывести его на свободу, — Маррон поднялся на стену подальше от стоявших на страже монахов. Он решил выполнить распоряжение сьера Антона — погреться на солнышке и подремать.

Однако ноги сами понесли его к месту, откуда была видна башня без дверей, Башня Королевской Дочери; и там, уже

отчаявшись в поисках, он обнаружил Раделя.

Менестрель стоял точно так же, как когда-то Маррон, глядя на загадочную приземистую башню. Юноша окликнул его:

— Мессир… — и увидел, как Радель вздрогнул, резко и насторожённо обернулся и, только узнав Маррона, медленно расслабился, выдохнул и поскрёб бороду.

— Маррон? Ты что тут делаешь?

Этот вопрос преследовал юношу, словно Маррон не имел права на участие в таинственных делах. Однако он сдержался и не произнёс первое, что пришло в голову: «А вы что туг делаете, мессир?» Он произнёс только:

— Я искал вас.

— Зачем? Я благодарен за всё, что ты для нас сделал, но ты не должен…

— Мессир, я вам должен кое-что сказать. Граф ведь вернулся обратно в темницу?

— Да. Он сам настоял на этом, и в любом случае он прав. Двойник может просуществовать очень недолго, всего день-два, поэтому разумнее было на время заменить его человеком. Редмонд потерпит ещё немного. Я подлечил его, как мог…

— Простите, мессир, но этого недостаточно. Мой господин сказал мне, — «а я рассказываю это вам и тем предаю его», — что магистр Рикард может опознать Редмонда.

— Это нам известно, Маррон. Но Рикард — человек чести, и он не станет…

— Сьер Антон говорит, что станет, потому что не может больше противиться маршалу Фальку и прецептору. А когда он спустится к графу — это может случиться очень скоро, сразу же после отъезда элессинов, — (это Маррон добавил уже от себя, но не солгал, ведь угроза действительно могла осуществиться в любой момент), — когда это случится, графа снова начнут пытать, наверняка пустят в ход орудия пытки посерьёзнее, и ему вряд ли удастся продержаться долго. Так говорит мой господин…

— Очень может быть, что он прав. Редмонд — человек крепкий, хитрый и изворотливый, но инквизиторы использовали далеко не весь свой арсенал — вдруг его взяли просто по ошибке? В конце концов, человек запросто мог перепутать одного старика с другим, особенно если не видел его сорок лет. Но если инквизиторы узнают правду, жалости ждать от них не придётся. Нет, пожалуй, против них не устоит даже Редмонд. Он, конечно, будет молчать, но никто не может терпеть вечно. Что ж, это меняет дело. Ты поступил правильно, Маррон, что рассказал мне. Мы снова в долгу у тебя.

— Что вы будете делать?

— Я выведу графа отсюда сегодня же, скорее всего во время полуденной молитвы. Сейчас здешняя братия начеку, но всё же во время молитвы глаз вокруг будет поменьше.

— Но как вы выберетесь из замка? Вы не можете переодеться монахами, ведь вас никто не выпустит во время молитвы…

— Да, стражу мне не заморочить, я знаю. К счастью, отсюда есть ещё один выход. Я надеялся, что сумею увести Редмонда по более безопасному пути, хотя и тот слишком труден для израненного человека. Но выхода нет. Редмонду придётся рискнуть.

— А что это за путь, мессир? — Все знали, что в Роке только один вход и один выход.

— Это тайный ход, Маррон, такой есть в любом замке. Я не стану тебе о нём рассказывать. Мы у тебя в долгу, но я подгорю то, что говорил и раньше: у тебя своя жизнь, так что иди собственным путём, а мы пойдём своим. Прими мою благодарность и довольствуйся ею.

— Мессир, я не хочу…

— Твои желания никого не волнуют и не будут волновать. Чужеземье расколото на два лагеря, и мы с тобой — враги. Я не знаю, чем кончится это противостояние, но пока нам следует надеяться, что мы никогда больше не встретимся. В следующий раз мы можем столкнуться, например, в бою. Иди к своему господину, парень, а мне нужно подготовиться…

Он отвернулся. Какое-то мгновение Маррон колебался, а потом пошёл прочь.

Послушанию Маррона учили всю жизнь, а вот бунтовать он не привык и оттого чувствовал себя не слишком уютно. А воспоминания прошлой ночи только множили угрызения совести. И эти воспоминания были словно обоюдоострый меч, ранящий любой своей гранью. Маррон чувствовал себя и связанным, и свободным одновременно. Ему было любопытно, и он твёрдо намеревался участвовать в истории до конца, не дав никому себя остановить.

Радель прогнал его, но у Маррона был и другой выход. Не думая больше о послушании, юноша отправился в комнату своего господина, но, не дойдя, завернул в кладовую, где рыцари хранили свои маленькие сокровища. Там он поставил на поднос бутылку хорошего вина и пару кубков, после чего, с трудом удерживая все это одной рукой, отправился через весь замок к покоям прецептора. Именно здесь, по слухам, провели эту ночь баронесса Джулианна и её супруг.

Действительно, у покоев стоял стражник-элессин. Увидев Маррона, он нахмурился и спросил:

— Это что?

— Подарок моего господина вашей госпоже, — ответил Маррон, стараясь вести себя вежливо, как и подобает оруженосцу, но не более того. — Он не может прийти попрощаться с ней лично, поэтому послал ей это вино.. Можно мне войти?

В этот миг он старался казаться особенно равнодушным, мол, отошлёте — наплевать.

Стражник пожал плечами:

— Ну, входи.

Он даже приоткрыл перед юношей дверь, и Маррон, входя, кивком поблагодарил его.

Джулианна была у себя вместе с Элизандой. Когда дверь закрылась, она удивлённо приподняла бровь.

— Маррон?

— Простите меня, баронесса, но… вы все ещё хотите уехать?

Разумеется, он имел в виду «убежать», но не мог вести себя настолько дерзко с двумя женщинами высокого положения, одна из которых, к тому же, была знатной дамой, только что вышедшей замуж — а ведь юноша подбивал её сбежать от законного супруга…

— Если вы ещё собираетесь, есть один способ…

19. ДВЕРЬ И ДОЧЬ

Она не верила своим ушам. Что он сказал? Джулианна впилась взглядом в Маррона, который в этот момент как никогда сильно походил на ребёнка: взъерошенные волосы, покрасневшее от тревоги лицо, поношенная рубаха оруженосца, которая явно была ему велика, пустой рукав и бугор на ткани там, где прибинтована к телу раненая рука. Пальцы Джулианны сами потянулись засунуть пустой рукав за пояс рубахи, пригладить юноше волосы и вообще привести его в порядок. А в голове у девушки царило полное смятение.

Она не могла ответить. Она не знала, что отвечать.

Элизанда коснулась юноши первой — но отнюдь не для того, чтобы придать его облику некоторое благообразие и заставить Маррона больше походить на порядочного оруженосца. Нет, она схватила его за здоровую руку и резко спросила:

— Что за способ?

Он не ответил и только покачал головой, глядя на Джулианну и дожидаясь её решения. Элизанда рванула Маррона за плечо и развернула к себе лицом, едва на заставив уронить стоявшее на подносе вино.

— Что за способ? — ещё настойчивее повторила она.

— Не знаю, госпожа, — ответил Маррон, растерянно озираясь вокруг, будто ища место, куда можно поставить поднос. Джулианна уже пришла в себя настолько, чтобы забрать поднос у юноши, но выглядела она все так же ошарашенно и могла только слушать, не говоря ни слова.

— Не знаешь?!

— Нет, но знает Радель. Ну, Радель и его… его друг, — пробормотал Маррон, бросив опасливый взгляд на закрытую дверь, по другую сторону которой стоял стражник. — Вы его знаете, видели в овраге, помните?

— Помним, помним! Ну?

— Радель хочет увести… этого своего друга. Сегодня, во время полуденной молитвы. Он сказал, что знает потайной выход из замка, но ничего не стал объяснять. Думаю, он согласится взять с собой и вас. Он сказал, что это может быть опасно, но я подумал, баронесса, что если для вас это важно, — он вновь посмотрел на Джулианну, — если вы хотите…

— А чего хочешь ты, Маррон? — задала Джулианна вопрос, на который никак не могла найти ответа.

— Чтобы вы были в безопасности, госпожа.

— Нет, для себя?

— Не знаю, госпожа…

Что ж, теперь их таких двое. Элизанда не в счёт — уж она-то явно знает, чего хочет.

— Я знаю, какой способ он собирается испробовать, — сказала тем временем подруга Джулианны. — Мы должны пойти с ним, Джулианна, понимаешь, должны!

— У двери стоит стражник, — уклончиво заметила Джулианна.

— Всего один. Это нам не помеха. Я могу заморочить и его, и кого угодно… Или ты сыграешь высокомерную баронессу, ты это умеешь. Мы должны попытаться! Вспомни о своём отце, вспомни, что говорил джинн…

Джулианна почувствовала, что ситуация развивается обычным путём: Элизанда настойчива и таинственна, Маррон ничего сделать не может, а сама новоявленная баронесса вконец смущена и запутана. А ведь она всю жизнь знала, чего хочет, и умела принимать решения, пусть не всегда верные, но вполне отчётливые.

Если она вновь попытается бежать и опять попадётся, Имбер-дядя поведёт её в Элесси в кандалах. Джулианна будет опозорена, унижена и на всю жизнь останется в чужой стране, бессильная и бесправная. Тогда в её браке, который устроил отец, не будет ни капли смысла и ни малейшей радости.

Но если она останется здесь, с Имбером, если будет ему верной женой — отец умрёт. Так сказал джинн, а солгать он не мог.

А говорил ли он о смерти? Нет, только о «страшной опасности». Но ведь отец нужнее Чужеземью, чем Джулианна, пусть даже ставшая баронессой. Ради блага страны она должна попытаться спасти его.

А кто дороже для самой Джулианны — отец или Имбер? Она почувствовала, что её ум старается уйти от этого вопроса. Она не могла, просто не могла хладнокровно сравнивать свои чувства к этим двум людям и пытаться понять, какое из них перевесит.

Оставалось только одно: принять твёрдое решение, и выполнять его. Джулианна искренне обрадовалась этому. Она глубоко вздохнула и решительно произнесла:

— Мы попытаемся.

Вот так, решение принято, и плевать на последствия.

— Что брать с собой?

— Деньги, драгоценности, ножи. И все. Не можем же мы бегать по замку с сумками и одеялами в охапке.

— Госпожа, я мог бы…

— Нет, даже тебе лучше не помогать нам, Маррон.

Юноша вздохнул, и Джулианна поняла, что ему жаль лишаться такой возможности ещё хоть немного побыть вместе с ними. Элизанда же восприняла его вздох по-другому.

— На этот раз мы не можем рисковать, на карту поставлено слишком многое.

«Больше, чем наши жизни», — услышал в этих словах Маррон. Но что же тогда? Конечно, жизнь Раделя и Редмонда, но что ещё?

— Всё необходимое мы раздобудем по пути, куда бы он нас ни завёл.

Джулианна снова услышала в её словах нечто сверх сказанного и снова проглотила возражения. Она решила довериться Элизанде, и все тут; а сомневаться в своём проводнике — дело последнее.

И всё же она задала вопрос, от которого просто не могла удержаться:

— Куда ты нас поведёшь?

— Не знаю, Джулианна. Правда.

— Но ты же сказала…

— Ну, я знаю, где начинается дорога, и догадываюсь, как Радель собирается уйти из замка.

— И как же?

— Ну… через потайной ход. Я не могу сказать тебе больше, да и сама знаю очень мало. Мне известно, где ход начинается, но как им воспользоваться…

«Мне не по силам заставить его открыться», — услышала Джулианна и поверила — это было похоже на правду. Вероятно, её компаньонка затем и прибыла в Рок, чтобы найти этот ход и заставить его работать. На эту мысль её натолкнуло звучавшее в голосе девушки разочарование. Она не могла пройти в потайной ход, а Радель мог. Или хотя бы думал, что может. В результате девушки оказались в полной зависимости от него, что было для Элизанды горше всего.

— Который час?

Элизанда взглянула в окно — узкое и высокое, даже с небольшой бойницей, и завертела головой, пытаясь разглядеть солнце. Покои прецептора находились в одной из самых старых частей замка, где можно было выдержать осаду.

Тут Маррон неуверенно произнёс:

— По-моему, почти полдень, госпожа. До молитвы ещё полчаса, не больше.

— Мы должны будем пойти к службе, — сказала Джулианна, игнорируя раздражённое фырканье Элизанды. — Если мы останемся тут, мой Имбер, — теперь она могла прилюдно

называть его «своим», и окружающие не усмотрели бы в этом ничего, кроме гордости, — мой Имбер придёт за нами.

И наверняка не один, а вместе с ухмыляющимся Карелом и бесчисленной свитой, хотя нет — старший барон больше не станет носиться с Джулианной, раз она уже вышла за его племянника. Обычный член семьи, на месте и в безопасности — чего тут беспокоиться?

— Значит, уходим немедленно, пока ещё можем.

— Да, Элизанда, но попробуем сделать это по-моему. Просто попробуем.

Джулианна не могла забыть распятого на дверях человека, распятого и брошенного на мучительную смерть. Девушка вовсе не желала подобной участи тем, кому отвело бы глаза колдовство Элизанды.

Оружие и все имевшиеся небольшие ценности были собраны очень быстро.

— Половину всего этого я бы с радостью променяла на воду, — проворчала Элизанда, — но у нас нет мехов, так что придётся искать воду по дороге.

Маррон открыл дверь, и Джулианна выскользнула в коридор.

Когда стражник шагнул вперёд, намереваясь преградить ей путь, она высокомерно подняла бровь и смерила его холодным взглядом.

— Мы идём к святой службе. Вы собираетесь нам помешать?

— У меня приказ, госпожа…

— Приказ держать меня в четырёх стенах как узницу?

— Нет, не отпускать вас без сопровождающего. Замок очень велик, — он словно повторял чьи-то слова, — и без провожатого вы можете заблудиться.

— Вот наш провожатый. — Джулианна величественно указала на Маррона. — Этот оруженосец живёт здесь уже давно и знает все ходы и выходы. С ним мы не заблудимся. А я хочу побыть с Господом наедине прежде, чем начнётся общая служба. Вы же можете пойти к службе вместе со своим отрядом — какой смысл стеречь пустые покои?

— Э… Да, госпожа. Благодарю вас, госпожа…

Стражник поклонился и побежал прочь, не дожидаясь их ухода. Он так спешил, что Джулианна заподозрила Элизанду в том, что та повлияла на парня, сделав его посговорчивее. Впрочем, она не знала, способна ли её подруга на такое, и потому не стала спрашивать. Конечно, солдату может влететь от его начальника, но если он сможет в точности описать события, это вряд ли случится. Оруженосец в качестве провожатого, — что ж, вполне правдоподобно, а уж избытком воображения элессины не

отличались никогда.

Путь, которым вела Элизанда, был Джулианне незнаком. Он и близко не подходил к большому залу, уводя вместо этого в темноту, в самое сердце замка, в его старинную часть. По обеим сторонам громоздились высокие стены, небо казалось узкой голубой ленточкой. Беглецы не встретили ни единой живой души, их окружало молчание древнего камня да шёпот ветра, шорох одежды, звук собственных шагов да дыхания.

Они вышли в крошечный дворик, вымощенный растрескавшимся булыжником. Двумя сторонами двор примыкал к замку, две другие упирались в стену. Та была пуста — ни часовых, ни даже площадки для них наверху. В дальнем углу двора стояла приземистая квадратная башня. Когда первое изумление прошло, Джулианна поняла, что в почерневших от древности стенах башни нет ни окон, ни дверей.

Стоявший за её спиной Маррон задержал дыхание, но скорее не от удивления, а от осознания того, что было перед ним.

— Башня Королевской Дочери, — тихо, почти шёпотом, произнесла Элизанда. — Сюда Радель приведёт Редмонда и отсюда уйдёт наружу. А вместе с ними — и мы.

— Шарайцы зовут её «Башней Ходячего Мертвеца», — чуть слышно произнёс Маррон.

— Правда? — усмехнулась Элизанда. — Они могут.

Были в их словах какие-то намёки, непонятные для Джулианны. Впрочем, она спросила только:

— Как мы войдём туда?

— В этом-то весь вопрос. Я не знаю. Точнее, думала, что знаю, но ошиблась. Будем надеяться, что Радель осведомлён лучше.

Они притаились у выхода из коридора, не осмеливаясь выйти во дворик. Джулианна поглядела на окошки в массивных замковых стенах и спросила:

— Оттуда нас видно?

— Это комнаты рыцарей, госпожа, — ответил Маррон. — Сейчас там могут быть сами рыцари и их слуги. Они должны переодеться к молитве, так что нам лучше не высовываться. Вот когда зазвонит колокол, они уйдут.

И, изменившись в лице, добавил:

— Все, кроме одного. Сьер Антон всегда молится у себя в комнате. Но он в окно не посмотрит. Ой… Прошу прощения, я сейчас…

Не дожидаясь разрешения, юноша развернулся и побежал прочь.

— Куда это он? — забеспокоилась Элизанда.

— Не знаю…

— Может, в туалет решил сбегать?

— Элизанда, твои шутки…

— Это не шутки. Ещё немного, и я побегу туда же. Я боюсь…

— Того, что внутри? Маррон сказал, что оно может быть опасным…

— Хуже того, смертельным. Только я боюсь не этого, а того, что скажет Радель, когда увидит, что мы его тут поджидаем.

Это прозвучало как очередная шутка, но Джулианна восприняла слова подруги всерьёз.

Они замолчали и стали ждать. Вскоре в коридоре послышались быстрые лёгкие шаги, и девушки испуганно сжались. Однако это был всего лишь Маррон, одной рукой пытавшийся на бегу пристегнуть к поясу меч. Проникающий в коридор солнечный свет играл на ножнах белыми и золотыми отблесками.

— Маррон?

— Да, госпожа?

— Это твой меч? Очень красивый.

— Да, госпожа.

При этих словах Маррон вспыхнул, и Джулианна решила, что, по-видимому, он соврал — для простого оруженосца такое оружие было слишком уж нарядным.

— Мне его подарил хозяин, — задыхаясь после быстрого бега, продолжая Маррон. — Сьера Антона в комнате нет, но он недалеко от неё. А госпожа Элизанда сказала, что нам понадобится оружие…

— Понадобится, хотя от меча в башне толку будет мало. Тебя кто-нибудь видел?

— Конечно, госпожа.

Заметив, что юноша едва не добавил: «Ну и что с того?» — и едва удержался, чтобы не махнуть рукой, Джулианна улыбнулась. Он был бы прав. Оруженосец, бегущий по поручению господина, сначала с пустыми руками, потом с мечом, — что может быть обыденнее?

Мгновением позже Элизанда кивнула и произнесла:

— Не мог бы ты звать меня по имени? Эти церемонии меня из себя выводят, а позже они будут просто смешны.

Она явно имела в виду не то, что ждало их в башне, а гнев Раделя. Маррон задумчиво улыбнулся ей, словно размышляя о чём-то совсем постороннем, но через мгновение с видимым усилием отбросил прочь свои мысли или воспоминания, которые заставили его улыбаться.

Другого ответа Элизанда не дождалась, потому что в этот

момент начал бить колокол. Несмотря на то, что укрытие было полностью защищено от взглядов из окон, что сквозь толщу камня они не могли слышать топот сапог и шорох сандалий, раздававшийся сейчас по всему замку, — несмотря на всё это, они вжались в стену, стараясь спрятаться от почти вертикальных солнечных лучей.

— Нас ведь будут искать? — как-то неуверенно прошептала Элизанда.

— Наверное. Имбер придёт за нами и найдёт лишь пустую комнату. Но на молитве ему придётся стоять вместе с рыцарями, он ведь год был одним из них, это такая элессинская традиция. Видела значки у них на одежде? А если он начнёт глядеть по сторонам — галерея высоко, поди разбери, кто там есть. Нет, нас не хватятся. И подумай сама: даже если Имбер заподозрит что-то неладное, не станет же он прерывать службу и требовать немедленных поисков?

— Его дядя может.

— Его дядя вообще узнает обо всём задним числом. — «Я надеюсь», про себя добавила она. — А к тому времени…

К тому времени, вероятно, уже появятся Радель и Редмонд, и беглецы окажутся в башне. По крайней мере Джулианна очень на это надеялась.

Башня Королевской Дочери… Башня Ходячего Мертвеца — над этим названием Элизанда посмеялась, но так, словно ей было не слишком смешно.

Может быть, оба названия были даны в шутку. В конце концов, из того, в чём Джулианна была твёрдо уверена, проистекало, что у короля никогда не было дочери…

— Почему башню назвали так странно? — спросила она.

— Можно, я тебе отвечу, когда мы окажемся внутри? Пожалуйста!

Элизанда явно хотела сказать, что если они не попадут внутрь, Джулианне лучше оставаться в неведении, и что откровенность имеет свои пределам даже между друзьями, вместе прошедшими через такое множество опасностей.

Конечно, Джулианна могла надавить на подругу, но не стала этого делать. Она только перевела взгляд на коридор, из которого должны были появиться Радель с Редмондом.

Они наконец появились — Радель в наряде менестреля и свёртком за плечами и его еле плетущийся спутник в чёрной монашеской рясе. Впрочем, надел он её, вероятно, не для маскировки, а по необходимости. Идти в своих лохмотьях для него было бы всё равно что голышом.

Разумеется, Элизанда ни за что не стала бы отрабатывать на

этой парочке свои фокусы, даже если бы и могла. И можно ли заколдовать колдуна? Этого Джулианна не знала. Радель же пребывал в полной уверенности, что никто за ними не проследит и не последует. Правой рукой он поддерживал Редмонда, наклонившись к нему и следя за его шагами, что позволило стоявшей в тени троице остаться незамеченной.

Но тут заговорила Элизанда:

— Радель, без меня ты в ворота не пройдёшь.

Она произнесла это негромко, специально, чтобы не испугать мужчин — хотя сами по себе её слова звучали достаточно вызывающе и сказаны были чисто по-женски. Мужчины не вздрогнули, а лишь глянули на беглянок и оруженосца. Наступила тишина. Редмонд спокойно глядел на неожиданных попутчиков, Радель просто поедал их глазами.

Его взгляд перебегал с Элизанды на Маррона и обратно, словно менестрель никак не мог решить, кто из этих двоих заслуживает колотушек в первую очередь. Джулианне подумалось, что, будь у него свободны руки, он весьма быстро и без колебаний свершил бы над ними правосудие, наставив синяков и шишек.

Когда Радель наконец заговорил, он обращался к Джулианне:

— Эти двое затеяли смертельно опасную игру, баронесса, но уж от вас-то я такого никак не ожидал.

Укол попал в цель. Джулианна надеялась, что выражение лица не подведёт её, однако сильно в этом сомневалась.

И всё же она сумела ответить спокойным голосом:

— Это не игра, мессир. Для нас — не игра. Думаю, все мы хотим, чтобы вы оказались в безопасности…

— Ну так идите, откуда пришли. Вы ж нас одним своим появлением выдадите! Вас же искать будут, неужели не ясно?

— Все мы хотим, чтобы вы оказались в безопасности, — как ни в чём не бывало повторила Джулианна, — и у каждого из нас есть свои причины, чтобы пойти с вами, если вы действительно знаете какой-нибудь тайный выход из замка.

— Мадам, — он произнёс это слово без малейшего намёка на почтение, — вы не представляете себе, чего просите. Я собираюсь ускользнуть незаметно, чтобы иметь фору хотя бы в один день. Моё исчезновение и пропажа Редмонда должны быть обнаружены никак не раньше. А из-за вас вся крепость будет поднята на ноги уже через час. Это если мы выживем в башне. Я и так рискую, собираясь войти в неё со стариком, пусть мудрым, но всё же калекой. А если за меня будет цепляться куча сопливых детишек, один из которых к тому же недавно ранен, я и гроша ломаного не дам за наши жизни.

— Вы меня не поняли, Радель, — ответила Джулианна. — Я ничего у вас не прошу. Вам ведь всё равно придётся открывать вход в башню. Мы войдём туда следом за вами, куда бы ни вёл путь, но, оказавшись внутри, оставим вас и пойдём сами по себе. Не думаю, чтобы вам удалось помешать нам, разве что вы откажетесь от своих планов — кстати, не впервые.

— Вы так думаете?

Внезапно его глаза стали огромными и блестящими, немигающими, страшными. Потом его лицо поплыло, все вокруг подёрнулось дымкой, ноги у Джулианны подкосились. Девушка перестала понимать, кто она, где находится, что с ней происходит. Больше всего на свете ей хотелось сесть посидеть.

Но тут раздался треск пощёчины, и голова у Джулианны моментально прояснилась. Впрочем, ударили не её. Лицо Раделя пошло пятнами, на вспыхнувшей щеке чётко выделялся белый отпечаток ладони. Побледневшая от гнева, Элизанда выглядела не лучше.

— Как ты смеешь, как ты смеешь! Мою подругу морочить? Да я тебя…

— Прекратите немедленно. Все, — произнёс вдруг Редмонд, сбрасывая с головы капюшон и оглядываясь вокруг. Голос у него был слаб и негромок, но звучавшая в нём сила заставила Элизанду замолкнуть. — Времени спорить у нас нет. Радель, может, их компания нам ещё пригодится. Неизвестно, что нам встретится в башне или на дороге. Лишние руки могут быть очень кстати.

— Ещё бы мы были некстати! — снова встряла опомнившаяся Элизанда. — Ты же знаешь, Дочь должна нести я, весь смысл…

Сама Джулианна смысла в её словах не видела ни капли. Чем или кем бы ни была эта самая «Дочь» — а судя по тону, слово это начиналось с заглавной буквы, — Элизанда была самой тщедушной из всех беглецов и на роль носильщика никак не тянула. Однако Радель, подумав, кивнул, развернулся и без дальнейших споров отправился к башне. Впрочем, по его резким движениям было ясно, что он очень сердит и продолжает держаться собственного мнения.

Маррон и Элизанда пошли следом. Джулианна задержалась, чтобы предложить руку Редмонду, но тот только улыбнулся и покачал головой.

— Благодарю вас, но я взял у Раделя достаточно сил и могу идти сам.

Тем не менее Джулианна пошла рядом с ним, приноравливаясь к его шагу. Возможно, было самое время задать несколько вопросов: что это за Дочь, как мы войдём в башню, как

она выведет нас из замка? Но Джулианна устала от уклончивых ответов. В конце концов, вскоре она все поймёт сама.

А может, и нет. К тому времени как Джулианна и Редмонд догнали остальных, Радель уже стоял перед гладкой стеной башни. На лице его было написано раздражение, а руки, лежавшие на камне, напрягались так, словно их владелец пытался продавить стену.

— Я это уже пробовала, — с плохо скрываемым удовольствием произнесла Элизанда.

— Что ж, попробуем кое-что посильнее.

Джулианна не сводила глаз с рук Раделя. Она увидела, как на мгновение пальцы менестреля сжались в кулаки, словно он намеревался ударить ими в стену — или поколотить Элизанду, — а потом разжались и очертили на древних камнях какой-то неведомый узор.

Менестрель негромко произнёс несколько слов, судя по звучанию, на чужом языке, совершенно непонятных — и не давших никакого результата. По крайней мере стена продолжала стоять, как и прежде. Раделя неудача заметно рассердила, а Элизанда, словно желая разозлить его ещё больше, медовым голоском заметила:

— Это я тоже пробовала.

— Элизанда! — позвала подругу Джулианна и немало удивилась, когда та сразу же подошла. Пришлось быстро придумывать вопрос:

— Насколько сильной магией владеет ваш народ?

— Это не магия, — быстро ответила девушка, — это сила.

— А что, есть разница?

— Ну нет, наверное, но это не наша магия. Сила заложена в стену, в башню, скажешь нужные слова — и дверь откроется. Это может сделать кто угодно, даже ты, если только будешь знать нужные слова.

«Как в пещере — будь вместо моих пальцев чужие, ничего бы не изменилось…» Но о пещере думать не хотелось.

— И, насколько я понимаю, правильных слов вы не знаете.

— Ну, раньше мы думали, что знаем, — с кажущейся беспечностью ответила Элизанда, однако озабоченный взгляд, брошенный ею на неумолимо движущееся солнце, с головой выдал тревогу девушки. Времени оставалось мало.

Радель сделал шаг назад и покачал головой:

— Мой отец рассказывал…

— Можно подумать, он у тебя всеведущий, — перебила менестреля Элизанда, заслужив сердитый ответный взгляд.

Менестрель помолчал и снова шагнул к стене.

— А кто его отец? — тихо спросила Джулианна.

— Очень милый старикан. Тебе бы понравился.

Редмонд медленно зашаркал к стене и встал рядом с Раделем. Он положил свои руки рядом с руками менестреля и сказал:

— Давай вместе.

Медленно, хором они произнесли все те же слова и наконец получили ответ. Стена заворчала так низко, что Джулианна не столько услышала звук, сколько почувствовала дрожь в костях. Ей показалось, что она увидела вспыхнувший вокруг мужчин красноватый свет, который тотчас исчез.

Редмонд сделал глубокий вдох, вытер пот с лица и произнёс:

— Там какой-то замок.

— Сам знаю. Иначе мы бы уже давно были внутри.

— Я имею в виду, что там ощущается какое-то сопротивление, какая-то сила, которая нам мешает. А слова мы говорим правильно. Элизанда, брось смеяться и помоги нам.

То ли оттого, что просьба — или приказ — исходила от Редмонда, а не от Раделя, то ли из-за серьёзности происходящего Элизанда смирила свой острый язычок и сразу же подошла к стене. Встав между мужчинами, она положила руки на камни и присоединилась к хору.

На этот раз рык был оглушителен и нестерпим. На краткий миг стена растаяла, а между камнями — или сквозь них — пробился свет. Джулианна увидела, что его отблеск, упав на лицо Маррона, придал ему бледно-землистый цвет.

Когда свет исчез, Маррон порывисто вздохнул. Джулианна быстро шагнула к юноше и коснулась его запястья. Оно было холодным и влажным от пота.

— Не бойся, — тихо сказала девушка, одновременно стараясь побороть бешеное биение собственного сердца. — Тайна всегда пугает, но страшна она лишь своей необъяснимостью.

Эти слова принадлежали её отцу, и Джулианна произнесла их не столько для Маррона, сколько для себя. Потом она добавила:

— Они знают, что делают.

И понадеялась, что окажется права.

— Я не боюсь. У меня просто болит рука, — ответил Маррон, сжав губы.

Ну самый настоящий мальчишка — ни за что не признается в собственном страхе, что угодно скажет, лишь бы только не ранить свою гордость. Джулианна кивнула ему, похлопала по плечу и оставила в покое.

— Давайте ещё раз, — велел Редмонд. — И побольше уверенности. Стена обязана подчиниться — это было заложено

при её постройке.

И снова три голоса согласно и с силой произнесли — не прокричали — все те же слова. На этот раз Джулианна уловила сказанное, хотя и не поняла его. Теперь она смогла бы произнести слова вместе с троицей колдунов — если бы только это могло помочь.

Но помощь не понадобилась. Камни издали звук, похожий на ответные слова, и между ними вспыхнул свет неизвестного Джулианне цвета, даже названия которому она не знала. Он осветил весь двор и очертил дверной проём настолько ярко, что на него невозможно было смотреть.

Впрочем, нет, не дверной проём, а дверь. Редмонд положил на неё руку, и Джулианна, прищурившись, разглядела проходящее сквозь человеческую плоть сияние, высветившее исковерканные кости старческой кисти. Наткнувшись на невидимую преграду, Редмонд остановил руку и попытался надавить на светящийся барьер. До Джулианны донеслось его негромкое, но тяжёлое дыхание — старику приходилось нелегко.

— Ну-ка, брось, — велел Радель, а затем схватил Редмонда за плечо и оттащил прочь от стены.

— Почему? Внутри будет ничуть не легче. Лучше уж я начну приспосабливаться сразу, если, конечно, выдержу.

— Не морочь мне голову, приятель. Ты выдержишь что угодно.

— Ну и?

— Ну и будь поосторожнее. Может, там не только замок, может, дверь стерегут изнутри.

— Ладно.

Если после этого разговора Редмонд и стал осторожнее, Джулианна этого не заметила. Он вновь положил руки на сияющую дверь и нажал. Не сильно — сил у него было маловато, — но решительно, сконцентрировав все напряжение мысли. Под его руками дверь стала отходить назад. Она не поворачивалась на петлях, как обычно, а просто откатывалась прочь. По её краям выступил дым, а может, туман или сжиженный свет, растворявшийся в воздухе подобно чернилам в стакане с водой.

Казалось, любой шаг даётся Редмонду с трудом, с болью, которая усиливалась с каждым движением. Старик шипел, задыхался, вскрикивал от боли — но шёл. Не то дым, не то туман окутал его фигуру. Радель дёрнулся, скомандовал:

— Вперёд! — и рванулся к башне.

Элизанда отставала от него всего на шаг, на полшага. Она пыталась догнать Раделя, чтобы только не идти позади него.

На мгновение Джулианна почувствовала себя забытой и брошенной. У бежавшей впереди троицы были собственные планы, явно перевешивавшие желание подождать её. Девушка искоса взглянула на Маррона, готовая уже криво улыбнуться и протянуть ему руку, превращая все происшедшее в шутку. Юноша выглядел просто кошмарно — глаза его остекленели, а кожа блестела от пота, хотя в дворике было зябко, как ни палило солнце. Джулианна коснулась руки Маррона, нашла его дрожащие пальцы и ободряюще пожала их. Она догадывалась, что в тех немногих ужасных случаях, когда ей приходилось стоять наверху и смотреть вниз, в страшную глубину, у неё бывал такой же вид — бледность, лихорадочная дрожь, страх.

— Они забыли о нас, — произнесла девушка, стараясь, чтобы её голос звучал ободряюще, но сама почувствовала в нём фальшь взрослого, взявшегося утешать перепуганного малыша.

Да, о них забыли. Мерцающий свет, исходивший от загадочной двери, был едва виден за ярким сиянием, а силуэты вошедших в башню таяли позади сверкающей пелены.

До боли сжав руку Маррона, Джулианна решительно пошла вперёд и повела за собой юношу. Клочья туманного света обвивались вокруг ног, тел, рук и голов, мешая разглядеть проход в стене.

Джулианна почувствовала, что ноги её ступают уже не по истрескавшемуся камню двора, а по мягкой пружинящей поверхности. «Неужели я иду по воде?» — вздрогнула она, инстинктивно бросая взгляд себе под ноги. Но не увидела ничего, кроме клубящегося тумана.

Сделав над собой усилие, девушка подняла глаза. Что бы ни было у них под ногами, эта поверхность выдерживала и её вес, и вес Маррона без малейшей натуги. И потом, здесь уже прошли три человека, призрачные силуэты которых виднелись справа, рядом с дверью.

Послышался раздражённый голос Раделя:

— Побыстрее там, нам нужно закрывать дверь…

Джулианна потянула Маррона за руку и почувствовала, как он, запинаясь и тяжело дыша, поплёлся за ней. Он был перепуган до полусмерти и вряд ли понимал, что происходит.

При их приближении расплывчатые силуэты превратились в Элизанду и двоих мужчин. Лица всех троих были чуть подёрнуты медленно текущим туманом. Редмонд застыл, опираясь на плечо Элизанды, словно открывание двери забрало у него последние силы, как ни помогали ему товарищи. Радель протянул руку, коснулся вновь вспыхнувшей под его пальцами двери и пробормотал уже другие слова.

Чтобы открыть дверь, понадобились объединённые усилия троих колдунов, но закрыть её вполне смог один человек. Джулианна подумала, что дверь рванётся назад и запечатает вход, слившись со стеной, однако всё произошло иначе. Свет попросту начал таять в клубах тумана и исчез, растворившись в них. Оглянувшись, Джулианна поняла, что больше не видит залитого солнцем дворика. Путь назад был закрыт.

Оказалось, что клубы тумана светятся сами по себе — а может, попросту состоят из света. На лицо Элизанды легла зеленовато-голубая тень, придававшая лицу девушки нездоровый оттенок. Под взглядом Джулианны это подобие вуали вытянулось и свилось в верёвку, охватившую шеи Элизанды и Редмонда. Джулианне показалось, что верёвка начала затягиваться, и она протянула руку, чтобы сорвать её. Однако ещё до того, как девушка успела коснуться её, верёвка распалась, превратилась в пряди плавающего света, быстро смешавшиеся с такими же прядями вокруг.

— Где мы? — прошептала Джулианна.

— В Башне Королевской Дочери, — ответила, небрежно усмехнувшись, Элизанда. Правда, её смешок вышел несколько натянутым.

— Может быть, но…

— Ты стоишь на мосту, Джулианна. — Голос Раделя звучал приглушённо, однако отнюдь не мягко. Нет, голос у него был сильным, низким и рокочущим. — Это мост между двумя мирами: тем, что знаком тебе, и другим, похожим и одновременно непохожим на него. Мне не хотелось бы вести вас туда, потому что этот мир смертельно опасен. Впрочем, смертные могут ходить по нему — придётся и нам. Так что идите точно за мной, ни шага в сторону. Всем вам — и особенно тебе, Элизанда — придётся слушаться меня во всём и делать всё, что я прикажу. Только тогда у нас будет шанс уцелеть. Помните, любой неверный шаг, любое неверное слово могут оказаться роковыми. Ну, идём. Девушки, помогайте Редмонду и Маррону — они ранены и здесь им придётся нелегко.

Джулианна видела, что он прав, но не могла понять его слов. Редмонд стоял, неуклюже ссутулившись и низко опустив голову, а клубившийся вокруг туман словно цеплялся белесыми пальцами за его рясу. Маррона окружал туманный кокон, пульсировавший в такт с биением его сердца — этот пульс девушка ощущала пальцами, все ещё сжимавшими руку оруженосца.

Джулианна потянула Маррона за собой, и он покорно пошёл сзади. Элизанда обняла Редмонда за талию и повела его вперёд, шепча ему что-то на ухо. Казалось, каждое движение причиняло

старику боль, и Джулианна подумала, что он ничего не слышит и все попытки Элизанды подбодрить его пропадают втуне.

Поверхность, по которой они шли, была гладкой и податливой. «Затвердевший туман», — подумала Джулианна, но быстро отбросила все мысли на эту тему, испугавшись вдруг, что поверхность держится только благодаря вере или незнанию идущего. Она заметила, что этот «пол» изгибается под ногами подобно арке моста, хотя Радель вряд ли вкладывал в свои слова столь буквальный смысл. Да, мост, высокий и длинный. А может, мираж, обман зрения? Или магия? Иначе никак нельзя было объяснить, что беглецы все ещё находились в башне. Всё-таки она была маловата для всего этого.

Чем выше они забирались, тем тяжелее становилось Маррону и Редмонду. Джулианна видела, что старик спотыкается на каждом шагу, и Элизанда выбивается из сил, чтобы не дать ему упасть, заставить продолжать движение. Примерно тем же самым занималась и тащившая Маррона Джулианна, хотя её подопечного всё же поддерживало какое-то мальчишеское упрямство. Тем не менее сказать, будто Джулианна вела юношу, можно было лишь вначале, чуть позже ей пришлось уже не вести, а тянуть, чуть ли не тащить Маррона на себе, подпирая его плечом. Он хрипло дышал ей в ухо, заглушая все остальные звуки, однако по внезапным перерывам в дыхании Джулианна догадывалась о его страданиях, как если бы он вскрикивал от резкой, пронизывающей боли.

Девушка уже поняла, что ошиблась: обоих раненых ломал вовсе не страх. «Они ранены», — сказал Радель, но в полной мере это относилось лишь к Редмонду. У Маррона же всего и было ран, что порез на руке, хотя заживал он медленно и с трудом поддавался лечению. Какой-нибудь час назад юноша вполне бодро бегал по замку, а теперь шагу не мог ступить без посторонней помощи и с трудом дышал, превозмогая боль.

— Элизанда, — позвала наконец Джулианна, — что с ними происходит?

— Это все Дочь, — ответила подруга. — Она опасна для мужчин, даже когда они здоровы. А когда нет — сама видишь. Им нелегко находиться так близко от неё.

— Кто такая эта Дочь?

— То, за чем я пришла, — привычно попыталась уйти от ответа Элизанда, но на этот раз Джулианна намеревалась идти до конца.

— Это я знаю. Но что она собой представляет?

— Для нас, для Сурайона это — огромная опасность. Она может стать оружием, которое уничтожит всех нас. Поэтому я и

пришла сюда. Мне нужно спрятать её от маршала, Фалька и ему подобных…

Все это Джулианна уже слышала. Она понимала, что прямыми вопросами добиться не удастся ничего, кроме отговорок или молчания, и поэтому решила немного уклониться в сторону.

— А за что её называют Дочерью — Королевской Дочерью?

— Король решил, что это будет очень смешно. Думаю, он захотел сыграть шуточку, оставив её там, где на неё мог наложить руки Фальк или его братия. Поэтому…

— Поэтому ты, не послушавшись отца и деда, явилась в Рок, — послышался из тумана впереди голос Раделя. — Фальк в жизни не нашёл бы путь сюда! Для того чтобы отворить дверь, недостаточно знать правильные слова. Они должны быть произнесены голосом женщины. Какой ещё замок нужен в крепости искупителей? Да пусть даже Фальк наложит лапу на Дочь — он всё равно не будет знать, что с ней делать!

— Редмонд все равно рассказал бы это, правда, Редмонд?

— Я мог бы показать ему, как с ней обращаются. Мне бы понравилось. Кстати, где она?

— Тут, — ответил Радель.

Подъем наконец закончился, и «мост» стал горизонтальным. Впрочем, кто бы ни сотворил его, человек или бог, кто бы ни разровнял его вершину, Джулианна все так же не могла разглядеть, по чему она шла. Правда, не собиралась она и спотыкаться, чтобы проверить свои догадки на ощупь. Ей не хотелось касаться упругой поверхности, по которой ступали ноги и которая больше всего походила все на тот же туман. Джулианна решила, что мост выстроен с помощью магии, соткан из чар и заклинаний… и чего-то ещё. Она даже порадовалась, что наполненный туманом воздух мешает ей как следует разглядеть поверхность.

Впрочем, тумана на такой высоте заметно поубавилось, а может, он просто растворился в воздухе. Над головами беглецов темнели багровые тени, а единственным источником света оставался туман, так что Джулианна, к счастью, не могла разглядеть только своих ног, зато вперёд ей было видно гораздо дальше, чем до этого.

Она видела Редмонда с Элизандой, остановившихся и замерших на месте, видела Раделя, стоявшего у некоего подобия постамента — первого материального предмета, который попался на пути с тех пор, как беглецы прошли сквозь казавшуюся непреодолимой стену старой, изъеденной временем башни.

Постамент или пьедестал походил бы на обломок колонны, не будь он так ровно обрезан на уровне груди взрослого

мужчины. Маленькой Элизанде он доходил до подбородка. Угловатый и суженный к вершине, постамент всё же оставался достаточно широким, чтобы сыграть роль колонны и удержать на себе огромную тяжесть.

Подобно воздуху, которым дышала Джулианна — она чувствовала у себя в лёгких его влагу и затхлость, столь непохожие ни на свежий чистый ветерок в замке, ни на пыльные суховеи, — подобно всему вокруг, постамент лучился странным цветом, названия которого девушка не знала. «Что-то голубовато-серое», — подумалось ей, хотя сразу же стало ясно, что такие названия здесь совершенно не годятся. Что бы она ни придумала, всё было бы неверным, ибо этот свет не походил ни на какой другой.

Если бы этот цвет встретился Джулианне ещё раз, она тотчас бы опознала его, как узнала бы и странную форму постамента, попадись ей на глаза какой-нибудь похожий предмет. Кто же был тот художник, что изваял столь безупречную форму, из какого камня — если то был камень — сотворил он это чудо?

Да, пьедестал поражал воображение гораздо сильнее, чем то, что лежало на нём. Это было нечто, похожее на твёрдый, покрытый какой-то оболочкой красноватый шар размером с мужскую голову. Увидев эту странную вещь, Джулианна нахмурилась. Она ещё не понимала всего происходящего, но уже оценила лежавший на постаменте предмет, потому что знала, насколько это важно.

Чтобы собраться с мыслями, ей понадобилось всего мгновение: помог, как и прежде, цвет предмета. Он был знаком Джулианне, она вполне могла подобрать ему название. Значит, эта вещь не имела права находиться здесь, она принадлежала миру беглецов и была принесена сюда с какой-то целью. Наверное, для сохранности, догадалась девушка, хотя знала об этом не так уж много.

— Вот она, — повторил Радель.

Он протянул было руку, чтобы взять предмет, но был остановлен пронзительным воплем Элизанды:

— Не тронь!

Менестрель замер, повернул голову и посмотрел на Элизанду, не отводя от предмета рук с полусогнутыми пальцами. Он был готов взять его, и пальцы застыли у самого шара.

— С какой стати, Элизанда?

— Сам знаешь, дурень! Тебе опасно…

— Это опасно любому из нас.

— Для меня — нет! Я могу взять её!

— Если уж придётся нести, понесу я.

Джулианна вздрогнула, и не она одна. Предложение исходило от Маррона. Впрочем, беглецы были поражены не столько тем, что так долго молчавший юноша заговорил, сколько его голосом — слабым, надтреснутым, каким-то горьким, словно его владелец совсем отчаялся и будущие опасности его не трогали.

— Нет! — снова возразила Элизанда, несколько опередив Раделя. — Ты чем слушал? Ни один мужчина не может коснуться Дочери безнаказанно, а ты — в особенности. Ни тебе, ни Редмонду вообще нельзя было подходить так близко! Это — моё дело, я пришла сюда именно за этим…

— А я пришёл сюда, чтобы остановить тебя, — ровно произнёс Радель. — Ты ещё слишком мала для такого дела. Ты мала уже потому, что думаешь легко справиться с этой вещью. Дочь хитра и коварна, а ты — нет. Она обманет тебя, а ты — себя, и тут нам всем будет крышка.

— Возраст и мудрость — это разные вещи, — не сдавалась Элизанда. — Ты так уверен в себе, Радель? Или у тебя нет ни единой царапины на теле? Или ты точно знаешь, что по дороге в Сурайон не уколешься даже о колючку?

Они с яростью смотрели друг на друга поверх пьедестала. Руки Радель уже убрал, однако явно намеревался отрезать Элизанду от предмета их спора.

Джулианна отпустила руку Маррона и медленно пошла вперёд, намереваясь рассмотреть Дочь получше. Поверхность шара была странной, местами гладкой, местами потрескавшейся, причём в трещины вполне мог уместиться палец Джулианны. Основание шара казалось погруженным в пьедестал — всё-таки не каменный, а сделанный из той же странной субстанции, столь же чужой человеку, что и здешние непонятные цвета. Казалось, будто шар ужасающе тяжёл, гораздо тяжелее, чем представлялось на первый взгляд.

Давным-давно сдвинутая вуаль болталась на шее у Джулианны. Кусок шелка, который должен был удовлетворять даже самых суровых монахов, почти достигал пояса. Джулианна сняла его с шеи, мгновение подержала в руках, потянулась к шару и обмотала тканью.

Первым это заметил Радель и тут же шёпотом сообщил обо всём остальным:

— Смотрите, она взяла…

Однако было поздно: Джулианна успела приподнять закутанный в вуаль шар и прижать его к себе. Предмет был на удивление лёгким, хотя на вид казался просто неподъёмным. Не веря, что она уже держит шар, Джулианна прижала его к себе и

вдруг увидела, как небольшая вмятина на постаменте начала уменьшаться и исчезла вовсе.

— Джулианна, не надо…

— Почему? — дерзко спросила она Элизанду. — Если никто не возьмёт эту штуку, мы тут простоим до конца света. Если Дочь не опасна для тебя, значит — и для меня тоже. А если это не так, я всё же рискну.

— Ты не представляешь её опасности.

— Буду осторожнее. Может, ты сама не знаешь обо всех её опасностях, — наверняка Радель имел в виду именно это, — так что давай лучше её возьму я. Я по крайней мере не самоуверенна.

Девушке хотелось доказать Раделю, что способна тонко рассуждать, и менестрель кивнул, хотя и без особого энтузиазма.

— Ладно, неси пока. Может, так даже лучше. Я должен следить за дорогой, а Дочь отвлекала бы меня. Идём, Редмонд, мы и так слишком долго тут проторчали. Я тебе помогу. Джулианна, иди за мной, но не слишком близко, чтобы Редмонду не стало ещё хуже. Элизанда, ты поведёшь Маррона.

Отдав все распоряжения, Радель провёл беглецов мимо опустевшего пьедестала и пошёл дальше. И всё же, несмотря на всю свою решительность, он постоянно оглядывался назад. Следом шла Джулианна, бережно державшая в руках Дочь, а позади неё едва слышно ругалась Элизанда.

Поверхность, по которой они шагали, начала ровно, но не круто опускаться, как будто они шли по мосту или горе. Сохранять равновесие, не выпуская из рук Дочь, было нелегко, и всё же у Джулианны хватило сил задуматься: что это за штуковина, вокруг которой её спутники наводят столько тумана. Шар казался окружённым толстой и тяжёлой оболочкой, напоминая пустое яйцо какой-то гигантской птицы, только вот скорлупа была толстовата. А клубящийся вокруг разноцветный туман обретал все новые формы…

Спускаясь по крутому склону, Джулианна не поднимала головы и смотрела только на то, что несла в руках. Поэтому она едва не впечаталась в спину Редмонда, лишь в последний момент услышав его стон. Девушка резко остановилась, а потом осторожно отодвинулась в сторону, вспомнив, что Радель велел ей держаться подальше от искалеченного старика. Только после этого она подняла голову, чтобы разглядеть, перед чем это так внезапно остановились мужчины. Оказалось, Радель замер у проступавшей сквозь туман огромной стены мрака. Её вершина терялась в высоте, а направо и налево уходила гладкая, без малейшего просвета темнота.

— Что это? — спросила наконец Джулианна, прервав

затянувшееся молчание.

— Не знаю, — ответил менестрель. Ответ на следующий вопрос был очевиден, и всё же Джулианна задала его:

— А вы знаете ещё какие-нибудь заклинания, чтобы эта стена пропустила нас?

— Нет. Я ожидал, что мы увидим ворота в другой мир, о котором я говорил. На этот случай слова у меня есть. Но тут что-то совсем другое, с ним я тягаться не стану. Какая-то сила закрыла для нас этот путь.

— Та же, что держала дверь, — шёпотом добавил Редмонд, — хотя та сила была лишь слабым отголоском этой. Там мы могли надавить сильнее: здесь это не удастся.

И опять Джулианна не удержалась и задала очередной вопрос, заранее зная ответ на него:

— Что же нам делать?

— Боюсь, — ответил Радель, — что нам придётся возвращаться.

Снова идти через тот странный мост и во второй раз возвращаться в замок после неудавшегося побега? Возвращаться туда, где их уже наверняка ищут, где их маленький отряд будет немедленно схвачен, как бы они ни крались и ни прятались в тени?

— А Дочь? — прозвучал из-за спины Джулианны напряжённый и взволнованный голос Элизанды. — Нам что, оставить её там, где взяли?

— Теперь мы уже не осмелимся. Но если нас схватят, скрыть правду не удастся.

Джулианна понимала, что так оно и есть. Понимала она и то, что пыток инквизиции ей не выдержать. Стойкостью Редмонда она не обладала.

— Так что же теперь?

— Боюсь, — снова произнёс Радель, и голос его теперь действительно дрожал от испуга, — что нам придётся использовать Дочь.

— Радель! Нет!

— А что нам делать? — спросил он, и Элизанда не сумела подыскать ответа.

20. ОДЕРЖИМЫЙ

Маррон вышел — точнее, прошаркал — во дворик. Элизанда, исполнявшая роль поводыря, изо всех сил пыталась удержать его на ногах. Без её помощи Маррон не смог бы сделать и шагу. Ему хотелось только одного: лечь и больше не вставать, однако он был до того измучен, что сил не хватало даже на это — а плечо Элизанды продолжало подпирать его, а рука девушки подталкивала его, заставляя идти.

Когда туман расступился и беглецы оказались во дворике, Маррон услышал, как Элизанда задохнулась от неожиданности, и увидел, как она завертела по сторонам головой. У самого юноши сил интересоваться чем-либо уже не было, и всё же он посмотрел в ту же сторону, что и она, потому что его тело уже привыкло автоматически повторять все движения девушки.

Позади светилось бледным светом и переливалось всеми цветами радуги то место, откуда они только что вышли. О нём у Маррона сохранились какие-то неясные и путаные воспоминания — голоса его товарищей, какие-то непонятные слова, боль, изнуряющая усталость, рядом с ним, по непонятной причине, одна девушка сменяется другой… И вот наконец свет не просто померк, а исчез окончательно. Только что выход из башни переливался огнями, потом стена, словно полупрозрачный занавес, сомкнулась над ними, приглушив цвета — и окаменела окончательно, и свет исчез, а Маррон очутился во тьме.

Точнее, в полутьме. Светили только звезды, однако Маррон пусть медленно, но понял, что так поразило Элизанду. Когда они входили в башню, стоял полдень. Тогда и начался тот кошмар, что пережил юноша, и неизвестно, сколько времени прошло в той борьбе с охватившим его ужасом и болью. Всё-таки Маррон был удивлён. Они, как и собирались, вошли в башню, прошли её, а потом вернулись назад с трофеем, который называли Дочерью. Трофей несла Джулианна, поэтому поддерживать Маррона пришлось Элизанде. И всё же — неужели это краткое путешествие заняло полдня?

— Нет, не только полдня — ещё и полночи, подумал Маррон, увидев над одной из чёрных стен серебряное сияние, означавшее, что луна уже успела зайти.

Озадачены были все. В нескольких шагах от Маррона переговаривались Джулианна и Радель. Как ни странно, Элизанда, несмотря на привычку спорить, не бросила Маррона, чтобы присоединиться к их беседе. Опустив глаза, Маррон увидел, что она перебирает его рубаху и сердито хмурится.

— Я сначала не заметила из-за всего этого сияния и блеска, да ещё притом, что всё вокруг казалось не тем, чем было, — но у тебя рубашка насквозь промокла. Я увидела, пока ещё было светло, что этот её край весь чёрный. Это кровь, да? У тебя рука кровоточит с той минуты, как мы вошли…

— Правда? — Рука болела, болела сильнее, чем раньше, в неё словно впивались сотни клыков… но кровь? Однако, пощупав ткань здоровой рукой, Маррон понял, что девушка права. Рукав можно было хоть выжимать. Маррон поднёс пальцы к лицу и почувствовал тёплый, с медным привкусом запах свежей крови.

— Сними это, — велела Элизанда. Заметив, что Маррон покосился на остальных, она добавила: — Что бы там ни случилось, минутка у нас есть. Окна наверху закрыты, нас никто не увидит. Если уж мы потеряли такую кучу времени, пара минут погоды не сделают. А вот для человека, который потерял столько крови, важна каждая капля. Снимай рубашку и дай мне взглянуть.

Он попытался раздеться, но не смог. Одной рукой юноша с лёгкостью мог расстегнуть пояс, но сама рубашка оказалась мокрой и тяжёлой и липла к коже. Одной здоровой рукой — тоже очень тяжёлой — он сумел только поднять подол к плечу. От усилия голова у него пошла кругом, а земля под ногами закачалась.

Наконец Элизанда помогла ему, развязав завязки и стащив рубаху через голову юноши. В тот миг, когда вокруг была темнота, он услышал резкий голос Элизанды:

— Он ранен! Смотрите…

Рубашка наконец упала, и Маррон увидел то, что должно было помочь его товарищам разглядеть его рану: небольшой шар, сотканный из золотого света, висел у него над головой и неярко светился. В его свете Маррон разглядел, что не только повязка, но и его бока и живот были залиты кровью.

Пока Элизанда возилась с мокрыми узлами, Радель произнёс:

— Не торопись и подлечи его. Обстоятельства изменились, так что мой первый план, видимо, провалился.

— Я тебе сто раз говорила…

— Обстоятельства изменились, Элизанда! В этой башне мы выпали из времени. Даже если счесть, что это тот же самый день, точнее, ночь того же дня, всё равно мы теперь находимся в совершенно другом положении.

— Почему это?

— Я знаю, что надеяться на это глупо, но, может, ты всё-таки будешь когда-нибудь думать перед тем, как заговорить? Джулианны хватились сразу после полуденной службы. Замок наверняка перерыли сверху донизу и, не найдя её, решили, что

она сбежала, обманув стражников на воротах. Сейчас поисковые отряды прочёсывают окрестности. Ворота вполне могут быть открыты для приезжающих и уезжающих отрядов. Если мы проберёмся в конюшни неузнанными, никто не заподозрит выезжающих из ворот братьев в рясах. Нас могут пропустить без расспросов.

— Сплошные «если» да «может быть», — заметила Элизанда, однако скорее с облегчением, нежели с ехидством.

— Ну и ладно. Может, нам повезёт. В противном случае…

— Никакого противного случая. Ты не должен этого делать!

— Возможно, мне придётся.

— Нет! Подумай о своём отце…

Радель вздохнул.

— Разберись с Марроном, Элизанда. И молись, чтобы нам повезло.

Через мгновение она кивнула и вновь занялась узлами повязки.

Наконец бинты ослабли. Элизанда сдвинула их и тревожно посмотрела в лицо юноше:

— Не больно?

— Нет, — честно ответил он; рука онемела и казалась ему чужой, словно обрубок дерева, каким-то образом привитый к его телу.

Элизанда недоверчиво посмотрела на него, а потом занялась бинтами. Чтобы снять их, понадобился нож; потом девушка бросила заскорузлое полотно наземь и осторожно коснулась раны, края которой были надорваны стягивавшей их ниткой.

— Выглядит страшно, но почти не кровоточит. Я могу перевязать её вот этим, — она показала на промокший бинт, прежде удерживавший его руку привязанной к груди, — но тогда нечем будет её закрепить.

— Не важно, — вновь честно, хоть и с трудом, сказал Маррон. Ему было всё равно. — Я ж её не чувствую.

Элизанда вздохнула, неохотно кивнула и взялась за дело.

Он уже оделся, а раненая рука была заткнута за пояс — больше ничего придумать не удалось, — когда беглецы вздрогнули, услышав звон Брата Шептуна. Три медленных удара — и Радель улыбнулся.

— Полночь. Всё-таки нам повезло. Подождём десять минут, пусть братья отправятся на молитву.

Было ясно, что на молитву отправятся не все, однако стражники у ворот будут смотреть на тропу — этот урок они усвоили несколько дней назад. Значит, до конюшен можно будет добраться без помех.

Когда колокол снова начал отбивать удары, Маррон поглядел вверх, на одно тёмное окно среди множества таких же тёмных. Сьер Антон должен быть у себя, если только не охотится сейчас на сбежавшую невесту…

Одно из окон внезапно зажглось, высветив силуэт человека, распахнувшего ставни. Маррон не мог отвести от него глаз и чувствовал, что на него тоже смотрят.

— Элизанда, — прошептал он не своим голосом, — свет… Крохотная звёздочка пропала, погрузив двор в темноту, но было уже поздно.

— Идём сейчас же, — резко сказал Радель.

Беглецы нырнули в туннель. Все, кроме Маррона, который стоял, глядя на окно, даже когда фигура человека из него исчезла, стоял и смотрел, пока Элизанда не подёргала его за локоть, подхватила под здоровую руку и потащила прочь, шипя на ухо:

— Ты что, хочешь попасться инквизиторам и всех нас выдать? Идём, ну!..

Они быстро шли — точнее, старались быстро идти — сквозь тьму. Маррону приходилось бороться с усталостью и тревогой, но мысли его заполнял сьер Антон, о котором он не мог не думать даже в такой спешке. Что увидел рыцарь, что он сделает? Начнёт читать молитвы и отпустит их? Или выхватит меч и бросится отрезать им путь, поднимая тревогу?

Маррон не мог ответить на эти вопросы, но не мог и отбросить их. Он даже не знал, какой ответ обрадовал бы его больше. Запнувшись о растрескавшийся булыжник, он подумал, что это знак: его одолевало искушение оттолкнуть Элизанду, бросить остальных и остаться на месте, ожидая, когда его господин отыщет его.

Идти его заставляла только нерешительность, да ещё тянущая вперёд рука Элизанды. Несмотря на то что Маррон шёл медленно, они вскоре догнали остальных: поначалу впереди показалось золотое свечение, исходившее от шарика колдовского света, а потом стал виден Редмонд, ковыляющий вперёд, опираясь о стену, а Радель с Элизандой поджидали его у следующего поворота.

Когда беглецы наконец собрались вместе, старик прохрипел:
— Я не могу идти быстро. Бегите сами, бросьте меня…

— Живым не бросим, — огрызнулся Радель, — а я не для того тащил тебя через все препятствия, чтобы теперь пристукнуть. И вообще, нам в любом случае стоит идти медленнее и без света. Тут уже недалеко до внутренних дворов, где нас могут увидеть стражники. Обопрись на мою руку, мы пойдём так быстро, как ты

сможешь. Да, если тут кто верит в молитвы, так молитесь, чтобы нам повезло…

В одном им точно повезло: они выбрались из башни, когда замок окутывала ночь, а большая часть его обитателей отправилась на службу. Впрочем, видимо, для равновесия, удача сопровождалась невезением: сьер Антон открыл ставни и выглянул в окно именно в тот миг. Маррона учили, что путь Господень лежит во тьме и на свету, а человеческая жизнь есть отражение этого пути. Юноша не задумывался о том, правда ли это, — он просто шёл за Раделем, как и все остальные, не молился и не надеялся. Бегство или плен, всё равно ничего хорошо его не ожидает. Да и усталость вкупе с болью появлению надежды не способствовали.

Судьба ли, Господь ли или простое везение провели их по замку незамеченными. Они не встретили ни одного заплутавшего монаха, не видели и не слышали ни единого признака поднятой рыцарем тревоги. Они шли по длинному коридору к конюшням, и Маррон, не чувствуя никакой надежды для себя, слышал её отблеск в дыхании Элизанды, чувствовал её в лёгких пальцах, которые перестали яростно сжимать его руку и уже не подгоняли, а просто торопили юношу.

Наконец беглецы вышли на открытое пространство, и лёгкий ветерок коснулся их щёк обещанием свободы, когда они пересекали двор. Воодушевлённая Элизанда подняла голову, и глаза её засияли в звёздном свете. Она явственно чувствовала запах лошадей и уже видела, как они с друзьями садятся на коней, выезжают из ворот и скачут прочь.

Маррон чувствовал только запах собственной крови и не видел ничего, кроме темноты.

— Факелы не горят, — пробормотал Радель, эхом отозвавшись на мысли Маррона. — Если поисковые отряды и выехали, это было очень давно и сейчас их возвращения никто не ждёт. Но ворота могут быть открыты, так, на всякий случай. А если нет, мы втроём легко заморочим стражников…

Трое? Трое сурайонцев, но только если Редмонд сможет колдовать и если его колдовство сработает. Если же нет, для боя останутся только двое, причём один из них — девчонка. Госпожу Джулианну Маррон не считал: как бы упорна и решительна она ни была, её готовили к жизни при дворе, к роли благородной дамы, и бойцом она быть не могла. Кроме того, она несла эту, как её, Дочь, самую драгоценную их добычу, а оружия у дамы не было. Маррон помнил чьи-то слова о том, будто бы Дочь могла стать и оружием, однако Джулианна не сумела бы воспользоваться ею, даже если бы знала способ.

У Элизанды по крайней мере был хороший острый клинок. Она сможет драться. Маррон подумал, что в дамском платье она выглядит очень маленькой — наверное, платье принадлежало Джулианне.

А от самого него и от Редмонда толку будет ещё меньше, чем от девушек. Если ворота окажутся заперты или стражники устоят перед магией, беглецам конец. Их ожидает костёр, пламя которого перекинется на страну и пожрёт её — если Дочь действительно может служить ключом к Сурайону.

Оставалось только молиться и надеяться, но у Маррона не было сил ни на то, ни на другое.

Позже Маррон думал, что ни надежда, ни молитва не спасли бы его, ибо надежда всегда бездеятельна, а молитвы — молитвы других людей — сейчас как раз его и предали.

Радель легко проскользнул сквозь высокие сводчатые двери конюшен — по слухам, эти сооружения могли вместить тысячу скакунов, и Маррону это казалось правдой — и поманил остальных за собой. Когда все были внутри, менестрель запер двери и затеплил шар колдовского света, чтобы беглецам не пришлось нашаривать лошадей и сбрую в темноте.

И при свете этого шара, при теплом, ничего не обжигавшем сиянии, Маррон и его товарищи увидели людей — в пустом стойле поднимался с колен целый отряд. Должно быть, они молились молча или же затаились, услышав во дворе шаги беглецов. Они молились и стерегли одновременно. Мечи у монахов были наготове, а самих их было слишком много. Хуже того — из середины отряда появился фра Пиет, и выбритая голова его блестела, словно отполированный череп. За поясом у исповедника поблёскивало лезвие топора. Одного его хватило бы, чтобы расправиться с беглецами в одиночку.

Головы монахов были обнажены в подражание исповеднику, несмотря на молитву. А среди толпы юношей и мужчин Маррон увидел Олдо, и больше не видел никого, кроме него.

Обнажив меч, Радель шагнул вперёд. Воспользовавшись тем, что Элизанда больше не поддерживала его, Маррон потянулся за «Дардом», но замер, коснувшись рукояти. В самом деле, зачем? Перед беглецами стояли две дюжины бойцов, сражаться с которыми было бесполезно. И Радель должен был это знать…

И он знал, но скорее всего собирался защищать девушек любой ценой. Тут фра Пиет прищурился, заслоняя глаза от сиявшего под сводами конюшни колдовского света, начертил перед собой знак Господа и закричал:

— Святотатство! Ради ваших собственных душ, братья, вперёд!..

И прыгнул к Раделю, замахиваясь топором.

Удар клинка о топор отдался по всей конюшне. Радель зарычал, напрягся и отшвырнул фра Пиета. Освободившись, клинок рассёк лицо исповедника от носа до уха.

Хлынула кровь. Заревев, фра Пиет вновь ринулся вперёд, размахивая ярко блестевшим топором. Его люди хлынули следом.

Первый из добравшихся до Редмонда не заметил притаившуюся подле старика Элизанду и, не успев взмахнуть мечом, получил нож под ребро. Зашатавшись, монах упал, а шедшие за ним следом остановились. Возникло мгновенное замешательство, которого Маррону хватило, чтобы услышать всхлип Джулианны, увидеть, как девушка обречённо оглядывается вокруг, не выпуская из рук завёрнутую в вуаль Дочь.

Тут Маррон по крайней мере мог сделать хоть что-то. Он подскочил к Джулианне и здоровой рукой выхватил у неё Дочь. Теперь Джулианна могла бежать от этого кошмара, могла скрыться и выжить.

Маррон застонал — вместо того чтобы бежать, Джулианна выхватила из складок платья кинжал, нет, два кинжала. Здоровая рука юноши была занята Дочерью, и Маррон попытался высвободить из-за пояса раненую, чтобы преградить девушке путь и не дать ей ввязаться в драку…

…и почувствовал, как раненая рука налилась жгучей болью, и понял, что здоровая тоже горит словно в огне. Закричав в голос, Маррон посмотрел вниз и увидел, что по его ноше растекаются алые языки пламени, превращая плотную шёлковую вуаль в пепел.

Серый пепел, тёмно-красная сердцевина — и эта сердцевина шевелилась, двигалась, открывалась…

«Она может стать оружием, которое уничтожит нас всех», — вспомнились Маррону чьи-то слова, сказанные в башне. Если только они вправду были сказаны, если башня действительно существовала…

Чем бы ни была эта Дочь, она убивала Маррона. Его правая рука горела, дрожала, рвалась болью, а ноша становилась все горячее, трещины на ней расширялись… Из раненой руки хлестнула кровь и полилась толчками, подчиняясь неведомому чужому пульсу.

Что ж, если это оружие, пусть оно расправляется с другими, а не с ним. Маррон поднял голову и напрягся всем телом, приготовившись зашвырнуть Дочь как можно дальше. Она весила немного, но у Матрона болело все тело, и он не верил, что сумеет закинуть её далеко.

Ему не удалось даже попытаться. Все вокруг замерли,

атаковавшие монахи откатились назад, и даже фра Пиет с Раделем прекратили бой, услышав крик Маррона и разглядев, что у него в руках. Теперь на юношу надвигался всего один монах, и Маррон попытался швырнуть Дочь ему в лицо.

Ничего не вышло. Прямо у него в руках шар развернулся окончательно и, хотя пальцы всё ещё жгло, Маррону показалось, что Дочь стала мягче, словно её кожица начала таять. А внутри — внутри не было ничего, кроме дыма, красного дыма, повисшего в воздухе и принявшего форму какой-то кошмарной твари, полуживотного-полунасекомого.

Нападавший на юношу монах остановился как вкопанный. Теперь все смотрели только на дым. Он вился и кружился, подобно обычному дыму на ветру, менял форму и наконец подплыл к Маррону, окутав его кровоточащую руку. И исчез, просочившись сквозь повязки, отыскав рану и влившись в тело, несмотря на бьющую ему навстречу кровь.

По крайней мере так показалось Маррону. Вначале он ощутил волну какого-то чужеродного тепла, а потом ему показалось, будто в него проникло какое-то живое существо, неразумное, но чуткое, которое сразу начало вживаться в его тело. Его пульс не совпадал с биением сердца Маррона, существо проникало в плоть юноши, обволакивало кости, изучало его всего, от кончиков пальцев до мозга. Маррону показалось, что в какой-то миг оно закружилось вокруг сердца и замерло, на мгновение словно бы заснув.

Потом оно опять ожило и задвигалось, исследуя каждую клеточку тела Маррона, но теперь его пульсирующий ритм совпадал с биением сердца Маррона и сливался с ним, хотя все так же оставался чужим.

Маррон открыл воспалённые глаза и понял, что мир вокруг окутан багрово-красной дымкой.

Ещё он увидел, что стоящий перед ним монах — не кто иной, как Олдо. Он уже пришёл в себя, поднял меч и замахнулся, громко крича от ужаса, презрения и отвращения.

Парировать удар было уже поздно, даже если бы Маррон мог горящими от боли руками схватить меч, а потом поднять его на друга, с которым был рядом всю жизнь и который был для него теперь потерян.

Маррон хотел дождаться удара, не двигаясь с места. У него был всего миг на размышление, и он решил умереть здесь и сейчас от руки Олдо. Это казалось ему неплохим выходом. Хуже придётся Олдо, который останется жить с тяжестью на душе и вечно будет слышать упрёки призрака Маррона, шепчущего о дружбе, разорванной из-за каких-то смешных причин.

Так решил его мозг, однако тело сделало иной выбор. Рука инстинктивно метнулась навстречу клинку — бесполезный жест, позволяющий прожить ровно столько, чтобы успеть закричать перед смертью.

Маррон вскинул левую, перевязанную окровавленным бинтом руку. Из слипшейся тёмно-коричневой ткани внезапно вырвалась тонкая струйка алого дыма. Повиснув в воздухе, она превратилась в покрывало, остановившееся между Марроном и падающим мечом.

На вид покрывало было не толще паутины, но Маррон чувствовал его как свою собственную кожу, словно в тело юноши хлынула новая энергия. Он ощутил, что меч столкнулся с преградой, он даже знал, в каком именно месте это произошло, но не ощутил ни боли, ни удара. Да и с чего бы? Подумаешь, сталь встретилась с туманом… но не смогла пройти сквозь этот туман, чтобы вонзиться в тело Маррона. Дымка засияла и рванулась вперёд, Олдо завопил и отшвырнул рукоять меча, она зазвенела и запрыгала по каменному полу, а клинок рассыпался, и на лице Олдо был написан ужас, и ещё его лицо было усеяно мелкими серыми точками там, куда попали осколки.

Маррон не мог пошевелиться — просто стоял и смотрел, как серые пятнышки покраснели и начали сочиться кровью, как Олдо поднял дрожащие руки к ослепшим глазам. Маррон ощутил нечто вроде облегчения, когда дымка окутала голову его друга, стала толще и совсем скрыла лицо Олдо.

Впрочем, облегчение было недолгим.

Лица Олдо видно не было, но внезапно он начал задыхаться, и перед глазами Маррона предстала ужасная картина того, что могло происходить за туманной завесой. Ему виделось, как дым вливается в горло Олдо и проходит сквозь поры его тела, и на какой-то миг Маррону даже послышалось отчаянное и неровное биение сердца монаха.

Потом раздался негромкий звук, похожий на взрыв, и чёрная ряса Олдо разлетелась в клочья. А то, что оказалось внутри, уже не было человеком — тёмная влажная мешанина из крови и лоскутьев плоти, сквозь которую кое-где проглядывали белые осколки костей.

Маррон всхлипнул. У него не было слов для охватившего его пронзительного чувства потери, вины и преданной любви; все выразилось в одном вздохе. А потом Марроном овладело безумие.

Смертельная дымка Дочери висела в воздухе перед ним; все бывшие вокруг люди не смели пошевелиться и только хватали ртом воздух. Как и следовало ожидать, Радель очнулся первым. Он проворно шагнул вперёд, сделал неуловимое движение и

аккуратно оттянул обратно свой меч. Хлынула кровь, и фра Пиет упал.

Кровь послужила Маррону сигналом. Кровь Олдо повисла в воздухе, запеклась у него в ноздрях и оросила его лицо. Маррон закрыл глаза, с трудом вдохнул и завыл.

Его собственная кровь бежала по жилам огнём. Он горел, и слабость покидала его. Открыв глаза, он увидел стоящего подле Элизанды монаха — Джубал, услужливо подсказала память, тут же отыскав картинку: Джубал на взмыленной лошади бьёт булавой направо и налево — и взмахнул рукой, направив её на цель.

Жест этот был ни к чему: Дочь уже летела вперёд, готовая обернуться вокруг бедняги. Джубал увидел её приближение и ещё успел вскрикнуть, но тут алое облако окутало его, и крик неожиданно и страшно оборвался.

Вновь прозвучал тихий взрыв, вновь на месте человека осталась только полужидкая красная куча. А Маррон уже озирался вокруг, отыскивая знакомые лица, вспоминая всё, что он знал о них, — мысли его были о смерти и смертью стал его взгляд.

Словно издалека, Маррон услышал всхлипывания и мольбы, увидел, что монахи попадали на колени, побросав мечи, понял, что его товарищи зовут его по имени — но всё это было бесконечно далеко от него и совершенно бесполезно. Он хотел только крови — и находил её. Кровь бежала по полу, впитывалась в сапоги, заливала сточные канавки, но её все никак не хватало, чтобы смыть из памяти лицо Олдо и его голос.

И наконец Элизанда остановила его, схватила за плечи, надавала пощёчин.

— Хватит, Маррон! Стой, остановись, ты уже и так натворил…

Он уставился на неё и почувствовал, что Дочь вернулась и закружилась у него за спиной. Должно быть, Элизанда тоже увидела её: в глазах девушки появился ужас, а когда она заговорила, то не смогла сдержать дрожь:

— Маррон, все, бой кончен! Слышишь меня?

Кончен? Он не понимал. Как так, ведь ещё двое, нет, трое монахов сжались в углу стойла, и всех их Маррон знал по имени. Перед монахами с мечом в руках стоял Радель, но лицо его было повёрнуто к Маррону, а спина обращена к людям в чёрных рясах. Менестрель заговорил:

— Маррон, отзови её назад. Она больше не нужна. Забери её в своё тело, пусть твоя кровь втянет её.

Медленно, очень медленно юноша поднял кровоточащую

руку — боли больше не было, рука охотно повиновалась хозяину, но с пальцев продолжала капать кровь — и вокруг неё тут же сгустился горячий алый туман; он взвихрился и рванулся внутрь Маррона, и сердце забилось вдвое сильнее, когда ритм биения тумана совпал с пульсом Маррона.

Юноша поглядел на пальцы и увидел, что кровь с них больше не течёт.

— Лошадей тут нет. Стойла пусты.

Эту истину, очевидную для всякого, кто не забыл о цели их появления здесь, изрёк Редмонд. Лошади сошли бы с ума от такого количества крови, начали бы брыкаться, в ужасе ржать и перебудили бы весь замок.

Вязавший монахов Радель — он притягивал щиколотки братьев к шеям их же собственными верёвочными поясами — заметил, не поднимаясь с колен:

— За нами наверняка выслали несколько отрядов. Скажите спасибо, что они забрали отсюда всех лошадей. Я так понимаю, эти приятели остались принимать коней и ухаживать за ними, когда отряды вернутся. Проверим другие стойла. Правда, понадобятся трое, — он явно имел в виде «трое сурайонцев», — чтобы успокоить лошадей — от нас от всех разит кровью. Джулианна, ты сможешь вести Маррона?

— Я не хочу…

— Придётся. Мы же не можем его тут бросить. Не бойся, девочка, он тебе ничего не сделает. Да ты только посмотри на него, он и себе-то сейчас ничего не сможет сделать, он же ещё ничего не понимает! Иди за нами, но не подпускай Маррона к лошадям.

Маррон не нуждался в поводыре, его тело гудело силой, а мозг лихорадочно работал. И всё же чего-то ему не хватало, какого-то моста меж двух своих сущностей — наверное, собственной воли. Он слышал разговор, но не мог оторвать глаз от своих пальцев, от покрывавшей их крови. Он был виноват в гибели Олдо и половины отряда, а их убийца прятался внутри него самого. И Дочь была Марроном, и они были единым целым…

Наконец он почувствовал на руке нерешительное прикосновение Джулианны и услышал её испуганный хриплый шёпот:

— Идём, Маррон?

Она повела его к дверям; там их ждали все остальные — Радель с одной стороны, Редмонд и Элизанда — с другой.

Он понял причину этого, только оказавшись во дворе. Там, с обнажённым мечом в руках, стоял сьер Антон. Вид у него был самый грозный.

Перед тем как открыть двери, Радель погасил колдовской свет, но звёздных лучей было достаточно, чтобы опознать рыцаря. Да что там, Маррону хватило бы и одной-единственной звезды.

Пальцы Джулианны сжали руку Маррона, но он и без того знал, что не станет вызывать Дочь, что бы там ни случилось. Нет, только не сейчас и не для этого.

Сьер Антон не стал звать стражу. Если он знал о том, что произошло в конюшне, то ничем этого не выдал. Он сказал только:

— Прошу прощения, мадам, но я не могу позволить вам пройти, с моим ли оруженосцем или без него. Маррон, иди сюда.

Мгновенная неуверенность, вернувшееся чувство безвозвратной потери — и два негромко сказанных слова, окончательный отказ от повиновения:

— Нет, сьер.

— Что ж, пусть так. А вы, мессир, — кончик меча указал на Раделя, по-прежнему не выпускавшего из рук клинка, — вы согласны сложить оружие?

— Нет.

— Тогда я вынужден буду обезоружить вас.

— Можете попытаться, милости прошу.

— Могу ли я узнать ваше имя прежде, чем начнётся схватка?

— Вы уже знаете его, сьер Антон. Меня зовут Радель.

— Это действительно так?

— Да. Ну, приступим?

Манеры были безукоризненны, а слова вежливы, но за всем этим скрывался бой не на жизнь, а на смерть. Маррон подумал, что кто-нибудь должен помочь бойцам хотя бы подсказкой, но, кроме него, сделать это было некому, а он не знал, кого, собственно, предупреждать. Гибель грозила обоим поединщикам, но Маррон не хотел смерти ни одного из них. Наверное, ему следовало надеяться на победу Раделя, которая означала бы безопасность если не для Маррона, то хотя бы для его товарищей. Однако в этом случае должен был погибнуть рыцарь, а об этом юноша не мог и помыслить…

Ему не пришлось терзаться муками выбора. Не успели поединщики осторожно шагнуть навстречу друг другу и соприкоснуться кончиками мечей, как сьер Антон зашатался, опустил меч, поднял руку к голове и без единого звука осел наземь — только меч зазвенел на булыжниках двора.

Маррон хотел закричать во весь голос, ринуться к господину, броситься на его тело и зарыдать о нём, если произошло самое страшное; однако тело по-прежнему не слушалось его, да и ошибка могла означать, как всегда, гибель других людей.

Поэтому Маррон только спросил слабым голосом:

— Что вы с ним сделали?

— Это не я, парень, это он, — ответил Радель, кивнув в сторону Редмонда.

— Бесчестно, да? — смиренно, однако с намёком на улыбку спросил Редмонд. — Но нельзя же было допустить, чтобы тут, во дворе произошла дуэль. Стража на стенах наверняка услышала бы шум и прибежала бы на подмогу. Да не бойся ты, он жив и даже невредим. Я застал его врасплох, пока он был занят Раделем, и усыпил. Правда, сны у него будут путаные…

— Ладно, хватит о нём. Берём лошадей и удираем. Маррон, останешься с Джулианной. Постарайтесь не торчать посреди двора. Элизанда, Редмонд, за мной. А вы ждите, я вам свистну.

Пока Маррон с Джулианной ждали, притаившись в тени стены, юноша заметил, что дама избегает его взгляда и все никак не может оторвать глаз от тёмного свода, под которым Маррон свершил чёрное дело, убив множество народу ради того, чтобы Олдо не пришлось предстать перед Господом в одиночку.

— Не бойтесь меня, — шепнул юноша, — пожалуйста…

— Тебя? Я тебя не боюсь. Я боюсь вот этого. — Она кивнула в сторону конюшенных ворот, явно имея в виду Дочь. Маррон подумал, что это одно и то же, но Джулианна, наверное, этого не понимала или не желала признать. — Ты ведь тоже, наверное, боишься.

«Ещё как боюсь», — подумал Маррон, хотя это и не было правдой. Как мог он бояться чего-то, что билось в едином ритме с его сердцем и делило с ним его облик и желания? И всё же он уже набрал воздуха, собираясь сказать: «Ещё как боюсь», — чтобы успокоить Джулианну, но девушка опередила его.

— Нет, я ошиблась, — ровным голосом сказала она. — Я боюсь тебя. Незнание пугает всегда, а уж незнание, усиленное властью, повергает в ужас. А ты ведь знаешь о Дочери не больше моего, так? Ты не знаешь, на что она способна и на что способен с её помощью ты…

Он действительно не знал этого. В его теле, в его крови жил наглый злой чужак. Маррон не мог успокоить Джулианну, и ему подумалось, что спокойствия в мире не осталось вовсе.

Они продолжали ждать. Вокруг не было ни души. Наверное, взоры стражи сейчас обращены на равнину, монахи вглядываются в каждую тень снаружи, вслушиваются в шёпот ветра, не подозревая, что главная опасность таится не за стенами крепости, а внутри неё.

Джулианна и Маррон молчали — всё уже было сказано. Услышав наконец негромкий призывный свист, они послушно

пошли в ту сторону.

Ещё одни ворота, внутри которых неярко светится шарик колдовского света, указывающий путь. Войдя внутрь, Маррон с Джулианной оказались в большой конюшне, где было тепло и пахло лошадьми.

Вдоль стен шли стойла, а посередине был широкий проход. В проходе стоял Радель, державший под уздцы двух уже осёдланных и взнузданных лошадей. Держа в каждой руке по поводу, он негромко и успокаивающе нашёптывал что-то тревожно переступавшим с ноги на ногу лошадям. Позади стояли Редмонд с Элизандой, державшие ещё по одной лошади.

— Нас пятеро, — медленно произнесла Джулианна.

— Маррон не сможет ехать верхом, — сказал ей Радель.

— Отлично сможет! Я знаю, я осматривала его. — При этих словах она чуть улыбнулась, но в голосе её слышалось замешательство. «Почему это он вдруг не сможет ехать?»

— Его не потерпит на себе ни одна лошадь.

Маррон понимал не больше Джулианны, однако он успел заметить, что лошади, которых держал Радель, шарахнулись от него прочь, хотя до него было ещё порядочное расстояние. Юноша автоматически сделал шаг назад и нырнул в пустое стойло, чтобы лошадей можно было беспрепятственно вывести наружу. За его спиной раздался визг.

Вздрогнув, Маррон обернулся и увидел крохотного зверька, стрелой взлетевшего на деревянную перегородку стойла и до отказа натянувшего привязь. Это была обезьянка торговцев, всего лишь обезьянка, которой он так нравился прежде. Маррон попытался успокоить её, но она завизжала ещё громче.

— Наверное, от тебя пахнет кровью, — неуверенно предположила Джулианна.

— Нет, — раздался голос из самого тёмного угла стойла. Голос был женский и говорил с сильным акцентом. Зашуршав соломой, женщина встала и, когда на её страшное лицо упал луч света, юноша узнал правдоведицу барона Имбера. — Он стал Ходячим Мертвецом. Я так и знала.

— Что это означает? — вновь подала голос Джулианна.

— Это означает ужасы и чудеса, ибо он благословлён и проклят. Животные понимают это не хуже меня, но им видима лишь чёрная сторона. — Она прошаркала вперёд и коснулась руки Маррона; в волосах правдоведицы застряла солома, а глаза были совершенно круглые и белые. — Я так и знала, — повторила она.

Маррон кивнул. Он услышал, как за его спиной прошли лошади, а потом раздался голос Раделя:

— Идём, надо спешить. Гляди-ка, Джулианна, нам, похоже, повезло — судя по сбруе, это твоя лошадка.

— Моя.

— Тогда бери её и давай за мной. Я её немножко заморочил, на лошадей оно тоже действует. Маррон, тебе придётся пойти впереди. Женщина, возвращайся в свои сны. Этой ночью ты не просыпалась, ты меня поняла?

Она фыркнула:

— Я — правда барона, он мне верит. — Она развернулась и вновь исчезла в густой тени, мимоходом коснувшись обезьянки, которая задрожала, но осталась на месте. Бездонные чёрные ямы глаз остановились на Марроне. Тот вздохнул об очередной утрате и пошёл прочь.

Они направлялись к воротам — вначале в коридор, потом вниз по ступеням. Радель не позволил зажигать свет, боясь, что стражники заметят пляшущие на стене тени. Маррону приходилось хвататься за стену в полной тьме, и единственным его ориентиром был приглушённый стук обмотанных тряпьём копыт за спиной. Когда стук становился громче, это означало, что надо идти побыстрее.

На ступеньках было проще — по крайней мере над головой виднелась полоска неба и отблеск звёздного света. Оказалось, что Маррон видит в темноте яснее, чем ожидал, мгла вокруг посветлела, однако виднелась словно бы сквозь красный туман, словно это Дочь дала ему новое зрение.

Услышав негромкий шёпот, он замер на нижней ступеньке. За углом уже были ворота. Маррон услышал, что лошади остановились. К нему подошёл Радель.

— Боюсь, что, если ворота заперты, заняться ими придётся тебе, — прошептал он на ухо юноше. — Мы сейчас сядем верхом и поедем за тобой. Если ворота открыты, беги вперёд; если нет — ломай их. Постарайся не убивать, просто выпусти на свободу Дочь.

— Не знаю, как…

— А я знаю. Дай руку.

Он имел в виду — левую. Радель сжал её, отвернул пропитанный кровью рукав и срезал повязку, обнажив мокрые швы и сырую мякоть раны.

— Извини, Маррон, — произнёс менестрель. — Я не хотел, чтобы это случилось именно с тобой. Но так случилось, и деться некуда. У меня есть ты, и я должен этим воспользоваться.

Он кончиком ножа распорол швы и этим же ножом провёл полоску поперёк раны — несильно, так, чтобы появилась кровь.

Из-под клинка с шипением вырвался дымок. Радель схватил

Маррона за плечо и подтолкнул вперёд.

Здоровой рукой Маррон цеплялся за каменную стену. Уголком глаза он видел клубившийся позади туман Дочери — когда она покинула его тело, мир вокруг перестал отсвечивать красным и потемнел. Маррон выглянул из-за угла. На стене над воротами виднелись факелы и движущиеся тени — силуэты стражников. В окне привратника тоже мерцал огонёк.

Ворота были заперты.

Маррон сделал глубокий вдох и шагнул вперёд, радуясь, что его рубаха залита кровью и в темноте видны лишь отдельные белые пятнышки. Он вперил взгляд в ворота, ударил взглядом, не думая ни о чём, кроме запиравшего их огромного тяжёлого засова.

За его взглядом последовала и Дочь. Тонкая струйка дыма потянулась вперёд и — Маррон почувствовал это — коснулась дерева и железа. Юноша вздрогнул, когда раздался резкий треск, хлопки, полетели щепки, а потом он непонимающе смотрел на то место, где всего миг назад были ворота, а теперь открылась дорога.

Со всех сторон раздавались крики ужаса, люди носились туда-сюда по стене, выглядывая наружу, все ещё не в силах понять, что опасность затаилась внутри крепости.

Позади Маррона раздался стук копыт. Из-за угла вылетел Радель на визжащем и бьющемся скакуне, который едва не сбросил седока, в ужасе шарахнувшись от Маррона.

— Беги, Маррон! Ну, беги же!

И Маррон побежал. Он вылетел в ворота как раз в тот миг, когда железная петля с треском выпала из раскрошенного гнезда, и помчался вниз по тропе, каждый миг ожидая стрелы в спину. Но стрелять никто не стал. Ему только раз послышался голос, зовущий его по имени: «Маррон!» — и на повороте юноша бросил взгляд через плечо. На крепостной стене стоял и смотрел ему вслед человек в белом одеянии.

Маррон бежал.

Поначалу он бежал один, но вскоре Дочь догнала его, влилась в его руку, наполнила силой и огнём его тело и прояснила взор. Тут уж Маррон понёсся как дьявол, быстрее даже — так ему показалось, — чем осмелился бы скакать по этому спуску самый отчаянный всадник.

Так когда-то бежали вслед за повозкой они с Мустаром, хотя кончилось всё это плохо. Но Мустар умер, а Маррон превратился в то, чего мальчик боялся, в дьявола или что-то наподобие того. По крайней мере везло ему этой ночью дьявольски. Ноги его ступали твёрдо, он глотал ветер и обгонял его; у подножия горы

он остановился и стал ждать своих спутников, но при необходимости мог бы бежать всю ночь, а то и дольше. Он был пламенем и дымом, и усталость оставила его.

Он ждал, и из-за поворота дороги наконец появились лошади — четыре, сосчитал Маррон, пока они спускались по тропе. Они скакали не быстро, а скорее осторожно, и один из наездников вёл под уздцы лошадь другого — Маррон решил, что это Элизанда помогает Джулианне.

— Отлично вышло! — воскликнул Радель, придержав коня, чтобы тот не приблизился к юноше. Маррон не стал подходить ближе. — Теперь надо уносить ноги. Нам на северо-восток. Ты можешь бежать?

Маррон побежал.

Рассвет забрезжил, когда путники остановились отдохнуть в овраге под утёсом, где лошади почуяли воду — грязную лужицу, в которую падал струившийся по камням ручеёк, не пересыхавший даже летом.

Маррон стоял у приютившей их расселины и смотрел на выжженную землю. Он не нуждался ни в отдыхе, ни в тепле небольшого костерка… ни в компании.

Его слух обострился не хуже зрения, и Маррон слышал всё, о чём говорили беглецы. Разговор шёл о нём, поэтому юноша прислушался.

— …Почему у него красные глаза?

Ответа не было. Она сама знала ответ. Глаза больше не принадлежали Маррону.

— Что такое эта Дочь? — вновь спросила Джулианна уже другим тоном, в котором за усталостью чувствовалась решимость и твёрдое намерение добиться правдивого и ясного ответа.

— Дочь есть ключ и дверь, — ответил Редмонд. Голос его был слаб, но дух после побега окреп. — Она ведёт в другой мир — туда же, куда шёл мост в Башне. Мост можно перекрыть, но вот преградить путь Дочери невозможно.

— Но она рушит все и вся, она убивает людей…

— Если её использовать правильно и умело, она пробьёт дверь из мира в мир. Оказавшись в неумелых руках, она будет ломать и крушить все, чего коснётся. А Маррон ничего не знает.

— А, вот почему вы называли её оружием!

— Нет, не поэтому. Если Дочь будет использована полностью, она может открыть дорогу в Сурайон тысячам вооружённых людей. Вот почему мы назвали её оружием и осмелились оставить в Башне. По всему Королевству люди призывают к войне с Сурайоном. И Фальк не причина этого, а лишь следствие, но что стало бы, заполучи он Дочь?

— А она живая?

— Нет, не совсем… или не просто живая. Это какая-то насмешка над жизнью, она входит в человека и сливается с ним. Да, у неё есть собственная жизнь и цель, сила и мощь. Поэтому мы не можем позволить, чтобы Орден схватил Маррона, вот почему нужно увести его из Чужеземья.. Король назвал эту вещь Дочерью потому, что она сама «выходит» за кого хочет, какие бы планы ни были у короля на этот счёт. Шуточка так себе, но «брак» с Дочерью нерушим и длится до самой смерти «мужа». Шарайцы называют такого человека Ходячим Мертвецом и считают, что его очень трудно убить.

— Мы идём к шарайцам, — пробормотала Элизанда.

— Думаю, Маррон должен понять, что он получил и чем стал, — заметил Радель. — Я его обучить не могу. А зачем вам к шарайцам, а, Элизанда?

— Нас послал джинн.

— Что? Какой ещё джинн?

— Ну-ка стоп, — потребовала Джулианна. — Мы тебе все расскажем, но я сначала хочу выяснить одну вещь. Кто вы такие? Нет, я верю, что эти ваши имена настоящие, но ваши секреты мне надоели.

— Ну, как хочешь, — негромко ответил Радель. В этот миг Маррон заметил на самом горизонте приближающееся облачко пыли и понял, что это идущий человек. — Я — сын правителя Сурайона.

Обострившийся слух Маррона уловил даже изумлённый вздох Джулианны.

Впрочем, она быстро оправилась.

— А ты, Элизанда?

— Я? А, ну, я внучка правителя Сурайона. Я тебе говорила, очень милый старикан, тебе надо с ним познакомиться…

— Погоди-погоди, минутку! Ты — внучка, он — сын, а друг другу вы кто?

— Он мой отец, — холодно, с горечью в голосе ответила Элизанда.

notes

Примечания

1

Да будет свет! (лат.)